

**Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России**

КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Учебник

**Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива —
А.Ю. Мельвиль**

Москва
РОССПЭН
2002

<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.0/>
Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.0

ББК 66.0
К 29

*Рекомендовано Отделением по философии, политологии и религиоведению
Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «политология»*

Проект осуществлен в рамках образовательных программ
Института «Открытое общество» и Московского общественного научного фонда
(ИНО (Информация, Наука, Образование) – Центра)

Авторский коллектив:

А.Ю. Мельвиль (автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива),
Т.А. Алексеева, К.П. Боришполец, А.Г. Володин, А.А. Дегтярев, М.В. Ильин, М.М. Лебедева, М.Г. Миронюк,
А.И. Соловьев, О.Г. Харитоновна, А.А. Чанышев, Е.Б. Шестопад, Т.В. Шмачкова

Научный редактор — Т.В. Шмачкова
Персоналии, научно-информационное обеспечение — М.Г. Миронюк

Художник — Н.В. Винник

К 29 Категории политической науки. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 656 с.

Книга подготовлена авторским коллективом факультета Политологии МГИМО–Университета МИД России под руководством проф. А.Ю. Мельвиля в рамках комплексного научно-образовательного и просветительского проекта, нацеленного на развитие новых форм и содержания политологического образования в России на основе современных педагогических и научно-издательских методов.

В своем содержании книга ориентирована на мировой опыт и традиции политической науки и политологического образования. Новаторский и оригинальный характер издания состоит прежде всего в многоуровневой структуре материала. Помимо основного текста учебник включает интерпретации, фактологические сведения, цитаты из классической и новейшей литературы, обширный банк научных биографий видных представителей социально-политической мысли, определения ключевых понятий. Учебник позволяет получить объемное и целостное представление об истории и современном состоянии политической науки, об общепринятых и альтернативных теориях и подходах.

Учебник предназначен для широкого круга читателей: особенности подачи материала делают его полезным и для студента, и для преподавателя, и для политконсультанта, и для действующего политика.

ISBN 5-8243-0369-X

© МГИМО (У) МИД России, 2002
© Коллектив авторов, 2002
© А.Ю. Мельвиль, 2002 (концепция проекта)
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002
© Н.В. Винник, 2002 (оформление)

<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.0/>
Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.0

ВВЕДЕНИЕ

Передо мной, автором концепции и руководителем коллектива преподавателей **факультета Политологии МГИМО (У) МИД России**, работавшего над исследовательским и образовательным проектом «*Категории политической науки*» (в его печатной и электронной формах), сейчас стоит довольно сложная задача: представить читателям материал, как мы считаем, новаторский для России и для зарубежных стран прежде всего по своему многомерному построению, а в ряде отношений — по содержанию и компоновке текста.

Сегодня у нас в России политическая наука — общепризнанная учебная дисциплина, которую преподают почти во всех высших учебных заведениях страны и даже (под разными названиями) в ряде средних образовательных учреждений. Однако такое положение сложилось в результате развития и страны, и научного знания за последние 10–15 лет. В иные времена, которые большинству россиян уже кажутся отделенными целой исторической эпохой, интересующийся политикой студент мог только и услышать от своего профессора, что ее следует изучать в рамках исторического материализма и научного коммунизма. Правда, с 1960 г. существовала Советская ассоциация политических наук, состоявшая из довольно узкой группы ученых, в основном юристов и отчасти философов и историков, многие из которых выполняли функции политических помощников и советников руководства страны. В те десятилетия политология у нас так и не сложилась в виде отдельной отрасли гуманитарного знания, однако деятельность Ассоциации, по крайней мере, обеспечила относительную профессиональную самостоятельность отечественных исследователей политики.

Годы преобразований в России — со снятием идеологических запретов, с постепенным развитием самой политики в виде обособленной сферы жизнедеятельности человека — дали мощный импульс становлению политического знания и анализа динамично меняющейся общественной реальности. Политология получила официальное признание как учебная дисциплина. С конца 1980-х гг. в вузах страны одна за другой появляются кафедры и вводятся обязательные курсы основ политологии. Однако, к сожалению, издавна сложившееся положение вещей в высшем образовании России привело к тому, что статистически подавляющее большинство возникших кафедр политологии представляли собой переименованные бывшие отделения марксизма-ленинизма и научного коммунизма с соответствующим кадровым потенциалом. Эта «родовая травма» отечественной политологии, понятно, не могла не сказаться на ка-

*Андрей Юрьевич МЕЛЬВИЛЬ –
декан факультета
Политологии, проректор
МГИМО (У) МИД России,
доктор философских наук,
профессор.*

честве весьма значительной части из имеющейся сегодня на отечественном образовательном и просветительском рынке литературы.

На полках наших книжных магазинов и библиотек — уже сотни, наверное, вышедших за последние 10 с небольшим лет в российских столицах и регионах учебников и пособий по основам политологии, политической теории, «введению» в политическую науку, политологических словарей, энциклопедий, хрестоматий и т.п. Разумеется, среди них есть весьма солидные работы, подготовленные нашими лучшими профессионалами в сфере политической науки. Зачем же тогда еще одна книга по политологической тематике с учебно-просветительскими целями, когда можно просто отобрать вполне достойные издания для использования их в учебном процессе, в общеполитическом самообразовании, гражданском воспитании либо в целях расширения политического кругозора?

Нет, XXI век, масштабы его уже наметившихся и грядущих политических изменений и вызовов, высочайший уровень обусловленных ими профессиональных требований — все это ждет новых поисков, причем нередко в области еще неизведанного. Мы, коллектив единомышленников, представителей политологической школы **Московского государственного института международных отношений (МГИМО – Университета) МИД России**, постарались осмыслить данные обстоятельства и открывающиеся возможности (и трудности тоже) для изучения политической науки. Именно поэтому ученые и педагоги факультета Политологии решили приступить к осуществлению комплексного и многоуровневого исследовательско-образовательного и просветительского проекта «*Категории политической науки*» при поддержке и в рамках образовательных программ **Института «Открытое общество»** (Фонд Сороса — Россия) и **Московского общественного научно-го фонда (ИНО (Информация, Наука, Образование) – Центра)**. Авторы убеждены в том, что становление и совершенствование политического знания в России, развитие политологического образования и гражданского воспитания нуждаются в новых формах и содержании, в улучшении методов и методик, в употреблении самых современных научно-издательских и педагогических приемов.

Инновационный и оригинальный характер издания, подобного которому пока нет не только в России, но, насколько нам известно, и во всем мире, обусловлен тремя обстоятельствами: масштабными возможностями его применения изучающими политику либо интересующимися ею; публикацией в двух версиях — электронной и печатной; самой многоуровневой структурой текста (таких уровней шесть, не считая сугубо проблемно-педагогических заданий и списков литературы).

Перед вами — не просто очередной учебник, курс лекций, предназначенный для студентов. Это **книга**, рассчитанная на многофункциональное использование самым широким кругом потребителей — от студента и аспиранта до педагога, профессора; от профессионала в области оказания политических услуг (аналитика, консультанта, советника, помощника, политтехнолога) до действующего политика любого уровня, который хотел бы наверстать упущенное в своем образовании. Таким образом, наш курс «*Категории политической науки*» был задуман как **многоцелевой** проект. Тем самым мы хотели сразу решить несколько задач — сделать книгу нужной и полезной для студента, только приступающего к изучению базовых теоретико-методологических подходов в современной политической науке, но одновременно дать возможность, как сейчас говорят, «продвинутому» читателю и Интернет-пользователю получить очень большой объем дополнительной исторической, фактографической, методологической, да и вообще весьма глубокой информации по широкому кругу связанных с основными рассматриваемыми темами вопросов.

Наш текст о категориях политологии существует в двух видах: привычное печатное издание и интернет-курс, причем по содержанию они во многом тождественны. Ныне в нашем распоряжении (к сожалению, пока далеко не у всех) такие технологические возможности, в частности интернет-технологии, которые создают совершенно новые условия для поиска, обработки и передачи знаний и информации, в т.ч. с помощью дистанционного обучения. Эти современные технологии составляют основу предлагаемого вашему вниманию научно-образовательного курса на соответствующем веб-сайте Всемирной Сети. Вместе с тем, показательно, что в индустриальных странах «виртуальные» пособия отнюдь не подменили собой обычные печатные издания, напротив, их популярность в последние годы растет. Надеемся, что опубликованная книга (в весьма непривычном на сегодняшний день графическом исполнении) привлечет интерес в регионах России, а не только в Москве.

В связи с новым видением подачи проблематики политической науки было решено структурировать работу по разным основаниям и уровням сложности, выраженным даже лексически. В книге содержится **базовый текст** (с определенным выделением), освоение которого мы считаем абсолютно необходимым для уяснения основ категориального аппарата политологии, без чего любому молодому человеку, где бы он ни учился и ни проживал, невозможно на практике продвигаться в изучении современной политической сферы. Но это по сути дела — самая начальная ступень познания категорий политологии и лишь одна сторона нашей книги. Замечу, одна-

ко, что данный базовый текст в принципе полезен не только для студентов, но и для преподавательских кругов, которым он может понадобиться в силу разных причин. К базовому тексту примыкают **определения** политологических понятий и **цитаты** из классической и новейшей литературы, которые более полно раскрывают положения основного материала, причем в ряде случаев своей краткостью и четкостью в выражении мысли превосходно замещают более пространные изложения сути вопроса.

Другая сторона нашего курса — углубленное проникновение в его содержание с помощью **интерпретаций, уточнений, раскрытия различных дискуссионных моментов** (тоже с собственным графическим решением). На этом уровне дается дополнительный объем знаний и информации, что, по нашим представлениям, должно значительным образом углубить базовое содержание книги, познакомить читателя со спектром альтернативных точек зрения и позиций, а в целом — содействовать обучению теоретико-методологической работе с разнообразием имеющихся взглядов и концепций.

Наконец, еще один уровень предлагаемых для освоения нашего курса знаний — широкий объем **аналитико-информационных сведений** о научных биографиях выдающихся политических философов и политологов, чей вклад в развитие политической науки (от античности до наших дней) считается фундаментальным, своего рода прецедентным. Эти знания особенно интересны и важны для преподавателей и исследователей в политической и политологической областях, которые хотели бы расширить свой общепрофессиональный кругозор, получив доступ к интегрированному банку наиболее важных для нашей дисциплины профессионально-биографических данных. Кроме того, в этой части книги использована самая сложная лексика, с помощью которой только и можно кратко описать подавляющее большинство теорий и подходов, предложенных ведущими авторами.

В идеале мы хотели бы видеть процесс освоения нашего курса кем бы то ни было как поэтапное продвижение от его базовых составляющих к более сложным, развернутым. Это хорошо для начинающего студента, поднимающегося в ходе обучения с одного уровня знания на другой. Вместе с тем, наш материал построен таким образом, что вовлечение в него возможно на самых разных стадиях, а такое обстоятельство благоприятствует уже взрослым людям, самостоятельно занимающимся образованием и профессиональным развитием. Кстати, интернет-технологии прекрасно приспособлены для поэтапного или выборочного овладения сведениями о категориях политической науки. Пользователь самостоятельно выби-

рает те последовательно раскрываемые уровни знания и информации, которые ему нужны в данный конкретный момент.

Еще несколько важных, на наш взгляд, соображений о содержании и форме книги *«Категории политической науки»*. Известно, что категории образовались как результат обобщения исторического развития научного знания и практической политики; тем самым они отражают универсальные свойства и отношения разнообразнейших явлений политической действительности и обусловленные ими познания. Следовательно, в принципе они могут использоваться для изучения политических систем всех обществ, проживающих на земном шаре, — от наиболее архаичных до самых высокоиндустриализированных. Не составляет исключения и Российская Федерация. Вместе с тем, уровень эволюции отечественной политической сферы (равно как и экономики, социального состава) по современным меркам оставляет желать лучшего. Простые примеры: еще не сложились нормативная и функциональная партийная система, группы интересов, федеративные отношения, нет четкого разделения ветвей власти — данный перечень можно продолжить.

В связи с этим авторы и редактор представляемой мною книги — несмотря на все неминуемые последующие упреки — сознательно вывели за рамки описания категориального аппарата политологии почти всю российскую политическую тематику. Зато она присутствует в качестве одной из составляющих проблемных вопросов к семинарским занятиям по каждой из глав и в списке рекомендованной литературы. Это тоже продуманный методический прием: преподаватели факультета Политологии МГИМО–Университета полагают, что студенты прежде всего обязаны заниматься активным анализом применимости каждой из описанных в книге категорий к политической жизни России, а не пассивно усваивать всеобщие «правильные» знания. Данный подход позволяет воспитывать у человека навыки критического отношения к изучаемому материалу, способность к самостоятельным суждениям, умение прилагать концептуальные схемы мировой политической науки к особенностям современного отечественного политического процесса, что дает ему простор для размышлений о том, в чем эти модели могут быть откорректированы, усовершенствованы.

Кроме того, хорошо известно то обстоятельство, что наши педагоги (не только в МГИМО, а по всей стране) зачастую истолковывают события недавней политической истории России и нынешние процессы в политической сфере неодинаково, исходя из личных мнений и обобщений. По подобным вопросам в политологическом сообществе согласие тоже пока не сложилось, и вряд ли оно появится в обозримом будущем. В целом ничего особо пе-

чального в этом нет — «большое видится на расстоянии», а политический мир России велик и еще будет разрастаться. Так что преподаватель, использующий наш материал в учебном процессе, волен давать политической жизни страны собственные оценки и пояснения, тем самым еще раз побуждая склонного к аналитике студента к независимым суждениям и сравнениям.

Здесь же следует сказать и о словарном строе книги *«Категории политической науки»*. В политологическом сообществе нашей страны давно уже было отмечено с оттенком порицания избыточное тяготение российских ученых к иностранной лексике. Учебники, впрочем, и почти вся политологическая литература изобилуют иноязычными словами (англицизмами, реже — латинизмами и пр.), подавляющее большинство из которых имеют свои точные соответствия в русском словаре. Существуют, правда, понятия, лишенные русских аналогов. Многие, особенно молодежь, их нередко употребляют бездумно, не отдавая себе отчет в их изначальном происхождении, в том, из каких элементов других языков (древнегреческого, латинского и т.д.) они составлены, а главное — в действительном значении. Такие слова авторы книги постарались объяснить либо в отдельных врезках, либо непосредственно в конспектах лекций. Короче говоря, одна из наших задач сводилась к тому, чтобы изложить предложенный вниманию читателя материал именно на предельно ясном, насколько это возможно, русском языке, чему было уделено особое внимание.

Разумеется, авторский коллектив, приступая к работе, отлично сознавал, что новые приемы структурирования, подачи сведений и современные технологии могут быть положительно оценены только в том случае, если в плане **содержания** книга отвечает высоким профессиональным требованиям. Постараться добиться именно этого было для нас главной задачей.

В первую очередь мы использовали положительный опыт наших коллег и предшественников, включая тех, кто закладывал основы отечественных исследований политики еще тогда, когда само понятие политологии считалось идеологически сомнительным, — **Г.Х. Шахназарова, Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, Ю.А. Красина, Ю.А. Замошкина** и др. Вместе с тем, содержание и структура курса в целом отражают практический опыт преподавания комплекса политических наук в МГИМО – Университете — вначале на **кафедре политологии** (она была создана еще в 1989 г. во многом усилиями приглашенных в наш университет сотрудников Академии наук СССР), а затем — на **факультете Политологии** (образован в 1998 г. — прежде всего благодаря поддержке ректора МГИМО **А.В. Торкунова** и первого проректора **И.Г. Тюлина**).

В своей педагогической деятельности сотрудники факультета ориентируются на мировой опыт и традиции политической науки, учитывают и используют успешно зарекомендовавшие себя программы и учебники, разработанные в ведущих университетах мира. Для написания книги полезным было знакомство с материалами целого ряда отечественных политологических учебных и исследовательских центров, а также были приняты во внимание разнообразные научные и образовательные проекты Российской ассоциации политической науки, ее отделений и секций. Наконец, авторы исходили из безусловного для них положения о том, что развитие в нашей стране политологии как научной и учебной дисциплины невозможно без восстановления отечественных традиций изучения политики и без включения российской науки в современный мировой контекст политического знания.

Приступая к работе над проектом «*Категории политической науки*», я во многом опирался на программу «Основы политологии» (см. <http://www.politstudies.ru/resources/1sp.htm>), подготовленную мною совместно с проф. **М.В. Ильиным** после ее многолетней доводки и проверки сначала на кафедре, а затем на факультете Политологии МГИМО – Университета. Написание первого варианта текста ряда глав мы также начинали совместно с Ильиным, но уже вскоре и совершенно логично состав авторского коллектива расширился за счет ведущих профессоров и преподавателей (штатных и приглашенных) нашего факультета — проф. **Т.А. Алексеевой**, доц. **К.П. Боришполец**, проф. **А.Г. Володина**, проф. **А.А. Дегтярева**, проф. **М.М. Лебедевой**, преп. **М.Г. Миронюка**, проф. **А.И. Соловьева**, доц. **О.Г. Харитоновой**, доц. **А.А. Чанышева**. Это наш факультетский золотой фонд, ученые и преподаватели, чьими усилиями в МГИМО–Университете происходит обучение политолога-компаративиста и политолога-международника нового типа.

В сложной ситуации нам была оказана очень важная для проекта профессиональная помощь со стороны проф. **Е.Б. Шестопал**, чей материал по проблемам политического поведения вошел в книгу. Ключевой фигурой, особенно на этапе окончательной доводки текста курса, стала его научный редактор **Т.В. Шмачкова**, в течение многих лет — шеф-редактор лучшего российского политологического журнала «Полис». Шмачкова оказалась не просто и не буквально научным редактором, она в прямом смысле слова более чем соавтор почти всех глав курса.

Наша книга — именно **коллективный труд**. К исходу работы вообще стало трудно определить индивидуальное авторство многократно переписанных и перередактированных разделов книги. (Сказанное почти не относится к главам о политической культуре и

международных отношениях; их авторы — соответственно Соловьев и Лебедева.) Однако и в этих случаях структура каждой главы предполагает фактическое соавторство не только научного редактора Т.В. Шмачковой, но и ответственного за важнейшее направление научно-информационного обеспечения нашего проекта — вначале аспиранта, а затем преподавателя **М.Г. Миронюка**. Именно он, обладая редким научным ригоризмом и профессиональным упорством, взял на себя подготовку биографий ученых в области политики, разделив при этом со Шмачковой труд по написанию углубленных, «брендовых» компонентов курса — интерпретаций, уточнений, точек зрения, полемики и пр. Биография Кеннета Уолтса написана Миронюком в соавторстве с **Т.С. Крыловой**, аспиранткой МГИМО – Университета.

Интернет-версия и схемы в печатном издании курса (по крайней мере на уровне содержательной отработки) были созданы благодаря преданности делу энтузиастов новых технологий, сотрудников МГИМО – Университета **Д.Н. Пескова**, **Д.С. Славецкого** и привлеченных ими молодых специалистов (**Н.В. Винника**, **С.П. Еремина** и **А.Ю. Козлова**), которые занимались сценариями интерактивных диаграмм и визуального ряда, а также сбором тематических ссылок. Большая часть тестовых заданий для интернет-курса составлена аспирантом **С.С. Rogovым**. Успешным координатором данного научно-образовательного проекта со стороны коллектива факультета Политологии МГИМО – Университета выступил преподаватель **Р.И. Котов**.

Наконец, авторский коллектив и его руководитель благодарны за терпеливое сотрудничество и поддержку работникам Института «Открытое общество» и Московского общественного научного фонда (ИНО (Информация, Наука, Образование) – Центра).

Мы выносим на суд читателя-пользователя наш труд, сознавая, что не все задуманное удалось осуществить в полной мере и в удовлетворительной форме. Вместе с тем, творческая работа над этим проектом не завершена. Научно-преподавательский коллектив факультета Политологии МГИМО – Университета предполагает продолжить деятельность по нашему проекту «Категории политической науки» (в т.ч. по темам «Гражданское общество», «Государство» и др.) и в дальнейшем включить в него новейший материал, осмысливающий современное развитие политической сферы России в его соотношении с категориальным аппаратом политологии.

А.Ю. Мельвиль

Глава 1

Политика – сфера общественной жизни и наука

Politics as a Sphere of Social Life and a Science

Программные тезисы

- Многозначность понимания политики как явления общественной жизни. Человек — «политическое животное» в трактовке Аристотеля. Древнегреческий полис; становление и развитие представлений о политике.
- Границы сферы политики. Государствоцентризм. Политика как область взаимоотношений государства и гражданского общества. Современные подходы к изучению политики. Политика — область социальных отношений и искусство посредничества между людьми и их группами. Марксистская теория о «политической надстройке». Политика как особый вид человеческой деятельности в представлении М. Вебера: политика — «предприятие» и профессиональная деятельность. Трактовки политики через столкновение интересов. Теория политического К. Шмитта. Структурно-функциональные подходы к объяснению политики. Политика как социальная подсистема с функцией целедостижения. Системный анализ, бихевиористские и коммуникативные концепции политики. Эволюция представлений о политике в результате усложнения реального политического мира. Новые подходы — реакция на усиление роли негосударственных факторов в политике.
- Мир политики в реальном и исследовательском отношениях. Политика — структурная составляющая общества в целом, вид человеческой деятельности и поведения в обществе. Объективированное и субъективированное видение политики.
- Политология как научная дисциплина. Политология и политическое образование. Уровни знания о политике: обыденное, догматическое и критическое.
- Этапы оформления политической науки в качестве самостоятельной сферы исследований. Функции политологии как научной дисциплины. Профессии в области политики.
- Строение политологии. Виды политических наук: политическая социология, политическая психология, политическая философия, политическая антропология, политическая экология, международные исследования и мировая политика. Теоретико-аналитическая и эмпирико-дескриптивная составляющие сравнительной политологии.

Проблемные вопросы

1. Когда и при каких обстоятельствах возникает политика?
2. Как соотносятся мораль и политика? Может ли политика быть «моральной»?
3. Какова степень взаимовлияния политики и экономики?
4. Каким образом можно истолковать распространенное выражение «политика как наука и искусство»?
5. Когда возникла политическая наука?
6. Какое место занимает политология в системе социальных наук?
7. Каковы прогностические возможности политологии?

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

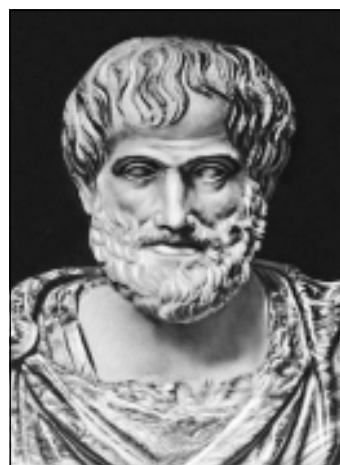
1.1. Что есть политика?

Категория **политики** — одна из самых сложных для объяснения и понимания в политологии. Трудности в истолковании политики связаны прежде всего с многозначностью этого явления общественной жизни. Величайший мыслитель античности **Аристотель**, один из основоположников политической науки, видел в политике высшую форму общения людей. Он считал человека *политическим животным* (гр. *zoon politikon*), совершенно не вкладывая в это суждение отрицательный смысл, а напротив, скорее хвалебный. Таким образом, еще в древние времена философы полагали, что заниматься политикой людей побуждают по преимуществу их естественные устремления.

Государство принадлежит тому, что существует по природе ...и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек.

Аристотель, «Политика»

АРИСТОТЕЛЬ (384 до н.э., Стагира, Халкидики – 322 до н.э., Халкис, о.Эвбея в Эгейском море) – великий древнегреческий философ, труды которого об обществе и государстве представляют собой наиболее полную систематизацию политического знания и практики городов-полисов Древней Греции.

АРИСТОТЕЛЬ (384 до н.э., Стагира, Халкидики — 322 до н.э., Халкис, о. Эвбея в Эгейском море) — великий древнегреческий философ, энциклопедист, систематизатор знания. В 367 до н.э. поступил в Афинскую академию, где пробыл 20 лет вплоть до смерти Платона, став известнейшим из его учеников. Считается, что в течение 3 лет Аристотель был воспитателем Александра Македонского. Примерно в 355 до н.э. философ основал собственную школу — Ликей (по названию расположенного рядом храма Аполлона Ликейского). Есть сведения, что у Ликея была одна из самых богатых библиотек античности. После смерти Александра Македонского из-за преследований Аристотель был вынужден покинуть Афины и поселиться на о. Эвбея.

Сохранившиеся **работы** мыслителя, представляющие собой свод трактатов и ряд отрывков (некоторые из них признаны учеными подлинниками, другие — изложениями, третьи — подложными), по существу охватывают все направления современных Аристотелю философии и науки в целом. Знания ученого по физике, астрономии, биологии и т.д. поражают своей глубиной. Среди дошедших до нас сочинений особо выделяются: «Органон» (гр. «Орудие») — сборник трактатов по логике, понимаемой как средство научного познания; естественнонаучные работы — «Физика», «О небе», «О душе», «История животных» и др.; «Риторика»; «Ме-

теорология»; «Метафизика» — составленный уже после смерти мыслителя свод трактатов об исследовании сущности бытия с помощью умозрения; этические сочинения — «Никомахова этика», «Эвдемова этика»; политические, педагогические, исторические труды — знаменитая «Политика», «Афинская полития» (найдена в 1890 в ходе раскопок в Египте); эстетическая работа «Поэтика».

Вклад в развитие политической мысли Аристотеля настолько огромен, что его выводы будут представлены читателю на многих страницах нашей книги. Труды философа об обществе и государстве — прежде всего «Политика» — представляют собой наиболее полную систематизацию социально-политического знания и практики городов-полисов Древней Греции, для которой характерна неразделенность политических и морально-этических вопросов. С этим связано и особое видение целей любого политического сообщества и политики вообще: они направлены на достижение счастья, *блага* людей (идея, значительно повлиявшая на европейскую политическую философию, которая подробно рассматривается в «Никомаховой этике» и «Эвдемовой этике»), а также основ нормально-государственного устройства как правосудия, добродетелей и дружбы. Для развития основ политической мысли особенно важно то, что Аристотель выделил в рамках философии собственно *политическую науку* в качестве знания о государстве (полисе), которое дает не только общие объяснения, но и приносит практическую пользу.

Государство, по Аристотелю — это высшая форма общения людей, возникающая «ради благой жизни между семьями и родами», т.е. для достижения блага как конечной и высочайшей цели из всех возможных, а не для безопасности или имущественной выгоды. Мыслитель считал государство первичным по отношению к человеку или семье, оценив его как активное начало (гр. энтелехия). В состав государства философ включил свободных людей и их сообщества, но вывел за его рамки рабов, считая их одушевленными инструментами для выполнения физической работы. Поэтому для Аристотеля, в отличие от многих античных мыслителей, рабство этически оправдано и связано со сферой имущественных отношений. Специфический взгляд на государство предполагал и особое видение человека как такового. У Аристотеля человек по своей природе — *зоон politikon*, или *животное политическое*, государство (это равноценно). Если такое существо живет в силу своей природы вне государства, а не по неким обстоятельствам, то оно или выше человека, т.е. бог, или недоразвито в нравственном смысле, значит, обычное животное. Соответственно, совершенный человек — это гражданин совершенного государства-полиса.

Трактат «Политика» почти полностью посвящен древнегреческим городам-государствам — *полисам*, в которых Аристотель видел самую развитую форму политической организации, а также различным вариантам государственного устройства. Считается, что философ и его ученики изучили историю и типы государственности 158 полисов, однако сохранилось лишь одно сочинение из этого первого, вероятно, масштабного проекта *сравнительных исследований «Афинская полития»*. Политические разработки Аристотеля с учениками не ограничивались только анализом государственно-правовых и институциональных аспектов государства, но

также отличались акцентом на изучении социокультурных особенностей полисов (например, на ценностных ориентациях правителей). Эти исследования были нацелены на создание теоретической модели *идеального государства*. Аристотель предложил известнейшую классификацию форм государственного устройства на основании двух критериев — количества правителей и этической природы режима, выделив три «правильные» формы — монархию, аристократию, политию (точнее — политеию, или правление большинства), при которых власть имущие руководствуются высшим благом государства, т.е. общей пользой. Однако они способны вырождаться в три «неправильные» формы — соответственно тиранию, олигархию и демократию («наименее неправильная из неправильных», ее цель — свобода), когда правители действуют сугубо в своих личных либо групповых интересах в ущерб лишенным власти согражданам. Аристотель полагал, что идеальная форма правления — аристократия или монархия, при которых правители обладали бы абсолютной добродетелью, но поскольку подобное утопично, то наилучшей из реально возможных форм является *полития*, сочетающая в себе положительные черты всех «правильных» форм устройства и обеспечивающая тем самым стабильность и справедливость.

КАТЕГОРИЯ (гр. *kategoria* — высказывание; признак) — 1) в науке: наиболее общее и фундаментальное понятие, отражающее существенные свойства и отношения какого-либо явления действительности или процесса; 2) разряд, группа явлений, лиц, объединенных общностью некоторых признаков.

ПОЛИС (гр. *polis*, лат. *civitas*) — город-государство, особая форма социально-экономической и политической организации общества и государства в античном мире (Древняя Греция, Древний Рим). Полис образовывали свободные граждане (члены общины), обладавшие правом на земельную собственность (в самом городе или вокруг него) и политическими правами. Часть населения города в полис не входила и не имела гражданских прав (вольноотпущенники, рабы, чужеземцы и др.).

Однако вряд ли правы те ученые, которые, вслед за Аристотелем, придерживаются положения о том, что всякое человеческое сообщество, имеющее управителей, будет по определению политическим: семья как производственная ячейка, государство в виде территориального объединения людей и т.д. Это слишком расширительная трактовка данной **категории**. Политику нельзя полностью отождествить с властью (не каждая власть является по своей природе собственно политической; существуют, например, родительский, экономический, религиозный типы власти) либо замыкать обширнейший политический мир в более узкие рамки государства. Политика — вид общественной деятельности, а политический факт есть факт социальный. Вместе с тем, любые более строгие определения политики так или иначе будут связаны с отношениями по поводу власти и государством.

Само понятие политики исторически и содержательно связано с **полисом**. Аристотель считал, что полис включает в себя все остальные виды человеческих сообществ и тем самым располагает важнейшими преимуществами. Другие ученые тоже обращают внимание на то, что политика, прежде чем стать понятием, определяющим особый вид практической деятельности либо сферу знаний, указывала на место действия — город-государство. Сосредоточение в полисе определенной массы богатств позволило провести фактически первое разделение функций в обществе, точнее — специализацию труда, что, в свою очередь, дало известной группе людей возможность потреблять, не производя, руководить другими,

проводить время в обсуждении политических проблем, готовить законы и пр. Так и было в Афинах, исторически первой демократической республике.

Сама категория политики, вошедшая почти без изменений в европейские языки, этимологически пришла из древнегреческой политической мысли, обозначая дословно «то, что относится к государству» (politiká) и происходя, таким образом, от древнегреческого слова «polis» (город-государство, полис).

Обратите внимание

Политологи любят упоминать о том, что едва только древний человек обеспечил себе основы существования — огонь, еду, жилище, он создал две крупнейшие сферы своей жизнедеятельности: искусство (хотя бы в виде наскальных рисунков) и политику (для общения с себе подобными).

Еще древнекитайский мыслитель, основатель самого знаменитого, пожалуй, восточного этико-политического учения **Конфуций** (ок. 551–479 до н.э.), отмечал, что политические отношения между правителем и подданными в государстве сродни отношениям между старшими и младшими в семье и, соответственно, должны регулироваться нормами человеческой морали. С этого времени и вплоть до работ **Никколо Макиавелли** (1469–1527) мораль и политическую сферу ученые анализировали совместно.

И сегодня ученые-политологи решительно отвергают взгляд на политику как на некую малоподобающую приличному человеку область приложения сил («грязное дело» и т.д.). Тем самым они соглашаются с теми философами прошлого, которые еще не отделяли политику от нравственного мира человека. Любое занятие можно превратить в аморальное, если не руководствоваться определенными этическими принципами.

Для того чтобы попытаться подойти к ответу о том, что, собственно, есть политика в широком смысле — а вопрос этот чуть ли не из разряда вечных, ибо существуют сотни вариантов его толкований — необходимо остановиться на анализе специфики политики как сферы общественной жизни, человеческой активности и вида социальных отношений. Над этим размышляло множество философов и других ученых, причем выводы они нередко делали, исходя из своих воззрений и ценностных ориентаций.

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского

банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины и политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

Знаменитый немецкий ученый **Макс Вебер** (1864–1920) особо отмечал, что широкое понимание политического мира нужно обязательно дополнить и более строгим значением категории политики, трактуемой как руководство государством или оказание влияния на государственное управление.

Интерпретация

Известный британский политолог, автор нескольких научных монографий и учебников **Дэвид Хелд** (род. 1951) в самом общем виде понимает политику как борьбу за организацию человеческих возможностей, как явление всеобщей взаимосвязи (внутренней и внешней) социальных групп, институтов и обществ, обусловленное всеми видами жизнедеятельности людей в их общественной и частной форме. По мнению Хелда, политика находит свое выражение в сотрудничестве, переговорах и борьбе вокруг вопросов использования, производства и распределения ресурсов, поэтому «изучение политики является прежде всего освоением истории возможностей и возможностей истории» (см. *«Политическая теория и современное государство»*, 1989).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА (ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР) – 1) область жизни общества (ср. экономика, культура), где непосредственно распределяется и осуществляется власть (как внутри государства, так и между государствами); в самом широком плане она связана с целедостижением и организацией политического пространства; 2) среда, в которой идет поиск приемлемых способов коллективного существования, и они воплощаются на практике, что выражается в достижении справедливого политического порядка и нормального общения между людьми, т.е. коммуникативных действий (Ю. Хабермас, Н. Луман и др.).

Неоднозначность объяснений понятия политики сохраняется по сей день. В русском языке данная ситуация осложняется еще и тем, что одним словом «политика» обозначено сразу несколько важных аспектов этого вида жизнедеятельности человека. В английском языке существуют как минимум четыре термина, разграничивающих разные стороны политики как таковой: 1) собственно политическая сфера (англ. politics); 2) политический строй (polity), что близко к понятиям политической системы и политического общества; 3) политический курс, сознательно выработанная стратегия в этой области (policy); 4) сфера политического управления, подконтрольная общественности (public policy). Вероятно, самым значительным для осознания (хотя бы в первом приближении) всей сложности политики является и то, что за тысячелетия истории постоянно меняется она сама, расширяются не только границы **политической сферы**, но и представления о ней, нарастает масса концепций и подходов, содержащих ее интерпретацию.

ПАРАДИГМА (гр. *para-deigma* — пример, образец) — 1) научная теория, воплощенная в строгой системе понятий, отражающих существенные черты какого-нибудь аспекта действительности; 2) изначальная концептуальная схема, модель постановки и решения проблем. Введение этого понятия в широкий оборот по преимуществу связано с именем американского философа *Томаса Куна* (1922–1996), выдвинувшего концепцию научных революций как смены парадигм — способов постановки проблем и методов исследования, главенствующих в науке в определенный исторический период.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — вид социальных отношений, реализующихся как взаимодействия политических субъектов и объектов по поводу приобретения, распределения и осуществления власти.

1.2. Эволюция представлений о политике: основные этапы и парадигмы

Рассмотрение классических и современных подходов — в их развитии — к пониманию политики позволяет не только лучше представить содержание этой категории, но и структуру самой политической науки как комплекса разных дисциплин и субдисциплин, исследовательских направлений и **парадигм**.

Рассуждения о политике обычно начинаются с выяснения отношений между правителем и подвластным, сувереном и подданным, государством и человеком. Зерна размышлений о природе и характере **политических отношений** можно встретить в общественной мысли Древней Индии и Китая, Востока вообще, но для большинства политологов точкой отсчета истории концепций политики является Древняя Греция, воплощенная в философии *Платона* и *Аристотеля*.

ПЛАТОН (427, о. Эгина — 347 до н.э., Афины) — древнегреческий философ, знаменитый ученик Сократа и наставник Аристотеля; основоположник традиции объективного идеализма в философии; мыслитель, в значительной степени определивший европейский стиль мышления. Основал в Афинах философскую школу (Платоновская Академия).

Автор многих текстов, среди которых: свыше 30 диалогов (их принадлежность Платону подтверждена), в т.ч. «Апология Сократа», «Критон», «Лисид», «Протагор», «Горгий», «Менон», «Кратил», «Федон», «Пир», «Федр» (учение об идеях), «Тезет» (теория познания), «Парменид» и «Софист» (диалектика категорий), «Тимей» (натурфилософия); недиалогического произведения «Законы»; 13 писем. Помимо вышеперечисленного, философу, возможно, принадлежит авторство еще более 10 работ. Важнейшими сочинениями, в которых излагаются взгляды Платона на политику, являются: «Государство» (1-я книга написана в ранний период творчества — 90-е гг. IV в. до н.э., 2–10-я книги — в зрелый период, т.е. в 70–60-е гг. IV в. до н.э.), «Политик» (зрелый период) и «Законы» (поздний период творчества — 50-е гг. IV в. до н.э.).

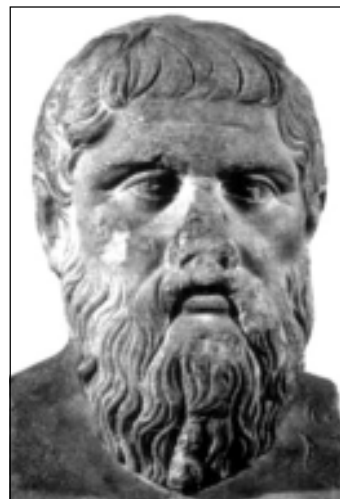
Вклад в развитие политической мысли. Платон является, вероятно, первым крупнейшим европейским философом, создавшим относительно целостную концепцию государства (хотя и в особой идеально-утопической форме) и ставшим одним из основоположников этической традиции изучения политики, которая нашла воплощение в модели *совершенного государства*. Взгляды философа на политическую проблематику не только отражали устроения и общественную практику людей его эпохи, античный способ осмысления роли и места человека в социально-политической структуре, но отличались известной оригинальностью. Его труды «Государство», на создание которого философу потребовалось несколько десятков лет, и «Политик», а также «Законы» — исключительно важные работы по политической философии, оказавшие большое влияние на ее развитие. В центре внимания Платона находится большое количество

разнообразных вопросов (в т.ч. общефилософского характера), касающихся государства, его целей и основ, человека, общества, законов, а также позитивная программа политического переустройства, которая сформулирована в качестве идеального (известного еще как «платоновское») государства.

Свободный член общества, по Платону, как часть неотделим от целого — государства. Более того, государство сходно с человеческой душой и имеет, точнее, должно иметь, особенно в идеальном состоянии, подобное же устройство: сословие (класс) правителей соответствует «разумной части» души; класс воинов представляет собой «яростную» (аффективную) часть души, а класс ремесленников — ее «вожделирующую часть». Однако реальные государства часто отступают от данного порядка: напр., воины могут заниматься возделыванием земли, что для мыслителя было совершенно неприемлемым. Платон, таким образом, подчиняет человека целому — обществу и государству. Именно благо государства, а не отдельного человека, было приоритетом для философа.

В идеальном государстве правителями, в силу того что они представляют «разумную часть» души, должны быть только философы, которые отличаются способностью увидеть высшую истину и воспроизвести ее, а также «правдивостью, неприятием лжи, любовью к истине», что в совокупности дает им возможность «устанавливать новые законы о красоте, справедливости и благе или уберечь уже существующие». Знание *блага* (идеи блага) — это ключевой аспект вопроса о правителях и стражах государства, поскольку оно открывает истинность всех познаваемых вещей и является источником человеческой способности познавать. Совершенное государство должно брать на себя обязанность «правильного» воспитания людей для постижения блага и истины, т.е. философов, правление которых будет иметь целью благоденствие всего государства в целом, а значит, правление «наяву», а не «во сне», как это происходит во всех существующих государствах, где властители пекутся не о подлинных ценностях, но только о власти, порождая этим распри. Для того чтобы человек стал философом и тем самым стражем государства, необходимы природные задатки, а также особым образом поставленное воспитание и обучение, в основу которых заложены физические упражнения и «мусическое искусство» (гр. *musike* — общее образование, духовная культура). Однако для этого человек обязан заранее постичь науку счета и вычисления (арифметика) как знания о «подлинном бытии». Обучаемый также должен овладеть геометрией, астрономией и учением о музыкальной гармонии. Все эти предметы венчает философия.

Платон признавал, что реализовать его идею совершенного государства очень сложно, тем не менее, эта задача выполнима при условии, что правителями станут истинные философы, которые руководствуются в своей деятельности справедливостью и всеобщим благом. Поскольку философ рассуждал об идеальном государстве, нигде и никогда в действительности не существовавшем, то платоновский проект — это утопия, которой присущ ряд компонентов, из которых особый интерес вызывает негативный, т.е. критика реальных современных Платону государств. Представление о них было составлено философом во время многочисленных путешествий по древнегреческому миру. Эта критика, основан-

ПЛАТОН (427, о. Эгина – 347 до н.э., Афины) – древнегреческий философ, знаменитый ученик Сократа и наставник Аристотеля; мыслитель, в значительной степени определивший европейский стиль мышления.

ная на противопоставлении различных форм государственного устройства идеальному государству, содержит элементы *сравнительных исследований*.

Итак, идеальное государство Платон противопоставляет действительно-сти «плохих» типов государственного порядка, для которых характерны раздоры, насилие и принуждение, стремление к власти ради самой власти из-за алчности или погони за деньгами: все такие государства ориентированы на сугубо материальные цели. По этой причине каждое из них как бы включает в себя «два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей». Далее Платон классифицирует «неправильные» государства на основании форм государственного устройства: 1) *тимократия* (господство честолюбивых людей, которое до поры до времени сохраняет некоторые совершенные формы, напр., правители еще пользуются уважением, у воинов нет материальных забот и т.д.); 2) *олигархия* (вырождение тимократии, когда богатое меньшинство управляет бедным большинством на основании имущественного ценза, люди начинают заниматься несвойственными им делами и т.д.); 3) *демократия* (вырождение олигархии, где разрыв между бедными и богатыми усугубляется, и несмотря на то, что демократия есть формальное правление всех свободных людей, она может привести к восстанию против богатых, их уничтожению или изгнанию, после чего функции управления будут распределены между составляющими большинство свободными гражданами); 4) *тирания* (власть одного над всеми, обращающаяся в абсолютное порабощение всего общества в результате избытка свободы при демократии и являющаяся, таким образом, «расплатой» за неумеренность демократии, возмездием за «своеволие»).

По Платону, тимократия, олигархия, демократия и тирания, являясь результатами вырождения каждого предыдущего типа государства, все дальше уходят от человеческого общегития совершенной формы, которое существовало во времена глубокой древности, в век правления Хроноса, когда боги властвовали над людьми, находившимися в гармонии с природой, а потому обеспеченными всем необходимым для счастливой жизни; между людьми в тот золотой век не было раздоров, войн и т.д. Но восстановить такой порядок вещей в обществе уже невозможно, тем более, не следует брать его за образец, поскольку изменились материальные условия жизни человеческого рода, а потому новое идеальное государство следует основывать на несколько иных принципах.

От всех вышеперечисленных форм идеальное государство отличается следующим: хотя им и управляет меньшинство, но оно состоит из тех, кто действительно способен управлять государством благодаря естественным задаткам, многолетнему воспитанию и образованию. Основной принцип его функционирования — справедливость, понимаемая как строгое следование гражданами определенного им правителями положения в обществе, хозяйственной и нравственной специализации (правители-философы управляют, воины охраняют, ремесленники создают необходимые предметы), благодаря чему обеспечиваются гармония и порядок. Это государство должно располагать достаточными средствами для внешней обороны, удовлетворения материальных потребностей его членов, развития духовной деятельности. Конечная задача идеального государства —

осуществление *идеи блага*, высшей идеи, правящей миром. Совершенному государству присущи четыре главных добродетели: мудрость (как имеющая нравственную природу способность дать «хороший» совет относительно государственного устройства или управления), мужество, рассудительность (способность следовать установленным законам и уважать правительство), справедливость (согласие выполнять закрепленные функции, т.е. подчинение сложившемуся общему порядку).

В сочинении «Законы», задуманном как спор о наилучшем устройстве критского полиса, Платон несколько смягчил изложенные в «Государстве» жесткие критерии идеального государства, изобразив «второй по достоинству» государственный строй и максимально сблизив его с действительностью, что выразилось в отказе от безусловного требования коллективной собственности для класса правителей-философов и воинов. Более того, Платон ввел в качестве основы деления общества на слои имущественный ценз, согласно которому существуют четыре класса, причем граждане могут переходить из класса в класс, если разбогатеют или обеднеют. Только совокупность всех граждан составляет правящее сословие. Земледельческое хозяйство, занимающее главенствующее положение в хозяйственной структуре государства, планируется обеспечивать за счет рабского труда. Важно и то, что Платон в качестве «второго наилучшего» назвал государство со *смешанной формой правления*, сочетающей в себе достоинства *демократии* с эффективностью и элитизмом *монархии*. На демократических принципах должны быть основаны набор в коллегию 37 правителей (кураторы закона) и Совет из 360 членов, а также деятельность общего народного собрания. Однако осуществление верховной власти в обществе возлагается на тайный Ночной совет из 10 самых мудрых правителей-стражей, которые, в отличие от прочих государственных лиц, стоят над законами, поскольку сопричастны истине, причем под законами понимаются морально-этические или божественные установления. В диалоге «Политик» Платон подчеркивал, что на власти закона устроены только монархия, аристократия и демократия, но и они далеки от идеального государства.

Взгляды Платона на государство, как следует из его основных политических сочинений, претерпели некоторую эволюцию, что выразилось в смягчении морального ригоризма (т.е. непреклонного соблюдения принципов), однако сохранили общую утопическую направленность. Сверх того, некоторые исследователи, например К. Поппер, вообще видели в Платоне врага демократии и проповедника тоталитарного правления.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ

— 1) тип политических отношений, вобравших в себя всю совокупность политических сообщений (требования, приказы, суждения, идеи, факты, сведения и т.п., а значит, информацию в широком смысле), источников выработки, средств и каналов обмена такой информацией, что придает структуру и осмысленность политике как таковой; 2) совокупность взаимодействий, целью которых является передача и обмен информацией (отсюда — одно из определений управления как процесса политического общения); 3) процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами — между индивидами и между управителями и управляемыми с целью достижения согласия.

Представления Платона и Аристотеля о природе и границах политического мира открывали как бы первую стадию — условно говоря, *государствоцентристскую* — в длительной эволюции его осмысления. Аристотель довольно четко проводил идею о том, что политика — это прежде всего государство, а сфера политического есть сфера государственных отношений, т.е. **государственного общения** между политическими людьми — гр. *politike* — по поводу ведения общественных дел и такого же управления. Столь жесткое

определение во многом было обусловлено известной неразвитостью самой политической сферы, в которой, естественно, отсутствовала еще комплексность и распространенность современной политической системы, включающей разделение властей и многопартийность, сложный избирательный процесс, наднациональные структуры (например, Европейский парламент и др.), профсоюзы, социальные движения и т.д.

Реальной основой для построения политических моделей Платона и Аристотеля был город-полис, где еще нечетко разграничивались функции и составляющие государства и общества. Каждый гражданин полиса выступал в двух качествах (ролях): как частное лицо, входящее в городскую общину (в силу этого политика приобретала «очеловеченные» черты, ибо в ней видели отношение человека к миру и другим людям), и как участник государственно-публичной жизни, который влиял на процесс управления и принятия решений, а нередко и определял его.

Слитное представление о политике, совмещенной с этикой (в сложном смешении мифологических, богословских и антропоморфных, т.е. уподобляющих какое-то явление человеку, идей), показывало ее в виде жизни посредством государственного общения между людьми (становящимися из-за этого людьми политически). Подобный подход преобладал на протяжении почти двух тысячелетий, начиная от «Государства» Платона и «Политики» Аристотеля вплоть до «Государя» **Никколо Макиавелли** и «Левиафана» **Томаса Гоббса** (1588–1679). Несмотря на то что в этот период тематика природы государства, характера государственного управления и внутригосударственных отношений непременно соприкасались с социальными проблемами (отдельного человека, общественной группы и т.д.), мир политики расценивался прежде всего как область государственного управления гражданами или подданными.

Основное содержание следующей стадии в развитии воззрений на политику (своего рода переходной от государствоцентризма) связано со смещением внимания мыслителей с размышлений о внутригосударственных отношениях к анализу **взаимодействия государства и гражданского общества**. С XVII по XIX вв. — от трудов **Бенедикта Спинозы** (1632–1677) и **Джона Локка** (1632–1704) до сочинений **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля** (1770–1831) и **Карла Маркса** (1818–1883) — этот вопрос в различных вариантах находился в центре проблемного поля политики. Локк едва ли не первым в мире заметил по данному поводу, что под государством он понимает не какой-то тип устройства или форму правления, а *независимое сообщество* людей, которое создается

для поддержания социального порядка и для сохранения частной собственности. Английский мыслитель даже использовал особый термин — *политическое общество*, — который шире понятия государство, ибо включил в него все виды добровольных союзов и соглашений людей при выборе своих способов правления (например, племенную организацию американских индейцев, не имевших «постоянных королей», однако в случае необходимости в мирное или военное время выбиравших себе руководителей по собственному желанию).

Уже в XVIII в., помимо негосударственных, экономических и социальных факторов объяснения политики, французский философ-просветитель **Шарль Луи Монтескьё** (1689–1755) в книге «*О духе законов*» ввел в аналитический оборот и *внесоциальные* условия ее развития, увеличив, тем самым, размах представлений о влиянии иных обстоятельств на эту сферу жизнедеятельности человека (географических, климатических, демографических и др.). Природа основных политических форм, по предположению Монтескьё, зависит также от размеров территории (т.е. от пространства распространения государственной власти): республика требует небольшой территории, иначе она не удержится; монархия может быть средней величины, а обширные размеры империи — предпосылка для деспотического властвования.

Интерпретация

Французский социолог и политолог **Реймон Арон** (1905–1983) считал, что анализ природы политики у Монтескьё вышел далеко за государственные, или институциональные, рамки и приобрел собственно *социологический* характер, поскольку политическая сфера в трактовке философа подчиняется законам и принципам физического, социального и морального порядка.

В XVIII–XIX вв. довольно существенно менялось видение субъектов и границ политической активности. В Средние века и эпоху Возрождения главными действующими фигурами считались монархи и высшее дворянство. Даже Макиавелли еще писал о различных слоях общества лишь как о некоем фоне, «трамплине» для придания действиям государей энергии и скорости. После Английской буржуазной революции (XVII в.) и Великой французской революции (1789–1794), под влиянием идей французского философа **Жана Жака Руссо** (1712–1778) и иных мыслителей, в анализ политической сферы были вовлечены другие сословия (в т.ч. «классы бедноты»), а значит, уже широкие массы народа.

Дэвид ХЕЛД (род. 1951) –
английский политолог, один из
ведущих представителей
современной теории
демократии.

Обратите внимание

Французские историки периода Реставрации (1814-1830) **О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле** и др., пожалуй, впервые рассматривали политику как классовую борьбу — т.е. сферу действия больших групп людей и, не в последнюю очередь, «Жака-простака» (Jacques le Bonne Homme), собирательного образа простолюдина.

Кроме того, в конце XVIII — начале XIX столетий в ряде стран Европы и в Северной Америке стали формироваться первые профсоюзы и политические партии, избирательные и партийные системы, деятельность которых также расширила понимание негосударственных аспектов политической жизни. Это подготовило необходимые предпосылки для складывания ряда современных подходов к истолкованию политики — уже на так называемой *социоцентристской* стадии, когда политику в основном начали сводить к классовым или иным социальным отношениям.

1.3. Современные модели объяснения политики

Политика — особо сложное социальное явление. Поскольку непосредственными субъектами общественных отношений выступают человек и тем или иным способом организованные самостоятельные группы людей — а их великое множество, — то жизненно важным становится *искусство посредничества* между ними. Это и есть политика уже с близкой по времени к нам точки зрения. Общество современного типа использует прежде всего политические средства (какие бы они ни были) для уменьшения издержек противоречий в межчеловеческих отношениях, упорядочения и согласования действий людей ради своего спокойствия и социальной стабильности.

Интерпретация

Хелд считает: нет ничего более «политического» (точнее — политиканского) по своему характеру, чем постоянные попытки исключить некоторые виды деятельности из понимания политики. Абсурдная «деполитизация» (вроде призывов не смешивать политические, религиозные и расовые проблемы) нередко скрывает намерения отвлечь людей от участия в политике, принудить их отказаться от своего влияния на выработку и реализацию решений, значимых для обеспечения благоприятных условий для существования человека.

Почти все политологи согласны с тем, что наиболее общей предпосылкой сделанных философами, а затем политологами во второй части XIX и в XX столетии *объяснений содержания политики* явилось их понимание непреложного факта: одним из первейших факторов жизнеобеспечения и развития неуклонно нарастающих свое многообразие современных обществ стали именно политические механизмы.

Обратите внимание

В русском языке есть слово *политичный*, малоупотребительное в современной лексике. «Толковый словарь живого великорусского языка» (1903–1909) *Владимира Даля* объясняет его так: хитрый, ловкий, тонкий, обходительный; образованный. В современных словарях (с пометой устарелое либо разговорное) написано следующее: тонко рассчитанный, дипломатичный (о поступках, поведении и т.д.); тонко и умело действующий в отношениях с другими людьми. В этих же изданиях *политикан* (с пометой презрительное) означает: беспринципный политик, неразборчивый в средствах для достижения своих корыстных и пр. целей. Любопытно, что схожий оттенок Даль придавал словам *политика* и *политик* в одном из их значений: политика — «виды, намерения и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые; вообще уклончивый образ действий» (затем он привел высказывание русского полководца А.В. Суворова: «Политика — тухлое яйцо»); политик — умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще — скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ — совокупность отдельных действий: акций (лат. *actio* — деятельность, исполнение) и интеракций, т.е. взаимодействий, индивидов в политике, направленных на достижение какой-либо цели.

Сложность и многогранность самого феномена политики обусловили и разнообразие его толкований — так называемых *объяснительных моделей*.

Ряд политологов считает, что марксистская теория в середине XIX в. попыталась обеспечить линию преемственности в понимании сущности политики между классическими теориями прошлого и более современными интерпретациями. Концепция политической сферы («политической надстройки») основоположников марксизма исходила из нескольких идей: 1) главные механизмы политики определяются экономикой, например, материальными интересами людей, участвующих в процессах производства и обмена; 2) политика — это борьба классов, имеющих прямо противоположные экономические интересы; 3) организованное насилие и классовое господство — основа всякой политики и государственной власти в условиях антагонистического общества.

Интерпретация

Наряду с определяющей ролью экономического базиса классики марксизма все же упоминали и активную роль «политической надстройки». **Фридрих Энгельс** (1820–1895) особо подчеркивал это обстоятельство в своих письмах 1890-х гг., т.е. уже после кончины Маркса.

Эти положения марксизма были важным теоретическим результатом, позволившим ближе подойти к рассмотрению глубинных движущих сил политики и некоторых мотивов поведения людей в данной сфере. Однако вне анализа и осмысления остались гораздо более тонкие побудительные причины **политической активности** человека, обусловленные социально-психологическими, социокультурными, правовыми, даже демографическими и биологическими факторами. По мере увеличения многообразия проявлений современной политики люди и их организованные группы все меньше и меньше руководствовались экономическими интересами, которые уступали место нематериальным (духовным, культурным и пр.), а в последние десятилетия XX в. и так называемым постматериальным основаниям своей общественной деятельности. Большинство критиков марксистской концепции политики сходится в том, что экономические отношения, безусловно, оказывают соответствующее влияние на политические механизмы, но объяснение политики как целостности явно нельзя свести к экономическим процессам, поскольку она обладает внутренне присущими только ей свойствами, собственными законами функционирования и развития.

Обратите внимание

Российский марксист **В.И. Ленин** (1870–1924) в определенном смысле предвосхитил позднейшую критику сугубо экономической интерпретации сущности политических процессов, когда написал, что «политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий», хотя в систему его взглядов входили и тезисы о политике как «концентрированном выражении экономики», и о партиях как сосредоточении деятельности классов-антагонистов в борьбе за коренные — то бишь материальные — интересы, от чего и должны отталкиваться их программы.

В начале XX в. **Вебер** противопоставил марксизму крупнейшую по интеллектуальному потенциалу и одну из самых известных в науке концепций политики — сферы деятельности и человека, и общества в целом, — учтенную почти во всех авторитетных разработках

современных моделей политической жизни. Ее изначальное положение было сходно с тезисами классиков марксизма: Вебер считал, что политика есть область общественных отношений по поводу власти, иначе говоря, стремление к участию во властвовании или к влиянию на распределение власти, будь то между государствами или внутри самого государства между группами людей, которые оно в себя включает. Однако общий смысл концепции Вебера состоит в том, что политика является *особым видом* человеческой деятельности (равно как и экономика), представляя собой, с одной стороны, *предприятие*, аппарат легитимного (т.е. признанного большинством общества) господства, а с другой — специфическую *профессиональную деятельность*, пронизывающую всю общественную жизнь. Люди и их объединения делятся — в зависимости от своего места в этом общесоциальном предприятии — на три разряда: 1) «политиков по случаю» (ведь каждый из нас в качестве рядового избирателя может участвовать в таком предприятии); 2) «политиков по совместительству» (партийные активисты, для которых политика еще не составляет главную область приложения сил); 3) «профессиональных политиков» (государственных деятелей и чиновников, освобожденных партийных функционеров и т.д.). Таким образом, согласно Веберу, политика в виде сферы общественной жизни формируется лишь с возникновением государственно-административного аппарата как «штаба политического предприятия» всего общества, а также с обособлением управленческой деятельности в особую профессию людей, связанную с контролем над властью и ее распределением.

Марксистские мнения о политике как о проявлении классовой борьбы стимулировали развитие целого ряда влиятельных концепций, построенных на объяснении политической сферы сквозь призму столкновения противоположных интересов и/или взглядов, так называемого *конфликтологического понимания* политики: модель известного немецкого ученого **Ральфа Дарендорфа** (род. 1929), противопоставившего марксизму теорию социального конфликта, в которой главный признак классов — отношения господства и подчинения, а не собственности; американца **Льюиса Козера** (род. 1913) и др. Однако едва ли не самой цитируемой из них — в смысле признания или несогласия — является *теория политического Карла Шмитта*, в которой политика представлена в виде особого типа социального отношения «враг — друг» (или по древнейшему показателю «свой — чужой»). Такая вертикальная ось, т.е. то главное, вокруг чего разворачиваются многообразные события и действия, пронизывает всю общественную структуру, в частности экономическую и духовно-культурную жизнь. Иными словами, политика — это специфическая форма соединения или разъединения людей.

Ральф ДАРЕНДОРФ (род. 1929, Гамбург) – англо-немецкий социальный теоретик, создатель теории социального конфликта.

Карл ШМИТТ (1888, Плеттенберг, Вестфалия – 1985, Плеттенберг) – немецкий политический мыслитель и теоретик права.

Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; *политическое не означает никакой собственной предметной области*, но только степень *интенсивности* ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения.

К. Шмитт, «Понятие политического»

ШМИТТ (Schmitt), Карл (1888, Плеттенберг, Вестфалия — 1985, Плеттенберг) — немецкий политический мыслитель и теоретик права.

Автор многочисленных статей и 30 книг, среди которых: «Диктатура» (1921); «Понятие политического» (1928, 1932); «Легальность и легитимность» (1932); «Политическая теология» (1-е изд. — 1922, 2-е — 1970) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Шмитт входит в число выдающихся и одновременно наиболее противоречивых немецких мыслителей XX в., причиной чему не только факты биографии (утверждают, что Шмитт сотрудничал с нацистским режимом, а после войны подпал под мероприятия по денацификации), но и неординарность его концепций (в первую очередь *концепции политического*), вызывающих диаметрально противоположные оценки. Шмитта, помимо прочего, часто обвиняли в том, что его критика системы управления и специфическое толкование ст. 48 конституции Веймарской республики в пользу чрезвычайных полномочий президента способствовали установлению нацистской диктатуры. Однако современные исследования показывают, что эта критика была нацелена на стабилизацию и нормализацию внутренней политики этого типа государства и не предполагала тоталитарный контроль над политическим сообществом (хотя нацисты и воспользовались интерпретацией Шмитта).

В целом теоретическая мысль Шмитта претерпела значительную эволюцию: идеи, присущие католическому семейному окружению, и философия неокантианства (ранние работы) сменились в дальнейшем политическим реализмом в духе Гоббса. Подобный интеллектуальный настрой Шмитта, сформировавшийся в межвоенные времена Веймарской республики, способствовал критическому отношению к социальному и политическому прогрессу и к человеку, представляющему в качестве «рискованного», изменчивого существа. Отсюда сформулированные Шмиттом положения о неизбежности конфликтов как во внутренней, так и внешней политике; ее *всепроницающем* характере и *несводимости* к экономическим, этическим, религиозным и пр. противоречиям; о важнейшей роли государства, единственно способного защитить граждан от внешних врагов и обеспечить внутренний мир и стабильность, и восприятие главного критерия политического в виде «различения друга и врага».

В юриспруденции Шмитт был сторонником теории *деционизма* (лат. *decisio* — решение), в основе которой положение о том, что в государстве определяющее значение имеет *решение*, а не право (норма), призванное регулировать стабильные и привычные ситуации и отношения (эти «нормальные», в обыденном смысле, ситуации являются целью государственной политики); более того, при интерпретации права следует руководствоваться социальными и политическими реалиями; в этом заключается принципиальное отличие деционизма от нормативистской школы **Ганса Кельзена** (1881–1973) и либерального плюрализма **Гарольда Ласки** (1893–1950). Решение становится совершенно необходимым в экстремальных ситуациях, угрожающих самому существованию политического сообщества, государства. Но обусловленное суверенитетом право принимать такие решения имеет только государственная власть, иначе передача такого права кому бы то ни было означает утрату суверенитета и может привести к гражданской войне (при узурпации функции принятия решения одной из политических сил). В области конституционного права Шмитт утверждал, что в конституциях есть положения, малейшее нарушение, отступление или изменение которых ведет к полному разрушению конституционной структуры, к фактической отмене этого основного закона, а потому подобные положения подлежат особой защите (даже если требования внесения изменений в это смысловое ядро конституции имеют массовую поддержку), в т.ч. и путем чрезвычайных, по сути диктаторских, полномочий главы государства.

Шмитт определял понятие *политического* через специфически политические критерии, отличающиеся от критериев других сфер человеческой жизни (морали, экономики и т.д.). Такие критерии основаны на «последних различениях» соответствующих сфер (напр., в морали — это разграничение благого и злого, в экономике — прибыльного и убыточного), однозначно указывающих на их предметную самостоятельность. Специфически политическим, по Шмитту, является различие «друга и врага» как «высшей степени интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации». И хотя политическое не означает никакой собственной предметной области, а только указывает на степень интенсивности соединения или рассоединения людей, оно наполняет мир политики своим особым смыслом и требует руководствоваться иными подходами при анализе политики. Уже поэтому «врага» и «друга» следует «брать в их конкретном, экзистенциальном смысле». «Враг» в такой трактовке понимается как некто или нечто иное, «не наше», чужое, отстаивающее «собственный, бытийностный род жизни»; это «не конкурент и не противник», тем паче не результат личного пристрастия или антипатии, но «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» в публичной сфере.

Противоположности, вызываемые различными причинами и принимающие любые формы (конкуренция, дискуссия), существуют в любой сфере человеческой жизни, и любая конкретная противоположность в принципе может стать политической, если начинает эффективно разделять людей на «друзей и врагов». Шмитт сделал акцент на конкретике ситуации, в которой возникает противоположность, а иначе все политические понятия, представления и т.п. становятся «пустыми фикциями», теряя поле-

Ганс КЕЛЬЗЕН (1881, Прага – 1973, Беркли, Калифорния) – американско-австрийский теоретик права, автор более 400 работ по разным проблемам теории государства и права, международного права.

БИХЕВИОРИЗМ (англ. behavio(u)rism от behaviour — поведение) — ведущее направление американской экспериментальной психологии XX в., идеи и методы которого были перенесены в 1950–1960-х годах в политологию. Для современных бихевиористских концепций политики характерен акцент на изучении ее микроповеденческих сторон, различных механизмов индивидуального, межличностного и группового политического поведения. Бихевиористскому методу в политологии присуща отчетливая прикладная ориентация.

мический смысл. Отсюда последовал вывод о всепроникающем характере политики, принципиальной невозможности ее изоляции от общества, и наоборот.

Разделение на «друзей и врагов», по мнению Шмитта, находит выражение в борьбе, понимаемой в смысле «бытийственной изначальности». Нет смысла говорить о политике, если не «наличествует реальная возможность борьбы», связанная, в свою очередь, с возможностью возникновения «решающего случая» (нем. Ernstfall — серьезный оборот дел) — физического уничтожения. Конечно, политика не тождественна кровопролитию, войне (между государствами или гражданской), революции — они воплощают постоянно присутствующую возможность предельного выражения политики.

Шмитт обратил внимание на связь политического и государства («понятие государства предполагает понятие политического»), однако приравнивать *политическое* и *государственное* неверно. Государство — «особого рода состояние народа, которое в решающем случае оказывается наиважнейшим», это «статус как таковой», «суверенное главенствующее политическое единство». Именно государство обладает правом определить «врага» (внутреннего и внешнего) и начать с ним борьбу (войну), т.е. правом принять «решение относительно самого важного случая».

Из специфики политического следует также, что политический мир, понимаемый как совокупность государств, плюралистичен («плюривесум», а не «универсум»), т.е. в мировом масштабе политическое единство совершенно невозможно.

Идеи Шмитта (особенно раннего периода — с 1922 по 1933) были поддержаны в предвоенный период сторонниками т.н. консервативной революции, а также нашли развитие в трудах Ф. Нойманна (Франкфуртская школа), Г. Моргентау, К. Фридриха, Л. Страусса и др.

Веберовская модель политики как общественного предприятия, т.е. определенной социальной структуры наивысшей степени сложности, в которой всем гражданам (подданным) отведены какие-то место и роль во властных отношениях, повлияла на современные *структурно-функциональные* подходы к объяснению политики, в частности на концепцию одного из самых выдающихся ученых XX столетия **Толкотта Парсонса** (1902–1979). Он рассматривал общество как универсальную систему, совокупность социальных действий всех людей, каждая из составляющих которой — подсистем — обладает своеобразными функциями. Политике отведена функция *целедостижения*. Политическая подсистема, благодаря своей опоре на власть, связана со способностью обеспечивать организацию людей для эффективного коллективного действия, с тем чтобы добиваться общих целей. По Парсонсу (из чего исходят и его последователи), политика включает в себя, с одной стороны, *социальный механизм*, состоящий из выбора коллективных целей, принятия решений и привлечения необходимых для достижения целей ресурсов, а с другой —

обеспечивающую этот механизм *институциональную структуру* с тремя объединенными компонентами: институты лидерства, органы власти, нормы и правила, определяющие порядок соответствующей активности. Политическая жизнь — это весьма сложная совокупность воздействий лидеров на людей через органы власти в рамках юридических норм политической игры, состоящая из определения целей, принятия решений и их осуществления посредством привлечения, если необходимо, всех ресурсов страны.

Идеи Парсонса о политике как относительно самостоятельной подсистеме общественной жизни стали основой *системного анализа* политики, принципы которого были разработаны **Дэвидом Исттоном** (род. 1917), создавшим научную традицию рассмотрения политики через так называемые прямые и обратные связи и взаимодействия политической системы с внешней социальной средой.

Парсонс основное внимание уделил изучению политики как крупнейшей подсистемы общества — своего рода макромира — с помощью цепи умозаключений от общего к частному, от гипотез к логическим выводам. Ученые, первыми применившие методику **бихевиоризма** в политологии — **Чарльз Мерриам** (1874–1953), **Гарольд Лассуэлл**, **Джордж Э. Кэтлин** (1896–1979) и др., — объясняли политику, исходя из ее микроуровня. Они рассматривали комплекс наблюдаемых фактов политического поведения конкретного человека и на этом строили свои модели. Индивиды вступают между собой в отношения власти, их частные установки и устремления являют собой основу целостного политического процесса — общего движения «политических атомов», соединяющихся и разъединяющихся, сталкивающихся в борьбе и т.д. Бихевиористский подход к пониманию политической сферы прежде всего как совокупной политической активности людей, формирующейся из их отдельных действий и взаимодействий, сводится к определению политического мира в виде общего результата сложения (суммы) всех микрополитических жизней индивидов.

Гарольд ЛАССУЭЛЛ (1902, Доннелсон – 1978, Нью-Йорк) – американский психолог и политолог, разрабатывавший проблематику власти и личности в политике; внес большой вклад в развитие бихевиоризма как метода политической науки.

ЛАССУЭЛЛ (Lasswell), **Гарольд** (1902, Доннелсон — 1978, Нью-Йорк) — американский психолог и политолог, разрабатывавший проблематику власти, властных отношений и личности в политике; внес большой вклад в развитие бихевиоризма как метода политической науки.

Автор многих работ (около 60 книг и 300 статей), среди которых: «Технология пропаганды в Первой мировой войне» (1927); «Психопатология и политика» (1930); «Мировая политика и личное чувство надвигающейся опасности» (1935); «Политика: кто получает что, когда и как» (1936); «Мировая пропаганда революции» (1939, соавт. Д. Блюменсток); «Власть и личность» (1948); «Власть и общество. Структура политического анализа» (1950, соавт. А. Каплан); «Науки о политике» (1951, соавт. Д. Лер-

нер); «Сравнительное изучение элит» (1952, соавт. Д. Лернер, И. Ротвелл); «Будущее политической науки» (1963); «Всемирный справочник политических и социальных индикаторов» (1964, соавт.); «Революционные элиты мира» (1965, соавт. Д. Лернер); «Мировые приоритеты» (1977); «Печать власти» (1979, соавт. М. Фокс) и др.

Вклад в развитие политической мысли. В центре интересов Лассуэлла были проблемы политического поведения, пропаганды и выработки политических курсов, роль массовых коммуникаций в воспроизводстве символики политической власти, значение элит в обществе, политическое развитие, общетеоретические проблемы и категориальный аппарат политической науки и т.д. Он призвал преодолеть барьеры, разделяющие разные науки о человеке и обществе, и сам выполнял роль посредника между отдельными дисциплинами и интегратора социальных наук в целом, ставившего новые исследовательские задачи. Лассуэлл также полагал, что развитие политической науки будет способствовать более полной реализации демократических устремлений людей.

Лассуэлл внес существенный вклад в развитие политической психологии, определив ее современную «повестку дня» и предложив использовать методы социальной психологии, психоанализа и психиатрии в исследованиях человеческого измерения политики. Он установил: политические мотивы во многом рождаются в сети межличностных связей, которые традиционно считались сугубо частными, неполитическими, а также то, что отношение индивида к политике обусловлено преимущественно психологическими механизмами его личности, и значит, для обеспечения политической стабильности весьма важно сохранение психологического равновесия индивида. Ученый предложил довольно точный психологический портрет сторонника демократии, среди качеств которого выделяются открытость личности, критичность мышления, способность ориентироваться на несколько ценностей сразу, доверять окружающим (проблема доверия в современном демократическом обществе является в настоящее время важным предметом исследований) и т.п.

По мнению Лассуэлла, политическая наука изучает *влияние* (англ. influence) и тех, кто его способен оказывать (англ. the influential); определенным (но не исчерпывающим) признаком последних могут служить их «притязания на ценности, такие как почтение, доходы, безопасность». В данной связи особое значение приобретает концепция власти, которая обеспечивает *распределение ценностей*. Власть — это участие в принятии решений и распределении ценностей, а также способность достичь нужного влияния на человеческие действия. Лассуэлл предложил пять «ключевых вопросов», или уровней анализа любой политической ситуации. 1) Какие преследуются ценности-цели (сфера интереса политической философии). 2) Какие тенденции возникают при реализации ценностей-целей (сфера интереса социально-политической истории). 3) Какими факторами определяются данные тенденции (сугубо научный вопрос, требующий построения теории и использования эмпирических методов сбора и обработки данных). 4) Каковы возможные траектории развития (прогнозы относительно возможного развития событий). 5) Существуют ли альтернативные поли-

тические курсы, способные обеспечить как можно более полную реализацию ценностей-целей (в идеале исследователь политики должен предложить несколько вариантов политических курсов или форм правления). Лассуэлл в течение многих лет работал над созданием интегрированной политической науки, ориентированной на т.н. полевые исследования. Он призывал переориентировать социальные и даже биологические науки на изучение политики. По сути все науки, считал Лассуэлл, являются политическими в силу того, что помогают понять политическую реальность и принять необходимые политические решения.

Широко известна выдвинутая Лассуэллом модель коммуникации, которая позволяет ответить на вопросы: *кто* говорит *что*, какой *канал* (средство связи) при этом используется, на *кого* этот канал направлен и с каким *эффектом*. «Кто говорит» относится к контролирующему информацию, «говорит что» — к сути сообщения, исследуемой путем контент-анализа; «средство связи» указывает на специфику канала, переносящего сообщение; «на кого направлен канал» характеризует аудиторию, для которой предназначено сообщение. Лассуэлл также пришел к выводу, что всегда существуют несколько каналов, по которым можно направить сообщение (информацию). Средства связи, или информации (англ. media), выполняют следующие задачи: наблюдение за средой; координация ответа различных частей общества на условия среды; перенос «наследия социума» от одного поколения к другому.

Лассуэлл дал одно из первых научных определений пропаганды (в т.ч. политической): «В широком смысле это есть технология оказания влияния на действия человека путем манипулирования представлениями и образами, выраженными в устной, письменной, изобразительной или музыкальной форме»; «контроль над общественным мнением при помощи значимых символов», к числу которых относятся законы, правила, политические теории, лозунги, речи и другие формы социальных коммуникаций. Ученый выделял следующие функции пропаганды в военных условиях, которые, впрочем, пригодны и для «мирной» политики: «Мобилизация ненависти к противнику, сохранение дружбы союзников, сохранение дружбы и обеспечение сотрудничества нейтральных сил, деморализация противника».

Исследуя роль элит в современном («деловом») обществе, Лассуэлл обратил внимание на опасность превращения его в «государство-гарнизон», или военную диктатуру (англ. garrison state), из-за развития военных технологий, а также из-за того, что наибольшим влиянием начинают пользоваться военные и прочие «специалисты по насилию», располагающие совершенными техническими средствами осуществления насилия и освоившие современные приемы управления. Общество, ставящее высшей целью постоянную готовность к войне, само милитаризуется: исчезает граница между военными и гражданскими институтами, а военная элита становится важнейшим элементом элиты общества. В свою очередь, «государство-гарнизон», как и общество в целом, полностью утрачивает способность к развитию (оно может превратиться только в «гарнизонно-полицейское» или «гарнизонно-тюремное»): прогресс наблюдается лишь в сфере военных технологий.

Юрген ХАБЕРМАС
(род. 1929, Дюссельдорф) —
немецкий философ, социолог-
теоретик и политический
мыслитель; представитель
«второго поколения» Франкфур-
тской школы социальной
философии.

Бихевиористский способ познания заложил мощную теоретико-методологическую традицию интерпретации политики на уровне ее микросоциальных механизмов. В рамках этой парадигмы были разработаны: концепция обмена ресурсами на политическом рынке; игровая модель политики, опирающаяся на **теорию игр**; политическая теория рационального выбора. Во всех трех широко распространенных в настоящее время подходах политика предстает как совокупность различных видов действий, поведения и отношений между ее **актерами** (индивидами, группами). Ее описывают и объясняют в качестве: *политического рынка* (**Питер Блау**; род. 1918), где идет обмен контролируруемыми ресурсами; *политической игры* (**Стивен Брамс**; род. 1940); *рационального выбора* политических акторов (**Моррис Фиорина**; род. 1946).

В современной политологии довольно большим влиянием пользуются **коммуникативные** концепции политики. Среди авторов, разрабатывавших еще в 1950–1960-е годы подход к политике как к системе коммуникаций и информационных потоков, — **Ханна Арендт** (1906–1975) и **Карл Дойч** (1912–1992). Вместе с тем, последние по времени и наиболее известные объяснения политической сферы в виде мира коммуникаций и соответствующих техник общения индивидов связаны с разработками **Никласа Лумана** (род. 1927) и **Юргена Хабермаса**. Один из главных тезисов Хабермаса гласит: политика выражает себя через *систему коммуникативных действий*, которые выступают в качестве цепочки опосредований (например, во взаимоотношениях между капитализмом и демократией частная сфера общества сообщается с публичной через такие механизмы этих каналов опосредования, как деньги и власть).

ХАБЕРМАС (Habermas), **Юрген** (род. 1929, Дюссельдорф) — немецкий философ, социолог-теоретик и политический мыслитель; представитель «второго поколения» Франкфуртской школы социальной философии. До 1959 — ассистент **Теодора Адорно** (1903–1969; видный представитель «первого поколения» Франкфуртской школы); в 1961–1994 преподавал философию и социологию в ведущих университетах Германии); с 1971 — содиректор Института по исследованию условий жизни научно-технического мира им. Макса Планка. Неоднократно был удостоен почетных наград и премий в области общественных наук и философии.

Автор ряда монографий, среди которых: «Структурная трансформация публичной сферы» (1962); «Техника и наука как идеология» (1968); «Познание и интерес» (1968); «К логике социальных наук» (1973); «Теория коммуникативного действия» (1982); «Философский дискурс Модерна» (1985) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Круг исследуемых Хабермасом проблем очень широк и охватывает теории познания, коммуникации, проблемы языка и этики, методологию и философию права, перс-

пективы современных развитых обществ и другие масштабные вопросы. Для исследований философа характерны критическое переосмысление, синтез идей и концепций из многих направлений современной научной мысли, в т.ч. социологических теорий М. Вебера и Э. Дюркгейма, неомарксизма Франкфуртской школы социальной философии, создавшей «критическую теорию», психоанализа З. Фрейда, феноменологии и структурализма и др. Результат философского проекта Хабермаса — абстрактная теоретическая система, названная *теорией коммуникативного действия*.

В одной из своих первых работ Хабермас рассмотрел возникновение, развитие и перспективы публичной сферы в современном капиталистическом обществе. Публичная сфера понимается как социальная арена («открытость и совместность»), на которой отдельные индивиды через общение и обоснование суждений (т.е. через многочисленные и разнообразные коммуникации) формируют нормативные ориентации, которые контролируют и оказывают рационализирующее влияние на применение государственной власти. По мнению философа, в традиционную концепцию публичной сферы, сформированную ранним буржуазным обществом, закладывалось неверное отождествление человека и буржуа-собственника, ставшее очевидным в XIX в., когда конфликт между капиталом и трудом распространился на область, как считалось, свободного и равноправного общения. Далее, уже в современную эпоху публичная сфера стала объектом вторжения технологичных массовых коммуникаций, рекламы, «связей с общественностью» (PR) и в значительной степени подрывается низведением демократических ожиданий к периодической поддержке на выборах представителей политической элиты. Упомянутые силы вторгаются также в частную сферу жизни.

В 1970-е гг. Хабермас начал разрабатывать философские основы концепции демократической легитимизации. Стремления к правде, справедливости и т.п. являются нормативными предпосылками человеческого общения — ведь сам факт дискуссии ради ненасильственного разрешения противоречий уже предполагает, что подобные предпосылки существуют и задействованы, иначе нет смысла в нее вступать. Эти предпосылки можно выразить в понятиях структуры равного и взаимного доступа к диалогу. В работе «Кризис легитимности» эта тема была продолжена попытками обнаружить социальные последствия таковых предпосылок путем пересмотра марксистской теории общественно-политических кризисов. Хабермас утверждал, что развитый капитализм более не производит экономических и системных кризисов в чистом виде, поскольку государство освоило множество ранее не свойственных ему регулятивных функций по отношению к экономике. Но даже государство (сфера административного действия) более не в состоянии поддерживать баланс между противоречиями, происходящими из растущей социализированности экономики и ее обслуживанием частных интересов. Следующий из этой ситуации кризис административной рациональности может превратиться в кризис легитимности, если ценности и значения социокультурной системы начнут противоречить нормам частной и публичной сфер.

В фундаментальном двухтомнике «*Теория коммуникативного действия*» Хабермас утверждал, что развитие современного общества может быть понято в терминах дифференциации «систем», функционирующих на основе

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР (лат. actor — деятель) — индивид, общественная группа, институт и пр., осуществляющий конкретное политическое действие, т.е. **субъект** действия. В политологии термины актор и субъект выступают как синонимы.

КОММУНИКАЦИЯ (лат. communicatio от communico — делаю общим, связываю, общаюсь) — 1) акт общения или связь между двумя и более индивидами, основанная на взаимопонимании; передача информации от человека к человеку; 2) *массовая коммуникация* — процесс сообщения информации с помощью высокотехнологичных средств (печать, радио, телевидение, Интернет и пр.) масштабным и рассредоточенным в пространстве аудиториям.

ТЕОРИЯ ИГР — основанная на ключевых положениях теории рационального выбора дедуктивный метод анализа процессов принятия решений акторами в условиях всевозможных (преимущественно конфликтных) взаимодействий, оказывающих влияние на выбор ими вариантов своих действий.

Игры классифицируются: а) по числу участников — игры с одним участником, игры с двумя и более участниками; б) по результатам — 1) игры с нулевой или постоянной суммой (выигрыш одного игрока оборачивается

проигрышем другого, и ➤ ➤ таким образом общая сумма выигрышей и потерь постоянна и равняется нулю; подобные *сугубо конфликтные* ситуации полностью устраняют мотивацию к сотрудничеству); 2) игры с переменной суммой (сочетание мотивов конфликта и сотрудничества: при стратегии сотрудничества все игроки оказываются в выигрыше, однако ни у кого нет уверенности, что каждый из них выберет путь сотрудничества; наиболее известные варианты: «дилемма заключенных» (англ. Prisoners' dilemma), моделирующая проблемы коллективного действия, и «игра с трусом» (англ. Chicken game), моделирующая балансирование на грани острого конфликта. Прочие классификации основаны на сочетании этих и др. переменных. Суть классической «дилеммы заключенных»: не имея возможностей для общения и выработки общей стратегии в виде совместного отказа от признания в совершенном преступлении, что позволило бы добиться минимального срока тюремного заключения, всякий заключенный руководствуется только своими собственными интересами, состоящими в желании избежать максимального срока заключения, который вероятен для того заключенного, который не признается первым. В случае же дачи признательных показаний заключенным грозит среднее —

обезличенных посредников в виде денег и власти (соответственно, рынок и правительство), и жизненного мира индивида. Патологии современного общества могут быть поняты в терминах «колонизации» жизненного мира системами, т.е. опредмечивания и бюрократизации тех сфер бытия, которые по сути своей зависят от солидарности и взаимного признания. В этих условиях целью демократизации становится создание центров коммуникации (различные свободные ассоциации и движения), служащих для ограничения экспансии систем, без того чтобы быть поглощенными этими системами или уничтожить их.

Большой интерес представляет отношение Хабермаса к *проекту модерна*, которое проясняется, в частности, его докладом «Модерн — незавершенный проект», сделанным при вручении ему премии им. Адорно в 1980. Он, вслед за Вебером, усмотрел возможность реализации проекта модерна в дифференциации ценностных сфер науки, морали и искусства, в их последующей институционализации и профессионализации, что «увеличивает разрыв между культурами экспертов и широкой публикой». По Хабермасу, оригинальный проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит в том, «чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их своеобразной природы, но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т.е. для разумной организации жизненных условий». Опыт XX столетия значительно ослабил оптимизм Просвещения, выхолостил важные элементы проекта, придал ему сугубо утилитарный смысл обеспечения экономического роста и технического прогресса в рамках успешной капиталистической модернизации вместе с попытками сохранения повседневных жизненных практик.

Обретенная современность как «человеческий удел, а не как акт воли» — это *вызов*: общество угрожает самому себе в ходе развития своих возможностей, причем эти экономические, военные, экологические и социальные опасности бросают вызов его существованию вообще. Современность также подвергает ревизии и этим потенциально подрывает любые основания и традиции, упорядочивающие жизнь. Однако именно современность дала человеку невиданный ранее уровень свободы — свободы самоопределения, когда ни одна норма не подложит признанию, если человек не видит в ней какого бы то ни было значения, прежде всего для себя; свободы самовыражения и свободы научного исследования, не ограниченного предассудками или нерушимыми авторитетами.

Как считает Хабермас, спасение проекта модерна станет вероятным, если «можно будет направить *также* и социальную модернизацию в *другое* некапиталистическое русло, когда жизненный мир сможет выработать в себе институты, которые ограничат собственную систематическую динамику экономической и управленческой системы деятельности». Таким образом, философ выступает защитником проекта модерна, который, по его мнению, не только не провалился (хотя в условиях кризиса модерна современный западный мир действительно охвачен сильными антимодернистскими и постмодернистскими настроениями, выражаемыми различными направлениями консерватизма), но и по сути не был осуще-

ствлен согласно его изначальному замыслу. Наблюдавшийся в XX в. кризис проекта модерна — результат автономизации бюрократической, технической и научной подсистем общества, которые добились огромных результатов в своем развитии, но при этом целерациональные (инструментальные) действия лишились важного элемента проекта модерна — моральной ориентации, — и в повседневной жизни стали доминировать интересы данных подсистем, самоцельно навязывающих планы социального развития, а не исторические потребности людей. Спасение проекта модерна — очень сложная, но не безнадежная задача современников.

Авторитетный французский политолог **Режи Дебре** (род. 1928) в книге *«Писец. Происхождение политики»* (1980) выстроил собственную оригинальную схему политики, в известном смысле продолжающую коммуникативную модель. Он считает, что политика — это треугольник «Государство — Средства массовой коммуникации — Интеллигенция». Природа одного из указанных элементов не может измениться, не переменяя два других. Революция в СМИ определяет одновременно революции и в истории данной интеллигенции, и в функционировании государства. Основным элементом этой триады Дебре считает интеллигентов как носителей информации (государственных чиновников и политических деятелей), которые в современном обществе выполняют роль церковных писцов, чья специальность в прошлом и в настоящем — налаживать отношения между людьми. Интеллигент есть человек коммуникации, а его функция — в основном быть политиком, т.е. посредником, связывающим людей. Этот автор фактически отождествляет политику с умственной деятельностью, считая, что еще во времена зарождения политики ее логическим синонимом было знание.

Утопическая деполитизация интеллигенции связана обычно со столь же утопической дезинтеллектуализацией политики... То, что осталось в современном интеллигенте от его особенной истории церковного служителя, делает из него по преимуществу *политическое* животное: тело ягненка, зубы волка... Само существование интеллигента обусловлено наличием государства, и наоборот. «Разрушение разума» — это прелюдия к распаду политической структуры, ...волна антиинтеллектуальности является ближайшей предвестницей волны фашизма.

Р. Дебре, «Писец. Происхождение политики»

История представлений и развитие идей о политике обусловлены усложнением реального политического мира, а также отражают взаимоотношения человека и государства в каждое конкрет-

между оптимальным и ➤ ➤ ➤ максимальным — по тяжести (но также неоптимальное) наказание. Не обладая всей полнотой информации относительно намерений друг друга, все заключенные могут сознаться, что приведет их всех к неоптимальному наказанию. Суть классической «игры с трусом»: двигаясь в машинах по узкой дороге навстречу друг другу, оба водителя имеют два варианта действия: съехать на обочину и пропустить другого, продемонстрировав тем самым свою «трусость», или продолжить движение, при этом каждый из них надеется, что уступит другой. Эта модель применяется при анализе ядерного противостояния. Другая ее разновидность используется для анализа многосторонних переговорных стратегий: если профсоюзы завышают уровни своих требований относительно друг друга, то все они могут выиграть, хотя в результате материальное положение их членов ухудшится вследствие возникшей инфляции, или все работодатели не уступят завышенным требованиям, и начнется долгая забастовка, от которой все потеряют. Соответственно, лучший выход — переговоры и взаимные уступки.

Теория игр имеет в настоящее время двойной статус отрасли прикладной математики и достаточно эффективного инструмента анализа для социальных наук. Усложненные модели (на-

пример, в виде серий ➔ ➔ последовательных игр с множеством участников и анализом их индивидуальных мотивов и стратегий) теории игр широко применяются для исследования политических, экономических, военных и пр. проблем-

ное время. По историческим периодам это выглядит так. На *первом* — государствоцентристском — этапе (примерно с XVI в.) подход к политике основывался на положении о государстве как носителе верховной власти над человеком. Оно складывалось для упорядочения и наилучшей организации социальной жизни, а для обоснования необходимости его существования привлекались либо мифологические и религиозные мысли о божественной воле, либо рассуждения о естественном порядке и рациональном характере государственной формы объединения населяющих данную территорию людей. Вся их политическая жизнь словно была заключена в орбиту притяжения верховной власти, а значит, тогда политике была присуща своего рода однополюсная направленность, главным в которой являлось подчинение человека в качестве подданного (вассала) государству в виде верховного и суверенного короля (сюзерена).

На *втором* этапе содержание политической жизни постепенно изменялось. Политика и правила политической игры окончательно были отделены от этических обоснований. В политике уже видели поле поддержания согласия и выполнения некоего разумного общественного договора в отношениях государства и гражданского общества, а также его представителей (индивидов, их групп) между собой. Одностороннее подчинение человека установленной свыше государственной воле уступало место взаимным обязательствам партнеров, когда гражданское общество в целом и его сословия добивались признания своего естественного права оказывать давление на государственный режим, а то и менять его. При этом государство все еще пользовалось безусловным главенством над гражданином.

Век XX внес важные коррективы в реальные политические отношения и в теоретические модели политики. Наступил *третий* — социоцентристский — этап в развитии воззрений на политическую сферу, когда на смену положения о монополии единой верховной и суверенной государственной власти приходят идеи плюрализма, согласования интересов различных социальных групп, делящих между собой влияние на общество и государство. Со становлением в большинстве развитых стран демократических систем преобразуется и сама основная парадигма видения мира политики: от государственного моноцентризма к социальному полицентризму, от единого и неделимого суверенитета государя к участию во власти всех основных групп граждан. Тем самым в формально-историческом плане первенство было отдано уже обществу и составляющим его людям, а не государству с его учреждениями.

В последние десятилетия заметны некоторые признаки возможного наступления нового, уже *четвертого* по счету, большого этапа

в эволюции понимания политики, сопровождающегося преобразованием научных парадигм и отражающего новейшие изменения в самом реальном содержании политической жизни. Господствующая ныне модель **нации-государства** начинает подвергаться сомнению в трех основных аспектах: 1) все больше распространяются различные схемы так называемой наднациональной политики, растет важность глобальных проблем (экологических, ядерных, энергетических, сырьевых, связанных с терроризмом и наркотиками и пр.), что способствует укреплению надгосударственных структур, межправительственных организаций (ООН, ЕС и др.) и международных неправительственных объединений (например, движение «Гринпис»); 2) усиливается прозрачность (транспарентность) межгосударственных границ; 3) высокоразвитое сознание и огромная информированность человека начала третьего тысячелетия побуждают его к высвобождению из-под традиционного государственного контроля и к участию — уже в качестве «гражданина мира» — в поддержке различных форм самоуправления, в альтернативных движениях (потребителей, феминистских, экологических и т.д.), которые нередко тоже становятся транснациональными. Конечно же, роль государства в политике по-прежнему значительна; более того, по определенным направлениям она даже возрастает, что проявляется, в частности, в бюрократизации и заметном усилении исполнительной власти и управленческого аппарата во всем мире. Речь идет лишь о возникновении совершенно иных подходов к осмыслению политики, отражающих, возможно, новое соотношение сил между человеком и государством, да и то пока в самых развитых странах.

НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО

(англ. Nation-State, фр. l'Etat-nation) — сочетание особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности (гомогенности) какой-либо общности. Эта модель возникла вначале в Европе, а затем была перенесена в другие регионы мира. Политико-управленческие структуры нации-государства в правовом отношении устанавливаются конституциями, основными законами, иными законодательными актами.

1.4. Мир политики в реальном и исследовательском отношениях

Рассмотрение концептуальных подходов к истолкованию политической сферы позволяет сделать вывод о существовании разных социальных и научных сторон политики и, соответственно, о многомерном характере этой важнейшей части человеческого бытия. Политика выступает прежде всего в единстве трех взаимосвязанных аспектов: 1) как *сфера общественной жизни*; 2) как один из многих *видов активности социальных субъектов*, их коллективного и индивидуального поведения; 3) как *тип социальных отношений* — между индивидами, малыми группами и большими общностями.

В *первом* аспекте политика рассматривается в виде структурной составляющей общества в целом с присущими ей определенными положением и ролью, но которая при этом обладает особыми

СОЦИУМ (лат. *socium* — общее, совместное) — большая и устойчивая социальная *общность*, которой присуще определенное единство условий жизнедеятельности людей и характеристик культуры. Разновидности социума — родовые и семейно-родственные, социально-групповые, этнические, территориальные общности; высшая форма — общество как цельная социальная система. Любой социум — это целостность, основанная на обмене деятельностью входящими в нее людьми и их группами; он представляет собой относительно самостоятельное образование, взаимосвязанное с другими социальными общностями. Производным от социума является прилагательное *социальный*, которое используется в отношении явлений и процессов, касающихся общества в целом.

сущностными (субстанциональными) и функциональными свойствами. В марксистской теории политика выступает в роли регулирующей «надстройки», состоящей в первую очередь из государственной организации, которая обеспечивает сложившийся властный статус-кво для системы отношений производства и обмена. У *Парсонса* и *Бертрана Рассела* (1872–1970) политическая подсистема общества выполняет функции целеполагания и целедостижения, а у бихевиористов (*Лассуэлл*, *Абрахам Каплан* (1918–1993) и др.) — контроля и распределения ресурсов. Начиная с *Аристотеля* и *Никколо Макиавелли*, за политикой в ее качестве своеобразной области общественной жизни ученые закрепляют функции согласования общих и частных интересов, осуществления власти, поддержания социального порядка и руководства людьми, осуществления общезначимых целей, регулирования ресурсов и управления **социумом**.

МАКИАВЕЛЛИ (Machiavelli), **Никколо** (1469, Флоренция — 1527, Флоренция) — итальянский политический деятель, мыслитель, существенно повлиявший на формирование и развитие европейской политической философии Нового времени, военный теоретик, историк, писатель и поэт. Его причудливая биография заслуживает подробного описания. Макиавелли принадлежал к знатному роду, представители которого (начиная с XIII в.) занимали многие важные должности во Флоренции. Тем не менее, его отец был лишен права на какие-либо посты из-за огромного долга перед городом; основным доходом семьи была скромная земельная рента. Поэтому будущий философ не получил классического образования и учился преимущественно самостоятельно. Начал политическую карьеру в 29 лет и за 14 лет обрел значительное влияние и опыт в политике. Когда в 1498 в городе начало действовать правительство П. Содерини, сменившее режим сожженного на костре религиозного реформатора Савонаролы, Макиавелли получил должность секретаря Второй канцелярии (второй вице-канцлер), что позволило ему активно участвовать во внутривнутриполитических процессах и интригах Флорентийской республики (особенно после слияния Второй канцелярии с аппаратом Совета десяти, входившего в систему исполнительной власти). Позже Макиавелли занял также пост секретаря Магистрата, который занимался внешней политикой и обороной республики. С 1500 он неоднократно выполнял дипломатические поручения Флоренции во Франции, Германии и в самой Италии. В 1505–1509 он инициировал создание в городе ополчения по типу древнеримской армии, эффективность которого была доказана в 1509, когда Макиавелли лично возглавил его во время успешной осады г. Пизы. После восстановления во Флоренции в 1512 правления рода Медичи Макиавелли был лишен всех постов, подвергся заключению в тюрьму и пыткам по обвинению в заговоре против правителей, позже был вынужден покинуть город и удалиться в семейное поместье.

В 1520 Макиавелли становится официальным историографом Флорентийской республики, в следующем году — еще и советником кардинала Джулио Медичи (будущий папа римский Клемент VII). В 1526 он

участвует в военной кампании, предпринятой Клементом VII против императора Священной Римской империи Карла V, завершившейся полным провалом. После изгнания Медичи из Флоренции Макиавелли опять был лишен всех постов и вскоре умер.

Автор политических и исторических сочинений, среди которых самые значительные: «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны» (1503); «Государь» (1513; о Лоренцо деи Медичи); «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1517); «О военном искусстве» (1521); «История Флоренции» (начата в 1520) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Значение творчества Макиавелли для политической науки определяется прежде всего его попыткой теоретизировать *самостоятельность* политики, отделив от нее сферу морали (религии), и утвердить этот принцип автономии в качестве ведущего для деятельности самих правителей (участников политических отношений) и для исследования этой стороны человеческого бытия. Предложенное Макиавелли новое видение политики основано на жестком *реализме* (нужно анализировать политические факты такими, какими «они есть на самом деле», а не как «то, что должно быть») и на критическом отношении к человеку, для которого характерны непостоянство, неблагодарность, вероломство, склонность к дурным поступкам, многие другие пороки (*антропологический пессимизм*). Исходя из данного понимания политики и природы человека, Макиавелли сформулировал критерий всякой политической практики, который заключается в *эффективности*, распространив его на выбор средств и способов политической деятельности. Они могут быть безнравственными, порой очень жестокими, даже бесчеловечными, но и такие средства оправданы в случае, если их цель — сохранение власти, ослабление которой ведет к хаосу, еще большему злу и несправедливости. Макиавелли уделил много внимания феномену власти, ее захвату и удержанию, особенно когда дело сводится к созданию и сохранению государства. Именно власть выступает залогом стабильности в стране и упорядоченных отношений между людьми, от которых она требует подчинения созданным ею законам во имя общего блага. Соответственно, способ прихода к власти определяет и способы ее удержания. Макиавелли — основоположник влиятельной традиции понимания государства как особым образом организованной политической власти. Сверх того, он считал государство воплощением на практике всех нравственных идей, с которыми связана и мораль; отсюда и вывод — именно государству, а не церкви, надлежит осуществлять нравственно-воспитательную функцию.

Богатый политический опыт и исторические познания позволили Макиавелли создать оригинальную концепцию политических *добродетелей* государей, к числу которых относятся сила, хитрость, здоровье, патриотизм, умение предвидеть и способность противостоять судьбе. Образцы проявления таких качеств — правители Древнего Рима. Однако все подобные свойства редко объединяются в одном властителе. По этой причине предпочтительнее республиканская форма правления, позволяющая участвовать в осуществлении власти многим политикам, наделенным разными добродетелями. По мнению Макиавелли, единовластные правители нужны во время образования государств, но наилучшее

Никколо МАКИАВЕЛЛИ (1469, Флоренция – 1527, Флоренция) – итальянский политический деятель, мыслитель, существенно повлиявший на формирование и развитие европейской политической философии Нового времени, военный теоретик, историк, писатель и поэт.

ПОЛИТИКА (гр. politika — государственные или общественные дела; то, что относится к государству, от polis — государство) — 1) многомерное явление, которое может быть представлено в качестве: а) *сферы общественной жизни*, социальной подсистемы, выполняющей функции согласования общих и частных интересов, властвования и поддержания социального порядка, достижения общезначимых целей, управления людьми и общественными делами; б) *вид активности социальных субъектов*, совокупность их индивидуального поведения; в) *тип социальных отношений* между индивидами, малыми группами и большими общностями, система взаимодействий и коммуникаций людей между собой; 2) *политический курс*, т.е. сознательно выработанная политическая стратегия (как логически увязанный, направляемый единой волей ряд последовательных единичных действий), включающая в виде необходимых компонентов определение цели и способы ее достижения; направление в политике.

правительство для их сохранения — республиканское. Следуя критерию эффективности, мыслитель предположил, что для оптимального государственного устройства нужно сочетание монархии, аристократии и республики, в котором уравновешены недостатки каждой формы правления и тем самым созданы препятствия против узурпации власти одной из политических групп.

Сочинения Макиавелли вызывали неоднозначную реакцию: первое издание «Государя» было осуществлено в 1532 с одобрения папы римского Клементя VII, но уже в 1559 все работы мыслителя были включены Римом в список запрещенных книг. Идеи Макиавелли имели влиятельных сторонников (Ж.Ж. Руссо, М. Бакунин, Б. Кроче, Г. Моска) и не менее авторитетных противников (Т. Кампанелла, Ж. Боден, Вольтер). Появился даже термин «макиавеллизм» для обозначения крайних форм политической беспринципности и насилия, а самого Макиавелли на основании некоторых высказываний из «Государя» считают первым проповедником принципа «цель оправдывает средства» в политике. Вероятно, ближе к истине иное толкование теоретического наследия Макиавелли, предложенное итальянским ученым Л. Руссо: «Правильные средства в конечном счете оправдывают цель».

Второй тип подхода к анализу политики зиждется на ее трактовке в качестве способа совокупной и индивидуальной активности социальных субъектов, вида человеческой деятельности и поведения в обществе. В марксизме главное содержание политики — борьба за власть, действия по ее завоеванию и удержанию. В схожем ракурсе *Вебер* рассматривает данную категорию как предприятие и профессиональную деятельность, что происходит и в рамках экономики. Для *Лассуэлла* и других бихевиористов политика — вид социального поведения индивидов (и их групп), характеризующийся установками и мотивациями, связанными с участием во властвовании. В свою очередь, целерациональное поведение — политическая подоснова для сторонников теории рационального выбора.

В случае *третьего* основного аспекта объяснения политики она включается в сложную сеть социальных отношений и связей (в других понятиях — взаимодействий и коммуникаций) в качестве одного из целого ряда их типов. Еще *Аристотель* определил политику как высший вид человеческого общения, а *Макиавелли* видел в ней многостороннее противоборство за государство и власть различных социальных субъектов: государя и народа, партий и сословий. Марксисты трактуют политику как отношения классов по поводу государственной власти. Уже в XX в. разрабатываются, вслед за концепцией борьбы классов, модели конфликта—консенсуса, классифицирующие политику по типам конфликтных отношений и социальных взаимодействий, — *Шмидт*,

Дарендорф, Козер, Кеннет Боулдинг (1910–1993) и др., а также схемы институционально-властных отношений, где она понимается как некая всеобщая структура для соединения (консолидации) разных проявлений социальной и политической жизни, — *Жорж Бюрдо, Морис Дюверже* (род. 1917) и др.

Интерпретация

Российский политолог **Е.Б. Шестопал** выделяет 5 наиболее общих аспектов понимания политики. 1) Политика как *система* — государственные институты, в т.ч. законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, партии, общественные объединения. 2) Политика как *процесс* — динамические изменения, которым подвергаются институты, исполнители разных функций (субъекты и объекты) и правила политической игры. 3) Политика как *игра по правилам* — писанные (нормы права) и неписанные (традиции, обычаи, нормы поведения) законы регулируют взаимоотношения в политической сфере. 4) Политика как *структура ценностей, норм, установок* — особый идеологический подход к данной категории. 5) Политика как *вид человеческой деятельности* — в политическую активность включены и профессионалы, и рядовые граждане; политику делают люди, и она составляет особый тип их поведения (см. «Психологический профиль российской политики 1990-х», 2000).

Объяснения категории политики распределяются по двум наиболее общим направлениям. *Первое* из них основано на дедуктивном (от общего к частному) и объективированном (воплощенном в доступных восприятию положениях) подходе к осмыслению политики как некоего целостного макромира, части деятельности социума, сферы общественного развития — «надстройка», подсистема, предприятие и т.д., связанных с выполнением определенных функций (управления и регулирования, общественной консолидации и поддержания порядка). *Второй* подход отражает приоритеты индуктивного (от частного к общему) и субъективированного видения политики, разделяющего ее на субъекты и объекты, микромиры их действий и взаимодействий, которые становятся всеобщими благодаря политическим отношениям.

Уже со времен классического гегельянства и марксизма в социальной мысли распространено представление о двойственном характере понимания политики с ее *объективной* и *субъективной* сторонами. Итак, политика как категория проявляется в этих двух основных измерениях: 1) она отражает, образно говоря, «объективное бытие», т.е. целостные и сущностные свойства политической сферы в их «внешней» позиции к общественной жизни вооб-

Пьер БУРДЬЁ (1930, Дангин – 2002, Париж) – известный французский социолог-теоретик и политолог.

ще; 2) в своей форме «субъективного инобытия» политической жизни показывает «внутренний» механизм политических отношений между различными социальными акторами, связанный с их интересами, установками, идеями, взаимодействиями, а также со статусами и ролями. Подобная двойственность политики была убедительно продемонстрирована французским социологом и политологом **Пьером Бурдьё** (1930–2002).

С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе таковых и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействие; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это значит, что оба подхода — объективистский и субъективистский — находятся в диалектической связи.

П. Бурдьё, «Социальное пространство и символическая власть»

БУРДЬЁ (Bourdieu), Пьер (1930, Дангин – 2002, Париж) — известный французский социолог-теоретик и политолог. Среди его учителей были **Луи Альтюссер** (1918–1990) и **Мишель Фуко** (1926–1984). С 1964 бессменно занимал должность руководителя исследований Школы высших исследований по общественным наукам в Париже; много преподавал, был профессором Коллеж де Франс. В 1975 основал Центр европейской социологии и известный журнал «Ученые труды по социальным наукам», которые возглавлял вплоть до кончины. Бурдьё неоднократно получал престижные награды и премии по социальным наукам; избран действительным членом Французской академии (1981), член Американской академии наук и искусств (1983); почетный доктор ряда европейских университетов.

Автор многочисленных статей и книг, включая: «Наследники. Студенты и культура» (1964, соавт.); «Педагогическое отношение и коммуникация» (1965, соавт.); «Ремесло социолога» (1968, соавт.); «Воспроизводство. Элементы теории системы образования» (1971, соавт.); «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» (1976); «Вопросы социологии» (1980); «Хомо академикус» (1984); «Государственное дворянство. Высшие школы и корпоративный дух» (1989); «Ответы. К рефлексивной антропологии» (1992, соавт.); «Правила искусства. Происхождение и структура поля литературы» (1992); «Нищета мира» (1993); «Свободный обмен» (1994); «О телевидении» (1996); «Противодействие. В поддержку сопротивления против неолиберального вторжения» (1998); «Господство мужчин» (1998); «Экономическая социология и социология экономики» (2000); «Противодействие–2. В поддержку европейского социального движения» (2001) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Бурдьё отличает своеобразная критичность в анализе социального и политического миров, их характеристик и основных принципов. Его исследованиям свойственна глубокая саморефлексия, связанная, помимо прочего, с обоснованием значения ученого для общества — он не является нейтральным наблюдателем и фактом наблюдения воздействует на социальный мир, от которого сам и зависит. Концепциям Бурдьё присуща особая оригинальность, заключающаяся в попытке снятия «ложных оппозиций» между различными научными парадигмами и методами, в синтезе собственно социологии и этнологии, антропологии, философии, политологии, лингвистики и т.п. Это обстоятельство, в свою очередь, предопределяет разнообразие изучаемых Бурдьё объектов — от спорта до телевидения, от политики до искусства и пр.

Человек как социальный агент выстраивается «в отношении и через отношение с социальным пространством», в котором существуют политическое, экономическое, интеллектуальное и другие поля. Позиция в социальном пространстве означает еще и определенное положение в пространстве политическом. Структуры и объекты социального пространства представлены одновременно *позициями* (т.е. реальным положением в распределении материальных ресурсов и средств присвоения социально значимых благ и ценностей) и *диспозициями* (т.е. понятиями о положении в социальном пространстве).

На основании активных свойств пространства Бурдьё определяет его как «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле». К таковым свойствам относятся различные виды власти или капиталов, «которые имеют хождение в различных полях». Капитал (экономический, культурный, социальный и символический), представленный в объективированном состоянии (материальные свойства) или в «инкорпорированном» состоянии (культурный капитал) — это власть над полем (в определенный момент времени): «Отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле».

При анализе политики Бурдьё исходит из того, что она есть особая социальная реальность. Политика — «поле символической борьбы, где профессионалы... противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы». Составляющие данного варианта теории политического поля — анализ условий доступа агента к политической практике (включенности агента в нее), а также исследование условий ее осуществления. На основании такого подхода ученый делает вывод: политическое поле должно быть представлено, понято и описано исключительно через соотношение, сопоставление и противопоставление различий активных характеристик агентов, «объективирующих свою субъективность» в актах по изменению (переопределению) правил внутреннего деления поля. Эти различия характеристик (к ним, в частности, относятся: уровни сознания и рефлексии агента относительно того или иного акта политической практики, обладание реальными политическими ресурсами, способность агента оценивать в динамике механизмы такой практики, степень его влияния на производство, распространение и закрепление в поле политики представлений и мнений, т.е. «мобилизующая сила» агента). Описанные в терминах

Мишель ФУКО (1926, Пуатье – 1984, Париж) – французский философ-постструктуралист, историк и теоретик культуры, автор работ по «археологии знания», «генеалогии власти» и истории сексуальности.

Луи АЛЬТЮССЕР – (1918,
Алжир – 1990, Париж) –
французский философ-
постмарксист.

политического поля позиции какого-то агента в соотношении с позициями других агентов есть не что иное, как виды власти агента в поле, а также показатель степени обладания этой властью во всем поле. Эту степень Бурдьё оценивает как способность к эффективной практике.

Многомерный характер категории политики предопределяет довольно сложный состав самой политической науки, что будет показано далее.

2. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

2.1. Политическое знание и политическая наука

Сама структура слова **политология** указывает на то, что название этой научной и учебной дисциплины связано с полисом — вполне конкретным политическим образованием, известным из античной истории. Богатое содержание вкладывается в понятие **логос** — одну из главных категорий древнегреческой философии, введенную в научный оборот **Гераклитом** (конец VI — начало V в. до н.э.). Мыслитель определил логос как универсальную осмысленность и закономерность процесса изменения форм бытия, тождественную первостихии огня, как судьбу, подчиняющую себе даже богов. По Гераклиту, вся природа устроена согласно «истинному рассуждению», открытие которого составляет задачу философа. Логосом в те давние времена называли мировой закон, или разум, оформляющий мир, космос. Позднее **Платон**, не отказываясь от такого понимания логоса, добавил к нему еще и значение суждения, теории. Однако для **Аристотеля** логос был уже только определением, доказательством. На протяжении двух с половиной тысячелетий данная категория была использована во многих философских учениях и в различных контекстах в силу многозначности своего содержания.

Обратите внимание

В христианском учении логос — «и Слово было Бог» — понималось в виде творческого начала мира, веры в личность Христа как в само слово Божие, т.е. как полное воплощение и раскрытие Бога в человеке.

В идеалистической философии логос — духовное первоначало, мировой разум, абсолют (вечная, бесконечная духовная первооснова Вселенной).

Здесь уместно упомянуть о том, что изучение политологии не следует путать с *политическим образованием*, которое французский писатель и общественный деятель **Анри Барбюс** (1873–1935) предельно ясно определил: это «перевод идей и действий с государственного языка на человеческий». Исходя из современной сути политического образования, его называют также воспитанием гражданственности.

Как и всякая наука, политология не появилась в более или менее завершенном виде, а складывается и развивается при превращении различных форм знания в ходе приращения учености (англ. advancement of learning). В становлении всего обширного комплекса **знания о политике** выделяются по меньшей мере три последовательно вырастающие друг из друга, «надстраивающиеся» системы интеллектуального освоения политической практики.

1. Прежде всего это *обыденное знание* как обобщение непосредственного политического опыта. В наше время оно отражено в публикациях, выступлениях, воспоминаниях политиков, в рассуждениях политических комментаторов и т.п.

2. Очередной уровень представлен многообразными *политическими учениями*. Они создавались в основном пророками, законоучителями и мудрецами, включая античных философов. Их усилия позволили осуществить переход от мифа и мифологического знания через различные формы учений, связанных с отдельными фигурами, например, устное философствование **Сократа** (около 470–399 до н.э.), к *догматическому знанию* — довольно систематизированному, но некритическому описанию основных положений тех или иных веро- и законоучений. Тем самым степень основательности знания о политике становилась значительно выше. Однако это достигалось за счет, с одной стороны, догматизации, т.е. превращения в бесспорную истину, признаваемую без доказательств и учета конкретных условий каких-либо интеллектуальных построений, а с другой — ограничения самого предмета осмысления. Как правило, подобные подходы были связаны с моральным, юридическим или иным долженствованием (т.е. требованиями, распространяющимися на всех людей). Над политикой и действующими в этой сфере людьми стоит некий закон — божественный либо человеческий, — который определяет правила политического поведения. Пример такого знания в современной политике — различные идеологии (их **Арон** образно назвал доктринами, занимающими в душе человека место веры и стремящимися в будущем в какой-либо форме социального порядка «спасти человечество»).

3. Переход на следующий уровень политического знания — к *знанию критическому* — связан с поисками смысла и логики в са-

ЛОГОС (гр. logos) — одновременно: слово (высказывание, речь) и смысл (понятие, суждение, основание). Позднее данное понятие стало восприниматься как «учение». ...**ЛОГИЯ** — вторая часть сложных слов, означающая: наука, знание.

НАУКА — сфера человеческой жизнедеятельности (или социальный институт) обеспечивающая производство, накопление знания и его использование на практике. Будучи центральной в системе форм общественного сознания, она вырабатывает представления о явлениях и законах реального мира, организованные в виде опытного (эмпирического) и теоретического знания. От других таких форм сознания науку отличают максимальная полнота, систематизация, обоснованность (подтвержденные наблюдения, экспериментом, математическим и иным моделированием, статистической проверкой), а главное — объективность ее отражения действительности, т.е. относительная *истинность* знания, а также средства ее целенаправленного достижения, обобщаемые в понятии **рациональности**.

ДИСЦИПЛИНА (лат. *disciplina* — учение) — 1) самостоятельная отрасль научного знания (в этом значении дисциплина и наука — синонимы); 2) учебный предмет.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ (лат. *rationalis* — разумный) — разумная обоснованность, целесообразность; обобщенная характеристика общественной активности и поведения человека, основанная на его целенаправленной предметной деятельности и выражающаяся в социально эффективном достижении поставленных целей.

мой политике. Важную роль в этом процессе исполнили гуманисты эпохи Возрождения, прежде всего **Макиавелли**. Они противопоставили догме практический опыт. Так на деле были созданы предпосылки **политической науки**, или **политологии** (в континентально-европейском наименовании). Объект изучения политологии (предмет) — собственно политика во всем многообразии ее проявлений.

Вместе с тем, нельзя считать, что научное знание «лучше» догматического и обыденного — каждое из них уместно в тех областях жизнедеятельности и для тех людей, которым вполне соответствует.

Обратите внимание

Политолог-профессионал, как правило, уделяет весьма существенное внимание околонаучному пониманию политической жизни, дабы избежать той ситуации, когда стихия обыденного или догматического мышления начинает непроизвольно вторгаться в политические исследования. Настоящий ученый признает самостоятельность обыденного и догматического типов знания, а также их ценность для своих занятий — они фактически дополняют знание критическое. Кроме того, ученый в первую очередь подвергает критическому рассмотрению собственные устоявшиеся воззрения на политическую действительность, понимает ограниченность своего жизненного опыта и именно таким образом приращивает свое знание. Оно предполагает строгое, критичное отношение не только к чужим мнениям, но и к неполноте, вполне объяснимой ошибочности личных суждений ученого о политике.

В науке трудно создать что-либо качественное без использования результатов и опыта постижения политики в любых их формах. Потому политологу необходимо осваивать не только строгую **науку** (академическую **дисциплину**), но и разнообразные политические учения, трактовки событий государственными и общественными деятелями, их советниками, публицистами, журналистами.

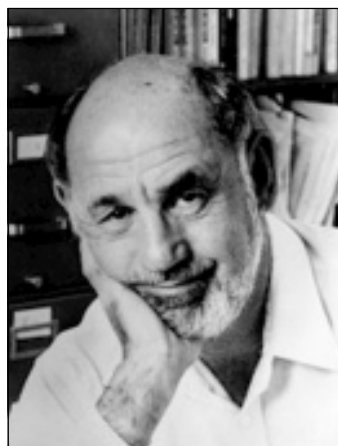
Интерпретация

По сей день представители некоторых гуманитарных дисциплин сомневаются в научности политологии. Современные политологи, обосновывая научность сферы знания, в которой они работают (в теоретическом и в практическом планах), предпочитают пользоваться следующим кратким определением науки: систематическое изучение, направленное на создание все более дифференцированного (и внутренне, и в отношении предмет-

ных областей) комплекса упорядоченных представлений о реальном мире политики.

Такое понимание политологии обусловлено прежде всего тем, что в политике объекты изучения в основном нематериальны (поведение людей, их отношения, институты, процессы, а также нравственные, юридические, социологические нормы и т.д.), хотя и зачастую выражаются через материальность человеческой жизни.

Аарон ВИЛЬДАВСКИ (1930, Нью-Йорк – 1993, Окленд) – американский политолог, работы которого оказали значительное влияние на развитие сравнительной политологии и исследований в области государственного управления, политической культуры.

Для уяснения особенностей природы политической науки нужно определить некоторые ее характеристики, стандарты и само понятие профессионализма в данной области познания. В этом смысле в течение всего XX столетия шла постоянная полемика, связанная с оценкой социального знания вообще и политического, в частности. Одни ученые усматривают в политическом анализе скорее «искусство» либо «ремесло», чем строгую науку (**Аарон Вильдавски**; 1930–1993), другие, вслед за Вебером, полагают, что изучение политики — это «призвание», профессия, т.е. род занятий человека, владеющего совокупностью особых теоретических знаний, практических навыков и обладающего опытом известной деятельности. Самый распространенный на сегодня подход к политологическим исследованиям — как к особой *профессии* (англ. profession означает не только собственно профессию, но и вероисповедание). **Дуайт Вальдо** (1913–2000) в работе с показательным названием «*Политическая наука: традиция, дисциплина, профессиональная наука, предприятие*» (1975) так выразил свое отношение к политологии и людям, занятым в данной области: «Науки знают, а ученые исповедуют». Эту мысль убедительно развивают политологи **Роберт Гудин** (Австралия) и **Ханс-Дитер Клингеманн** (Германия).

Ученые действительно исповедуют кодекс своей коллективной веры... Отрасли академических знаний одновременно являются и «профессией», и дисциплиной. Прежде всего следует отметить, что «профессионалы» имеют достаточно высокий социальный статус... Вместе с тем, термин «профессионал» — и это гораздо важнее — указывает на определенное отношение человека к своей работе. Ученые объединены в самоорганизованное сообщество, ориентированное на выполнение четко определенных задач или функций. Профессиональное сообщество ...в значительной степени ограничивает себя добровольно взятыми обязательствами по соблюдению вполне конкретных стандартов и норм поведения... [Они] составляют основу не только для оценки членами сообщества деятельности друг друга, но и становятся их внутренней «критической

СХОЛАСТИКА (гр. *scholasticos* — школьный, ученый) — средневековое философское течение, представители которого — схоласты — стремились рационально обосновать и систематизировать христианское вероучение, соединить теолого-догматическое знание с рационалистической методикой. Ради этого они использовали идеи и подходы античной философии (Платона и особенно Аристотеля).

установкой» в отношении собственных достижений... Естественно, конкретные стандарты и нормы поведения представителей различных специальностей в рамках одной дисциплины могут существенно варьироваться. Но каждой профессии присуще понятие «минимальной профессиональной компетентности».

Р.И. Гудин, Х.-Д. Клингеманн, «Политическая наука: новые направления»

Интерпретация

В общественной мысли со Средневековья и по сей день довольно распространено определение политики в виде «*искусства возможного*». Но есть и другое объяснение подхода к политике как к искусству — в ней усматривают совокупность практических, технических (гр. *techné* — искусство, мастерство) умений оптимального управления социальными группами и процессами (в частности путем выработки и осуществления коллективных решений). Речь идет о профессиональном владении предметом деятельности и необходимыми для этого приемами — по аналогии с искусством врачевания, военным или ораторским искусством.

С этим связано и понимание политики (здесь: специальной отрасли знания) как *искусства и науки управления*. В данном смысле политологию тоже можно трактовать в качестве сложного комплекса практических навыков — «искусства» осмысления политики, притязающего на научность познания.

2.2. Становление и развитие политологии

Политология предоставляет серьезные возможности познания человеческого мира через политику, а также для рационально-критического осмысления этой сферы общественной жизни.

Политическая наука выросла из рационализации обыденного и догматического знаний о политике. Великие произведения религиозной, философской и политической мысли служили той интеллектуальной средой, без которой и вне которой эта наука не могла бы сложиться. Именно поэтому изучение истории политической мысли составляет важное и неотъемлемое направление политологии. При всей значимости умственных достижений греческой и римской античности, великолепных памятников индийского, ближне- и дальневосточного философствования основы политической науки закладывались примерно с середины XIII в. в Западной Европе. **Схоластика**, уже выработавшая строгость интеллектуальной работы, постепенно давала основания для возникновения в европейских университетах новых форм учености, и среди них — метафи-

зика и развивавшаяся философия, юриспруденция и логика. К ним присоединилась дисциплина, которую именовали *ars politica* — политическое искусство (немецкий философ и теолог **Альберт Великий**; около 1193–1280); *scientia politica* — политическая наука (монах-доминиканец, впоследствии причисленный к лику святых, **Фома Аквинский**; 1226?–1274); *sanctissima civilis scientia* — божественнейшая гражданская наука (немецкий писатель-гуманист **Себастьян Брант**; около 1458–1521). Прошло немало времени, чтобы такая «политическая наука» была преобразована в современную политологию, подобно тому как средневековая алхимия дала жизнь научной химии.

Первый подъем политической науки — сегодня ее можно условно назвать **предполитологией** — пришелся на XVI–XVII вв. В то время были созданы труды **Жана Бодена** (французский философ и политик; 1520–1596), **Юста Липсия** (бельгийский ученый и литератор; 1547–1606), **Гуго Гроция** (голландский юрист, историк, дипломат и политик; 1583–1645), **Иоханна Альтузия** (немецкий юрист, политический теоретик; 1557–1638), **Самуэля Пуфендорфа** (немецкий правовед; 1632–1694) и других мыслителей. В них впервые в систематизированном виде была проанализирована политика как сфера человеческой деятельности. В начале XVII в. были открыты специализированные кафедры политической науки в Нидерландах, Швеции, еще ряде стран, а в немецких университетах получила распространение особая «наука о политическом благочинии» (нем. *Polizeiwissenschaft*), позже развившаяся в субдисциплину о государственном администрировании.

Иоханн АЛЬТУЗИЙ (ок. 1557, Диденсхаузен, Вестфалия – 1638, Эмден, Голландия) – немецко-голландский политический теоретик, которого считают родоначальником современных теорий федерализма и конссоционализма; философ права, обосновавший идею народного суверенитета.

АЛЬТУЗИЙ (Althusius), **Иоханн** (ок. 1557, Диденсхаузен, Вестфалия — 1638, Эмден, Голландия) — немецко-голландский политический теоретик, которого считают родоначальником современных теорий федерализма и конссоционализма; философ права, обосновавший идею народного суверенитета; дипломат и политик.

Автор ряда работ по праву, включая: классический трактат «Два тома, посвященные римскому праву» (1-е изд. 1586; 2-е изд., исправл. и дополн., 1588); «Два тома, посвященные гражданскому общению» (1-е изд. 1601; 2-е изд., исправл. и дополн., 1603); «Политика, изложенная методологическим образом и иллюстрированная священными и мирскими примерами» (1-е изд. 1603; окончат. исправл. и дополн. изд. 1614); «Три тома, посвященные теории справедливости» (1617) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Альтузий, работавший в кальвинистской традиции, утверждал, что политика является «искусством» объединения людей с целью установления, улучшения и сохранения между ними социальной жизни», иначе говоря, политика — это «симбиотика». Посему объединение (ассоциация или сообщество) людей и составляет предмет политики; соответственно, человек явля-

ется *политическим* существом (симбиотом — лат. symbioticum) при условии, что он объединен с другими людьми в группы (это утверждение находится в русле аристотелевой традиции). Люди объединяются в зависимости от потребностей и побуждений посредством договора, а точнее, множества договоров. Народ — «тело, представляющее собой сожительство индивидов» (лат. corpus symbioticum). Исходя из кальвинистской доктрины о предопределении, Альтузий предположил, что существует Закон, которому подчиняются все люди, но также они распоряжаются и существенными правами. Отсюда последовало положение, что только народ, т.е. все люди-симбиоты, распоряжается всей полнотой суверенных прав (*народ как носитель суверенитета*), и данное обстоятельство подлежит учету со стороны любого правителя, который обязан подчиняться благим установлениям сообщества. Таким образом, речь идет о необходимости наличия у правителей согласия со стороны управляемых на осуществление власти. Правительство (правитель) осуществляет административные функции в государстве, которое является «универсальным общественным объединением» (лат. universalis publica consociatio). В том случае, если правительство не выполняет свои функции и обязательства должным образом, злоупотребляет властью (тирания) и ставит под угрозу само существование сообщества, разрушает гражданскую и социальную жизнь, то сопротивление ему или даже его смещение является этически оправданным, ибо это есть акт борьбы со злом. Тем не менее, в отличие от большинства кальвинистских теоретиков, Альтузия больше интересовало не оправдание сопротивления правителям-тиранам, а создание способов обеспечения гармонии в человеческом сообществе.

Существует пять основных типов общественных объединений: семья (естественное объединение); добровольное объединение, основанное на сотрудничестве трех и более людей, принадлежащих к той же гильдии, профессии и т.п. (коллегиум); местное сообщество, город; провинция, а также государство (лат. respublica или regnum). Каждый последующий тип ассоциаций включает в себя все предыдущие, которые продолжают существовать параллельно ему. Каждая из ассоциаций, составляющая общество, обладает автономией по отношению к целому и другим ассоциациям. Устойчивость общества, структурированного как федеративная или конфедеративная — в зависимости от уровня внутренней интеграции — полития, по мере образования новых и функционирования уже сложившихся ассоциаций поддерживается с помощью серии общественных договоров. Исследуя взаимоотношения сотрудничества между различными ассоциациями и внутри больших объединений людей, Альтузий разработал целостную теорию федерализма, который выступает альтернативой феодальной иерархии и инструментом обеспечения единства, основанного на общих интересах и всеми разделяемой морали (она, в свою очередь, имеет в качестве основания Десять заповедей). В основе теории Альтузия — неотчуждаемость суверенитета, которым распоряжаются люди, составляющие ассоциации, и ассоциации, образующие государство. Суверенитет является фундаментальным принципом политического сообщества. Предназначение каждой ассоциации — обеспечение благочестивой, счастливой, гармоничной и спра-

ведливой жизни ее членов, а конечная цель политики — осуществление естественного нравственного закона и воли Бога.

Труды Альтузия пользовались большой популярностью в начале XVII в., в особенности в кальвинистской среде. Однако его идеи, как и идеи других монархомахов, не смогли остановить распространение абсолютизма в Европе, теоретиком которого считается Боден. Альтузий был вновь «открыт» в конце XIX в. немецким правоведом **Отто фон Гирке** (1841–1921), назвавшим Альтузия «наиболее глубоким политическим мыслителем, творившим в эпоху между Боденом и Гоббсом». Популяризация идей Альтузия в англоязычном научном сообществе была осуществлена К. Фридрихом, который перепечатал в 1932 будущую часть «*Политики*» с подробным комментарием. Выдающийся исследователь федерализма **Дэниел Элейзер** (1934–1999) охарактеризовал «*Политику*» как первую попытку создать «всеобъемлющую теорию федеративного республиканства», плюралистическую «теорию сложно составленного политического сообщества, основанного на согласии граждан».

Несмотря на то что политическая наука зародилась и сделала первые шаги в античном Средиземноморье, затем развивалась в эпохи средневекового католицизма, Ренессанса, Реформации и, наконец, в XIX в., это были все же попытки отдельных ученых, даже когда эти ученые были вписаны в те или иные институциональные рамки, будь то греческие академии, европейские средневековые, а потом и современные университеты. Многие философы и теоретики прошлого, изучавшие политические проблемы, отдавали им лишь часть своего времени, основное внимание уделяя служению церкви или монашескому ордену, опирались при этом на материальную поддержку представителей знати, в том числе некоторых монархов, либо сами принадлежали к аристократии и имели состояние. В XIX в. по мере развития европейских университетов в них все больше сосредоточивалось изучение государства, административных структур, государственной политики.

Г. Алмонд, «Политическая наука: новые направления»

Обратите внимание

Традиции ранней немецкой политической науки, название которой принято и сегодня писать на языке оригинала — Wissenschaft, уже в XIX столетии были перенесены американскими учеными в свою страну. Приведенное выше краткое современное определение науки как таковой в сущности воспроизводит подход тогдашних немецких университетов.

Ранние разновидности изучения политики были еще далеки от современных, прежде всего из-за довольно сильного влияния

Огюст КОНТ (1798, Монпелье – 1857, Париж) – французский философ, один из основоположников позитивизма в социологии.

догматических и схоластических традиций. Недостаточность критичности в подходах привела к тому, что политические исследования подпали под обаяние грандиозного замысла теоретиков эпохи Просвещения создать на принципах абсолютного Разума (лат. *absolutis* — безусловный, неограниченный) всеобъемлющую науку о человеке и обществе. В XIX столетии этот проект попыталось продолжить претендующее на универсальность обществоведение, например, общая социология французского ученого **Огюста Конта** (1798–1857), и марксизм, настаивавший на слиянии в единое целое философии, экономики и социологии. В результате политический анализ был включен в иные области знания — философию, социологию или юриспруденцию в форме общего учения о государстве.

Возрождение политической науки как практически самостоятельной сферы исследований и, что важно, преподавания началось во второй половине XIX в. Университетские отделения государственоведения и политики были созданы совместными усилиями историков, юристов, философов, ориентировавшихся на политическую проблематику. Это — **начало становления современной политологии**. Вместе с тем, для описываемого периода изучения политики был характерен целый ряд своеобразных подходов и особенностей трактовки содержания дисциплины и споры по данному поводу. (Показательно, что большая часть поднятых тогда вопросов остро полемично обсуждалась вплоть до последних десятилетий XX столетия.) На попытки создания универсальных теорий общества ученые, занимавшиеся политической сферой, закономерно ответили повышенным вниманием к *эмпирической* методологии (гр. *empeiria* — опыт), отраженной в подробнейших описаниях, в основном с формально-юридической точки зрения, государства, форм правления, других явлений политической жизни (**Теодор Вулси**, 1801–1889; **Вудро Вильсон**, 1856–1924; **Вильгельм Рошер**, 1817–1894; **Б.Н. Чичерин**; **А.И. Стронин**, 1827–1889 и др.). Объяснения явлений и процессов, связанных с политикой, исходили по преимуществу из конкретных культурных и исторических фактов при невнимании к природе самого человека и общества в целом. Набирали популярность сравнительно-исторические исследования, выбранные в качестве основы для подлинно научного изучения политики. Авторитетные ученые считали, что сравнительный метод в познании общества соответствует экспериментальному в естественных науках — **Джон Стюарт Милль** (1806–1873) и его последователи, — а это будет способствовать дальнейшему прогрессу политической науки.

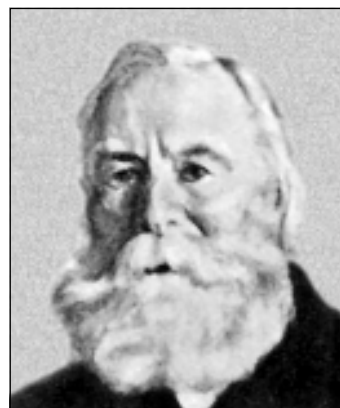

ЧИЧЕРИН, Борис Николаевич (1828, Тамбов — 1904, с. Караул, Тамбовская губ.) — философ-гегельянец, правовед, историк, активный участник земского движения, один из идеологов русского либерализма. В 1861–1868 — профессор Московского университета.

Автор работ по философии, праву, истории и политической науке, среди которых: «Опыты по истории русского права» (1858); «О народном представительстве» (1866); «История политических учений» (в 5 частях, 1869–1902); «Наука и религия» (1879); «Собственность и государство» (в 2 томах, 1881–1883); «Положительная философия и единство науки» (1892); «Основания логики и метафизики» (1894); «Курс государственной науки» (в 3 частях, 1894–1898); «Философия права» (1900); «Вопросы политики» (1903) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Исходя из общих положений философии Гегеля и дополнив ее некоторыми персоналистскими принципами, Чичерин предложил свою концепцию естественного права. Его идея сводилась к тому, что состояние естественного права в конкретной стране зависит от социокультурных особенностей и — главное — уровня эволюционирующего сознания общества в рассматриваемую эпоху. Таким образом, содержание права меняется, причем данный процесс зависит от развития свободы, понятой как единство внутренней свободы воли и внешней свободы, формально закрепленной в правопорядке. Из этого следует, что право есть результат истории, являющейся, в первую очередь, историей развития человеческой мысли.

В качестве одного из первых ученых России и Европы в целом, работавших по проблематике политологии, Чичерин внес значительный интеллектуальный вклад в теорию государства (по преимуществу в плане сравнительных исследований) и в аналитику политических учений. По мысли философа, государство есть основанный на власти *абсолютный* союз, который, в отличие от исторически предшествующих ему союзов, таких как семья (естественный), церковь (нравственный), гражданское общество (юридический), служит прежде всего идее общего блага. Вместе с тем, государство — это «союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага». Чтобы гарантировать безопасность общества и нравственный порядок, нельзя позволить отдельным группам («высшие») узурпировать власть над социумом и подменить общественные интересы частными, к чему и сводится главное в общем благе. Однако конечная задача государства, по Чичерину, заключается в обеспечении свободы личности, причем оптимальным способом для достижения этой цели является смешанная форма правления.

Борис Николаевич ЧИЧЕРИН (1828, Тамбов — 1904, с. Караул, Тамбовская губ.) — философ-гегельянец, правовед, историк, активный участник земского движения, один из идеологов русского либерализма.

Разнообразие подходов к осмыслению политики внешне выглядело как расколотость политологии уже в начальный период становления, что давало основания более сотни лет отрицать ее статус единой (хотя и комплексной) научной дисциплины. Подавляющее большинство нынешних политологов, рассматривающих историю развития и современное состояние своей области знания, среди них столь влиятельный ученый, как *Габриэль Алмонд* (род. 1911), спра-

Максим Максимович
КОВАЛЕВСКИЙ (1851, Харьков-
ская губерния – 1916, Петер-
бург) – русский правовед
и социолог, стоявший у истоков
социологического образования
в России; общественный
деятель.

ведливо не соглашаются с такой оценкой, которая в первую очередь обусловлена множественностью методологических подходов, применяемых одной из крупнейших гуманитарных наук.

...Мы исходили из анализа литературы от античности до наших дней, свидетельствующей о том, что политической науке присуще единство содержания и метода, и она развивалась в поступательном направлении, если принять за исходную основу этого процесса расширение ее фактологической базы и повышение требований к научной строгости выводов. Методология политических исследований характеризуется плюрализмом, который в основе своей эклектичен, однако в данном случае можно говорить не столько об изолированности, сколько о сосуществовании различных методологических концепций... Плюрализм такого рода отнюдь не разделяет ученых, он стимулирует взаимодействие специалистов, которое в конечном итоге базируется на всеобщем признании обязательности использования достоверных сведений и соблюдения правил логических выводов.

Г. Алмонд, «Политическая наука: новые направления»

Обратите внимание

В старейшем шведском университете г. Упсала политика как дисциплина стала приобретать схожий с сегодняшним облик с 1840-х гг. Католический университет Дублина в 1855 г. образовал кафедру социальной и политической науки. Примерно в 1870-е гг. в Оксфорде и Парижском университете стали читать специальные курсы по политике. За океаном в Колумбийском колледже в 1857 г. была создана отдельная кафедра по истории и политической науке, а в 1863 г. в Корнельском университете — уже факультет истории, общественной и политической науки. В 1870-е гг. в США были открыты специализации и школы аспирантов по политическим исследованиям.

В России академическая традиция изучения политики тоже возникает примерно во второй половине XIX в., в период так называемых великих реформ. Первыми собственно политологическими исследованиями можно, вероятно, считать такие труды, как «История политических учений» (издавалась с 1869) **Чичерина**, «Политика как наука» (1872) **А.И. Стронина**, «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880) **М.М. Ковалевского** (1851–1916). Развитие ранней российской политологии происходило на основе сравнительных подходов,

но не только. Весьма успешно работали специалисты в области истории политики и права, юристы, занимавшиеся проблемами государства. Благодаря усилиям ученых-университариев к началу XX в. значительно продвинулась вперед социология политики.

СТРОНИН, Александр Иванович (1827, с. Ракитино, Курская губ. — 1889, Ялта) — русский социолог-позитивист, представитель органицизма, просветитель; юрист и государственный деятель.

Автор ряда работ, в том числе: «История и метод» (1865); «Мир и война» (1870); «Политика как наука» (1872); «История общественности» (1885) и др. В последние годы работал над книгой «Теория личности» (не завершена).

Вклад в развитие политической науки. Будучи сторонником позитивизма, Стронин придерживался механистических взглядов на общество и стремился создать общую методологию науки, одинаково применимую и в естествознании, и в обществознании. Исходя из законов механики, он предлагал геометрическую модель общества: пирамида, обеспечивая внутреннее движение, одновременно остается стабильной и устойчивой благодаря круговому основанию (в зависимости от плоскости разреза пирамиды получались также коническая и круговая структуры общества). Статической образ общества как пирамиды дополняется исторической круговой теорией (динамический аспект), по которой индивид может одновременно входить в состав нескольких общественных союзов — концентрических кругов (семья, община, государство).

Стронин видел в социологии две основных составляющих — «невещественную», т.е. социологию политики, и «вещественную» социологию, сфера изучения которой распространяется на экономическую жизнь общества. Социологию политики он считал связующим звеном между естествознанием и обществознанием. Социология политики, в свою очередь, состоит из «практического искусства» (прикладные исследования) и «теоретической науки» (фундаментальные исследования). Предметом «политики как науки» (политической социологии) является, по Стронину, «жизнь деятельная», которая имеет «оттенок и созерцательный, и эстетический»: «Отсюда и три политики: политика теоретической деятельности, политика эстетической деятельности и политика практической деятельности».

В сфере политики («специально-политическая жизнь») Стронин увидел дифференциацию функций («политических отправлений») между «специальными политическими органами» и предложил их оригинальную классификацию: *интеллигенция* как «теоретический орган» выполняет «отправления созерцательной политической жизни» («проводник внешнего мира во внутренний»), т.е. выполняет мыслительные, концептуальные функции, создает идеи, идеалы, социальные проекты; *правительство* как «чисто эстетический общественный орган» выполняет отправления эстетической политической жизни, является «регулятором, устанавливающим гармонию» между внешним и внутренним мирами, претворяет идеи и проекты интеллигенции; *гражданство* как «практический орган» выполняет отправления деятельной политической жизни

(«проводник внутреннего мира во внешний»), т.е. воплощает в жизнь идеи, решения и т.п. Поскольку «интеллигенция есть класс активный, инициативный», то она является в основном политическим классом, а гражданство — «класс пассивный, по преимуществу воспринимающий и, следовательно, гораздо больше экономический», с второстепенными политическими функциями. Правительство совмещает в себе функции интеллигенции и гражданства, а также выполняет регулятивные функции, являясь «социологическим классом». Далее, правительство в широком смысле — еще и орган власти. Его главные функции — «правоопределение», или нормотворчество, т.е. законодательное закрепление идей интеллигенции, их адаптация под конкретные требования общественного организма; «суд», устанавливающий справедливость, т.е. приводящий реалии в соответствие с нормативными требованиями; администрация, результат которой — «правда», т.е. «практическое осуществление того, что должно быть», «право-правие», осуществление права. Общий смысл функций-«отправлений» «политических органов» — «политическое творчество в обширном смысле слова», создающее «продукты политические», иначе — «блага невещественные». «Политический продукт» интеллигенции — «обыкновенно широкие и неопределенные» идеи, правительства — «права», а гражданства — нравы: «Цель первых есть общественная истина, цель вторых — общественная красота, гармония, равновесие, цель третьих — благо общественное». Совокупный «продукт» правительства Стронин называет «культурой», а продукт просветительской деятельности интеллигенции — «цивилизацией».

Если идеи являются «летучим материалом политики», легко меняются, распространяются в обществе и даже им заимствуются у других обществ, то нравы в этом отношении сильно отличаются от идей. Нравы (в современных социальных науках обозначаются понятием «традиции») стабильны, устойчивы, сопротивляются изменениям и вырабатываются «всей жизнью» общества: «Нравы суть окончательный итог, заключительный вывод всей деятельности; это самый сложный продукт ее, заключающий в себе все другие; это степень, требующая действительного предварительного переживания всех степеней предыдущих: и идей, и идеалов, и проектов, и прав, и справедливостей, и правд. Оттого-то и для лица, и для общества единственное действительное мерило суть нравы его; это единственно действительный показатель прогресса и человечности».

Стронин выступил с тезисом о том, что «власть есть соединение силы, богатства и знания, а всякое соединение силы, богатства и знания есть власть», однако все равно «власть начинается от знания». Что же касается партий, то Стронин считал их выражением «политических инстинктов». Базовым, «неразложимым более общественным инстинктам» соответствуют две основные партии — «прогрессисты» и «регрессисты». Существует еще и «переходный инстинкт» — консервативный, охранительный, которому соответствует партия консерваторов.

Определенный интерес представляет вторая часть *«Политики как науки»*, носящая вполне актуальное название — *«Политическая диагностика и прогностика России»*, в которой Стронин предвосхитил некоторые положения современных модернизаторских теорий применительно к России, широко используемых в сегодняшней полемике о путях ее раз-

вития. Стронин выступил с утверждением телеологического характера о том, что развитие России связано с возвращением и просвещением демократизма, а также его встраиванием в глобальный исторический контекст и избавлением от невежественных, первобытных форм аристократизма, среди которых «праздность телесная и душевная, равнодушные к науке, к свободе, к достоинству». По Стронину, главная проблема России — непостепенность, волнообразность исторического развития страны, смена состояний застоя и резких изменений вроде реформ Петра I, грандиозность реформаторских проектов по перестройке прошлого, стремление догнать просвещенный Запад, перескочив назначенное историей, и т.п. В результате «волны таким образом возрастают, и вместо простого течения является буря» и «увековечивается волнение как органический порок общества». Отсюда — рекомендация перейти на путь постоянных малых реформ без «великих царствований» и «великих реакций» и призыв к власти, учитывая исторические пороки России, опередить или предотвратить грядущие бедствия путем продуманных уступок, исправлений, политикой соревнования с оппонентами, а не их подавления. Все же прогноз Стронина суров: «За наше равновесие общественное мы заплатим многим человеческим».

Не меньший интерес представляет и его сравнительная оценка различных способов поддержания единства государства. С одной стороны, оно обеспечивается «прочностью и популярностью центрального правительства», а с другой — «единством и тождественностью национальности». Во многих развитых государствах два эти способа взаимосвязаны и дополняют друг друга. В России все обстоит иначе: есть очень сильное центральное правительство, т.е. чрезмерная централизация, и отсутствие правительственных полномочий у «национальностей» как элементов децентрализации. К отмеченному следует добавить: в стране в силу многонационального состава ее населения отсутствуют подлинная «национальная целостность и социальное единство» и, что еще хуже, нет последовательной политики в этом («национальном») вопросе: то национальности «признаются» и им делегируются политические полномочия в виде создания автономий, то правительство упраздняет все ранее сделанное в данном направлении, умаляя достоинство других «национальностей».

Работы Стронина способствовали оформлению в России социологии, и в особенности политической социологии как научной дисциплины, вполне соответствовавшей общемировому уровню ее развития во второй половине XIX столетия.

Развитие мировой политологии в XX в. (заметно ускорившееся во второй половине столетия), а также умножение ее дисциплин и исследовательских направлений в целом отражают *соответствующие разделы нашей книги*. Здесь следует только подчеркнуть: подъему этой науки прежде всего способствовали процесс модернизации, демократизация и политических систем, и самой общественной жизни.

CASE-STUDY (англ.) — один из общенаучных методов, означающий изучение отдельного и уникального случая, в отличие от метода типологизации явлений.

Обращают на себя внимание еще три обстоятельства, благоприятствовавшие становлению политологии. 1) Увеличивалось не только количество университетских кафедр и факультетов; важно то, что были созданы специальные центры по изучению политики в большинстве стран Западной и Центральной Европы, в весьма сжатые сроки наладившие международное сотрудничество ученых и преподавателей. 2) С начала XX в. образуются национальные объединения специалистов в сфере политического знания (первое в США в 1903 г.). 3) Мощным стимулом развития дисциплины явилось учреждение в 1949 г. Международной ассоциации политических наук (англ. International Political Science Association — IPSA), которая выступает организатором всемирных конгрессов политологов.

На рубеже тысячелетий политология как научная дисциплина выполняет целый ряд конкретных функций. 1. *Описательная* (дескриптивная) функция призвана показать реальный ход вещей в политическом мире (к ней относятся не только описание масштабных событий национального и международного характера, в т.ч. для их сравнительного изучения, но и так наз. **case-studies**). 2. *Объяснительная* функция — это поиск ответов на то, каковы именно причины возникновения конкретных политических явлений и их свойства, т.е. данная функция помогает понять сущность все более разнообразных политических процессов на национальном и международном уровнях. 3. *Инструментальная* функция предполагает исследование возможных вариантов политических решений для достижения желательного результата и необходимых типов политического поведения. 4. *Прогностическое* назначение политологии обусловлено попытками научно предсказать будущее развитие политических явлений, последствия или конечную цель каких-либо событий (благоприятных либо отрицательных).

2.3. Профессия политолога

В предыдущем разделе речь шла в основном о так называемой *университетской* (или академической) политологии, иными словами, об исследователях политики, которые развивают эту науку по всем ее направлениям. Многие из них применяют свои знания (в разных формах) в политической практике, а также передают их студентам. В этих и других отношениях университетская политология — ядро профессии. Вместе с тем, в современных условиях специализация по политической науке стала поистине массовой. Достаточно сказать, что среди занятых в исполнительной и законодательной ветвях власти, в обслуживающих их аппаратах подавляющее большинство — именно профессиональные политологи.

Современная политика — особый род занятий, требующий серьезной подготовки, высокого профессионализма и разделения труда, поскольку ошибочные решения в данной области могут дорого стоить и для какого-либо национального, и для мирового сообщества, привести то или другое на грань политического краха. Так что сегодня нет ни одной из политических ролей, функций, профессий, которая бы не нуждалась в особых знаниях и умениях. В совокупности специализаций, связанных с политологией, некоторые требуют политологического образования, другие, помимо этого, сопряжены с тем или иным видом исследовательской либо аналитической работы.

Обратите внимание

Структура специальностей и направлений профессиональных занятий четче всего определена в тех странах, где политическая наука и ее преподавание достигли наибольшего уровня развития. Это прежде всего США, где факультеты политологии существуют не только в каждом университете, но и в большинстве колледжей. Их выпускники в основном профессионально занимаются политической практикой. На другом полюсе — государства, где население и сами политики считают, что для этой области жизнедеятельности важнее всего такие качества, как простота, пресловутая «близость к народу» и т.п. Понятно, что в современном политическом мире даже согласие с ценностью этих качеств отнюдь не исключает профессиональных знаний. Исследования, проведенные во всех частях света, доказывают: наиболее успешных результатов добиваются те публичные политики, которые обладают самыми обширными и разносторонними познаниями в политологии.

Дик ЧЕНИ (род. 1941, Небраска),
вице-президент США.
Получил высшее образование
в области политических наук
в Вайомингском университете.

Среди групп профессий в области политики, для которых необходимо особое политологическое образование, самыми массовыми являются следующие: политики, посредники, помощники, эксперты; к ним примыкают и идеологи. *Политики* — не только люди, непосредственно участвующие в осуществлении власти на разных ее уровнях (публичный политик), а еще чиновники (управленцы-администраторы) и партийные функционеры (т.е. работники аппаратов партий). *Посредники* (медиаторы) заняты связью политиков, общественных и корпоративных структур с гражданами (лоббисты, функционеры разных организаций, движений, компаний, благотворительных и иных фондов и т.д.). К этой же группе принадлежат и профессии, в функции которых входит налаживание новых средств и форм политического общения (специалисты по связям с общественностью: англ. public relations — PR; организаторы сетевых

и виртуальных взаимодействий и т.д.). *Помощники* (видимо, самая количественно большая группа) обслуживают собственно политическую деятельность (советники, определенные разряды сотрудников политических или административно-управленческих аппаратов, аналитики, политические технологи, имиджмейкеры и т.д.). *Независимые эксперты*, в числе которых — работники разного рода аналитических и информационных центров, участники «мозговых трестов», сотрудничающие с государственными структурами, партиями, корпорациями, банками, с крупными средствами массовой информации, заинтересованными в получении надежных сведений о политике вообще либо в своей области деятельности. Такие аналитические центры нередко полностью или частично финансируются бюджетными организациями, поскольку в принципе они призваны обеспечивать общество качественной политической информацией. В составе данной группы преобладают наиболее авторитетные и компетентные сотрудники научно-исследовательских учреждений и университетов. *Идеологи* обеспечивают поддержание в политической среде и в обществе влияния каких-либо идеологий, догматических учений, идеологизированных трактовок политики. В плане профессии — это сами идеологи, часть журналистов и PR-работников, выступающих как замаскированные агитаторы.

2.4. Структура политической науки

Не раз уже подчеркнутое выше разнообразие постоянно развивающейся политики предопределило и сложный состав самих наук, изучающих этот мир, и множество имеющихся на сегодня исследовательских проблематик. Понятно, что данные факторы обусловили неоднозначную трактовку общего содержания политологии.

Интерпретация

Крупнейший проблемный комплекс «большой» политической науки составляет целый ряд исследовательских направлений. Некоторые политологи склонны считать их смежными, во многом взаимопереплетающимися, но отдельными дисциплинами, иные — субдисциплинами, т.е. фактически «подчиненными» политологии отраслями знания. В зависимости от угла рассмотрения, по-видимому, правы и те, и другие: одни сферы изучения политики относительно самостоятельны (например, политическая психология), хотя в них частично используются теоретические построения, методологические подходы, категории «классической» политологии, вторые — четко вписываются в понятие субдисциплин (регионалистика). Кроме того, политологи оптимистично и обоснованно отмечают, что к началу XXI в. полити-

ческая наука представляет собой быстро изменяющуюся область знания, успешно преодолевающую те барьеры, которые ранее разграничивали ее конкретные разделы. Такое интеллектуальное взаимопроникновение сближает отдельные направления исследований в рамках политической науки. Можно считать, что она уже приобрела отчетливо междисциплинарный характер.

Вместе с тем, ряд политологов (в частности *Хелд*) обращает внимание на то, что в высшей школе часто принудительно разделяют общественные науки на «экономическую», «социальную» и «политическую» системы, представляя их как более или менее независимые области человеческой активности. В учебном процессе нередко продолжают искусственно расчленять и саму политическую науку, невзирая на уже признанную ее комплексность и междисциплинарность.

Вначале политическая наука в виде самостоятельной университетской дисциплины, как известно, преимущественно сводилась к **государствоведению**, вроде бы отпочковавшемуся от юриспруденции, но и поныне использующему особые правовые понятия, трактовки и подходы. В первые десятилетия XX в. изучение гражданского общества в целом и политического поведения, в частности, позволило сформировать новые дисциплины — **политическую социологию** и **политическую психологию**. Эти дисциплины возникли, соответственно, благодаря использованию общесоциологической теории и конкретных социологических исследований, а также психологии.

В мировой традиции политического знания обычно принято различать политологию как таковую (англ. political science) и политические науки (англ. policy sciences). Такое подразделение проводит, например, авторитетный англо-американский «Словарь политического анализа» (Дж. Плейно, Р. Риггс, Х. Робин; первое издание — 1982 г.). В данном смысле под **политологией**, как правило, понимается систематизированное изучение политики в целом и, более узко, государственного управления. В плане предмета исследования развитие политологии шло от внимания к формальным институтам (в основном к государству) и правовым отношениям до проявления научного интереса к поведению людей и их групп в политике, политическим процессам и системам, неформальным отношениям. Ранее преобладавший правовой, исторический и описательный анализ был дополнен методами бихевиоризма. Предметное содержание основных разделов политологии в ее качестве комплексной научной и учебной дисциплины (хотя это размежевание жестко не закреплено) обычно составляют: политическая теория; сравнительный и межстрановой (англ. cross-national) анализ; пове-

дение в сфере политики; властные отношения и управление на национальном и местном уровнях; государственно-административная деятельность (англ. public administration) и организационные решения; международные отношения.

В свою очередь, **политические науки** (термин изобретен Лассуэллом в 1951 г.) можно довольно широко определить как научное обеспечение политики; под данным понятием часто подразумевается **прикладная политология**. Это междисциплинарный комплекс исследований, связанных с использованием их результатов для обеспечения наилучших вариантов выработки и проведения государственной политики, решения проблем политической жизни общества в целом. Прикладная политология берет на вооружение почти все собственно политологические дисциплины, а также методы из таких научных областей, как общая теория систем, кибернетика (программирование), теория игр и т.д. Энтузиасты научного обеспечения политики рассчитывают на то, что дальнейшее развитие этой отрасли позволит применять политическое знание — во всей его совокупности — к явлениям политики.

Политическая социология — изучение политической жизни в социологическом контексте (с соответствующими методиками). Эта дисциплина рассматривает то, каким образом политические явления и события влияют на общество, и наоборот, какому воздействию со стороны общества, составляющих его групп и отдельных индивидов подвергается сама политика. Макросоциологический (т.е. общесоциологический) подход предполагает изучение социальных оснований власти, влияние социальных или групповых конфликтов на политические институты и процессы и обратное воздействие последних на общество, его конкретные слои и группы. Микросоциологический подход сосредоточен на конкретных политических структурах как социальных организациях (формальных и неформальных), на типах руководства, способах урегулирования конфликтов. Если политика — это одна из сфер деятельности общества в целом, политическое явление есть явление в основном и главном социальное. Политическая социология соединяет идеи и методики двух дисциплин — политологии и социологии. Сейчас направления научного поиска в данной области сводятся к проблематике: ролей и организационных отношений; политической элиты; социальных основ политических конфликтов; социальных характеристик (англ. attributes), связанных с политическим участием, в т.ч. в выборах. Среди важнейших вопросов политической социологии — исследование общественного мнения, выражающего установки и ориентации людей, групп, общества; анализ партий (руководящий, членский, активистский составы, корпус избирателей).

Политическая социология пытается прояснить пружины действия политической системы. Как раз то, что эта последняя старается скрыть. Здесь нет никакого макиавеллизма, подобное сокрытие редко когда связано с умышленностью, некоей целенаправленной волей — просто таков эффект деятельности системы. Обнажить основы власти означает привлечь к ним внимание, что зачастую помогает воспрепятствовать неверным суждениям о ней.

Ж.-П. Ко, Ж.-П. Мунье, «О политической социологии»

Политическая психология — одна из наиболее быстроразвивающихся ныне дисциплин, исследующих прежде всего роль личности, ее установок, убеждений в политике. По отношению к ней политология и психология (особенно в части бихевиоризма) — «материнские» науки. Современная политическая психология служит важным инструментом моделирования политических процессов, включая прогнозы. Она исходит из того, что политическое участие, как и другие разновидности поведения человека вообще, есть следствие его взаимодействия со средой. Потому данная дисциплина обращается к психологическим факторам — восприятию, ожиданиям, мотивациям (фр. *motif* — побуждение), познавательным процессам. Главные разделы политической психологии — изучение отношения человека к власти, механики политического поведения в целом, политической социализации, природы лидерства, конфликта и сотрудничества.

Политическая философия — та область интеллектуальной активности, где разъясняются и/или разрабатываются идеи, относящиеся к политике, преимущественно — к истории мысли, сущности и ценностям политической действительности, умственным предпосылкам ее анализа. Эта дисциплина предоставляет ученым средства и методы для абстрактного познания тех сторон политики, которые трудно или пока невозможно изучить опытным путем. В содержание предметов и «классической» политологии, и политической философии (в качестве их субдисциплин) обычно включают **политическую теорию** — исследования, оценки, объяснение и прогнозирование явлений в политике (в т.ч. поведения, ценностей и пр.). В этой сфере создаются политические концепции двух основных типов: *нормативные* (кратко говоря — устанавливающие определенные правила) и *эмпирические*, формулирующие поддающиеся научной проверке предположения.

В комплекс политической науки входит (примерно с 1945 г.) **политическая антропология** (гр. *anthropos* — человек) как изучение управления в примитивных либо племенных сообществах (как

правило, незападного типа — Азия, Африка, Австралия, тихоокеанские острова и т.д.). В ее рамках исследуется связь современного политического поведения с более широкой, можно сказать, исходной, групповой культурой и развитие политической практики от изначальных ее вариантов к нынешнему дню. Эта субдисциплина стала, помимо прочего, основой для образования **ретроспективной** (т.е. посвященной рассмотрению прошлого) политологии. Данные общей антропологии как науки о человеке предоставили политологам возможность проверить свои теории на гораздо большем разнообразии исторически сложившихся и эволюционировавших политических систем. Существенно и то, что именно антропология позволяет проследить влияние расовых и этнических факторов на поведение в политике сегодняшнего человека.

К числу политологических субдисциплин ныне относят также **политическую экологию**. Ее предмет исследования — отношения политической системы с физической, культурной и социальной окружающей средой. В последнее время концепция экологии применяется в социальном смысле — как среда влияет на политическую систему и обратные воздействия.

Геополитика с ее особым вниманием к окружающей среде и географическим факторам внешнеполитических отношений тоже входит в комплекс политологии. Иногда ее включают в качестве вспомогательного раздела в такую дисциплину, как **международные исследования и мировая политика**.

Из других областей научного знания политология заимствовала многие методы (здесь выделяются системный анализ, семиотика — наука о свойствах знаков и знаковых систем, логика, лингвистика). На их основе складываются относительно новые политологические субдисциплины — **структурно-функциональный анализ политики, коммуникативная политология** и т.д.

Как видно из вышеперечисленного содержания отдельных дисциплин и направлений изучения в политической науке, все их можно подразделить на две большие группы: 1) теоретико-аналитические и 2) эмпирико-дескриптивные исследования. В первой из них идет работа главным образом с концепциями и моделями, во второй — с непосредственно наблюдаемой политической практикой и анализом результатов таких наблюдений.

Особо следует обратить внимание на такую мощную по достижениям и по научным потенциям дисциплину, как **сравнительная политика** (англ. comparative politics). Она — своего рода связующее звено между эмпирическими изысканиями и политической теорией, а ее возникновение относят ко временам Аристотеля. Многие считают сравнительную политологию — ее еще именуют *поли-*

тической компаративистикой (лат. comparativus — сравнительный) — едва ли не центром политической науки вообще.

Что можно сказать в пользу сравнительного политического анализа? Он повышает чувствительность наблюдателей к различиям между их собственными обществами и другими и к последствиям таких различий. Это делает политологию более восприимчивой к сложности и многообразию норм, ценностей, институтов и социальных структур и к взаимосвязи различных форм политического поведения, которые, даже если они кажутся похожими на наши, могут означать совсем иное для тех, на кого они распространяются.

Дэвид Аптер, *«Политическая наука: новые направления»*

Классическое содержание предмета сравнительной политологии сводится к трем основным и обычно взаимосвязанным составляющим. 1) Изучение одной или ряда зарубежных стран; однако здесь метод сравнения выражен пока довольно слабо. Вместе с тем, данный компонент компаративистики полезен для начальных стадий учебного процесса. 2) Систематизированное сравнение разных стран для выявления и истолкования сходств и различий явлений, событий, процессов в политическом мире. В этом подходе большее значение придается построению и проверке моделей (теоретических схем), нежели собственно результатам наблюдений над конкретными вариантами страновой политики. 3) Постоянное обновление набора методов исследований (правил и стандартов сравнения) и выяснения их перспектив и пределов. Компаративный научный материал приобретает особую ценность, когда в процесс сравнения включены исследования по такой неизменно присутствующей в политологии каждой страны субдисциплине, как **теория и практика национальной политической системы**.

Сильный стимул к дальнейшему развитию сравнительная политология получила в середине XX в. Целый ряд ученых (в основном в США и Западной Европе) обосновал переход к *крупномасштабным* сравнениям, в которые были включены уже не только развитые демократические страны, но и иные типы политических систем и практик (примитивные, недемократические, незападные и пр. общества). При этом они стали использовать, в частности, данные политической антропологии, других смежных дисциплин. Тогда же было предпринято изменение методологии и категориального аппарата компаративистики. Расширение рамок сравнений с

необходимостью потребовало разработки более многопланового понимания самой политики. Если ранее уделялось повышенное внимание официальной, так сказать, политике, формальным ее сторонам, прежде всего государству, то теперь в предмет изучения были включены конкретная политическая практика людей и их групп (т.е. по преимуществу неформальные аспекты политики), а также процессы.

Вместе с тем, при всех нововведениях главным для сравнительной политологии остается поиск решения таких проблем, как: отличия политических систем; факторы стабильности и изменения политического режима; оптимальные формы правления. Особый всплеск интереса к компаративистике в последние десятилетия XX столетия был связан с чередой процессов *демократизации* в разных странах. Не так давно к традиционной проблематике этой дисциплины были добавлены следующие вопросы: сравнения в области международных отношений; изучение вариантов национализма и этнических конфликтов; экономические аспекты политики; выявление сходств и различий между группами интересов и др.

Вопросы для семинарского занятия

1. Поясните трактовку Аристотелем человека как «политического животного».
2. Является ли любое управляемое человеческое сообщество политическим?
3. Почему на протяжении долгого времени под политикой понималось главным образом государственное управление?
4. Что входит в число субъектов политики?
5. В чем заключается вклад Н. Макиавелли в изучение политики?
6. Охарактеризуйте основные современные модели объяснения политики.
7. Дайте определение политического в понимании К. Шмитта. Актуальна ли эта трактовка в настоящее время?
8. Что представляет собой современная политология? Согласны ли Вы с мнением о политологии как о «расколотой дисциплине»?
9. С чем связана все большая профессионализация и специализация представителей мира политики? Назовите основные группы профессий в политике.
10. Какие дисциплины входят в комплекс политической науки?
11. Каков предмет сравнительной политологии?

Тексты

- Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. — М., 1993.
- Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? — *Полис*, 1994. — № 3.
- Даль Р. Современный политический анализ. — *Политология*. (Отв. ред. Ю.С. Пивоваров). — М., 1993.
- Доган М., Пеласси Д. *Сравнительная политическая социология*. — М., 1994.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей. — *Полис*, 1999. — № 4.
- Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки. — *Полис*, 1999. — № 5.
- Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. *Политология. Методы исследования*. — М., 1997.
- Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 1, 2, 3.

Дополнительная литература

- Алексеева Т.А. *Современные политические теории*. — М., 2000.
- Ильин М.В. Слова и смыслы: Полития. — *Полис*, 1994. — № 4.
- Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? — *Полис*, 1996. — № 6; 1997. — № 1, 2.
- Марков С.А. Политические профессии. — *Полития*, 1999. — № 2.
- Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. Хрестоматия. — М., 2000.
- Салмин А.М. Политическое развитие России и актуальные проблемы политологии. — *Полис*, 1998. — № 3.
- Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии. — *Полис*, 1998. — № 4.
- Современная сравнительная политология*. Хрестоматия. — М., 1997.
- Уальке Дж. Гуманитарное воспитание и специализация в области политических наук. — *Полис*, 1996. — № 4.
- Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. — *Thesis*, 1993. — Т. 1. — № 2.
- Шестопал Е. *Психологический профиль российской политики 1990-х*. — М., 2000.
- Юревич А.В. Ученые в политике. — *Полис*, 1999. — № 2.
- Almond G., Powell G.B. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. — Boston, 1966.

- Almond G. [et al.] *Comparative politics today: A world view*. 7th ed. — N.Y., 2000.
- Frankfort-Nachmias Ch., Nachmias D. *Research methods in the social sciences*. 5th ed. — N.Y., 1996.
- Lasswell H.D. *Politics: Who Gets What, When, How* (With Postscript). — Ohio, 1964.
- Peters B.G. *Comparative politics: Theory and Methods*. — N.Y., 1998.
- Stepan A. *Arguing Comparative Politics*. — Oxford, 2001.

Глава 2

Политическая власть

Political Power

Программные тезисы

- Власть как ключевой момент политики. Различные понимания власти. Власть как метафора обыденной речи и как политическое понятие. Связь власти с мощью, влиянием, силой, богатством, правами, полномочиями, нормами и т.п. Виды власти.
- Сущность политической власти. Ресурсы, функции и эффективность власти. Директивный, функциональный и коммуникативный аспекты власти. Принуждение и добровольность, насилие в политике. Способы и стили властвования. Вклад М. Вебера в изучение категории власти.
- Происхождение власти и ее источники. Власть и «власти предержажшие». Центры власти. Господство. Наделение авторитета властью и использование власти авторитетом. Субъекты политической власти и политические институты. Функциональное разделение властей. Многовластие и безвластие. «Девальвация» и «ревальвация» власти. Типы господства согласно М. Веберу.
- Кризисы власти и пути их преодоления. Доверие к властям и легитимность политического режима. Институциональные основы современной легитимизации и делегитимизации режима. Понятие харизмы.

Проблемные вопросы

1. Чем власть отличается от господства, влияния, мощи и силы?
2. Может ли власть быть неполитической? Если да, то чем политическая власть отличается от всех иных ее видов?
3. Каковы пределы власти? Как она связана с принуждением и насилием?
4. Что предполагают выражения «иметь власть», «приобрести власть», «утратить власть»? Может ли власть «перемещаться»?
5. Каким образом власть может быть утрачена, а как получена? Исчезает ли она при этом, уменьшается, увеличивается?
6. Что значит «быть властью» или «стать властью»? Что требуется для этого?
7. Что подразумевается под выражениями «реализовать власть», «проявить власть»? Что и от кого требуется, чтобы власть «осуществилась»?

1. СУЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ВЛАСТИ

1.1. Соотношение политики и власти

Одна из первых, очевидно, попыток осмысления власти и соотносящихся с ней категорий — в политике богов, а не людей — предложена в VIII в. до н.э. *Гесиодом* (примерно VIII — IX вв. до н.э.) в поэме «*Теогония*» («*О происхождении богов*»), где уже были разделены Власть (Кратос) и Сила (Биа). Несколькими веками позже *Эсхил* (525–456 до н.э.) в драме «*Прикованный Прометей*» прояснил функциональное содержание этих понятий: слуги Зевса Власть и Сила привели ослушника богов к «скифской скале». Но если Власть, обладавшая суровым нравом, не знавшая мягкости и сочувствия, постоянно руководила, принуждала к действию приковывавшего Прометея Гефеста, то Сила по сути выступала только ее молчаливым орудием. Тем самым в прологе драмы были заложены типичные для античности (и во многом для сегодняшнего дня) представления — активный характер власти, ее обусловленность волей (Зевсом) и инструментальный, подчиненный статус силы. Так, вероятно, в художественном переосмыслении были заложены основы **кратологии**.

Власть как один из главных факторов в жизни человека — и несомненно центральный для политики, занимающейся вопросами распределения властных и иных ресурсов, — в высшей степени эмоционально окрашенное понятие, притягивающее одних людей и устрашающее других. Несмотря на сотни тысяч исписанных за столетия политическими мыслителями и учеными страниц, сама власть в качестве явления жизни вообще и политики, в частности, остается по сути малопознанной и по-прежнему объясняется с неодинаковых точек зрения. Потому тема власти в политологии очень сложна для понимания.

Когда мы говорим о власти вообще, то имеем в виду самые разные ее выражения, причем отнюдь не только политические. Это и власть родителей над ребенком, педагога над учеником, менеджера над сотрудником, многовековая и лишь недавно подвергнутая сомнению власть мужчины над женщиной; властными мы называем некоторые явления, связанные с сознанием: власть идей, общественного мнения, религии. К формам власти относят и могущество родства — патернализм (лат. *paternus* — отцовский), наследование, организация патриархальных (гр. *pater* — отец, *arche* — власть) цивилизаций; и теократию (гр. *theos* — бог) как соединение рели-

КРАТОЛОГИЯ (гр. *kratos* — власть) — направление в политологии, исследующее комплекс проблем, связанных с понятием власти, формами и способами ее осуществления и/или распределения.

Власть педагога над учеником — одна из неполитических разновидностей власти. На рельефе из Новиомага (II в.) — учитель, ведущий урок.

Интерпретация

О соотношении власти и политики рассуждали еще древнегреческие мыслители. В одном из диалогов *Платона* рассказано о споре в Афинах о политике с участием великого оратора, просветителя-софиста Горгия и философа Сократа. По мнению Горгия, политика есть стремление к достижению и осуществлению власти в интересах самих правителей, ведь высшее благо человеческой жизни — власть, и государственные деятели, например, Перикл, обретают его с помощью убеждения и риторики. Ту же тему развил и почитатель софиста — Калликлес, провозгласивший в качестве естественного закона (природного номоса), что те, кто обладает властью, правят полисом ради собственных целей, принуждая подчиняться своей воле более слабых.

Платон сделал Сократа выразителем противоположной точки зрения, который не отрицал собственного интереса в политике со стороны власть имущих, но для него это означало лишь то, что подлинно государственное мышление — редкое явление на нашей земле: «Я — ...почти единственный афинянин, который практикует истинное искусство политики; я единственный политик своего времени». Идея Сократа сводилась к тому, что государственная деятельность — это искусство, схожее с гимнастикой или медициной, т.е. имеющее отношение к телу (организму). Подобно тому как медицина есть искусство рассмотрения тела с точки зрения восстановления здоровья, государственные заботы направлены на душу, будь то через законодательство, устанавливающее образцы душевного здоровья, или через управление судами, которые лечат болезни души. Риторика, искусство убеждения — это симуляция политики, равно как и косметика, искусственное сокрытие недостатков тела, — поддельная гимнастика. Истинный государственный, владеющий знанием о том, что именно есть благо для людей, — это врачеватель душ.

О притягательности власти в ее различных проявлениях много писал выдающийся итальянский философ *Макиавелли* в популярных по сей день трудах «Государь», «История Флоренции». Но еще со времен античности в политической мысли постоянно присутствует и осуждение власти как таковой. В одном из диалогов Платона говорится: «Нет человеческой души, которая высто-

ит искушение властью». Спустя две с лишним тысячи лет, в 1887 г., известный британский политик высказался с трибуны парламента в том же духе.

Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно... Великие люди почти всегда — дурные люди... Среди того, что ведет к деградации и деморализации человека, власть — самая постоянная и активная сила.

Лорд Актон

На миниатюре XVI в. изображено равенство папы и императора, представляющих соответственно духовную и светскую власть.

В политическое понимание власти обычно вкладывается двойственное содержание. На протяжении истории человечества в одних обществах власть воспринималась как нечто данное свыше, от Бога, и потому она почиталась как святыня. Тогда в тех, кто пытался противостоять власти, видели порождение темных сил зла, заслуживающих осуждение и наказание. Но были времена, когда во власти люди разочаровывались; она представлялась делом дьявола со всевозможными грехами, а борцы против власти рассматривались чуть ли не как святые, достойные восхищения и поклонения.

Обратите внимание

В древних Вавилонии и Мавритании царей почитали как богов либо как сыновей богов.

Отголоском верований в божественный дар английских и французских монархов было народное убеждение в том, что они могли своим прикосновением вылечить, скажем, золотуху. Так думали еще в XVIII в. По словам нидерландского философа **Бенедикта (Баруха) Спинозы** (1632–1677), Бога считали бесконечной силой, и в этом смысле монархии заставляли своих подданных обожать королей, как любят богов, причем турки, например, довели механизм такого обожествления властителей до предела: там любая политическая дискуссия считалась святотатством, а разум начисто был исключен из отношения к султанам. Просвещенная Европа в данном смысле вовсе не отличалась от Африки. Путешественник по этому континенту в конце XVIII в. рассказывал, что царь Бенина — фетиш и главный объект поклонения в своих владениях; он занимает положение выше, чем папа римский в католической Европе, ибо выступает не только как вице-регент бога на земле, но и сам является богом, которому подчиняются и поклоняются именно как богу.

То же самое было и на Руси: монарх в XIV–XV вв. именовался великим князем, с XVI в. — титуловался царем; еще с первой половины XV в. была принята формула «Божиею милостью».

Трон императора Максимилиана, слоновая кость, Византия, VI в.

Она указывала на источник власти — теократический, т.е. происходивший из воли Божией, а не из воли подданных (**Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов**; 1838–1916).

Русский философ **Евгений Николаевич Трубецкой** (1863–1920) писал в статье «О христианском отношении к современным событиям»: самодержавие в России погибло от того, что оно стало не духом, а идолом для властителя. Царь уверовал в себя, в способность «субъективного откровения», сообщавшего ему — помазаннику Божию — непосредственно или через посланных Богом людей слепую веру в себя как в орудие Провидения. И оттого он остался слеп и глух к тому, что все видели и слышали.

Власть — и главная проблема, и основной нерв, и особый болевой центр политики. Власть по сей день даже свободными духом людьми воспринимается в качестве «чудесного» средства, которое позволяет политике формироваться в виде особой стороны человеческой активности, связанной с целенаправленной организацией. Власть объединяет все наши обязательства и действия, которые могут и должны помочь нам достичь взаимосогласованных целей. Тем самым ее роль — это организующее первоначало политики и/или *посредник*, обеспечивающий в современном мире согласованность действий людей. Многозначность понятия власти обуславливает и разные ее определения.

«**Политика** — совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее... Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций.

Н. Макиавелли, «Государь»

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себя включает.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

Политика, по существу, это власть: способность достичь желаемого результата какими бы то ни было средствами.

Э. Хейвуд, «Политика»

Международная политика, как и всякая другая, есть борьба за власть... Государственные деятели и народы могут в конечном счете изыскивать свободу, безопасность, процветание или просто силу, ...определять свои цели в виде религиозных, философских, экономических и социальных идеалов... Но всякий раз, когда они стремятся достигнуть таких целей методами международной политики, они делают это, борясь за власть... Подобная борьба универсальна во времени и пространстве, и это — неопровержимый факт исторического опыта.

Г. Моргантау, «Политические отношения между государствами»

Даже при несогласии с толкованием политики как «стремления к власти», по сути общепризнанно, что власть находится в центре политики и является ключом к пониманию едва ли не всех других ее аспектов.

1.2. Власть и связанные с ней понятия

С **властью** связана целая смысловая группа парных сопоставлений: власть и — мощь (могущество), влияние, господство, авторитет, убеждение, принуждение (насилие). И не только. Итало-американский политолог **Джованни Сартори** (род. 1924) утверждает: власть — это семантическая (т.е. смысловая) головоломка.

В первую очередь под властью подразумевают высшую государственную власть, что отражено в смысловой стороне многих языков нашей планеты. По-французски власть — *le pouvoir* — это еще и синоним центрального правительства; по-английски — *the power* — и держава, государство со всей его мощью; по-немецки *die Gewalt* — кроме собственно власти, также мощь либо насилие. В нашем родном русском языке «*власть*» зачастую оказывается синонимом начальства, а в множественном числе (власти) обозначает властные органы государства. На чешском слово *vlast* — родина, отечество, политическая власть как таковая именуется *tos*, равно как и мощь, а правительство — *vlada*. Следует помнить и то, что довольно популярное словосочетание «*власти предрежущие*» в качестве верховного правления государства заимствовано из Библии (в каноническом русском переводе) из послания апостола Павла к Римлянам, где и содержится обоснование божественного происхождения, высшей религиозной санкции на политическую власть: «Всяка душа властем предрежущим да повинуется. Несть бо власть аще не от Бога» (Рим. 13:1).

ВЛАСТЬ (как властное могущество вообще) (англ. power; от лат. potere — быть в состоянии, мочь, иметь возможность) — социологически «аморфное» (М. Вебер), т.е. неуточненное, понятие, предполагающее способность каким-либо желаемым образом и многими приемами воздействовать на поведение других в самых разных обстоятельствах. Механизмы власти — от убеждения (т.е. успешного воздействия без обещания вознаграждения или угрозы наказания со стороны обладающего властью) до давления, применения силы, принуждения (угроз сурового наказания или лишения благ за неповиновение). Предметом политологии являются: «власть и ее носители» — Г. Лассуэлл; осуществление «власти, господства (англ. rule) либо авторитета» (англ. authority) — Р. Даль; а сама политика есть «процесс принятия решений или властное распределение благ» — Д. Истон. Отношения власти подразумевают стабильность, постоянство, институционализацию, т.е. установленность. В политологии категория власти, при широком определении, нередко выступает синонимом «влияния» (см. Дж. Плейно, Р. Риггс, Х. Робин. «Словарь политического анализа», 1982).

МОЩЬ — совокупность ресурсов, т.е. наличных и потенциальных (лат. *potentia* — сила, мощь) средств и способов действия, прямое использование или вероятность применения которых создает относительно благоприятные условия для достижения носителем мощи желаемых целей (например, экономическая мощь, военная мощь и т.д.). В современной ситуации конкурентного взаимодействия социальных групп, корпораций, государств и т.д. важно не только количественное превосходство ресурсов, составляющих мощь, но и возможность преобразовать их в оптимальный способ действия в каждом конкретном случае.

МОГУЩЕСТВО — способность индивида (либо института) произвести на кого-то или на что-то нужное ему воздействие (эффект), которое чаще всего бывает соизмеримым с затраченной силой, количеством энергии. В политике принято считать, что могущество простирается до того предела, пока не будет остановлено другим могуществом. Понятие часто используется в международных отношениях.

Томас Гоббс, определяя власть через могущество, писал так: «Власть есть не что иное, как избыток могущества одного человека над другим», а **Спиноза** добавил: могущество человека возрастает тогда, когда он использует свой разум либо объединяется с другими людьми, и в этом смысле человек — «политическое животное».

Могущество человека... есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего видимого блага. Власть человека, если рассматривать ее универсально, состоит в его нынешних возможностях овладеть очевидными будущими благами.

Т. Гоббс, «Левиафан»

Показательно, что почти все мыслители прошлого, рассуждая о власти, не дают ей четкого определения, хотя и признают, что власть — фокус политики, а также науки об этой сфере деятельности человека. Последнее — едва ли не единственное, в чем они согласны друг с другом. Тот же Макиавелли, очарованный игрой власти, склонен, говоря о ней, скорее прибегать к ярким эпитетам и сравнениям, чем искать более или менее строгие дефиниции. Только на современном этапе развития политической науки появляются разнообразные трактовки именно самого понятия (концепта) власти. Для одних теоретиков власть есть **вливание** особого рода, для других — способность к достижению конкретных целей (в т.ч. в распределении материальных и иных ресурсов), для третьих — возможность использования неких средств, для четвертых — специфическое отношение (приказание/подчинение или еще какое-то иное) между управителем и управляемым и т.д.

Отличия в трактовке понятия связаны не только с многозначностью самой власти, но и с разными способами употребления данного слова. С одной стороны, оно позволяет слагать метафоры обыденной речи (оказаться во власти волн, преодолеть власть нищеты, вырваться из-под власти любовных чар и т.п.).

Обратите внимание

Фраза «учитесь властвовать собой» — метафора, предполагающая контроль разума над эмоциями. Если воспринять ее как «совет» по поведению в реальных властных отношениях, то возникает некая ненормальная ситуация расщепления личности вроде шизофрении — «двоевластия в одной голове».

С другой стороны, власть выражает особое политическое понятие, даже фиксирует довольно строгую научную категорию политологии. Однако приблизительность и небрежность в обращении со словом *власть* и связанными с ним по содержанию терминами *господство*, *влияние*, *авторитет* и подобными им создают немало проблем для практической политики и для политической науки.

Я считаю довольно грустным отражением состояния политической науки тот факт, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как *власть*, *мощь*, *сила*, *авторитет* и, наконец, *насилие*. Все они относятся к ...различным феноменам... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к лингвистическому значению, что само по себе весьма серьезно, но также указывает на некое слепое восприятие реальностей, которым они соответствуют.

Х. Арендт, «Кризисы республики»

Вместе с тем, при всей сумятице, которую вносит в наше мышление, а с ним и в политическое поведение смешение значений, нельзя отрицать важность сущностной близости, хотя и не идентичности, тех явлений, которые относятся к смысловому «гнезду» понятия власти. Мощь и *силу* объединяют с властью особые способности к какому-то делу, свершению. Богатство, нормы, права, полномочия (даже навыки, обычаи) составляют собой некие проявления власти, но осуществляемой по-иному и в других отношениях. Наконец, влияние, авторитет, господство — неотъемлемые специфические категории (и в этом смысле продолжения) власти со своими особыми инструментами, условиями осуществления и т.п.

1.3. Содержание власти

Важно различать виды власти — *политическую* и *неполитическую*. Для отличия такой «несовершенной», как бы сказал **Аристотель**, власти вне политики, от вполне «совершенной» ученые пользуются именно понятием **политической власти**, как имеющей только собственный смысл, источники и ресурсы, а также образующей особого рода *властные отношения*.

Интерпретация

Видный французский политолог **Доминик Кола** в учебнике «*Политическая социология*» (1994) предложил такое аналитическое понимание власти и властных отношений: «Власть в современ-

ВЛИЯНИЕ (англ. influence) — способность субъекта (актора) вызывать изменения во мнениях, установках, убеждениях, намерениях, а также в поведении некоего объекта в процессе взаимодействия с ним. Выделяются такие основные типы влияния: прямое — открытое сообщение требований объекту; косвенное — воздействию подвергается среда вокруг объекта; направленное и случайное; с применением нематериальных средств. В политике способность актора влиять на другого (других) зависит от: его политических ресурсов; характера и степени усилий по оказанию влияния; сферы функционирования объекта; желаемого повиновения; соперничающего воздействия иных субъектов на данный объект (ср. категорию *власти*).

СИЛА — 1) совокупность способов и средств воздействия на объект, целенаправленное использование которых позволяет контролировать объект и/или окружающую его среду; 2) способы воздействия физического характера; 3) личность, коллектив, институт и т.д., могущие оказать влияние на какой-то объект. В европейской политологии различают структурные (например, отдельный гражданин, партия, элита, этнос, социальный класс) и конъюнктурные (конкретный государственный деятель, партийный лидер, группа давления, клиента как объединение людей, связанных с тем или иным политиком и т.д.) *политические силы*.

ПОЛНОМОЧИЯ — признанное большинством граждан (легитимное) право какого-либо субъекта (индивида, института) влиять на поведение людей и деятельность политических и иных институтов, т.е. использовать власть. Полномочия — технологическое условие функционирования власти, реализуемое на практике как совокупность допустимых действий, установленных законами, традициями, авторитетом и т.п.

ных обществах ...может быть определена как относительно стабильное и характеризующееся пятью чертами отношение неравенства.

а) Власть не есть «нечто», удерживаемое или утрачиваемое кем-то; она реализуется по бесчисленным направлениям и в ходе игры «неравных и мобильных отношений».

б) Отношения власти не существуют рядом, над (как сверхструктуры) либо вне других отношений (сексуальных, экономических, познавательных); они не исполняют простую роль запрещения или воспроизводства — им принадлежит «непосредственно производительная» роль.

в) Отношения власти имеются в базовых для общества группах и институтах (семьи, предприятия и т.д.), и расколы там могут взаимонакладываться, образуя массовое противостояние управителей и управляемых, которое затронет все без исключения отношения неравенства.

г) Отношения власти интенциональны (т.е. сознательно целенаправленные на определенный предмет), но не субъективны: они не порождаются жадой власти некоего индивида или социального коллективного «штаба». Они — результат программ, сложных тактик, способных функционировать сами по себе... Эти многочисленные тактики путем пересечений, контактов, уточнений создают масштабные стратегии, которые вряд ли кто-нибудь возьмется объявить.

д) Там, где есть власть, есть и сопротивление, причем не пассивное, ...а в виде контртактики либо контрстратегии; точнее, существует множество сопротивлений, которые не сводятся к простому встречному удару, негативному отражению господства. Сопротивление «никогда не бывает внешним относительно власти»...

Итак, власть ...понимается не как отношение между субъектами, а как действие в ответ на действие».

Та или иная политика всегда обнаруживается в неполитических аспектах единой человеческой реальности. Если мы в состоянии выделить экономическую политику, то у нее непременно найдется и свое средство всеобщей связи, делающее возможным и эффективным выполнение обязательств, взятых на себя участниками экономических отношений. Раз так, то можно говорить об особой власти в сфере экономики, а значит, и об авторитете, **полномочиях** и правах экономических субъектов.

Для определения сущности власти как таковой можно было бы ограничиться указанием на то, что она выступает *средством всеобщей связи* при осуществлении целедостижения, **символичес-**

ким посредником, обеспечивающим выполнение взаимных обязательств (в кратком истолковании *Толкотта Парсонса*). Однако такое указание вряд ли достаточно, ибо в качестве подобного средства могут выступать самые различные явления — от грубого насилия до тонких дипломатических ухищрений.

На протяжении всей истории человечества власть одних людей над другими принимала порой самые причудливые формы. В древности физическое превосходство рождало власть: кто сильнее, тот и правит. Постепенно по мере развития цивилизации власть стала наследоваться. Король — символ и воплощение власти, передаваемой по наследству. В более поздние времена в символ власти превратился капитал — кто обладает им, у того власть над промышленностью, т.е. и над другими людьми. Итак, традиционные **источники** власти — *насилие, наследство, богатство*. Во второй половине XX в. все чаще начали писать о *знании* как еще одном, специфически современном, источнике власти. Правда, надо отметить, что уже с античности повелители понимали, что образование помогает подчинить индивида коллективу, а около 400 лет назад английский философ и государственный деятель **Фрэнсис Бэкон** (1561–1626) рассматривал знание в качестве силы.

Джон Гэлбрейт (род. 1908), выдающийся американский социолог, экономист и политический мыслитель, писал в книге «*Новое индустриальное общество*» (1967), что энергоносителем индустриального общества были деньги. Но в век информатики таким энергоносителем становится знание. Сегодня можно наблюдать формирование новой линии раздела в обществе — на тех, кто обладает информацией, и тех, кто выполняет свои функции вслепую. Власть информированного класса будет опираться не на собственность, на землю или капитал, а на знание. Другой известный автор, работающий в сфере политической теории и прогнозов, **Олвин Тоффлер** (род. 1928) так прояснял ситуацию с современными источниками власти: в конце XX в. происходит перераспределение власти, затрагивающее не только ее системы, но и глубинные основания. Теперь факторы власти — по-прежнему насилие и богатство, но главным становится знание, ибо именно оно лежит в основе по-современному понимаемых силы и богатства. Знание имеет двойную структуру: образование как приобретение технической или научной, практической или теоретической компетенции; информация как постоянное совершенствование политической и экономической функций личности, причем информацию можно преобразовать в действенную пропаганду каких-либо властных тактик. Кстати, указанным источникам соответствует и определенный набор **способов досту-**

Иллюстрация из средневековой рукописи демонстрирует два источника власти – насилие и наследование. Согласно легенде, император Священной Римской империи Фридрих II был задушен собственным сыном Манфредом.

Богатство как источник власти.

Козимо МЕДИЧИ-старший (1389, Флоренция — 1 августа 1464, Кареджи, округ Флоренции), купец и банкир, владелец крупнейшего в Европе состояния. Положил начало могуществу семьи Медичи, превратившей Флорентийское государство из республики в синьорию. Активно участвовал в городских делах, не занимая никаких общественных должностей, снискал народное доверие и расположил большими пожертвованиями на общественные нужды и культуру, дарами и займами гражданам и государству.

на к политической власти: *силовой* (революция, переворот), *наследование* (династия), *выборы*.

Множество попыток объяснить **сущность** власти так или иначе сводились к двум основным тезисам: 1) признанию наличия некоей абстрактной власти, оказывающейся самотождественной; 2) пониманию власти как какого-то качества или силы, которая может находиться в распоряжении ее временных хранителей, быть переданной по наследству, захваченной, узурпированной и т.д.

Иной подход ввел в современную науку немецкий социолог и теоретик политики **Макс Вебер**, который определял власть как **отношение**, предполагающее согласие обеих сторон — управлятеля и управляемого — в нем участвовать. Анализ власти (точнее, господства) Вебера касался не только политических институтов (государства, партий, профсоюзов), но и корпораций вроде Церкви, предприятий. Он рассмотрел власть как действие, направленное по отношению к чему-либо или к кому-либо. Для проявления власти нужно, таким образом, чтобы в наличии было два человека или две группы людей — субъект и объект. Собственно говоря, нынешние кратология и политология в целом по преимуществу исходят из веберовских концептуальных тезисов.

Вебер полагал, что власть — это возможность теми или иными особыми способами добиться подчинения со стороны определенной группы людей, однако он не имел в виду некую вероятность (шанс) применить могущество или влияние ради подчинения: власть — это самые разные мотивы послушания: от обычной привычки до рациональных (рассудочных) соображений. Значит, по Веберу, всякое подлинное отношение господства содержит интерес, внешний или внутренний, к подчинению (см. «*Экономика и общество*»).

Формула власти Вебера выглядит следующим образом: власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б соответствующих воле А поведения или воздержания от действий, с которыми Б в противном случае не согласился бы. При более внимательном рассмотрении этой *формулы власти* легко заметить: недостаточно, чтобы объект Б вообще как-нибудь реагировал, а нужно его поведение в соответствии с волей А. Очевидно, что не всякие отношения означают власть. Кроме того, в данной формуле сравниваются реальный факт и гипотеза («в противном случае делать бы не стал»), но мы не знаем этого точно — ведь можно представить себе ситуацию, когда воли А и Б совпадают, или Б случайно поведет себя так, как хотелось бы А. Значит, Вебер подразумевал, с одной стороны, навязывание воли и подчинение — с другой.

ВЕБЕР (Weber), Макс (1864, Эрфурт — 1920, Мюнхен) — социолог, экономист, политический философ и историк, оказавший выдающееся влияние на формирование фундаментальных основ теории и методологии социальных наук, в т.ч. политологии, XX столетия.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905); ««Объективность» социально-научного и социально-политического познания» (1904); «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906); «Хозяйственная этика мировых религий» (1916–1919); «Политика как призвание и профессия» (1919); «Наука как призвание и профессия» (1920); «Экономика и общество» (1924, посм. публ.) и т.д. Творческий потенциал трудов Вебера соизмерим с наследием других великих социальных мыслителей: его называют «великим буржуазным антиподом Карла Маркса».

Вклад в развитие политической мысли. Научные интересы Вебера — это широкий круг вопросов по социологической теории и методологии социального познания, истории капитализма и факторам генезиса западной цивилизации, религии, праву, экономике и т.д. Размышления ученого о природе, мотивах и типах *господства* стали классикой политической теории.

В отношении методологии социального знания («наук о культуре», например, истории) — как именно индивидуальные суждения превращаются в объективно-научные, общезначимые — Вебер подчеркивал: социальная наука должна быть свободна от оценочных суждений в соответствии с принципами подхода к любой дисциплине естествознания. Однако это требование не означает переноса естественнонаучной методологии на исследование общества и деятельности человека из-за их специфики и отказа ученого — как частного лица — от своего права на нравственную (и политическую) позицию, собственные оценки. Индивидуальное суждение становится объективным при его «*отношении к ценности*», значимой для всех познающих субъектов в данную историческую эпоху. Ценность в таком случае — *свойственное* эпохе направление «интереса», т.е. она не может быть надисторической, а значит, абсолютной истиной на века в силу социально-исторической детерминированности знания.

Ориентация на ценность — основа для образования научных понятий. Исходя из этого принципа, Вебер предложил методологический инструмент познания — «*идеальный тип*» в качестве теоретической схемы для выражения «интереса эпохи». При мысленном конструировании идеального типа (с учетом его утопических, даже «чуждых миру» свойств) нужно сознательно абстрагироваться от всей полноты реальности и выделять только некоторые ее аспекты. Для Вебера идеальный тип — лишь средство познания, выполняющее классификационные, терминологические и т.п. функции. Для историка идеальный тип нацелен на раскрытие «генетических связей» между имевшими место явлениями и отличается по сути и способам создания от «чистого» идеального типа в социологии с его более общим характером.

Категория действия — одна из центральных для социополитической теории Вебера. Действием он называет любое человеческое поведение (внешнее или внутреннее деяние, бездеятельность или пережи-

Макс ВЕБЕР (1864, Эрфурт — 1920, Мюнхен) — социолог, экономист, политический философ и историк, оказавший выдающееся влияние на формирование фундаментальных основ теории и методологии социальных наук, в т.ч. политологии.

Насилие как источник власти.
Гражданская война в Риме.
Фрагмент барельефа,
I в. до н.э.

вание испытания), когда действующий связывает с ним некий *субъективный* смысл (мотив). В свою очередь, основным субъектом (актором) социального действия, для которого характерны субъективная мотивация и «ориентация на *других*», выступает *отдельный индивид*. Изучения действий групп людей (коллективностей) Вебер оставлял психологам, считая, что поведение индивида в массе часто подражательно, не субъективно, значит, и не социально.

Вебер выделял четыре вида социальных действий: 1) *целерациональное* — ориентированное на осознаваемую человеком цель, причем выбор средств для ее достижения осуществляется им в соответствии с критерием успеха; 2) *ценностно-рациональное* — поведение сознательно организовано согласно конкретной системе ценностей, не связанных с оценкой успешности; 3) *аффективное*, которое определено «через актуальные аффекты и чувства», т.е. в основе его — эмоциональные побуждения; 4) *традиционное*, обусловленное привычкой. Образцовым (идеальным типом) для прочих видов действий, позволяющим классифицировать многообразие человеческого поведения, является целерациональное. Данный выбор неслучаен: Вебер считал *рационализацию* социального действия («замену внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса») всемирно-исторической тенденцией, распространившейся с Запада на неевропейские цивилизации. Радикальной рационализации как сущностной черте современности подвергаются все основные сферы общества: хозяйственная деятельность, управление в экономике и политике, образ мышления, повседневная жизнь и т.д. Убедительное проявление этого процесса — рост социального значения науки.

Рационализация зародилась в Западной Европе в XVI–XVII вв. в результате сочетания ряда уже содержавших рационалистические предпосылки элементов (римское право, отделение рабочей силы от средств производства, возникновение основанной на экспериментальных данных «новой» науки и т.д.), объединенных и многократно усиленных *протестантизмом* как мировоззренческим принципом, утвердившим экономический успех в качестве богоугодного жизненного призвания. Так в Европе появился тип общества, основанный на господстве формально-рационального начала, в т.ч. на техническом расчете как самоцели.

Исходя из рациональности, Вебер проанализировал современное общество, противопоставив идеальные типы «традиционного» и «капиталистического» (индустриального) обществ, которые различаются по форме собственности, преобладающим технологиям, рынку рабочей силы, способам экономического распределения, природе законов, распространенным мотивациям. В традиционно-аграрном обществе: собственность привязана к наследственному социальному статусу; почти нет механизации работ; законы имеют частный характер, т.е. неодинаково применяются к разным социальным группам; преобладающие мотивации сосредоточиваются вокруг удовлетворения нужд на привычном, фиксированном уровне. Напротив, в капиталистическом обществе: частная собственность на все средства производства и их концентра-

ция находятся под контролем предпринимателей; механизация труда является ведущей технологией производства, а его критерии — эффективность, производительность, рациональность в организации; труд — это товар на открытом рынке, свободно перемещающийся между отраслями и регионами в соответствии со спросом; рынок выступает в качестве основы распределения и потребления, а также не ограничен слабым развитием средств платежа, транспортировки товаров и прочими барьерами (т.е. может их преодолевать самостоятельно либо с помощью государства); законы универсальны (отсюда принцип равенства граждан перед законом) и ясно прописаны; конечная мотивация экономического поведения — неограниченное приобретательство.

Показательно, что Вебер создал идеальный тип именно *современного* капиталистического общества, связанного корнями с *западной* — и никакой иной — культурой. Такой подход открыл возможность для сравнительных исследований; позднее он рассматривал специфику социокультурных (включая духовные) оснований западного капитализма в сравнении с историческим своеобразием *незападных* цивилизаций (Восток, в т.ч. Россия). Лишь таким образом стало возможным выявление уникальных составляющих религиозно-хозяйственной этики Запада. Сравнительный анализ привел Вебера к выводу, что цивилизационные отличия не могут быть чисто экономическими, а определены социально-историческими и культурно-историческими условиями. Именно в данной связи возникло понятие «дух капитализма» — этические (преимущественно протестантские) нормы, реализующиеся в человеческом поведении как «этос», регулирующий весь уклад жизни его носителя, как «строй мышления», находящий свою наиболее адекватную форму в капиталистическом предприятии.

Вебер считал, что современный ему мир все больше оказывается в «железной клетке» расчета, а общественной жизни угрожает бюрократизация, понятая им как результат вовлечения масс в политику, сопровождающегося появлением множества общественных организаций, рационализация деятельности которых и имеет следствием бюрократизацию. Такая ситуация таит в себе опасность деструктивной для *рационально-легального* порядка реакции в виде эмоционально возбужденных массовых религиозных и политических движений. Вебер также указывал на необходимость развития т.н. плебисцитарной демократии, позволяющей народу избирать харизматических лидеров. По его мнению, это компенсировало бы недостаток легитимности (народного признания) власти в парламентских республиках.

Эти и другие концепции Вебера оказались очень продуктивными для исследования политики и решения все новых вопросов политической теории на уровне задач XX в.

Интерпретация

Формула власти по **Фридриху Энгельсу**, классика коммунистической мысли: власть — это навязывание воли одной стороной для подчинения другой.

Иными словами, подразумевается, что в процессе осуществления власти интересы одного субъекта приносятся в жертву интересам другого. Понятно, что тем самым усиливается конфликтный аспект власти. Несмотря на всю привлекательность этого подхода, он требует многих дополнительных уточнений, существенно затрудняющих фиксацию содержания власти.

Интерпретация

Американский политолог **Роберт Даль** (род. 1915) упростил веберовскую формулу власти: А имеет власть над Б настолько, насколько А может заставить Б сделать то, что не сделал бы самостоятельно.

К власти вообще очень трудно подойти объективно, она ускользает, видоизменяется, «играет» с наблюдателем. Стоит ли удивляться, что чуть ли не каждый известный политолог попытался сказать о власти что-то свое?

Общее определение власти должно включать следующие элементы:

- не менее двух партнеров отношений власти, причем этими партнерами могут быть как отдельные лица, так и группы лиц;
- приказ осуществляющего власть, то есть выражение им воли по отношению к тому, над кем он осуществляет власть, сопровождаемый угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной таким образом воле;
- подчинение того, над кем осуществляется власть, тому, кто ее осуществляет, то есть подчинение выраженной в приказе воле осуществляющего власть;
- общественные нормы, устанавливающие, что отдающий приказы имеет на это право, а тот, кого эти приказы касаются, обязан подчиниться приказам осуществляющего власть.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

Одни отождествляют власть с теми ресурсами, которые используются для связывания и опосредования целенаправленных действий и обязательств (отсроченных действий) в политике. При таком подходе власть предстает как своего рода *мощь, сила, воля, обаяние* или просто как некий необъяснимый, чудесный дар, именуемый загадочным словом **харизма** (гр. kharisma — божественная милость, дар: от kharis — прелесть, удовольствие). Это могут быть и возможности, порожденные иными, чем политика, аспектами человеческого существования, которые превращены

(конвертированы) во власть — *богатство* из экономической сферы, *влияние* — из социальной, *нормы и образцы* — из культурной. Подобной властью как ресурсом люди обладают (власть и владение — слова однокоренные), утрачивают его, передают, получают и делят.

Для других политологов понятнее и ближе сведение власти к устойчивым отношениям между людьми. Они связывают власть с *приказанием/подчинением* или *зависимостью*, обезличенной волей обстоятельств, а то и с *взаимозависимостью*. Взаимозависимость и вообще отношения двух или более переменных — это функция, и в таком качестве власть уже не может быть присвоена одним лишь лицом. Более того, функция начинает преобладать над людьми, делая их своего рода заложниками структурных отношений, предзаданных традициями и навыками политического взаимодействия. Власть как бы отчуждается от конкретного лица и становится «личиной», маской со своей ролью и сюжетной линией, которые приходится разыгрывать.

Есть, наконец, политики и политологи, для которых власть предстает в виде открытия грядущих *возможностей* (потенций), т.е. как средство политического творчества, проявляющегося в решении проблем создания новых ресурсов и функций. Такое творчество немыслимо без обсуждения и согласования альтернатив. Над ресурсами и над функциями надстраивается содержательная форма связи (коммуникация), порождающая все более современные, соответствующие обновлению условий смыслы человеческой деятельности, соотнесение целей и средств, а главное — выдвигающая глубинным основанием власти эффективность целедостижения.

Все эти различные трактовки феномена власти не исключают друг друга — они фиксируют разные и совершенно реальные ее аспекты. В нынешней политологической литературе нередко выделяют, как минимум, три таких измерения.

В соответствии с **директивным** аспектом власть понимается как господство, обеспечивающее выполнение указания верховного властителя, будь то человек или институт. Определенная таким образом власть — именно та, что осуществляет свою волю путем введения в дело разных наличных средств, ресурсов разного рода. Очевидно, что это очень серьезная характеристика власти.

Важно и **функциональное** измерение, т.е. понимание власти как способности и умения реализовать функцию общественного **управления** на практике. Данная функциональность обусловлена тем, что политическая власть представляет собой отно-

УПРАВЛЕНИЕ (РУКОВОДСТВО) (англ. government) — функция политической власти: 1) по общему поддержанию (развитию) структуры и способов функционирования политической системы, а также отдельных ее подсистем и элементов; 2) по формированию целей деятельности элементов политической системы, разработке конкретных программ достижения этих целей и контролю за их реализацией.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ — целенаправленное воздействие одной относительно самостоятельной системы — государства — на другие с целью вызвать изменения в управляемых системных объектах.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ВЛАСТИ обусловлен тем, что отправление власти идет путем общения, с использованием известного языка, понятного обеим сторонам данного общественного отношения.

Все три перечисленные аспекты власти — совершенно реальные, но все же не совсем равнозначны. Директивная составляющая, т.е. власть как принуждение к исполнению воли приказывающего, как правило, считается основной. Это по сути и отражено в распространенных в политологии определениях власти.

ИНСТИТУТ (в политологии) (лат. institutum — установление, учреждение) — определенная организация деятельности и отношений в сфере политики, воплощающая общественные нормы и правила поведения людей. Функция институтов — регулирование тех или иных аспектов политического процесса.

шение между теми или иными субъектами и объектами, политическими акторами (отдельные граждане, их организованные группы, партии, государства и т.д.).

Власть означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

В самом общем виде власть одного лица над другим можно определить следующим образом: Иван имеет власть над Петром всякий раз и только тогда, когда, согласно нормам общества, к которому принадлежат Иван и Петр, Иван имеет право приказывать Петру, а Петр обязан подчиняться приказам Ивана... Власть — это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. Говоря о приказывании и повиновении, мы имеем в виду определенный тип воздействия, отличный от того, что обычно называют «влиянием».

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

Вебер постарался и классифицировать власть, сформулировав ее три идеальных типа. Первый из них он обозначил как **индивидуализированную** власть, которая обычно осуществляется одним человеком и во многом зависит от его личных качеств. Из истории известно, что древнегреческие герои (тираны) добивались верховного статуса благодаря своим подвигам. При этом их смелость, умение повести за собой людей и соотносить свои силы с противником играли решающую роль. Макиавелли добавил и другие качества, необходимые властелину, — ловкость, изворотливость, способность добиваться цели любым путем, независимо от моральных ограничений. Однако у власти данного типа есть серьезные недостатки — прерывистый характер и отсутствие четких правовых границ. В случае смерти правителя, твердо и общепризнанно воплощающего собой власть, как правило, наступает период политического и иного кризиса (смуты), поскольку такое руководство трудно воспроизвести его наследнику.

Обратите внимание

В 1169 г. Андрей Боголюбский отказался сесть на княжеский престол в Киеве, сжег город, но сохранил за собой титул князя Киевского. Он перенес столицу Руси во Влади-

мир, где попытался создать новый тип правления, отличающийся и от вечевого, и от боярского. Его система власти строилась на следующих принципах: абсолютная власть князя; он не подчиняет себе бояр, а просто игнорирует их; правитель видит высшую санкцию (утверждение) власти в самом себе; князь воплощает собой весь народ. Условие существования подобной власти — наличие такого мощного репрессивного аппарата, который превышал бы возможности сопротивления всех потенциально противодействующих сил. В итоге Андрей Боголюбский был убит и у власти воцарился Всеволод Большое Гнездо; уже само добавление к его имени говорило о возврате к коллективному типу руководства (князь вместе с боярами).

Еще один идеальный тип — это **институционализированная** власть. Политические мыслители долго размышляли о том, как сделать отправление власти непрерывным. Именно этой цели служат различные политические институты и государственные учреждения. Но если источник власти находится не в людях, а в принципах или институтах, то последние легко ограничить (поэтому, например, появились идеи естественных прав человека), а также выработать правила и механизмы передачи власти чаще всего тремя основными способами: по наследству (от родителя к потомку либо родственнику); по правовым установлениям (в т.ч. назначение в порядке иерархической очередности); по конституции (через механизм выборов). Следовательно, институционализированная власть по существу и означает современное государство.

ПРИНУЖДЕНИЕ (англ. coercion) — разновидность эффективного влияния, основанного на использовании разнообразных политических, экономических, физических и др. способов и средств давления на объект (от запугивания, угрозы применения силы до собственно насилия). Цель принуждения — прямое повиновение объекта воле приказывающего. Монополия на законное применение силы отличает государство. В международных отношениях страх перед принуждением со стороны государств-соперников ведет к союзам, гонке вооружений и пр. ради безопасности. Принудительные взаимодействия субъекта и объекта либо двух субъектов глубоко конфликтны по своей сути.

Обратите внимание

Постановлением Великого Поместного и Земского Собора 1613 г. право на наследование всероссийского престола было закреплено на вечные времена за потомством царя Михаила Федоровича Романова (1596–1645). Российские законы о престолонаследии основаны на законодательстве, принятом императором Павлом I в 1797 г. В ст. 27 указано: «Оба пола имеют право к наследию Престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужскому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения, наследие Престола поступает к поколению женскому по праву заступления». Все члены Императорского дома имели право престолонаследия, кроме потомков от их браков с лицами, не обладавшими соответствующим достоинством.

Абстрактная власть институтов воплощается в конкретных людях. Итак, третий идеальный тип власти — **персонифициро-**

НАСИЛИЕ (англ. violence) – применение или угроза применения силы с целью принуждения объекта насилия к желаемому поведению. В целом насилие можно представить в виде присущей любому человеческому сообществу ценностной ориентации, состоящей в подавлении (в т.ч. физическом) соперника и подчинении его своей воле. Различаются открытые (связаны с физической угрозой жизни) и косвенные (угроза важным для обеспечения жизни условиям, например, достоинству и правам человека) формы насилия. В современном обществе открытое насилие утрачивает значение основного способа принуждения к определенному поведению и постепенно заменяется высокотехнологичными латентными (скрытыми) формами, лучше обеспечивающими социальный и политический контроль (манипулирование информацией, сознанием). Но открытое насилие не может быть полностью упразднено, ибо связано с устойчивыми элементами психологии человека (см. работы З. Фрейда, К. Лоренца, Э. Фромма).

ванная. В последнее время наблюдается усиление *личностного* фактора во властвовании. В немалой степени это связано с приходом эры телевидения и позже — Интернета. Раньше отношения между управителями и управляемыми имели преимущественно безличностный характер. Многие даже не знали, как выглядит их правитель. С развитием средств массовой коммуникации политики вошли в частную жизнь граждан; их взгляды порой лучше знакомы людям, чем мнения коллег или соседей. Дистанция между властью и массами сократилась, власти держащие перестали быть богами и выступили в образе живых людей, однако наделенных соотечественниками особыми полномочиями и функциям. Возникло явление, получившее название «государство-спектакль». ореол властвования оказался подверженным эрозии.

2. ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ ВЛАСТИ

2.1. Власть как принуждение

Почти все определения власти так или иначе связывают ее отправлением с **принуждением**, приказанием, внешним волевым усилием по отношению к подвластным. В основном решения о поведении, таким образом, принимаются против их желания, поскольку общество видится как механическая солидарность. Преобладает режим команда/исполнение.

Понятие подчинения присутствует в явном или скрытом виде фактически во всех теоретических концепциях власти. Уже первая из них — *Платона* — рассматривает власть в понятиях приказа и начатия действия и его исполнения. Тот же подход — у *Аристотеля*, *Гоббса*, *Гегеля* и других мыслителей прошлого и настоящего. Подчинение всегда предполагает отношения неравноправные, *асимметричные*, когда одна из сторон доминирует.

И во всем ...из нескольких частей, составляющих единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например, в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования.

Аристотель, «Политика»

Фокусирование внимания на директивном аспекте власти вполне понятно: оно удобно для создания простых моделей властных отношений, ибо позволяет представить их в как бы в очищенном, чуть ли не в первобытном виде. В этом случае, однако, для политолога существует опасность увлечься теоретически и политически усеченными трактовками власти, которые нередко сводят ее к господству или даже незамысловато отождествляют с принуждающим **насилием**.

В политологии существует и специальная концепция **политического насилия**, понимаемого как любое действие (или угроза действия), направленное на физическое уничтожение человека (группы людей) или причинение ему (им) намеренного ущерба. С 1960-х гг. понятие насилия обозначает всякие ситуации противостояния внутри государства, связанные с применением силы или его угрозой: антиправительственные выступления, политические убийства, терроризм, государственные перевороты, восстания, гражданские войны, революции. При изучении проявлений и причин политического насилия выделяются социально-психологические факторы, такие как «относительная депривация» (англ. *relative deprivation*); тематики политической культуры и убеждений (Т. Гурп, Э. Мюллер); специфика социальных и политических структур (Д. Гиббс) и т.д.

И наоборот, ученые, исходящие из усложненного коммуникативного истолкования власти, склонны твердо разграничивать применение силы (англ. *force*) и принуждающего насилия (англ. *coercive violence*) от собственно власти. Например, американский политолог, специализирующийся на новых аспектах содержания научных понятий, **Теренс Болл** (род. 1944) считает всякое насилие лишь псевдовластью, фактическим признанием псевдовластвующим субъектом того, что он не в состоянии ни осуществлять самостоятельное руководство, ни добиваться своих целей в условиях конструктивного сотрудничества с другими.

С несколько односторонним подходом Болла, который не учитывает иных аспектов власти, кроме коммуникативного, по сути дела спорил выдающийся теоретик **Парсонс**.

Прямое насилие как способ принуждения объекта к желаемому поведению. На гравюре (XVII в.) изображены наказания, применявшиеся в Европе в XVII в., — железный ошейник и принудительные работы.

Сила — это «способ», но не всегда обязательно «средство», с помощью которого один элемент системы социального взаимодействия (будь то индивид или коллектив) может влиять на другой. В этом ракурсе сила является использованием контроля над ситуацией, в которой *alter* (лат. «другой») элемент, выступающий в роли объекта для *ego* (лат. «я»), подвергается давлению *физическими средствами*, дабы отвратить *alter* от совершения чего-то нежелательного для *ego* или наказать его за то, что не следовало бы

Признание монополии государства на насилие является более крепкой опорой власти, чем непосредственное насилие.
На фото: немецкий подросток не сопротивляется арестовывающим его полицейским.

делать с точки зрения его (а наказание предназначено заставить alter отказаться от подобного действия в будущем), или «символически» продемонстрировать способность его контролировать ситуацию даже независимо от его ожиданий того, что у alter могут быть нежелательные, по мнению его, устремления.

Т. Парсонс, «Социологическая теория и современное общество»

Разрешить проблему позволяет рассмотрение власти как связывающего действия и обязательства людей **посредника**, который может представлять ее в разном виде. Заключены ли в столкновении силы с силой предпосылки политического взаимодействия человека с человеком? Да, в той же мере, в какой прямой натуральный обмен (бартер) содержит в себе первоначала отношений экономических. Подобные взаимодействия, однако, связаны с конкретной ситуацией, а силовое принуждение или обмен чаще всего бывают однократными. Устойчивость и постоянство, столь необходимые и политике, и экономике, достигаются тогда, когда принуждение и обмен превращаются в обобщенный символ. Такими символами становятся в политике ресурсы насилия и признаваемое в данном сообществе право их использовать («монополия легитимного физического насилия», которую Вебер признавал за государством), а в экономике — некий универсальный товар, например, золото. Кстати, сравнения между политикой и экономикой для прояснения властных отношений очень полезны и убедительны.

Власть, по Парсонсу, понимается как аналогичный деньгам символический посредник, циркулирующий внутри политической системы, но способный перемещаться оттуда во все три соседние функциональные подсистемы общества — экономическую («конвертируясь» в те самые деньги), интегративную (совокупность социальных общностей с посредником в виде влияния) и строеподдерживающую (культурную с посредником в виде ценностей). Тем самым власть осмысливается как способность обеспечивать выполнение связывающих обязательств элементами политической системы, когда эти обязательства признаны соответствующими коллективным целям, а на случай неповиновения кого бы то ни было предусмотрено принуждение. В соответствии с определением Парсонса, сделать возможным исполнение некоего желания даже угрозой превосходящей силы не означает использовать власть. Способность добиться послушания, чтобы ее назвать властью, должна быть обобщенной, а не одной лишь функцией какого-то единичного воздействия.

На придании принуждающему насилию символического смысла усложнение интерпретации власти не завершается. Подобно тому как простое накопление и расходование золота не создают эффективного денежного обращения, обычное аккумуляирование ресурсов, прав на насилие и их растрачивание все еще имеют непосредственный характер и осуществляются в сравнительно ограниченных масштабах. В довольно примитивных условиях традиционного общества требуется сосредоточение золота и ресурсов насилия (например, дружины) тогда и в том месте (локусе), где должны быть реализованы властные или торговые отношения. С развитием человеческих сообществ происходит дальнейшее усложнение их экономической и политической организации, в частности, образуются устойчивые функциональные отношения типа заимодавец/должник и властитель/подвластный. Тогда уже не нужно возить повсюду золото, достаточно иметь расписку, вексель и т.п. Не стоит и окружать себя вооруженными дружинниками — вполне хватает законодательно закрепленных прав управителей и обязанностей управляемых. На этой основе и в экономике, и в политике возможно построить достаточно длинные цепочки взаимодействия и обширные сети отношений между людьми. В силу всеобщего признания закона его требования осуществляются добровольно. **Санкции** (т.е. сила) применяются только к тем, кто на этот уровень сложности политической системы не поднялся или захотел поставить себя «вне закона».

САНКЦИЯ (лат. *sanctio* — строжайшее постановление) — мера воздействия, важное средство социального контроля. Различают негативные санкции, направленные против отступления индивида (группы, института) от общественно признанных норм, и позитивные санкции, поощряемые обществом (коллективом) отклонения от норм. Формальные санкции налагаются официальным политическим институтом (например, государством), неформальные — общественной группой. В *мировой политике* — меры воздействия, применяемые против государства или неправительственной организации при нарушении ими своих международных обязательств либо норм международного права.

Интерпретация

Парсонс в работе «Социологическая теория и современное общество» (1967) построил четырехсоставную схему вероятных воздействий субъекта власти на объект в их отношениях: принуждение — ситуационные негативные действия (санкции); побуждение (англ. *inducement*) — ситуационные позитивные действия (санкции); активизация обязательств (англ. *activation of commitments*) — интенциональные, т.е. намеренные, негативные действия; убеждение (англ. *persuasion*) — интенциональные позитивные действия.

Право использовать власть, какие-то негативные санкции по принципу бартера или даже принуждение, чтобы закрепить главенство одного решения над другим, Парсонс квалифицировал как *авторитет*.

Еще более высокая сложность экономической и политической систем — использование их функциональных возможностей: операции с кредитно-долговыми и другими подобными отноше-

Насилие, применяемое как санкция за отступление от общепринятых норм.
Инквизиция в Испании (гравюра с картины XIII в.).

ниями в экономике, с законами и административными установлениями в политике. Здесь и возникает тот наивысший на сегодня коммуникативный уровень взаимодействия (с обязательным обсуждением альтернатив), когда насилие как таковое уже не нужно. Добровольность становится не вынужденным, а действительным основанием властвования, которое отныне опирается на знание публично согласованных целей и способов их достижения, а также на устойчивые принципы и процедуры действий по реализации соответствующих обязательств политических акторов.

Рассуждая о знании и о власти, мы говорим об одной и той же реальности. Общество, благодаря некоторому распределению знаний, организует и порядок власти... Существование конкретной власти, проявляющейся в данной точке социального устройства, связано с бесчисленными компонентами знания, рассеянными во всех частях социального устройства.

Б. Барнс, «Природа власти»

Однако такие сложно устроенные системы, рассчитанные на хорошие знания, информированность и значительное взаимное доверие граждан, могут давать сбои, если заметная часть общества оказывается не в состоянии действовать адекватно уровню требований. Тогда возможен спуск от достигнутого все ниже и ниже. В итоге можно прийти к тому качественному положению, когда только сила и обладание товаром остаются единственной надеждой власти. В политике это равноценно деградации политической системы до состояния гражданской войны или «войны всех против всех» (Гоббс); в экономике — крушению не только кредита, но и денежного обращения. В этом смысле прав Болл, утверждая, что использование ничем не связанной силы равнозначно саморазрушению власти. Впрочем, данная закономерность, вопреки мнению Болла, не безусловна по своему характеру. Применение политически и юридически регламентированного (упорядоченного) насилия вроде временного ареста, депортации (высылки), тюремного заключения может иметь оздоровительный эффект, подобно банкротству и распродаже имущества в экономике.

Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам — на-

чая с рода — физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области ...претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

При учете трех базовых аспектов власти (они же — условные степени ее усложнения) трактовка этого ключевого феномена политики оказывается достаточно гибкой. На самом низком, исходном уровне директивное управление может быть истолковано как простое распределение ресурсов насилия и прав на их использование. Развитие функционального аспекта власти ведет к разграничению полномочий. При коммуникативном понимании власть оборачивается сотрудничеством (т.е. знанием и доверием) при распределении ресурсов (не только силовых) и при согласовании специализированных политических функций.

2.2. Методы, стили и порядок властвования

Политическую власть на практике осуществляют разными конкретными (порой индивидуализированными) способами, а стилистические черты (совокупность своеобразных приемов) властвования — важная особенность политической системы как таковой. В самом общем виде процесс реализации власти включает в себя: 1) *принятие политических решений* с выбором целей и средств их достижения; 2) *проведение этих решений в жизнь* путем последовательных действий по мобилизации необходимых ресурсов и нейтрализации сопротивления оппозиции.

Методы властвования политологи классифицируют по разным основаниям; их, например, ранжируют (т.е. выстраивают последовательный ряд) в зависимости от соотношения в управлении принуждающего насилия и согласия. Подходы к властвованию обычно распределяют на три группы: **принуждение, убеждение, стимулирование**. В основу каждого из этих методов могут быть заложены самые разнообразные средства и механизмы осуществления власти. Весьма характерно, что необходимый порядок отношений управителей и управляемых образуется за счет «конвертирования» либо физических ресурсов (силы и других способностей, геополитических преимуществ и т.п.), либо символических посредников из смежных с политикой сфер: денег (экономика), влияния (социальные связи), ценностных ориентаций (культура) и т.п.

Три основных метода в распоряжении властвующих групп: убеждение, материальная выгода и насилие. Насилие, видимо, наиболее эффективный в краткосрочной перспективе метод, однако он малорезультативен в качестве основного подхода к сохранению власти на длительный срок, ибо он принуждает (особенно в современных условиях) к ужесточению приемов властвования и все более широкому распространению этой жесткости. Самым эффективным (иначе — самым дешевым) методом, конечно, остается убеждение. Однако все три приема — убеждение, выгода и насилие — всегда используются при всех формах правления.

Ф. Нойманн, «Подходы к исследованию политической власти»

При характеристике способов властвования нередко учитывают черты стиля поведения правителей. Психологическое разделение Макиавелли и представителей властей предержащих на «львов» (приверженцев прямолинейного господства, склонных к насилию) и «лис» (правителей скрытных и гибких) впоследствии было использовано в работах знаменитого итальянского обществоведа **Вильфредо Парето** (1848–1923) об оптимизации власти, о ее организации и о важнейшей роли в этих процессах *элит*. Разработку стилевых характеристик продолжают специалисты по политической психологии, которые предложили множество классификаций политических лидеров в зависимости от их стилевого подхода к правлению («знаменосец», «пожарный» и т.п.).

Кроме того, власть по способам осуществления часто подразделяют на **явную** (эксплицитную) и **неявную** (имплицитную). Выражением явной власти будет ситуация, когда А совершенно определенным образом, не допуская разночтений, укажет Б, что ему надлежит делать (или от чего воздержаться). При неявном властвовании Б делает то, что желает А, но без прямого предписания с его стороны. В этом случае Б знает (или догадывается) об устремлениях А и по разным причинам выполняет их.

Простые примеры подобного предугадывания желаний властной персоны дают неформальные отношения в относительно замкнутых группах (семья, команда политического лидера, клика, клиента и т.п.). Для иллюстрации имплицитной власти иногда ссылаются на основанное на исторических фактах предание. Английский монарх Генрих II (1133–1189), выведенный из себя тяжким конфликтом с архиепископом Кентерберийским Т. Беком (1118–1170), однажды в гневе воскликнул: «Неужели никто не избавит меня от этого человека?!» Четыре верных рыцаря суверена

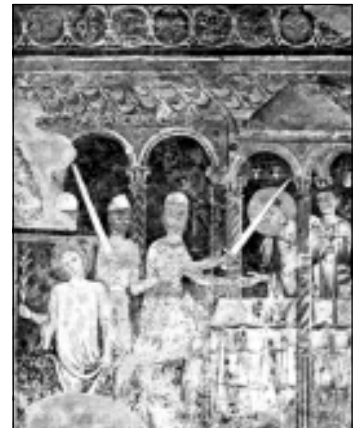

той же ночью умертвили архиепископа, хотя явного, или эксплицитного, приказа сделать подобное они не получали.

Обратите внимание

По мнению многих политологов, власти присуща изрядная хитрость: она сплошь и рядом прибегает к манипуляциям, создавая иллюзию автономии граждан. Вот лишь некоторые приемы правителей: игра на конформизме многих людей; демагогия; церемониальные эффекты; разделяемое с народом сознание преступного характера неких акций; возбуждение любви к тирану и т.д. Итак, отношения управитель/управляемый создаются не только насилем или принуждением, но также правдой и ложью, пороком и угодливостью, ощущением достоинства либо неполноценности, предательством и любовью. Очень трудно провести границу между принуждением и согласием, тем более что при демократии речь идет не о согласии всех, а о согласии большинства с действиями власти.

*Убийство архиепископа
Кентерберийского Томаса
Бекета (фреска, XIV в.).*

Есть еще одна важнейшая тема, связанная с порядком властвования, — принципы **ограничения** политической власти и ее **распределения** между сторонами властных отношений. В современной практике используется очень много таких подходов, однако основные (разделение властей, типология политических режимов и т.д.) подробнее рассматриваются в других главах, а здесь кратко изложены лишь те из них, что непосредственно относятся к основной проблеме этого раздела — порядок осуществления власти.

В прежние времена ни один монарх, какой бы всемогущей и абсолютной ни была его власть, не взялся бы единолично, без помощи промежуточных органов власти управлять всеми частями большой империи... Демократические народы ...пришли к вещам очень странным. Так, они полагают, что граждане не способны сами вести мелкие дела в соответствии с простым здравым смыслом. Когда же речь идет об управлении целым государством, то этим гражданам они готовы доверить необъятную власть. Люди поочередно становятся то игрушками в руках правителя, то его повелителями, то больше, чем королями, то меньше, чем простыми смертными.

А. де Токвиль, «О демократии в Америке»

Из желательных и возможных ограничителей верховной политической власти, вслед за **Алексисом де Токвилем** (1805–1859), до сих пор называют религию и нормы нравственности; проме-

Шарль Луи МОНТЕСКЬЁ
(1689, Шато Лабред, близ
Бордо – 1755, Париж) – фран-
цузский философ-просветитель,
политический мыслитель
и правовед.

жуточные территориальные органы и «образования патриотического сплочения» (т.е. входящие в государство провинции и регионы, местные общины); группы интересов и социальной солидарности (различные элиты, ассоциации, партии, лоббистские организации); общественное мнение; независимую судебную власть. Позже к этому перечню добавилась и информационная власть.

Самый значимый и известный принцип взаимоотношения полномочий управителей — **разделение властей** — будет рассмотрен в главе о законодательно-функциональной типологии политических режимов. Это означает, что институты и политические силы (включая отдельного гражданина) обращаются не к обобщенной власти как таковой, но к такой власти-посреднику, которая занимается специфическими обязанностями, — творит законы, исполняет уже принятые решения и законы, следит за их соблюдением. Честь формулирования принципа «власть останавливает власть» для политики принадлежит **Шарлю Луи Монтескьё** (1689–1755).

Интерпретация

Одним из первых философов политики, всерьез задумавшимся над вопросом, почему погиб Рим и как избежать его участи, был **Монтескьё**. Он писал: «Несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И нетрудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие; подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновесить другую; это такой шедевр законодательства, который редко удается выполнить случаю, и который редко позволяют выполнить благоразумию». По Монтескьё, средство против вырождения демократии в тиранию — равноправие трех ветвей власти: «Чтобы не было возможностей злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы сдерживать друг друга» («О духе законов», 1748).

МОНТЕСКЬЁ (*Montesquieu*), **Шарль Луи** (1689, Шато Лабред, близ Бордо – 1755, Париж) – французский философ-просветитель, политический мыслитель, правовед, писатель.

Автор ряда работ, посвященных политике, среди которых роман-трактат «Персидские письма» (1721; устами своего героя – молодого перса, путешествующего по Европе и направляющего письма на родину (всего 161 письмо), Монтескьё обличал деспотизм, критиковал пороки аристократии и духовенства; в 83-ем письме излагается типичная для Просвещения концепция справедливости и правосудия: опор-

ная категория в этой концепции – «добродетель»); «Размышления о величии и падении римлян» (1733); «О духе законов» (1748; работа над этим сочинением продолжалась более 20 лет) и др. Часть работ Монтескьё не дошла до наших дней – например, сохранились только сокращенное изложение и некоторые фрагменты «Трактата об обязанностях» (1725).

Вклад в развитие политической мысли. В отличие от многих мыслителей Просвещения, Монтескьё при изучении явлений общественно-политической жизни применял не абстрактно-априорные методы, а методы непосредственного эмпирического наблюдения и сравнения. Принципы социального и исторического детерминизма позволили Монтескьё отойти от предшествующих рационалистических концепций и заявить о невозможности построить на основе теории естественного права (хотя общие посылки этой теории он разделял) универсальную систему общественных законов, поскольку условия существования народов различны. На первый план Монтескьё ставил факторы, определяющие «дух законов», или «образ правления»: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат этого образуется общий дух народов» («О духе законов»). Под «духом закона» Монтескьё понимал отношения, характеризующие совокупность позитивных политических, гражданских и исторических законов. Различающиеся условия и факторы, характеризующие «дух закона», определяют также и характер формы правления. Он выделил три формы – республиканская (демократическая и аристократическая), монархическая и деспотическая. Этим формам соответствуют определенные этико-политические принципы: добродетель – для республиканской, честь – для монархической, страх – для деспотической.

Несомненный вклад Монтескьё в развитие политической мысли состоит в дальнейшей разработке *теории разделения властей*. Над идеей французского мыслителя о соотношениях между отдельными ветвями власти серьезно размышляли авторы американской конституции, применившие многие положения теории Монтескьё к практике тринадцати колоний. Истоки теории разделения властей восходят к идее смешанного типа правления, разрабатывавшейся еще *Аристотелем* (384–322 до н.э.), *Фомай Аквинским* (1225/1226–1274) и *Джоном Локком* (1632–1704). В практическом плане эта идея нашла свое выражение в английском «Билле о правах». Изучая государственное устройство Англии, где в результате естественного развития был создан реальный *механизм разделения властей*, Монтескьё дает его теоретическое осмысление и обоснование. В частности, как и *Никколо Макиавелли*, Монтескьё считал, что политической властью всегда злоупотребляют (это вытекает из природы людей, которые не просто склонны заблуждаться, но при этом еще и действуют по собственным заблуждениям). Поэтому верховенство права может быть обеспечено только разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. Различные власти должны сдерживать друг друга. Именно такая конфигурация власти способна обеспечить политические и юридические условия свободы.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО (как политологическое понятие) — принцип ограничения власти, согласно которому верховная (государственная) власть, управленцы других уровней, все социальные общности и каждая отдельная личность уважают право и находятся в равном положении по отношению к нему. Здесь высшая законность — судебная власть, причем в последней инстанции. Неуважение к закону наказывается судом. Правовое государство предполагает иерархию юрисдикции, т.е. среди правовых актов главный — конституция, затем свод законов разных уровней, указы руководителя государства (президента и пр.), постановления правительства и т.д.

Французский политолог **Жан-Люк Шабо** справедливо полагает, что каковы бы ни были претензии политической власти, она не может всецело господствовать над управляемым ею обществом, а значит, ей обязательно нужны «физические» противовесы в виде так называемого **правового государства** и конституционных **гарантий гражданских свобод**.

За несоблюдение принципа ограничения политической власти следуют санкции: они налагаются либо в юридическом порядке, либо применяется коллективная защита управляемых от действий управителей. В конституциях разных государств эти санкции прописаны неодинаково, вместе с тем, их можно свести в некий краткий каталог: правовая защита управляемых (оспаривание нормативных актов, в т.ч. подзаконных, высшей власти, персональная, обычно уголовная, ответственность управителей); контроль конституционности (как правило, прямое обращение граждан в Конституционный или Верховный суд); лимитирование права представителей законодательной и исполнительной властей апеллировать в ряде случаев к судам; отрешение от должности управителей с помощью специальной уголовной процедуры и т.д.

Интерпретация

По мнению **Шабо**, изложенному им в учебнике «Введение в политику» (1991), «очевидные преимущества писаного права — его определенность и всеобщая о нем осведомленность («никто не может отговариваться незнанием законов») — недостаточная гарантия его претворения в жизнь. Торжественность деклараций прав не является залогом уважения к ним в реальных действиях членов сообщества». Для эффективности норм права нужна совокупность трех условий: соответствие писаной нормы ценностям и соотношению сил в обществе; признание наивысшей ценности правовой системы норм (от конституции и ниже); наличие механизмов и органов, чья задача — эффективно обеспечивать законность по ее иерархии (т.е. контроль конституционности).

Ограничения политической власти ради защиты управляемых получили действенную поддержку со стороны международно признанных правовых актов (Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., и т.д.).

Теперь вопрос о **распределении** власти. Властные отношения очевидно *асимметричны*: в них вовлечено правящее меньшинство и управляемое большинство. Ряд политологов считает, что правящее меньшинство — это вневременная социальная ка-

тегория, которая составляет относительно сплоченную группу — **элиту**, — наделенную, по мнению ее представителей и с точки зрения общественности, выдающимися свойствами. Другие убеждены, что элиты — относительно недавние образования, появившиеся лишь в Новое время благодаря высокой социальной мобильности и расслоению (стратификации) крупных массовидных обществ. Особо выделявшиеся до того группы традиционно воспринимались как объединения «лучших», «благородных», «либеральных» (здесь — свободных и щедрых), «чистых»; для них были характерны достаточно высокая замкнутость, нередко и единство происхождения.

ЭЛИТА (фр. elite — лучшее, избранное) — группа индивидов, обладающих специфическими личностными особенностями и профессиональными качествами, делающими их «избранными» в той или иной сфере общественной жизни (политика, экономика, наука и пр.).

Обладание властью обеспечивает правящей элите привилегированные и господствующие позиции в обществе. Причем считается, что такое положение элиты в социальной структуре не зависит от персональных перестановок, частичного обновления ее состава, происходящих при социально-политических переменах и преобразовании способа организации власти (в т.ч. в случаях чередования у власти правящих и оппозиционных групп); почти неизменными остаются также ее социально-психологические характеристики.

Элиты, равно как прочие массовидные объединения (группы людей, выделяющиеся по определенному признаку — например, пенсионеры, школьники, избиратели какой-то партии и т.п.), некоторые ученые считают субъектами политической власти. Это спорная точка зрения. Возражающие ей спрашивают: могут ли все бизнесмены или рабочие, все женщины или любители пива выступать как единый политический актор? Ответ, по меньшей мере, неочевиден, прежде всего потому, что в современных условиях один человек так или иначе включается в разные группы внутри общества. Более того, есть множество примеров, когда люди действуют вопреки интересам своей группы или наперекор устремлениям большинства.

Однако в политике каждый отдельный человек, сложившиеся элиты и другие социальные группы, политические институты выполняют свойственные им *роли* и занимают определенные позиции при распределении власти. В традиционных политических системах они образовывали пирамидальные структуры, когда вершину занимал самый мощный властитель, затем шли слои все менее значимых авторитетов, внизу же оказывались самые неавторитетные роли и институты. Тем самым возникали политические отношения иерархического типа. Для их описания удобна модель «верх — низ», «вышестоящие — подвластные».

При **пространственном** (территориальном) распределении власти та же логика может быть представлена с помощью модели

Стейн РОККАН (1921, Ваган — 1979, Берген) — норвежский социолог и политолог-компаративист, видный представитель западной послевоенной политической науки; один из основателей и первый председатель Европейского консорциума политических исследований.

«центр — периферия». Она особенно удобна для налаживания функционирования более сложных, чем чисто иерархические, политических систем с гибкими принципами организации. На основе этой модели продуктивное описание распределения и циркуляции власти внутри Европы, отдельных национальных сообществ и субрегионов было осуществлено в 1970–1980-е гг. политологами, интеллектуально объединенными выдающимся норвежским исследователем **Стейном Рокканом**.

РОККАН (Rokkan), Стейн (1921, Ваган — 1979, Берген) — норвежский социолог и политолог-компаративист, видный представитель западной послевоенной политической науки; один из основателей и первый председатель Европейского консорциума политических исследований (ECPR).

Автор ряда работ, в том числе: «Граждане, выборы, партии: подходы к изучению сравнительного развития» (1970); «Экономика, территория, идентичность: политика западноевропейских периферий» (1983, соавт. Д. Урвин). Кроме того, Роккан выступил редактором ряда книг: «Демократия в условиях мировой напряженности» (1951, совместно с Р. Маккеоном); «Партийные системы и размежевание избирателей» (1967, совместно с С.М. Липсетом; представляет собой результаты исследования электоральных процессов в Италии, Франции, Испании, ФРГ, Финляндии, Норвегии, Японии, Бразилии и Западной Африке); «Кливажи, партии и массовая политика» (1970, совместно с Э. Аллардом); «Политика территориальной идентичности: исследования европейского регионализма» (1982, совместно с Д. Урвином) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Практически с самого начала своей научной карьеры Роккан принимал участие в международных научных проектах, связанных, например, с изучением демократии (проект ЮНЕСКО), в 1950-х — социальной мобильности, а также политических ориентаций учителей в семи странах и т.д. Роккан успешно совмещал академическую, научную и организаторскую деятельность. В частности, он занимал посты вице-президента Международной социологической ассоциации (1966–1970), президента Международной ассоциации политических наук (1971–1973), председателя Европейского консорциума политических исследований (1970–1976), президента Всемирного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО (1973–1977) и т.д. Роккан участвовал в создании Норвежской службы информации по социальным наукам, Информационной службы международной статистики (IDIS) и информационной службы при Европейском консорциуме политических исследований. Роккан внес большой организационный вклад в развитие современных социальных наук как секретарь Комитета политической социологии при Международной ассоциации политической науки и Международной социологической ассоциации, организатор многих международных конференций, один из создателей современных информационных и статистических служб в области социальных наук и т.п.

Важной сферой научных интересов Роккана стали *электоральные исследования*, в особенности электоральное поведение в Норвегии (уча-

ствие в Норвежской программе). Первоначальным образцом таких исследований для европейских ученых стали достаточно эффективные американские методики. В частности, было выяснено, что на электоральное поведение в Норвегии влияют отличающиеся от американских партийные альтернативы. Для объяснения этих и подобных различий Роккан и его коллеги обратились к историческим и региональным (эколого-географическим) факторам, также оказывающим влияние на современные политические ориентации избирателей. По данной причине в электоральные исследования в Норвегии почти с самого начала был включен эколого-географический компонент. Роккан отмечал большое значение в долгосрочной перспективе процессов первичной массовой политической мобилизации, которые, в свою очередь, испытывают значительное воздействие институциональных факторов, в особенности таких, как время и способы введения всеобщего избирательного права в соотношении с возникновением парламентского или подотчетного парламенту правительства. В связи с электоральными исследованиями в сферу научных интересов Роккана попали социальные *кливажи* (фр. *clivage*, англ. *cleavage* — расщепление, разделение), т.е. достаточно широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, расовым, религиозным и т.п.) или фундаментальные различия и конфликты, определяющие, в частности, размер и качество национальных партийных систем. Роккан предложил немало аналитических схем, объясняющих причины политизации таких расколов. Общей чертой этих схем было немалое внимание к отношениям *центр/периферия*: в процессе нациообразования между модернизирующимся национальным центром и периферией имеют место многочисленные экономические, юридические, культурные и т.п. противоречия. Кливажи сопровождаются появлением устойчивых комплексов (политических) предпочтений, вокруг которых формировались европейские партии. После возникновения базовых электоральных структур (институтов, в т.ч. правил голосования) происходит «отверждение» (англ. *freezing*) кливажей (расколов) и электоральных структур (институтов), их стабилизация: «Партийные системы 1960-х годов отражают с немногими, но существенными исключениями структуру кливажей 1920-х годов» («теорема отверждения» была выдвинута Рокканом в 1967 совместно с С.М. Липсетом).

В поздних работах Роккан рассматривал вопросы, связанные с нациообразованием и формированием государств, намереваясь создать «топологическую и типологическую макро модель Европы», требовавшую систематического сравнения больших массивов географических, экономических, политических и т.п. данных по европейским странам. Предложенная им «концептуальная карта Европы» («теория Европы») основана на сочетании методов ретроспективного и перспективного анализа (инструментализм), чрезвычайно насыщена политическими сущностями и охватывает временной период в несколько столетий.

Созданная Рокканом «теория Европы», несмотря на уязвимость некоторых положений, представляет собой грандиозную политическую схему на основе длинных рядов развития, стоящую наравне с теориями политического развития К. Дойча, Б. Мура, И. Валлерстайна, которая и по сей день сохраняет значительный эвристический потенциал.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — в современных обществах понимается как высшая степень совместимости многообразных интересов. Основным критерий справедливости — максимум свободы для возможно большего числа индивидов.

АВТОРИТЕТ (лат. *auctoritas* — власть, влияние, от *auctor* — деятель, творец) — влияние индивида (института), обусловленное признанием другими, по их собственной воле, чье-то права вводить нормы, установления либо распоряжаться, рассчитывая на повиновение. В политологии принято как понятие, обозначающее: 1) форму осуществления власти (влияния), основанную на высоко ценимых в обществе качествах, заслугах носителя авторитета или приобретенную на основании утвержденных процедур; 2) источник влияния преимущественно ненасильственными средствами; 3) легитимизированное руководство (управление), т.е. вид власти, основанный на ее добровольном признании правомерной признании правомерной управляемыми. Авторитетно-властное отношение является субъективно воспринимаемым психологически либо нравственно, в отличие от форм влияния, связанных с принуждением. В современной политике авторитет в своем воздействии на управляемых основан на доброй воле — нужно повиноваться, ибо это правильно, т.е. ➡

➔ люди готовы следовать нормам и указаниям должностных лиц.

Ныне авторитет воспринимается как позитивное свойство индивидов или институтов со сложным сочетанием профессиональных, психологических, морально-этических качеств, одобренных обществом заслуг при их соответствии общественным нормам, традициям, требованиям и ожиданиям. Кроме того, за авторитетом признается довольно высокий уровень эффективности при выполнении политических и социальных функций, а также обязательств. Авторитет в политике является в итоге способностью выявлять, концентрировать и усиливать важнейшие аспекты общего согласия. Сохранение авторитета политическими институтами (путем его подтверждения) — важный фактор их стабильности.

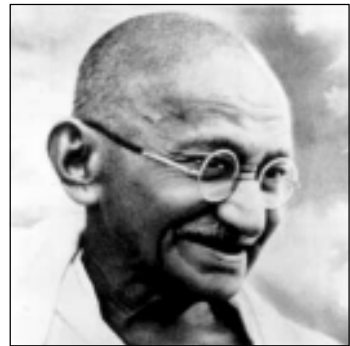
Пространственное распределение, функциональная специализация могут привести к такому усложнению процессов циркуляции (круговорота) власти, что гражданам и их объединениям, вступающим через исполнение ролей в политические отношения, окажется трудно разобраться с многоликостью ее проявлений. В таких случаях возникают вполне оправданные ощущения многовластия, а с ними — и стихийного безвластия. Именно это в античности выражало понятие **полиархии** (гр. polyarkhia — власть многих) как рассогласованности управления. Когда же создаются специальные институты, которые регулируют процессы распределения власти, задают правила ее делегирования, возвращения и функционального преобразования, многообразие локусов (лат. locus — место) власти люди способны обратить себе на пользу.

Например, даже в централизованном, т.е. *унитарном* (фр. unitaire — составляющий единое целое), государстве есть общенациональная власть и периферия с местным управлением. Однако здесь все внутренние и международные полномочия сосредоточены в руках первой. По определению **Шабо**, если государство из центра с помощью своих представителей руководит местными территориальными единицами, это — *деконцентрация*; если оно передает часть своих полномочий локальным сообществам и контролирует выполнение ими надлежащих функций, то мы имеем дело с *децентрализацией*. Гораздо сложнее распределение власти в *федеративных* (лат. foedus — союз) государствах, где существуют одновременно два постоянных и формальных уровня управления. Своеобразие этого устройства состоит в том, что сама федерация обладает всей полнотой внешнего и частью внутреннего суверенитета; ее участник (субъект) — лишь некоторыми, в каждом случае особыми, признаками внутреннего суверенитета. Еще более разнообразно устройство власти в конфедерациях или в таких наднациональных образованиях, как Европейский союз.

2.3. Авторитет, господство и их признание обществом

Вынесенные в заглавие раздела термины политики — одни из центральных для изучения феномена власти, а потому весьма сложны для понимания. Принято считать, что существует три мотивации носителя властных функций: желание господствовать — эгоистический фактор; намерение сделать благо другому — альтруистический (бескорыстный) фактор; стремление вписаться в освященный свыше круг любой власти. Выше говорилось, что сущность собственно политической власти — в ее функции главного

средства (посредника), позволяющего осмысленно соединить усилия многих людей для реализации согласованных или, по меньшей мере, принимаемых ими целей. Значит, в этом состоит и ее мотивация в целом: данная власть возникла в силу необходимости преодоления беспорядка путем налаживания взаимодействия людей, а тем самым ради упорядочения общественных процессов, создания основ для их предсказуемости. Посредник подобных взаимодействий должен быть выверен и его эффективность — проконтролирована. Это важно для того, чтобы оценить деятельность людей (выполнение или невыполнение обязательств) как совокупность поступков справедливых (оправданных) и несправедливых, а также максимально повысить их результативность.

Мохандас Карамчанд ГАНДИ (1869, Порбандар – 1948, Дели) – один из лидеров и идеолог индийского национально-освободительного движения, создатель доктрины ненасильственной борьбы за независимость – *сатьяграха* (санскрит, буквально — упорство в истине). Авторитет Ганди и его социально-политическая и религиозно-философская доктрина, основанная на принципе ненасилия, в значительной степени способствовали достижению Индией независимости.

Прежде чем слова *справедливое* и *несправедливое* могут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания, перевешивающего благо, ожидаемое людьми от нарушения ими своего соглашения, принуждала бы в одинаковой мере людей к выполнению их соглашений... Природа справедливости, таким образом, состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений.

Т. Гоббс, «Левиафан»

Категория **авторитета**, которую многие политологи, вслед за Вебером, считают ближайшей к термину господство, очень часто используется в политологии. Но продолжают споры о ее действительном современном содержании. По одним мнениям, авторитет есть *форма осуществления власти*, наряду с косвенным влиянием, принудительным контролем, насилием и т.п. По другим — авторитет означает *принятое народом руководство*, обладающее способностью направлять действия и мысли других политических акторов без употребления принуждения или насилия. В третьем толковании авторитет рассматривается в качестве *одного из источников власти*, и здесь уже власть становится, в свою очередь, формой реализации авторитета.

Возможно ли непротиворечивое сочетание этих трактовок? При каких условиях форма и результат власти могут оказаться также ее источником, отличающимся от других разновидностей власти? В попытке найти удовлетворительные ответы на эти вопросы нужно обратиться к суждению лингвиста, автора теории

ЛЕГИТИМНОСТЬ (лат. *legitimus* — законный, надлежащий, правильный) — соответствие политической власти основным ценностям большинства общества и его устремлениям. В широком смысле понятия легитимно любое правление, которое отвечает относительно долговременному общественному согласию с ним, восприятию его людьми как оправданного, должного, оптимального. Таким образом, источник легитимности — народ, а управляемые вовлечены через различные процедуры (связанные с волеизъявлением) в процесс выработки политических решений. **Легитимизация** — обретение действующей политической властью легитимности.

ЛЕГАЛЬНОСТЬ (лат. *legalis* — законный) — санкция со стороны власти на узаконение, придание законной силы какому-то политическому институту, документу и пр., а также формальное соответствие праву решений и нормативных актов органов государственной власти.

структуры индоевропейского корня **Эмиля Бенвениста** (1902–1976), специально установившего исходную метафорику и смысловую схему понятия авторитета.

Auctor — имя деятеля от *augeo* (лат.), обычно переводимого как «приумножать, увеличивать»... Для нас «приумножать» эквивалентно значению «увеличивать»... Но в самых древних примерах *augeo* указывает не на приумножение того, что существует, а на вскармливание грудью, на творческий акт, созидаящий нечто из питательной среды и являющийся привилегией богов или могучих природных сил, но не людей... В качестве *auctor* во всех сферах деятельности называется тот, кто «проводит в жизнь», берет на себя инициативу, первым проявляет какую-то активность, тот, кто организует, обеспечивает... Таким путем абстрактное имя *auctoritas* (лат. авторитет) обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или... действительность какой-либо инициативы... Всякое слово, произнесенное *авторитетом*, предопределяет некоторое изменение в мире, создает нечто. Это подспудное качество и выражает *augeo* — силу, которая заставляет растения произрастать и дает жизнь закону... В *auctoritas* заключены смутные и могучие смыслы. Это присущий немногим дар... сотворения бытия.

Э. Бенвенист, «Словарь индоевропейских социальных терминов»

Вообразить творящую силу в наглядных физических образах вполне естественно для мифологического мышления. При последующей научной рационализации понятия удобнее представить авторитет как *самопорождение власти* — она одновременно создает его и создается им. Благодаря смысловым ассоциациям авторитет может при этом отождествляться то с источником, то с результатом, то со свойствами и признаками (атрибутами) власти.

В общем виде авторитет определяют как **средоточие** (локус) власти в *двуединстве* ее концентрации и обратного распределения. Такое понимание фундаментального соотношения между властью и авторитетом ярко отразил афоризм **Цицерона** (106–43 до н.э.): «Власть в народе, авторитет в сенате» (лат. «*Potestas in populo, auctoritas in senatu est*»). Можно попытаться восстановить логику данной формулы. Власть мыслилась как способность объединенного народа осуществлять свои согласованные цели, утверждать общепринятые ценности и взаимодействовать. Значит, власть растворена в обществе, она принадлежит всем вместе и никому в отдельности. Всякое же нарушение политического

общения, сотрудничества, согласованности ведет к разложению власти, в итоге — к безвластию. Во избежание этого нужно было найти противодействие распаду власти, ее частному (частичному) присвоению. Следовательно, от сенаторов и вообще от правителей требовалось находить, объединять и усиливать важнейшие аспекты общего согласия, а от народа — одобрять и поддерживать такую политику. Дабы стать правящим авторитетом, античный сенат обязан был быть фокусом политического общения, ядром (институтом) народного согласия.

И в современном понимании авторитет оказывается способностью руководителей выявлять и реализовывать в политике согласие большинства граждан по поводу государственных решений. Так что формула Цицерона, отражающая диалектику соотношения власти и авторитета, справедлива и для нынешних дней. (Кстати, это отличный образец многовековой преемственности в политическом мышлении.) С одной стороны, авторитет — только средство достижения власти, будучи одновременно его предпосылкой. С другой — авторитет признан таковым лишь в том случае, если он поможет структурировать власть, т.е. придать ей формы *государственности* и *эффективной законности* (правопорядка), а также добьется поддержки своих действий, явного или неявного согласия с ними граждан. Он — и заложник этого согласия, и его творец.

В политологии очень распространено понятие **легитимности** как по отношению к властвующему авторитету, так и к власти в целом.

Когда говорят, что власть легитимна, то тем самым управляемые (либо какие-то внешние субъекты) признают ее право на руководство, в т.ч. монополию на принуждение, или же все участники политических отношений вырабатывают общие рамки (стандарты) власти как символического посредника, обеспечивающего взаимное выполнение обязательств. Таково весьма частое, но не вполне строгое использование понятий легитимности и легитимизации, которые в точном значении относятся прежде всего к несравненно более сложным явлениям современной политики, предполагающим не просто признание подвластных, но их процедурно закрепленное участие в выработке политических решений, критику и обсуждение альтернатив.

Поскольку власть есть сравнимый с деньгами символический посредник, то может происходить ее девальвация и ревальвация (лат. приставки *de-* — снижение, *re-* — противоположное действие, фр. *evaluation* — оценка). Все будет зависеть от того, насколько предсказуемо и точно будут выполняться взаимные обязательства

Изображение на деньгах политических лидеров может быть понято не только как свидетельство взаимной конвертируемости экономической и политической власти, но и как символ подверженности власти определенным экономическим законам. На рисунке — монеты с изображением Селевка I (Персия, 312 г. до Р.Х.) и денарий Диоклетиана (III-IV вв.).

ГОСПОДСТВО (ДОМИНИРОВАНИЕ) (лат. *dominus* — хозяин) — тип высшей власти, которая осуществляется в относительно устойчивых институциональных рамках какой-либо политической системы. Господство как категория политики вмещает в себя еще два понятия: действия и организации. Имеется в виду, что господство — это принципиально организованное правление, но оно всегда является объектом столкновения завладевших им или сопротивляющихся ему общественных групп.

властей и подвластных, равно как и граждан по отношению друг к другу. Чем надежнее выполнение обязательств, тем выше «цена» власти; чем сомнительнее исполняются обязательства, тем ниже падает доверие к власти, а значит, и к призванным обеспечивать ее поддержание людям.

Легитимизация в системах власти является, таким образом, фактором, который аналогичен уверенности во взаимном зачете и стабильности платежной единицы в денежных системах ...Применение власти, как и использование денег, по сути дела должно сводиться к жертвованию альтернативными решениями, которые исключаются из-за обязательств, взятых властью на себя в соответствии с определенной политикой.

Т. Парсонс, «Социологическая теория и современное общество»

Когда участники политических отношений — прежде всего управляемые — не уверены в исполнении руководителями взаимных обязательств, то происходят *кризисы власти*, причем в разных ее воплощениях. Пути их преодоления связаны прежде всего с накоплением властью средств и возможностей (ресурсов, развития организационных структур, разработке творческих идей и т.п.), в повышении надежности и эффективности выполнения обязательств ради удовлетворения взаимных ожиданий максимального числа политических акторов. Главное здесь — рост доверия к действиям правителей, т.е. опять-таки обновление их легитимизации. Подтверждение легитимности авторитета на практике означает, что люди добровольно, без принуждения или иной формы насилия начинают подчиняться властным приказам, руководствоваться организующими указаниями. Но как и почему это происходит?

Сам факт отдачи приказа еще недостаточен для того, чтобы можно было обоснованно судить о наличии отношений власти. Кроме того, должно существовать обоснованное убеждение, что приказание будет выполнено, что оно встретит повиновение.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

При любых трактовках ключевой вопрос в обретении легитимности — вера в право того или иного политического актора на властвование. Но признание авторитета не равнозначно его легитимности в строгом смысле слова. Она не сводится к под-

держке и наделению властей (начальства) авторитетом, а является своего рода резонансом устремлений властителей и подвластных, отвечающим их представлениям о 1) правильном (созвучном общим нормам) и 2) целесообразном (соответствующем тем или иным целям, интересам, потребностям, мнениям о благе и т.п.) правлении. Политологи нередко выделяют еще один принцип: 3) выраженное согласие, или консенсус, по поводу власти и коммуникативный эффект, который по сути есть лишь результат взаимодействия первых двух. То есть, по словам известного французского политолога **Мориса Дюверже** (род. 1917), легитимен любой режим, отвечающий народному консенсусу.

Источники легитимности власти могут быть самыми разнообразными, но при этом основополагающей для политической науки и широко используемой считается классификация легитимности властвования (даже права на насилие), данная **Вебером**. Он выделил три типа **господства** по характеру их внутреннего оправдания:

- *рационально-легальное* — в силу авторитета рациональных установлений и правил;
- *традиционное* — на основе авторитета исконных нравов и извечного закона;
- *харизматическое* — оправдание авторитетом.

В реальной политической жизни, как правило, легитимности присущ смешанный характер. Вебер для исследовательской цели выделил *идеальные типы* легитимности.

Рационально-легальному типу господства свойственно признание главенства формально-правового начала.
На картине: Клятва депутатов третьего сословия в зале для игры в мяч (Жак Луи Давид, XVIII в.). Депутаты Национального собрания во Франции (1789 г.), поклялись не расходиться, пока не будет принята Конституция.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествовавшие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство ...В принципе имеется три внутренних оправдания [господства], т.е. основания *легитимности*. ...Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет необычного личного *дара* (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления*

Традиционное господство основано на уважении к законам и обычаям, доставшимся от предков. На рисунке: король Франции Карл V в 1379 г. назначает Бертрана де Гюэна коннетаблем Франции.

(Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в каком его осуществляет современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

Типология социальных действий стала главной для веберовской концепции легитимного господства. Для этого ученого «господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу», а изучение мотивов «повиновения приказу», т.е. подчинения, позволило ему построить теоретическую схему идеальных типов господства, которая впоследствии развивалась другими авторами.

В основе *рационально-легального типа господства* находится целерациональное действие, а мотивом подчинения (в данном случае повиновения законам, а не личности правителя) служат соображения интереса. Такая легитимизация власти присуща современным западным обществам, которым свойственно признание главенства формально-правового начала. Аппарат управления в этих государствах состоит из компетентных чиновников, обязанных действовать не по своему усмотрению, а в соответствии с законами, нормами, правилами и т.п. Классической основой легального господства принято считать бюрократию.

Базис *традиционного типа господства* — действие, соответствующее традиции, а мотивы подчинения образуют привычки, обычаи, глубокое уважение к законам-установлениям и самим властителям, которые необходимо дополняются верой в их священность. Чистый тип такого господства — патриархальное, схожее по своей организации с семьей: хозяин-правитель возглавляет «государственно-семейную» иерархию, положение в которой определяется степенью приближенности к господину, а возможность продвижения по ней — личной преданностью ему, т.е. повинуются исключительно личности, а не закону. Данная структура господства весьма устойчива, потому опирающийся на нее политический режим может существовать очень долго (к примеру, Китай).

Харизматическому типу господства присущ аффективный тип социального действия (основанного на эмоциональном переживании), для которого необходимы необыкновенные личные качества (магические способности, особый дар речи, сила интеллекта и духа и т.п.); благодаря им человек выделяется из общей массы, становясь ее лидером и подчиняя своей воле. Харизмати-

ческое господство тоже предполагает повиновение личности как чувственную реакцию на ранее невиданное, чрезвычайное и непонятное. Сила харизматического правителя состоит не в опоре на закон и рациональный аппарат управления, не в сложившихся традициях поведения, а в обладании редким даром, вызывающим сходное с религиозным преклонение. История показывает: многие харизматические властители нередко были тиранами и диктаторами (А. Гитлер, И. Сталин) или придерживались довольно жесткого (авторитарного) стиля руководства.

В мировой политической истории харизматическое господство — весьма преходящее явление; оно постепенно превращается в рутину, а затем обретает традиционную легитимность, что, в свою очередь, открывает возможности и для учреждения рационально-легальных оснований властвования. Эмоциональная привязанность к вождю, пророку исчезает достаточно быстро, люди возвращаются в состояние покоя, более долговременное и стабильное, нежели первоначальный взрыв чувств.

Харизматическое господство предполагает веру в исключительные свойства лидера.

На фото: Демонстранты несут портрет имама Хомейни (Иран).

Обратите внимание

Ныне расхожее употребление слова *харизма* в отношении многих популярных политиков не предполагает никакого сакрального (священного) смысла, а является просто метафорой. Харизматическое лидерство присутствует в сегодняшней политической политике нередко в виде *персонализации* власти (придания ей четко выраженного личностного характера, как это было в случаях с президентом Франции Ш. де Голлем, президентом России Б.Н. Ельциным). Ошибочно смешивать во многом искусственно созданный СМИ образ почтения к лидеру с наличием у него подлинной харизмы. Харизма, воспринимаемая как некий божественный дар, отождествляется с образом спасителя отечества, который проявляется в весьма редких условиях смут и войн. Для Европы, по мнению французского политолога *Ги Эрмэ*, времена харизматических лидеров и экзальтированных толп вообще уходят в прошлое. Однако феномен массовой психологии, исследованный *Гюставом Лебоном*, *Зигмундом Фрейдом*, *Хосе Ортегой-и-Гассетом* и др. мыслителями, не перестал представлять научный и практический интерес.

Вот образчик отношения (в форме оды) к действительно харизматическому лидеру — фюреру Германии Гитлеру: «Мой вождь, я тебя хорошо знаю и люблю, как своего отца и свою мать. Я тебя всегда слушаю, как отца и мать. Взрослым я всегда буду тебе помогать, как отцу и матери. И я буду для тебя источником радости, как для отца и матери».

Показательно, что в концепции Вебера легитимность и распространенная ныне в качестве политического режима демократия не связаны между собой. Исторически традиционная и харизматическая легитимности могут быть обнаружены только при авторитарном правлении. Они почти никогда не появляются в демократиях, по крайней мере, в чистом виде. Идеальные типы Вебера антагонистичны друг другу только в теории. В реальности все традиционные системы обладают определенными чертами легальности, а демократические общества поддерживаются традиционным авторитетом закона и власти. Рационально-легальный тип легитимности, с изрядными допущениями, можно зафиксировать примерно в 40 государствах из более чем 190 существующих в современном мире.

Сводная таблица типов господства по Веберу

	Традиционный	Харизматический	Рациональный
Инструмент господства	Уважение к священному характеру традиции	Признание «милости»	Законопослушание
Наименование главного властителя	Повелитель (сеньор)	Руководитель	Высший чиновник
Наименование подвластных	Слуги (компаньоны или подданные)	Адепты	Граждане
Ресурсы	Сбор податей (дани)	Добыча, дары	Налоги
Типичный политический режим	Монархия	Плебисцитарная диктатура	Парламентская демократия
Используемое качество для властвования	Почтение	Эмоции	Разум
Тип революции	Традиционная революция	Радикальный революционный переворот мира	—

Д. Кола, «Политическая социология»

Интерпретация

Политолог *Дэвид Хелд* попытался приспособить веберовскую триаду легитимности к современным реалиям и у него получилась довольно тяжеловесная схема: согласие под угрозой наси-

лия; легитимность в силу традиции; согласие из-за апатии; прагматическое подчинение (т.е. ради личной выгоды); инструментальная легитимность (согласие подчиниться, ибо данный режим может служить инструментом достижения общего блага); *нормативное согласие*; *идеальное нормативное согласие*. Хелд считает подлинной легитимностью только два последних типа, когда большинство граждан данного государства полностью поддерживают действующую власть, а она сама воспринимается как соответствующая принятым в обществе нормам.

На рубеже XX и XXI столетий процессы легитимизации власти становятся гораздо менее стихийными и все более формально регулируемыми, осуществляемыми по рациональным правилам. Институционализация подобных правил связана с различием конституционных (неизменных, постоянных) и режимных (изменяемых, переменных) аспектов современной политической организации. Конституция и конституционность не подвергаются ни легитимизации, ни, конечно, делегитимизации, поскольку, по определению, неоспариваемы и в идеале созданы на века. Корпус управителей всех уровней, напротив, должен постоянно подвергаться критике и обновлению. Этому служит, в частности, институт соревновательных *выборов*, которые представляют собой своего рода искусственные кризисы легитимности, завершающиеся подтверждением согласия граждан на обновление управления. Поскольку возникновение подобных кризисов конституционно закреплено, они разрешаются с помощью определенных правил и процедур и тем самым перестают угрожать неконтролируемой девальвацией власти, а помогают ее очистить и стабилизировать.

Вопросы для семинарского занятия

1. В чем состоит различие между метафорическим и научно-политическим толкованием власти?
2. Что такое власть? Может ли она быть подвергнута научному анализу? Почему ученые и обычные граждане вообще должны интересоваться проблемой власти?
3. Чем политическая власть отличается от неполитической?
4. В чем заключается сущность власти?
5. Каковы свойства директивного, функционального и коммуникативного аспектов власти?
6. Каков современный политический потенциал принуждения и согласия?
7. Методы властвования. Эксплицитная и имплицитная власть.
8. Типы легитимности власти и авторитета.

9. Как соотносятся власть и свобода?
10. В чем состоит общая характеристика типов политической власти в истории России?
11. Легитимность государственной власти в эпоху Московского царства, в императорской России, в СССР и постсоветской России.

Тексты

- Болл Т. Власть. — *Полис*, 1993. — № 5.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия. — Вебер М. *Избранные сочинения*. — М., 1990.
- Вятр Е. *Социология политических отношений*. — М., 1979.
- Гоббс Т. *Избранные произведения*. — Т. 2. — М., 1991.
- Легитимность. — *Полис*, 1993. — № 5.
- Массинг О. Господство. — *Полис*, 1991. — № 6.
- Парсонс Т. О понятии «политическая власть». — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.

Дополнительная литература

- Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. — М., 1995.
- Власть. Очерки политической философии Запада*. — М., 1989.
- Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения. — *Полис*, 1996. — № 3.
- Ильин М.В. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. — М., 1997.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть. — *Полис*, 1997. — № 6.
- Ледяев В.Г. *Власть: концептуальный анализ*. — М., 2000.
- Ледяев В.Г. Современные концепции власти: аналитический обзор. — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. — М., 2000.
- Матц У. Понятие власти. — *Технология власти (философско-политический анализ)*. — М., 1995.
- Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. — М., 1996.
- Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности. — *Полис*. 1993. — № 5.
- Barnes B. *The Nature of Power*. — Camb., 1988.
- Hindess B. *Discourses of Power: From Hobbes to Foucault*. — Oxford; Camb., Mass., 1996.
- Lukes S. *Power: A Radical View*. — L., N.Y., 1974.
- Power* (S. Lukes, ed.). — N.Y., 1986.

Глава 3

Политическая система

Political System

Программные тезисы

- Системность и системный подход как универсальные понятия в сфере научного знания. Развитие системных представлений об обществе и политике.
- Картина «мира политического» в работах Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда и С. Вербы. Вариативность современных научных представлений о политической системе общества. Взаимодействие системы и среды.
- Структура и функции реальных политических систем. Основные элементы политической системы и отношения между ними; динамика политических систем. Понятия системного «входа» и «выхода».
- Типология политических систем, различные основания классификации, критерии сравнения структурных и функциональных характеристик политических систем. Виды, описание и функции подсистем как составляющих политической системы.
- Политические системы современных обществ: универсальное содержание многообразия реальных моделей.
- Значимость системного подхода в развитии науки о политике.

Проблемные вопросы

1. История общей теории систем как метода научного познания.
2. В чем состоит значимость системного подхода к анализу человеческого социума и его политического бытия?
3. «Система действия» Т. Парсонса: культура, личность и место социальных систем в структуре мира. Каков научный потенциал этой идеи?
4. В чем заключаются методологические различия понятия политической системы и основных категорий системного анализа политики в работах Д. Истона в их сопоставлении с концепцией Г. Алмонда и С. Вербы?
5. Каков смысл динамического равновесия как оптимального режима функционирования политической системы?
6. Структура, функции и типология реальных политических систем.
7. Каково теоретическое и прикладное значение понятия политической системы в структуре гуманитарного знания?

1. ОСНОВЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

1.1. Определение понятия и виды социальных систем

Возникновение прототипа метода систематизации можно отнести, вероятно, к тем древним временам, когда *Аристотель* для написания своей «*Политики*» сравнил конституции греческих городов. Стагирит выявил различные виды политической организации и постарался объяснить такую дифференциацию влиянием на изученные им сообщества целого набора переменных — климата, географического месторасположения, состава населения, способа существования, нравов и верований. Гораздо позже, но все-таки задолго до наших дней, *Шарль Луи Монтескьё* свои размышления подкреплял примерами из политической жизни Японии, Китая, Персии, Турции, Индии, в чем тоже просматривается некая матрица системных сравнений. Однако лишь в XX в. с появлением труда *Норберта Винера* (1894–1964) «*Кибернетика*» (1948), заложившего базу новой науки междисциплинарного характера, стали интенсивно развиваться системные теории и модели, которые обладают высокой аналитической ценностью и могут применяться почти во всех областях естественнонаучного и гуманитарного знания. Показательно, что понятийный аппарат исследований политических систем заимствован как раз у кибернетики (гр. *kybernetike* – искусство управления).

Норберт ВИНЕР (1894–1964) – американский ученый-математик, сформулировавший в труде «Кибернетика» (1948) основные положения кибернетики.

Обратите внимание

Основной объект исследований кибернетики — так называемые кибернетические системы, которые представляют собой множество взаимосвязанных элементов, способных воспринимать, запоминать, перерабатывать информацию, а также обмениваться ею. Причем для кибернетики не имеет значения материальная природа подобных систем. Это может быть ЭВМ, человеческий мозг, какая-либо биологическая популяция, общество. Поэтому системный подход получил столь широкое распространение в сфере гуманитарного знания, например, в политологии.

Для наук, изучающих человека и общество, системный метод анализа очень полезен еще и потому, что позволяет на общей (до определенной степени) основе объединить усилия ученых, специализирующихся в самых разных дисциплинах: математиков, физиков, биологов, логиков, лингвистов, историков, социологов и, конечно, исследователей в сфере политических наук — собственно политологов, политических антропологов, полити-

СИСТЕМА (гр. *systema* — целое, составленное из частей; соединение) — множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, процессов и т.д.), которые складываются в целостное образование, единство. Всякая система есть новое качество, не сводимое к сумме качеств ее элементов. Система характеризуется постоянным и устойчивым *взаимодействием* ее элементов (Л. Бергалан-фи), являющихся *переменными* независимо от характера и степени их связи (Д. Истон). Согласно системному подходу, каждая система может рассматриваться как подсистема, т.е. элемент другой системы высшего уровня; при этом часть элементов может иметь случайное или косвенное отношение к конкретной системе. Соответственно, представление объекта как системы требует выделения из множества только тех элементов, которые, с одной стороны, необходимы для выполнения данным объектом определенных функциональных задач и поддержания его стабильности, а с другой — отношения между которыми обладают более высокой повторяемостью, устойчивостью и т.д., чем с элементами других систем.

ческих психологов и т.д. Такому объединению объективно способствует сам кибернетический принцип взаимодействия систем. А в результате не только растет качество междисциплинарных коммуникаций, но становятся более вероятными впечатляющие научные достижения, прорывы в новые сферы знания.

В науке и технике словом **система** издавна называют сложно-организованную целостность (в греческом языке оно и означает «соединенное в одно целое») — «солнечная система» (совокупность звезд), «философская система» (совокупность идей), «метрическая система» (совокупность единиц физических величин) и т.д. В этом же широком смысле употребляется оно в современной политологии, которая, вместе с тем, последовательно разрабатывает более точные и многоаспектные определения содержания данного понятия.

В самом общем виде система есть сочетание каких-то элементов, каждый из которых способен переходить в разные состояния. Если таковые изменения наблюдаются, то составные части системы считаются переменными. Столь широкую трактовку дополнили **Э. Халл** и **Р. Фаген**: «Системой является совокупность объектов и отношений между этими объектами и между их отдельными сторонами». Тем самым добавляется еще одно условие: части системы обязательно связаны между собой, а некоторые из них могут совместно изменять свои признаки (это называется *ковариацией*).

В литературе по системным исследованиям в области социальных наук по сей день нередко упоминают о подходе к пониманию системы — в качестве одного из самых точных — видного французского этнографа, антрополога и социолога, создателя теории первобытного мышления **Клода Леви-Стросса** (род. 1908). В своей классической книге *«Структурная антропология»* (1958) он описал систему как совокупность (ансамбль) взаимозависимых элементов — они связаны между собой отношениями такого типа, что если характер одного из них изменяется, то изменяются и другие отношения, а в результате преобразуется весь «ансамбль».

Интерпретация

Интересно, что один из разработчиков основ кибернетики, **Росс Эшби**, специально сделал упор на том, что именно аналитик — не произвольно, а применительно к объекту своих исследований — может включить ту или иную переменную составляющую в систему либо исключить из нее (*«Введение в кибернетику»*, 1956). Это помогает построить модель системы любого типа. Правда, в отношении сложных систем подобная модель может быть только приблизительной — в том

смысле, в каком физики говорили о схеме атома, предложенной Нильсом Бором: она полезна, потому что нет пока никакой иной.

Факт взаимозависимости переменных составляющих какой-либо системы не следует воспринимать как ее внутреннюю гармонию, «умиротворенность». Некоторые из отношений внутри системы могут нести в себе противоречия, антагонизмы, ведущие к конфликтным противодействиям «по всем азимутам» двух или многих системных компонентов. В благоприятных условиях подобная система способна уравновеситься, в других — испытать сильные потрясения и прийти в состояние беспорядка.

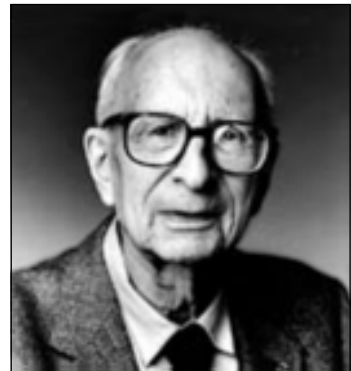
Любое человеческое сообщество, взятое в целом, — от какого-либо архаичного племени, государства ацтеков до современного нации-государства, — определимо и как всеобщий социальный феномен, и как сложная система. (На последнее обстоятельство как раз и указывает кибернетика.) Значит, такое сообщество можно рассматривать (в аналитических целях) как совокупность разных систем — в зависимости от аспекта исследования. Французский политолог **Жан-Вильям Ланьер** в своей книге *«Анализ политических систем»* (1973) выделяет 5 таких основных систем.

1. *Биосоциальная* (или социогенетическая) система, в которой происходит деятельность по социальному самовоспроизводству (репродукции) населения. У человека такая репродукция не сводится к сугубо биологическим процессам, потому и данная система включает в себя социальные факторы — отношения между полами, поколениями, супружество, родственные связи и т.д.

2. *Экологическая* система указывает на то, что люди живут на определенной обустроенной ими территории, а значит, с растительным и животным миром. Отношения к природным богатствам и с соседями, способ существования (оседлый, кочевой, по преимуществу городской или сельский), процессы миграции и т.д. — это переменные данной системы.

3. *Экономическая* система — производство и обмен материальными благами и услугами для удовлетворения потребностей членов сообщества. Разделение и организация труда, производственные отношения и пр. организуют такую систему.

4. *Культурная* система — создание и распространение значимой информации (лингвистической, нравственной, познавательной, а также обычаев, традиций, верований). Благодаря этой сфере знаков, символов, норм, ценностей люди получают возможность общаться, т.е. устанавливать между собой отношения коммуникации.

Клод ЛЕВИ-СТРОСС (род. 1908, Брюссель) – французский этнограф и социолог, один из основателей структурализма.

5. *Политическая* система специфически организует общество и особым образом связана с другими социальными системами.

Категория **политической системы** в современной политологии все более вытесняет соотносящиеся с ней понятия государства, управления и т.д. Она свободна от сопутствующих правоведческих значений, обусловленных «государством», а также позволяет глубже исследовать неформальные структуры, ибо «управление» часто отождествляется с формальными институтами. Эта категория без затруднений применима к архаичным обществам, где политическая деятельность вершится через семейные, племенные и другие неспецифические для современной политики образования. С помощью данной категории можно исследовать на глобальном уровне взаимоотношения государств, из которых образована *международная политическая система* с различными географическими (например, Западная Европа), организационными (ООН, АСЕАН и т.д.), национальными (США, Индия) составляющими, причем ряд из них можно рассматривать как переменные.

Обратите внимание

В англо-американском «Словаре политического анализа» (Дж. Плейно, Р. Риггс, Х.Робин, 1982) в статье «Политическая система» прямо указывается на то, что исследования с помощью этой категории позволяют развивать плодотворные теоретические подходы. Само понятие системы акцентирует взаимосвязь различных частей политического процесса и позволяет соотнести политическую с иными системами, существующими в обществе. Кроме того, для политологии применение указанной категории облегчает дальнейшие полезные заимствования из общей теории систем и из других дисциплин, где используются концепции систем.

1.2. Центральные положения системного анализа

Признаки современного системного анализа — восприятие реальности и различных ее аспектов как систем, т.е. как целостного множества структурно и функционально связанных элементов — обозначились уже в XIX в. Считается, что одним из зачинателей системного подхода был русский ученый **Александр Александрович Богданов**, создававший в начале XX в. «всеобщую организационную науку», где положение об организации примерно соответствует нынешнему смыслу системы.

БОГДАНОВ (Малиновский), **Александр Александрович** (1873, г. Соколка, Гродненская губ. – 1928, Москва) — русский философ, социолог, экономист, естествоиспытатель (занимался проблемами переливания крови и омоложения; создатель первого в мире института по переливанию крови); политический деятель, идеолог социал-демократии и критик В.И. Ленина (несмотря на участие в образовании партии большевиков, полностью порвал с ними в 1917).

Автор работ: «Краткий курс экономической науки» (1896); «Революция и философия» (1905); «Эмпириомонизм. Статьи по философии (1904–1906)»; «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1910); «Курс политической экономии» (1918–1920, соавт. И.И. Скворцов-Степанов); «Всеобщая организационная наука (тектология)» (в 3 ч., 1913–1922) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Исходя из социально-философских идей К. Маркса и основных положений естественнонаучного позитивизма, синтез которых он назвал «эмпириомонизмом», Богданов предложил *организационный* подход в общественном знании. На этих основаниях им были разработаны начала т.н. *всеобщей организационной науки — тектологии* (от греч. *tektonike* — строительное искусство; термин заимствован у немецкого биолога Э. Геккеля), определенной как «общее учение о нормах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления». Теоретическая основа тектологии явилась первой серьезной попыткой применения будущего системно-кибернетического анализа для изучения социальных структур и, что более важно, создания «научных» способов управления ими в целях «превращения мира в организационное целое» и улучшения «условий жизни». Именно Богданов впервые сформулировал некоторые идеи, впоследствии примененные в кибернетике, например, принцип обратной связи (у Богданова — «механизм двойного взаимного регулирования», бирегулятор), идею моделирования и др. В своем главном труде «*Всеобщая организационная наука (тектология)*» Богданов впервые в России для описания общества употребил понятие социальной системы, отличительная особенность которой состоит в равновесии множества внешних (природная среда и международная арена) и внутренних элементов. Кстати, философ подчеркивал большое значение внешней среды, использование которой позволяет обеспечить «сохранность системы». И хотя тектология была задумана Богдановым как наука о строительстве социализма, ее общетеоретическая основа, а не специфическая концепция социализма, предусматривавшая, в частности, отказ от революции и диктатуры пролетариата по Ленину, определила свое время на несколько десятилетий и в целом продолжает и сегодня сохранять актуальность.

Александр Александрович
БОГДАНОВ (Малиновский)
(1873, г. Соколка, Гродненская
губ. – 1928, Москва) — русский
философ, социолог, экономист,
естествоиспытатель;
политический деятель, идеолог
социал-демократии и критик
В.И. Ленина.

Дальнейшее развитие исследований в этом направлении позволило создать *общую теорию систем*. Ее основы сформулировал **Людвиг фон Берталанфи**, давший научные определения самой системе и ее важнейшим особенностям — сложности, устойчивости, открытости/закрытости и т.д.

Людвиг БЕРТАЛАНФИ (1901–1972) – выдающийся представитель теоретической биологии первой половины XX в.; ученый, занимавшийся фундаментальными исследованиями в области биофизики, физиологии (уравнения Бер탈анфи), психологии, раковых заболеваний, а также сравнительными работами по психологии.

БЕРТАЛАНФИ (Bertalanffy), **Людвиг** (1901–1972) — выдающийся представитель теоретической биологии первой половины XX в.; ученый, занимавшийся фундаментальными исследованиями в области биофизики, физиологии (уравнения Бер탈анфи), психологии, раковых заболеваний (метод цитозной диагностики рака), а также сравнительными работами по психологии. Ученик М. Шлика — одного из основателей группы австрийских философов-позитивистов, известной как «Венский кружок». Преподавал в Венском университете; после эмиграции в Канаду (1949) — в университетах Оттавы, Монреаля, Лондона (англ. visiting professor), Альберты, Нью-Йорка (профессор факультета социальных наук) и т.д. При этом ученый много занимался исследовательской работой в различных научных фондах и проектах (например, во Всемирной организации здравоохранения ООН). Бер탈анфи (вместе с К. Боулдингом, Р. Джерардом и А. Рапопортом) основал в 1954 Общество развития общей теории систем (с 1957 — общих системных исследований) и был его вице-президентом. В год своей смерти за вклад в развитие фундаментальной науки («первым предпринял математически строгий подход к изучению биохимических синергий») Бер탈анфи был выдвинут на Нобелевскую премию.

Автор 13 монографий, более 200 статей, редактор авторитетных научных изданий. Среди его трудов выделяются: «Теоретическая биология» (1932, 1940); «Современные теории развития. Введение в теоретическую биологию» (1933, 1962); «Проблемы жизни» (1949); «Роботы, люди и разум» (1967); «Общая теория систем. Основания, развитие, сферы применения» (1968); «Психология организмов и теория систем» (1968); «Подходы к общей теории систем. Научно-философские исследования» (1975).

Вклад в развитие политической мысли. Бер탈анфи признан как мыслитель, значительно содействовавший развитию философии и методологии науки, прежде всего своей разработкой кинетической теории стационарных открытых систем и общей теории систем. Он одним из первых применил системный подход в психологии и социальных науках. В Чикагском университете в конце 1930-х ученый предложил общую теорию систем, понимаемую как любая теоретическая система, объединяющая проблематику нескольких научных дисциплин, а также занимающаяся «системными законами в целом» в качестве универсальной методологии науки. Однако к непосредственной работе над общей теорией систем Бер탈анфи приступил в 1950-е, причем не ограничиваясь лишь методологическими вопросами: например, с гуманистической философско-научной позиции он критиковал необихевиоризм; изучал современный мир технологий, которые не только отделили человека от природной среды, но и изолировали людей друг от друга, считая, что подобную ситуацию можно преодолеть путем поддержания и развития «символических миров культуры», созданных человечеством в ходе эволюции. Он призывал к единству человечества ради его выживания.

Ядром общей теории систем является сформулированная в 1930-е теории системы организма (англ. organismic system theory). Исходя из предположения, что внутри органической системы идет некий динамический процесс, Бер탈анфи задался целью вывести все жизненные феномены

из самопроизвольной группировки сил в системе. На следующем этапе он создал эвристическую модель организма как открытой системы, стремящейся к постоянному, устойчивому состоянию, и выдвинул в данной связи два биологических принципа: возможности нахождения организма в неравновесном состоянии и иерархической организации системной структуры. Ученый подкрепил эту теорию количественными результатами анализа развития и метаболизма биологических систем.

В 1940-е Бергаланфи привнес в свои теоретические разработки по открытым системам исследования в области термодинамики необратимых процессов: закрытая система определяется кинетически обратимым равновесием, а открытая — динамически необратимым состоянием устойчивости, что позволяет ее компонентам синхронизироваться как друг с другом, так и с единым целым системы. Значит, любая общая система обладает уровнем саморегуляции, сравнимым с поведением органических систем. При наблюдении энергетики открытой системы оказывается, что она стремится к состоянию стабильности, постоянства, потому что оно соответствует минимальному уровню нарастания энтропии, а это, в свою очередь, стабилизирует структуру и энергетическую динамику системы. Иначе начнется рассеивание энергии, придающей определенную конфигурацию системной структуре, поскольку система поддерживает себя в состоянии, далеком от равновесия.

Соединив органические и термодинамические направления исследований, Бергаланфи предложил общую теорию систем в качестве метатеории, дающей возможность определять построение моделей во всех научных дисциплинах, включая политологию. В отличие от математической концепции системы, его теория описывает системы на неформализованном языке, ориентируясь на их качественные характеристики.

Задача теории общих систем получалась очень амбициозной: разработка универсальных принципов, имеющих силу для всех систем вообще. Провозглашенная цель потребовала переформулирования классической концепции системы и определила систему в качестве *категории*, посредством которой устанавливается связь между объектами и явлениями. Новая модель системы представляет ее уже как набор взаимосвязанных компонентов, иными словами, комплексным образованием в пространстве и времени, которое демонстрирует структурные подобию (изоморфизмы). Система конструирует себя так, чтобы ее части сохраняли свою структуру, будучи составлены из более мелких частей, и могли восстановиться после нарушений, вызываемых средой. Поскольку между живыми организмами, кибернетическими механизмами и социальными системами существуют изоморфизмы, то можно создавать межотраслевые научные модели и передавать данные от одной дисциплины к другой. В качестве методологии, применимой во всех науках, общая теория систем включает в себя кибернетический принцип обратной связи в виде специального класса саморегулирующихся систем. Однако, по Бергаланфи, между общей и кибернетической теориями есть принципиальные различия: в кибернетике механизмы обратной связи управляются строгими ограничениями; более того, регулирующие механизмы кибернетических систем исходят из предустановленных правил, а динамические системы общей теории основаны на свободном взаимодействии многих сил.

СРЕДА — совокупность внешних и внутренних факторов, постоянно находящихся во взаимодействии с системой, определяя ее форму и условия функционирования. Такое взаимодействие складывается не только из одностороннего влияния среды на систему, но также из изменений факторов среды, инициированных деятельностью самой системы. Различают внешнюю (макросреда) и внутреннюю (микросреда).

ЭЛЕМЕНТ (лат. *elementum* — стихия, первоначальное вещество): 1) составная часть сложного целого (понятие изменялось в зависимости от восприятия целого: в древнеримской философии элемент — одна из основных частей природы, т.е. огонь, воздух, вода и земля; сейчас под элементами чаще всего понимают химические — вид атомов с одинаковым зарядом ядра); 2) самая простая часть (компонент) системы; в случае, если элемент имеет собственную структуру, т.е. является совокупностью более простых, чем он сам, частей, то он выступает в качестве подсистемы по отношению к системе более высокого уровня.

ПОДСИСТЕМА — относительно более сложный элемент системы, имеющий собственную структуру и являющийся, таким образом, совокупностью более простых составных частей, чем он сам.

СТРУКТУРА (лат. structura — строение) — 1) взаиморасположение и связь составных частей чего-либо; 2) в системной теории — сеть упорядоченных и устойчивых связей между элементами системы, обусловленная многообразием функций элементов, особенно их ролью в поддержании стабильности системы. Структура — важнейшее свойство системы, поскольку показывает способ организации и функциональное соотношение ее элементов.

ФУНКЦИЯ (лат. functio — исполнение) — 1) роль того или иного элемента системы в ее организации как целого; 2) закономерность, устанавливающая связь между какими-либо элементами (и их состояниями) в рамках одной системы, которая реализуется как устойчивая реакция одного из них на изменения другого, в силу чего обеспечивается приспособление (адаптация) системы к среде; 3) комплекс действий («обязанностей»), выполняемых элементом системы в соответствии с его положением в ее структуре; 4) позитивная реакция элементов, направленная на сохранение стабильности системы (в отличие от *дисфункции*) в ответ на различные влияния внешней и внутренней среды. Функции делятся на явные (доступные для наблюдения, ➡

Общенаучный вклад Бергаланфи, таким образом, определяется в первую очередь развитием современных теорий систем, которые в настоящее время изучают нестационарные структуры и динамику самоорганизации сложных образований (например, таких как *политические системы*).

Для того чтобы представить себе смысл системного подхода в упрощенном виде, следует выделить в окружающем нас мире некую целостность, т.е. систему. Это можно сделать, противопоставив ей иное, противоположное — **среду**. Различение системы и среды имеет первостепенное значение. Очевидно, что среда бывает не только *внешней* (окружающей систему), но и *внутренней* (охваченной самой системой).

Выделенная из среды некая целостность сразу не может быть познана. В науке подобные неразгаданные объекты принято именовать «*черным ящиком*» — о нем известно лишь то, что на него воздействует, поступая туда, и то, что исходит из него. Рано или поздно возникает вопрос о том, что же именно содержится в «черном ящике», какие там идут процессы. Ради понимания этого американские ученые **Чарльз Мерриам** и **Гарольд Лассуэлл** выявляют в мире политики простейшие элементы, с помощью которых власть можно описывать, устанавливая (исчисляя) ее свойства, признаки, направления воздействия, ресурсы и т.п. Так выясняются **состав** системы, ее **элементы**. Следовательно, понятая и освоенная система — это совокупность элементов. Бергаланфи, кстати, определяет систему как «*сочетание элементов во взаимосвязи*», причем это сочетание порождает новое — системное — качество. Значит, система не может быть замещена суммой своих элементов.

В соответствии с системным подходом почти каждая система может рассматриваться как **подсистема**, т.е. элемент другой системы более высокого порядка. Иными словами, системность предполагает определенную иерархию, соподчиненность систем разного уровня.

Система — не просто набор элементов. Между ее элементами возникают особого рода отношения — **связи**. Чем больше элементов и, главное, чем насыщеннее и интенсивнее связи между ними, тем сложнее система. Такая система уже требует учета ее **структуры** (конфигурации связей) и **функций** (природы и содержания связей). Для определения, например, системных свойств власти требуется найти устойчивые взаимодействия ее элементов, образования ее комплексных сочетаний. Здесь важно не только установить, каковы качества, проявления и ресурсы власти, но как они связаны, каким именно образом производят согласованный эффект. Этот структурно-функциональный аспект Лассуэлл назвал *формулой*.

Сейчас чаще принято говорить о структуре, акцентируя наличие связей между элементами, включая функциональные, т.е. указывающие на их взаимозависимость.

Именно структура представляет системный характер. Она состоит из таких элементов, что изменение любого из них влечет за собой изменение всех остальных.

К. Леви-Стросс, «Структурная антропология»

Организация системы, однако, не исчерпывается ее постоянной, устойчивой частью или структурой (формулой). С этой постоянной частью сочетается масса возможных альтернативных состояний структуры, в свою очередь, видоизменяющих функции. Такая переменная часть организации системы является ее **программой** (согласно *Дж. Клиру*). Программа обусловлена не только существующими, но и всем комплексом возможных состояний системы, т.е. ее целостностью. Для подобной сложной системы, действующей не по жесткому алгоритму-формуле, а использующей гибкую программу, характерна самоорганизация. В этом случае не структура и функции определяют поведение и развитие всей системы, а ее целостность (программа) направляет видоизменение (варьирование) состояний структуры и отдельных функций. Развитие и функционирование системы в виде последовательного ряда ее состояний часто рассматривают как процесс.

Именно во взаимодействии со средой проявляется **поведение** системы, которое может быть: 1) *реактивным*, когда единственный определяющий фактор — это среда; 2) *адаптивным*, т.е. приспособительным со стороны системы; 3) *активным*, если система целенаправленно стремится преобразовать среду. Однако тип поведения (функционирования) системы устанавливается отнюдь не произвольно, а обусловлен ее внутренними свойствами и характером связей между элементами.

По мнению Берталанфи, взаимодействие системы и среды зависит от того, является ли система **закрытой** или, напротив, **открытой**. Основной принцип оценки открытости/закрытости систем очень прост: открытая система осуществляет различные взаимодействия или обмены со своей средой, а закрытая — нет. Этот ученый считал, что закрытые системы — частный случай открытых. Логика их отношения друг к другу не может быть передана прямолинейным антагонизмом (гр. *antagonistes* — спор, борьба). Закрытая система оказывается всего лишь особым состоянием, которое естественно присуще открытой системе (отношения системы со средой сведены к нулю, так что идеальная закрытая

➤ осознаваемые участниками взаимодействия) и скрытые, или латентные (т.е. недоступные для наблюдения и неосознаваемые).

ОТКРЫТАЯ И ЗАКРЫТАЯ СИСТЕМЫ — категории общей теории систем, характеризующие степень взаимодействия системы со средой (внешним окружением). Открытая система осуществляет взаимодействие или обмены по каким-либо параметрам со своей средой, закрытая система таких отношений со средой не поддерживает.

Общая теория систем вначале рассматривала в качестве *закрытых* любые системы, что отвечало требованиям системного подхода на ранней стадии его развития: системность понималась как независимость особым образом организованных элементов от внешней среды. Согласно тезису термодинамики, закрытые системы стремятся к росту энтропии (мере внутренней неупорядоченности системы), что противоречило положению о возможности сохранения упорядоченного состояния в системах. Выходом из данной ситуации стало введение в оборот понятия *открытых* систем, поддерживающих состояние сложного порядка благодаря взаимодействию и/или обмену с внешней средой. Значит, каждая система способна в ходе своего развития становиться открытой либо закрытой (т.е. снизить до минимума отношения со средой).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (в широком смысле)

— устойчивая форма человеческих отношений, с помощью которой принимаются и осуществляются на практике властные решения для данного общества. Эта система обладает четырьмя характеристиками, отличающими ее от других социальных систем: 1) она является *универсальной*, поскольку охватывает своим воздействием все общество; 2) она осуществляет полный контроль над применением физического и иного *принуждения*; 3) ее право выносить обязывающие решения считается *легитимным*; 4) ее решения являются *авторитетно-властными*, несущими в себе силу легитимности и существенную вероятность того, что люди подчинятся. Термин политическая система обычно используется для обозначения всей совокупности отношений, охватывающей управление государством и происходящие в нем разнородные политические процессы.

ПОТЕНЦИЯ (лат. *potentia* — сила) — наличие материальных сил и средств, а также других возможностей для осуществления каких-либо действий.

система перестает существовать как собственно система, ибо у нее «исчезает» среда).

Каждая действительно открытая система может в ходе своего развития закрыться, снизить уровень своего взаимодействия со средой до минимума. И наоборот — всякая система в закрытом состоянии должна рано или поздно открыться, ибо в ее **потенции** непременно заключена открытость. Проблема состоит только в том, что и каким образом высвобождает эту потенцию.

Если закрытые системы — частный или даже аномальный случай существования открытых систем, то правомерен вопрос, когда и при каких условиях открытые системы могут закрыться. Ответ вполне ясен — при достижении идеального баланса со средой. Тогда динамика системы сводится к нулю, и устанавливаются ее статические параметры. Иными словами, определенные характеристики системы утверждаются раз и навсегда при надежном обеспечении того, что никакие влияния со стороны среды не будут в состоянии их дестабилизировать.

Концептуальные выводы общей теории систем вряд ли можно назвать золотым ключом к постижению мира или вершиной человеческого знания. Вместе с тем, эти положения, широко применяемые в самых разных сферах современной науки, стали основой принципиальных качественных изменений в обработке, анализе и оценке эмпирического материала, открыли путь к внедрению новых информационных технологий и существенно расширили возможности сравнения любых объектов наблюдения.

Итак, применение системного подхода как естествоиспытателями, так и гуманитариями опирается на три важнейших фактора: 1) каждый объект научного наблюдения выступает как некая целостность — система, — которая обладает определенным структурным строением, причем эта целостность не сводится к простой сумме составляющих ее элементов; 2) в системе имеют место постоянно присущие ей и регулярно повторяющиеся процессы; 3) система взаимодействует со своей внешней средой.

2. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ

2.1. Становление категории политической системы

Понятия из общей теории систем и положения системного подхода стали использоваться в политической науке с 1950-х гг., прежде всего в работах *Толкотта Парсонса*, *Дэвида Истона*,

Габриэля Алмонда и ряда других американских ученых. Эти авторы опирались не только на идеи Богданова и Берталанфи. Еще *Аристотель*, *Платон* и *Гоббс* уподобляли общество живому организму, а значит, целостному и упорядоченному феномену. В работах *Герберта Спенсера* (1820–1903) и *Эмиля Дюркгейма* также присутствует ряд тезисов, которые позднее получили дополнительную аргументацию при разработке социальной системной теории. Однако свое концептуальное содержание **политическая система** обретает постепенно. До внедрения в политологический лексикон и активного применения этой категории в исследованиях по преимуществу употреблялось понятие системы правления. Но при том что государство справедливо считается центральным политическим институтом, анализ в терминах, связанных с системой правления, фактически сводил политику к бытию государственному, к деятельности органов государственной власти. А значит, современный мир политики не мог быть отражен во всей своей полноте.

С появлением теоретических работ, основанных на более широких и обобщающих принципах изучения действительности, политические процессы в обществе начинают рассматриваться как системные, т.е. интегрирующие деятельность самых разнообразных социальных акторов, а вместо государства главным объектом исследований становится политическая система.

Системный подход к изучению сферы политики впервые применил *Парсонс*. Опираясь на методологию Берталанфи, он подошел к рассмотрению общества в качестве сложной системы, состоящей из относительно автономных частей: экономической, политической, духовной и интегративной (термин, обозначающий государство). У каждой из этих систем есть свои специфические функции, а вместе они обеспечивают жизнедеятельность общества в целом. Политику в таком контексте можно понимать как подсистему, которая по преимуществу сосредоточена на функциональной проблеме целедостижения, однако в ее рамках проявляют себя все стандартные для любой системы процессы (воспроизводство образца, интеграция, целедостижение и адаптация), постоянно осуществляемые структурными элементами. Могут меняться носители функций, но сами функции остаются неизменными, поскольку в их основе заложены универсальные, по мысли Парсонса, потребности бытия. Политика открыта для взаимодействия с тремя другими социетальными подсистемами и с окружающей средой, которая включает в себя, с одной стороны, физическую среду, а с другой — названную ученым в духе философских традиций «высшую реальность» (трансцендентную субстанцию).

Толкотт ПАРСОНС
(1902, Колорадо Спрингс —
1979, Мюнхен) — американский
социолог, оказавший значитель-
ное влияние на формирование
современной социологии;
основатель школы структурного
функционализма.

ПАРСОНС (Parsons), Толкотт (1902, Колорадо Спрингс — 1979, Мюнхен) — американский социолог, оказавший значительное влияние на формирование современной социологии; основатель школы структурного функционализма. С 1927 — преподаватель экономики, а с 1931 — преподаватель, затем зав. кафедрой социальных отношений факультета социологии, созданного русским ученым П.А. Сорокиным, в Гарвардском университете, где работал вплоть до выхода на пенсию в 1973. В 1949 был избран президентом Американской социологической ассоциации; являлся президентом Американской академии искусств и наук.

Автор многочисленных работ по теоретической социологии, среди которых особо выделяются: «Структура социального действия» (1937); «Эссе по социологической теории» (1949); «Социальная система» (1951); «К общей теории действия» (1951, соавт. Э. Шилз); «Экономика и общество» (1956, соавт. Н. Смелзер); «Структура и процесс в современном обществе» (1960); «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе» (1966); «Теория социологии и современное общество» (1967); «Политика и социальная структура» (1969); «Система современных обществ» (1971); «Теория действия и человеческое существование» (1978).

Вклад в развитие политической мысли. Парсонс считал своей главной научной задачей создание общей социологической теории, которая системно объединяла бы в максимально полном объеме эмпирический и теоретический материал всего комплекса социальных наук, что потребовало его обращения к трудам крупнейших теоретиков в сфере социальной мысли, в частности Вебера, Дюркгейма, Парето, Тённиса, Маршалла, Спенсера, Фрейда и многих других, а также использования биологических аналогий и современных психологических, системных, кибернетических и пр. представлений. Саму же социологическую теорию ученый понимал как аспект «теории социальных систем, который занимается явлениями институционализации образцов ценностной ориентации в социальной системе, условиями этой институционализации и изменениями в образцах, условиями подчинения им и отклонения от какой-либо совокупности таких образцов, а также мотивационными процессами, поскольку они содержатся во всем этом» («Структура социального действия»). Для политологии оказались сверхполезными положения Парсонса о природе и особенностях социальных систем и порядков, о сущности социально-политических явлений, таких как политика, власть, актор и др. Структурно-функциональный анализ, ведущим разработчиком которого был Парсонс, — сейчас один из основных методов политических исследований.

Первоначально Парсонс определял социальную систему как «модель организации элементов действия, соответствующих последовательности или упорядоченному набору изменений интегративных образцов множества индивидуальных субъектов». Социальная система, тем самым, предполагает наличие трех подсистем: 1) личностная система (акторы); 2) система культуры (ценности и нормы); 3) физическое окружение, на которое общество должно ориентироваться.

Изучая *систему действия*, состоящую из особым образом организованных единичных актов, Парсонс пришел к выводу, что для существования любой системы нужно, чтобы она удовлетворяла четырем сис-

темным (иначе — функционально необходимым) условиям: *адаптации*, *целеполаганию*, *интеграции* и *латентности* (это концепция известна под названием AGIL (адаптация — цель — интеграция — латентность)). Поэтому в системе образуются четыре *подсистемы* с соответствующими функциями: 1) приспособление системы к своему окружению (адаптация); 2) определение иерархии целей, предназначенных к достижению, и мобилизация ресурсов системы для их достижения (целеполагание); 3) обеспечение единства всей системы путем внутренней координации ее элементов (интеграция); 4) поддержание равновесия и воспроизводство системных образцов (латентность). Подсистемы образуются путем закрепления и институционализации ролей и специализаций отдельных элементов системы.

В самой системе действия Парсонс выделяет следующие подсистемы (являющиеся системами в отношении более низких в кибернетической иерархии систем): 1) биологическая система (организм) как посредник между материальным и идеальным (нормы, ценности, значения) с функцией адаптации; 2) система личности, выполняющая функцию целеполагания и формирующаяся в процессе социализации индивида (внедрения ценностей и норм); 3) социальная система с функцией интеграции, которая представляет собой «управляемую ценностями» совокупность ролевых статусов, указывающих на оптимальные действия; 4) культурная система как совокупность «исторического опыта» (т.е. идей, идеалов, ценностей, ориентаций, ролей и т.д.) с присущей ей функцией поддержания системного образца путем создания социальных норм, исходя из «исторического опыта» и социализации индивида.

Подход Парсонса можно использовать для анализа других систем (подсистем), например, социальной, которая предстанет в таком виде: 1) экономическая система, выполняющая функцию адаптации, являющаяся посредником и связующим звеном между социальной организацией и природным окружением; 2) политическая система с функцией целеполагания, включающая в себя все формы принятия решений, стандартизации целей и мобилизации ресурсов на их достижение; 3) система социетальной общности, исполняющая функцию интеграции, для чего ей нужны институты социального контроля; 4) система социализации, выполняющая функцию «поддержания образца» путем включения индивида в существующие культурные системы. Подсистемы социальной системы связаны между собой «средствами обмена», которые представляют собой деньги (A), власть (G), влияние (I) и обязательства (L); причем власть понимается «как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри... политической системы, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества... — экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов».

Парсонс также занимался проблемами социокультурной эволюции общества, понимая ее как процесс развития от простых форм к более сложным через деление, дифференциацию и последующую интеграцию. Изучая природу современных обществ, он выдвинул концепцию трех соизмеримых по значению для их становления революций — *промышленной*, *демократической* и *образовательной*, которые укладываются в

«парадигму прогрессивных изменений», включают «в себя главные процессы дифференциации, связанные с предыдущим состоянием современного общества», выступают в качестве «главных двигателей подъема цивилизации, способствуя колоссальному повышению уровня обобщенности и увеличению подвижности общественных ресурсов» («Система современных обществ»), что свойственно только обществам нынешнего дня. Парсонс предположил, что все три революции имеют общие основания: расширение экономической дифференциации и подъем экономической деятельности на индустриальный уровень; мобилизация глубинных факторов политической эффективности, связанных с рациональной легитимизацией власти и мобилизацией культурных ресурсов в социетальных интересах. В поиске базиса этих трех революций ученый обратился к изучению возможности того, что «истинное начало современной фазы социетального развития состоялось задолго до возникновения трех революций и в такой культурной и социетальной среде, которую можно было бы представить как заложившую общие для всех трех фундаментальные основания». Он пришел к выводу, что для этого нужно рассмотреть процессы, происходившие в XVII в. в Англии, Франции и Голландии, где ощущалось сильное влияние аскетического протестантизма и идей Ренессанса. Парсонс отмечал, что «если мыслить в категориях культурной основы (особенно религии и науки), правового порядка и политической организации, то эти три страны заложили в XVII в. несколько главных составных частей эпохи «современности», стали первичным центром всемирного процесса модернизации». Парсонс попытался также истолковать генеральный вектор развития современной системы обществ путем сопоставления образцов социальной структуры (добровольные гражданские ассоциации и иерархические бюрократии) и «относительно монолитных и более плюралистических типов структуры» в исторической динамике. Ученый заключил, что фундаментальные структурные сдвиги в обществе в XVIII–XIX вв. происходили «в сторону плюрализации организаций ассоцианистского типа» (проявлениями этого процесса стали, например, реформы законодательных систем, зарождение и последующий расцвет парламентаризма, быстрое развитие науки и рыночной экономики), и на само это время пришелся триумф «принципов ассоцианизма и плюрализма». В итоге в XX в. то общество, которое развивается в Северной Америке на основе этих принципов, начало играть роль, в чем-то аналогичную роли «колыбели современности», т.е. европейского Северо-Запада XVII в. В этом самом модернизированном обществе можно усмотреть следующие черты: децентрализованное демократическое управление, федерализм и разделение властей, отделение церкви от государства, плюрализм вероисповеданий и способность ассимилировать (хотя далеко не полностью) большие группы религиозных и этнических иммигрантов.

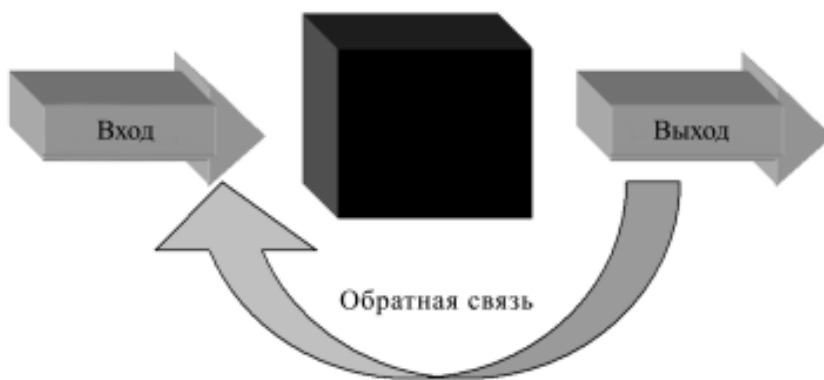
Идеи Парсонса придали новое измерение анализу политических отношений и процессов, которое позволило точнее определить место политики в жизни общества и выявить механизм социальных изменений в нем.

Разработку системных подходов к политике продолжил **Дэвид Истон**. Если Парсонс стремился создать комплексную теорию социетального действия, то анализ Истона был сфокусирован на самой политической системе, упорядоченной и развивающейся по определенным именно для нее правилам. Все остальное, с точки зрения Истона — среда, с которой взаимодействует политическая система. Он использовал в своем политико-системном подходе понятие **«черного ящика»**, заимствованное из системотехники.

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» – термин служит для обозначения систем, чья структура и внутренние процессы очень сложны либо вообще неизвестны. Метод изучения таких систем основан на исследовании их реакций на известные (заданные) входные воздействия (сигналы).

«Черный ящик»

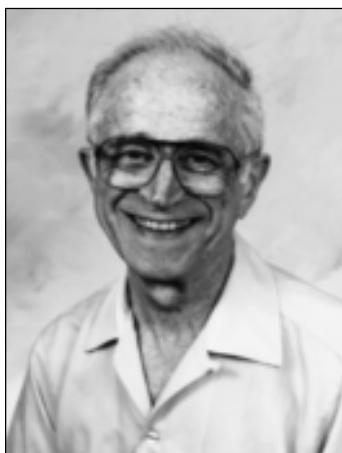

Среда дает импульсы на своего рода «*входе*» (англ. input) в политическую систему, последняя же вырабатывает решения и реализует их, условно говоря, на «*выходе*» (англ. output). Таким способом политическая система обеспечивает управление обществом, что и является ее главной задачей и функцией. Кроме того, она регулирует производство и распределение социальных благ с помощью властных (прежде всего государственных) механизмов, а также упорядочивает политические отношения в обществе.

Политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитетным способом привносятся в общество; это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем. Окружение политической системы можно разделить на две части: интрасоциетальную и эктрасоциетальную. Первая состоит из трех систем, которые не являются политическими в соответствии с нашим определением природы политических взаимодействий. Интрасоциетальные системы включают такие множества типов поведения, отношений, идей, как экономика, культура,

Дэвид ИСТОН (род. 1917, Торонто) – ведущий американский политолог, адаптировавший основные принципы и методы системного анализа, принятые в естествознании, к изучению политической жизни и разработавший понятийный аппарат системного анализа в политологии.

социальная структура, межличностные отношения... Другая часть окружения политической системы экстрасоциетальна, включает все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу. Они выступают функциональными компонентами международного сообщества, суперсистемой, элементами которой можно считать конкретные общества. Межнациональная система культуры — пример экстрасоциетальной системы.

Д. Истон, «Категории системного анализа политики»

ИСТОН (Easton), Дэвид (род. 1917, Торонто) — ведущий американский политолог, адаптировавший основные принципы и методы системного анализа, принятые в естествознании, к изучению политической жизни и разработавший понятийный аппарат системного анализа в политологии. В 1948–1984 преподавал политическую науку в Чикагском и других ведущих западных университетах; участник и консультант международных исследовательских проектов; с 1981 — профессор Калифорнийского университета. В 1968–1969 был президентом Американской ассоциации политических наук, а в 1984 был избран на пост вице-президента Американской академии наук и искусств.

Автор ряда работ, среди которых: «Политическая система» (1953); «Системный анализ политической жизни» (1965; данный труд входит в золотой фонд политологической классики); «Основы политического анализа» (1979); «Анализ политических структур» (1990) и др.

Вклад в развитие политической мысли. По мнению Истона, политика есть: 1) *властное* (или *авторитетное*) *распределение ценностей* (англ. authoritative allocation of values), причем «распределительная» направленность политики особенно очевидна в случаях, когда речь идет о «ценных вещах» в обществе (таких как властные полномочия, богатство, социальный статус); 2) фундаментальный *критерий* политической жизни. Данная трактовка политики задает важное рабочее определение политической системы, которая рассматривается в качестве «совокупности *взаимодействий*, посредством которых в обществе властно распределяются ценности» и их результаты признают все члены общества. Такая характеристика действительна для любых политических систем вне зависимости от их культурно-исторической специфики. Далее Истон представляет политическую систему компонентом (подсистемой) более широкой общественной системы; в ее рамках политическую систему можно в целом определить как «*систему поведения*», связанную с властным распределением ценностей, или как «все те действия и социальные институты, которые имеют более или менее прямое отношение к принятию, претворению в жизнь и последствиям властных решений» (англ. policy-making process).

Исходя из описанного понимания специфики политики и политической системы, а также с целью придать научную строгость их анализу Истон исследует причины устойчивости такой системы, которые, по его мнению, следует искать в «*жизненных процессах политических систем*», складывающихся из «фундаментальных функций, без которых никакая

система не может длительное время существовать» и «типичных способов реакций, с помощью которых системам удастся их поддерживать». Политическая система — система открытого типа, т.е. такая система, которая испытывает на себе «возмущающие воздействия» (англ. disturbances), выражающиеся в «постоянном потоке событий и акций», определяющих условия функционирования политической системы и ее элементов со стороны других социальных систем (окружение), и одновременно реагирует на эти воздействия, адаптируясь к обновляющимся условиям окружения и пытаясь изменить его «под себя», т.е. создать оптимальные условия окружения. Адаптация, по Истону, есть нечто «большее, чем простое приспособление к меняющейся ситуации»: она включает комплекс действий, с помощью которых «происходит модификация, осуществляются фундаментальные изменения и контроль внешней среды, самой системы или того и другого вместе», с тем чтобы система смогла отразить или компенсировать неблагоприятные (стрессовые) воздействия. «Полное окружение» системы складывается из интрасоциетального (экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения) и эктрасоциетального (внешние по отношению к рассматриваемому обществу системы) окружений, которые представляют собой совокупность систем, имеющих косвенное отношение к политике, как ее понимает Истон.

Политическая система выполняет две базовые функции: предложение ценностей обществу и навязывание этих ценностей большинству его членов для признания в качестве обязательных. Эти функции Истон называет *существенными переменными* (англ. essential variables) политической жизни, показатели (в виде превышения критических значений) которых помогают обнаружить возникновение стрессовых ситуаций в системе. Стресс может полностью разрушить систему (пример Истона — военный разгром государства), но чаще только затрудняет ее функционирование, хотя система в итоге справляется со стрессом.

Очевидно, что существует большое количество воздействий на политическую систему со стороны окружения, но и сама система в состоянии оказывать некое влияние на окружение, т.е. имеют место отношения системы и окружения, которые Истон определяет как *обмены* (они фиксируют «взаимную связь политической системы с ее окружением») и *транзакции* (регистрируют «факт одностороннего действия окружения на политическую систему или обратного действия при условии пренебрежения временем обратной реакции соответствующих систем»). При этом транзакции и обмены реализуются в виде отношений «вход — выход» (англ. input — output), т.е. совокупность воздействий, исходящих от одной из систем окружения (output для данной системы), ориентирована в политическую систему (input для нее), и наоборот. Эта модель позволяет рассматривать не отдельные воздействия, а их комплекс, что облегчает исследование процессов функционирования политической системы в окружении. Истон выделяет два основных типа «входов»: *требования* и *поддержка*. Так же можно анализировать и исходящие из политической системы воздействия — «выходы» в виде решений и акций как результатов трансформации внешних воздействий, описываемых термином «входы». Между «входами» и «выходами» образуется

«*контур обратной связи*» (англ. feedback loop), который переносит информацию об эффективности «выходов», имеющую ключевое значение для центров власти в политической системе и для самой системы в целом, поскольку является фактором ее стабильности.

Анализ политической реальности на основании системного подхода позволяет, по мнению Истона, изучать политические процессы как «непрерывный поток поведения», т.е. дает возможность аналитической реконструкции динамики данной политики, что, в частности, полезно для относительно точного прогнозирования последствий тех или иных решений властей. Предложенные Истоном принципы и методы системного анализа оказались довольно эффективными и в области сравнительных исследований различных политических систем.

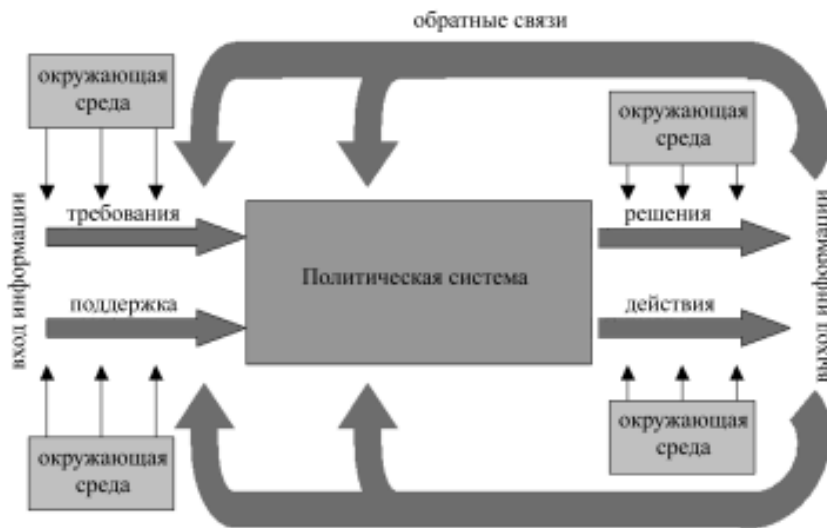
Истон считал: системный анализ политической жизни основан на тезисе о «системе, погруженной в среду» и подверженной воздействиям с ее стороны, а это означает, что для выживания системе нужна способность реагировать. Постоянно поддерживая связи с внешней средой (в числе главных составляющих которой природа, экономика, культура, социальная структура), политическая система при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие извне импульсы, приспосабливается к внешним условиям функционирования.

Теория политической системы Истона направлена на придание политологии характера «точной» науки. Вдохновившую ученого сверхзадачу можно упрощенно представить как попытку описать политическую сторону жизни общества с помощью конкретного набора констант (т.е. постоянных факторов) и переменных. Это позволило бы осуществить компьютерное моделирование политических процессов с использованием предоставляемых социологией и психологией результатов изучения поведения людей.

Терминология, используемая Истоном, — своего рода инструментальный («прикладной») язык, дающий возможность работать с данными, получаемыми при изучении всех известных типов обществ. Выделение главных категорий — «входы», т.е. все внешние по отношению к системе явления, влияющие на нее, и «выходы» как результаты деятельности системы, в свою очередь воздействующие на окружение, — было, по мнению Истона, лишь первым шагом к постижению механизма приспособления, который составляет основу жизнеспособности любой политической системы и позволяет обществу существовать при изменяющихся требованиях среды. Но ученый полагал, что для каждой группы факторов «входа» и «выхода» должны быть разработаны самостоятельные концепции, показывающие, каково влияние этих переменных на политическую систему.

Политическая система по Истону

Д. Истон, «Основы политического анализа»

Итак, происходящее в «черном ящике» даже после исследований Парсонса и Истона так и осталось непроясненным. Вместе с тем, благодаря системному анализу политическую власть перестали отождествлять с властью государства либо его отдельных институтов, воспринимать как целостную, в принципе непознаваемую сущность. Однако сами функциональные структуры власти и властные отношения по-прежнему характеризовались лишь в общем плане. Подобная неконкретность отчасти была преодолена благодаря работам *Алмонда*, чей подход к определению и описанию феномена политической системы несколько отличался от взглядов Парсонса и Истона.

С точки зрения Алмонда, политическая система — это разные формы политического поведения государственных и негосударственных структур; такие формы обусловлены не столько функциями некоей универсальной системы, сколько природой самих акторов социального взаимодействия. В отличие от Истона, Алмонд сосредоточился в большей степени на связях политической системы со средой, а не на ее собственных структурных элементах. Базовым для его концепции является понятие **роль** (вместо института, организации, группы). Именно от роли зависит содержание формальных и неформальных взаимодействий, вырабатывающих политическую культуру общества, которую Алмонд считал решающей для развития всего комплекса властных отношений. Этому ученому принадлежит также признанная подавляющим большинством современных поли-

тологов характеристика «входных» и «выходных» потоков, определяющих роль политической системы в социальной среде.

Алмонд видит главное *интегрирующее* начало общества не в институционализированных властных взаимодействиях, а в политической культуре, т.е. во взглядах и позициях людей и их групп относительно политической системы и ее разных составляющих, в их мнениях о своей роли в ней. В плане ориентации по отношению к «общей» политической системе они могут определяться как патриотизм или отчужденность, в оценках нации («большая», «маленькая», «сильная», «слабая») либо политики («демократическая», «конституционная», «социалистическая»). Кроме того, Алмонд выделяет установки человека относительно «себя самого», т.е. как актора в системе; содержание и качество норм личных политических обязательств, чувства персональных отношений с политической системой.

Алмонд различает три больших класса объектов, включенных в политическую систему: 1) специфические *роли* или *структуры* — законодательные органы, исполнители, бюрократия; 2) *ролевые обязанности* — монархи, законодатели, администраторы; 3) конкретная общественная *политика, решения* (или *обстоятельства*, порождающие таковые). Эти структуры, обязанности и решения могут быть классифицированы шире, исходя из того, вовлечены ли они в политический, «на входе», или в административный, «на выходе», процессы.

Под политическим, или «входным», процессом мы подразумеваем поток требований общества к политике и конвертацию этих требований в авторитетную политику. Прежде всего в этот «входной» процесс вовлечены политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации. Под административным, или процессом «на выходе», мы понимаем процесс, посредством которого политика осуществляется и подкрепляется. В него прежде всего включены такие структуры, как бюрократии и суды.

Мы понимаем, что любое такое деление ограничивает реальное содержание политического процесса и многофункциональность политических структур. В более широком смысле политика делается в основном в бюрократиях и в судах; и структуры, которые мы обозначили «на входе», такие как группы интересов, политические партии, часто связаны с элементами администрации и системы принуждения. Но мы говорим здесь о разнице в акцентах, которая имеет большую значимость в классификации политических культур. Различие, которое мы видим в культуре участия и подданнической культуре, состоит в присутствии или отсутствии ориентации относительно специализированных структур «на

входе». Для нашей классификации политических культур не столь важно, что эти специализированные «входные» структуры тоже вовлечены в исполнительную или принудительную функции и что специализированная административная структура вовлечена в исполнение функций «на входе». Важно для нашей классификации то, на какие политические объекты и как ориентированы индивиды, включены ли эти объекты в «восходящий» поток «делания» политики или в «нисходящий» поток политического принуждения.

Г. Алмонд, С. Верба, «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций»

Обратите внимание

В знаменитой книге «Гражданская культура» (1965, соавт. С. Верба) Алмонд писал, что для анализа политических систем и, тем более, для их сравнения нужно ответить на следующие вопросы:

1. Что знает человек о своей нации и о политической системе вообще, о ее истории, масштабах, устойчивости, конституционных параметрах и т.д.? Каковы его чувства по отношению к этим системным характеристикам? Каковы его более или менее осознанные взгляды и суждения о них?
2. Каковы представления человека о структуре и ролях разнообразных элит и о политических предложениях, инициативах, которые вовлечены в «восходящий» поток «производства» политики? Каковы его чувства и взгляды на эти структуры, на лидеров и т.д.?
3. Что знает индивид о «нисходящем» потоке политического принуждения, о структурах, людях и решениях, вовлеченных в данный процесс? Что он чувствует и каково его мнение о них?
4. Как осознает себя человек в качестве члена политической системы? Понимает ли он свои права, обязанности, возможности и то, что он способен влиять на систему? Как ощущает он эти свои возможности? Какие нормы участия и исполнения усваивает и использует он при формировании политических суждений и взглядов?

Ответы на эти вопросы создают образ политической культуры нации, т.е. разнообразные, но устойчиво повторяющиеся когнитивные, аффективные и оценочные ориентации человека относительно политической системы вообще, ее аспектов «на входе» и «на выходе», самого себя как политического актора. Именно политическая культура, по мнению Алмонда, и детерминирует в конечном итоге действия политической системы общества, ее поведение во времени и пространстве.

Системный подход к изучению политики, примененный Парсонсом, Истоном, Алмондом и другими исследователями в 1950–1970-х гг., разработка ими концептуальных основ представлений о политической системе выполняют важную методическую роль в современной научной теории. Понятие системы позволяет, с одной стороны, увидеть политическую жизнь как целостную картину поведения людей, а с другой — опосредует анализ взаимодействия политики с ее средой. Таким образом истолкованная политическая система помогает найти варианты стабильного (равновесного) состояния общества, его приспособления к внутренним и внешним воздействиям.

Многомерность самого явления политической системы обусловила сложную задачу ее жесткого терминологического и прикладного определения. Современная трактовка понятия политической системы отличается очень большим разнообразием концепций — отмечено около 20 формулировок, которые претендуют на универсальность.

Сторонники **структурно-функционального подхода** сосредоточивают внимание на классификации основных элементов дифференциации политической власти и их соответствия функциям сохранения и развития всей политической системы. Приверженцы **институционального подхода** рассматривают эту систему преимущественно с позиций анализа совокупности институтов, участвующих в процессе принятия политических решений. Ученые, придерживающиеся **элитарного направления**, прежде всего нацелены на раскрытие ролей экономических и управленческих элит. Они уделяют особое внимание изучению политических лидеров, партийных функционеров, бюрократического аппарата, неформальных группировок.

Интерпретация

В советском обществознании аналогом политической системы вплоть до середины 1970-х гг. служило понятие политической организации общества. При таком подходе в том, что мы выше описали как политическую систему, видели совокупность институтов и организаций (государство, партии и т.д.), а за ее пределами оставался значительный спектр неинституционализированных взаимодействий и отношений по поводу политики, властного распределения ресурсов, который складывается в каждом обществе. С начала 1980-х годов термин политическая система стал шире употребляться в отечественной научной литературе, хотя спор о том, является ли политическая организация частью политсистемы общества или же, напротив, последняя выступает сегментом данной

организации, продолжался до недавнего времени. Устойчивой была также тенденция сведения понятия политической системы к «политическому господству», не учитывавшая объективно существующих даже в условиях тирании акторов, противостоящих ей.

В конце 1990-х гг. российские авторы, как правило, определяли политическую систему как «целостную, упорядоченную совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества».

Итак, политическая система — объективно существующая реальность. Это политическая сфера в полноте и множестве своих взаимодействий, совокупность общественных отношений по поводу политической власти, которая не может быть сведена к простой сумме действий политических акторов. Но как все-таки уточнить содержание пресловутого «черного ящика»? Что нужно знать, дабы идея политической системы Парсонса, ее динамическая модель Истона, культурный контекст политических взаимодействий, описанный Алмондом, стали настоящим научным инструментом для тех, кто считает разработку теории политической системы завершенной, и для тех, кто хотел бы ее усовершенствовать?

ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ —

определенные типы деятельности, удовлетворяющие потребности системы в самосохранении и целенаправленной организованности. Противоположность функций — **дисфункции**, т.е. действия, разрушающие данное состояние, дестабилизирующие уже сложившиеся взаимосвязи. Функции политической системы характеризуются комплексностью и могут осуществляться как на уровне всего общества, так и в отношении его различных сфер. Они присущи политической системе как целостному образованию, равно как и ее отдельным компонентам.

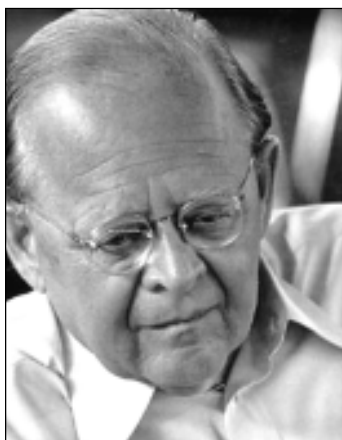

Обратите внимание

Концепции, модели и теории — основа политического анализа. Модели и теории шире, чем концепции. Модель понимается как способ представить объект в ином (обычно более мелком) масштабе, чем он есть в действительности. Ее цель — воспроизвести объект максимально точно, хотя это не всегда получается, а зачастую вообще нереально (например, абсурдно настаивать, чтобы компьютерная модель экономики обладала физическим сходством с существующим хозяйством). Чаще модели выступают в качестве аналитических рабочих инструментов, ибо включают в сети отношений множество явлений; ценность моделей — в том, что они служат размышлениям, с которыми соотносятся наши представления, в ином случае рискующие превратиться в хаотичный набор фактов. Пример одной из наиболее авторитетных моделей политического анализа — модель политической системы Истона.

Теории и модели часто переплетаются. Широкие политические теории могут быть объяснены в терминах или опосредованы серией моделей. Пока нельзя сказать, что теория политической системы окончательно сформулирована, но несколько бесспорно удачных шагов на этом пути уже сделаны.

Карл ДОЙЧ (1912, Прага – 1992) – американский политолог-теоретик, один из инициаторов «бихевиористской революции».

Как же соотносится наличие политической системы с жизнью общества? Ответ на данный вопрос частично содержится в системных идеях Парсонса. Он считал, что главная проблема, которую решает политическая система, заключается в формулировании целей, необходимых для функционирования социума, а этому подчинены вопросы социальной интеграции и легитимизации новых норм общественного взаимодействия, возникающие в ходе развития.

Однако Парсонс и такой известный исследователь, как **Карл Дойч**, рассматривают саму политическую систему в качестве «черного ящика», не подвергая ее специальному анализу. Другие авторы, например, Истон, Алмонд, **Дж. Бингэм Пауэлл** (род. 1942), **Дэвид Антер** (род. 1924), включают в свои концепции преобразования требований на «выходе», хотя и подходят к этому вопросу по-разному.

2.2. Функции политической системы и типы ее подсистем

В современной политологии **функции** политической системы выделяются по разным основаниям.

Одна из самых авторитетных классификаций функций политической системы принадлежит **Алмонду**. В работе *«Политика развивающихся регионов»* (1971) он указывает на такие функции «входа» этой системы, как: 1) политическая социализация, т.е. приобщение членов общества к политической деятельности; 2) политическое рекрутирование — форма отбора людей для заполнения различных структур системы; 3) артикуляция (выражение) интересов, т.е. выдвижение требований к тем, кто вырабатывает решения; 4) агрегирование интересов — согласование и обобщение требований, превращение их в некую позицию, придание ей вида политической платформы; 5) политическая коммуникация; 6) различные виды взаимодействий, в т.ч. информационные. К функциям «выхода» политической системы Алмонд относит: 1) нормотворчество, т.е. разработку правил и законов, регулирующих поведение; 2) применение правил и процедур введения их в действие; 3) контроль за соблюдением правил; 4) истолкование законов и пресечение акций, направленных на их нарушение.

Еще один вариант классификации функций политической системы был представлен Алмондом совместно с Пауэллом. Они выделили ряд функций, каждая из которых удовлетворяет определенную потребность системы, а в своей совокупности обеспе-

чивает «сохранение системы через ее изменение». Согласно этим соавторам, поддержание наличной модели политической системы осуществляется с помощью функции **политической социализации**, т.е. процесса приобретения человеком политических знаний и ценностей, верований, ощущений, присущих обществу, в котором он живет. Следование людей принятым в данном обществе стандартам политического поведения, лояльное отношение к институтам власти поддерживают имеющуюся модель политической системы.

Жизнеспособность системы обусловлена ее возможностями **адаптации** к внешней и внутренней среде. Эта функция может осуществляться с помощью подготовки и отбора субъектов власти (лидеров, элит), способных находить наиболее эффективные пути и методы решения насущных проблем и предлагать их обществу.

Не менее важна функция **реагирования**. С ее помощью политическая система отвечает на импульсы, сигналы, идущие извне или изнутри системы. Высокоразвитые способности к быстрому и точному ответу на любые воздействия позволяют системе адаптироваться к меняющимся условиям.

Эффективное реагирование политической системы на возникающие требования опосредуется **экстракционной** функцией, с помощью которой черпаются ресурсы из внутренней или внешней (экономической, природной и т.п.) среды.

Полученные ресурсы надо использовать так, чтобы наладить согласование интересов различных групп внутри общества. Распределение благ, услуг и статусов составляет содержание **дистрибутивной** функции рассматриваемой системы.

Политическая система осуществляет влияние на общество посредством управления, координации поведения индивидов и групп. Управленческие действия такой системы составляют смысл ее **регулирующей** функции. Она реализуется через введение норм и правил, на основе которых взаимодействуют люди и их группы, а также путем применения наказания в отношении нарушителей правил.

Интерпретация

Несколько в ином виде, чем Алмонд и Пауэлл, классифицирует функции на «входе» и на «выходе» политической системы **Антер** в книге *«Политические изменения»* (1973). К функциям на «входе» он относит: 1) политическую социализацию и рекрутирование, направленные на обеспечение нужного поведения индивидов при заданных мотивах; 2) артикуляцию социальных интересов различных групп; 3) агрегацию, или объединение,

политических коммуникаций. В качестве функций на «выходе» он выделяет: 1) принятие правил; 2) их применение (властями, администрацией и пр.); 3) судопроизводство и вынесение решений. Данная модель, в принципе, не противоречит алмонд-пауэлловской — в ней не рассматриваются отдельно функции преобразования, сохранения и адаптации системы, а составлены схожие с ними по содержанию и задачам блоки.

В отечественной литературе наиболее приближены к указанным трактовкам функций политической системы взгляды **Ф.М. Бурацкого** (см. *«Политические системы современности»*, 1978). Среди таких функций он выделяет: 1) постановка целей и задач общества, выработка программы его жизнедеятельности; 2) мобилизация ресурсов общества на достижение нужных целей; 3) интеграция всех элементов общества вокруг социально-политических целей и ценностей господствующей идеологии и культуры; 4) распределение ценностей в обществе в соответствии с интересами сохранения данной системой собственности и власти.

Если обобщить вышеуказанные подходы к обозначению функций политической системы, то можно выделить круг задач, которые они призваны решать:

- политическое руководство обществом (адекватное целеполагание);
- согласование интересов индивидов и групп, предупреждение конфликтных ситуаций, угрожающих целостности социальной системы (интеграция социума);
- ориентация членов общества на известные идеалы и ценности (поддержание образца);
- восприятие и реагирование на потоки информации (информационно-коммуникативное обеспечение).

Анализ функционирования политической системы как одного из компонентов более широкой социетальной системы действия предполагает характеристику ее внутренней структуры, причем не только с позиций системных представлений, а с учетом особенностей мира политики. Политическая система выступает как целостное образование, в единстве всех своих частей, но в ее составе обычно рассматривают несколько относительно самостоятельных **подсистем**, их элементы и отношения между ними. Преобладающей точкой зрения ученых на структуру политической системы является выделение в ее составе таких подсистем, как институциональная, нормативная, функциональная, коммуникативная, культурно-идеологическая. Их структурными элементами выступают те институты, нормы, функции, идеи и отношения, которые находятся в тесном взаимодействии с политическим управлением.

1. Институциональная подсистема состоит из политических институтов, каждый из которых, в свою очередь, является относительно самостоятельной системой. Она включает в себя государство, партии, социально-экономические и общественные организации, а также отношения между ними. Центральное место в этой подсистеме принадлежит *государству*, которое представляет собой главную властную опору как политической, так и общественной (социетальной) системы в целом.

Особую роль в институциональной подсистеме играют *церковь* и *средства массовой информации*, которые способны существенно влиять на формирование общественного мнения, а с его помощью — оказывать давление на правительство, на политических лидеров, иными словами, стимулировать или тормозить «входные» системные потоки типа «требования» и «поддержка».

Эта подсистема занимает ведущее положение среди других подсистем. Говоря о «партийной системе», «четвертой власти» (СМИ) или «религиозных общинах», мы упоминаем именно институциональную составляющую политической системы общества.

2. Нормативная подсистема складывается из политико-правовых норм, принципов, воззрений и традиций, направленных на регламентацию деятельности политической системы в целом и ее структурных элементов. Центральное место в данной подсистеме занимают нормы права, которые служат главным регулятором общественных взаимосвязей, обеспечивают функционирование по заведенному порядку не только государственных органов, но и общественных объединений, а также устанавливают правила участия граждан в политической деятельности. Указывая на легитимность власти или на нелегитимность каких-либо действий, сопряженных с этой властью, мы имеем в виду соотношение нормативной подсистемы с реальной жизнью, оцениваем степень соответствия слова (закона) и дела в политике.

3. Функциональная подсистема определяется формами политической деятельности, способами осуществления власти, преобладанием среди них насильственных или ненасильственных методов управления. Она характеризуется совокупностью реальных функций, выполняемых различными политическими институтами или гражданскими объединениями. Эта подсистема — основа политического режима, который обеспечивает сохранение существующей власти. При этом режим обладает известной самостоятельностью по отношению к конституционной структуре государственного управления, отраженной в институциональной подсистеме. Правящая элита может выходить за рамки формально установленного правопорядка, видоизменять меха-

низмы властвования, а активность оппозиционных сил способна ограничить влияние конституционных институтов либо создавать альтернативные квазиинституциональные структуры. Взаимодействия акторов, складывающиеся в рамках функциональной подсистемы, настолько сложны и многообразны, что многие политологи предпочитают анализировать политические процессы в различных странах, исходя не из нормативного описания их целостности, а ограничиваясь только этой областью. Другими словами, понятия политической системы и политического режима нередко выступают как синонимы. С подобным упрощением можно иногда согласиться в интересах решения прикладных политологических задач.

4. **Коммуникативная** подсистема включает разнообразные формы и принципы взаимодействия как внутри политической системы (т.е. между ее подсистемами), так и с другими странами. На внутреннем уровне она определяется отношениями между законодательной и исполнительной ветвями власти, институтами государства и другими субъектами политических взаимодействий (партиями, социальными, этническими или конфессиональными общностями, людьми как индивидуальными акторами), складывающиеся в связи с их участием в осуществлении власти. Данная подсистема — та область мира политического, которую нужно изучать при рассмотрении связей гражданского общества и правового государства. Коммуникативная подсистема «отвечает» также и за внешнюю безопасность общества, но, разумеется, не в ее техническом аспекте. Но адекватное восприятие и оценка внешних информационных потоков, будь то со стороны международной или физической (экология) среды, неизменно выступают залогом адаптации политической системы, а значит, и общества в целом, к новым воздействиям.

5. **Культурно-идеологическая** подсистема формируется из различных по содержанию идей, взглядов, чувств участников социальной жизни. Она во многом определяется степенью дифференциации идейно-политического спектра общества, преобладанием в нем гуманистических или негуманистических по своей ориентации течений. Кроме того, подобная подсистема тесно связана с особенностями массовой политической культуры, ролью в ней традиционных стереотипов или рациональных установок в сфере поведения. Функционально культурно-идеологическая подсистема решает задачи сохранения и воспроизводства существующей модели общества. (Это наглядно проявляется в идейных позициях приверженцев политического консерватизма и религиозного радикализма.) Однако подсистема культуры и идеологии — та об-

ласть, где происходит не только подтверждение, но и видоизменение модели устройства общества. Мир меняется потому, что возникает мысль о необходимости его обновления, что воодушевляет политических акторов, и они пытаются воплотить эту идею в действительности.

Структурность политической системы выражается не только в дифференциации задач ее основных частей, но и в их иерархии. Каждая из главных функциональных подсистем организована на трех уровнях власти и политических отношений: высший — *мегауровень*, — включающий центральный аппарат государственного управления, разделен в правовом государстве на законодательную, исполнительную и судебную власти; средний — *мезоуровень* — аналогичен по своему строению мегауровню, но отличается от него объемом компетенции, поскольку эти органы представляют выборную и назначаемую власть регионального и муниципального масштаба; неинституционализированный нижний — *микроуровень* — формируется на базе массового участия общественных групп и граждан в политической жизни. Он определяется: членством в массовых политических или неполитических организациях, участием в акциях поддержки власти или протеста против ее установок, в социальном контроле над властными решениями. Фактически на микроуровне политической системы происходит взаимное проникновение (диффузия) политической и неполитической сфер общества, реализуются связи гражданского общества и государства.

Основные функциональные блоки политической системы и их элементы не существуют в отрыве друг от друга — в реальности они всегда находятся в постоянном взаимодействии. Фактором, связывающим все структурные элементы этой системы в единое целое, выступают политические отношения акторов по поводу публичной власти. Один вектор политических взаимодействий направлен на упрочение действующих в обществе институтов и имеющегося социального порядка, а другой может быть разрушительным для наличной политической системы, выражать интересы сил, стремящихся к ее изменению либо даже ликвидации.

Реальные политические системы современного мира очень разнообразны. На их формирование и функционирование, иначе говоря, на политическую жизнь в каждой стране оказывает влияние множество факторов: исторические традиции, культура, экономическое развитие, зрелость гражданского общества, географическое положение и т.д. Особый теоретический и практический интерес представляет выявление универсальных характеристик,

определяющих общие тенденции жизнедеятельности рассматриваемых систем.

Отличия в способах организации и условиях функционирования политических систем обусловили множественность подходов к их классификации.

Довольно популярна типология, развивающая идеи Аристотеля о «плохих» и «хороших» формах правления. Но сегодня ее сторонники исходят не столько из количества правящих лиц, сколько из числа институтов, наделенных властными полномочиями, а также из принципов распределения власти. Основные модели политических систем по характеру распределения власти — авторитарные и плюралистические. Близко по своему содержанию к этой классификации деление систем на демократические, тоталитарные и авторитарные.

Суть авторитаризма — в сосредоточении власти в едином центре. *Авторитарный* тип властвования в наиболее последовательном виде исключает демократию, реальное разделение государственной власти, существование действенной оппозиции, самостоятельность средств массовой информации.

Плюралистическая система по своей организации противоположна авторитаризму и предполагает наличие многих сдержек и противовесов любой ветви (или центру) власти; в ней невозможно господство устойчивого неизменного большинства. Плюралистический тип отличается тенденцией к рассредоточению власти, широкими правами и свободами индивидуальных акторов политических взаимодействий, открытой конкуренцией в борьбе за власть, подчиненной конституционно закрепленным правилам и процедурам.

Тоталитарный тип политической системы характеризуется жесткой регламентацией всей жизнедеятельности общества вплоть до поведения и образа мышления каждого человека. В этом случае отсутствует не только разделение властей в рамках институциональной подсистемы, но и аномально возрастает роль функциональной составляющей этой системы в виде сверхцентрализации исполнительной власти. Политическая система перестает существовать как единый комплекс функций, следовательно, рано или поздно она обречена на потерю своей внутренней и внешней устойчивости.

Еще одно интересное, хотя и небесспорное, направление в области классификации политических систем тоже связано с работами *Алмонда*. Он различает их по **типу политической культуры** и **разделению политических ролей** между участниками политического процесса, выделяя четыре таких типа.

Для *англо-американской* политической системы характерна высокая степень разделения ролей и функций между участниками политического процесса — государством, партиями, группами интересов и т.д. Власть и влияние распределены между различными звеньями политической системы. Она функционирует на базе однородной культуры, ориентированной на защиту либеральных ценностей (свободы, безопасности, собственности и т.д.), которые общепризнаны гражданами.

Европейско-континентальная система (страны Западной Европы) отличается расколотостью политической культуры, наличием внутри национальных культур противоположных ориентаций, идеалов, ценностей, присущих какому-то классу, этносу, группе, партии. Распределение ролей и функций в такой системе происходит не в масштабах общества, а внутри класса, группы, партии и т.д. Однако наличие разнородных субкультур не мешает находить согласие в обществе, поскольку имеется единая культурная основа — либеральные ценности.

Доиндустриальные и частично индустриальные системы имеют смешанную политическую культуру. Она состоит из местных политических субкультур, в основе которых лежат ценности клана, рода, общины, племени. Поэтому найти согласие и компромисс, не прибегая к насилию, здесь почти невозможно. Интеграция общества с помощью насилия обычно приводит к концентрации власти у узкого круга лиц.

Тоталитарные политические системы функционируют на основе приоритета классовых, национальных, религиозных ценностей. Власть в них захвачена монопольно правящей партией или группой людей и контролирует все стороны жизнедеятельности общества и отдельного человека.

Главный недостаток, за который многие ученые критикуют вышеизложенный широкий социокультурный подход к типологии политических систем, — убеждение его создателей, что все типы систем могут оцениваться лишь в их соотношении с западными. С одной стороны, функционирование политической системы испытывает влияние не только социоэкономических, социокультурных, но и географических факторов. Характер границ и масштабы территории, запасы природных ресурсов и количество земли, пригодной для аграрных целей, климат и масса населения — все это влияет на особенности политической системы. Верно и противоположное. Универсальные принципы организации, которые могут быть представлены современной сравнительной и ретроспективной политологией, помогают усмотреть общую логику в соединении различных, на первый взгляд взаимоисключающих, политических моделей.

Обратите внимание

Продуктивным представляется эволюционный подход к политическим системам. В его рамках **М.В. Ильин** был предложена концепция *хронополитики*, которая во многом основана на использовании принципа открытости и/или закрытости в осуществлении политических (организационно-коммуникативных) взаимодействий на разных этапах и уровнях политического развития. Хронополитическая трактовка эволюции политических систем, институтов и ролей отвергает довольно привычное представление, будто каждая «эпоха прогрессивного развития», сменяя другую, приносит обновление и утверждает свою «правду» чуть ли не сызнова в споре с предыдущей эпохой или вопреки ей. На деле ни одна эпоха не отрицает предыдущую, а находит способы усвоить то, что было создано ранее, и нарастить свой уровень сложности. В указанной концепции предлагается схема развития человеческих общностей, которые при всех качественных и, кажется, взаимоисключающих отличиях «вырастают» друг из друга, сберегая себя в череде метаморфоз этносов, цивилизаций и сохраненных (преображенных) этнокультур, наконец, наций, наследующих преобразованные цивилизации и возрожденные этнокультуры.

Развитие и наследование возможны потому, что многообразные изменения вписаны в единую логику смены фаз открытия и закрывания политических систем, а также вытекающего из этой логики накопления открытых и закрытых организационных структур.

Есть и другие варианты классификации политических систем. Французский политолог **Жан Блондель** различает их по **содержанию и формам управления**, выделяя пять основных разновидностей: 1) *либеральные демократии* в принятии политических решений ориентируются на ценности индивидуализма, свободы, собственности; 2) для *коммунистических*, или авторитарно-радикальных, систем важнее всего ценности равенства, социальной справедливости; 3) *традиционные* системы опираются на олигархические формы правления и практикуют неравномерное распределение экономических ресурсов и социальных статусов; 4) *популистские* системы, преобладающие в развивающихся странах, используют авторитарные методы управления и стремятся к большему равенству в распределении благ; 5) *авторитарно-консервативные* системы преследуют цели сохранения социального и экономического неравенства, ограничения политического участия населения.

Взгляды Алмонда и Блонделя открывают весьма представительный список вариантов классификации политических систем, которые создавались политологами в 1970–1980-е гг. Научный интерес

к этим исследованиям обусловлен двумя основными причинами. Классификация — важнейший инструмент, расширяющий возможности понимания самых разнообразных аспектов политики и управления в странах современного мира. Классифицировать удобнее всего с использованием сравнительных процедур, которые стали неотъемлемой частью политической науки. Вторая побудительная причина — стремление к изучению видоизменений власти, политических ситуаций и процессов в той или иной стране.

Исследование политической системы общества — весьма высокая ступень в познании политики и власти. В рамках системного подхода, применяемого с середины XX в. учеными разных стран, политика рассматривается, с одной стороны, как относительно самостоятельная сфера, состоящая из взаимосвязанных элементов, которые выполняют функции распределения ресурсов и поиска поддержки его принципов со стороны большинства общества, а с другой — как часть более широкой целостности. Вероятно, именно осознание единства мира, взаимозависимости природы и общества в их планетарном измерении является одним из ключевых аспектов постижения сущности политики.

Вопросы для семинарского занятия

1. Опишите системный подход к изучению политической жизни и этапы развития научных представлений о политической системе общества.
2. Из каких элементов состоит структура политической системы в разных их моделях?
3. Как функционирует политическая система общества?
4. Каковы критерии классификации реальных политических систем?
5. Универсальное и национальное в функциях и структуре политической системы.
6. Какова значимость гражданского общества в свете современных представлений о политической системе?
7. Чем отличаются политические системы развитых индустриальных и развивающихся стран?
8. Каковы роли институциональной, нормативной, культурной и коммуникативной структур в политической системе?
9. Каковы основные принципы и этапы становления российской политической системы?
10. Каковы особенности культурной среды, в которой функционирует российская политическая система?

Тексты

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. — *Полис*, 1992. — № 4.

Берталанфи Л. фон. История и синтез общей теории систем. — *Системные исследования*. Ежегодник, 1973. — М., 1973.

Истон Д. Категории системного анализа политики. — *Антология политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория системы действия: культура, личность и место социальных систем. — *Американская социологическая мысль*. (Ред. В.И. Добренко). — М., 1994.

Парсонс Т. *Система современных обществ*. — М., 1997.

Almond G. A Developmental Approach to Political Systems. — *World Politics*, Vol. XVII, Issue 2 (Jan., 1965).

Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. — N.Y., 1966.

Дополнительная литература

Андреев С. Политические системы и политическая организация общества. — *Социально-политические науки*, 1992. — № 1.

Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. — М., 1972.

Винер Н. *Кибернетика и общество*. — М., 1958.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). — М., 1993.

Луман Н. Почему необходима «системная теория»? — *Проблемы теоретической социологии*. (Ред. А.О. Бороноев.) — СПб., 1994.

Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. — *Западная теоретическая социология 80-х годов*. — М., 1989.

Чиркин В.Е. Глобальные модели политических систем современного общества: индикаторы эффективности. — *Государство и право*. — 1992. — № 5.

Attali J. *Les modules politiques*. — Paris, 1972.

Munch R. Parsonian Theory Today: In Search of a New Synthesis. — *Social Theory Today* (A.Giddens, J.Turner Eds.). — Stanford, 1988.

Глава 4

Политический режим

Political Regime

Программные тезисы

- Политический режим как способ функционирования властного порядка. Определения политического режима. Типология политических режимов. Критерии классификации политических режимов: политическая мобилизация, политический плюрализм, идеологизация, конституционность (Х. Линц).
- Признаки тоталитарных режимов: официальная господствующая идеология, однопартийная система, полицейский контроль, монополия на все виды вооруженной борьбы и организованного насилия, монополия на СМИ, контроль над экономической сферой, стремление к территориальной экспансии. Концепции тоталитаризма Х. Арендт и К. Поппера.
- Авторитарные режимы и основные элементы их конструкций. Разновидности авторитаризма: военно-бюрократический, корпоративный, дототалитарный, постколониальный, расовая/этническая демократия.
- Посттоталитарные режимы. Понятие номенклатуры.
- Султанистские режимы современности.

Проблемные вопросы

1. Каковы границы прав и свобод граждан при разных политических режимах?
2. Почему уровень политического участия граждан в тоталитарных режимах выше, чем в демократиях?
3. Чем отличаются военные режимы от гражданских?
4. Деспот, тиран и диктатор — в чем их сходство и отличие?
5. Каким образом политика апартеида, идеологии фашизма и коммунизма нарушают права человека?
6. Каковы взаимоотношения господствующего «союза элит» и общества при авторитаризме?
7. Существует ли вероятность установления тоталитарных либо авторитарных режимов обновленного типа в XXI веке?

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК ВЛАСТНЫЙ ПОРЯДОК

1.1. Определение понятия

В политической науке для описания социального характера и порядка отношений управителей и управляемых, а также методов и эффективности властвования в целом используется категория **политического режима**. Исследование содержания этой категории — классическая тема политологии, особенно сравнительной (компаративистики).

Термин политический режим — производный от латинского слова *regimen*, т.е. направление, в переносном смысле кормило, правитель — появился в западной литературе еще в XIX в., а в широкий научный оборот вошел после Второй мировой войны. Но по сей день есть немало вариантов употребления и трактовок этого понятия.

Обратите внимание

Например, говорят о президентском режиме в целом или о режиме V Республики во Франции, подразумевая особую форму (систему) правления, т.е. фактически ее конституционные основы. Когда упоминают британский режим тори, монетаристский режим или режим реформ, то имеют в виду специфические политические курсы, дополняющие конституционное управление необходимыми альтернативами, как правило, утвержденными законодателями. Выражения типа: белградский режим С. Милошевича или режим М. Тэтчер означают организацию власти правящим авторитетом, т.е. некое правительство.

РЕЖИМ (фр. *régime* — управление) — 1) режим как *метод правления* (режим/политический строй в целом) означает комплекс элементов институционального, социологического и идеологического порядков, образующих политическую власть конкретной страны на определенный период; в этом понимании выражается формально-юридический и — шире — конституционный аспект организации политической системы, характеризующий структуру государственной власти; 2) режим как *открытые для изменений* переменные параметры политического строя (режим/альтернатива), в т.ч. его социально-экономические основания; 3) режим как *источник правления*, или властный авторитет, определяющий политический строй и/или его изменяющиеся составляющие (режим/власть).

В политологии распространены два основных подхода к определению политического режима — *правовой* и *социологический*. В первом случае объяснение сводится лишь к официальным формам и легальным методам управления, которые опираются на формально-юридические критерии функционирования власти. Тем самым понятие политический режим сближается по смыслу с формой правления государства, его конституционно-правовым основаниям. Согласно формально-правовым принципам выделяют режимы **демократические**, где право ограничивает действия властей, и **автократические** (гр. *autokrateia* — самодержавие) с произволом правителей, не соблюдающих законы. В рамках данного направления весьма существен анализ отношения государства к провозглашенным за-

конодательно нормам (в т.ч. к основным правам и свободам граждан), а также внутренний механизм институционального взаимодействия органов государственной власти.

Более современный социологический подход к интерпретации политических режимов опирается на иные критерии. В формуле **Мориса Дюверже** (род. 1917) отмечено, что политический режим — это скорее особый социальный механизм, способ управления обществом, соединяющий, с одной стороны, базовые модели выборов, голосования и принятия решений, а с другой — способы политического участия партий и групп интересов.

В широком смысле политическим режимом называют форму, которую принимает в данной социальной группе различие управителей и управляемых... Режим — это также определенное сочетание системы партий, способа голосования, одного или нескольких типов принятия решений, одной или нескольких групп давления.

М. Дюверже, «Политические режимы»

Интерпретация

Автор одного из самых популярных во Франции учебников по политологии «Западные политические режимы» (1986) **Жан-Луи Кермонн** попытался сделать подход Дюверже более объемным: «Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социального порядка, которые способствуют формированию политического управления данной страны на известный период».

Американский политолог **Рой Макридис** (1919–1991), исходя из функциональной концепции политической системы, предложил такую трактовку: режим определяет специфические пути и способы, при помощи которых нормативные установления системы реализуются в практике государственных институтов. При этом он подчеркнул, что одна и та же политическая система в зависимости от исторических обстоятельств способна функционировать в различных режимах. К примеру, советская политическая система представила целый ряд вариантов проявлений и действий режимов: от сталинского террора 1930 – начала 1950-х гг. до либерализации в период перестройки в середине – конце 1980-х.

Есть еще иные признанные подходы к дефиниции политического режима. Властование как таковое имеет особое институциональное измерение, устанавливающее так называемые инструмен-

тальные средства и способы взаимодействия управителей (государственных органов) и управляемых социальных групп. Именно в данном отношении осмысливают понятие политического режима. Оно более ограничено по содержанию, чем категория политического процесса, включающая в себя частично спонтанные (самопроизвольные), неинституционализированные компоненты социально-политического развития, и категория государственного управления, описывающая регулирование коллективных ресурсов, модели политической стратегии и тактики, наконец, чисто организационные вопросы. В свою очередь, анализ функционирования политических режимов сопряжен прежде всего со способами руководства людьми и поддержания порядка в данном сообществе.

Итак, специфика властного руководства управляемыми через конкретную систему институтов во имя достижения общих целей политики государства тоже может составлять содержание понятия политического режима. Именно таков подход *Йозефа Шумпетера* (1883–1950): это *метод*, специфический тип институционального устройства. Ряд современных авторов идет дальше, подразумевая под политическим режимом общий характер отношений государства и социальных групп, которые включают в себя не только государственное воздействие сверху, но и «обратную связь», т.е. механизмы гражданского представительства и давления, участия и выборов.

Под политическим режимом следует понимать *способ политического существования* любого общественного коллектива, племени, нации или государства.

Ж.-М. Данкэн, «Политическая наука»

Для обобщения вышесказанного можно попытаться свести вместе разные подходы к определению политического режима (по крайней мере, его нынешних наиболее распространенных форм). **Политический режим** — это совокупность различных видов отношений между властью и обществом, среди которых нужно отметить следующие показатели. 1) Институциональный способ взаимодействия правительства и гражданина (соблюдение конституционных норм, в т.ч. уровень уважения к фундаментальным правам и свободам человека; соответствие мероприятий административных органов государственно-правовым основам; значение официально-легальной сферы в общем объеме действий правительства). 2) Степень политического участия населения и его включенности в процесс принятия государственных решений, отражающая социальное представительство, народный контроль и волеизъявление.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ (лат. mobilis — подвижный) — 1) сосредоточение и задействование субъектом (актором) политики различных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей прежде всего путем создания *массовой поддержки* со стороны граждан, установления контроля над финансовыми и информационными источниками; 2) организация партиями и движениями высокого уровня политического участия своих сторонников для победы на выборах или для согласия с предложенными программами и мероприятиями. Политическая мобилизация осуществляется с помощью: разных форм принуждения, индоктринации (т.е. сильной идеологизации, буквально — промывания мозгов) масс, использования авторитета политического лидера, информационного и иного манипулирования и др. Мобилизационный тип управления есть один из эффективных способов поддержания и реализации власти в авторитарных и тоталитарных режимах, однако схожие приемы — далеко не редкость и в демократиях.

3) Уровень возможности свободного соперничества между правящей и оппозиционной группировками при формировании органов государственной власти. 4) Роль открытого насилия и принуждения в государственном управлении. Другими словами, речь идет о том, что между управителями и управляемыми заключается своего рода «общественный договор» о правилах их отношений, а динамика осуществления государственного управления постоянно отражает состояние дел при поддержании властного порядка и сам характер регулирования отношений между государством и человеком.

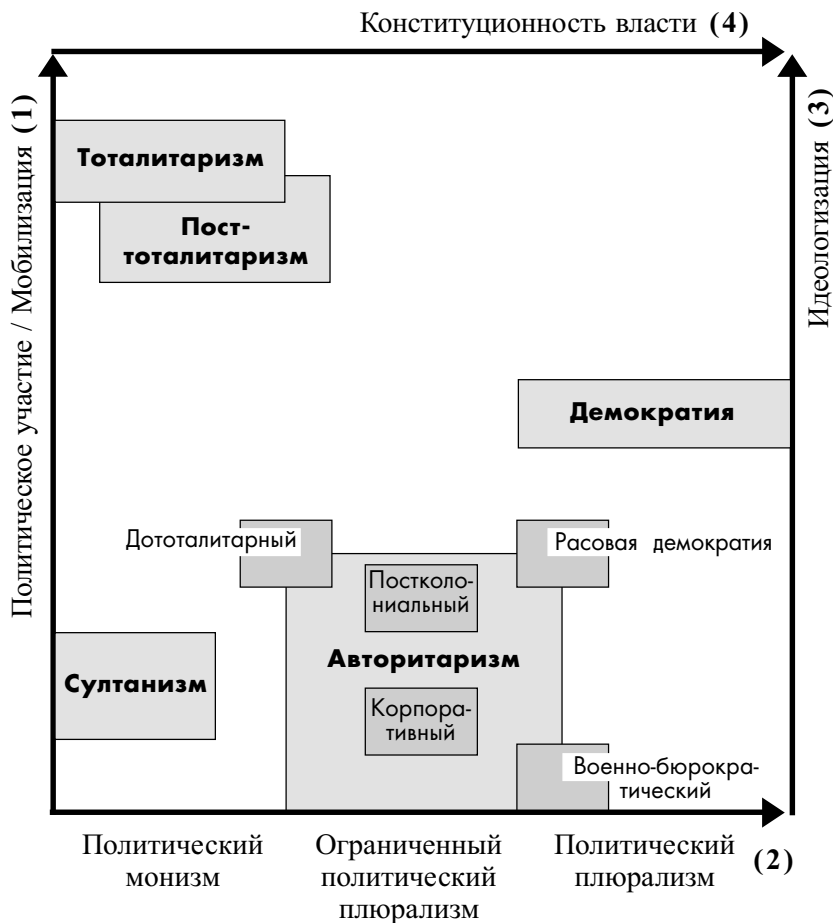
1.2. Типология политических режимов

Подходы к определению содержания категории политического режима можно использовать в качестве оснований для их классификации. И здесь политология предоставляет множество мнений. Например, *Роберт Даль* (род. 1915) с помощью двух критериев — конкурентности в борьбе за власть и степени вовлеченности граждан в управление — выделяет четыре идеальных типа политических режимов: закрытую гегемонию, открытую гегемонию, соревновательную олигархию и полиархию. Гегемонии отличаются наиболее жесткими ограничениями, запретом оппозиции любого рода, независимо от преданности (лояльности) подвластных. Соревновательные олигархии разрешают конкуренцию, но только в рамках элиты. Полиархии ближе всех к демократическому идеалу. Существует и большое количество смешанных режимов, приближающихся к одному из данных идеальных типов.

Некоторые авторы относят к отдельным группам военные, однопартийные, либерализирующиеся, квазидемократические, переходные режимы. *Сэмюэл Хантингтон* (род. 1927) обозначил четыре типа недемократических режимов: однопартийный, военный, личная диктатура и расовая олигархия. Таким образом, в зависимости от задач политологического анализа можно выбрать одну из многих классификаций. Но все-таки наибольшее распространение получила типология политических режимов, предложенная американским ученым *Хуаном Линцем* (род. 1926), который выделил пять основных типов режимов — **демократический, авторитарный, тоталитарный, посттоталитарный и султанистский**. Данные режимы представляют собой идеальные типы и отличаются друг от друга по четырем главным характеристикам: по степени политической мобилизации граждан, уровню плюрализма, степеням идеологизации и конституционности власти лидера либо правящей группы.

Типы политических режимов по Х. Линцу

Хуан ЛИНЦ (род. 1926) – американский политолог, один из ведущих представителей современной теории демократии.

Как видно, на *рисунке* Линца начертаны четыре оси: 1) мобилизация; 2) плюрализм; 3) идеологизация; 4) конституционность власти.

С одной стороны оси 1 располагаются режимы, которым жизненно необходима **мобилизация** масс в свою поддержку (тоталитарные), с другой — режимы, которые не стремятся вовлечь граждан в политику.

Ось 2 демонстрирует зависимость типа режима от развития политического **плюрализма**, начиная с монизма (гр. *monos* — один), т.е. концентрации власти и управления мнениями у единственного актора, через ограниченный плюрализм.

Ось 3 показывает тип политического режима в соответствии с возрастанием роли **идеологии**.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ (лат. pluralis — множественный) — 1) принцип организации власти, требующий ее рассредоточения между различными автономными и конкурирующими между собой социальными группами, которые используют свое право на объединение (партии, профсоюзы, ассоциации); воплощается в сосуществовании множества центров политической власти, принятия решений, источников информации и свободного доступа к мнениям в обществе (в противовес ситуации, когда власть, обмен мнениями и пр. направляются одной или узким кругом политических сил); в этом понимании плюрализм — равнодействующая состязавшихся субъектов; 2) одна из влиятельных концепций современной политической науки, дающая обоснование описанной выше организации власти, структур интересов и информационного пространства (Г. Ласки, Д. Трумэн, Р. Даль, Ч. Линдблом, Н. Полсби и др.), которая в целом сводится к следующему: несмотря на то что социальные группы обладают неодинаковыми властью, ресурсами, степенью доступа к политическому процессу, они способны заставить правительство учесть их мнение на его разных стадиях.

Конституционность власти лидера/правлящей группы или партии/элиты означает наличие определенных ограничений на применение властных полномочий независимо от того, закреплены ли они формально-правовым способом или нет. Принципы ограничения политической власти могут быть отражены в конституции, уставе, идеологии, традициях, обычаях, религии и т.д.

С одной стороны оси 4 *конституционности* будут располагаться, разумеется, конституционные режимы, лимитирующие применение власти, — это демократии (хотя они сами отличаются друг от друга в силу того, к примеру, каким образом и насколько судебная власть защищает права граждан и пр.), с другой — неконституционные режимы, власть которых ничем не ограничена.

Великий повелитель не обязан соблюдать данное им слово или клятву, если он ограничивает ими свою власть. В Персии раз государь осудил кого-нибудь, никто уже не смеет ни заводить с ним речь об осужденном, ни испрашивать для него помилования. И если бы изрекая свой приговор, властелин был пьян или не в полном рассудке, приговор все-таки должен быть приведен в исполнение. Иначе государь противоречил бы самому себе, а закон не может себе противоречить.

Ш. Монтескьё, «О духе законов»

Особенности недемократических режимов рассматриваются в этой главе, а демократиям посвящена следующая.

2. ТОТАЛИТАРИЗМ

2.1. Специфика тоталитарной власти

До XX в. никогда ранее в мировой истории не было правления с признаками тоталитарных режимов. Об этом заявлял еще основатель итальянского фашизма **Бенито Муссолини** (1883–1945): партия, которая управляет тоталитарно, — новый факт в истории; аналогии и сравнения неуместны.

При **тоталитарном режиме** создается политическая система особого рода, которая замыкается на личности вождя, поддерживаемого и выдвигаемого некоей олигархической группировкой. Для обеспечения господства государства (во главе с вождем) над обществом используется целый комплекс мер и средств, где главное — нескрываемое насилие. Активно применяются методы политического, эко-

номического, идеологического, пропагандистского воздействия, поэтому на определенной стадии своего формирования тоталитарному режиму удастся создать для себя достаточно массовую социальную опору. Наличие массовой поддержки режима иногда доказывается с помощью плебисцитов и референдумов. Известнейшими исследователями тоталитаризма были *Ханна Арендт* и *Карл Поппер*.

Ханна АРЕНДТ (1906, Ганновер – 1975, Нью-Йорк) – немецко-американский философ, один из самых оригинальных политических мыслителей в истории XX в.

Тоталитаризм существенно отличается от всех иных форм политического подавления, известных нам как деспотизм, тирания или диктатура. Где бы тоталитаризм ни приходил к власти, везде он приносил с собой совершенно новые политические институты и разрушал все социальные, правовые и политические традиции данной страны. Независимо от того, каковы конкретные национальные традиции или духовные источники идеологии тоталитарного правления, оно всегда превращало классы в массы, вытесняло партийную систему не диктатурой одной партии, а массовым движением, переносило центральную опору власти с армии на полицию и проводило внешнюю политику, открыто ориентированную на мировое господство.

Х. Арендт, «Истоки тоталитаризма»

АРЕНДТ (Arendt), Ханна (1906, Ганновер — 1975, Нью-Йорк) — немецко-американский философ, один из самых оригинальных политических мыслителей в истории XX в. В 1924–1929 Арендт обучалась в университетах Марбурга (слушала лекции М. Хайдеггера, философия которого во многом определила стиль теоретического мышления и круг ее интересов), Фрейбурга (изучала феноменологию Э. Гуссерля) и Гейдельберга (курс К. Ясперса, идеи которого о свободе и человеческом сообществе значительно повлияли на ее взгляды); в 1928 защитила диссертацию «Концепция любви Августина Блаженного», затем исследовала немецкий романтизм и проблемы социальной психологии еврейской общины, одновременно активно участвуя в ее жизни. После прихода нацистов к власти и краткого ареста в 1933 эмигрировала во Францию, потом в США (натурализовалась в 1951). С начала 1950-х преподавала в ведущих американских университетах (Чикагский, Принстонский, Колумбийский, Беркли и др.); была членом разных академий, лауреатом престижных международных премий по социальным наукам.

Автор знаменитых работ, среди которых: «Истоки тоталитаризма» (1951); «Положение человека» (1958); «Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли» (1961); «О революции» (1963); «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла» (1963); «О насилии» (1970); «Кризисы республики» (1972) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Арендт — из когорты выдающихся немецких ученых-эмигрантов (Г. Моргентау, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Л. Страусс и др.), во многом определивших основы современной американской политической теории. В своих исследовани-

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ — распространение в массовом сознании политических идей, представлений, концепций и доктрин об устройстве и принципах функционирования данного общества, составляющих его идеологическую систему, и их закрепление в политической практике. Наивысшая идеологизация — это *индоктринация* (фр. *doctrinaire* — человек, слепо следующий какому-либо учению).

ях она ориентировалась на западноевропейскую научную традицию — на Платона, Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, Руссо, де Токвиля, Маркса, Канта, благодаря чему анализировала универсальные социальные феномены, не игнорируя при этом их индивидуальное измерение, т.е. собственно «человеческое положение». Основной круг творческих интересов: тоталитаризм в качестве специфического общественного явления XX в. — «бремени современности»; теоретическая и практическая задача поддержания автономности политической жизни (сфера публичности), без которой невозможна свобода; переосмысление свободы как коммуникативной практики (общения), включающей речь (слово), «действие» и «плюрализм»; осмысление теоретического наследия американского республиканизма как опыта построения свободного политического порядка. Широкие философские заключения Арендт нередко выводила из анализа конкретных проблем — тоталитаризм, революция, кризис культуры в условиях массового общества, эрозия свободы, типы поведения и т.п.

В *«Истоках тоталитаризма»* Арендт, рассматривая явления антисемитизма, империализма, расизма и тоталитаризма («не просто диктатура и тирания»), обнаружила и отследила развитие основных элементов таких режимов — нацизма и большевизма (сталинизма), а также изучила социальные обстоятельства, приводящие к оформлению «тотального господства», являющегося (вместе с понятиями массы, массового общества, тоталитарной личности) главной категорией ее концепций. Для образования тоталитарных режимов нужно несколько условий. 1) Наличие «масс» как «огромного количества нейтральных, политически равнодушных» людей, которых в силу либо просто численности, либо безразличия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе (партии, органы местного самоуправления, профсоюзы и т.д.). От этих людей со слабыми представлениями о политике и почти не голосующих на выборах (социально пассивных) отказываются традиционные политорганизации, не видящие в них потенциальных членов и сторонников или объекты для своей сложной пропаганды (избирателей). Массы — продукт разрушения либо значительного ослабления «системы социальной и политической стратификации европейских национальных государств» (т.е. социально-классовой структуры) и, как следствие, политического представительства (в т.ч. партийного). В результате этого ранее «сонные большинство» охватывает «отрицательная солидарность», питающая антисистемные настроения. Подобная ситуация обостряется в периоды потрясений и кризисов. 2) Для формирования тоталитарных движений необходимо также особое *психологическое* состояние множества людей, складывающееся из «самоотречения в том смысле, что любой ничего не значит», и «ощущения себя преходящей вещью», из потери «интереса к собственному бытию», на место которого приходят «некий способ мышления в категориях континентов и чувствования в веках», жестокость к себе и окружающим, «общее презрение даже к самым очевидным правилам здравого смысла». 3) Даже будучи частью массы, человек все равно *изолирован* и страдает от недостатка «нормальных социальных взаимоотношений» (результат крайней индивидуализированности людей, к которой стремится любой тоталитарный режим или диктатура, его подготавливающая, например, посредством репрессий).

При сочетании этих условий и появляются тоталитарные движения как «массовые организации атомизированных, изолированных индивидов», от членов которых требуется всецелая преданность вождям. Такая преданность возможна лишь со стороны очень одинокого, испытывающего страх (в т.ч. от насилия) человека, она не нуждается ни в сложном идейном наполнении, ни в партийной программе в традиционном смысле, кроме идей вождя и глобальных обещаний «светлого будущего», «мирового господства» и т.п., составляющих суть тоталитарной идеологии как важного способа господства над людьми (наряду с государством с его бюрократизированной машиной террора). И это естественно, поскольку «политической цели, что стала бы конечной целью движения, просто не существует». Арендт утверждала, что катализатором тоталитарного движения в нацистской Германии выступил антисемитизм.

В столь же важной работе «*Положение человека*» Арендт рассматривает различные формы человеческой жизнедеятельности (лат. *vita activa*) — *труд* (англ. *labour*; помогает воспроизводить биологические процессы в человеческом организме); *производство* (англ. *work*; обеспечивает воспроизводство цивилизации, искусственного мира) и *активность* (англ. *action*; действие). Именно благодаря действию человек выступает в качестве творческого субъекта «начинания нового», без чего невозможна индивидуальность. Проявление действия, при помощи которого индивид реализует себя в сфере публичности (т.е. в общественной жизни), — *свобода*, а она, в свою очередь, полностью раскрывается только в политике («свободность» в частной жизни, или приватности, предзадана). Арендт указала на опасность замены активности трудом и производством, иными словами, на угрозу, чинимую сращиванием политической сферы с социальной и экономической. В данной связи она критиковала и марксизм, и либерализм, которые едины в оценке сферы экономики как приоритетной. Но вообще между публичностью и приватностью должен существовать определенный баланс, его нарушение в пользу, например, публичности характерно для тоталитарных режимов. Итак, Арендт представляла политику как «цель в себе» и свободу как общение граждан в сфере публичности (отсюда плюралистическое видение идеального способа осуществления власти путем согласия после обсуждения); угроза их утраты в современном обществе и, соответственно, прихода тоталитаризма весьма велика. Некоторые политологи, вслед за Арендт, определяют «подлинную революцию» как прорыв к свободе.

Интерпретация

Резко о феномене тоталитаризма в его национал-социалистическом (нацистском) варианте в Германии высказался в 1944 г. в книге «*Вождь*» политолог **Конрад Хейден** (1901–1966). Его суждение можно, вероятно, отнести ко всем первоначалам тоталитарных порядков: «Из обломков отмерших классов встает новый класс интеллектуалов, и во главе его маршируют самые безжалостные, те, кому нечего терять, — ...вооруженная богема, кому война — мать родная, а гражданская война — отчина».

Карл ПОППЕР (1902, Вена – 1994, Кройдон) – австро-британский политический философ и методолог науки, известный концепцией открытого общества и бескомпромиссной критикой тоталитаризма, в особенности его эпистемологических истоков.

В условиях тоталитарного режима государству удается подчинить себе общество, уничтожить его гражданские основания, подвергнув огосударствлению все стороны его жизнедеятельности вплоть до частных (даже интимных) отношений. Так все люди превращаются в «винтики» огромного всеобъемлющего механизма. Тоталитарная власть без колебаний расправляется с теми, кто, по ее мнению, плохо выполняет функции «винтика» или уже сделал все, на что был способен. При этом непременно — и показательно — репрессируют отдельных представителей господствующей группировки во имя сохранения и упрочения власти в целом.

Почти все наиболее важные идеи современного тоталитаризма непосредственно восходят к Гегелю... Я привожу краткий список самых драгоценных из этих идей... (а) Национализм в форме историцистской идеи, согласно которой государство представляет собой воплощение духа (или, в современных терминах, крови) самозарождающейся нации (или расы): одна избранная нация (ныне — избранная раса) обречена на мировое господство. (б) Государство как естественный враг всех иных государств должно утверждать свое существование путем войны. (в) Государство свободно от любого рода моральных обязательств; история, т.е. исторический успех, является единственным судьей в общественном развитии; коллективная полезность — это единственный принцип личного поведения; пропагандистская ложь вполне допустима. (г) «Этическая» идея войны (тотальной и коллективистской), особенно молодых наций против старых; война, судьба и слава как наиболее желательные блага. (д) Творческая роль великого человека, всемирно-исторической личности, человека глубинного знания и великой страсти (ныне — принцип лидерства). (е) Идеал героической жизни («живи, рискуя») и «героического человека» в противоположность мелкому буржуа и исповедуемой им жизни мелкой посредственности.

К. Поппер, «Открытое общество и его враги»

ПОППЕР (Popper), **Карл** (1902, Вена — 1994, Кройдон) — австро-британский политический философ и методолог науки, известный концепцией открытого общества и бескомпромиссной критикой тоталитаризма, в т.ч. его духовных истоков. Изучал развитие научного знания, предложил принцип фальсифицируемости (вместо верификации) в качестве критерия подлинности знания. После эмиграции в 1937 из Австрии работал в Новой Зеландии, затем с 1946 в Лондонской школе экономики. Лауреат престижных научных премий, член ряда национальных и международных академий наук; в 1965 в Великобритании произведен в рыцари.

Среди основных **работ**: «Логика научного открытия» (1934); «Открытое общество и его враги» (1945); «Нищета историцизма» (1945); «Предположения и опровержения» (1963); «Объективное знание. Эволюционный подход» (1972); «Личность и ее мозг» (1977, соавт. Дж. Экклс).

Вклад в развитие политической мысли. Всемирную известность Попперу принесли труды «*Открытое общество и его враги*» и «*Нищета историцизма*», которые он оценивал как личный вклад в борьбу со всевозможными проявлениями тоталитаризма. Он рассмотрел в них с позиций *критического рационализма* (т.е. преодоления логического позитивизма) широкий круг проблем философии политики, поэтому многие называют эти сочинения манифестом «политической философии науки» или «философией науки о политике», продолжающей традицию радикального либерализма Дж.Ст. Милля.

Надежду на «возможность власти закона, равную справедливости, фундаментальные права и свободы человека», веру в свободное общество Поппер обосновывал путем логико-критического анализа философии Платона, Гегеля, Маркса и др. Особо острое интеллектуальное неприятие Поппера вызывал так называемый историцизм двух последних «оракулов» («лжепророков») с характерным для него детерминизмом, слепой верой в предопределенность и неизбежность какого-то феномена (например, коммунизма у Маркса), якобы придающих истории некий объективный смысл. Историцизм убеждает людей в несуществующем, освобождая их от личной ответственности, которую «лжепророки» предложили переложить на историю, а она принципиально неопределенна, и только люди могут придать ей смысл и цель, сделав выбор из доступных альтернатив и взяв на себя всю меру ответственности за будущее: «У истории нет иного смысла, нежели тот, который мы приписываем ей сами». Вывод Поппера: попытки предсказать будущее рациональными научными методами антинаучны и являются лжепророчествами; вместо них и упражнений в «моральном футуризме» (оправдает ли кого-то история или нет) «мы должны стать творцами своей судьбы» и попытаться установить контроль над властью.

В философии Поппера выделяется концепция *открытого общества* как социального устройства, главные элементы которого — гражданское общество, рыночная экономика (свободный рынок) и правовое государство, в тесной взаимосвязи обеспечивающие свободу во всем многообразии ее проявлений (и прежде всего личную). Открытое общество принципиально основано на *власти закона* — здесь в мирное время госслужащим позволено руководствоваться только закрепленными правом интересами и нормами. Оно требует *критического мышления*, ему чуждо догматическое сознание. В открытом обществе индивиды «*вынуждены* принимать личные решения»; это их полное право, равно как и конкуренция за социальные статусы. Подобное общество постоянно испытывает себя и учитывает совершенные ошибки (т.н. принцип *критической делиберации*, предполагающий совместную оценку решений и рациональное обоснование альтернатив) в последующих «пробах».

Однако продуктивнее всего открытое общество можно определить путем противопоставления *закрытому* (тоталитарному) *обществу* как «магическому, племенному или коллективистскому», все институты которого основаны на «священной санкции — табу»; его лучшая аналогия — биологический организм. Вероятно существование множества закрытых

Джордж СОРОС (род. 1930, Будапешт) – американский предприниматель-миллиардер; убежденный приверженец идеи открытого общества; филантроп, поддерживающий социальные, политические и научные проекты во всем мире.

обществ с самой разной судьбой, но открытое общество может двигаться только вперед, если не хочет быть возвращено в неволю (высказывание Дж. Сороса). Закрытое общество формируют только сверху ради попытки целенаправленно переустроить «всё и вся» в соответствии с некоторым идеальным проектом. Это путь *утопической социальной инженерии* (англ. holistic social engineering), основанной на исторических представлениях, но при отсутствии гарантий того, что «полная реконструкция нашего социального мира поведет нас сразу к работающей системе». Такая инженерия не имеет механизмов исправления допущенных ошибок, ибо утопия не самокритична, а настаивает на обещаниях успеха лишь при точном следовании идеальному проекту. Духовные истоки закрытого общества Поппер находит в философском наследии Платона, Гегеля и Маркса. Платон как теоретик «идеального государства», последовательный противник человеческой свободы и защитник тоталитаризма сделал только фигуру правителя носителем абсолютной истины, допускающей тотальную справедливость, подавление инакомыслия, но выступающей против всяких изменений. Гегеля (образец «интеллектуальной нечестности») Поппер критикует за развитие многих идей Платона, за «непроницаемый догматизм», национализм («в форме исторической идеи»), этатизм и пропаганду войны, «отождествление силы и права», а Маркса — за экономический детерминизм, фатализм, классовую войну и призывы к насильственной революции. Исходя из оригинального понимания науки, Поппер также отвергал претензии марксизма на научность. Поппера нередко упрекали в слишком эмоциональной критике, однако нужно учитывать специфический интеллектуальный климат того времени, когда многие политические действия (и преступления) оправдывались отсылками к классикам.

При движении к открытому обществу утопическая социальная инженерия неприемлема. Вместо нее Поппер предложил метод (англ.) *piecemeal social engineering*, т.е. такой тип технологии социального конструирования (реформирования), который обусловлен текущими потребностями общества и состоит в постепенном, последовательном осуществлении социальных преобразований. Приверженец данного подхода не стремится воплотить «величайшее благо» ради наибольшего числа людей (классическая концепция утилитаризма), а разрабатывает пути выявления социальных недугов для борьбы с ними. Постепенные изменения методом проб и ошибок оставляют возможность для дальнейшей коррекции. Этот принцип можно назвать «негативным утилитаризмом», поскольку он ориентирует по преимуществу на исправление несчастья, зла, а не на обеспечение «величайшего блага»; его достижение в итоге предполагается, но данный путь начинается с избавления от несчастья.

Поппер не абсолютизировал свободу, демократию и толерантность (терпимость), понимая, что на практике это может привести к обратным результатам. Кстати, концепция демократии — правление посредством обсуждения (англ. government by discussion) — у мыслителя отличается от ее классического прочтения в виде правления большинства. Он считал демократию лучшим средством, обеспечивающим ненасильственный гражданский контроль над лидерами, мирную смену правительства, равно как и оптимальной основой для реформ политических институтов (этим устанавливается связь демократии с властью закона).

Идеи Поппера часто используются при создании теоретических и практических схем современной политики, а понятия открытого и закрытого обществ прочно вошли в политический словарь.

Обратите внимание

Образцы тоталитарных политических режимов — власть А. Гитлера в Германии, Б. Муссолини в Италии, В.И. Ленина и И.В. Сталина в СССР, Мао Цзэдуна в Китае, Ф. Кастро на Кубе, Пол Пота в Камбодже. Многие историки и политологи утверждают, что без подобных лидеров не было бы и тоталитаризма, т.е. режима во главе с харизматической фигурой — «фюрером», «дуче», «вождем народа» и «великим кормчим». Это вело массы к *культу личности* и слепому поклонению властителю, который стремился не только к тотальному переустройству собственного государства, но и мира в целом. Известны развернутые планы такой перекройки мира: «Моя борьба» Гитлера, собрания сочинений Ленина и Сталина, цитатники Мао.

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ (род. 1928, Варшава) — американский государственный деятель, политолог, создавший вместе с Карлом Фридрихом теорию тоталитаризма и выдвинувший концепцию о вступлении капитализма в технотронную эру.

В понятие культа личности обычно вкладывают довольно разнообразное содержание: это некритическое почитание политического и иного деятеля, состоящее в приписывании ему всевозможных заслуг и положительных качеств вплоть до его фактического обожествления; создание системы идолопоклонства, т.е. сложных ритуалов прославления, в т.ч. после смерти. Культ личности очень характерен для тоталитарных обществ, где он принимает псевдорелигиозную форму (например, в годы правления Сталина в СССР, Ким Ир Сена — в Северной Корее, Мао — в Китае).

2.2. Характеристики тоталитаризма

Основные **признаки** тоталитаризма были выделены **Карлом Фридрихом** (1901–1984) и **Збигневом Бжезинским** (род. 1928). Это — тотальная идеология, однопартийная система, монополия на средства массовой информации, система террористического полицейского контроля, монополия на все виды вооруженной борьбы и организованного насилия, контроль над экономикой. Позднее Фридрих сформулировал последний пункт как «монополия на все организации, включая экономические», и добавил к данному перечню признаков территориальную экспансию. Черты тоталитаризма нагляднее всего показывают мнения самих вождей подобных режимов или их идеологов, а не только исследователей и критиков.

Официальная тотальная идеология представляет собой утопическое видение нового политического порядка и пути его достижения, объясняет «миссию» лидера либо правящей группы, оправ-

Вождь в тоталитарном государстве является «отцом нации». Эта мифологема поддерживается изобразительными средствами. *Ким Ир Сен, Сталин и Гитлер с детьми.*

дывает *борьбу* как основу политики. По замечанию американского философа *Эрика ХOFFфера* (1902–1983), «массовые движения могут возникать и распространяться без веры в бога, но никогда без веры в дьявола». Именно на борьбу с «дьяволом» (империалистом, коммунистом, демократом, кулаком, евреем, землевладельцем — перечень можно продолжать очень долго) призывала массы тоталитарная идеология: ведь сражение с «врагом» не только объясняет массам, кто виноват во всех их проблемах, но и способствует мобилизации людей на классовую, революционную войну.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая эту науку и разрабатывая ее во всех частностях... Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии... — организацию классово-вой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти и организация социалистического общества.

В.И. Ленин, «Наша программа»

Утопическая идея нового гармоничного и справедливого общества принимала разную форму, например, арийская раса сверхлюдей в Германии, новое крестьянское общество Мао или бесклассовое общество в СССР, в котором уничтожено все неравенство. Но, согласно тотальной идеологии, борьба должна продолжаться дальше — уже в мировом масштабе. Эти взгляды иллюстрируют тезисы двух вождей — российского и немецкого.

Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов.

В.И. Ленин, «Великий почин»

Предназначение немецкого народа состоит в создании государства, чьей высшей целью является сохранение и поддержка самых благородных элементов нашей нации, а в действительности и всего человечества.

А. Гитлер, «Моя борьба»

Главная задача тотальной идеологизации — постоянная легитимизация установленного политического режима и его курса. Идеология должна была доказать, что успех в достижении цели

предопределен либо законами истории (марксизм), либо волей природы (национал-социализм). Характерно, что построение нового идеального общества тесно увязывалось с концепцией изменения самого естества человека, так как только совершенные люди («чистая раса», «всесторонне развитые личности» и т.п.) могут стать его полноправными членами.

Идеология использовалась и как орудие мобилизации массы ярых сторонников и последователей тоталитарных режимов (класса либо расы). Именно в головы таких людей вдвигались их «высшее предназначение» и способы достижения «счастливого состояния» в будущем при полном оправдании всех средств, в т.ч. преступных, в движении к этой цели. Основной тезис здесь был таков: истинно то, что увеличивает успехи «избранного» класса или расы, ложно — противоречащее их интересам. Тоталитарная идеология и ее современные производные описывают мир в черно-белых красках — все граждане определяются только как противники или сторонники данной идеи, государства и пр. Кстати, о нынешних проявлениях подобных идеологий: мировая политическая история даже последних лет отчетливо показывает, что практически любая глобальная общественная идея в итоге способна приобрести тотальный характер.

Однако идеология тоталитарного режима не может быть воплощена в жизнь без надежной организации, партии. Она не приемлет политического плюрализма, потому в условиях этого метода правления формируется исключительно **однопартийная система**.

ПОЛ ПОТ (1925–1998) – глава леворадикального режима красных кхмеров в Кампучии (Камбодже), осуществивших за несколько лет правления массовые репрессии против собственного народа.

«... В своей борьбе... пролетариат может действовать как класс, только организовавшись сам в определенную политическую партию, противостоящую всем старым партиям, образованным имущими классами. Эта организация ...необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее высшую цель — уничтожение классов.

К. Маркс, «Письмо Герману Юнгу 18 октября 1871 г.»

«... Положение нашей партии, как единственно легальной партии в стране (монополия компартии), не есть нечто искусственное и нарочито выдуманное... Монополия нашей партии выросла из жизни, сложилась исторически, как результат того, что партии эсеров и меньшевиков окончательно обанкротились и сошли со сцены в условиях нашей действительности.

И.В. Сталин, «Беседа с первой американской рабочей делегацией»

Средства массовой информации — один из основных инструментов индоктринации общества.

Нацистский плакат «Вся Германия слушает фюрера с помощью народных приемников». (С приходом Гитлера к власти радиоприемники стали продаваться за четверть цены.)

Обратите внимание

Партийность — дух самопожертвования и полной приверженности интересам партии — термин, отражавший в СССР комбинацию необходимых черт (преданность, дисциплина, революционный пыл), которые должны были демонстрировать все члены ВКП(б)–КПСС.

Для поддержания веры в ценность своей идеологии партия-государство (вместе с околопартийными элитами) использует, помимо образовательных структур, пропаганду. Поэтому ей как воплощению тоталитаризма необходима **монополия на средства массовой информации (СМИ)**, которые обязаны постоянно показывать народную поддержку режима и любовь к его лидеру, а также давать идеологически выверенное описание внутренних и внешних событий.

Надо принять меры к тому, чтобы в органах печати, как партийных, так и советских, как в газетах, так и в журналах полностью проводилась линия партии и решения ее руководящих органов.

И.В. Сталин, «О правом уклоне в РКП(б)»

Бургомистр: Слушайте приказ. Во избежание эпидемии глазных болезней, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина Дракона.

Е. Шварц, «Дракон»

Политпросвещение и развлечения в тоталитарных обществах подчинены **идеологической пропаганде** с ее мобилизующим массовым характером: факельные шествия в Германии, спортивные парады на Красной площади, праздничные выступления в Северной Корее, идеологически спланированные карнавалы на Кубе. Общий признак таких обществ составляют и культурные явления, тоже призванные внушать идеологические принципы: циклопические монументы вождей; особого, большей частью имперского, стиля архитектура; кинопроизводство, ориентированное на лозунг «жить стало лучше, жить стало веселее»; литература, повествующая о подвигах и победах над внутренними и внешними врагами представителей наилучшего (читай: тоталитарного) строя и т.д.

Сожжение идеологически чуждой литературы – одновременно и пропагандистский ход, и демонстрация силы, и один из способов поддержания идеологической монополии.

На фото: Костер из книги «антигерманского содержания». Германия, 1930-е гг.

❧ Первая задача пропаганды — привлечь людей в организацию; первая задача организации — завоевать людей для продолжения пропаганды. Вторая задача пропаганды — подрыв существующего положения дел и обеспечение проникновения в общество новой доктрины, в то время как вторая задача организации — борьба за власть, для обеспечения успеха доктрины.

А. Гитлер, «Моя борьба»

В тоталитаризме воздействие пропаганды дополняется и усиливается террором. Террор без пропаганды потеряет свое массовое психологическое воздействие, но пропаганда без террора не способна достичь поставленных режимом целей в полной мере. Пропганда и насилие — не противоположности, ибо использование силы может быть частью пропаганды. Подобная логика приводит к созданию **системы террористического полицейского контроля**, основным смыслом которого является устрашение. Правда, этот принцип — не изобретение собственно тоталитаризма, а его заимствование.

❧ Князь должен внушать страх таким образом, чтобы если не заслужить любовь, то избежать ненависти, потому что вполне возможно устрашать и в то же время не стать ненавистным... Когда придется все же пролить чью-нибудь кровь, это надо сделать, имея для того достаточные оправдания и явную причину.

Н. Макиавелли, «Государь»

Тоталитарному правлению требуется огромный организационный контроль над обществом ради его полной трансформации — не только над армией, но и над семьями, школами, вузами, искусством, т.е. над всеми аспектами жизни человека. Для этого нужны полиция и другие органы безопасности (гестапо, НКВД, штази), которые обеспечи-

Джордж ОРУЭЛЛ
(настоящее имя Эрик Блэр;
25 июня 1903 г., Мотихари,
Бенгалия — 21 января 1950,
Лондон) — английский писатель
и публицист, автор повести
«Ферма животных» (1945)
и знаменитого романа-
антиутопии «1984» (1949),
в которых изображается
тоталитарное общество.

вают надзор над людьми, используя физические и моральные насильственные методы. Тоталитарные режимы не могут обойтись без тайных арестов, заключений, пыток; одна угроза «стука в дверь» способна терроризировать широкие слои даже вполне лояльного населения.

Телеэкран работал не только на прием, но и на передачу. Он ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом; мало того, куда Уинстон оставался в поле зрения мутной пластины, он был не только слышен, но и виден. Конечно, никто не знал, наблюдают ли за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей — об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым — и круглые сутки.

Дж. Оруэлл, «1984»

В СССР в постсталинскую (раннюю посттоталитарную) эпоху чистки, каторжные работы и массовые казни были заменены более мягкими формами контроля, такими, например, как увольнение с работы или высылка в отдаленный город.

Монополия на все виды вооруженной борьбы и организованного насилия позволяет тоталитарным лидерам избавляться от противников. Вожди понимали, что их проект нового общества при наличии внутренних оппонентов, диссидентов и врагов будет безуспешен, потому подвергали репрессиям прежде всего тех, кого не удавалось подчинить иными методами. Насилие над политическими противниками принимало формы массового террора и геноцида, которые были направлены на определенные группы, категории, классы людей, названные «врагами народа», контрреволюционерами, шпионами и саботажниками. Ради демонстрации «объективности» режима, а в действительности в целях устрашения, нередко наказывали и его преданных сторонников. Эти приемы по сей день используются в так называемых тоталитароподобных обществах.

С контрреволюционерами можно поступать по-разному: казнь, заключение, надзор и освобождение. Казнь — все знают, что это означает. Заключение — означает заключение в тюрьму и изменение их с помощью труда. Надзор означает то, что контрреволюционеры остаются в обществе под надзором масс. С разными контрреволюционерами необходимо обращаться по-разному... В великой революции, объединившей 600 миллионов людей, массы не смогли бы подняться, если бы мы не убили некоторых деспотов.

Мао Цзэдун, «О десяти основных взаимоотношениях»

Обратите внимание

Книга рекордов Гиннесса (1978) поместила Мао на 1-е место в категории «массовые убийства» — свыше 29 млн человек. По данным **Рудольфа Руммеля** (род. 1932), в результате тоталитарных репрессий при Муссолини погибло 224 тыс., в Пакистане при военных правителях — 1,5 млн., на Кубе — 15 тыс., в Камбодже при красных кхмерах — более 2 млн, в Северной Корее — 1,66 млн, а по мнению З. Бжезинского, в СССР в период сталинских чисток — 20–25 млн, при режиме Гитлера в Германии — 17 млн человек.

Контроль над экономикой и собственностью — один из инструментов тоталитарного господства. *Агитационное собрание о коллективизации. СССР, 1930-е гг.*

Монополия господствующей группировки на все средства вооруженной борьбы — это еще и способ ее предохранения от военного переворота. Кстати, ни один тоталитарный режим не был свергнут собственной армией.

Контроль над экономикой необходим тоталитарному режиму для укрепления его материальных основ — для свободного распоряжения сырьевыми богатствами страны, перераспределения ресурсов в тяжелую промышленность, производство вооружений и т.д. Принцип партии-государства — определять структуру экономики, *планировать* капиталовложения в отдельные отрасли хозяйства, руководствуясь собственными представлениями о развитии, а не нуждами потребителей. В первые годы после установления режима могли наблюдаться определенные успехи. К примеру, в гитлеровской Германии довольно высокого уровня достигли ракетные технологии (В. фон Браун) и реактивное самолетостроение (В. Мессершмитт), в СССР была создана атомная бомба (руководитель проекта Л.П. Берия).

Большинство сторонников планирования, серьезно изучивших практические аспекты своей задачи, не сомневаются, что управление экономической жизнью осуществимо только на пути более или менее жесткой диктатуры. Чтобы руководить сложной системой взаимосвязанных действий многих людей, нужна, с одной стороны, постоянная группа экспертов, а с другой — некий главнокомандующий, не связанный никакими демократическими процедурами и наделенный всей полнотой ответственности и властью принимать решения.

Ф. Хайек, «Дорога к рабству»

С тотальной идеологией прямо связана нацеленность на **территориальную экспансию**. Правототалитарные режимы (нацистская Германия и фашистская Италия) стремились получить до-

Преданность вождю и господствующей идеологии в тоталитарном обществе прививается с детства и достигает масштабов религиозного поклонения.

Вверху – немецкие дети приветствуют Гитлера.

Внизу – простые корейцы не могут сдержать слез при виде Ким Ир Сена.

полнительное жизненное пространство (нем. Lebensraum) и для этого развязали Вторую мировую войну, в чем им немало помог сталинизм с его тайной дипломатией по переделу мира, а также реальными действиями по овладению западными регионами Украины и Белоруссии, странами Балтии. Позже экспансионизм СССР внешне был более «мирным» и заключался в распространении идей марксизма-ленинизма на иные страны. Строго говоря, экспансионизм не может быть чертой исключительно тоталитаризма, ибо и другие типы недемократических режимов способны на захватнические военные операции (например, Саддам Хусейн вторгся сначала в Иран, потом в Кувейт, Иди Амин — в Танзанию, король Хусейн — в Западную Сахару).

Лини, в отличие от Фридриха и Бжезинского, подошел к рассмотрению тоталитарных режимов сквозь призму четырех характеристик — плюрализм, идеологизация, конституционность и мобилизация. Режим можно квалифицировать как тоталитарный, если он обладает нижеследующими чертами.

Во-первых, существование **центра власти**, который регулирует — в сторону сокращения — любой плюрализм институтов или групп, приводя, тем самым, к отсутствию всякого плюрализма.

Массы сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ищут твердого руководства. Но массы хотят, чтобы руководство было не формальное, не бумажное, а действительное, понятное для них. Для этого именно и необходимо терпеливое разъяснение цели и задач, директив и указаний партии и Советской власти.

И.В. Сталин, «Речь на XV московской губпартконференции»

Способность партийных институтов пронизывать общество, присутствовать почти во всех учреждениях и организациях, «поднимать» людей на решение масштабных задач на добровольной основе, а не ради материальных стимулов, дают режиму возможность получать большие результаты при ограниченных ресурсах.

Во-вторых, наличие автономной и хорошо продуманной **идеологии**, которая используется как основа политики и легитимизации правящей группы/лидера/партии.

Объединяйтесь, товарищи, решительно и смело боритесь за дело социализма. Любое дело или слово, отклоняющееся от социализма, полностью ложно.

Мао Цзэдун (май 1957)

Идеология не сводится к составлению какой-то программы, а определяет исторические цели и объясняет общественную реальность. Вместе с тем, она также нужна в качестве некоторых рамок, ограничивающих всевластие лидера, ибо его идеологические выступления всерьез воспринимаются массами и последователями. Больше ничто не лимитирует полномочия лидера, а с учетом того, что он может исправлять идеологию и трактовать ее по своему усмотрению, неизбежен вывод о **неконституционности** власти. Это третье.

 Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

В.И. Ленин, «Пролетарская революция и ренегат Каутский»

Приверженность идеологии, стремление получить монопольный контроль и страх перед потерей власти объясняют использование насильственных методов и вероятность продолжительного террора. Террор внутри элит отличает тоталитарные от других недемократических режимов.

В-четвертых, высокий уровень участия, политизации и активной **мобилизации** граждан нужен описываемым режимам для достижения политических и коллективных социальных задач. Членство в партии и руководимых ею организациях придает смысл жизни и чувство участия многим людям. Это тоже выделяет тоталитаризм среди других недемократических режимов, в частности, некоторых видов авторитаризма.

 Чтобы добиться успеха, ...нам нужно организовать ...мобилизацию рабоче-крестьянских масс на борьбу за проведение в жизнь лозунгов и решений партии и правительства.

И.В. Сталин, «Отчетный доклад на XVII съезде партии»

 Наша центральная задача — мобилизовать широкие массы для участия в революционной войне.

Мао Цзэдун (январь 1934)

Тоталитаризм добивается столь высокого уровня политического участия, которому могут позавидовать демократии. Единственное отличие участия в *мобилизационном* тоталитарном режиме: в любой области и по всем вопросам есть только один возможный

Джованни САРТОРИ (1924) –
итало-американский политолог,
представитель современной
теории демократии.

его канал — партийный, а главная цель и направление активности людей определяются из центра.

Итак, для тоталитарного режима характерны: отсутствие политического, экономического и социального плюрализма; наличие четко определенной, объединяющей и направляющей утопической идеологии; эффективная мобилизация и лидерство (часто харизматического типа) с неопределенными границами власти и большой степенью непредсказуемости.

3. АВТОРИТАРИЗМ

3.1. Содержание авторитарного правления

Политологам хорошо известно афористичное высказывание *Джованни Сартори*: «Авторитаризм — власть, не признающая свободы» («Демократическая теория»). Оно принципиально верно, хотя и заключает в себе очень широкое обобщение: при почти полном сходстве тоталитарных режимов авторитаризм можно считать многоликим.

Линц определяет все разновидности режимов как **авторитарные**, если им присущи такие отличительные признаки: 1) ограниченный безответственный политический плюрализм; 2) отсутствие руководящей, четко разработанной идеологии; 3) отсутствие в целом политической мобилизации и, соответственно, низкий уровень политического участия; 4) формально обозначенные и предсказуемые границы власти лидера/элиты.

Самый показательный элемент авторитаризма — **ограниченный плюрализм**. Его ограничение может происходить юридически или фактически, с большей или меньшей эффективностью, касаться исключительно политических объединений или же групп интересов. Некоторые авторитарные режимы согласны даже на институционализацию контролируемого сверху политического участия независимых групп и институтов, на существование символических партий, но и в таких случаях власть остается неподотчетной гражданам.

Для авторитарных режимов характерно сохранение гражданского общества либо некоторых значимых и довольно самостоятельных его сегментов. Однако их влияние на действия государства очень урезано, поскольку власть предпочитает опираться на саму себя. Тем самым государство не предоставляет гражданам возможности сколь-нибудь эффективного контроля над элитой. Но и надзор над населением нельзя считать тотальным, так как авторитарные структуры не стараются проникнуть во все сферы жизни общества. По-

этому решение многих социальных, религиозных, культурных и семейных вопросов остается за гражданами.

Не наивысшая — по сравнению с тоталитаризмом — степень ограничения плюрализма разрешает возникновение неких схем полу- и псевдооппозиций режиму в условиях *полусвободы*. Если при тоталитаризме существует четкая граница между режимом и его противниками, то при авторитаризме положение оппозиции не определено, так как ее нелегальность (из-за отсутствия институционализации) вполне совмещается с терпимостью по отношению к ней со стороны правителей. Полуоппозиционные группы могут позволить себе частичную критику режима, одновременно признавая его традиционную легитимность либо социальную необходимость и стремясь к участию в действующей власти.

Вместе с тем, авторитарные режимы без колебаний применяют насилие против своих оппонентов и людей, представляющих прямую угрозу их существованию. Чтобы обезопасить систему правления, они могут вводить жесткую цензуру печати, запрещать партии, ужесточать правовую систему, манипулировать законами для преследования и наказания противников.

Политическая элита авторитарного режима — это разнородная группировка с ограниченным числом профессиональных политиков, выдвинутых — по принципу назначения или наследования — из бюрократии, армии, технократии, экономических, социальных (в узком смысле), религиозных и других групп интересов. Для устойчивости авторитаризма очень важна взаимная лояльность представителей правящей группировки, приписанных туда по корпоративному признаку различными **кличками**, равно как и сотрудничество данных клик — действительной опоры режима — между собой. При этом фигура главы авторитарного государства (даже диктатора) может быть чисто номинальной, «выставочной».

При **отсутствии** направляющей, четко сформулированной **идеологии** правящей элите неимоверно трудно мобилизовать массы, которые, следовательно, не могут идентифицировать себя с режимом. Всем видам авторитаризма присущи рост апатии, **деполитизация** и отчуждение от режима определенных социальных групп. Общество для авторитарных лидеров — это иерархическая организация, потому возможности контроля над покорными людьми и порядок в целом представляют для них большую ценность, чем свобода, базовый консенсус и вовлеченность граждан в политику, т.е. **политизация**.

В авторитарных условиях идеологию могут замещать религия, традиции, культура, которые не только наделяют определенной легитимностью лидера, но и служат ограничителями, пусть порой очень слабыми, его власти.

КЛИКА (в политическом смысле) (фр. *clique* — шайка, банда) — группа людей, объединенная корпоративными — экономическими, социальными, политическими и др. — интересами, осуществляющая своекорыстные требования через институты и каналы государства (как правило, авторитарного).

ПОЛИТИЗАЦИЯ — 1) увеличение значения и роли политической сферы в жизни общества и одновременно включение в нее социальных, экономических, культурных и пр. явлений и процессов, ранее относившихся к неполитической сфере жизнедеятельности; 2) вовлечение людей (масс) в политику, что вызывает повышение их политической активности, т.е. власть признает возможность участия (пусть ограниченного) населения в политике и на него распространяются некоторые политические права. Соответственно, **деполитизация** — противоположный ход вещей.

Муамар КАДДАФИ, (род. 1940, Сирт) — «лидер ливийской революции», арабский националист и правитель Ливии.

Подлинным законом общества является либо обычай, либо религия. Проблема свободы в современном обществе порождена тем, что законом общества стали конституции, которые опираются исключительно на воззрения господствующих в мире диктаторских орудиях правления, начиная от личности и кончая партией... Религия, включающая обычай, есть утверждение естественного закона. Законы, не базирующиеся на религии и обычае, неправомерны.

М. Каддафи, «Зеленая книга»

Но все же назвать авторитаризм полностью деидеологизированным режимом нельзя. Почти в каждой стране с такой формой правления существует некий идеологический суррогат или псевдо-идеология, что в известной мере позволяет снимать утопические ожидания и возможные из-за них политические и социальные конфликты, которые иначе пришлось бы институционализировать (как в демократиях) либо подавлять (как при тоталитаризме).

Признак авторитарного режима, схожий с тоталитаризмом, — наличие единственной или какой-то привилегированной партии. Такая партия обычно создается сверху путем слияния различных компонентов (чаще всего корпоративного свойства, нечто вроде посланцев от клик), вследствие чего она не является столь единым, сильным и дисциплинированным институтом, как при тоталитаризме.

Мобилизация и не особо нужна авторитаризму, поскольку мобилизованные люди — при отсутствии четкой идеологической базы — способны когда-нибудь выступить против самого режима. Кроме того, эффективная политизация, проводимая одной партией, поставила бы под угрозу остальные составляющие ограниченного плюрализма (армию, клики как группы интересов и т.д.).

Авторитарные режимы с перечисленными выше общими признаками можно классифицировать по способу их установления (переворот, выборы и т.д.), по обоснованию прихода к власти правителей-автократов (охрана порядка, объединение страны, модернизация, свержение коррумпированных властей), по типу политической элиты (военный, однопартийный, религиозный, монархический, личная диктатура).

3.2. Разновидности авторитаризма

Линц предложил типологию авторитаризма, исходящую из четырех уже знакомых нам факторов, — плюрализм, идеологизация, мобилизация и конституционность власти лидера: военно-бюрократический, корпоративный, дототалитарный, постколониальный, расовая/этническая демократия.

Военно-бюрократический режим. Такой тип авторитаризма обычно возникает в виде военной диктатуры, но в дальнейшем политическом развитии все большая роль принадлежит разного рода гражданским профессионалам. В правящей коалиции доминируют военные и бюрократы, отсутствует какая-либо интегрирующая идеология. Режим может быть и беспартийным, и многопартийным, но чаще всего существует одна проправительственная, отнюдь не массовая, партия.

Основная идеологическая цель режима — исключить независимое, неподконтрольное ему участие во власти определенных групп (чаще низших слоев, а также этнических, религиозных и культурных меньшинств), которые были вовлечены в политическую жизнь в предшествующий демократический период (если таковой был). Военных и бюрократов обычно объединяет страх перед революцией снизу, поэтому устранение влияния на общество радикально настроенных интеллектуалов представляется им необходимым условием его дальнейшего развития. Данную проблемную ситуацию режим разрешает с помощью насилия и/или закрытия доступа интеллектуалам в политическую сферу через избирательные каналы.

Обратите внимание

Примерами военно-бюрократических режимов были: правление генерала Пиночета в Чили (1973–1990), военные хунты в Аргентине, Бразилии, Перу, Юго-Восточной Азии и т.д. Пиночет утверждал: «Ни один лист не шелохнется в Чили без моего ведома». Генерал Мартинес (Сальвадор) философствовал: «Большее преступление убить насекомое, чем человека», жертвами его антикоммунистических чисток (1932) стали 40 тыс. крестьян, и с индейской культурой было по сути покончено. Лозунг генерала Риоса Монтта (Гватемала): «Христианин должен носить с собой Библию и пулемет»; в результате его «христианской кампании» 10 тыс. индейцев были убиты и более 100 тыс. бежали в Мексику.

Жестокость военных режимов к своим оппонентам сопоставима с беспощадностью тоталитарных: за время правления военной хунты в Аргентине, по разным оценкам, исчезли от 20 до 30 тыс. человек, 2,3 тыс. были убиты. Начальник ПВО Буэнос-Айреса откомментировал это так: «Сначала мы убьем наших врагов, потом коллаборационистов, затем их сторонников, потом равнодушных и, наконец, неопределившихся». В Чили во время военного переворота 1973 г. погибли 5 тыс. человек, а 2 тыс. были казнены в следующем году, очень многие пропали без вести.

Особенность военного режима в том, что посты в правящей элите занимают, исходя из позиции в армейской иерархии. Формы военного правления — от личной диктатуры одного генерала или полковника до **хунты**. Иногда военные лидеры управляют

ХУНТА (исп. junta — собрание, объединение) — название военных правительств, пришедших к власти после государственного переворота, а также общественно-политических организаций, государственных и административных органов в испаноязычных странах.

ПРЕТОРИАНСТВО (лат. praetoriani — личная гвардия римского императора) — режим, поддерживаемый по преимуществу наемными войсками, которые служат опорой власти, основанной на грубой силе. По *С. Хантингтону* — целенаправленная политизация всех социальных сил и институтов, политика поощрения выражения неудовлетворенных потребностей.

негласно, предоставив руководящие посты гражданским лицам, и обеспечивают контроль и порядок в обществе. Режимы такого типа могут стремиться легализовать себя путем принятия конституций по либерально-демократическому образцу, сохранения псевдоконституционных парламентских структур, закрепленных законом требований гражданского повиновения.

Политические предпосылки для военно-бюрократических режимов образуются, как правило, в обществах с низким экономическим, социальным и культурным уровнем развития, где были введены либерально-демократические парламентские институты, но не сложилась действенная партийная система либо партии оказались не в состоянии сформировать стабильное правительство. Возникают условия для таких режимов и в слабо развитых многонациональных государствах, где этнические конфликты ведут к национал-шовинизму и увеличению политического влияния армии.

Американский политолог *Альфред Степан* считает, что **преторианство**, усиление общественной неудовлетворенности и беспорядка, долгосрочная неэффективность власти способны подтолкнуть к замене гражданской правящей элиты на военную, а следовательно, к установлению военного авторитаризма. Общество преторианского типа отличается от демократических обществ с широким гражданским участием (т.е. партиципаторных) отсутствием институтов или лидеров, которые могли бы выступить посредниками между участниками открытого политического конфликта. Более того, преторианство делает невозможным консенсус между социальными группами по поводу процедур и методов принятия решений, улаживания конфликтов, что и приводит к использованию любых средств, наиболее эффективным из которых является военная интервенция в политическую сферу.

Вмешательство военных в политику, а следовательно, установление военно-бюрократического режима могут также стимулировать следующие факторы: особое военное корпоративное сознание, организационные проблемы самой армии и государства в целом, институциональные интересы армейских лидеров.

Интерпретация

Хантингтон на базе эмпирических данных пришел к выводу, что групповому сознанию (менталитету) военных присущи следующие основные ценности и идеи: верховенство общества над индивидом; важность порядка, иерархии и разделения функций; «безопасность общества зависит от поддержания мощных вооруженных сил»; «война — политический инструмент»; «повиновение — высшая добродетель военных». Итак, военный менталитет отличается реализмом и консерватизмом, так что вряд

ли может послужить главной причиной вмешательства армейцев и/или спецслужб в политику. Согласно Степану, по натуре своей военные — аполитичные граждане; в самой армии и сторонники режима, и его противники обычно находятся в меньшинстве, хотя влиятельные социальные группы могут специально настроить военных на интервенцию в государственные дела.

Корпоративный авторитаризм. Режим корпоративно-авторитарного типа устанавливается в обществах с вполне развитым экономическим и социальным плюрализмом, где мобилизация граждан достигла необходимого уровня для их эффективного политического участия. Корпоративное представительство интересов — альтернатива слишком идеологизированной массовой партии и дополнение к однопартийному правлению. Однако, несмотря на идеологию **корпоратизма**, ни один из подобных режимов не отказался от единственной (даже слабой) партии, которая возникала в результате слияния ряда недемократических организаций и/или была создана сверху.

Во всех политических режимах встречаются элементы корпоратизма — институционализированного и регулируемого представительства интересов, — но только авторитаризм стремится всецело организовать политику на такой основе. Образцы корпоративного режима — правление Салазара в Португалии (1932–1968) с основанным им Новым государством (порт. *Estado Novo*), режим генерала Франко в Испании (после дототалитарного периода).

Франкистская концепция утверждала, что народ участвует в управлении государством через семью, муниципалитеты, «вертикальные профсоюзы» (т.е. объединяющие сразу хозяина, служащих, рабочих, сбытчиков продукции и прочих участников какого-либо производства) и другие «органические единицы».

КОРПОРАТИЗМ (лат. *corporatio* — объединение, сообщество) — по **Филиппу Шмиттеру** (род. 1936), есть система представительства интересов, в которой ограниченное число единичных, недобровольных, несоревновательных, иерархически организованных, функционально различных, признанных или созданных государством элементов получают монопольное представительство в обмен на контроль над избранием лидеров и артикуляцией требований.

Статья VI. Естественные ассоциации общества — семья, коммуна и профсоюз — базовые структуры национального содружества. Установления и корпорации иного характера, отвечающие социальным потребностям, с общими интересами, должны защищаться с тем, чтобы они могли эффективно участвовать в совершенствовании целей национального сообщества.

Статья VIII. ...Народ участвует в выполнении задач законодательного характера и в осуществлении других функций, имеющих общий интерес, через посредство семьи, коммуны, профсоюзов и различных объединений, признаваемых законом для этих целей. Любая другая политическая организация, находящаяся вне этой представительной системы, будет незаконной.

Органический закон государства. Испанская конституция (1967)

В Латинской Америке отсутствие широкой политической мобилизации масс не раз позволяло внедрять корпоративное представительство интересов. Так, в Мексике президент Карденас провел перестройку Институционно-революционной партии, монопольно правившей многие десятилетия. Если раньше в партию входили только правительственные чиновники и политики, то изменение структуры (она была разделена на 4 сектора — рабочий, крестьянский, народный и военный) позволило ввести в нее массы для увеличения партийных рядов и более тесной связи элиты и граждан. Это, в свою очередь, укрепило основы политического режима.

Дототалитарный авторитаризм. Считается, что именно особенности периода институционализации автократии (идеология, организационная база нового режима, личностные характеристики лидера, состав элиты) определяют авторитарный либо тоталитарный исход. Сложные тоталитарные структуры не могут быть созданы в короткие сроки (кроме крайних случаев дезорганизации общества после гражданских войн, оккупации и т.д.), следовательно, уместно говорить о **дототалитарной** стадии политического развития.

К порядкам такого типа Линц относит *фашистские мобилизационные* режимы, которые — по сравнению с военно-бюрократическим и корпоративным авторитаризмами с их единственной слабой партией — являются менее плюралистическими и либеральными, более партиципаторными и «демократичными». Речь идет о государствах, где ранее была установлена демократия, а после прихода к власти фашиствующих лидеров началась эволюция в тоталитарном направлении. Большая заидеологизованность и высокая мобилизация гражданской поддержки делают внутреннюю оппозицию режиму почти невозможной.

Фашистская идеология изначально противостояла доктринам марксизма (коммунизма) и либерализма, парламентской демократии, в социальном смысле — буржуазии, а в экономическом — капитализму. Неспособность или нежелание либерально-демократических лидеров институционализировать реальные механизмы разрешения межгрупповых конфликтов создает базу для возникновения фашизма. Фашизм — это и ответ на более радикальные антидемократические действия левого крыла идеологического спектра. Безуспешные попытки революционного переустройства общества (в случае наличия сильного социал-демократического движения), а также продолжительный экономический кризис (инфляция, депрессия, безработица и серия банкротств) привлекают средние слои на сторону фашизма. Дальнейшее развитие дототалитарного режима может привести к формированию уже полного, типичного тоталитаризма.

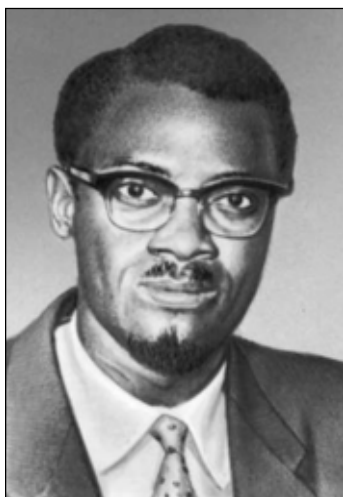

Вместе с тем, дототалитарной властью не обязательно будет фашизм, преодолевший демократическую стадию. *Дототалитарный характер* режима обуславливает ряд важных политических, социальных и культурных факторов; среди них: 1) довольно влиятельная политическая группа, ориентирующаяся на тоталитарную утопию, еще не укрепила свою власть и не институционализировала новую систему; 2) такие институты, как армия, церковь, группы интересов и т.д., сохраняя достаточную автономию, легитимность и эффективность, стремятся к ограничению плюрализма в свою пользу; 3) ситуация общественной неопределенности, когда одни ожидают, что прежние политические и социальные структуры сумеют поглотить тоталитарное движение, а другие сомневаются в успехе этого процесса.

В ситуации такого рода протототалитарная партия, опирающаяся на массовые или военные организации, может постараться методом давления войти в правящую элиту, в которой ее лидеры (вместе с представителями иных партий) образуют оппозиционную или полулояльную к демократии коалицию. Подобным образом сформированные — якобы конституционные — правительства ограничивают гражданские свободы, запрещают одни партии, нейтрализуют либо вбирают в себя парламентские фракции других и в результате создают одну, уже гораздо более сильную протототалитарную организацию. Именно относительно высокое влияние сторонников тоталитарного развития в данной новообразованной партии решает политический характер будущего режима.

Постколониальный авторитаризм. Однопартийные мобилизационные авторитарные режимы, возникающие после обретения бывшим колониальным государством независимости, создаются снизу и возможны в достаточно эгалитарных (уравнительных) обществах с низким уровнем экономического развития и небольшой по численности экономической элитой. Как правило, постколониальная независимость является таковой лишь в формально-юридическом плане: экс-метрополия сохраняет весьма сильные позиции в данных государствах. Основой для мобилизации широкой общественной поддержки новому режиму чаще всего становятся националистические лозунги защиты независимости, затмевающие значимость любых внутренних конфликтов. Ответ режима на рост напряженности в обществе — последовательная политика, соединяющая насилие над оппозицией с попытками включить ее (кооптировать) в базу поддержки и в структуры власти. Подобные политические методы укрепляют положение националистических лидеров (обычно харизматического толка из-за слабости традиционного доколониального авторитета и отсутствия рационально-легального).

Патрис ЛУМУМБА (1925, Оналуа, провинция Касаи — январь 1961, Катанга) — деятель освободительного движения Конго (современная Демократическая Республика Конго), с июня 1960 г. и до отстранения от власти в результате военного переворота в сентябре 1960 г. — премьер-министр Республики Конго. В 1966 г. официально провозглашен национальным героем Конго.

Обратите внимание

Лидеры-харизматики в своей пропаганде прежде всего упирают на «счастье» для населения страны жить под их властью. Показателен здесь пример весьма своеобразного поэтического творчества конголезского правителя *Патриса Лумумбы* (1925–1961): «Пусть испарятся в солнечных лучах / Те слезы, что твой прадед проливал, / Замученный на этих скорбных нивах! / Пусть наш народ, свободный и счастливый, / Живет и торжествует в нашем Конго, / Здесь, в самом сердце Африки великой».

В переходной к постколониальному авторитаризму ситуации прежде всего обостряются экономические проблемы, в силу недостатка профессионалов резко падает управляемость общественными процессами и, напротив, растут ожидания граждан. Так создаются условия для появления антисистемной (нелояльной) оппозиции, что заставляет правителей ограничить или вовсе прекратить попытки свободного политического соревнования. Наиболее сильная (доминирующая) партия становится единственной. Эта партия, однако, не способна сформировать тоталитарные механизмы мобилизации граждан из-за несоответствия между ее идеологической риторикой и прагматической политикой, потому уровень политического участия при новом режиме остается довольно низким. Последнее обстоятельство определяет нестабильность позиций лидеров постколониального авторитаризма — для таких государств характерны перевороты, убийства правителей.

Расовая / этническая демократия. Это тип авторитарного режима, где политический процесс можно было бы назвать демократическим, поскольку к участию в нем допущено определенное расовое или этническое меньшинство, но другие подобные группы исключены из политики юридически или фактически, причем с использованием насилия. Такие режимы придают большое значение утопической идеологии, оправдывающей существующее положение вещей, что позволяет назвать их потенциально тоталитарными. Примером расовой демократии можно назвать бывший режим ЮАР с его идеологией **апартеида**.

Эти режимы сближаются с демократическими, если судить по уровню политического участия и возможностям оппозиции правительству внутри конкретной группы. Но экономическое, социальное и культурное неравенство рас (или этносов), политика сегрегации при отрицании даже потенциальной консолидации, а значит, неизбежная поляризация общества, препятствуют становлению демократической полиэтнической политической системы. Расовая/этническая квазидемократия вполне может допустить демократическое соревнование, не затрагивающее вопросы происхождения человека, и

гарантировать какие-то другие свободы. Однако развитие политического сознания исключенного из политики этноса почти всегда создает оппозицию режиму — принципиальную, нелояльную, нелегальную, вместе с тем, как правило, ненасильственную, ибо открытый силовой конфликт лишь ужесточает авторитаризм, толкая его в сторону тоталитаризма с формально демократическими институтами, широкой массовой поддержкой и радикальной идеологией.

Мы верим, что в результате правительственной политики насилие со стороны африканцев стало неизбежным; если не появится ответственный лидер для регулирования массовых настроений, возникнут вспышки терроризма, которые приведут к расовой вражде в стране... Кроме насилия, нет другого способа победить в борьбе против принципа расового превосходства белых. Все законные способы выражения протеста этому принципу исключены законодательством, и мы оказались в позиции, когда мы должны либо согласиться с постоянным состоянием неполноценности, либо бросить вызов правительству.

Н. Мандела, «Речь на заседании Верховного суда Претории» (1964)

Попытки установить демократию (особенно с упором на ее принцип правления большинства) во *многосоставных* — термин *Арендта Лейпхарта* (род. 1936) — в этническом, культурном, лингвистическом, религиозном отношениях обществах, сегменты которых имеют отчетливую самоидентификацию, могут завершиться становлением режима, схожего с расовой демократией. Но расовая/этническая демократия представляет собой также возможную предварительную стадию развития демократии в обществах вышеуказанного типа, где до поры до времени отсутствует согласие между образующими его группами.

АПАРТЕИД (африкаанс *apartness* — раздельное проживание) — политика, устанавливавшая социальные отношения в ЮАР между белым меньшинством и небелым большинством; она предполагала сегрегацию (расчленение общества на расовые группы при запрете на любого рода их смешение), политическую и экономическую дискриминацию небелого населения. В качестве государственного курса была санкционирована Актом по регистрации населения (1950), который распределил южноафриканцев на три категории: банту (черные африканцы), цветные (все смешанные расы) и белые; четвертая — азиаты (индусы и пакистанцы) — была добавлена позже. После изменения политического режима в ЮАР в 1993–1994 гг. (в его переходном и ныне установившемся вариантах) часть лидеров темнокожего большинства граждан страны пытается применить элементы апартеида к белому меньшинству.

4. НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ИНОГО ТИПА

4.1. Посттоталитаризм

К **посттоталитарным** относят порядки советского типа, например, постсталинский режим. Методы правления здесь уже утрачивают ряд основных признаков тоталитаризма. Такие режимы отличаются и от собственно авторитарных, хотя в ряде отноше-

ний посттоталитарные политические, социальные и экономические структуры преобразуются в авторитарном направлении.

Абсолютные системы сильны до тех пор, пока они абсолютны. Если они начинают реформы, они проигрывают, однако они не могут избежать реформ или они взорвутся.

М. Джилас, «Лицо тоталитаризма»

Обычно посттоталитарные режимы развиваются после ухода из жизни тоталитарного лидера-харизматика, когда начинается процесс так называемой *рутинизации харизмы* (т.е. попытки законсервировать идеалы прежнего правления). Поскольку культ личности здесь явно ослабевает, то существенно возрастает уровень бюрократизации правящей элиты.

Главными характеристиками посттоталитаризма являются: ослабление полицейских служб или их нейтрализация с помощью армии; разрешение кризиса управления путем создания центра власти уже в виде коллективного, а не персонального руководства; переутверждение роли партии как бывшего источника легитимности лидера; постепенный процесс *детоталитаризации* (т.е. снятия наиболее жестких характеристик режима) во избежание радикального переворота.

Начало бюрократизации и профессионализации, определенные элементы либерализации (смягчение тотальной идеологии и большая терпимость к деполитизации) политического процесса в целом означают уже посттоталитарное развитие. Политологи выделяют три состояния режима. *Ранний* посттоталитаризм наиболее близок к тоталитарному правлению, однако отличается от него, как правило, возникновением ограничителей на власть лидера (СССР при Н.С. Хрущеве, 1953–1964). В *позднем* посттоталитаризме власть все более терпимо относится к критике режима (Чехословакия, 1977–1989). При *зрелом* посттоталитаризме значительно преобразуются все характеристики прежней системы властвования, неизменной остается только руководящая роль партии (Венгрия, 1982–1988).

В тоталитаризме нет ни социального, ни экономического, ни политического плюрализма, и власть жестоко подавляет любые попытки институционализации или просто выражения оппозиционных мнений. Авторитарные режимы признают ограниченный политический и более широкий экономический и социальный плюрализм. При зрелом посттоталитаризме развивается социальный плюрализм, может даже формироваться параллельная политичес-

кая культура, появляются по сути антитоталитарные публикации *самиздата*. Тогда же складывается и известный экономический плюрализм в виде небольшого частного сектора в сфере услуг, сельском хозяйстве. Вместе с тем, посттоталитарный социальный и экономический плюрализм отличается от авторитарного: 1) в авторитаризме сильнее развит частный сектор и больше свободы вероисповедания; 2) зарождающаяся посттоталитарная параллельная культура представляет собой лишенную традиций новую тенденцию, ибо предыдущий режим искоренил все источники организованного и ответственного плюрализма.

Обратите внимание

Самиздат — написание, нелегальное издание и распространение не разрешенной властями литературы, содержащей критику советского строя и действий властей.

Считается, что самиздат появился в СССР и соцстранах-сателлитах после смерти Сталина как реакция интеллигенции на ликвидацию свободы слова. Советский режим пытался бороться с этим явлением, подрывавшим монополию государства на распространение информации, уголовным и административным преследованием не только самиздатовцев, но и их читателей, особенно в 1970-е гг., а также ограничением доступа к копировально-множительной технике. Самиздат был свернут к началу 1990-х, когда возникли независимые СМИ и издательства, получившие конституционные гарантии.

В посттоталитарной Венгрии самое влиятельное самиздатовское издание «Beszelo» выходило с 1982 по 1989 г. ежеквартально тиражом в 20 тыс. экз.

К 1 февраля 1988 г. в СССР наблюдатели насчитывали 30 тыс. неформальных групп, представляющих различные социальные интересы. Столь бурный рост подобных неформальных объединений означал начало процесса полной детоталитаризации.

Закон об индивидуальной трудовой деятельности стал первым шагом к созданию частного сектора в СССР: в январе 1989 г. в стране было уже 75,5 тыс. кооперативов.

Как показывает исторический опыт, самым устойчивым наследием тоталитаризма оказались позиции господствующей партии. И в посттоталитарных обществах официальная партия все еще обладает «руководящей и направляющей» ролью в политике, монополией на власть и стоит над государством, а пределы ее критики санкционированы только рамками «социалистического плюрализма» мнений.

Коммунистическая партия как организация, объединяющая наиболее сознательных представителей всех классов и социальных групп общества, тысячами нитей связанная с массами, призвана выполнять объединяющую роль, интегрировать в единой политике многообразные, подчас противоречивые интересы, добиваться единства и сплоченности нашего общества, причем единства на основе широкого плюрализма мнений, позиций, точек зрения в рамках социализма, с одной стороны, и сознательного, добровольного сотрудничества людей, соединения существующих интересов — с другой.

«Очерк теории социализма» (1989)

Однако при посттоталитаризме меняется характер руководства. Лидеры уже не являются харизматическими фигурами — ведь коллективное руководство не способно быть таковым. Правящая элита расширяется за счет бюрократов, технократов и пр. — *номенклатурных* работников.

Номенклатура и есть пресловутый один из отрядов интеллигенции, профессионально занимающийся управлением и поставленный в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом... Ей и принадлежит особое место в общественной организации труда при социализме... Номенклатура и есть господствующий класс советского общества. Управляющие — это номенклатура.

М. Восленский, «Номенклатура»

После кончины всевластного тоталитарного лидера политическая элита прежде всего старается обеспечить предсказуемость нового руководителя и тем самым свою безопасность, что становится едва ли не главным фактором перехода от тоталитаризма к посттоталитаризму. Лидеры нового режима по-прежнему являются выходцами из «руководящей и направляющей» партии, но они неспособны на устрашение своего окружения и общества в целом даже просто из-за нехватки харизматичности. Кроме того, на них уже действуют идеологические лимиты. С точки зрения конституционности власти лидера, ограничения его власти и предсказуемости политики, посттоталитарное лидерство сближается с авторитарным.

Различия между посттоталитаризмом и авторитаризмом прослеживаются, между тем, в процессе рекрутирования лидеров. Посттоталитарные лидеры обязательно выдвигаются структурами, созданными самим тоталитарным режимом, авторитарных же поднимают к вершинам власти силы прежнего режима. Основной кри-

терий для вхождения в тоталитарную правящую группировку — личная преданность вождю, в авторитаризме — профессиональные навыки в любых областях, включая юриспруденцию и коммерцию. Хотя в зрелом посттоталитаризме профессионализм и компетентность в управлении постепенно выходят на первое место, но доступ к получению таких навыков все еще контролируется партией, членство в которой — необходимая предпосылка карьеры.

 Партия придает первостепенное значение тому, чтобы все участки партийной, государственной, хозяйственной и культурно-воспитательной и общественной работы возглавляли политически зрелые, знающие свое дело, способные организаторы.

«Стенографический отчет XXIV съезда КПСС» (1972)

По своему содержанию посттоталитарная идеология мало чем отличается от тоталитарной, продолжая считаться основой легитимности правящей партии, а также существующей политической иерархии.

 Консолидирующим началом духовной жизни социализма является марксистско-ленинская идеология как совокупность идей, теоретических положений, выражающих коренные интересы рабочего класса, всех трудящихся и научно отражающих объективные закономерности социалистического развития... Основная функция социалистической идеологии — это сплочение трудящихся вокруг идеи создания нового общественного строя.

«Очерк теории социализма» (1989)

Вместе с тем, в посттоталитаризме меняется отношение к идеологии со стороны и общества, и некоторых представителей элиты. Сравнение действительности с утопическим идеалом наполняет политическое сознание скептицизмом, апатией или критическими настроениями, недоверием к «конечной цели» тотальной идеологии. Для большинства граждан идеология становится просто формальным ритуалом, т.е. идеологизированная тоталитарная мобилизация замещается посттоталитарным конформизмом (приспособленчеством). Если в тоталитаризме действовал принцип «тот, кто не с нами, тот против нас», то в идущем ему на смену режиме он переформулирован — «тот, кто не против нас, тот с нами». Значит, можно говорить об относительных деидеологизации и политической демобилизации посттоталитарного общества.

Фердинанд МАРКОС (1917,
Саррат, о. Лусон – 1989,
Гонолулу, США) – государственный и политический деятель
Филиппин, после бегства
которого из страны в 1986 г.
выяснилось, что путем мошенничества и казнокрадства он
и его семья украли у государства
миллиарды долларов.

Итак, характерные признаки посттоталитарных режимов:

- отсутствие политического плюрализма;
- появление элементов социального и экономического плюрализма;
- сохранение официальной идеологии при сравнительном уменьшении идеологизированности;
- некоторое ослабление мобилизации граждан через существующие институты, но при обеспечении необходимого уровня конформизма по отношению к режиму;
- бюрократическое номенклатурное руководство, рекрутируемое из рядов правящей партии.

4.2. Султанистское правление

Султанистские режимы подвластны «султану» — здесь наименование правителя нужно понимать в переносном смысле слова. Султанизм, по *Линцу* — крайняя форма патримониального наследственно-родового господства, которая не сводится исключительно к режимам Ближнего Востока. Формула, приписываемая Людовику XIV (1638–1715) в качестве генерального принципа его политики, — «Государство — это я!», — выражение не только монархического абсолютизма, но и султанистского подхода к властвованию.

Патриархальному (и патримониальному — как его разновидности) господству свойственно то, что наряду с системой непреложных, абсолютно священных норм, нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия, действует своеобразный произвол и милость господина, основанные, в принципе, на чисто «личных», а не «объективных» отношениях, и потому «иррациональные».

М. Вебер, «Социология религий»

Обратите внимание

Султан — титул мусульманского светского правителя. В Османской (европейское название — Оттоманской) империи (XV — начало XX вв.) ее султан после покорения Дамаска (1516) получил титул калифа, что подразумевало религиозную власть. Светское и религиозное единоначалие были разделены еще в те времена.

Султанистские режимы, как и авторитарные, существуют с античности, примеров подобного правления в истории немало.

Не только писатели, но и их книги были объектами безумия... и прекраснейшие работы были сожжены... Они выдворяли учителей философии, вытесняли все благородные побуждения... и никто не мог противостоять им... Мы были свидетелями крайнего порабощения.

Тацит, «Биография Агриколы» (97)

Султаны (т.е. деспоты, тираны) по своему усмотрению казнят или милуют, пытаются или одаривают. Все индивиды, группы и институты могут в любой момент стать объектами непредсказуемого деспотического вмешательства со стороны султана и его окружения.

Этот человек волной излил свою щедрость на весь Каир. Во всем султанате не было ни одного придворного или другого чиновника, который не получил бы от него подарка золотом.

Аль-Омари, хронист XIV в., о правителе Мали

Примеры султанистских режимов — Гаити при Дювалье, Доминиканская республика при Трухильо, Центральнаяафриканская Республика при Бокассе, Филиппины при Маркосе, Заир при Мобуту и т.д.

В султанистском режиме личное переплетается с общественным, просматривается сильная тенденция к семейной династической власти и преемственности, нет различий между государственной службой и служением правителю, успехи должностных лиц зависят от личных отношений с деспотом, напрочь отсутствует сколь-нибудь рациональная идеология и, что самое важное, султан абсолютно свободен в своих действиях для достижения любых целей.

Обратите внимание

В Книгу рекордов Гиннесса (1999) по категории «самое крупное воровство у нации» занесен бывший президент Филиппин Фердинанд Маркос: нанесенный им ущерб нации с 1965 г. — примерно 5–10 млрд долларов. Журнал «Forbes» (1999) оценил личное состояние иракского правителя Саддама Хусейна в 6 млрд долларов, из которых 2 млрд он потратил на президентские дворцы; своим соратникам он выплачивал многотысячные месячные стипендии при средней госзарплате в 3,5 доллара. Из 22 млн. долларов. кредита МВФ за 16 млн. гаитянская семья Дювалье не отчиталась.

Это примеры тесного переплетения личного с государственным. Такие режимы называют также *клетократиями* (гр. klepto — краду).

Жан Бедель БОКАССА (1921–1996) – государственный деятель Центральноафриканской Республики, с 1977 г. – император Бокасса I; свергнут в результате военного переворота; тиран, садист, людоед.

Иди АМИН ДАДА (род. 1925) – военный диктатор Уганды в 1971–1979 гг., тиран и садист.

В данном режиме не может быть места для оппозиции и плюрализма, нет ни одной сферы в экономике или обществе, которая была бы ограждена от тиранических проявлений воли султана. Полное отсутствие плюрализма — едва ли не единственная схожая черта у тоталитаризма и султанизма.

Султанистские режимы лишены какой-либо идеологической основы. Некоторые высказывания лидера могут претендовать на идеологичность, однако они не формируют идеологию, как в тоталитаризме. Идеи лидера доводятся до масс после его прихода к власти или в связи с определенными действиями и никоим образом не ограничивают его владычество, ибо всегда корректируются в зависимости от ситуации. В тоталитарных режимах лидеры тоже имели возможность манипулировать идеологией для оправдания своих акций, но они пытались хотя бы вписаться в некие идеологические рамки. Султаны не ограничены ничем — ни идеологией, ни законами, ни принципами, ни моралью, ни традициями даже, несмотря на заверения в уважении к ним.

Тиран — это разбойник, не боящийся ни суда, ни наказаний. Это — палач без судьи и закона. Это — человек, отвергший все человеческое. Это — черт в зримом обличьи... А на нашем языке тирана зовут «людодержцем»... Кто не думает ни о страхе Божием, ни о стыде перед людьми, ни о славе грядущих времен, — тот истинный и подлинный тиран.

Ю. Крижанич, «Политика» (1667)

Султаны могут объявлять себя «пожизненными» президентами, императорами, назначать своих родственников принцами и герцогами, менять свои имена, навязывать обществу династическую преемственность власти. К примеру, Бокасса, захвативший в 1966 г. пост президента в ЦАР, сначала провозгласил себя маршалом и пожизненным президентом, а затем назвал страну империей, а себя — императором.

В отличие от авторитарных лидеров, власть и поступки султана совершенно непредсказуемы. Правители из семьи Дювалье предпочитали убийства и пытки (как некоторые авторитарные лидеры), а Саддам Хусейн использовал химическое оружие, атакуя курдские поселения на севере Ирака. Перечень преступных действий подобной власти можно продолжать почти бесконечно.

Обратите внимание

Заирский диктатор Мобуту пришел к власти в 1965 г., официально объявил себя президентом в 1972 г. и поменял имя на другое, которое переводится с банту как «всемогущий воин, кото-

рый благодаря своей выносливости и непоколебимой воле к победе будет покорять все новые вершины, оставляя за собой огонь». Личное состояние Мобуту в середине 1980-х оценивалось в 4 млрд долларов. Его считали единственным лидером в мире, который мог бы оплатить долги страны из своего кармана.

Источники утверждают, что «император» Бокасса хранил у себя в холодильнике тела своих жертв и был людоедом. В канибализме обвиняют и «президента» Мобуту, и диктатора Уганды Иди Амина, которые, расправляясь с политическими противниками, таким образом торжествовали над ними.

*Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду
Ва За Банга (настоящее имя
Жозеф Дезире МОБУТУ;
1930–1997) – правитель Заира
с начала 1960-х гг., изгнан
из страны в 1997 г.*

Мобилизация населения в политику (одна из главных характеристик тоталитаризма) редко применяется султанистскими режимами, не имеющими соответствующих институтов и идеологии. Если мобилизация и происходит, то только в определенных ситуациях; она жестко контролируется султаном и неравномерна. Массовая поддержка основана на интересе, обещаниях награды за преданность либо на боязни расправы за неповиновение. Если султаны объявляют выборы, то результаты, в случае пассивности избирателей, непременно фальсифицированы в пользу власти.

Обратите внимание

Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви предложил подданным вступить в его партию или отправиться в тюрьму; тысячи отказавшихся были убиты. В 1954 г. режим получил 100% голосов на выборах, однако бюллетеней оказалось *больше*, чем зарегистрированных избирателей. Принято считать, что Гаити занимает первое место в мире по фальсификации выборов, в результате которых приходили к власти все президенты страны.

Отсутствие мобилизации в султанизме несколько напоминает авторитаризм. Однако большинство авторитарных режимов отличается от султанистских наличием определенных структур со своими нормами, процедурами и ролями (к примеру, функциональные обязанности бюрократии, «разделение труда» между армией, полицией и налоговыми органами). В султанистских режимах полномочия и функции всех структур меняются в зависимости от усмотрения султана: этот хозяин общества может приказывать выполнять свою волю любому подданному, даже если это не входит в его прямые обязанности.

Итак, признаками персонифицированных **султанистских режимов** является отсутствие: идеологии, политической мобилизации, ограничителей на власть султана, плюрализма.

В заключение приведем очень четкую компаративную таблицу режимов, созданную *Линцем* и *Степаном*.

Сравнительная таблица общих характеристик основных политических режимов

Характеристика	Демократический	Авторитарный	Тоталитарный	Посттоталитарный	Султанистский
Политический плюрализм	Ответственный плюрализм	Ограниченный, безответственный плюрализм; может быть слабая оппозиция	Нет (официальная партия обладает полной монополией на власть)	Нет (партия все еще формально монополизирует власть)	Нет (ни одна группа не свободна от власти деспота); нет правового порядка
Социальный и экономический плюрализм	Да	Может быть	Нет возможности для параллельного общества или теневой экономики	Ограниченный, но ответственный (в зрелых режимах оппозиция часто создает «вторую культуру», «параллельное общество» или теневую экономику)	Существует, но могут быть непредсказуемые деспотические вмешательства
Идеология	Приверженность гражданским принципам и правилам конкуренции; уважение прав меньшинства, законности и ценности личности	Нет четко разработанной руководящей идеологии	Наличие руководящей и направляющей идеологии, описывающей достижимую в будущем утопию	Руководящая идеология официально существует, но уменьшаются приверженность и вера граждан; смещение акцента с идеологии на прагматический консенсус	Манипуляция символами; прославление правителя; отсутствие руководящей идеологии
Мобилизация	Низкая мобилизация, при понимании ценности высокого уровня участия; терпимость к мирной, соблюдающей правила оппозиции	Нет политической мобилизации, кроме исключительных случаев	Экстенсивная мобилизация в большое число созданных режимом организаций; мобилизация основана на энтузиазме	Постепенная потеря интереса к мобилизации; рутинная мобилизация в госорганизации поддерживает необходимые конформизм и покорность	Низкий уровень; периодически бывают мобилизации для насилия над группами, указанными султаном
Лидерство	Лидеры меняются периодически по итогам свободных выборов; власть их ограничена конституционно	Власть лидера (малой группы правителей) ограничена вполне предсказуемыми, но плохо определенными нормами	Неопределенные границы, большая непредсказуемость лидерства, часто харизматического; рекрутирование на высшие посты зависит от приверженности и успешной карьеры в парторганизации	Высшие лидеры практически не бывают харизматиками; их рекрутируют из официальной партии, а деятельность в основном ограничивается партструктурами, процедурами и механизмами «внутренней демократии»	Лидерство сильно персонифицировано; отсутствуют рационально-легальные ограничители; покорность лидеру базируется на страхе или ожидании награды; его окружение рекрутируется из членов семьи, друзей либо людей, обеспечивающих насилие со стороны режима; мощная династическая тенденция

Линц Х., Степан А., «Проблемы демократического транзита и консолидации»

Вопросы для семинарского занятия

1. Является ли культ личности или харизматичность лидера, который концентрирует значительную власть, необходимой чертой тоталитарных режимов?
2. Ведут ли к распаду тоталитарных режимов кризисы преемственности?
3. Не все однопартийные режимы тоталитарны, тогда какие признаки делают режим таковым? Может ли тоталитарный режим быть многопартийным?
4. Приведите примеры дототалитарных авторитарных режимов. Покажите отличие их от тоталитарных.
5. Каковы причины, способствующие появлению и распаду военных режимов?
6. Сравните несколько примеров постколониального авторитаризма. Некоторые политологи называют постколониальные режимы личными диктатурами во главе с лидером-харизматиком. Согласны ли Вы с этим?
7. Существуют ли сходство и различия между тоталитарным и султанистским режимом? Некоторые политологи сравнивают режим Саддама Хусейна с режимом Гитлера. Согласны ли вы с этим?
8. На рисунке (политические режимы по Х. Линцу) попробуйте показать режимы И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина.
9. Режимы какого типа нуждаются во внешней поддержке и финансовой помощи? Какие режимы получали поддержку США, СССР и почему?
10. Каковы были характеристики политического режима в СССР/России, непосредственно предшествовавшего перестройке?

Тексты

- Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. — М., 1996.
- Арон Р. *Демократия и тоталитаризм*. — М., 1993.
- Восленский М. *Номенклатура*. — М., 1991.
- Джилас М. *Лицо тоталитаризма*. — М., 1992.
- О’Доннел Г. Делегативная демократия. — *Пределы власти*, 1994. — № 1.
- Поппер К. *Открытое общество и его враги*. — М., 1992.
- Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира». — *Международный журнал социальных наук*, 1993. — № 3.

Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. — N.Y., 1967.

Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. — Boulder, CO, 2000.

Дополнительная литература

Авторитаризм и демократия в третьем мире. — М., 1996.

Андерсон Р.Д. Тоталитаризм: концепт или идеология? — *Полис*, 1993. — № 3.

Истягин Л.Г. Исследования по тоталитаризму: в поисках нового обоснования концепции. — *Полис*, 1997. — № 2.

Миллер А. Авторитарный и тоталитарный опыт Центральной Европы. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1996. — № 7.

Цыганков П. *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. — М., 1995.

Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы (Политические праздники и игры). — *Полис*, 1998. — № 5.

Huntington S.P. *The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil — Military Relations*. — Cambridge, Mass., 1957.

Finer S.E. *The Man on Horseback*. — Harmondsworth, 1976.

Friedrich C.J., Curtis M., Barber B.R. *Totalitarianism in Perspective: Three Views*. — N.Y., 1969.

Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. — Boston, 1966.

Sultanistic Regimes (H.E. Chehabi, J.J. Linz Eds.). — Baltimore, 1998.

Глава 5

Демократия

Democracy

Программные тезисы

- Исторические формы демократии (первобытная, античная, демократические системы Нового времени и в США), их особенности и факторы преемственности. Всенародность, самоуправление, выборность и равенство граждан как базисные принципы первоначальных видов демократии.
- Классические и современные модели демократии. Охранительная демократия с разделением властей и набором правил, ограничивающих власть государства. Демократия для развития свободных информированных граждан. Понятие общей воли. Демократия для народа (или марксистская) с идеалом отмирания государства. Партиципаторная концепция демократии: расширение политического участия как цель; демократические механизмы — референдум, инициатива и отзыв выборного лица. Понятие прямой демократии. Демократия для избранных — элитарная концепция: избиратели контролируют власть только на выборах. Плюралистическая модель: соревнование партий и возможность групп интересов свободно выражать мнение.
- Понимание современной демократии как полиархии — власти многих, но не всех. Идеальные критерии, реальные институты и принципы (правление большинства при уважении прав меньшинства, равенство граждан, легитимность и представительный характер власти, плюрализм и свобода в политике) полиархии. Характеристики форм политического правления. Определенность процедур при неопределенности результатов. Понятие и функционирование консociативной демократии.
- Переходы к демократии и периодизация «волн» демократизации. Условия демократии: национальная идентичность и государственное единство, экономические и культурные параметры. Понятие и фазы демократического транзита — либерализация, демократизация и консолидация демократии.

Проблемные вопросы

1. Как народ может реализовать свою власть?
2. Следует ли признать любое правление в интересах народа демократичным?
3. Существуют ли пределы для прямого самоуправления народа и нужно ли ему правительство?
4. Насколько совместимо непосредственное осуществление власти всеми с установлением меры политического участия каждого в процессах самоуправления?
5. Означает ли делегирование власти ее утрату? Как избежать такой утраты?
6. Что позволяет гражданам контролировать тех, кому они делегировали власть?
7. В чем состоит демократический и гуманистический потенциал основных правил политической игры при полиархии?

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕМОКРАТИИ

1.1. О демократия в развитии

Демократия сегодня — едва ли не самое популярное слово политического лексикона в России, да и во всем мире. Тем, кто отталкивается от внутренней формы слова, его этимологии, сущность демократии может представиться самоочевидной — **народовластие** или **правление народа**. Сразу же возникают вопросы. Какая власть имеется в виду? Что понимается под народом? Кто и кем управляет при народовластии? Может ли народ целиком выступать в роли правителя? Так что же, разве демократия — не народовластие? Действительно, народовластие. Однако слова народ и власть были столь же многозначны для античных эллинов, сколь и для нас. Поэтому в этой главе с необходимостью придется воспроизвести некоторые положения предыдущих и последующих разделов книги.

Обратите внимание

По-гречески demos (демос) — народ, толпа, чернь, люди (в эпоху расцвета полиса — собрание полноправных граждан, а в Аттике — основное подразделение граждан, т. н. дем), а kratos (кратос) — сила, власть, могущество, правление и даже победа.

Древние греки и их выдающиеся политики, риторы (ораторы) и философы расходились в истолковании содержания демократии не меньше, чем наши современники. Это понятие могло обозначать и «торжество бунтующей черни», и «господство низших слоев населения», и «участие всех граждан в делах полиса», т.е. в политике, и «решающую роль народного собрания», и «систему правления лицами, уполномоченными на это с помощью формальных процедур представления демов».

И так как у нас городом управляет не горстка людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народовластием. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-либо отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести... Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, глав-

Перикл (ок. 490–429 до н.э.) – афинский стратег, вождь демократической группировки.

ным образом из уважения к ним, и повинемся властям и законам, особенно установленным в защиту обижаемым, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным... Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными... Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами «за» и «против».

Перикл, «Надгробная речь» (изложение Фукидида)

Позже *Аристотель* писал о шести видах государственного устройства, сгруппированных по триадам: «правильные» формы — царская власть (басилейя), аристократия (правление лучших), полиция; «неправильные» — тирания, олигархия (правление немногих), демократия. Философ считал демократию несправедливой конструкцией власти, потому что, в отличие от политии — как правления большинства, избранного на основе определенного ценза и заботящегося о всеобщем благе — демократия есть правление неимущего большинства ради собственного блага и интересов. Демократии на самом деле — это целый набор различных политических систем, объединенных зачастую лишь наименованием. Дифференциации требуют и разные «имена», и традиции — по меньшей мере те два противоположных и взаимодополняющих подхода, которые образуют проблемное поле демократий. Один подход связан с осуществлением народом в целом всей полноты своей власти, а тем самым — в управлении каждым человеком и группой. Другой — с мерой участия любого человека и группы, составляющей народ, в самоуправлении политической системой в целом. В одном случае демократия оказывается **народовластием** с сильным акцентом на ее всенародности. В другом — **народовластием** с упором на властность и управляемость образующих эту систему людей (ролей) и групп (институтов), т.е. на **самоуправлении**.

Действительные формы демократического опыта были реализованы и продолжают совершенствоваться в ходе истории, но суть двух взаимодополняющих аспектов народовластия — всенародности и властности (самоуправления) каждого — оставалась почти неизменной.

Известно, что политология — не только особая гуманитарная дисциплина, но и своеобразная школа гражданского образования. В этом смысле политологи считают нужным обучение демократии — ведь даже этимологически термин до сих пор не вполне ясен. Так где же можно научиться правилам демократической жизни?

В семье (особенно с традиционными устоями), в учебном заведении, в казарме, на службе (в частной или государственной фирме)? Вряд ли все эти коллективы способны стать той самой необходимой «школой демократии». Наконец, и в разных общественных (добровольных) объединениях власть чаще всего принадлежит меньшинству, руководителям, которых мы считаем необходимыми для себя, а они нередко подменяют демократические нормы соблюдением формальных ритуалов. Пусть каждый ответит себе на вопрос: что было бы, если игроки вышли на футбольное поле, не зная правил игры? Разве не то же самое происходит и с россиянами, входящими в демократию при незнании ее принципов регулирования социальных отношений? Вопреки бытующим представлениям, даже самая распрекрасная демократия не является естественным образом политической жизни. Вся предыстория и история человечества учат скорее обратному: именно закон сильнейшего — главное природное ограничение, с которым уже с рождения сталкивается человек. Мы вынуждены этому или подчиниться, или обречь себя на страдания. В политике такой естественный порядок знает разные степени насилия, в зависимости от того, насколько жесткие ограничения накладывает он на людей: патриархат, тирания, диктатура, монархия, империя, тоталитаризм — все это выражения насилия, навязанного меньшинством большинству, неспособному, несмотря на свою многочисленность, противостоять принуждению.

Демократия, наоборот, стремится перевернуть этот заданный природой порядок жизни, признавая за большинством людей, даже физически и материально слабых, право на время властвовать над меньшинством, пока это последнее, в свою очередь, не станет большинством. Данный способ правления построен на двух принципах: это всегда власть большинства и всегда право меньшинства свободно создавать оппозицию. Демократический образ жизни, демократия в политике — культурный продукт развития человечества, изобретенный для наиболее экономного разрешения естественных конфликтов, которые противопоставляют людей и социальные группы друг другу. Не стоит и мечтать: борьба за власть еще надолго останется неустранимой, ибо она — в природе человеческой. Вместе с тем, установление правил политической игры на основе принципов демократического общественного соглашения: 1) организованное ограничение власти; 2) свобода формирования и выражения собственного мнения; 3) защита гражданина законом — это произведение политического искусства по отлаживанию нормальных общественных отношений. Французский литератор **Н.-С. Шамфор** (1741–1794) очень просто выразил подобную мысль: «Я — это всё, остальное — ничто; вот деспотизм

ВОЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ — принцип организации власти преимущественно в племенных образованиях: право принятия и осуществления важных решений возлагается только на тех, кто непосредственно обеспечивает безопасность племени (клана, рода), т.е. на всех вооруженных мужчин-дружинников; остальные члены племени исключены из процесса принятия решений.

АГОРА (гр. agora) — предназначенная для публичных собраний и торговли главная площадь древнегреческих городов (полисов), расположенная в центре или около порта, окруженная храмами, портиками и городскими учреждениями. Значение слова agora со временем менялось: в V в. до н.э. оно обозначало повседневную социальную, политическую, религиозную и пр. активность граждан, а также место спортивных состязаний и театральных представлений; позже во многих городах (Афинах, Салониках и др.) стали выделять торговую и церемониальную агору, где, в частности, проводились суды. Захоронение в агоре признавалось почетнейшим для гражданина.

и его сторонники. Я — это другой, другой — это я; вот народный режим и его приверженцы. А теперь — решайте сами».

В силу высокой теоретической и практической значимости проблемы, многообразия концептуальных подходов к ней тематика и сама категория **демократии** является ключевой почти для всех дисциплин комплекса политической науки.

1.2. Античная демократия

Первоначальной самоорганизации людей с чертами *всенародности* было присуще непосредственное участие всех в деле выживания и воспроизведения рода. Только еще нарождавшаяся политика была демократична, правда, эта первобытная демократия неизбежно оказывалась очень примитивной. Вопрос об участии каждого в управлении и в самоуправлении еще не возникал в силу его предопределенности естественным распределением половозрастных ролей. Природа и выбирала, и назначала; от людей лишь требовалось поддерживать основы всенародности.

В преуспевающих родах и племенах политика с течением времени усложнялась, возникала структурно-функциональная дифференциация, возникали прообразы (архетипы) первых политических институтов. Важным стало появление дружин — группировок здоровых, энергичных и, главное, вооруженных мужчин, которые обеспечивали безопасность *всех*. Это оборачивалось ответственностью и честью принимать нужные решения — по-прежнему всенародно, только «народ» все чаще ограничивался кругом мужчин с оружием. Так складывалась **военная демократия**. В подобных условиях женщины, старики, дети оказывались лишь приживальщиками при власти имущих.

По мере дальнейшего усложнения политических систем развиваются отношения начальствования/подчинения. (Впервые они рассматривались **Платоном** в диалоге «*Политик*» в понятиях *archein & pratten* — приказание начать действия и исполнения данного приказания.) Военная демократия еще долго служила (в иных странах вплоть до наших дней) средством сдерживания этих «антидемократических» по сути взаимоотношений.

С реформ афинского архонта **Солона** (между 640–635 — ок. 559 до н.э.) пирамидальная структура начальствования — цари/аристократы/демос — изменялась. Реформы были начаты под призывом возврата к старому — к всенародности, значит, равенству всех перед законом и друг перед другом как представителями одного сообщества, «народа». Особые функции обрело народное собрание, перенятое у военной демократии, которое на деле объе-

диняло тех, кто мог быть воином и отцом семейства. С развитием практики античной демократии описанная легендарным Гомером **агора** сменилась афинской **экклесией** или спартанской **апеллой**.

После реформ Солона в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было нигде в мире. Господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживающие ее нужды политические, правовые и иные институты — систему демократического самоуправления с правом и обязанностью каждого полноправного гражданина, члена полиса, принимать участие в общественных делах (римский термин *res publica* как раз и означает «общественное дело»), в управлении полисом; систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина, с признанием его личного достоинства, прав и свобод, а также систему социокультурных принципов, способствующих расцвету личности, развитию творческих потенций индивида, не говоря уже о его энергии, инициативе, предприимчивости и так далее. Словом, в античном мире были заложены основы так называемого гражданского общества, послужившего идейно-институциональным фундаментом быстрого развития античной рыночно-частнособственнической структуры.

Л.С. Васильев, «История Востока»

Я думаю, все придерживаются того мнения, что самое ужасное — это уравнивание в правах людей порядочных и дурных, а самое справедливое — тщательное проведение разграничения между ними с тем, чтобы люди, неравные между собою, не получали и равных благ, но каждый пользовался и положением и почетом по достоинству. Между тем олигархические и демократические государства всегда добиваются равенства среди тех, кто располагает гражданскими правами, и у них высоко ценится, если один ни в чем не может иметь преимущества перед другим — обстоятельство, которое на руку дурным людям.

Исократ (436–338 до н.э.)

Эволюционировавший принцип управления с помощью народного собрания не просто сводился к поддержке (санкции) действий начальника, как это было в случае агоры. Из обычного источника власти такое собрание добилося права *наделять* властными полномочиями и тем самым обрело верховенство над главным руководителем. Гомеровский «совет царей» стал представительным органом полиса, точнее, его отдельных «народов»,

ЭККЛЕСИЯ (гр. *ekklesia*, букв. собрание созданных) — народное собрание в древнегреческих полисах, происходящее от агоры. Впервые упоминается в Афинах в конце VII в. до н.э.; в результате реформ Солона стала собранием совершеннолетних граждан (мужчин), получив высшие политические и судебные полномочия. Не обладавшая правом инициативы, Афинская экклесия IV–V вв. до н.э. созывалась государственно-административным советом (буле) для назначения чиновников-магистратов и общего обсуждения основных проблем. Решения принимались простым большинством. Экклесии существовали во всех полисах, потеряв свое значение в эпоху Римской империи.

АПЕЛЛА (гр. *apella*) — народное собрание в Спарте, особый аналог экклесии в других полисах. Созывалась раз в месяц; лишённая права инициативы, апелла рассматривала предложенные герусией (совет старейшин) вопросы — заключение договоров, объявление войны, внесение изменений в законы, престолонаследие, назначение старейшин, военачальников, магистратов. «Вредные», по мнению герусии или царя, решения апеллы отменялись. В обсуждении участвовали цари, старейшины, магистраты; остальные граждане-мужчины только голосовали, причем криком.

Часть агоры в современных
Афинах.

или демонов. И цари-воители, и аристократический ареопаг вписались в систему взаимного соподчинения.

Возникла практика **выборности**, назначения по жребию и ротации исполнителей политических ролей. Каждый мог — и обязан был! — занять любую должность: исполнительную, законодательную, сакральную (относившуюся к религиозному культу), судебную или иную, которую определило для него народное собрание, жребий, его собственный народ-дем или просто подошедшая очередь на данное место.

При этом был утвержден основополагающий демократический (справедливый и для всенародности, и для самоуправления) принцип **равенства граждан**. Он стал развитием изначальных норм родства (равенства в роде) и дружбы (равенства в дружине). Данный принцип был юридически закреплен в праве/обязанности граждан выступать в народном собрании, осуществлять правосудие, другие полисные функции, например, служить в войске, совершать литургии (священные церемонии, праздники, включая разыгрывание трагедий и комедий), а также отвечать перед законом. Сама система демократического правления нередко именовалась *равновластованием*, которое не сводилось к всенародности: отправление разных должностей позволяло хотя бы на время делать в принципе равных неравными по статусу.

А что он был сторонником демократии, это я вам докажу. Прежде всего, сколько ни было походов, он ни от одного не уклонялся, во всех участвовал, как могут засвидетельствовать знающие это члены дема. Затем, хотя он мог свое имущество обратить в деньги и не приносить вам никакой пользы, он предпочел, чтобы вы знали о его состоянии, чтобы не иметь возможности быть бесчестным, если бы даже ему соблазнилось стать таким, но чтобы вносить военные налоги и исполнять [за свой счет] литургии.

Лисий (459—380 до н.э.)

Афинская демократия — образцовая историческая модель **прямой демократии**, при которой от всех граждан требовался высокий уровень политического участия.

Однако на деле средний афинянин мало участвовал во всех политических решениях. Афинская демократия представляла собой систему *смешанного правления* с особо значимой ролью народного собрания *всех граждан*, максимально сниженными имущественными и другими цензами, причем малоимущих специально поощряли к исполнению их гражданских прав/обязанностей.

Эти небольшие акценты и отличали афинскую демократию от смешанного правления, которое Аристотель предпочитал называть **политейей**.

Обратите внимание

Женщины, дети, рабы, вольноотпущенники и иногородние не были гражданами античного полиса. Аристотель, который жил и работал в Афинах, создал здесь свой знаменитый Ликей, афинским гражданином не считался.

Демократию не следует определять... просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках множества, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству (корпуса политически активных граждан)... Демократией следует считать такой строй, когда свободные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в руках.

Аристотель, «Политика»

Система взаимодействия и взаимосдерживания отношений начальствования/подчинения является смешанной по определению. Так она и толковалась в течение веков после древнегреческого историка **Полибия** (ок. 200 — ок. 120 до н.э.) и до французского политического мыслителя **Алексиса де Токвиля**.

Такую систему обычно называли **республикой** (по примеру римского полиса) либо просто городом, университетом, корпорацией, коммуной — все эти слова обозначали *самоуправляющиеся* общности. Демократический характер этих политических систем нередко подчеркивался эпитетом — свободный.

1.3. Демократия Нового времени

Прошлое и будущее нашей истории определяются постепенным, последовательным достижением равенства... Желание сдержать развитие демократии... представляется борьбой против самого Господа, и народам не остается ничего другого, кроме как приспособливаться к тому общественному устройству, которое навязывается им Провидением.

А. де Токвиль, «О демократии в Америке»

С наступлением Нового времени и началом процессов модернизации (политические, экономические и социальные изменения, переводящие общество из традиционного в современное состояние)

ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ — система, когда управляемые реально воздействуют на избрание управителей и политический курс правительства. Различают два типа прямой демократии: выбор управителей (в т.ч. президента, главы правительства) осуществляется посредством системы партий или прямым всеобщим голосованием.

ПОЛИТЕЙЯ (гр. politeia) — у **Аристотеля** в разном контексте: 1) совокупность обитателей или граждан полиса с функциями политического участия; 2) «распорядок полисных должностей» и образ управления, т.е. «конституция» полиса, структура институтов управления и характер их функционирования; 3) «правление на основе разрядов», или тимократия («власть богатых»); «плохая форма правления», предполагающая самую сложную систему распределения должностей; 4) форма и принцип правления, сочетающие элементы различных видов властвования (смешанное или среднее правление), например, монархии, аристократии и правления большинства.

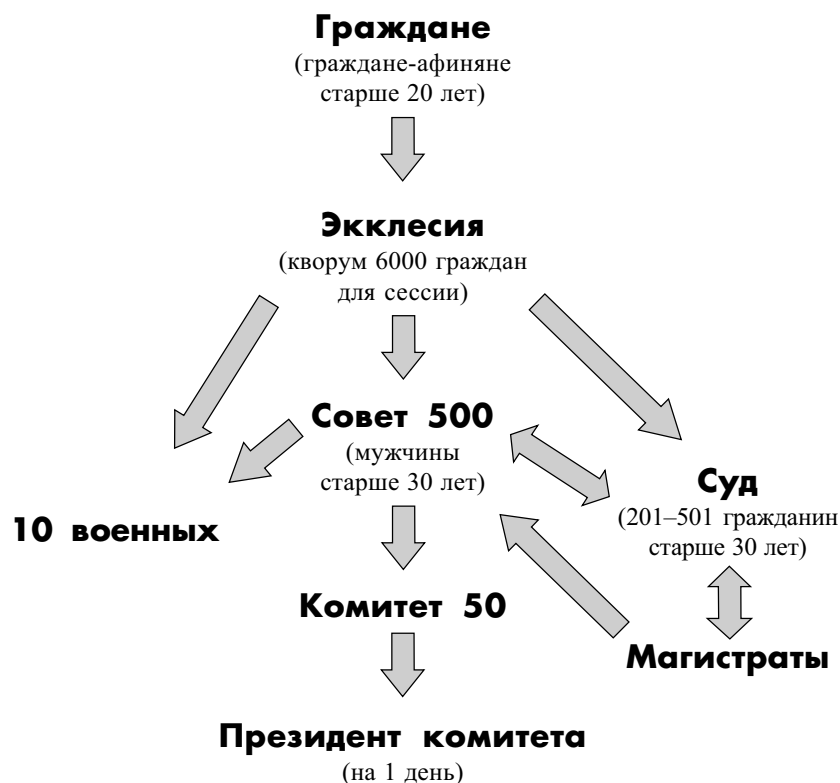
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — совокупность множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном сообществе вне рамок государства и без его непосредственного вмешательства либо помощи. С гражданским обществом нельзя смешивать *политическое общество* (комплекс институтов, в т.ч. государство и иные коллективы) и *глобальное общество* (самая широкая социальная общность, которая осуществляет наивысший уровень интеграции индивидов и автономна по отношению к своему окружению; например, античный полис, египетская империя).

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ (как явление мировой истории) — это генезис, процессы становления и утверждения современных институтов демократического правления (полиархии); имеет национальное (например, смена авторитарного режима демократически ориентированным в конкретной стране) и международное (территориальное распространение демократии в концепции «волн» демократизации) измерения.

снова был активизирован демократический комплекс *всенародности*, который стал основой суверенитета новых европейских наций.

Политическая модернизация прежде всего означала **суверенность** политических систем и **конституционность** их устройства. Суверенитет предполагает, что на четко определенной границами территории возникает относительно однородный режим властных отношений. С одной стороны, выделяется **государство** (state, etat, estado, Staat), закрепляющее за собой монополию на использование насилия, а с другой — **гражданское общество**, утверждающее ненасильственную договорную (контрактную) самоорганизацию в соответствии с нормами естественного права и прав человека. Согласно конституционности правовые стандарты гражданского общества вместе с принципами государственного расчета (ratio status, raison d'etat) закрепляются в виде основного закона (конституции), стоящего выше и государства, и гражданского общества, что дополняет его договорную самоорганизацию законопослушанием. Более или менее последовательная суверенизация и конституционализация создавали предпосылки для **демократизации**.

Афинская демократия

Первопроходцем в деле модернизации в целом и по отдельным ее направлениям (суверенизация, конституционализация, политизация и демократизация) принято считать Англию. Такому лидерству благоприятствовали ее островное положение и раннее — примерно с XIII в. — развитие договорных, совещательных и представительных институтов (Великая Хартия вольностей, парламент и т.п.), которые при всех их феодальных истоках обладали потенциалом, способным превратить эти институты в «центры» модернизационных процессов. Ключевым событием для модернизации стала Славная революция (Glorious Revolution) 1688 г., положившая начало конституционной монархии в Великобритании. Последовавшее Революционное установление (Revolution Settlement) 1689 г. ознаменовало закрепление результатов самых успешных направлений модернизации — суверенизации и конституционализации — и открыло возможности для демократизации, которая, вместе с тем, оказалась замедленной из-за трудностей процесса преобразования средневековых институтов в современные.

Обратите внимание

Славная революция (или Бескровная революция) — события 1688–1689 гг., приведшие к смещению с английского престола короля Якова II Стюарта и воцарению штатгальтера (правителя) Нидерландов Вильгельма III Оранского (1650–1702) и его жены Марии II Стюарт. Причиной послужили попытки Якова II восстановить абсолютную королевскую власть и укрепить позиции римско-католической церкви, обернувшиеся преследованиями пуритан и угрозой доминирующему положению англиканской церкви. Итогом политики Якова II стало объединение всех его, даже разделенных по теологическим соображениям, противников, обратившихся к Вильгельму III с просьбой о помощи в борьбе с королем. После высадки армии Вильгельма III в Англии Яков II быстро потерял остатки поддержки подданных и бежал во Францию; Вильгельм III созвал парламент, который 22 января 1689 г. постановил, что бегство короля равносильно его отречению, и согласился передать королевскую власть Вильгельму III и Марии II при соблюдении ими ряда условий, известных как Декларация прав.

Декларация прав вошла в корпус принятого парламентом в 1689 г. *Билля о правах* (полное название — «Акт, провозглашающий права и свободы подданных и устанавливающий наследование короны»), где были признаны незаконными некоторые инициативы Якова II (приостановка действия законов, введение налогов без согласия парламента, королевская прерогатива не следовать законам в ряде случаев и т.п.). Билль утвердил: принцип занятия престола только протестантом; меры, исключающие королевское вмешательство в парламентские процедуры;

права на свободу слова для членов парламента и свободные выборы и т.п. Этот акт по сути не вводил новых норм, но его значение в том, что монархия отныне была поставлена в зависимость от закрепленных законом условий.

Билль о правах, Акт о веротерпимости (1689), Акт о мятеже (1689), Трехлетний акт (1694; о регулярных парламентских выборах каждые три года) и Акт об установлении (1701; о порядке наследования престола) определили конституционные рамки государственного правления после Славной революции и вошли в основное содержание Революционного установления. Сейчас Билль о правах и Акт об установлении — в составе современной (неписаной) конституции Великобритании.

Исходная идея суверенитета как *единства* властителя-суверена (кем бы он ни был — монархом, группой аристократов или парламентом) и народа, достигаемого с помощью первоначального договора, вскоре дополнилась демократической идеей **народного суверенитета**, согласно которой сам мистически необъятный Народ и становится Сувереном. Подобный демократизм всенародности виден в рассуждениях **Жана Жака Руссо** (1712–1778) об общественном договоре как проявлении общей, признанной раз и навсегда истинной, воли народа, принимающего статус суверена. Этот мыслитель любые отклонения от общей воли и оппозиционные течения считал ересью, тем самым дав повод современным политологам называть его модель «тоталитарной демократией», принуждающей людей к их счастью.

1.4. Демократия в Америке

В конце XVIII в. благодаря образованию Соединенных Штатов Америки впервые отчетливо были определены и законодательно закреплены некоторые формальные механизмы, которые позже сыграли важную роль в утверждении (консолидации) современных вариантов демократии. Поначалу американские политики были склонны именовать свою систему смешанного представительного правления просто *республиканской*, т.е. системой правления, осуществляемого от имени всех граждан, а не определенных классов.

В 1795 г. великий немецкий философ **Иммануил Кант** (1724–1804) предложил различать понятия демократия и республика. По Канту, демократия, как и автократия (монархия) — это форма господства; республика — форма правления, т.е. распоряжения всей полнотой государственной власти, а альтернатива ей — деспотия. Значит, Кант именовал республикой примерно то, что мы сейчас называем правовым государством либо опять-таки демократией.

Интерпретация

После Конституционного конвента в Филадельфии (1787) **Бенджамин Франклин** спросили: «Какую форму правления Вы нам приготовили?» «Республику, — ответил он, — если вы сможете сохранить ее». Неприятие концепции демократии на раннем этапе истории США было связано с ее классовым пониманием — как власти подавляющего большинства населения, состоящего из низших классов. Такой подход согласовывался с античным видением демократии как власти демоса — простого народа. В США страх перед эксцессами якобинства заставил федералистов отмежеваться от понятия демократии.

Под республиканской формой правления в Соединенных Штатах понимается размеренное и спокойное развитие общества. Это общественное устройство представляет собой хорошо отрегулированный механизм, поистине созданный по воле просвещенного народа. Эта форма правления стремится к примирению противоречий, принимаемые ей решения долго обдумываются, неторопливо обсуждаются и мудро выполняются... Республикой называют мирное господство большинства. После того как большинство осознало свое существование и свою силу, все власти получают свои полномочия от него. Но и само большинство не всемогуще. Над ним возвышаются моральные принципы, такие как человечность, справедливость, разум и признанные обществом политические права людей.

А. де Токвиль, «О демократии в Америке»

Алексис де ТОКВИЛЬ (1805, Париж — 1859, Канны) — французский политический мыслитель, историк, социолог, публицист и государственный деятель; один из теоретиков демократии.

Токвиль (Tocqueville), **Алексис де** (1805, Париж — 1859, Канны) — французский политический мыслитель, историк, социолог, публицист и государственный деятель; один из теоретиков демократии.

Автор работ, среди которых: «О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции» (1833, соавт. Г. де Бомон); «О демократии в Америке» (1835–1845); «Старый порядок и революция» (1856). В 1860–1866 был издан девятитомник его сочинений под редакцией де Бомона, а в 1893 — «Воспоминания» и переписка. В конце XIX — начале XX вв. о политико-философском наследии Токвиля почти полностью забыли, но по мере нарастания угрозы тоталитарных тенденций интерес к этому мыслителю возрождался: в нем увидели глубокого и оригинального идеолога демократии, авторитетно оппонировавшего фашизму, и коммунизму, вообще любым проявлениям тоталитаризма. Его труды стали заново издавать и переводить, появилось немало биографических и др. исследований. В России после изданий начала века работы Токвиля были запрещены и вышли заново в свет лишь в 1990-х гг.

Вклад в развитие политической мысли Токвиля многогранен, но особо выделяются суждения по общеметодологическим проблемам со-

циальных наук, о либерализме и консерватизме, идеи о революции и концепция демократии.

Сочинения Токвиля — своего рода образец социологического подхода к изучению общественных явлений, основанного на принципах историзма (школа Гизо) и детерминизма (влияние Монтескьё), что позволило причислить его к классикам политической социологии. Идеи мыслителя ощутимо повлияли на Вебера, Мангейма и др., а его работы до сих пор остаются примером комплексного теоретико-социологического исследования общества.

В смысле политических пристрастий, т.е. отношения к либерализму и консерватизму, во Франции и Англии Токвиля ассоциировали с либерализмом. Однако политико-философское содержание его трудов сложнее и выходит за противопоставление либерал — консерватор. Токвиль критически и во многом с позиций английского консерватора Бёрка судил о Французской революции, отмечая разрушительную для общества роль французских рационалистов-просветителей, подготовивших ее: они создали иллюзию легкого пути социальных преобразований в соответствии с их личными представлениями о естественном праве, отрицавшими «многосложные и традиционные обычаи», и призывали к полному упразднению гражданских законов (т.е. на деле самой политической системы), отмене религиозных установлений как препятствия свободному рациональному разуму. Дореволюционная французская политическая мысль, таким образом, упрощала действительность и призывала построить притягательную утопию. Осуществление их проекта привело к тому, что «человеческий ум совершенно потерял под собою почву: он не знал, чего держаться и где остановиться», а власть захватила «раса революционеров невиданного типа, которые ... не знали сомнений и никогда не колебались какого бы то ни было намерения» (*«Старый порядок и революция»*). Поэтому Революция 1789 г. и все последующие события, по мнению Токвиля — серия драматических явлений, основанных на пренебрежении всяким авторитетом, на узком индивидуализме, на утрате традиционных связей, а это готовило новые бедствия: «Я вижу, что мы уничтожили личности, которые могли, каждая в отдельности, бороться с тиранией; но я вижу, что государство одно наследует все прерогативы, отнятые у семейных союзов, корпораций и отдельных лиц: таким образом, сила небольшого числа граждан, имевшая иногда притеснительный, но часто охранительный характер, заменилась слабостью всех. Раздробление имуществ уменьшило расстояние, отделявшее бедного от богатого; но сделавшись ближе друг к другу, они как будто нашли новые основания для взаимной ненависти и, бросая один на другого взгляды, полные страха и зависти, отталкивают друг друга от власти: для одного, как и для другого, не существует понятия о праве, и сила представляется им обоим как единственное основание для настоящего положения и единственная гарантия для будущего» (*«О демократии в Америке»*).

Изучая уже в зрелом возрасте английскую историю, Токвиль пришел к выводу, что гораздо большего можно добиться постепенным улучшением естественно сложившихся и проверенных временем институтов, как сделала Англия в XVII в., чем их заново выстраивать после револю-

ционного разрушения всего и вся, как во Франции в XVIII. Мнение Токвиля о высокой общественной цене революционаризма подтвердил трагический опыт российских революций. Верным оказалось еще одно наблюдение мыслителя: революции происходят не тогда, когда тирания в высшей мере жестока, а в ситуации очевидного ее смягчения.

Токвиль представлял историческое развитие как замену аристократического (феодального) типа правления демократией: «Вокруг нас происходит великая демократическая революция... Это самая общая, самая древняя и самая постоянная тенденция истории... Она универсальна, она долговременная, ...и все события, также как и люди, вносят свой вклад в ее прогресс». Этот революционный по форме процесс обретает не только экстенсивный (т.е. охватывающий многие страны мира), но и качественный характер, преобразуя жизнь общества и выражаясь в индивидуализме, ослаблении власти авторитетов, разрушении барьеров между социальными слоями, приватизации частной жизни, ослаблении ответственности перед обществом и т.д. Несмотря на усилия революционеров, все равно социум сохранит преемственность, даже в негативном смысле.

Токвиль отмечал, что по мере демократизации революции происходят реже, поскольку усиливается индивидуализм и почти исчезают «великие идеи». Вместе с тем, все больше полномочий захватывает себе «огромная социальная безличная» власть в виде централизованного Государства, оставляя людям все меньше свободы. Его описание Токвилем удивительно совпадает с практикой государства всеобщего благосостояния (англ. welfare state) в XX в. Рост централизации и бюрократизации ведет к тому, что государство избавляет людей «от обязанности думать», т.е. возникает новая тирания чиновников («тирания посредственности»), существование которой подвластные, становящиеся безликой однородной «массой», даже не будут ощущать. Новое демократическое общество, по Токвилю, будет лишено традиционных классовых и сословных различий, но не в социалистическом духе, поскольку неравенство основано на естественных различиях между людьми.

Итак, распространение демократии порождает немало проблем, среди которых вероятность возникновения новой тирании — «демократического деспотизма» («подчиняет право каждого воле всех»). Ему, по мнению Токвиля, нужно противопоставить высокое самосознание членов демократического общества, возможность свободно объединяться в союзы, развитие местного самоуправления, федерализма и добровольных ассоциаций (по сути это формула современного гражданского общества), распространение религиозной этики как противовеса этакистскому (державному) культу, принцип ответственности чиновников.

Лишь в первой половине XIX в. слова демократия и демократ постепенно возвращались в политический словарь, как раз когда система правления США начала отвечать критериям современной демократии: по одним оценкам, этот уровень был достигнут в 1828 г., по другим — через 20 лет, по третьим — только после гражданской войны 1861–1865 гг.

Под демократией понимается правление, при котором законодательная власть осуществляется непосредственно всеми гражданами, как в прежние времена в Афинах и в Риме. В нашей стране эта власть находится в руках не народа, а его представителей. Власть народа, по существу, ограничена непосредственным использованием права голоса. Отсюда ясное различие между формой правления у нас и в древних демократиях. Наша форма правления получила название республики или, скорее, представительной республики. Поэтому и слово «демократ» используется как синоним французского якобинца. ...Под республиканцами же мы понимаем друзей нашего представительного правления, которые полагают, что в государстве недопустимо никакое воздействие, которое не было бы санкционировано конституцией и законами.

Н. Уэбстер, «Третье письмо Дж. Пристли от 20 января 1800 г.»

Перед лицом этих благородно погибших мы принимаем еще большую преданность делу, за которое они отдали свою последнюю и полную меру преданности. Мы здесь торжественно клянемся, что погибшие не отдали свои жизни напрасно, что наша нация, Господом благословенная, обретет возрождение свободы, что правление народа, определяемое народом, для народа никогда не исчезнет с лица земли.

А. Линкольн, «Геттисбургская траурная речь»

Не везде, однако, обстоятельства складывались столь благоприятно, что позволяли неторопливо, зато верно дополнять суверенизацию и конституционализацию демократизацией. В континентальной Европе абсолютизм и полицейский стиль управления обществом вели к деформации модернизационных процессов. Роль государства была преувеличена, в возникающих ассоциациях гражданского общества правители не видели серьезных партнеров, так что даже там, где провозглашали «правовое государство», верховенство права зиждилось не на конституции, а на разуме, воплощенном просвещенным монархом. Неудивительно, что самоутверждение гражданского общества принимало здесь крайние формы всеобщей уравнительности (эгалитаризма), а демократия преимущественно трактовалась в духе всенародности. В конечном счете это привело к революционному перевороту, последствия которого будоражили Европу до середины XIX в., не столько содействуя созданию демократических институтов, сколько просто расчищая политичес-

кое пространство. Вместе с тем, Великая Французская революция (1789–1794) дала все-таки определенный импульс процессам политизации и демократизации на европейском континенте.

2. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

2.1. Демократия для защиты — охранительная демократия

Прошли столетия, но содержание понятия демократия не приобрело какого-либо единого, устраивающего абсолютно всех толкования. Большинство живущих в демократических странах в принципе согласно с тем, что главные позиции в демократии занимают право и идея справедливости как высшей степени совместимости различных интересов. Основной критерий справедливости — максимум свободы для возможно большего числа индивидов. Цель демократии — достижение предельного разнообразия (плюрализма), привлечение наивысшего количества людей к социальной жизни и распределению общественного продукта. Демократии не может быть без согласия большинства с главными принципами устройства данного общества, но нет демократии и без конфликта интересов. Наконец, общие принципы демократии — конституционализм, легитимность, свободные выборы управителей, мажоритарность (правление большинства) и уважение к оппозиции, конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод. Все эти положения будут разобраны ниже.

Однако разные концепции демократии до сих пор спорят между собой о том, что есть народ и как он осуществляет свое право на власть? Можно ли ставить знак равенства между народом и нацией? Каковы оптимальные для демократии формы правления, пределы допустимого протеста либо использования насилия? Способна ли при демократии прийти к власти политическая сила, уничтожающая сам демократический режим?

В попытках найти достоверные ответы выдвигались различные, часто взаимоисключающие, интерпретации демократии как таковой. Есть либеральные, консервативные, популистские, коммунистические и анархистские трактовки демократии; немалой популярностью пользуются плюралистические и элитарные концепции, идеи прямой и представительной демократии, модели охранитель-

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА — права и свободы, присущие человеку от рождения, т.е. данные природой, проистекающие из ее основных законов. Будучи «досоциальными», эти права первичны по отношению ко всем нормам, установлениям общества и государства; они неотъемлемы, действуют везде и на протяжении всей истории. Либеральная концепция естественных прав, разрабатывавшаяся Локком, Монтескье и др., была зафиксирована в американской Декларации независимости 1776 г., провозгласившей такие естественные права человека, как право на жизнь, свободу, стремление к счастью, «самоочевидными истинами», для обеспечения которых «учреждаются правительства», и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., назвавшей основами естественных прав свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

ной, развивающей, партиципаторной демократии (или демократии прямого участия). К концу XX в. заметно снизилось внимание к идеологическим конструкциям вроде «демократии советов», пролетарской (буржуазной, мелкобуржуазной и т.п.) и «народной» демократии; напротив, возрос интерес к различным националистическим и «цивилизационным» версиям демократии. Собственно, именно поэтому тема демократии является чуть ли не отдельной субдисциплиной политологии, потому предлагаются к анализу лишь основные из моделей.

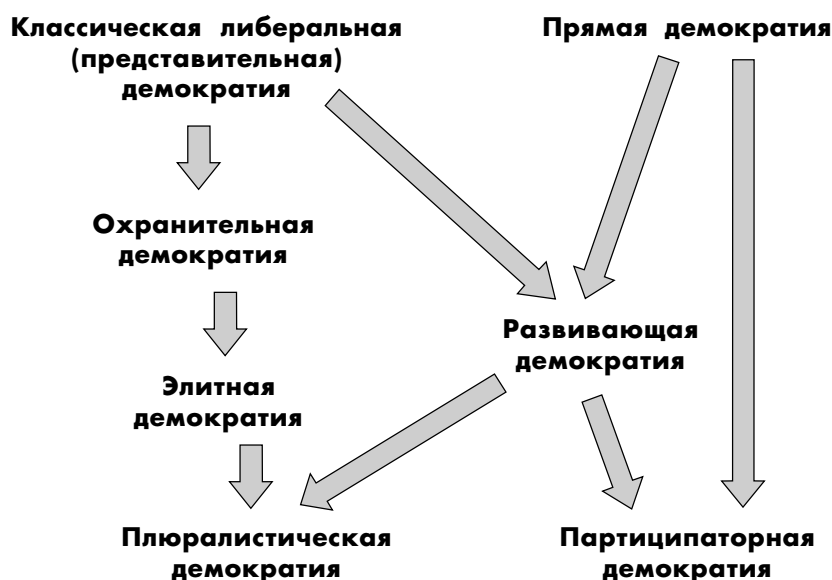
«Сосредоточение всей власти — законодательной, исполнительной и судебной — в одних руках, независимо от того, предоставлена ли она одному лицу или многим, по наследству, назначению или избранию, можно по праву определить словом «тирания».

Дж. Мэдисон, «Федералист» № 47

Все ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная — сходятся в законодательном органе. Сосредоточение их в одних и тех же руках как раз и определяет деспотическое правление. Ничуть не будет легче, если вся эта власть находится в руках многих, а не одного, 173 деспота, несомненно, будут угнетать так же, как и один.

Т. Джефферсон, «Заметки о штате Виргиния»

Модели демократии

Классический либерализм рассматривает демократию не столько как порядок, позволяющий гражданам участвовать в политической жизни, сколько как механизм, защищающий их от произвола властей и незаконных действий других людей. Идея развивалась *Томасом Гоббсом*, который признавал, что суверенитет принадлежит гражданам, но они делегируют его избранным представителям, так как только сильное государство в состоянии защитить своих граждан. С ним позже согласился *Джеймс Мэдисон*, утверждавший, что цель демократического правительства — защитить общественное благо и личные права. *Джон Локк* и *Шарль Луи Монтескьё* писали о необходимости конституционных ограничителей власти, выражавшихся прежде всего в разделении полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей («власть останавливает власть», утверждал французский мыслитель).

Интерпретация

Локка нельзя назвать демократом в современном понимании. Он считал, что лишь собственники обладают **естественными правами** (правами и свободами, присущими так называемому естественному состоянию), поэтому только они должны иметь право голоса. Если правительство с помощью налогообложения обладает властью экспроприации собственности, граждане могут защитить себя, контролируя законодательный орган, утверждающий налоговое законодательство.

Над концепцией охранительной демократии много работали **утилитаристы** *Иеремия Бентам* (1748–1832) и *Джеймс Милль* (1773–1836), которые тоже исходили из идеи защиты индивидуальных интересов с помощью обеспечения всеобщего права голоса. Согласие подчиняться выражается в процессе голосования на выборах. Это, в свою очередь, обеспечивает ответственность управителей перед избирателями, которая достигается через такие механизмы, как тайное голосование, регулярные выборы, конкуренция на выборах, правление большинства, дающие гражданам возможность выбирать себе власть имущих и контролировать ее решения.

Охранительная модель — это система конституционной демократии, действующей в рамках формальных и неформальных правил, ограничивающих власть государства. Такой подход гарантирует политические и гражданские свободы (слова, ассоциаций, голоса и т.д.), а также равенство всех перед законом. Однако политическое равенство понимается просто технически и означает только равное для каждого право голоса, что и защищает личную свободу,

УТИЛИТАРИЗМ (лат. *utilitas* — польза) — этическая и политическая теория, разработанная Бентамом и Миллем, дополненная сыном последнего Дж.Ст. Миллем. В этой теории основной критерий справедливости и нравственности — полезность, понимание которой заимствовано утилитаристами у Адама Смита (1723–1790). Утилитаризм как воплощение практического либерализма ближе всего к адекватному пониманию реального процесса демократического управления (например, модель современного государства всеобщего благосостояния является сугубо утилитаристской).

Исходя из того, что максимизация удовольствия (счастья, блага) и минимизация страдания (боли, порока, наказания) — главные мотивы любых поступков, Бентам считал моральное суждение суждением о счастье, предположив возможность математического установления нравственности как баланса удовольствий и страданий, полученных в результате поступка. Милль-младший дополнил тезис Бентама положением о качественной оценке удовольствий (более высокое качество умственных) и приоритет свободы среди удовольствий. Изучая британскую политику и законы, Бентам пришел к выводу, что лучшим правительством будет то, которое следует принципу «максимум счастья для наибольшего числа людей» ➡

➤ (англ. the greatest good for the greatest number). Благо в масштабах всего общества определяется совокупным расчетом индивидуальных страданий и удовольствий. Эта процедура требует *всеобщего голосования* (и всеобщего избирательного права при выборах законодателей), *свободы самовыражения*. Бен-там также много занимался вопросами создания системы мер, гарантирующей ответственность властей. Используя принципы утилитаризма, Милль-старший пришел к заключению, что представительная демократия, основанная на всеобщем избирательном праве, является необходимым элементом «хорошей» системы правления, чем существенно способствовал избирательной реформе в Великобритании. Его сын, разделяя в принципе политические идеи утилитаристов, обращал внимание на опасность «тирании большинства» с последующим ухудшением качества политики и считал, что обычным гражданам лучше обратить внимание на дела местного самоуправления.

которая обеспечивается строгим разделением властей и сохранением основных прав. Охранительная демократия предоставляет гражданам солидные возможности для выбора их образа жизни при полной ответственности за свой выбор, что подразумевает невмешательство властей во многие сферы жизни общества и полное отделение государства от гражданского общества.

Теоретики данной модели считали, что демократия не может быть прямой, а должна работать через представительную ассамблею. Они стремились ограничить власть большинства, ибо видели слишком много недостатков в «чистой» (т.е. прямой) демократии.

Ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании. А кончат они... тем, что перестанут считаться даже с законами — писанными или неписанными, — чтобы вообще уже ни у кого и ни в чем не было над ними власти... Именно из этого правления... и вырастает, как мне кажется, тирания.

Платон, «Государство»

«Чистая» демократия способна привести к «тирании большинства», при которой индивидуальные свободы и права меньшинства могут быть нарушены от имени народа. Гораздо позднее возможность большинства решить, что должен править тиран и как именно, *Карл Поннер* назвал «парадоксом мажоритарного правления».

Подобные опасения разделяли и теоретики **представительной демократии**. *Мэдисон* считал, что большинство слишком необразованно, чтобы управлять, чересчур подвержено влиянию демагогии популистов и непременно будет ущемлять интересы меньшинства, а «чистая» демократия может выродиться в правление толпы.

МЭДИСОН (Madison), **Джеймс** (1751, Порт Конвэй — 1836, Монпелье, США) — политический философ, сторонник либерального республиканства, существенно повлиявший на развитие американской политической мысли и формирование политических институтов США; государственный деятель, один из отцов-основателей (англ. founding father) и четвертый президент США (1809–1817).

Статьи, выступления и переписка Мэдисона, где изложены его политические взгляды, объединены в изданиях: «Журнал дебатов конституционной конвенции, написанный Джеймсом Мэдисоном» (ред. Г. Хант, 1908); «Работы Джеймса Мэдисона» (ред. Г. Хант, 1900–1910); «Бумаги Джеймса Мэдисона» (ред. У. Хатчинсон и др., 1962–1991).

Вклад в развитие политической мысли. Политические идеи Мэдисона способствовали теоретизации проблем, связанных с демократичес-

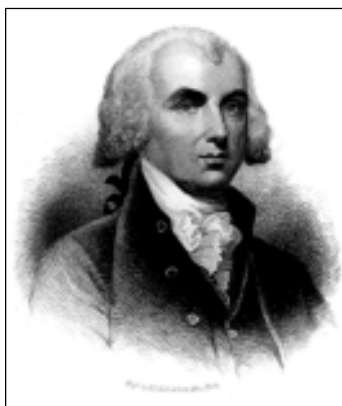

ким правлением, разделением властей и федерализмом, а его участие в разработке и принятии Конституции и дополнений к ней (первые 10 поправок, или Билль о правах, во время обсуждения которых этот политик уделил особое внимание истолкованию свобод вероисповедания и слова) во многом определило специфику американских политических институтов и демократических процедур.

Классикой американской политической мысли стал проект «Федералист», предпринятый Мэдисоном, Александром Гамильтоном и Джоном Джеймсом (они взяли себе псевдоним «Публий»), который был призван убедить граждан штата Нью-Йорк ратифицировать Конституцию. «Федералист» — это сборник из 85 статей (29 принадлежат перу Мэдисона), публиковавшихся в четырех нью-йоркских газетах в 1787–1788. Анализируя в десятой статье «Федералиста» причины гибели «народных правительств», или «чистой» демократии (среди которых — «разгул крамольных сообществ», т.е. засилье групп интересов, соперничество партий и т.п.), Мэдисон пришел к выводу, что их предпосылки заложены в природе человека, в изначальном различии интересов, «способностей и дарований», собственности. Поскольку такие различия нельзя ликвидировать (ведь это повлечет самое страшное — потерю свободы), то нужно найти средства, «умеряющие воздействие крамолы», защищающие права и свободы меньшинства от тирании большинства или, наоборот, защищающие большинство от притеснений со стороны меньшинства. Главное средство от подобных «недугов» — *республика* как «правительство, составленное согласно представительной системе», сохраняющее «дух и форму народного правления». У республики два отличия от «чистой» демократии: 1) управление республикой осуществляется небольшим числом выборных представителей, способных более профессионально и менее предвзято выразить интересы своих избирателей; 2) такая республика должна отличаться большим, по сравнению с классическими «маленькими республиками», размером территории и, соответственно, большим числом граждан. Это дает избирателям возможность выбирать представителей из широкого круга достойных претендентов, а волеизъявление, по мнению Мэдисона, будет более свободным, поскольку кандидатам станет сложнее добиваться избрания обманом. Во избежание чрезмерной зависимости представителя от избирателей (при выборах слишком малым количеством граждан) или его неосведомленности об интересах людей (при чересчур громоздком электоральном корпусе) в федеральной конституции следует предусмотреть разделение полномочий между «всенародными законодателями» (интересы общенационального значения) и законодателями штатов (интересы «местные и частные»). Наконец, главное преимущество «большой» республики — в разнобразии интересов, суждений и выражающих их групп, что делает «менее опасным хитросплетение крамольных сообществ», иначе говоря, предотвращает объединение групп интересов и «партий» (фракций), узурпацию ими власти (тирания большинства) в ущерб интересам меньшинства. Союз штатов (федерация) лучше застрахован от того, что какая-то группа, выражающая местные интересы, захватит власть общенационального уровня, так как многие субъекты федерации вместе воспрепятствуют этому. Тезис Мэдисона о

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ — система, при которой парламент считается центром всего политического процесса. Парламент представляет собой главное основание политической власти и единственное выражение всеобщего избирательного права. По итогам свободных и соревновательных выборов граждане направляют (делегируют) в это высокое собрание своих *представителей*, которые в течение конкретного срока должны выражать требования и интересы определенных групп избирателей.

Джеймс МЭДИСОН (1751, Порт Конвэй — 1836, Монпелье, США) — политический философ, сторонник либерального республиканизма, существенно повлиявший на развитие американской политической мысли и формирование политических институтов США; государственный деятель, один из отцов-основателей и четвертый президент США (1809–1817).

«большой» республике как важной предпосылке демократического правления расходился с мнением Монтескьё, пользовавшимся авторитетом у просвещенных американцев, о том, что республиканское правление возможно только в небольших государствах. История США подтвердила правоту Мэдисона.

Центральную проблему политики Мэдисон видел в обеспечении эффективности государственного управления в общенациональных масштабах при создании условий, гарантирующих ответственность правительства («Главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми, а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой»; «Федералист» № 51). Этих целей можно добиться, создав такой порядок организации власти, при котором личным интересам одних людей надо позволить ограничивать личные интересы других («Честолюбию должно противостоять честолюбие»). Мэдисон утверждал, что личные интересы, которые обычно ведут к фракционности («крамоле») и тирании, способны, при соответствующем порядке организации власти и его закреплении в Конституции, служить источником единства нации и гарантией свободы, дав возможность осуществить республиканский проект даже при «отсутствии добродетели», «недостатке лучших побуждений» у граждан. Общий принцип «игры на противоположных и соперничающих интересах» нужно дополнить распределением должностей в правительстве между большим числом людей, чтобы каждый из них имел «необходимые средства и личные мотивы для противостояния покушениям на свои права со стороны других». Несовершенная природа человека (которая много раз служила оправданием тиранических режимов, всячески ограничивавших свободу, или, наоборот, разрушала утопические попытки построения справедливого общества) в концепции Мэдисона и его соавторов по «Федералисту» была необходимым условием и движущей силой системы разделения властей, доказавшей в дальнейшем свою результативность на практике. Целям распределения власти и поддержания единства нации служит также принцип *федерализма*. (Отношение Мэдисона к нему впоследствии несколько изменилось, что можно объяснить как усилением и ростом федерального правительства, так и сложностью этой проблемы.) Фактически распределение полномочий между штатами и национальным правительством создает еще один уровень в системе разделения и уравнивания властей, что важно для страны с многочисленным населением, где велик разброс мнений и интересов. Тем самым федерализм понимается как еще одна гарантия свободы.

Идеи Мэдисона о разделении полномочий нашли удачное развитие в американской системе сдержек и противовесов, основанной на предложенных им принципах частичного пересечения компетенций властей и их взаимного контроля. Принимая классическое разграничение власти на законодательную, исполнительную и судебную, Мэдисон выступил за деление общенациональной законодательной власти на две палаты, усматривая в палате представителей необходимый демократический элемент конституционного механизма, способный противостоять любым привилегиям и попыткам ограничения свободы.

Под крамолой, или крамольным сообществом, я разумею некое число граждан — независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, — которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества. ...Можно заключить, что чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой. Общее увлечение или интерес почти во всех случаях будут владеть большинством, а поскольку широковещательность и единомыслие обуславливаются формой правления, нет ничего, что помешало бы расправиться со слабой стороной или каким-нибудь неугодным лицом. Вот почему демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью.

Дж. Мэдисон, «Федералист» № 10

Механизмы охранительной демократии как раз и способствуют защите демократии от вероятности тирании большинства. Принцип разделения властей не позволяет большинству захватить все ветви власти, а двухпалатность (бикамерализм) парламента помогает не допустить концентрации власти большинства в законодательном органе и в случае контроля большинством одной из палат (Мэдисон считал, что скорее всего это может произойти в палате представителей) противостоять ему.

2.2. Демократия для саморазвития — развивающая демократия

Теоретики данного направления классической либеральной теории демократии считали, что политическое участие нужно не только ради защиты индивидуальных интересов, а в первую очередь для саморазвития свободных информированных граждан, приверженных идеалам демократии, для их совершенствования. Так как вовлеченность граждан в политику (участие в работе отдельных ветвей власти, общественных дебатах и т.д.) важна для гармоничного развития потенциала каждого человека, государство должно предоставить ему личные права и свободы.

Эта модель в основном была разработана *Руссо*, для которого демократия была средством достижения свободы индивидов или

Жан Жак РУССО (1712, Женева — 1778, Эрменонвиль) — французский философ-просветитель, писатель, политический мыслитель, теоретик педагогики и искусства.

личной автономии. Но свобода означала подчинение **общей воле**. Руссо верил, что общая воля представляет собой истинную волю каждого гражданина, причем подчиняясь общей воле (а не правителям), человек тем самым покоряется своей подлинной природе, значит, остается таким же свободным, как и раньше. Поэтому народный суверенитет неотчуждаем.

Руссо отрицал представительное народовластие в пользу прямого и выступал за использование ряда элементов классической афинской демократии. Его идеи в дальнейшем были восприняты партиципаторной теорией демократии.

РУССО (Rousseau), **Жан Жак** (1712, Женева — 1778, Эрменонвиль) — французский философ-просветитель, писатель, теоретик педагогики и искусства, политический мыслитель.

Автор сочинений, среди которых выделяются: «Рассуждение о науках и искусствах» (1750); «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755); «Письмо к Д'Аламберу о зрелищах» (1758); «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Основы социально-политической доктрины Руссо — особая концепция *общественного договора*, значимо повлиявшая на европейскую политическую теорию и практику; нетрадиционная для Просвещения пессимистическая трактовка общественного прогресса; и наоборот, оптимистическое понимание человека как такового.

По Руссо, общественный прогресс (цивилизация) поработил и погубил человечество, развратил души людей. Напротив, естественное (первобытное) состояние человека как «существа необщественного» по своей изначальной природе — это состояние счастья, безмятежного детства. Руссо, используя идею Гоббса о «естественном состоянии» человека, дает ей противоположную интерпретацию: в природном состоянии человек был абсолютно одинок, но зато здоров, счастлив, свободен и добродетелен. Пороки у человека развиваются с прогрессом разума после образования общества, первые признаки которого — жилища, семьи и ассоциации соседей. Это протообщество Руссо называет золотым веком человечества, продлившимся недолго в силу неизбежно скорого зарождения неравенства, которое увеличивается по мере развития разума, утверждения собственности на землю. Неравенство у философа впрямую связано с собственностью, т.е. понимается прежде всего как имущественное неравенство. С его появлением Руссо связывает также возникновение *гражданского общества*. Имущественное неравенство далее перерастает в политическое (безвозвратную потерю свободы, принудительный труд и нищету) путем закрепления прав собственности в законах и учреждении публичной власти; и только тогда, т.е. в результате развития человеческого разума и общества, а не в итоге «войны всех против всех» (Гоббс), наряду с гражданским об-

ществом складывается государство. Деспотизм — это предел развития в государстве политического неравенства. В деспотии оно перерождается в равенство в бесправии перед деспотом, когда не остается ни законов, ни правителей, а народ впадает в новое естественное состояние, обусловленное всевластием силы и представляющее собой результат крайнего разложения человеческого рода.

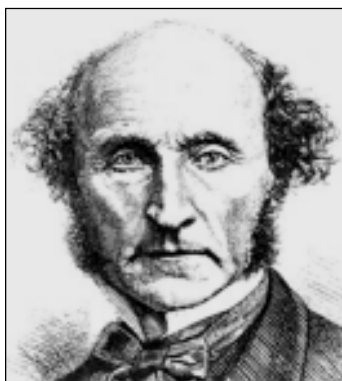
Гражданское общество в концепции Руссо нужно для осуществления двух основных задач — поддержания гражданского мира и обеспечения прав собственности; так оно по-своему служит всем гражданам, но больше всего полезно для собственников, потому и является своего рода «неправильным» общественным договором (точнее, имитацией «настоящего» социального контракта, фр. *contrat social*), основанном на обмане и никого полностью не удовлетворяющим. В сочинении «*Об общественном договоре*» Руссо пытается наметить способ нового обретения человеком свободы (*разумной* свободы как свободы «подчиняться только самому себе» или закону, самостоятельно себе назначенному). Этот способ — заключение нового, подлинного общественного договора между *всеми равными гражданами* (а не между гражданами и правителями, по мнению идеологов либерализма). Его цель — создание такого социального устройства, где «каждый... отдаст свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого». То есть всякий индивид должен отказаться от ранее принадлежавших ему «мнимых» прав, обеспечиваемых только личной силой, в пользу сообщества, чтобы получить от него легитимные гражданские права и свободы, гарантированно защищенные совокупной мощью всего сообщества.

В результате подлинного общественного договора образуется ассоциация равных и свободных индивидов, республика по форме правления. Руссо уподобляет эту ассоциацию искусственному организму, наделенному общей волей, которая представляет собой не суммарное волеизъявление всех индивидов, а добровольное отчуждение «мнимых» прав и свобод, способствующее избавлению граждан от конфликтных интересов, приобретению взамен гражданских прав и свобод, наилучше отражающих интересы и цели всей ассоциации и любого ее члена. Отныне интересы человека, неотделимого от ассоциации, продиктованы общей волей, тем самым он обладает равными с другими правами. Отсюда — особый характер законодательства, соответствующего интересам всех и каждого, поскольку является выражением общей воли и одновременно «внутренним законом» любого индивида. Руссо утверждает, что общество может силой заставить человека быть свободным, т.е. снова услышать общую волю, если он поддается страстям до такой степени, что нарушает законы. Этот тезис позволил некоторым критикам, например, Попперу, утверждать, что Руссо был основоположником идеи тоталитаризма.

Общественный договор определяет и характер власти: государство (республика) основано на принципах *свободы, уравнительного равенства и народного суверенитета* (прямого народовластия), который не-

ОБЩАЯ ВОЛЯ (фр. *volonté générale*, англ. *general will*) — у Руссо это мистический атрибут человеческого объединения, основанного на «подлинном» общественном договоре (социальном контракте); результат отказа людей от «мнимых» прав, свобод, индивидуальных (эгоистических) интересов и суждений в пользу блага единого целого, т.е. всего сообщества. Общая воля в форме прямого волеизъявления предпочтений граждан, направленных на достижение блага всего народа, является источником любых законов.

Джон Стюарт МИЛЛЬ
(1806, Лондон – 1873, Авиньон,
Франция) — английский эконо-
мист, философ; теоретик
либерализма, политический
деятель.

отчуждаем, неразделим (потому Руссо критикует идею разделения властей) и не может быть представлен никем, кроме самого народа. В этом Руссо резко расходится с классической либеральной теорией представительной демократии, полагая, что «народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа», т.е. только весь народ — носитель власти, а значит, лишь в своей полноте он может законодательствовать и властвовать вообще. Этот тезис обусловлен также статусом общей воли как критерия справедливости, что особо подчеркивает мыслитель, поскольку политика обязательно должна быть моральной и добродетельной. Но для Руссо было очевидно: хотя общая воля моральна, в ней не всегда преобладает интеллект (здесь он согласен с Платоном), потому иногда может потребоваться гениальный законодатель наподобие греческого Солона.

Еще один сторонник развивающейся демократии — *Джон Стюарт Милль* — полагал, что, участвуя в общественной жизни, граждане начинают лучше понимать политические процессы и достигают высокого уровня развития личности. Демократия для него была важна прежде всего своей образовательной ролью. Поэтому Милль призывал распространить политическое участие на всех грамотных граждан, включая женщин.

Обратите внимание

Милль отрицал идею политического равенства, ибо не верил, что все политические взгляды одинаково ценны. Он даже предложил систему «множества голосов»: у неквалифицированных рабочих — один голос, у квалифицированных — два, у выпускников университета — пять.

МИЛЛЬ (Mill), **Джон Стюарт** (1806, Лондон — 1873, Авиньон) — английский экономист, философ, теоретик либерализма, политический деятель.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Система рассудочной и индуктивной логики» (1843); «Принципы политической экономии» (1848); «О свободе» (1859; совместно с женой Г. Тейлор); «Соображения о представительном правлении» (1861); «Утилитаризм» (1863); «Огюст Конт и позитивизм» (1865); «Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона» (1865); «Подчиненность женщин» (1861, опублик. в 1869; входит в число классических работ, отстаивавших политические права женщин); «О религии» (1874) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Значение Милля для социальных наук определяется его участием в становлении социологии как научной дисциплины, в т.ч. путем пропаганды научных идей О. Конта в Великобритании (но в его социально-политической доктрине Милль видел апологию деспотизма, поскольку общество у Конта ста-

вит индивида в подчиненное положение), и разработкой логики и методологии социологического исследования. Однако среди наук о человеке Милль на первое место ставил позволяющую постичь человеческую натуру психологию, законы которой универсальны, в то время как законы социологии объясняют человеку в обществе «коллективные действия и ... феномены, составляющие социальную жизнь». Работы Милля наряду с трудами Токвиля явились важной философской основой современного либерализма, оказали значительное влияние на развитие демократической теории, став серьезной альтернативой элитарным концепциям демократии.

Во всех своих произведениях Милль выступает последовательным защитником свободы, которая понимается в качестве свободы мысли, слова и собраний, самостоятельности при выборе стиля жизни и т.п. Концепция свободы у Милля представлена не только политической свободой, т.е. конституционными гарантиями против тирании правителя, но и защитой индивидуальности от всевластия (тирании) большинства, которое видится основной угрозой свободе в демократических государствах, защитой от господствующего в обществе мнения как «нравственного насилия». Общественное мнение в качестве инструмента власти большинства следует ограничить только сферой взаимоотношений индивида и общества и использовать его в тех случаях, когда действия (или отсутствие таковых) индивида наносят ущерб другим; во всех вопросах, касающихся самого индивида, вмешательство общественного мнения недопустимо. Непозволительно также одному человеку навязывать свои мнения и чувства другому.

В работах *«О свободе»*, *«Соображения о представительном правлении»* и *«Утилитаризм»* Милль высказывался относительно важности учета культурных особенностей и исторического опыта для понимания общественных явлений: политические и социальные реформы, ведущие к демократии, уже не рассматриваются им в качестве универсального средства избавления от несправедливости, поскольку они зависят от местных условий и наряду с их пользой надо учитывать и возможные недостатки, такие как неограниченная власть большинства, ведущая к распространению конформизма (вне зависимости от того, востребован ли он традицией или волей большинства) и посредственности.

Гарантией против деспотизма и посредственности является представительное правление, которое исполняет утилитарную и образовательную роль. Наличие у народа власти предполагает ответственность и выступает показателем его гражданской зрелости, способствует развитию и защищает интересы людей. Избирательная система должна быть устроена таким образом, чтобы обеспечить представительство всех мнений, в т.ч. отличающихся от взглядов большинства, для чего следует ввести принцип пропорционального представительства. Более образованные люди должны получить привилегированные права в выражении своих взглядов, что воспрепятствует распространению посредственности. Создаваемый на такой основе институт представительной власти должен не править, а всего лишь обсуждать политический курс и контролировать его исполнение. Проекты законов, передаваемых на рассмот-

рение выборным представителям, следует создавать в специальной комиссии из экспертов. Функции непосредственного управления нужно возложить на экспертов. Все эти меры позволили бы создать равновесие между народным суверенитетом и профессиональным управлением. По этой же причине Милль ратовал за развитие системы местного самоуправления, позволяющего более эффективно решать многие вопросы и совершенствовать политическую культуру граждан благодаря их вовлечению в общественные дела, а также за участие рабочих, являющихся совладельцами капитала, в управлении предприятиями.

Таким образом, в основе взглядов Милля — уверенность в том, что деятельность политических институтов должна быть направлена на улучшение природы человека и на общественный прогресс, чем она способствовала бы сохранению свободы и плюрализма.

Интерпретация

При изучении поведения граждан на выборах **Б. Берельсон** обнаружил, что эмпирические данные не соответствуют классической демократической теории (см. Лазарфельд П., Берельсон Б. *«Голосование»*, 1959). Он пришел к выводу, что «определенные требования, обычно принимаемые как необходимые для успешного функционирования демократии, не встречаются в поведении среднего гражданина». Согласно теории, демократически настроенный гражданин должен быть заинтересован в политике и участвовать в политических делах, но жители Эльмиры (город его исследований) в большинстве своем голосовали, но не проявляли интерес к политике. Западные режимы все-таки выжили, несмотря на такие «отклонения» от демократической теории. Очевиден парадокс — политическое поведение многих граждан не удовлетворяет требованиям демократии, о которых твердят ученые, но сама демократическая система отвечает им: «Индивиды могут не соответствовать стандартам, но целое будет жить и развиваться». Этот парадокс, по Берельсону, позволяет нам понять ошибки классиков и объясняет, почему не дала четкого представления о демократии их теория. В ней внимание концентрировалось на отдельных гражданах при игнорировании самой политической системы, которая если и рассматривалась, то лишь в качестве набора отдельных институтов. Классики демократии писали о гомогенности (в плане поведения и отношений) граждан в успешно отстроенной демократии. Исследования политолога продемонстрировали неоднородность общества, наличие в нем как проявляющих активное политическое участие, так и отчужденных от политики граждан. Отсюда и вывод Берельсона: ни максимальное участие, ни максимальная информированность, ни максимальная заинтересованность не являются условиями сохранения демократии.

2.3. Демократия для народа — марксистская демократия

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

В.И. Ленин, «Государство и революция»

Марксистская модель демократии отличается от либеральных тем, что рассматривает парламентскую демократию всего лишь как форму буржуазной, или капиталистической, демократии. Марксисты полагали, что свободное развитие всех достигается путем свободного развития каждого. Свободу же можно получить лишь после прекращения эксплуатации и установления полного политического и экономического равенства. Только оно способно обеспечить условия реализации потенциала человека по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Последователи **Карла Маркса** считали демократию идеалом социального равенства, полученного в результате общего владения собственностью. Они говорили о социальной, а не о политической демократии, которая для них была лишь «фасадом равенства». Маркс называл подлинной демократией безгосударственный строй, достигнутый в результате революционного свержения капитализма. По его мнению, после исчезновения классовых антагонизмов наступит коммунистическое общество, а пролетарское государство отомрет впоследствии само собой, что объясняется отсутствием необходимости в государстве, законах, политике, а следовательно, и в демократии.

Марксовы размышления о демократии были продолжены **Владимиром Ильичом Лениным**, чьим идеалом было «отмирание государства», а раз демократия — одна из «форм государства», это означало исчезновение демократии.

Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство, т.е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другою.

В.И. Ленин, «Государство и революция»

РЕФЕРЕНДУМ (лат. referendum — то, что должно быть сообщено) — инструмент прямой демократии, предполагающий вынесение органами государственной власти, избирателями (дополняется процедурой *инициативы*) или международной организацией (при передаче суверенитета) какого-либо принципиального вопроса (принятие конституции либо внесение изменений и дополнений в нее, согласование важных законов, введение новых налогов и т.п.) прямо на всенародное голосование. В ряде случаев (изменение конституции) проведение референдума обязательно по закону, т.е. не требует промежуточных процедур (например, выдвижения инициативы и сбора подписей). Может проводиться на любом уровне организации политики (от местного до общенационального). Обычно результаты референдума как высшего непосредственного выражения власти народа имеют высший правовой статус (исключение — так называемые консультативные референдумы).

Разновидность референдума — **плебисцит** (лат. plebiscitum — решение простого народа) предусматривает голосование в поддержку человека, уже находящегося у власти, либо за расширение его функций (за императорство Наполеона в 1804 г.; в поддержку продления президентства А. Лукашенко в Белоруссии и пр.). ➔

2.4. Демократия для всех — партиципаторная концепция

Для настоящей демократии требуется, чтобы все общество было под контролем активного населения.

П. Бахрах, «Теория демократического элитизма. Критика»

Сторонники концепции **партиципаторной демократии** (англ. participate — участвовать) — современные политологи **Кэрол Пейтман** (род. 1940; автор термина «демократия участия» и книги «Участие и демократическая теория», 1970), **Крофорд Макферсон** (1911–1987), **Джозеф Циммерман** (род. 1928), **Норберто Боббио** (род. 1909), **Питер Бахрах**, **Кэрл Гулд** и др. — по сути дела возвращаются к классическим идеалам демократии, предполагающим активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. Они считают важнейшим условием демократического участия и его распространения социальное равенство: принцип участия должен относиться и к негосударственным общественным институтам, где люди прямо выражают свою волю, в первую очередь к *трудовым коллективам*. Тем самым эти ученые во многом следуют идеям развивающей демократии, трактуя ее, в частности, как самоуправление граждан. Свобода, равное право на саморазвитие могут быть достигнуты только в партиципаторном обществе, которое совершенствует чувство политической эффективности и способствует проявлению заботы о коллективных требованиях. В таком обществе граждане хорошо информированы, заинтересованы в своей активной причастности к процессу управления (активистская концепция демократичности Макферсона, где он критикует пассивность и утилитаризм, присущие иным либеральным моделям демократии).

Интерпретация

Один из тезисов теории демократии **Джованни Сартори** (см. «Пересматривая теорию демократии», 1987) гласит: сегодняшние демократии должны опасаться не аристократии, как раньше, а «посредственности», которая может уничтожить своих лидеров и заменить их на недемократическую контрэлиту. Поэтому главная проблема для демократии — сохранение вертикальной структуры управления и лидерства. Ученый выдвигает аргументы в пользу мнения о том, что активное участие людей в политическом процессе способно привести прямо к тоталитаризму. Действительно, трансформация Веймарской

республики (1919–1933) в нацистский режим и установление послевоенных тоталитарных систем, основанных на массовом участии, позволили рассматривать политическое участие как таковое в качестве элемента тоталитаризма, а не демократии.

Граждане, согласно Сартори, неспособны действовать самолично, они реагируют на инициативы и политику конкурирующих элит. Люди могут активно интересоваться только теми делами, с которыми связан их индивидуальный опыт, или поддерживать идеи, сформулированные ими самими. Политики должны принимать этот факт, ибо любая попытка внести изменения может стать угрозой самому демократическому методу. К тому же всякое преобразование обернется насилием по отношению к апатичным и наказанием активного меньшинства, что неприемлемо для демократии.

Необходимость политической активности большинства граждан в партиципаторной модели объясняется тем, что снижение уровня их участия в итоге приведет к «тирании меньшинства» (элиты). Противостоять авторитарному давлению сверху способна лишь сильная власть снизу. Циммерман, например, считает, что *salus populi* — благо народа — может быть достигнуто только при обеспечении всеобщего равенства, которое заключается в том, что все граждане обязательно ежедневно занимаются принятием решений, а не только имеют равные возможности участия.

В партиципаторной модели политическое участие не есть средство для достижения какой-либо цели, а само является целеполаганием, т.е. содержит цель в себе, ибо только по-современному понятое участие благоприятствует интеллектуальному и эмоциональному развитию граждан. Немаловажно и то, что с обычных для либеральных теоретиков позиций индивидуализма, опирающегося на собственность, политический процесс чаще всего рассматривается как жесткая борьба конкурентов за недостающие им материальные блага. Если же проанализировать эту проблему с точки зрения развития и реализации человеческих способностей, то справедливость распределения материальных благ — лишь средство для достижения (в сотрудничестве с другими людьми) более значимого блага позитивной свободы. Активная вовлеченность граждан в демократический процесс — одновременно и условие, и выражение этой свободы.

Таким образом, участие выполняет две функции — защищает граждан от навязанных сверху решений и является механизмом самосовершенствования человека. Ради максимально возможного результата демократия должна распространяться и на другие сферы, чтобы способствовать эволюции необходимых для

➤ Первые упоминания о референдуме — Швейцария XVI в.; там же раньше всех всенародно голосовали за обычный закон (1831), а референдум для принятия конституции впервые был проведен в штате Массачусетс, США (1780). Несмотря на то что референдумы (либо плебисциты) нередко используются для легитимизации диктаторских режимов или систем с чертами автократии (например, во Франции при Наполеоне, недавно — в Белоруссии), почти все современные демократии (за исключением США, Индии, Японии и Израиля) применяют эту процедуру в национальном масштабе, что объясняется необходимостью всенародно санкционировать какое-либо важное, общезначимое политическое решение. В 39 штатах США представительная демократия дополнена механизмами референдума или инициативы.

ИНИЦИАТИВА (лат. *initiare* — начинать) — инструмент прямой демократии, который дает право группе граждан (зарегистрированных избирателей) с установленным законом количеством участников или собравшей необходимое число подписей (например, в Швейцарии — 50 тыс., в Калифорнии, США — 5% от электората, голосовавшего на последних выборах губернатора), потребовать вынесения на голосование ➤

➔ сформулированного ею вопроса (законопроекта, изменений и дополнений какого-либо существующего закона, в т.ч. конституции). Инициатива может быть *прямой* (вопрос сразу выносится на рассмотрение/голосование граждан) или *непрямой* (вопрос сначала обсуждается в законодательном органе и только при негативном ответе передается на всенародное голосование, иногда с альтернативным вариантом, предложенным законодателями). Получила широкое распространение в Швейцарии (впервые — в 1845 г.), 23 штатах США (в основном западных), Италии. Инициативу как легальный способ заполнить пробелы в законодательстве или изменить его нормы часто используют группы интересов, обладающие достаточными ресурсами для сбора подписей и мобилизации политического участия граждан.

ОТЗЫВ — процедура, с помощью которой избиратели могут добиться досрочного прекращения полномочий своего представителя, какого-либо выборного должностного лица и новых выборов. Для начала нужно собрать установленное законом количество подписей, после чего проводятся голосование за утверждение процедуры отзыва и следующие выборы. Получил широкое распространение в 15 штатах и многих городах США, в т.ч. для отзыва вынесших ➔

современности психологических качеств и партиципаторной политической культуры, которая может сформироваться только по принципу — «учись участвовать, участвуя» (Пейтман). Идеальное партиципаторное общество характеризуется прямым вовлечением граждан в управление без посредников ключевыми политическими и социальными институтами, подотчетностью лидеров рядовым членам и высшей степенью демократической легитимности.

Механизмы партиципаторной демократии — **референдум, инициатива и отзыв**.

Обратите внимание

Чаще всего референдум проводят в Швейцарии (до 1993 г. — 398), затем в Австралии (43).

Референдум считается самым мажоритарным (т.е. учитывающим волю большинства) способом разрешения конфликтов. Однако в Швейцарии он используется для предотвращения «тирании большинства», поскольку там на референдум обычно выносят много разных вопросов, что не дает сложиться стабильному большинству, ибо при обсуждении каждого из них возникает новое. Референдумы также нередко проводят ради одобрения текущей политики, чтобы лишний раз продемонстрировать легитимность власти (в Швейцарии только в 2,5% случаев граждане выступили против правительственной позиции). Референдум может уменьшить ответственность правительства перед гражданами в случае отклонения его позиции. Есть и образцы высокой политической ответственности и честности: в 1969 г. президент Франции генерал Шарль де Голль, обладавший огромным авторитетом, пообещал подать в отставку, если нация не поддержит его мнение по всем четырем вопросам референдума; избиратели отклонили самый незначительный из них — де Голль ушел со своего поста и через год умер.

Вместе с тем, при низком уровне участия хорошо мобилизованные и мотивированные меньшинства могут получить непропорционально большое влияние по определенным вопросам референдума. Частое использование референдума способно нарушить и партийную солидарность, так как организации со слабой внутренней дисциплиной просто будут не в состоянии воздействовать на решения своих членов, а через них — на симпатизирующих партии.

Масштабы страны препятствуют появлению массовой демократии, так как в большом обществе даже при политическом равенстве влияние одного человека на итог процес-

са настолько мало, что само участие кажется бесполезным. К примеру, в 236-миллионном обществе у одного индивида нет никаких шансов повлиять на исход выборов, что ведет к неучастию. Массовое участие нежелательно, ибо вместе с приверженностью символам демократии люди не всегда разделяют идеалы индивидуальной свободы, толерантности, свободы слова, равенства возможностей и т.д. Элиты сохраняют эти ценности, а массы авторитарны, нетерпимы, предрасположены к насилию и ненависти. Массовая политика является нестабильной, экстремистской и непредсказуемой. Массы не соблюдают правила игры и... склонны к тирании. Экстремистские движения обычно развиваются в массовой среде, а не в элите.

Т. Дай, Х. Зиглер, «Ирония демократии»

➤ непопулярное решение судей или обвиненных в коррупции мэров. Движения по отзыву эффективнее всего на уровне местного самоуправления, однако редко достигают успеха в случае должностных лиц, занимающих общенациональные посты, из-за сложности процедуры (например, в США был отозван только один губернатор — в 1921 г.). Вместе с тем, у отзыва есть значительный потенциал в деле ограничения злоупотреблений властью, особенно в политических системах, где нет практики вынесения недоверия парламенту ради прекращения некомпетентного или неэффективного правления.

По сей день партиципаторная модель представляет собой лишь идеал, желательную норму, к которой следует стремиться, а для многих — и совершенно нереальную схему. Если эта модель не работает в современных демократиях, и граждане, как правило, отстранены от процесса политических решений, то кто их принимает? Ответ на этот вопрос пытаются дать две следующие теории.

2.5. Демократия для избранных — элитарная концепция

Демократия означает не то, что люди действительно управляют, а только то, что они имеют возможность избирать правителей.

Й. Шумпетер, «Капитализм, социализм и демократия»

Приверженцы **элитарной модели** демократии делят общество на правящее меньшинство — элиту и невластвующее большинство — массу. «Масса» не интересуется политикой, не обладает необходимыми знаниями и полной информацией, не умеет принимать правильные решения, поэтому она добровольно передает элите право руководить политическим процессом. Политическое участие массы ограничено выборами вследствие того, что большинство граждан иррационально, некомпетентно и имеет неустойчивые предпочтения. К тому же рост гражданского участия ведет к подрыву стабильности и эффективности, достижение которых является едва ли не главной целью демократии.

Йозеф ШУМПЕТЕР
(1883, Триеш, Моравия — 1950,
Таконик, США) — экономист
и политический мыслитель,
создавший теории деловых
циклов, эволюции капитализма
и оказавший глубокое влияние
на развитие политической
науки.

Родоначальником элитарной концепции демократии считают **Йозефа Шумпетера**, который назвал ее «теорией соревнующихся лидеров». Этот политический мыслитель подчеркивает важность принятия решений опытной и компетентной элитой при ограниченном контроле со стороны граждан. Демократия для Шумпетера — не цель, а всего лишь один из политических методов (наряду с авторитаризмом и тоталитаризмом, который предусматривает определенную институциональную организацию). Функция граждан заключается в выборе/отзыве правительства или в избрании посредников для этой цели. В соответствии с демократическим методом, к власти приходит партия, получившая наибольшую поддержку избирателей, отвечающая их «спросу». Выборы — лишь средство, которое заставляет элиту ощутить свою ответственность за политические решения. Демократию, стало быть, по Шумпетеру, можно определить как «институциональное устройство» для принятия политических решений.

Будем помнить, что основной проблемой классической теории было утверждение, что у «народа» есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора «представителей», которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь. Таким образом, выбор представителей вторичен по отношению к первичной цели демократического устройства, а именно: наделить избирателей властью принимать политические решения. Предположим, мы поменяем роли этих двух элементов и сделаем решение проблем избирателями вторичными по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения. Другими словами, будем считать, что роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует национальный исполнительный орган или правительство. Итак, определим: демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей.

Й. Шумпетер, «Капитализм, социализм и демократия»

ШУМПЕТЕР (Schumpeter), Йозеф (1883, Триеш, Моравия — 1950, Таконик, США) — экономист и политический мыслитель, создавший теории деловых циклов, развития капитализма и оказавший глубокое влияние на развитие политической науки.

Автор фундаментальных работ, среди которых: «Теория экономического развития» (1911–1934); «Империализм и социальные классы» (1927);

«Деловые циклы: теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса» (1939); «Капитализм, социализм и демократия» (1942); «История экономического анализа» (1954) и др.

Вклад в развитие политической мысли Шумпетера определяется его участием в интеллектуальной дискуссии о природе и перспективах социализма и капитализма, способствовавшей появлению таких фундаментальных трудов других ученых, как *«Великая трансформация»* (1944; **Карл Полани**, 1886–1964); *«Дорога к рабству»* (1944; **Фридрих Хайек**, 1889–1992); *«Управленческая революция»* (1941; **Джеймс Бернхейм**, 1907–1987) и др. По мнению Шумпетера (*«Капитализм, социализм и демократия»*), капитализм в XX в. все больше бюрократизируется, монополизирован из-за роста крупных корпораций, подавляя частного предпринимателя, являющегося главным источником инноваций и движущей силой экономического прогресса; подрывая предпринимательскую этику и отходя от принципов свободного рынка, он воспроизводит многие элементы социализма. Тем самым, несмотря на свои успехи, капитализм в перспективе «нежизнеспособен». И вина за это лежит в основном на крупном капитале, а не на радикально настроенных интеллектуалах. В данной связи Шумпетер подчеркивал, что социализм придет на смену именно монополистическому капитализму, и важнейшую роль в этой трансформации сыграет государство, громоздкому бюрократическому аппарату которого будут подчиняться общество и экономика. Но в целом пессимизм относительно перспектив капитализма Шумпетер сочетал с критикой марксизма и социализма, при котором ограничена личная свобода и т.д.

Исторический и экономический анализ капитализма Шумпетер дополнил работой над теорией демократии, утверждая, что она ценна только в той мере, в которой позволяет людям добиваться желаемых результатов, и не должна рассматриваться в качестве самоцели (приоритет функционального, а не ценностного аспекта демократии). Подвергнув критике «классическую доктрину демократии», согласно которой данный политический режим зависит от разделяемого гражданами понимания общего блага, Шумпетер определил демократический метод как институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей, т.е. демократию он воспринимал в качестве процесса отбора элит. В этом смысле демократия аналогична конкурентной борьбе на рынках товаров или услуг: политики — «торговцы голосами» в режиме свободной конкуренции (важный показатель уровня демократии); избиратели — «покупатели», предъявляющие требования. Целенаправленное стремление добиться общего блага, по Шумпетеру, неизбежно ведет к всевозможным спорам, конфликтам и угрожает социально-экономическому прогрессу, являющемуся «неожиданным плодом» капитализма свободной конкуренции. Напротив, преследование частных политических интересов дает гарантию сохранения темпов этого прогресса, оставляя функции принятия политических решений автономным элитам. Предложенная Шумпетером модель «элитарной демократии», или теория конкурентного лидерства, не противоречила эволюционировавшим уже в то время рационально-бюрократи-

ческим политическим и экономическим институтам. Положения элитарной концепции демократии получили широкое распространение и продолжение в научной среде США (Р. Даль, Э. Даунс, С. Верба и др.), заложив фундамент американского неоконсерватизма. Шумпетер также немало способствовал внедрению экономических концепций в политологию: он сам широко использовал аналогии экономического характера для анализа политических явлений.

Шумпетер принадлежит к числу величайших экономических и политических теоретиков XX в., многие идеи которого по-прежнему весьма современны. И хотя прогноз относительно смерти капитализма и триумфа социализма сейчас представляется маловероятным, тем не менее, он сохраняет силу предостережения.

Соревнование между потенциальными лидерами — отличительный признак элитарной демократии, при которой все (но только в принципе) свободны конкурировать друг с другом на выборах, поэтому нужны определенные гражданские права. Единственный тип участия, доступный простым людям — в избирательном процессе, так как все другие способы участия станут попыткой контроля над властью с их стороны и могут привести к отрицанию роли лидерства. (Шумпетеру, кстати, принадлежит известнейшее высказывание: как только типичный гражданин попадает в политическую сферу, его умственный уровень падает, в политике он снова становится примитивным.) В период между выборами избиратели должны уважать разделение труда между элитой и обществом и понимать, что до следующих выборов им не стоит заниматься политикой. В этой модели демократии большинство (масса) при минимальных затратах (политическом участии исключительно в выборах) получает максимальную отдачу (элита принимает правильные решения).

Таким образом, элитарная модель демократии снимает с обычных граждан ответственность за принятие политических решений и возлагает ее на лидеров, имеющих больше информации и опыта в политических вопросах. Критики этой схемы считают, что она представляет собой слабую форму демократии, так как снижение роли граждан в демократическом процессе может привести к потере интереса к политике, появлению апатии и отчуждения. В зависимости от степени вмешательства правительства в дела гражданского общества они пишут (например *П. Бирнбаум*) либо о «сильном государстве», способном взять на себя большую ответственность за благополучие граждан, либо о «сильном гражданском обществе», где подобные функции осуществляют негосударственные органы.

Интерпретация

Экономическая теория демократии (разновидность элитарной) рассматривает политическую систему как аналог рынка и демократию как рыночный механизм. Исходя из того, что и политический человек, и экономический человек по сути являются потребителями, **Энтони Даунс** (см. «Экономическая теория демократии», 1957) построил свою концептуальную модель голосования на тезисе: рациональные партии «формулируют политику с целью победы на выборах», а не «побеждают на выборах с целью формулирования политики». Он считает, что для рационального гражданина главное — получение максимума пользы, а так как единственный доступный ему вид участия — это участие в выборах, он будет голосовать за партию, которая обеспечит ему наибольший «полезный доход» в будущем.

По Даунсу, формула рационального голосования такова:

$$\Sigma(U_{t+1}^A) - \Sigma(U_{t+1}^B) \quad \text{где } U — \text{ полезность, } A — \text{ партия власти,} \\ B — \text{ оппозиционная партия, } \Sigma — \text{ ожидания} \\ \text{в будущем или в прошлом.}$$

Σ отсутствует, если избиратель судит о реальной прошлой деятельности партий. При положительном результате формулы избиратель голосует за партию власти, при отрицательном — за оппозиционную партию, при нулевом — рациональный избиратель не участвует в выборах, ибо не станет тратить свои ресурсы (в данном случае время), если это не принесет ему выгоды. Отсюда понятие Даунса о «рациональном неучастии».

Согласно Даунсу, роли партий и граждан идентичны ролям продавцов и покупателей, которые не будут затрачивать свои ресурсы, если затраты превышают будущую выгоду. Одновременно система открытых и конкурентных выборов служит гарантией демократического правления, так как на выборах побеждает партия (лидер), чьи ценности, политика, предпочтения больше всего соответствуют предпочтениям наибольшей группы рациональных избирателей.

2.6. Демократия для групп — плюралистическая концепция

В **плюралистической концепции** политика рассматривается как *конфликт групп интересов* в поле их политической борьбы, где решения принимаются на основе компромисса ради удовлетворения максимального объема интересов. По сути дела такая демократия представляется не как власть народа, а как власть *с согласия народа*. Для плюралистов основное предназначение демократии — защита требований и прав меньшинств.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ (лат. pluralis — множественный) — один из главных принципов современного общественного устройства при демократии, когда взаимодействуют и состязаются (в условиях свободного выражения своих интересов) различные социальные группы, партии и иные организации.

ВОТУМ (лат. votum — желание) — решение или мнение, выраженное путем голосования.

Элитарная модель демократии

Образование политической воли в плюралистическом обществе происходит в открытом столкновении различных интересов, при котором нужен только минимум общих взглядов. Учитывая многообразие мнений и социальных конфликтов, невозможно принять абсолютно справедливое для всех решение. Поэтому основа для согласия — принцип большинства, однако не должна возникнуть его «диктатура», нарушающая демократические правила игры и покушающаяся на неотъемлемые права человека, ибо от ошибок не застраховано и большинство. Избранные на срок своих полномочий (легислатура) представители общества особо не связаны обязательствами; по истечении же его они подвергаются **вотуму** избирателей.

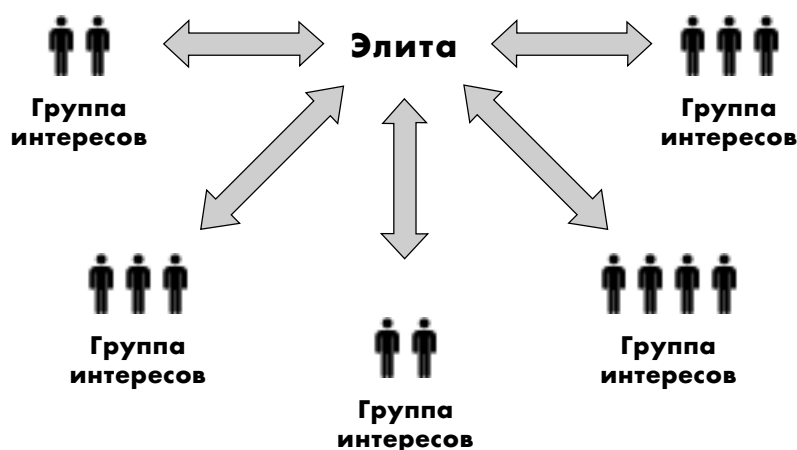
Плюралисты исходят из аристотелева определения, что «люди по природе своей социальные существа» и им свойственно создавать организации и группы для выражения своих требований, поддержки либо протеста. Ни одна из групп интересов не может доминировать в политическом процессе, так как не представляет мнения всего общества; следовательно, концентрация власти недопустима. Вместе с тем, интересы каждого гражданина очень редко сводятся к какому-нибудь одному, а это препятствует расколу общества на непримиримо враждебные группировки.

Главная характеристика модели плюралистической демократии — соревнование между партиями во время выборов и возможность групп интересов (или давления) свободно выражать свои взгляды — устанавливает надежную связь между управляющими и управляемыми. Несмотря на известную удаленность данной системы властвования от идеала народного самоуправления, ее сторонники полагают, что она обеспечивает достаточный уровень ответственности для того, чтобы именоваться демократичной. Плюралисты считают, что гражданам не обязательно выражать свое мнение — за них это сделают группы интересов, причем намного

эффективнее, а нужное представительство будет достигнуто даже без активности граждан. В этой модели граждане как бы дважды представлены: выборными лицами и лидерами групп и организаций, отстаивающих гражданские интересы. Политики же непременно будут ответственными, ибо они стремятся удовлетворить требования групп интересов в надежде на получение еще большей поддержки электората.

Модель плюралистической демократии сводит к минимуму вероятность тирании со стороны элиты и **аномию** масс, так как политическое пространство насыщено активными организациями, группами давления, которые доводят до сведения элиты настроения и требования граждан, выражая тем самым множество взглядов.

Плюралистическая модель демократии

Критики плюралистической модели пишут: 1) лишь небольшое количество людей формально являются членами каких-либо групп, значит, интересы всех граждан недопредставлены; 2) группы интересов способны стать настолько мощными, что весь политический процесс превратится в компромисс, удовлетворяющий интересы только сильнейших групп, политическая система будет парализована из-за их острейшей конкуренции, а требования всех граждан останутся без внимания; 3) развитие группового представительства интересов отводит гражданину пассивную роль, что может привести к появлению государства «политических зрителей», которые в итоге утратят контроль над системой. Если свести политическое участие и активность граждан к частичному представительству (как в плюралистической концепции) группами интересов или к пассивному участию в выборах (элитарная модель), то гражданское обще-

АНОМИЯ (гр. *anomie*: *a* — отрицательная частица, *nomos* — закон — отсутствие закона, организации) — 1) состояние общества, характеризующееся ослаблением или исчезновением нормативных стандартов поведения, широко разделяемых ценностей и суждений и, как следствие, ростом отклоняющегося, асоциального поведения, в т.ч. радикализма и экстремизма в политике; 2) состояние индивида, которому свойственны ощущения отчужденности от общества, социальной дезориентации (неспособность оценить свой статус в обществе и выбрать соответствующую модель поведения), постоянной тревоги. Понятие введено Э. Дюркгеймом, считавшим аномию результатом прежде всего модернизации и индустриализации, разрушивших традиционное общество, а также поддерживавшую его систему социальных ролей, связей, норм и ценностей. Американский социолог **Роберт Мертон** выдвинул гипотезу: основная причина возникновения аномии — утрата баланса между распространенными в обществе представлениями о целях и средствах, их отрицание или замена на другие.

ПОЛИАРХИЯ (гр. polys — многочисленный, многой; archi — старший, главный) — дословно переводится с древнегреческого как «много главных», «многовластие».

ство во всем своем многообразии окажется неспособным формулировать политику; люди будут считать себя исключительно управляемыми, а не управителями.

Интерпретация

Гарри Экстайн (1924–1999), автор концепции конгруэнтности (соответствия) моделей власти, считает, что образцы политического поведения формируются не только в политических отношениях, но и в семье, школе, экономических и общественных организациях. Для достижения стабильности любой политической системы модель ее управления должна быть конгруэнтна преобладающим схемам руководства обществом. Экстайн говорит о двух типах конгруэнтности: полной (когда модели власти во всех сферах *идентичны*) и неполной (когда модели власти в разных сферах только *похожи* друг на друга).

Полная конгруэнтность не подходит для демократии, ибо некоторые сферы просто не могут быть демократизированы (семья, школа, экономические организации). То есть те сферы, которые ученый называет важными для выработки моделей политического поведения, обязательно будут недемократичны. Неполная конгруэнтность с преобладающими моделями власти может быть достигнута, однако в этом случае модель политического управления перестанет быть «чисто демократичной» и будет иметь «элемент здорового авторитаризма». По мнению Экстайна, во-первых, только «элемент авторитаризма» позволит принимать эффективные политические решения, а во-вторых, психология людей требует наличия сильного лидера-автократа, и для сохранения стабильности системы эта потребность должна быть удовлетворена (см. «*Теория стабильной демократии*»).

3. ПОНИМАНИЕ ДЕМОКРАТИИ СЕГОДНЯ

3.1. Полиархия: правление многих, но не всех

Демократия — это худшая форма правления, если не считать все остальные.

У. Черчилль, 1947 г.

В наше время понятие демократии расширилось и стало включать не только нормативные определения как системы политического правления и ее характеристики (от всенародности до форм участия граждан в самоуправлении), но также мировоззренческие подходы к отношениям между людьми, этические, философские и

инные основания человеческого существования в условиях современности. Вместе с тем, *идеалы* демократии остались фактически такими же, как в IV в. до н.э., за исключением одного — сейчас гораздо больше ценится отдельная личность, ее мнение и интересы, политическая активность. Вот как об этом высказался Нобелевский лауреат **Милтон Фридман** (род. 1912):

Наше общество таково, каким мы делаем его сами. Мы сами способны определять форму и структуру наших социальных институтов. Разумеется, многообразие доступных нам возможностей ограничено как чисто техническими факторами, так и особенностями человеческой природы — однако никто не может воспрепятствовать нам (если мы этого взаправду хотим) в построении общества, опирающегося в организации экономической и иных видов деятельности прежде всего на принцип добровольного сотрудничества. Только от нас самих зависит создание такого общества, которое охраняет и приумножает свободу личности, не допускает чрезмерного расширения власти государства и следит за тем, чтобы правительство всегда оставалось слугой народа и не превращалось в его хозяина.

М. и Р. Фридман, «Хозяева своей судьбы»

Милтон ФРИДМАН (род. 1912, Нью-Йорк) — американский экономист-монетарист, удостоенный в 1976 г. Нобелевской премии по экономике; сторонник классического либерализма, свободного рынка, свободного от какого-либо вмешательства.

Подобный подход, во многом опирающийся на ценностное отношение к человеку, побудил современных политологов отличать демократию в широком, даже идеальном смысле от ее собственно политического, преимущественно институционального базиса. В последнем случае сторонники эмпирической (т.е. основанной на опыте) демократической теории рассматривают обширнейший набор факторов, способствующих установлению более стабильных форм демократического правления на всей планете. Правда, в последнее время ученые опять все чаще признают, что демократия — это понятие, которое и в современности, несмотря на массу исследований, решительно не поддается четкому научному определению. Вместе с тем, одна из самых популярных в мировой политологии дефиниций современной демократии — полиархия. Это не система власти, которая воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, но правление, в достаточной степени приближающееся к таким идеалам.

Наиболее последовательно различение идеалов и институционального оформления демократии проводит **Роберт Даль**, которого с общего согласия политологи именуют патриархом исследований плюралистических моделей. Он предложил использовать для обозначения институциональных решений фактически реконструированное им понятие **полиархии** (англ. polyarchy).

Роберт ДАЛЬ (род. 1915, Инвуд, шт. Айова) — американский политолог, один из основоположников концепции плюралистической демократии, широко известный своими трудами в области политической теории, в первую очередь современной демократии, распределения власти и плюрализма.

Эллины слово полиархия воспринимали преимущественно в негативном смысле — как разброд в стане властвующих, несогласованность правления. В контексте же современности это понятие, напротив, подчеркивает политический плюрализм и способность институтов нынешней демократии обеспечивать взаимодействие и координацию (согласование) интересов индивидов и групп без утраты их самостоятельности и принципиального равенства.

Пять критериев являются стандартами — идеальными стандартами, если угодно, — на основе которых следует оценивать предлагаемые процедуры. ...Любой процесс, который полностью удовлетворит им, станет совершенным демократическим процессом, а управление ассоциацией — совершенным демократическим правлением. Я признаю, что совершенный демократический процесс и совершенное демократическое правление никогда не существовали в реальности. Они дают представления о человеческих возможностях, с которыми могут сравниваться действительные явления. ...Какие же критерии тогда будут безусловно соответствовать нашим представлениям, а потому служить нам отличительными признаками демократического процесса? *Эффективное участие.* В ходе всего процесса принятия связывающих решений граждане должны иметь адекватные и равные возможности для выражения своих предпочтений относительно конечного результата. ...*Равенство в голосовании при принятии решения.* На этапе принятия коллективных решений каждому гражданину должна быть гарантирована равная возможность высказать предпочтение, которое будет считаться равным по весу предпочтению, выраженному любым другим гражданином. ...*Просвещенное понимание.* ...Каждый гражданин должен обладать адекватными и равными возможностями для определения и проверки ...в контексте принятия решения того предпочтения, которое наилучшим образом служило бы интересам данного гражданина. ...*Контроль над повесткой дня.* ...Демос должен иметь исключительную возможность решать, какие вопросы пополняют перечень проблем, подлежащих решению в ходе демократического процесса.

Р. Даль, «Демократия и ее критики»

ДАЛЬ (Dahl), Роберт (род. 1915, Инвуд, шт. Айова) — американский политолог, один из основоположников концепции плюралистической демократии, широко известный своими трудами в области политической теории, в первую очередь современной демократии, распределения влас-

ти и плюрализма, оказывающими значительное влияние на современные политические исследования.

Автор таких работ, как: «Экономика, политика и благосостояние» (1953, соавт. Ч. Линдблом); «Введение в теорию демократии» (1956); «Кто управляет? Демократия и власть в американском городе» (1961); «Плюралистическая демократия в США» (1967); «После революции? Власть в хорошем обществе» (1970); «Полиархия: участие и оппозиция» (1971); «Дилеммы плюралистической демократии: автономия vs. контроль» (1982); «Современный политический анализ» (5-е изд., 1990); «Введение в экономическую демократию» (1985); «Демократия и ее критики» (1989); «О демократии» (1998) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Научные взгляды Даля сложились под влиянием либерально-позитивистской и бихевиористской парадигм. Совместно с Ч. Линдбломом и Дж. К. Гэлбрейтом Даль образует неоплюралистическое направление в политологии, определившее диапазон изучаемых им проблем, среди которых: предпосылки современной демократии, эмпирические условия для частичной или полной реализации демократических проектов; соотношение демократии, свободы и равенства, а также элитарных и плюралистических элементов в современных демократических политиях; распределение власти в обществе и последствия растущего влияния большого бизнеса; модели современной демократии, нормативные теории, их оценивающие или обосновывающие, использование данных моделей при анализе реальных политических режимов и институтов.

Специфика политики, по Далю, в том, что это одновременно и наука в силу особого отношения к фактам, на основе которых делаются обобщения и предлагаются теории, и искусство (мастерство), многими элементами которого можно овладеть только на практике.

Огромный вклад Даля в развитие теории демократии определяется прежде всего разработкой проблематики *полиархии*, соотнесенной с демократией как таковой. Если демократия — идеальный тип устройства политической системы, то полиархия — *реально существующий* политический режим, наиболее близкий демократическому идеалу и «опирающийся на семь основных институтов: выборные должностные лица, свободные и честные выборы, всеобщее голосование, право претендовать на выборную должность, свобода слова, альтернативная информация, независимость самоорганизации». Полиархический характер политического режима не исключает возможности и даже необходимости его дальнейшей демократизации путем, например, повышения «эффективного участия» или усиления «контроля за повесткой дня» для лучшего соответствия идеальной модели «процедурной демократии». Эффективное функционирование полиархического режима требует высокоразвитого общественного и государственного плюрализма (т.е. существования множества относительно автономных организаций) и осуществляется на основании открытой конкуренции политических элит, подконтрольных народу. Даль полагает, что принципы демократии должны быть также распространены на неполитические (например, корпорации) и международные (например, межгосударственные организации) институты.

Джон Кеннет ГЭЛБРЕЙТ (род. 1908, Онтарио) – американский экономист, социальный мыслитель и общественный деятель; создатель концепции нового индустриального общества, в котором утвердилось регулирующая власть технотруктуры.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРОЦЕДУР ПРИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ

в сфере политики при демократии, опирающейся на *общественный договор*, институционализированы (установлены) процедуры, регулирующие конфликты и обеспечивающие относительную стабильность политической системы в целом: нормы, законы, правила игры, порядок функционирования структур (партии, упорядочивающие политическую борьбу, государственная бюрократия, исходящая из рационально-правовых критериев, и т.д.). Тем самым конкуренция за политические посты весьма строго обозначена, а правление является представительным. Однако, учитывая право всех граждан на участие в принятии решений, последствия этих решений (исход выборов, возможность влияния на госчиновников всех рангов и т.д.) имеют непредсказуемый и временный характер (как в экономике — при рынке прибыль отнюдь не гарантирована). Политики, избиратели, партии, группы интересов, действуя в условиях состязательности, поставлены в неопределенное положение, ибо их будущее неизвестно, а настоящее подвержено переменам. Таким образом, *конкуренция при демократии ограничена, а определенность политических процедур сочетается с неопределенностью результатов.*

При государственно-социалистическом режиме — ➡

Рассмотрение полиархии, по мнению Даля, возможно с нескольких взаимодополняющих позиций: 1) как *тип режима для управления современным государством*, характеризуемый «высокой терпимостью к оппозиции» и «относительно широкими возможностями участвовать во влиянии на поведение правительства и даже в смещении мирным путем различных официальных лиц»; 2) как *результат либерализации и демократизации наций-государств* или как «ряд определенных институтов, претерпевших значительную эволюцию, в т.ч. под влиянием усилий по демократизации и либерализации политических институтов наций-государств»; 3) как *необходимость демократического процесса*; 4) как *система проверки компетенции* или *система политического контроля*; 5) как *система прав*, в которой «обычные права гарантированы и защищены институционально» (см. «*Полиархия, плюрализм и пространство*»).

Помимо полиархии, на основании показателей участия и соревновательности Даль выделяет еще три политических режима: закрытая гегемония, открытая гегемония, соревновательная (конкурентная) олигархия. Переход от этих режимов к полиархии и представляет собой суть *политической модернизации* и политического развития в целом. Для закрытой гегемонии характерны самые жесткие ограничения во всех сферах жизни, запрещение политической конкуренции с правящей элитой или ее идеями в любой форме (как следствие — запрет любой оппозиции, неразличение лояльных и нелояльных оппонентов), отсутствие гарантированных прав у граждан. В соревновательной олигархии разрешена партийная конкуренция, но она — привилегия только элиты и происходит в ее рамках.

Политические режимы по Р. Далю

Главное в демократии заключается в ориентации на создание определенных условий для достижения поставленных ею возвышенных целей на уровнях политики, группы интересов и каждого

гражданина. Будут ли достигнуты такие цели или нет, зависит от того, как именно и в каких обстоятельствах (в т.ч. приводящих) развивается политический процесс, какие силы на него влияют и участвуют в нем, а какие противостоят, какие способности проявляют данные силы и т.д. Придавая большое, порой принципиальное значение политическим процедурам и способностям гражданина, предъявляя к ним весьма жесткие требования, демократия не гарантирует определенности результатов. Вот в чем главный смысл широко признанной сегодня дефиниции демократии как **определенности процедур при неопределенности результатов** (Адам Пшеворский, род. 1940).

В неопределенности результатов состоит основная функциональная слабость демократии — в данной системе нет и не может быть органически присущих ей механизмов, полностью предохраняющих от прихода к власти авторитарных и тоталитарных группировок. Главные препятствия этому — в **демократической делиберации** (постоянной самокритике и самоочищении демоса, т.е. совокупности граждан), в вовлечении потенциальных противников демократии в политическую дискуссию, а тем самым в демократический процесс ради их «обращения» в демократов. Такой проект по сути дела построен на стародавней идее о развивающейся природе человека.

Принцип демократической делиберации позволяет максимально полно учитывать разнородные интересы в политике, изменения в политической системе и окружающей ее среде, хотя и является фактором определенной нестабильности, уменьшение степени которой возможно при поддержании открытости и динамичности политического процесса в целом.

При всем многообразии возникавших в разное время и в специфических условиях конкретных демократических режимов, институтов и процедур политология позволяет обобщить их и сгруппировать в ряд институциональных схем или организационных принципов. Подобную институциональную инфраструктуру (составные части устройства) современной демократии, вслед за Далем, *Сартори* называет *селективной* (т.е. основанной на избирательности, отборе) *полиархией*.

Полиархия — политический порядок, отличающийся в самом общем виде двумя масштабными характеристиками: гражданские права предоставлены сравнительно высокой доле взрослых, а сами эти права позволяют проявлять несогласие и путем голосования смещать высших должностных лиц в управлении. ...Если конкретнее, ...то полиархия

➤ зеркально противоположная ситуация: в сфере политики монополия одной партии исключала конкуренцию, внепартийные организации (профсоюзы и т.д.) были ограничены в возможностях, запрещена любая деятельность по развитию гражданского общества и т.н. общества политического. Тем самым были гарантированы известные политические результаты. И напротив, иррациональность государственной машины при крайней бюрократизации политической сферы, засилье идеологии вместо установления демократических процедур и прав граждан — как следствие — давали возможность политикам и бюрократам самим принимать решения, определять права граждан, процедуры и юрисдикцию, а значит, манипулировать результатами. Таким образом, *государственно-социалистический режим характеризуется неопределенностью процедур при определенности результатов*.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДЕЛИБЕРАЦИЯ (англ. deliberation — обдумывание, обсуждение, осмотрительность) — постоянно возобновляемый политическим сообществом процесс поиска, оценки и переоценки принятых политических решений и их альтернатив; означает потенциальный отказ от придания любому решению статуса абсолютно «истинного», что открывает возможности для его дальнейшей коррекции.

ПРАВЛЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА (*мажоритарное* правление — фр. *majorite* — большинство) — 1) методика принятия решений, по которой при наличии альтернативных вариантов принимается решение, получившее наибольшую поддержку со стороны лиц, имеющих право принимать решения (ЛПР), или их представителей; 2) система правления, основанная на такой методике принятия решений.

С принципом правления большинства связано несколько проблем: 1) при наличии более двух альтернативных вариантов решения и в силу процедурных требований (например, принятие решения квалифицированным большинством позволяет меньшинству заблокировать его) поддержано может быть то, которое не пользуется абсолютным предпочтением большинства («парадокс голосования»); 2) большинство и/или его представители не всегда имеют достаточное представление о некоторых социально и политически значимых проблемах, что повышает роль компетентного в этих вопросах меньшинства (например, экспертов, профессиональных групп и т.п.) в процессе принятия решений; 3) правление большинства становится условием демократического правления и не деградирует в «тиранию большинства» при уважении и гарантировании законом и различными процедурами (например, пропорциональным представительством, судебными слушаниями) равных ➤

есть политический порядок, опирающийся на семь основных институтов, и все они должны действовать, чтобы система могла быть признана именно полиархией.

1. *Выборные должностные лица* (elected officials). Контроль за решениями правительства по поводу политического курса конституционно закреплен за избираемыми должностными лицами.

2. *Свободные и честные выборы* (free and fair elections). Выборные должностные лица избираются на частых и честно проводимых выборах, в ходе которых принуждение случается сравнительно редко.

3. *Всеобщее голосование* (inclusive suffrage). Практически все взрослые имеют право голосовать на выборах должностных лиц.

4. *Право претендовать на выборную должность* (right to run for office). Почти все взрослые имеют право претендовать на выборные должности в правительстве, хотя возрастные ограничения могут быть выше, чем для голосования.

5. *Свобода слова* (freedom of expression). Граждане имеют право выражать свое мнение без угрозы сурового наказания по самому широкому кругу политических вопросов, включая критику должностных лиц, правительства, режима, социально-экономического порядка и господствующей идеологии.

6. *Альтернативная информация* (alternative information). Граждане вправе обращаться к альтернативным источникам информации. Более того, альтернативные источники информации существуют и защищены законом.

7. *Независимость самоорганизации* (associational autonomy). Для обеспечения своих многообразных прав, включая перечисленные выше, граждане также обладают правом создавать относительно независимые ассоциации или организации, в т.ч. независимые партии и группы интересов.

Важно понимать, что эти положения характеризуют действительные, а не номинальные права, институты и процессы.

Р. Даль, «Демократия и ее критики»

3.2. Институциональные принципы полиархического режима

В самом обобщенном, менее формализованном виде полиархическая инфраструктура институтов прежде всего делает упор на их общечеловеческой (гуманитарной) и политической значимости.

Правление большинства и уважение прав меньшинства.

Демократические процедуры не просто предполагают, что принятие решений осуществляется на основе выявления предпочтений большинства лиц, принимающих решения (ЛПР). Это, по словам Аристотеля, общий для всех политических систем принцип. Для решений принципиального, конституционного характера, а также выбора общенациональных представительных органов и должностных лиц круг ЛПР практически совпадает с демосом как корпусом граждан, а тот — с основной массой взрослого дееспособного населения. Для остальных решений в зависимости от их характера и релевантности (т.е. соответствия сути проблемы) по отношению к специфическим группам граждан (территориальным, корпоративным и пр.) происходит необходимое сокращение круга ЛПР и ориентирующегося на них демоса.

Это правило, однако, дополняется по меньшей мере в двух аспектах. Представительные органы и коллегиально работающие должностные лица действуют вполне автономно в рамках, определенных конституцией. Демос связывает их только процедурами выборов, вынесения наказов и получения отчетов о деятельности, а в отдельных случаях — и правом отзыва представителей. Кроме того, граждане и их политические объединения, которые оказались при каком-либо голосовании в меньшинстве, имеют возможность не только продолжать отстаивать свои интересы и предпочтения в рамках демократической делиберации. Они также располагают конституционными, как правило, гарантиями защиты от любых репрессий либо дискриминации. Лица, получившие санкцию на проведение политики, одобренной большинством, обязаны — в соответствии с демократической традицией — действовать так, чтобы мнения разных меньшинств так или иначе были учтены. В противном случае меньшинства (так называемые миноритарные группы) могут поставить вопрос о «тирании большинства».

Правление большинства не обязательно приводит к решению, предпочитаемому им самим, к примеру, при более чем двух альтернативных вариантах, ни один из которых не поддерживается с явным преимуществом. Кроме того, большинство и его представители могут быть неинформированными обо всех проблемах общества, известных меньшинству. Значит, чем надежнее защищены права и интересы меньшинства, тем эффективнее правление большинства, а сама демократия — более стабильна и приближена к политическому идеалу. Если права меньшинства не гарантированы демократическими установлениями, то почти наверняка группы большинства будут подавлять права отдель-

➤ прав всех граждан, интересов меньшинства, однако даже при их соблюдении сохраняется возможность конфликта между большинством и меньшинством.

КОНСОЦИАТИВНОСТЬ

(англ. consociationism) — принцип организации власти, основанный на сотрудничестве в рамках сложившейся институциональной структуры политических элит, представляющих различные относительно автономные сегменты общества; соблюдение принципа консоциативности позволяет поддерживать достаточно высокий уровень «национального единства», а также добиться стабильности демократии в стране с «фрагментированной политической культурой» (*Арендт Лейнхарт*). Термин «консоциация» (группа общественного единения) изначально применялся для обозначения пресвитерианских организаций в Шотландии, а в политологии его впервые использовал *Дэвид Антер*.

Консоциативность предполагает элитарный характер организации системы власти, а значит, ее эффективность зависит от готовности частей политической элиты к сотрудничеству, толерантности их лидеров и гибкости институциональной структуры межэлитного сотрудничества. Если эти условия отсутствуют, то неизбежен распад политической системы, который обычно сопровождается насилием (Ливан, Кипр, Югославия).

КОНСОЦИАТИВНАЯ (СООБЩЕСТВЕННАЯ) ДЕМОКРАТИЯ (англ. consociational democracy) — альтернативная мажоритарной (т.е. опирающейся на большинство) форма демократии, являющаяся наиболее приемлемой для плюралистических (многосоставных, мультикультуральных) обществ, в которых особенно выражено разделение на сегменты (группы) по этническим, религиозным, идеологическим, региональным и др. признакам. Начало распространению термина положила книга Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах» (1977). Сейчас в переводной и отечественной литературе чаще используется равнозначное понятие плюралистического общества (калька с англ. plural society).

Политический режим, основанный на такой форме демократии, отличается следующим: 1) *разделение полномочий в сфере исполнительной власти* предполагает осуществление управления в виде большой коалиции представителей основных сегментов (групп) общества; 2) *коалиционность* означает, что решения, затрагивающие интересы всех сегментов общества, принимаются совместно их представителями, но вопросы, касающиеся только одного из них, решаются им самостоятельно (т.е. речь идет о значительной автономии сегментов), а институционально данный принцип чаще всего выражается ➔

ных меньшинств, как, к примеру, это было (и бывает) с афроамериканцами или индейцами в Латинской Америке. Потому **Сартори** определяет современную демократию как *систему правления большинства, ограниченную правами меньшинства*.

Обратите внимание

Что такое меньшинство? По сравнению с доминирующей группой — большинством, меньшинства отличаются разные характеристики — этнические, расовые, религиозные, лингвистические, ориентационные и т.д.; неодинаковы они и по целям — хотят ли ассимилироваться, сохранить свою идентичность, отделиться. Меньшинство — не обязательно в количественном смысле: это группа граждан, чьи интересы ущемляются, не учитываются или сравнительно меньше представлены. Вместе с тем, интересы меньшей по численности группы легче ограничить, нежели большей. К примеру, количественно финны шведского происхождения — меньшинство в Финляндии, однако они шире представлены в элите, чем финны как таковые, а черные африканцы в ЮАР долгое время являлись численным большинством и так называемым социологическим меньшинством.

В случае социологического меньшинства (когда количественно это большинство), демократический принцип «один человек — один голос» может изменить ситуацию (например, с фламандцами в Бельгии, с африканцами в ЮАР). В случае же слабого во всех отношениях меньшинства современные демократии используют определенные механизмы для их максимального представительства, развития прав контроля или влияния на решения властей. Так, федерализм способствует защите сконцентрированного на какой-либо территории меньшинства. Принцип пропорционального представительства используется для учета интересов территориально разрозненного меньшинства. Этой цели служит и **консоциативная (сообщественная) демократия**.

Зачастую таких общих положений недостаточно для защиты прав меньшинств, поэтому известны случаи закрепления их привилегий, что может привести к отклонению от принципов равенства и свободы выбора. Примерами здесь служат: ливанская электоральная система 1950–1960-х годов, обязывающая кандидатов баллотироваться в составе многонациональных «команд»; традиции канадской либеральной партии, где франкофоны и англофоны чередуются друг с другом на посту лидера; программа позитивных действий президента США У. Клинтона, согласно которой членам ряда ущемленных ранее меньшинств, в т.ч. женщинам, предоставляются известные преимущества.

Политическое и правовое равенство граждан. Демократия — это цель. Ее образуют состояние, которое надо достичь — политическое равенство, и принцип его достижения — правление большинства, считают *Даль* и *Чарльз Линдблом* (род. 1917). Таким образом, политическое равенство граждан — это одинаковые возможности в приобретении знаний, статуса, нужных для получения власти, равные права (голосовать, влиять на процесс принятия решений, баллотироваться на пост и т.д.), равный доступ к ресурсам власти.

Обратите внимание

Принцип «один человек — один голос» утвердился сначала в Америке, а потом в Европе. Изначально же число голосов было связано с наличием собственности и ее размерами. Так, в штате Виргиния землевладелец получал дополнительные голоса в каждом округе, где он имел достаточное количество собственности.

Всеобщее право голоса сейчас воспринимается как *sine qua non* (непременное условие) демократического режима. А как относиться к «всеобщему участию»? Должно ли право голоса быть дополнено обязанностью участвовать в выборах? Некоторые «старые» (Австралия, Бельгия и Люксембург, а ранее Нидерланды и Австрия) и «новые» (Аргентина, Бразилия, Коста-Рика и Эквадор) демократии рассматривают голосование как юридическую обязанность граждан. Противники такой системы считают, что граждане должны иметь право *не* голосовать, равно как и отдать свой голос. Так, некоторые избиратели в странах с обязательным голосованием иногда бойкотируют выборы, считая, что подобное принудительное голосование лишает их свободы выбора.

Принцип политического и правового равенства граждан предполагает не столько отсутствие каких-либо индивидуальных привилегий (по признаку сословия, профессии, этноса, расы, конфессии, местожительства, родного языка, принадлежности к той или иной культуре, партии и пр.) или же, наоборот, аналогичных дискриминационных ограничений, но фактическое установление общегражданских стандартов политического использования так называемых **прав человека**. Любые ограничения на политическую деятельность могут быть установлены лишь на основе закона и только для особых категорий людей (главным образом душевнобольных и осужденных преступников на период отбывания наказания). Иногда допускается цензовое лимитирование, связанное, как правило, с урезанием прав на занятие выборных должностей (из-за срока про-

➤ в федеративном устройстве государства, хотя может иметь и нетерриториальное истолкование; 3) *пропорциональность* является основным принципом при реализации политического представительства, в т.ч. меньшинств, получающих таким образом возможность артикулировать (заявлять) и защищать свои интересы в назначениях на государственные должности и при формировании бюджета; 4) *право вето меньшинств*, участвующих в коалиции, заставляет учитывать их потребности при принятии важных решений.

Консоциативная демократия утверждается и эффективно функционирует при соблюдении ряда условий, среди которых: отсутствие в плюралистическом обществе абсолютно доминирующего сегмента; равное влияние основных сегментов; ограниченное (3–5) количество сегментов; наличие внешней угрозы, одинаково воспринимаемой всеми сегментами и т.д. Примеры относительно успешных консоциативных демократических режимов — Швейцария (с 1943), Бельгия (после Первой мировой войны); частично консоциативные режимы — Канада, Австрия и др.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА — принятый на Парижской сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. документ, определяющий основные права и свободы человека; среди них выделяются *политические* ➤

➔ и гражданские права (на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; равную защиту законом; равную защиту от любого вида дискриминации; свободное перемещение и любое местожительство в пределах каждого государства; на гражданство; на свободу мысли, совести и религии; на свободу мирных собраний и ассоциаций; участие в управлении своей страной непосредственно или через свободно избранных представителей и др.); социально-экономические права (владение имуществом как единолично, так и совместно с другими; социальное обеспечение; на труд, отдых и досуг и др.); культурные права (образование; свободное участие в культурной жизни общества, наслаждение искусством, участие в деятельности, способствующей научному прогрессу и пользование его благами и др.).

живания в соответствующей местности и т.д.). Святое для демократии *право* гражданина *выбирать* такие ограничения могут затруднить только косвенно, за счет сокращения круга претендентов на избираемую должность.

Легитимизация власти. Данный принцип предполагает, что система полиархии в целом и вписанные в нее «аристократические» (представительные органы, правительство) и «монархические» (президент) элементы подвергаются проверке и критике с помощью демократической делиберации, а также формальных процедур (референдумов, выборов, отзывов и т.п.). Более того, общенациональные выборы становятся симуляцией политического кризиса (государственного переворота), осуществляемого в строгих конституционных рамках и в соответствии с законом. Это позволяет снимать накопившиеся напряжения и противоречия, обновлять систему правления в целом на основе действительно складывающихся внутри корпуса граждан политических предпочтений. *Элмер Шатинайдер* (1892–1971) высказался по данному поводу так: демократия — величайший инструмент социализации конфликта.

Представительный характер власти. Принцип представительства логически связан с легитимизацией. Предполагается, что граждане делегируют (передают) свои властные полномочия выбранному ими лицу, которое и осуществляет их от имени избирателей. Делегирование происходит главным образом в процессе выборов законодательной власти и высших должностных лиц государства и составляющих его территорий. Принцип представительства неизбежно видоизменяет конкретные формы участия граждан в политическом процессе. Он фактически исключает их прямое вмешательство в принятие государственных решений и, соответственно, стимулирует появление и распространение иных форм политического участия для осуществления индивидуальных или групповых интересов. Обычно это выливается в создание и развитие партий, общественных, профессиональных, религиозных и иных объединений, составляющих в совокупности инфраструктуру гражданского общества и предназначенных для выявления, объединения, выражения и реализации специфических требований.

Обратите внимание

«Народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа», — так высказался Ж.Ж. Руссо. Кто же должен и может быть представителем народа? Например, в Швейцарии, Канаде, США у «среднего» члена парламента по сравнению с остальной частью населения больше доход (в США

годовой доход более 50 тыс. долларов: в населении — 22%, в конгрессе и сенате — 100%), выше образовательный уровень (в США диплом ВУЗа, ученые степени: в населении — 21%, в конгрессе — 98%). Такие профессии, как юристы, врачи, ученые и бизнесмены, в изобилии значатся в депутатском корпусе демократических политий. Главный аргумент против этого явления заключается в том, что законодательное собрание в плане профессиональной, гендерной (по признаку пола), возрастной, имущественной и других структур значительно отличается от подобной структуризации общества. Отсюда и вывод: взгляды граждан могут искажаться и многие социальные группы недопредставлены в парламенте, следовательно, этот орган трудно назвать «представительным», как того требует демократия.

Выборность властей является формой реализации принципа представительства. Ее закрепляют всеобщее избирательное право, свободные, тайные и регулярные выборы, образование партий для конкурентной избирательной борьбы, а также создание прочих разнообразных организаций, в частности лоббистских объединений или групп интересов. Последние призваны осуществлять взаимодействие между гражданами и легитимизированными ими властными институтами (правительство, представительные и административные органы и т.п.). Свободное соревнование политических сил в борьбе за голоса избирателей гарантирует, что власть не будет монополизирована какой-то одной группой. Именно это создает возможность реального выбора между политическими, экономическими и социальными альтернативами и, следовательно, определение основательности претензий конкурирующих политических групп и организаций. Действительно, только их состязание обеспечивает наличие оппозиции и даст ей возможность соревноваться, выигрывать и приходить к власти. Точно по данному поводу высказался Пшеворский: демократия — это система, при которой партии проигрывают выборы.

Выборы могут проводиться и не только в демократиях, но только демократические выборы отличаются **неопределенностью, необратимостью и повторяемостью**. Они являются неопределенными, так как до объявления результатов никто не может быть полностью уверенным в победе, необратимыми (результаты нельзя изменить и избранные представители займут посты на предусмотренный конституцией срок) и повторяющимися через утвержденный законом срок.

Итак, в полиархиях выборы всеобщие, свободные, равные (один человек — один голос), соревновательные (более одной альтернативы) и решающие. На выборах при недемократических режимах

(если они проводятся) до 99% (иногда чуть меньше) голосов получает правящая партия, а избирательный бюллетень содержит только одного кандидата от этой организации. При демократических режимах победитель часто получает менее 55% голосов.

Обратите внимание

Первые выборы проводились в древнегреческих городах в V–VI вв. до н.э. Большинство выборных должностей замещались путем жребия, в силу веры в равенство всех граждан. Ballot (маленький шар) применялся в римском сенате, белый — для выражения согласия и черный — для несогласия. В колониальной Америке с этой целью использовались бобы и кукуруза.

Тайное голосование лишь постепенно получило всеобщее признание после его введения в Южной Австралии в 1858 г. В Великобритании оно не использовалось ни на парламентских, ни на муниципальных выборах до 1872 г. В США доминировало открытое голосование, а «австралийская баллотировка» стала внедряться только после президентских выборов 1884 г., вызвавших многочисленные обвинения в подтасовках. Во Франции до 1913 г. сами кандидаты вручали голосующим бюллетени, которые тут же складывали их вчетверо и бросали в урну для голосования. Устное голосование использовалось в Дании до 1901 г., в Венгрии до 1930 г.

Во многих странах не только значительная доля мужского населения не допускалась к голосованию. До второй декады XX в. только Новая Зеландия (1893) и Австралия (1902) распространили на женщин право участвовать в национальных выборах: Южная Австралия сделала это в 1895 г., США — в 1920 г., Великобритания — частично в 1918 г. и полностью в 1928 г., Испания — в 1931 г. Во Франции, Италии и Бельгии женщины получили право голоса только после второй мировой войны. В Швейцарии, где всеобщее избирательное право было предоставлено мужчинам в 1848 г. — раньше, чем где бы то ни было, женщинам оно не гарантировалось до 1971 г.

Лишь во второй половине XX в. гражданские права окончательно распространяются почти на всех, кто населяет территорию суверенного государства и обладает соответствующими данными: достиг определенного возраста (обычно 18–21 лет), дееспособен и в состоянии воспользоваться своими правами. Только временные резиденты-иностранцы, граждане другого государства, не могут получить гражданских прав. Даже эмигранты становятся потенциальными избирателями. Постепенное вовлечение в политическую жизнь все большей части населения на регулярной и определенной правом основе связано с *модернизацией*.

Плюрализм и свобода политической деятельности. Современная демократия должна быть плюралистичной. Для разрушения плюрализма потребуются авторитарный режим и необычное насилие. Монизм — идеальная система для авторитаризма и не может быть идеалом для демократии, утверждает Даль. Сартори добавляет: плюрализм — лучшая основа, на которой принцип ограниченного большинства, уважающего права меньшинства, способен быть легитимизирован и сохранен.

Принципы плюрализма и свободы политической деятельности предполагают, что могут свободно разрабатываться и пропагандироваться любые политические взгляды и концепции, что граждане создают любые ассоциации с политическими целями. Какие-либо ограничения в этой области вводятся лишь по закону и относятся только к такой деятельности, которая создает угрозу безопасности граждан или предполагает насильственные действия, в т.ч. ориентированные на изменение существующих порядков (право демократии на самозащиту). При этом конкретные критерии ограничений на свободу политической деятельности давно уже являются в демократических обществах предметом острой дискуссии. Ведь для демократии лучшее средство самозащиты — вовлечение аутсайдерских и экстремистских группировок граждан в демократическую делиберацию.

Организационный и идеологический плюрализм современной демократии означает признание и поддержку существования многообразных самостоятельных по отношению друг к другу и к государству объединений с неодинаковыми, подчас противоречащими целями. Суть современной плюралистической демократии — в признании этих различий не только реальными, но и естественными, не подлежащими нивелировке.

Плюрализм не сводится к большому количеству организаций (ассоциаций). В первую очередь они должны быть добровольными, во вторую — открытыми и с большим числом членов... Присутствие солидного количества различных групп свидетельствует не о наличии плюрализма, а лишь о развитости самовыражения и/или фрагментации. Общества с большим количеством групп являются плюралистическими только тогда, когда группы имеют ассоциативный характер, а не традиционный или институционализированный, более того, когда ясно, что ассоциации развивались естественно, а не были навязаны.

Дж. Сартори, Доклад на 16 Конгрессе Международной ассоциации политической науки, Берлин, 1994

Интерпретация

«Ни одно общество не потерпит абсолютную свободу (даже свободу слова) и ни одно общество не сведет ее до нуля. Разница между режимами состоит только в степени свободы», — утверждал Шумпетер. Этими словами мэтр обозначил известные рамки электорального (избирательного) процесса.

Для институционализации конкурентных выборов необходимы определенные свободы и гарантии, как во время избирательной кампании, так и между выборами. Если характеристики таких выборов обычно приводятся в точном определении Даля, то политические свободы перечисляются без всяких уточнений (свобода выражения мнения, ассоциаций и информации). Но одни только эти свободы не могут гарантировать конкурентности выборов. К примеру, правительство может запретить кандидату от оппозиции свободно передвигаться по стране; в таком случае даже при соблюдении всех условий полиархии вряд ли можно считать выборы соревновательными.

Естественно, каждая из названных свобод ограничена, каждая из них имеет благоразумные пределы — свобода создавать организации/ассоциации исключает создание террористических группировок, свобода слова не означает, что можно оклеветать конкурента. Такие крайности понятны всем. Но как быть с ситуациями, которые нельзя классифицировать однозначно? История современных демократий позволяет убедиться, что казавшееся раньше вполне демократичным неприемлемо сейчас. Или наоборот. Скажем, в США к 1961 г. 3600 студентов были арестованы за участие в демонстрациях в защиту гражданских прав, а 141 студент и 58 преподавателей выдворены из университетов за участие в протестном движении.

Изложенные принципы описывают основные сущностные признаки и характеристики демократии. Но можно подойти к ее определению, проанализировав отношения общества и власти, элиты и не-элиты, управляющих и управляемых. Отсюда и вывод: демократия представляет собой такой способ организации власти, при котором общество имеет возможность на регулярной основе посредством юридически закрепленных ненасильственных процедур корректировать деятельность управителей, а также персональный состав правящей группировки и политической элиты.

Действительно, при любых режимах, в т.ч. авторитарных и тоталитарных, власть вынуждена прислушиваться к настроениям в обществе, менять свою политику, если она приходит в острое

противоречие с интересами масс. В ином случае, как это подтверждает крах тоталитарно-авторитарных коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы в 1989–1991 гг., правящая верхушка рано или поздно оказывается вынуждена уйти с политической сцены или же носителей власти просто устраняют с помощью заговоров, переворотов или мятежей. Однако в недемократических режимах способности власти к восприятию общественного мнения, как и адаптации к нему зависят от личностных особенностей лидеров или их окружения. Механизмы регулярной корректировки действий властных структур не встроены в бюрократическую систему, более того, они ей органически чужды. Поэтому такие изменения происходят лишь тогда, когда возникает острая кризисная ситуация, и элита осознает, что ее политические позиции, даже физическое существование находятся под угрозой. В итоге авторитарные и особенно тоталитарные режимы обречены на то, чтобы переходить от состояний относительно длительного застоя к острым кризисам, от последних — к исправлению политической и экономической стратегии, затем снова к застою. Этот цикл из трех звеньев прерывается только распадом тоталитарного или авторитарного режима и налаживанием более эффективной организации власти — то есть демократии.

Для примера можно привести некоторые ключевые эпизоды из истории СССР после Второй мировой войны, когда тоталитарный режим достиг своего расцвета. Корректировка политической и экономической практики, жизненно необходимая прежде всего для выживания самого режима, — отказ от репрессий в отношении элиты и от тотального ограбления населения, особенно сельского, стал возможным только после смерти Сталина. Для прекращения некомпетентных экспериментов Хрущева нужно было устранить его с высшего поста в государстве путем заговора. Попытки преодоления застоя начались только после смерти Брежнева. Такое положение дел не было результатом случайного стечения обстоятельств, а отражало главные характеристики тоталитарного режима, сохранившиеся в процессе его разложения и вырождения в авторитарный.

При демократической организации взаимодействия между обществом и властью появляется присущая только этой системе неизбежность регулярного обновления правящей элиты и проводимой ею политики. Если такое обновление происходит в ненасильственных, жестко обозначенных и определенных правом формах, общество не подвергается потрясениям из-за периодических кризисов власти. Регулярная корректировка власти в демократических системах делает их относительно гибкими, восприимчивыми

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ (как специфически политическое явление) — это совокупность изменений в политической сфере, ведущих к институционализации открытой конкуренции за право контролировать правительство; предполагает признание вместе с институциональным обеспечением широких политических прав и свобод всех граждан конкретного государства для приумножения их политического участия, а также свободные выборы, в результате которых определяется состав правительства.

к технологическим и социальным нововведениям, что в итоге обеспечивает постоянный экономический прогресс. Это подтверждено историей: именно демократические страны Европы и Северной Америки в XIX—XX вв. оказались в авангарде форсированного технико-экономического развития.

4. ПЕРЕХОДЫ К ДЕМОКРАТИИ

4.1. «Волны» демократизации

В политологии популярна теория «волн» демократизации, согласно которой современные институты демократического правления — *полиархии* — утверждались тремя этапами, причем на каждом из них этот процесс затрагивал разные группы стран, а за расширением ареала демократии (подъемом демократизации) следовало его некоторое сокращение (откат демократизации). *Сэмюэл Хантингтон* в книге «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991) дает следующую датировку: первый подъем такой «волны» — 1828–1926 гг., первый спад — 1922–1942 гг., второй подъем — 1943–1962 гг., второй спад — 1958–1975 гг., начало третьего подъема — 1974 г. – ?). Эта книга, правда, не учитывала опыт последнего десятилетия XX в.

Первая «волна» демократизации стала нарастать со второй половины XIX в. и достигла пика незадолго после завершения Первой мировой войны. Вторая «волна» была стимулирована победой союзников во второй мировой войне и процессами деколонизации, длившимися до 1960-х гг. Наконец, третья «волна» демократизации началась в середине 1970-х гг. с падения авторитарных режимов в Португалии, Испании и Греции. Далее она распространилась на часть Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Эквадор, Гватемала, Панама, Чили и некоторые другие государства), Восточную Азию, бывший СССР, страны Центральной и Восточной Европы. Так что к концу второго тысячелетия ареал распространения демократии охватывает почти все промышленно развитое северное полушарие вместе с целым рядом стран, включая такие крупнейшие, как Индия.

Полная полиархия — система XX в. Хотя некоторые из институтов полиархии появились в ряде англофонных и европейских стран в XIX в., нигде демос не стал инклюзивным (т.е. практически совпал по численности со взрослым

населением) до нашего века. Полиархия знает три периода роста: 1776–1930, 1950–1959 и 1980–е годы. Первый начался с Американской и Французской революций и завершился несколько лет спустя после Первой мировой войны. Тогда свойственные полиархии институты появились в Северной Америке и Европе, однако в большинстве стран, достигших порога полиархии к 1920 г., по современным меркам эти институты часто оставались недостаточно развитыми вплоть до последней трети XIX в. Во многих из этих стран только в конце века или даже позднее контроль над правительственными решениями, определяющими политический курс, был конституционно закреплён за избранными представителями.

Р. Даль, «Демократия и ее критики»

4.2. Условия демократии

При анализе феномена демократизации политологи объясняют, почему одни страны являются полиархиями, а другие — нет, в одних начинаются процессы демократизации, а в иных — нет, в одних — демократия стабильна, а в других — распадается и сменяется авторитаризмом. Рассматривая переход к демократии как следствие, многие авторы пытались определить причины, условия, предпосылки, способствующие такому переходу и дальнейшему стабильному существованию демократии.

Первое предварительное условие — сформировавшиеся **национальная идентичность** и **государственное единство**, т.е. наличие нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества. Писавший об этом *Данкварт Растой* (1925–1996) определил национальное единство так: «У значительного большинства граждан потенциальной демократии не должно быть сомнений относительно того, к какому обществу они принадлежат». Значит, граждане осознают совместную государственную идентичность, а в обществе нет ни раскола, ни стремления к объединению с другими сообществами.

Существуют также дополнительные, желательные, но вовсе не обязательные для демократизации условия, в их числе — **уровень экономического развития**. К экономическим предпосылкам демократии обычно относят: 1) продвинутую индустриализацию; 2) распространенную урбанизацию; 3) высокую грамотность; 4) определенное благосостояние; 5) достаточное развитие средств массовой информации.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ (лат. transitus — переход, прохождение) — понятие, объединяющее многообразные по форме процессы перехода от одного общественного и политического состояния к другому, причем в качестве конечного пункта перехода вовсе не обязательно (и даже редко) выступает именно консолидированная демократия.

ПАКТ (лат. pactum — договор) — формальное (открытое, закрепленное письменно) либо неформальное (тайное, неоформленное) соглашение об основополагающих правилах политического поведения, заключаемое между самыми влиятельными политическими силами (например, оппозицией и правящими кругами или различными группировками правящей элиты, ни одна из которых не в состоянии самостоятельно добиться всей полноты власти и эффективно ее реализовать). Эти силы, взятые в целом, придерживаются двух принципиальных установок относительно перспектив (целей) развития политического режима, одна из которых — ориентация на сохранение существующего порядка (условно «консерваторы»), а вторая — нацеленность на проведение преобразований (условно «реформаторы»). Созидательный демократический потенциал пакта выражается в «согласии ➤

Чем зажиточнее государство, тем больше у него шансов сохранить демократию, пишет американский политолог **Сеймур Мартин Липсет** (род. 1922), аргументируя свою позицию таким образом: капиталистическое экономическое развитие приводит к социальной дифференциации, что является основой для создания гражданского общества, а следовательно, для плюралистической конкуренции.

Обратите внимание

По статистике, в мире нет стран, относящихся к категории демократических, доход на душу населения в которых был бы ниже 2 тыс. долларов в год.

Однако экономическое развитие само по себе — именно предпосылка, а не гарантия демократии. Известны недемократические режимы с высоким уровнем экономики и солидными доходами жителей. По-видимому, ключевым для процесса демократизации являются не экономическое развитие и сопутствующее ему благосостояние как таковые, а формирование массового среднего класса в качестве базы социальной поддержки демократии.

Наконец, к предпосылкам демократизации причисляют порой наличие определенных **культурных условий**, прежде всего относительной распространенности ценностей и установок, преодолевающих коллективистский и патриархальный типы политического мышления, и ориентированных на индивидуализм, рационализм и демифологизированное мировосприятие. В свое время **Фридрих фон Хайек** (1899–1992) отмечал: если в обществе возобладают коллективистские настроения, демократии неизбежно приходит конец или же она никогда не возникнет. Эти особенности, а также секуляризация (освобождение от религиозного влияния) политической культуры могут рассматриваться как спутники и признаки модернизации в целом, суверенизации территориально оформленных политических систем и образования современных национальных культур и языков.

При рассмотрении различных *условий демократии* нужно понимать, что все они способствуют возникновению демократического режима. В случае их отсутствия демократический идеал не был бы никогда достигнут, но ни одно из таких условий само по себе не является ни необходимым, ни достаточным для перехода к демократии. Очевидно, что каждое из них надо изучать применительно к конкретной ситуации в какой-нибудь стране, значит, и набор предпосылок может изменяться в зависимости

от различных факторов. В политологии нет абсолютного согласия в отношении причинно-следственных связей, существующих между данными предпосылками и демократическим режимом. Признано справедливым мнение, что демократия, будучи однажды установленной, сама создает обстоятельства для самосохранения. Таким образом, можно говорить о взаимовлиянии различных условий демократии и самой демократии.

Однако даже наличие каких-либо предпосылок не всегда приводит к началу процессов либерализации и демократизации, и наоборот, полное отсутствие таких предпосылок способно не помешать этим процессам.

4.3. Демократический транзит

В процессе перехода — или **транзита** — к демократии обычно различают три стадии: либерализацию, демократизацию и консолидацию.

Либерализация — это процесс закрепления некоторых гражданских свобод без преобразования аппарата власти. Несмотря на определенную свободу (собраний и т.п.), сама система пока еще не меняется и сохраняет недемократические характеристики. Авторитарный режим ослабляет свой контроль, уменьшает репрессии, позволяет самоорганизацию оппозиции, становится более терпимым к любого рода инакомыслию. Иногда инициативу проявляет сам режим (либерализация сверху), а порой либерализация происходит вследствие давления масс снизу. Она приводит к тому, что возникают несовпадающие мнения относительно дальнейшего развития государства и общества, различные интересы сталкиваются.

Именно конфликт способствует тому, что во избежание гражданской войны, британские тори и виги, шведские «колпаки» и «шляпы», латиноамериканские реформаторы и консерваторы, словом, группировки расколотой верхушки заключают формальное соглашение — **пакт** — об основополагающих правилах политического поведения. С этого начинается стадия **демократизации**, на которой главное — институционализация, т.е. внедрение новых политических институтов. Вступающие в явное или тайное соглашение стороны демонстрируют способность отказаться от некоторых своих принципов. Однако главный смысл пакта заключается в «согласии быть несогласными», которое и есть его демократический потенциал. Если пакт предопределяет принятие всеми участниками демократических правил, можно говорить о второй стадии перехода — о демократизации.

➤ *быть несогласными» и в стремлении это согласие поддерживать в условиях, когда несовпадение основных политических мнений и отказ даже от минимального сотрудничества (взаимодействия) может привести к эскалации нестабильности, массовому насилию (вплоть до гражданской войны) и в итоге — к утрате имеющейся или доступной в перспективе власти конкурирующими политическими силами. Своеобразный «джентльменский» характер пакта не устраняет разногласий, противоречий и конфликтов, однако вносит некоторую ясность в действия оппонентов и несколько снижает опасность односторонних акций.*

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ) ВЫБОРЫ (англ. founding elections) — открытое соревнование по обусловленным пактом правилам политической игры различных центров власти, нередко формирующих де-факто партийную систему (типично двухпартийную или «двух-с-половиной» партийную).

КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ (лат. consolidatio — укреплять, уплотнять, сращивать) — 1) наблюдаемая в глобальной «волне» демократизации тенденция, аналитически противопоставляемая тенденции количественного роста группы формально демократических государств (экспансия демократии), состоящая в «усилении демократических институтов и демократической практики в каждой из стран, а также в укреплении межгосударственных связей в сообществе демократических наций» (*Хантингтон*); 2) совокупность социально-экономических, политических и др. процессов, ведущих к становлению в стране *консолидированной демократии* (англ. consolidated democracy), т.е. таких политических условий, в которых демократические принципы признаны основными в сфере политики, и демократические перемены являются необратимыми.

Американские политологи *Линц* и *Степан* определяют *консолидированную* ➔

Исторические примеры такого рода соглашений — Славная революция в Англии, пакт в Ситхесе колумбийских либералов и консерваторов, венесуэльский пакт Пунто Фихо, пакт Монклоа в Испании и т.п.

Следующее важное обстоятельство — **легитимизация** пакта: присоединение к нему новых групп, а также молчаливая, косвенная или во всяком случае односторонняя поддержка более широких кругов общества, заинтересованных как в продвижении реформ, так и в сохранении порядка. На этой основе часто возникает еще одно явление — *центризм*. Центристы (их базой чаще всего бывает средний класс) отнюдь не стремятся вклиниться между реформаторами и консерваторами, заявляя, что только они и способны проложить «правильный» политический курс. Наоборот, настоящие центристы как бы беспринципно готовы признать правоту и тех, и других. Смысл их деятельности заключен в сближении умеренных представителей реформаторов и консерваторов, в поддержании, укреплении пакта.

Часто образование централизма сопровождается выделением групп, придерживающихся жестких сверхпринципиальных позиций. Затем происходит их прогрессирующая маргинализация (вытеснение на «обочину» политической жизни). В результате нередко образуются экстремистские группировки, своей неприемлемостью способствующие сплочению умеренных, а также дальнейшим развитием согласия с пактом (его легитимизации) со стороны массовых слоев общества, которые не ожидают ничего хорошего от обострения политической борьбы.

Легитимизация пакта и его последующее развитие дают возможность для проведения **основополагающих выборов**. Их ключевой аспект — приобщение (или сохранение приобщенности) к власти всех главных участников пакта вне зависимости от результатов выборов, которые определяют только меру и степень относительного доминирования победителей.

Помимо этого, важна **соревновательность** и **представительность** выборов. Для их оценки финский политолог *Таму Ванханен* предложил формулу *индикатора демократии* (ID), которая представляет собой произведение показателей *участия* (англ. participation) и *соревновательности* (англ. competition), разделенное на 100. Данные об участии — это процент проголосовавших граждан (он не может быть меньше 10). Показатель соревновательности — совокупная доля в процентах голосов, отданных за непобедившие партии и их коалиции (он не может быть меньше 30). Ограничение на минимальный показатель ID составляет 5. Подобные критерии не способны, конечно, в полной мере отра-

зять степень соревновательности, демократичности и, главное, легитимизирующего потенциала выборов, однако позволяют в целом довольно наглядно охарактеризовать их основные формальные параметры.

Принципиально важно закрепить продвижение демократизации, связанное с основополагающими выборами. Сделать это можно только путем повторения выборов по тем же правилам и в конституционно установленные сроки по меньшей мере несколько раз. После этого можно говорить о вступлении демократизации в ее завершающую фазу и о **консолидации** уже собственно современной демократии. До достижения этой стадии ни один режим, как бы ему ни хотелось провозгласить себя демократическим, в полном смысле таким быть не может, а является переходным (транзитным).

После достижения этапа вышеуказанной консолидации формальное обозначение политической системы как демократической отнюдь не останавливает развитие по этому направлению. Современная демократия по самой своей природе — соревновательной, плюралистической, исполненной альтернатив и начинаний — всегда «незавершенный проект».

Демократам, живущим там, где правят авторитарные режимы, свойственна пылкая надежда, что их страна в один прекрасный день перешагнет порог полиархии. Демократам, которые живут в странах, управляемых по системе полиархии, присуща убежденность, что полиархия недостаточно демократична и что ее следует еще больше демократизировать.

Р. Даль, «Демократия и ее критики»

Вопросы для семинарского занятия

1. Должны ли все граждане участвовать в политическом процессе и как обеспечить их максимально возможное участие?
2. Представьте себе, что в России была бы установлена прямая Интернет-демократия. Увеличится ли интерес граждан к политике?
3. Можно ли сравнивать демократию с рынком и если да, то почему?
4. Согласны ли вы с тем, что все граждане информированы, рациональны и голосуют в соответствии с формулой Э. Даунса?
5. Насколько «здоровым» для демократии является «элемент авторитаризма», особенно в переходный период?

➔ демократию как политический режим, при котором соблюдаются следующие условия: 1) не существует сколько-нибудь влиятельных, распоряжающихся значительными ресурсами акторов, представленных этническими, социальными, экономическими, политическими и др. группами, которые добиваются своих целей путем создания недемократического режима, применения насилия или отделения от государства; 2) устойчивое большинство граждан убеждены, что демократические процедуры и институты — самые оптимальные средства организации политической жизни их общества; соответственно, доля выступающих против демократического порядка невелика и невлиятельна; эти антисистемные силы маргинальны и не пользуются какой-либо существенной поддержкой населения; 3) государственные и негосударственные акторы согласны разрешать любые возникающие конфликты на основании закона или в рамках сложившихся демократических политических институтов и в соответствии с установленными процедурами.

6. Как определить границы политических свобод?
7. Подходят ли новым и старым демократиям одни и те же критерии?
8. Как вы думаете, изменились ли бы результаты выборов в России, если бы голосование было обязательным?
9. Какие возможности для политического участия предоставляют демократические режимы? Как вы участвуете в политическом процессе?
10. Чем может быть полезна модель консociативной демократии для России?
11. Каковы стадияльные характеристики российского демократического транзита?

Тексты

- Даль Р. *Введение в теорию демократии*. — М., 1992.
- Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Даль Р. *О демократии*. — М., 2000.
- Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. — М., 1997.
- Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 13, 14, 20.
- Хантингтон С. Будущее демократических перемен: от экспансии к консолидации. — *МЭиМО*, 1995. — № 6.
- Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели. — *Полис*, 1996. — № 5.
- Сартори Дж. Вертикальная демократия. — *Полис*, 1993. — № 2.
- Токвиль, А. де. *О демократии в Америке*. — М., 1992.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*. — М., 2000.
- Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики. — *Полис*, 2001. — № 3, 4, 5.
- Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. — *Полис*, 1996. — № 5.
- Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. — М., 1995.
- Dahl R.A. *Democracy and its Critics*. — New Haven, 1989.
- Held D. *Models of Democracy*. 2nd ed. — Stanford (Ca.), 1996.
- Huntington S.P. *The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century*. — Norman, 1991.

Дополнительная литература

- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах.* — М., 1996.
- Арон Р. *Демократия и тоталитаризм.* — М., 1993.
- Гуггенбергер Б. Теория демократии. — *Полис*, 1991. — № 4.
- Возможен ли пакт общественно-политических сил в России? (Круглый стол). — *Полис*, 1996. — № 5.
- Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? — *Полис*, 1999. — № 1.
- Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. (Круглый стол). — *Полис*, 1998. — № 3.
- Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* — М., 1992.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация. — *Полис*, 1996. — № 5.
- Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. — *Полис*, 1993. — № 2.
- Лейпхарт А. Со-общественное конструирование. — *Полис*, 1992. — № 4.
- Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий. — *Полис*, 1995. — № 2.
- Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм. — *Полис*, 1998. — № 6.
- Мельвиль А.Ю. *Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты.* — М., 1999.
- Мерло П. Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «равное игровое поле» и демократические выборы. — *Полис*, 1995. — № 4.
- Пшеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке.* — М., 1999.
- Салмин А. *Современная демократия: очерки становления.* — М., 1997.
- Шапиро И. Демократия и гражданское общество. — *Полис*, 1992. — № 4.
- Arblaster A. *Democracy.* — Buckingham, 1994.
- Bunce V. Regional Differences in Democratization: The East Versus the South. — *Post-Soviet Affairs*, 1998, July-September.
- Diamond L., Plattner M. (Eds.). *Global Resurgence of Democracy.* — Baltimore – L., 1993.
- Lipset S.M. *Political Man: the Social Bases of Politics.* — Baltimore, 1981.

- Pateman C. *Participation and Democratic Theory*. — Cambridge, 1970.
- Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. — Baltimore – L., 1996.
- Sartory G. *The Theory of Democracy Revisited*. — Chatham, NJ, 1987.
- Transitions to Democracy* (L. Anderson, Ed.). — N.Y., 1999.

Глава 6

Политический институт

Political Institution

Программные тезисы

- Становление понятия политического института в теории. Нормативно-юридический подход Т. Гоббса. Социологический подход Э. Дюркгейма и М. Вебера.
- Государство как политический институт. Различные подходы к осмыслению сущности государства. Внутренние и внешние функции государства. Унитарная, федеративная и конфедеративная формы государственного устройства.
- Формы государственного правления. Типология Аристотеля. Монархия и ее разновидности. Республика и ее формы (парламентская, президентская, президенциализм). Выборы как политический институт. Мажоритарная и пропорциональная избирательные системы: возможности их сочетания. Концепция М. Уоллерстайна о сочетании формы правления и избирательной системы.
- Виды негосударственных политических институтов. Партия как политический институт. Становление понятия партии в политической теории и его различные трактовки. Классификация партий М. Дюверже. Универсальные партии (партии избирателей). Партии «новой волны». Партийная система как политический институт. «Три социологических закона» М. Дюверже. Типология партийных систем Дж. Сартори. Группы интересов. Типология групп интересов У. фон Алемана.

Проблемные вопросы

1. Почему понятие политического института является одним из ключевых в политической науке?
2. В чем сложность определения понятия государства?
3. Почему государство является центральным политическим институтом и как оно взаимодействует с другими субъектами политики?
4. Каким образом выборы определяют специфику основных политических институтов?
5. Как характер избирательной системы влияет на развитие института партий?
6. Специфика формирования негосударственных политических институтов.
7. Почему постоянно возрастает роль групп интересов, в т.ч. в мировой политике?

1. СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Многие явления в жизни общества по-научному можно называть **институтами**. Таким образом, эта категория рассматривается в целом ряде дисциплин (политология, социология, юриспруденция и т.д.).

Приведенное определение указывает на двойственный характер понятия института, взятого в самом широком смысле, — установленный законом или обычаем. Значит, в *социальном* плане институт можно истолковать как коллективное поведение, которое, в силу своей повторяемости и устойчивости, приводит к утверждению некоего социального феномена (например, английская традиция пить чай в 5 часов пополудни — *файф-о-клок* — повлияла на организацию труда и ритм жизни людей в целом). Более узким является *юридическое* понимание института как такового — речь идет о точной формализации очевидного и длительного характера института, уже признанного в социальном плане (скажем, когда люди коллективно обнаружили проблемы с состоянием окружающей среды, это стало побудительной причиной учреждения экологических министерств в правительствах многих стран). В реальности соотношение между двумя значениями института может иметь три вида последствий: **социальный институт** непосредственно не приобретает правового закрепления (ведь *файф-о-клок* законодательно не установлен); юридический институт венчает предыдущую общественную практику (самый распространенный случай); юридический институт ориентирует будущее поведение людей на определенные нормы и правила. С последними двумя аспектами непосредственно связан термин **институционализация**.

Обратите внимание

Латинско-русский словарь О. Петрученко, изданный в 1914 г., дает любопытные переводы слова *institutum* на русский язык — 1) обычаем, обыкновением, постановлением вызванное устройство, порядок домашней или гражданской жизни; 2) предприятие, начинание, план; 3) наставление.

Многомерный анализ *политических институтов* — одно из ведущих направлений современной политологии. Вместе с тем, вопрос об общественной необходимости таких институтов был поставлен еще много веков тому назад, когда люди, живущие вместе, на одной территории и в силу самой человеческой природы склон-

ИНСТИТУТ (лат. *institutum* — установление, учреждение) — совокупность фундаментальных форм или структур общественной организации, установленных законом или обычаями конкретного человеческого сообщества.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ — исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности людей. Общество — это система социальных институтов как сложного комплекса экономических, политических, правовых, моральных и др. отношений. Основные социальные институты: собственность, семья, государство, наука, СМИ, образование и т.д.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ — 1) учреждение каких-либо новых общественных институтов; 2) правовое и организационное закрепление тех или иных социальных отношений. Термин чаще всего используется в политическом плане.

ные к спорам, обнаружили, что для бесконфликтного, бескровного разрешения противоречий между ними нужны какие-то всеми принятые установления, те или иные формы общественного распорядка, поскольку они — в их коллективных интересах. Так возникали политические институты.

Члены общины убеждаются в том, что для отстаивания общих интересов им необходимы четыре основополагающих типа политических институтов. Потребность в создании первого из них определяется необходимостью принятия решений о том, каким образом следует регулировать общие интересы (институты законодательной власти). Второй тип институтов необходим для претворения этих решений в жизнь (институты исполнительной власти). Третий нужен для урегулирования возникающих спорных проблем и интерпретации применения общих правил, разработанных органом законодательной власти, к каждому конкретному случаю (институты судебной власти). И, наконец, четвертый тип требуется для того, чтобы наказывать нарушителей общепринятых правил, вне зависимости от того, принадлежат ли они к членам данной группы людей или нет (институты принуждения).

Б. Ротстайн, «Политическая наука: новые направления»

К проблеме политических институтов очень давно обратились и социальные мыслители. Прежде всего их интересовал вопрос о соотношении того сущностного (субстанционального) содержания политики, что, с одной стороны, связано с общением людей и их групп по поводу власти, а с другой — с институциональными формами политики, за которыми стоят собственно институты и конкретные структуры.

Среди основных проблем классической политической теории — определение того, какие политические институты способны содействовать совершенствованию общества и человека. Центральными объектами осмысления были государство, конституция, правительство. Вот только два примера из античности. В сочинении «Государство» **Платон** сравнивал разные формы правления, а в «Законах» — конституции. Его размышления сводились к тому, что именно государству надлежит заботиться о гражданских добродетелях, а также обеспечивать внутренний мир и защиту от внешних врагов. **Аристотель** продолжил эту традицию. В «Политике», при рассмотрении законов полисов Эллады, он пытался выяснить, какая именно конституция является «правильной» (т.е. идеальной), каков наилучший тип правительства, а главное —

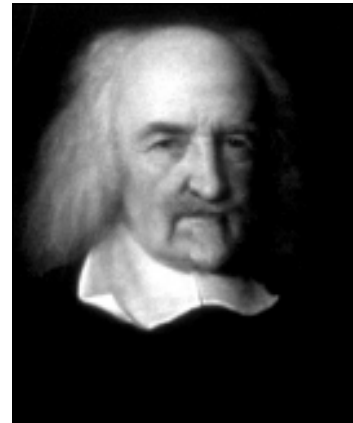
какие институты должны быть в органах совещательной, исполнительной и судебной власти.

Вплоть до конца XIX — начала XX в. в науке все еще господствовало представление о государстве как о первооснове политической жизни, а под институтами понимались лишь административные учреждения и юридические нормы. Эти суждения можно с уверенностью связать с именем выдающегося мыслителя **Томаса Гоббса**, автора знаменитого труда о государстве «*Левиафан*». По сей день некоторые политические публицисты считают государство подобием библейского чудовища.

Обратите внимание

В Энциклопедическом словаре «Христианство» (1995) значится: Левиафан — евр. ливьятан; вероятно, «связанный», «извивающийся», — а далее даются три трактовки в соответствии с упоминаниями о Левиафане в Библии: чудовище, обитающее в море; змей, пораженный Богом; чудище, являющееся объектом магических операций.

Томас ГОББС (1588, Вестпорт — 1679, Хардвик) — английский мыслитель, оказавший определяющее влияние на формирование европейской политической философии Нового времени.

Гоббс в целом видел в политических институтах только учреждения, на которые распространяются полномочия государственной власти, т.е. легальные, разрешенные государством организации и структуры, и фактически стал одним из основоположников нормативно-юридического подхода.

ГОББС (Hobbes), Томас (1588, Вестпорт — 1679, Хардвик) — английский мыслитель, оказавший определяющее влияние на формирование европейской политической философии Нового времени.

Автор многих сочинений, среди которых: «Элементы законов, естественных и политических» (1640); «О гражданине» (1642); «О теле» (1655); «О человеке» (1658); «Человеческая природа» (1650); «О политическом теле» (1650); «Левиафан» (1651); «О свободе и необходимости» (1656); «Бегемот, или Долгий парламент» (1668).

Вклад в развитие политической мысли. Цель всего творчества Гоббса — создание философского подхода к изучению политики, который был бы свободен от постоянно оспариваемых субъективных оценок. Поэтому образцом для политической науки мыслитель назвал точные методы геометрии Евклида и механики Галилея, на основе которых должно появиться новое знание о политике, обществе и праве, способное предотвращать гражданские войны и обеспечивать мир. Подобное намерение, разумеется, в значительной мере утопично, ибо даже ученый не может быть полностью нейтрален по отношению к политической реальности. Это подтвердили жизнь и сочинения самого Гоббса. Вместе с тем, в трудах философа был провозглашен один из главных принципов грядущей эпохи Просвещения — убеждение во всесии разума и науки.

Философию как «науку о телах» Гоббс подразделял на две тесно связанные части: философию природы, мыслящую об естественных телах, и философию государства и общества (лат. *Philosophia civilis*) как учение об искусственном теле — Государстве (политика) и естественном одушевленном теле — Человеке (этика). Человек у Гоббса — часть природы и подчиняется ее естественным законам. Ради понимания человека мыслитель рассматривал взаимосвязанные философские, социальные, правовые, политические и психологические аспекты.

Гоббс предложил оригинальную концепцию естественного права. Если один из властителей дум того времени *Гуго Гроций* (1583–1645) трактовал естественное право как неизменную истину и нравственное предписание, определяющие правильное с морально-этической точки зрения поведение человека, то для Гоббса естественное право есть «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, *свобода* делать все то, что, по его собственному суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством». Аналогична интерпретация естественного закона: это «предписание или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни». Естественные законы Гоббс выводит из *общих принципов*: 1) люди преследуют только свои интересы (психологический эгоизм); 2) равенство людей (нет таких аргументов, которые бы поддерживали тезис о неравенстве людей от рождения, ведь физически слабый человек может убить более сильного); 3) естественные причины конфликтов (ограниченная возможность распоряжаться материальными благами, взаимное недоверие, гордыня); 4) естественное состояние — это состояние войны; 5) стремление к миру (но не миролюбие). К естественным законам, а их в «*Левиафане*» перечислено 19, Гоббс относил: 1) правило, согласно которому человек должен искать мира и поддерживать его, однако это правило не противоречит тому, что в случае невозможности достичь мира человек вправе защищать себя всеми имеющимися средствами, вплоть до лишения другого жизни (данная часть Первого естественного закона есть содержание естественного права); 2) взаимный отказ от прав «в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты», т.е. от прав, присущих человеку в догосударственном, иначе — естественном, состоянии (кроме права на самозащиту как основной побудительной причины вступления в договор), что создает условия для заключения соглашения; 3) обязательность исполнения соглашения, в соответствии с которым устанавливается критерий справедливости (справедливо соблюдать соглашение); 4) закон возвращения полученного блага; 5) принцип приспособления к другим (источник общительности); 6) при наличии гарантий на будущее можно простить раскаявшегося (милосердие); 7) при отмщении следует руководствоваться правилом выгоды, получаемой после совершения отмщения и т.д. Первые три закона природы создают условия для выхода из естественного состояния (конечно, если они соблюдаются), все остальные законы (Гоббс считал, что на деле этих законов больше 19) характеризуют по преимуществу общие свойства соглашений или пове-

дения в государственном состоянии. Их совокупность формирует мораль, причем Гоббс подчеркивал, что в рамках философии этические добродетели, обусловленные вышеозначенными законами, имеют значение постольку, поскольку способствуют поддержанию мира.

В основе политической философии Гоббса — пессимистическое представление о природе человека, пребывающего во власти страстей и стремящегося к их максимальному удовлетворению. Поэтому всякие межличностные отношения содержат мощный конфликтный потенциал: «человек человеку — волк» (лат. *homo homini lupus est*), который на уровне общества, не ограниченного никакой властью или силой, т.е. в естественном состоянии, реализуется как «война всех против всех» (лат. *bellum omnia contra omnes*). Сами по себе естественные законы недостаточны для выхода из такого состояния: нужна власть, которая служила бы гарантом соблюдения соглашений между людьми, применяя силу для сохранения или восстановления справедливости. Власть возлагается на одного правителя или ассамблею («собрание людей»).

Власть образуется путем *общественного договора* (точнее, множества договоров) между людьми, которые взаимно отказываются от своих естественных прав (свобод), передавая их правителю, не участвующему в таком договоре подданных (чтобы избежать неурядиц и споров в управлении ими), а значит, продолжающего распоряжаться всей полнотой естественных прав, от которых отказались подвластные. В силу этого источник легитимности власти — только факт общественного договора, следовательно, такая власть *абсолютна* (едина, неделима, распространяется на *всех*, включая даже церковь), ибо появляется там и тогда, где и когда *заключен договор*. Власть предполагает наличие государства (англ. *Commonwealth*) как «множества людей, объединенных в одном лице», создание которого венчает переход от естественного к гражданскому состоянию: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромного множества людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» («*Левиафан*», глава XVII). Суверен в подобных условиях — «носитель этого лица», который «обладает *верховой властью*». Государство формируется или путем «приобретения» (верховная власть завоевана силой), или «установления» (в результате добровольного соглашения людей из страха друг перед другом). Гоббс предложил классификацию государств: *монархия* (суверен — один человек, причем это наилучший вид, поскольку обеспечивает большую преемственность и компетентность власти, уменьшает опасность гражданской войны, так как монарх не может не прийти к согласию с самим собой и т.д.); *демократия* («народоправство», т.е. власть в руках всех, кто хочет ее представлять); *аристократия* («верховная власть принадлежит собранию лишь части граждан»). Вне зависимости от способа установления и вида государства оно должно выполнять функции охраны мира и обеспечения блага народа как высшего государственного закона. Гоббс уподобляет государство Левиафану (библейскому чудовищу) и «смертному» (земному) Богу, а также искусственному телу, в котором развита специализация всех частей-«органов» (законы выполняют роль нервов, разума и

Эмиль ДЮРКГЕЙМ (1858, Эпиналь – 1917, Париж) – французский социолог-позитивист, основатель французской социологической школы.

воли, суверен — душа государства и т.п.) и для которого характерны сходные с человеческими состояния (мир между подданными — здоровье, внутривнутриполитическая нестабильность — болезнь, а гражданская война — смерть). Раз Левиафан — одновременно и чудовище, и «смертный бог», то его сила имеет «эпистемологический характер», ибо заключена в способности определять значения слов в языке людей и заставлять (в т.ч. силой) всех подданных согласиться с известным пониманием добра и зла, что означает уменьшение или даже отсутствие какой бы то ни было фракционности, ведущей к гражданской войне.

В целом политический порядок (организация) выступает у Гоббса искусственным образованием, создаваемым людьми путем отказа от «прав на все», и фактором мира, без которого невозможно обеспечить индивидуальную и коллективную безопасность. Основная черта политической организации — суверенитет как власть, имеющая абсолютный и принудительный характер.

Можно утверждать, что концепция власти и государства Гоббса явилась одной из первых современных моделей государства, к которой обращаются по сей день.

Начиная с классических работ *Эмиля Дюркгейма* и *Макса Вебера*, в политологии и социологии, в противовес государственно-правовому или административно-юридическому пониманию политических институтов, наметился **социологический подход** к институтам, который вывел проблему соотношения содержания и формы в политических контактах на новый теоретический уровень.

Вебер определил институты очень близко к латинскому смыслу слова, отметив: государство как «чистый» институт — это сообщество людей, поведение которых основано на рациональных установлениях (нормах конституции, законах и т.д.). По взглядам Дюркгейма, институты, с одной стороны, представляют собой некое идеальное образование в виде обычаев и верований, а с другой — такие обычаи и стереотипы материализуются в деятельности социальных организаций различных времен и народов. Данное суждение стало принципиальным исходным положением школы французского «социального институционализма», противопоставившей свои подходы нормативно-юридической традиции и ярко проявившей себя в 1950–1970-е гг.

Французские политологи *Марсель Прело*, *Жорж Бурдо*, *Морис Дюверже*, вслед за Дюркгеймом, выделили два компонента содержания политического института: во-первых, как идеальной модели самой системы политических отношений; во-вторых, как собственно организационных структур, воспроизводящихся в коллективной политической практике в соответствии с общими характеристиками упомянутого образца.

Интерпретация

В книге «*Политическая социология*» (1968) Дюверже дал свое известное определение политических институтов: они выступают в качестве «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные связи, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и крепких».

При всей разноречивости оценок институтов политологи работали общее, казалось бы, мнение: это неформальные и формальные *правила игры*. Ведь большинство людей придерживается неких поведенческих норм, причем многие из них не закреплены в виде законов, постановлений и т.д. Их чаще всего называют обычаями, традициями. Однако целый ряд авторитетных политологов продолжает считать: политические институты есть не что иное, как формальная сфера социальных отношений.

Политические институты есть формальные соглашения между группами людей, поведение которых регулируется четко определенными правилами и самим процессом принятия решений, что обеспечено полномочиями одного лица или группы лиц, опять-таки формально облеченных властью.

М.Леви, «О логике институциональных изменений»

Таким образом, в классической и современной политической науке представлено множество различных институциональных подходов и трактовок содержания категории политического института. Это прежде всего связано с распространенностью и многогранностью самого понятия, а также с наличием в самой политологии целого спектра субдисциплин.

С какой бы ситуацией ни сталкивался специалист в области политической науки, она так или иначе будет связана с политическими институтами. Поэтому можно сказать, что основной проблемой политической науки являются специфические характеристики политических институтов в реальном мире во всем их многообразии, определяемом временем и местом.

Б. Ротстайн, «Политическая наука: новые направления»

В силу объективно сложившегося разнообразия подходов к пониманию **политического института** как такового вряд ли допустимо исчерпывающее, «конечное» определение этой категории. Вместе с тем, если попытаться объединить основные характеристики институциональности, то в конкретных случаях возможна их рабочая дефиниция.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

— 1) идеальная модель системы отношений и общения людей по поводу власти и управления, поддерживающая связь человека и коллектива, внутреннее единство какого-либо объединения и опирающаяся на совместные ценности, организационные принципы, рациональные нормы (установления); 2) состояние организованной общности; организационная форма объединения людей в особую ассоциацию, основывающуюся на коллективной воле, целях и образах жизнедеятельности, совокупных интересах и потребностях; 3) осуществление и воспроизводство посредством коллективной воли моделей отношений — принципов и норм, ценностей и целей — в единой политической практике людей и их групп.

Главная функция таких институтов — регулирование тех или иных сфер политических отношений.

Институт в политике фиксирует реальный статус-кво, сложившийся во властвовании и в политических отношениях между индивидами, социальными группами и обществом в целом. Центральными политическими институтами являются *государство* и связанные с его деятельностью структуры, а также *негосударственные институты*, выступающие в качестве субъектов и объектов политического влияния.

2. ГОСУДАРСТВО

2.1. Государство как универсальный политический институт

Значение государства для жизнедеятельности человеческого сообщества столь велико, что изучением этой категории занимается сразу несколько гуманитарных наук — от философов и правоведов до историков, социологов и политологов. За тысячелетия ученые выработали десятки, если не сотни, подходов к описанию и осмыслению государства, а также к выяснению специфики данного комплексного политического института.

Лишь классических трактовок государства настолько много, что возникает серьезное сомнение в возможности вложить все его основные признаки, а также исторические формы в единственное определение. *Конфуций* видел в государстве «большую семью», а *Платон* — «справедливый человеческий космос». Государство называли: простой совокупностью граждан (*Аристотель*); союзом свободных людей для соблюдения права и общей пользы (*Гроций*); верховной властью, сосредоточенной в одном человеке (или собрании) и сводящей все воления граждан в единую волю (*Гоббс*); машиной для подавления одного класса другим (*Маркс*); земнобожественным существом (*Гегель*) и т.д.

Развитие научного содержания категории государства прослеживается с XIV в., а само ее становление в нынешнем понимании — как совокупности институтов, обеспечивающих функционирование системы управления обществом, — произошло лишь в XVIII в.

Обратите внимание

До XVII–XVIII вв. латинское слово статус ассоциировалось только с особой государя. Вместе с тем, итальянская республиканская традиция отождествляла государство с совокупностью граждан, органы управления — с орудиями в руках наро-

да, облегчающими руководство обществом. Но ни о каком делегировании народом своих полномочий и речи не шло.

Истоки современных концепций государства — в творчестве просветителей, которые отделили государственную систему как от особы правителя (почести нужно оказывать не конкретному человеку, а посту, статусу), так и от совокупности граждан. Для них делегирование полномочий было уже вполне реальным процессом, который люди осуществляют сознательно, в интересах общего блага. Гоббс первым высказал идею о том, что граждане обязаны быть верны не конкретной фигуре, а обезличенному государственному аппарату.

Принцип делегирования полномочий впоследствии неоднократно подвергался критике: с одной стороны, гегельянцами, полагавшими, что просветители недооценивали независимый характер государственной власти по отношению ко всему обществу, а с другой — социалистами, утверждавшими, что такая независимость есть орудие господства определенных классов, значит, она обманчива.

Георг Вильгельм Фридрих ГЕГЕЛЬ (1770, Штутгарт — 1831, Берлин) — мыслитель, создавший всеобъемлющую философскую систему, признанную вершиной немецкой классической философии.

ГЕГЕЛЬ (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770, Штутгарт — 1831, Берлин) — мыслитель, создавший всеобъемлющую философскую систему, признанную вершиной немецкой классической философии. Окончил богословский факультет Тюбингенского университета, однако от карьеры пастора отказался; с 1801 преподавал в Йенском, с 1816 — в Гейдельберском, а с 1818 — в Берлинском университетах.

Автор многочисленных трудов, среди которых: «Феноменология духа» (1807; об эволюции человеческого сознания); «Наука логики» (1812–1816; анализ важнейших законов диалектики; обоснование тезиса о единстве диалектики, логики, теории познания); «Энциклопедия философских наук» (1817); «Основы философии права» (1821); изд. посм.: «Лекции по истории философии» (1833–1836); «Лекции по эстетике» (1835–1838); «Лекции по философии истории» (1837).

Вклад в развитие политической мысли. Философская система Гегеля охватывала всю совокупность теоретических знаний его времени и определяюще воздействовала на дальнейшее развитие философии, в т.ч. на политико-философское знание. Ее главные составляющие — логика, философия природы, философия духа. Проблематику государства и права Гегель относил к философии духа, которая изучает развитие форм индивидуального сознания, повторяющегося и в духовном совершенствовании рода человеческого. В этом поступательном развитии (субъективный дух — объективный дух — абсолютный дух) выявляются творческие силы мирового духа, воплощающегося в сменяющихся друг друга образцах культуры. По Гегелю, государство — это единая субстанция, единый дух с религией, искусством и философией народа. Будучи воплощением духовной идеи, государство есть совершенная, первичная по сущности и по отношению к индивиду целостность; любые элементы государства (право, экономика, нравственность и т.д.) нужно рассматривать в связи с целым и друг с другом, ибо они — результат исторического развития всего целого.

Характеристику государства в качестве порождения деятельности разума Гегель дополнил воспринятым от Ж.Ж. Руссо представлением о государстве как о всеобщей воле, которая так же первична, нравственна и целостна по отношению к иным элементам данной целостности.

Выделив нравственность как высшую форму развития идеи права (триада: абстрактное право — мораль — нравственность), Гегель фактически создал социальную доктрину, раскрывающую весь спектр вопросов о положении человека в обществе. От концептуальных понятий всеобщей свободы, утверждение которой составляет содержание всемирной истории, мыслитель (в соответствии с принципами диалектики и логики) конкретизировал процессы возникновения и эволюции правовых отношений в истории. По Гегелю, *абстрактное право* с его формальным характером предоставляет индивиду право владеть вещами (собственностью), вступать в соглашения с другими людьми (договор) и требовать восстановления своих прав. Философ последовательно отстаивал принцип частной собственности, обладание которой, по его утверждению, делает человека личностью; уравнение собственности он считал неприемлемым и несправедливым. *Мораль*, являясь более высокой степенью развития идеи права, наполняет абстрактное право положительным содержанием. Моральное состояние духа превращает человека в деятельного субъекта; к вещи (собственности) или воле другого человека индивид относится осознанно, исходя из внутренних побуждений. В силу субъективности морали (в частности различий в понимании добра и зла, блага) могут возникать противоречия между предписаниями формального права и моралью. Эти противоречия, согласно Гегелю, устраняет *нравственность* (или нравственная свобода), которую он трактует как сознательное подчинение индивидом своих поступков общему благу. Процессу формирования нравственного сознания способствуют семья, гражданское общество, государство, которое есть «наличная действительно нравственная жизнь».

Гегель рассматривал гражданское общество и государство как различные, несовпадающие феномены, каждый со своей спецификой: общество — «государство рассудка», подлинное государство — «государство разума». Философ относил образование гражданского общества к современной эпохе и фактически отождествлял его с буржуазным обществом (фр. *bourgeois* — означает и гражданин, и буржуа, бюргер). Концептуально под *гражданским обществом* понимается сфера реализации частных целей и интересов отдельной личности; особенные цели личности ограничены всеобщностью стремящихся к реализации частных целей. Удовлетворяя себя, особенная цель вынуждена удовлетворять, вместе с тем, и интересы других. Обусловленность частного и всеобщности реализуется в стихии гражданского общества, которое Гегель изобразил как поле борьбы индивидуальных частных интересов, своего рода «войны всех против всех». Разделяя в основном гоббсовскую характеристику естественного состояния, Гегель, тем не менее, истолковывал гражданское общество в качестве этапа развивающегося понятия, завершающегося в идее государства. Философ отметил три аспекта гражданского общества как объединения индивидов: опосредованная трудом система потребностей, базирующаяся на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве людей; механизм отправления правосудия; корпорации.

Путем деления общества на три сословия — земледельческое, промышленное и всеобщее — Гегель раскрывал формы связи частного интереса со всеобщим, с *государством*. По его характеристике, земледельческое (или субстанциональное) сословие больше склонно к подчинению, промышленное (для него существенна собственная деятельность) — к свободе. Всеобщее сословие занято охраной единых интересов общества в целом. Характеризуя промышленное сословие, Гегель подчеркивал разумность различных корпораций, т.е. объединений членов гражданского общества соответственно их умениям, занятиям, интересам. Корпорации, по оценке философа, наряду с семьей, составляют второй, вырастающий на почве гражданского общества «нравственный корень» государства, способ связи индивидуального со всеобщим, средство борьбы против атомизации общества. Гегель признавал, что в своем развитии гражданское общество ведет к уменьшению возникающих противоречий между частными и общими интересами. Однако полностью социальные антагонизмы не могут быть урегулированы одними только правовыми средствами. Поэтому проблему общественного согласия философ предложил решать методами *политики*; тем самым государству была отведена роль нравственного целого, приводящего в состояние гармонии эгоизм, сложность и запутанность гражданского общества.

СУВЕРЕНИТЕТ (фр. *souverainite* — верховная власть) — независимость государства во внешних и главенство во внутренних делах. Согласно классической теории суверенитета, критерий самостоятельного и хорошо организованного государства — наличие в нем субъекта или политического института, чья власть абсолютна, всецела, неделима, беспредельна и окончательна.

Споры о свойствах государства продолжаются по сей день и вряд ли когда-нибудь будут завершены. Вместе с тем, почти все политологи признали, что развитие государства и в историческом плане, и для ряда обществ современности обязательно проходит несколько стадий.

 Чем более развито государство, тем более оно отделено от общества, приобретающего в Новое время качество «гражданского», — в противовес «обществу политическому», т.е. собственно государству. Государство опосредует движение основного противоречия человеческой деятельности — между ее общественным характером и индивидуальной формой осуществления... Развиваясь, государство, как и любой другой социальный феномен, проходит стадию *становления*, а затем последовательно выступает как явление «в себе», «для себя», «для других». Трех последним стадиям соответствуют три основные фазы развития государственности: государство-класс, государство-бюрократия, государство-нация.

В.Б. Пастухов, «Три времени России. Общество и государство в прошлом — настоящем — будущем»

Некоторое представление об имеющихся подходах к осмыслению сущности государства дает их типологизация в британской «Энциклопедии управления и политики» (1992): 1) правовой;

2) исторический; 3) социально-антропологический; 4) философский; 5) политологический. Правовой (юридический) подход сводит государство к системе права, основывающейся на **суверенитете** публичной власти. **Ганс Кельзен** (1881–1973) именно в этом духе определяет государство как иерархию законов, скрепленных властным суверенитетом. Второе, историческое направление исследует государство как эволюцию его органов и форм от эпохи к эпохе. В частности, ученые также рассматривают государство и его разновременные качества сквозь призму смены статусов-состояний (лат. status, производные от него исп. Estado, фр. etat, англ. state, нем. Staat).

Третий, социально-антропологический подход предлагает осмыслить государство как тип социальной организации в контексте всего общества — **Маркс, Дюркгейм, Леон Дюги** (1859–1928), **Вебер**. Философский метод познания государства столь же древен, как и юридический, — он отражает представления об этом институте как о некоем справедливом порядке объединения граждан.

Политологический подход, в свою очередь, распадается на более дробные концепции: плюрализма, корпоратизма, марксизма и целый ряд других. **Плюралисты** (**Р. Даль, Д. Трумэн**) главным для государства считают поиск равновесия между конкурирующими социальными группами, организацию их взаимодействия, для чего нужны полноценное разделение властей, строгий учет роли различных общественных движений, в т.ч. меньшинств. **Корпоратисты** (**Ф. Шмиттер**) рассматривают государство как единое целое, где, несмотря на наличие разграниченных интересов между крупными общественными группами и объединениями (корпорациями), сильное и централизованное государство удерживает решающие рычаги власти. Сторонники этого течения видят в коллективных соглашениях между корпорациями, их персоналом и правительством важнейший для государства процесс. У **неомарксистов** точки зрения на государство разнятся. Для **Р. Милибенда** (1924–1994) оно продолжает выражать интересы экономически господствующего класса и лишь в чрезвычайных обстоятельствах (война и пр.) может действовать независимо от классовых интересов. На взгляд французского политолога **Н. Пуланзаса**, государство более не является инструментом господства над обществом — гораздо значительнее то, что оно защищает долговечность капиталистического производства даже тогда, когда входит в конфликт с некоторыми сегментами класса капиталистов. Мнение немецкого политолога **К. Оффе** сводится к тому, что современное государство исключено из процесса накопления, а лишь выполняет нужные функции с использованием перераспределения средств.

Интерпретация

Дэвид Хелд в книге «Политическая теория и современное государство» (1989) пишет, что проблемы взаимоотношений между государством и гражданским обществом рассматривают четыре течения: 1) либералы делают упор на вопросы суверенитета и понятие гражданства; 2) либерал-демократы совершенствуют концепцию государства, правительство которого руководствуется прежде всего соображениями общего блага, поскольку считают политику как таковую сценой, где обеспечиваются интересы индивидов, защита их жизни и имущества; 3) марксисты видят в государстве и бюрократии классовые инструменты, призванные осуществлять общественную координацию в интересах правящего класса; 4) представители политической социологии развивают идеи своего учителя Вебера, который категорически возражал против тезиса об «уничтожении» государственных институтов в ходе «революций» и считал государство с его монополией на насилие необходимым орудием защиты собственников внутри страны и во внешних отношениях; последователи этого ученого вообще отрицают классовый характер государства.

Определения **государства** бывают двух типов — государствоцентристские и социоцентристские. Если первые проецируют интересы общественных групп на институты, то вторые, институционалисты, считают такие группы автономными величинами, только опосредованно выражающими групповые интересы. В последнее время популярность государствоцентристского подхода, который, по мнению *Тэды Скокпол*, сделал анализ государства ядром макрополитических исследований (как социетальных изменений, так и самого государственного управления), серьезно возросла.

2.2. Основные функции и направления действий государства

Действия государства разворачиваются по внутреннему и внешнему направлениям, вместе с тем, эти его функции не обособлены, а находятся в тесной взаимосвязи.

К **внутренним функциям** относятся охрана правопорядка, хозяйственная, идеологическая, социальная. В разные периоды существования неодинаковых типов государств значение каждого из этих видов деятельности может возрастать или падать.

Охрана правопорядка, включая подавление антисистемных выступлений противников существующего строя, высокозначима для любого государства. Вместе с тем, данная функция проявляется

ГОСУДАРСТВО (производ. от рус. господин, государь) (определение дано в упрощенном виде) — совокупность взаимосвязанных между собой учреждений и организаций, управляющих обществом; звено политической системы общества с властными полномочиями. Государство обладает суверенитетом и территориальностью, т.е. осуществляет власть над конкретным политико-географическим пространством, устанавливает систему права. Обладая монополией на насилие, оно принуждает ко всеобщему исполнению законов и в целом обеспечивает охрану существующего порядка. Основные государственные органы — правительственный аппарат, административная и финансовая системы, вооруженные силы, полиция, карательные учреждения и пр.

ся и в профилактических мероприятиях, направленных на недопущение покушений на общественный порядок, на государственные устои и институты.

Обратите внимание

Под существующим *строем* понимается утвердившаяся на определенное историческое время система политических институтов. Например, борьба крупных феодалов против монарха в период утверждения абсолютной монархии была борьбой против абсолютистского строя.

Роль *хозяйственной функции* меняется с течением времени. На заре становления государственности в восточных деспотиях (например, в Древнем Египте) эти обязанности были одними из важнейших: возведение храмов и других общественных зданий, а главное — строительство ирригационных сооружений, находившееся в ведении государства, обеспечивало воспроизводство общества, так как сельское хозяйство можно было развивать только при наличии искусственного орошения полей. Однако на протяжении политической истории важность описываемой функции не всегда была столь высока. В частности, на начальном этапе развития капитализма государство минимально вторгалось в экономику (принцип «государства — ночного сторожа»), хотя и тогда хозяйственная функция полностью не исчезала из предназначений государства.

Идеологическая функция продолжает сохранять свое немалое значение для любого государства. При этом в одних случаях официальная идеология вырабатывается государственными структурами, а в других — они воспринимают и поддерживают в качестве официальных концепции, разрабатываемые вне пределов их компетенции. Пример первого подхода — концепция Третьего Рима в России XV–XVII вв., официальная идеология в бывших социалистических странах, доктрина национальной безопасности в США в XX в.; второй вариант — различные религии (например, конфуцианство, отстаивающее незыблемость общественных порядков). Государство может более или менее терпимо относиться к несанкционированным им идеологиям или беспощадно подавлять их. Иногда данная функция проявляется в стремлении уничтожить всякую иную, сочтенную антигосударственной, идеологию и ее носителей (так действовали нацистская Германия и фашистская Италия, СССР в период сталинизма). К идеологической функции относятся распространение официальных взглядов, создание пропагандистской машины, в т.ч. государственных СМИ, надзор за образованием, моральная и материальная поддержка

идеологов и учреждений, вырабатывающих полезные для государства системы идей.

Выполнение государством *социальной функции* прежде всего отвечает интересам различных групп и классов. Такого рода деятельность в том или ином виде продолжает быть присущей любому государству. Например, в Древнем Риме она выражалась в бесплатной раздаче хлеба неимущим, в содержании заведений, способствовавших физическому воспитанию и просвещению граждан и т.п. В современном мире социальная функция получила особенно динамичное развитие. Она охватывает здравоохранение, социальное обеспечение, образование, создание возможностей для более широкого доступа к достижениям культуры, заботу о детях, молодежи и престарелых и т.д.

К **внешним функциям** государства относятся: отношения с различными субъектами мировой политики — прежде всего с другими государствами и с международными организациями, внешнеэкономическая и военная функции.

Поддержание отношений с другими государствами и деятельность в международных организациях охватывают взаимосвязи, имеющие как чисто политический, так и культурный характер, — к примеру, вопросы укрепления мира и доверия, экологии, защиты интересов своих граждан (подданных) и предприятий, работающих за границами данного государства.

Внешиэкономическая функция заключается в стремлении государства обеспечить, с одной стороны, максимально благоприятные условия для деятельности национальных хозяйствующих субъектов за рубежом, а с другой — учесть все внешние факторы для создания условий развития собственной экономики. Это достигается с помощью односторонних мер (в частности таможенного тарифного и нетарифного регулирования, привлечения иностранных товаропроизводителей и инвесторов либо, наоборот, протекционизма, выделения средств на поддержку отечественных экспортеров и т.п.), а также в результате согласования позиций с другими государствами на двусторонней и многосторонней основе.

У *военной функции* государства две стороны: 1) надежная оборона собственной страны; 2) захватнические и вообще наступательные действия, обеспечивающие интересы совершающего их государства. Сюда же относятся разведка и контрразведка. В последние годы государства на мировой сцене выполняют еще и антитеррористические операции, участвуют в борьбе с распространением наркотиков и с иной преступной деятельностью в целом, а также в международных вооруженных контингентах по поддержанию мира в «горячих точках».

УНИТАРИЗМ (лат. unitas — единство) — государственное устройство, характеризующееся централизованным управлением административно-территориальными единицами и отсутствием обособленных (самостоятельных) государственных образований. **Унитарный** — единый, составляющий одно целое.

ФЕДЕРАЦИЯ (лат. foedus — союз) — форма государственного устройства, при которой входящие в состав государства федеральные единицы (республики, земли, штаты и т.д.) обладают определенной политической и юридической самостоятельностью. Наряду с этим образуются общесоюзные — федеральные — органы власти, устанавливаются единые гражданство, валюта и пр.

КОНФЕДЕРАЦИЯ (позднелат. Confoederatio — объединение) — постоянный союз государственных образований, сохраняющих свою независимость (суверенитет), располагающих собственными структурами власти, которые объединяются для координации действий по некоторым внутри- и внешнеполитическим вопросам и создают специальные совместные органы.

Если совместить все основные современные концепции государства, то получится, что его активность должна разворачиваться по ряду *направлений* и обладать некоторыми особыми *характеристиками*.

– Государство создает своим субъектам благоприятные условия для действий в рамках государственных институтов и гражданских объединений, а также для использования их ресурсов.

– Административные возможности государства могут быть ограничены доминирующими коллективными общностями (например, корпорациями, профсоюзами), необходимостью во многих случаях получить одобрение парламента или избирателей. Осуществление государственной политики определяется формальными правилами, институциональным регулированием, способностью экономики обеспечить ресурсы для этой политики.

– Государство может предложить свои политические альтернативы конфликтующим группам, образовав тем самым основу для достижения компромиссов.

– Государственный аппарат занимает приоритетные позиции по отношению к социальным группам и коллективным объединениям.

– Способность государства маневрировать повышается благодаря его возможностям переносить имеющиеся у него ресурсы из одной области в другую. Однако успешным такое политическое маневрирование будет только тогда, когда государство располагает ощутимой поддержкой парламента и населения.

– Все государства в рыночных обществах защищают свои главные институты — частную собственность, плюрализм демократических норм и правил. Поэтому вмешательство государства в жизнедеятельность общества чаще всего ограничивается урегулированием кризисных проблем.

У центрального политического института — государства — есть два аспекта, принципиальным образом определяющих его сущность: тип государственного устройства и форма правления.

2.3. Тип государственного устройства

Форма устройства государства отражает особенности его территориально-политической организации, распределение властных полномочий между центром и периферией, определяет характеристики других политических институтов субнационального уровня. Исторически сформировались три базисные модели государственной структуры — **унитарная, федеративная и конфедеративная**.

Сущностные черты каждой из форм государственного устройства можно понять при сопоставлении федераций, с одной стороны, с унитарными государствами, а с другой — с конфедерациями.

Образцами унитарных государств принято считать такие страны, как Египет, Франция, Великобритания, политико-географическое строение которых исторически основано на существовании единого верховного центра власти. В качестве примеров конфедераций приводят древнегреческий Ахейский союз (280–146 до н.э.), Конфедерацию Новой Англии (1643), Северо-Германский союз (1867). Соединенные Штаты Америки до 1789 г., когда они объединились в федерацию, в течение 11 лет являлись конфедеративным политическим образованием. Швейцария со времен средневековья вплоть до последней трети XIX в. тоже была типичной конфедерацией, позднее воспринявшей более современную форму федерации. Главный признак конфедерации — центр не является носителем верховной власти, а наделен полномочиями по усмотрению составляющих ее политических субъектов.

Обратите внимание

Некоторые политологи по сей день оспаривают федеративную сущность государственного устройства Швейцарии, полагая, что эта страна сохранила важные черты конфедеративной системы. Вряд ли вообще можно считать конфедеративный принцип объединения государств отошедшим в прошлое. В XX столетии он воспроизводится в новых формах — в виде, например, наднационального *Европейского Союза*.

Жан БОДЕН (1530–1596) — французский политический философ, теоретик права, родоначальник концепции суверенитета, идеи которого оказали существенное влияние на европейскую политическую теорию и практику.

До появления на карте мира федераций унитарные и конфедеративные государства фактически не разграничивались. Великие философы Возрождения — **Жан Боден, Гоббс, Спиноза** — различали государства суверенные и несuverенные либо противопоставляли централизованные монархии территориям, менее жестко объединенным на основе вассальной зависимости или договора (например, лигам).

БОДЕН (Bodin), Жан (1530, Анже — 1596, Лан) — французский политический философ, теоретик права, родоначальник концепции суверенитета, идеи которого оказали существенное влияние на европейскую политическую теорию и практику.

Автор нескольких работ, среди которых наиболее известны: «Метод для облегчения понимания истории» (1566); «Шесть книг о государстве» (франц. изд., 1576; европейское изд. на латыни, 1586), «Разговор семерых о религии» (изд. 1857).

Вклад в развитие политической мысли. Религиозные войны, поставившие Францию на грань полной анархии, заставили многих мыслителей начать поиск источника общественного порядка и устойчивости политического режима. Боден увидел этот источник в *суверенитете*,

который одновременно выступает и сущностным признаком государства. Предложенная Боденом концепция суверенитета явилась чрезвычайно эффективным инструментом анализа политической власти и, что немаловажно, ориентиром политической трансформации Европы Нового времени в направлении независимых наций-государств (англ. Nation-states).

Ставшая классической трактовка суверенитета, данная Боденом в *«Шести книгах о государстве»*, гласит: *«Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными»*. Таким образом, суверенитет — это *уникальная, постоянная, единая, неделимая и абсолютная власть*, не ограниченная внешним (за некоторыми исключениями) и внутренним контролем и самодостаточная, поскольку не требует согласия тех, над кем осуществляется. Первоисточником суверенитета является божественное Провидение, имеющее целью человеческое благо. По Бодену, в практическом плане суверенитет предполагает независимость государства (в первую очередь Франции) от церкви, от внешних авторитетов, например, папы римского и императора Священной Римской империи германской нации, от сословий или отдельных внутриполитических центров силы, а также ряд функций по обеспечению этой независимости, в частности исключительное право издавать, отменять и осуществлять законы, объявлять войну и заключать мир, назначать должностных лиц, осуществлять верховный суд, наказывать преступников и давать помилование, назначать и собирать налоги, обеспечивать денежную политику и т.д. Боден указывал, что носитель суверенитета не связан законами, которые он создает (лат. *majestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas*). Часто это положение интерпретируется как полное отсутствие ответственности суверена перед кем или чем бы то ни было, включая собственные законы. Однако сам Боден признавал, что в отношении своих подданных суверен должен соблюдать некоторые правила, проистекающие из божественного закона, естественного закона (или закона разума), международных договоров и традиций (таких как неписанные законы войны), а также общих установлений государственного права, которые определяют, кто носитель суверенитета, каков порядок наследования и осуществления суверенитета. Хотя подобное поведение суверена является идеальным и к нему следует стремиться, на практике суверены не всегда руководствуются этими принципами; в случае их нарушения граждане или подданные все равно должны подчиняться правителям-суверенам, даже если они являются деспотами и тиранами.

Что касается государства, то Боден определял его, исходя из своей концепции суверенитета: государство — это *правовое управление* многими семьями (семья — основание государства) и тем, что у них общее, на основе суверенной власти. «Не население формирует государство, но союз народа под одной-единственной суверенной властью». На основании того, кому принадлежит суверенитет, Боден различал следующие формы государственного устройства: монархия (власть одного), аристократия (власть меньшинства) и демократия (власть большинства). Сам Боден считал наилучшей формой устройства монархию, в которой правитель-суверен информирован о потребностях подданных через парламент.

Власть достаточно компетентна, ее отправление — быстрое и эффективное. Боден также предвосхитил положения Монтескье о влиянии факторов окружающей среды на особенности политического устройства.

АВТОНОМИЯ (гр. autos — сам, nomos — закон) — право какой-либо части государства на самостоятельное решение своих внутренних вопросов; самоуправление.

Главный признак **унитарного государства** — сосредоточение всех внутренних и международных полномочий в руках общенациональной власти. Это целостное образование подразделяется на административно-территориальные единицы, не обладающие политической самостоятельностью. Им центр передает в ведение ряд функций, а местные власти отвечают за их исполнение. Когда государство из своего политического центра само управляет территориями — это случай *деконцентрации*, которая выражается в том, что уполномоченные органов государственного управления осуществляют фактическое руководство и надзор за местными администрациями. Объем компетенций таких должностных лиц отражает степень унитаризма данного государства, т.е. показывает, какую часть задач непосредственного государственного управления местными единицами берет на себя центр.

В современных условиях даже сверхцентрализованное государство неспособно осуществить с помощью своих представителей и функционеров в структурах верховной власти и на местах всю полноту необходимых политических функций. Государство складывается из регионов со своими историческими традициями (в т.ч. политической самостоятельности), специфическими интересами и потребностями и т.д., что обуславливает стремление людей из местных сообществ к определенному административно-политическому самоуправлению. *Децентрализация* — это способ передачи государством созданным им локальным сообществам (во Франции, например, коммуна, департамент, регион) некоторых полномочий при контроле над их осуществлением. Вариантов децентрализации много — весь спектр отношений центра и периферии от ограниченного самоуправления (Франция) до весьма широких прав **автономии** (Испания). В условиях демократии местные образования получают возможность формировать свои представительные (разрабатывающие юридические нормы и правила, действующие на данной территории) и административные институты.

Органы автономных образований обладают большим объемом прав в сфере внутреннего управления по сравнению с другими административно-территориальными единицами. Вместе с тем, существование автономий не меняет принципиально унитарного характера государственного устройства, хотя придает ему особые черты, нередко обусловленные географическим (острова Мадейра и

Азорские в Португалии), историческим (Андалусия в Испании) и этническим (Гренландия и Фарерские острова в Дании, Страна Басков и Каталония в Испании) своеобразием данной территории.

Обратите внимание

Некоторые политологи считают, что степень децентрализации можно измерить путем выявления нормативной самостоятельности локальной единицы. Например, в Италии система законодательной власти состоит из двух уровней с гармоническим подчинением низшего из них национальному законодательству. Но французское государство сохраняет монополию на законотворчество, а местные власти могут выносить лишь решения, которые регулируют какую-либо деятельность на данной территории.

Однако политологи уже зафиксировали и прогнозируют дальнейшее изменение унитарного устройства этих государств. Во Франции еще в 1982 г. регионы, некогда созданные сверху как чисто административные образования, получили статус территориальных общностей, формально и юридически наделенных полномочиями довольно самостоятельных политических субъектов. Это касается заморских департаментов и территорий страны (Гваделупы, Мартиники, Реюньона, Новой Каледонии и др.). Более того, сепаратистское движение на Корсике, родине Наполеона, заставило политиков и общественность говорить о необходимости введения во Франции автономий. В Италии набирает силу политическое движение за федерализацию государства по принципу Север — Юг.

Самой сущностной характеристикой **федерации** является наличие двух официальных государственных уровней. Распределение полномочий между этими уровнями сводится к тому, что федеративное государство наделяется ничем не ограниченным внешним суверенитетом и частью внутреннего, а субъект федерации — *федерированное* государство — сохраняет только некоторые атрибуты внутреннего суверенитета. Разграничение компетенций доверено конституционному и договорному урегулированию, в политическом смысле исходящему из реального соотношения сил и возможностей между федерацией как целым и ее участниками.

Каждый субъект федерации располагает своей системой законодательных, исполнительных и судебных органов. Между тем практика развития этой формы государственного устройства показывает, что федерированные субъекты, как правило, очень мало различаются между собой и с федерацией в целом по институциональным характеристикам.

Интерпретация

Кельзен в книге «Общая теория государства и права» (1961) рассматривал все без исключения федерации как образования, только в количественном смысле более децентрализованные, нежели унитарные государства. Например, составные части федерации обладают большим объемом законодательных возможностей, чем территориальные единицы при унитаризме. По заключению этого исследователя, если отбросить количественный фактор, то окажется, что налицо значительное сходство между «структурами федеративного государства, с одной стороны, и унитарного государства, подразделенного на автономные провинции — с другой».

Престон КИНГ (род. 1936, Олбани, США) – британский политолог, один из ведущих исследователей федерализма.

Федерализм предполагает строгое распределение компетенций между общефедеральными органами власти и подобными им институтами отдельных субъектов федерации (штаты — в США, Бразилии, Индии и др., земли — в ФРГ и Австрии, кантоны — в Швейцарии). Как правило, субъекты федерации принимают собственные конституции или уставы, располагают многими свойственными государству как таковому правовыми и политическими институтами. Верховенство все же сохраняется за общефедеральными законами, но некоторые области отнесены целиком к законодательному регулированию федерированных образований. Вместе с тем, авторитетный английский политолог **Престон Кинг** указывает на то, что регионы, составляющие федерацию, не суверенны, ибо в ней всегда имеется определенная процедура принятия согласованных решений. При крайней необходимости федеральный центр обладает конституционной возможностью путем чрезвычайных законодательных и иных мер постепенно подорвать или даже уничтожить закрепленные за субъектом федерации полномочия и атрибуты независимости, а также его политические и иные институты. Практика эволюции разных федераций показывает, что федеральный центр исподволь старается расширить круг своих прерогатив в ущерб правам субъектов. Похоже, что современные унитарные и федеративные государства развиваются в противоположных направлениях: если первые тяготеют к децентрализации, то во вторых повышается степень централизации.

Федерации могут быть договорными, т.е. образованными на основе первоначального договора, заключенного его субъектами, с присоединением к нему новых единиц (США и др.), или созданными актом центрального правительства без установления договорных отношений между его субъектами (Бразилия, Австрия, ФРГ и др.).

Конфедерация — это союз самостоятельных государств, где принцип распределения политических полномочий между государ-

ствами-участниками и самим объединением противоположен федеративному. Ее члены оставляют за собой главную часть своих государственных прерогатив, отдавая в ведение учрежденного ими конфедеративного государства некоторые вопросы, как правило, относящиеся к внешнему суверенитету (валютное регулирование, оборона, дипломатия).

Обратите внимание

Конфедерация обычно создается для достижения определенной цели, поэтому она представляет собой довольно неустойчивое объединение и либо преобразуется в федерацию, либо распадается (Сенегамбия — появившееся в 1982 г. временное объединение Сенегала и Гамбии). Ныне «чистых» конфедераций не существует, хотя само это слово присутствует в названии ряда государств (например, Швейцарии), что не меняет сущности их федеративного государственного устройства.

Показательно, что конфедеративный принцип устройства в том или ином виде воспроизводится в структуре международных (наднациональных) организаций, где применяются два основных правила — равенство участников и единогласное принятие решений (ООН, Европейский Союз и т.д.).

2.4. Формы правления

Сразу с несколькими центральными категориями политической науки связано понятие **формы правления** — это и система (полития), и режимы, и процессы (например, избирательный), и институты. Причем в разных национальных политологических традициях форма (реже — тип) правления обозначена неодинаково (в частности во Франции в данном отношении используется термин политический режим).

Классическая типология форм правления восходит к политической логике *Аристотеля*, и любое учебное пособие в мире приводит схему, построенную исходя из размышлений философа в IX главе «*Политики*».

Властвует в пользу:	Общего блага управляемых	Личного блага правителей
Один	Монархия	Тирания
Несколько	Аристократия	Олигархия
Все (или как можно больше)	Республика (хорошая демократия = полития)	Плохая демократия

Аристотель полагал, что **монархия** способна вырождаться в **тиранию**, **аристократия** — в **олигархию** ради выгоды богатых, а **республика** (или демократия) может ориентироваться только на пользу бедных, потому ни одно из выделенных им правлений не занимается *всеобщим благом*. Философ видел наилучшую («правильную») власть в смешении всех трех форм в их умеренном виде и в зависимости от реальной ситуации.

Кроме вышеуказанных, среди форм правления нередко называют также *диктатуру* (лат. *dictatura* — неограниченная власть), *охлократию* (гр. *ochlos* — чернь, толпа), *тимократию* и пр.

Интерпретация

Французский политолог **Жан-Люк Шабо** («Введение в политику», 1991) считает: современные демократии большей частью соответствуют модели смешанного государственного устройства, т.е. сочетания аристотелевых типов монархии, аристократии и демократической республики, но при изъятии из первых двух форм принципа наследования власти. Например, в 1965 г. **Уильям Бенети** описал британское правление как систему с избираемым монархом (англ. *electd monarch*), имея в виду высокие полномочия премьер-министра: именно он исполняет монархическую функцию, а не королевская власть. Президентство в США нередко называют «императорским». Шабо отмечает: «V Республика во Франции означала возвращение принципа монархии... В 1958 г. в стране произошла настоящая монархическая реставрация, но она ни в коей мере не означала возвращения к наследственной королевской власти или личного присвоения власти... Вот слова президента де Голля: «Я восстановил монархию в свою пользу». ...Речь идет... об умеренной республиканской монархии. В ней правит один человек с помощью аристократически-олигархических коллегий, образуемых на основе принципов выборности и кооптации (парламент, министры, Верховный суд, партии и их приверженцы и т.д.). ...Народ участвует в отправлении власти через механизмы представительной и полупрямой демократии».

В современном мире выделяются две **формы правления** — монархия и республика.

Форма правления — определяет порядок формирования высших органов власти и взаимоотношения между ними. Монархия и республика различаются по способу замещения поста главы государства. Статус монарха, как правило, передается по наследству; даже в тех особых случаях, когда прерывается династия, монарх избирается из представителей одной или весьма ограниченного круга семей, принадлежащих к королевскому роду. В республике

МОНАРХИЯ (гр. *monos* — один, *arkhein* — правитель; единовластие) — форма правления, при которой верховная власть в государстве формально сосредоточена (полностью или частично) в руках единоличного правителя — монарха, а также государство с такой властью. Власть обычно передается в порядке наследования.

ТИРАНИЯ (гр. *tyrania*) — тип правления (или государственного устройства) с личной властью тирана, характеризующийся, как правило, жестокостью, применением разных видов насилия и принуждения.

АРИСТОКРАТИЯ (гр. *aristos* — лучший, *kratos* — власть) — форма правления, при которой власть принадлежит представителям родовой знати; господство знати.

ОЛИГАРХИЯ (гр. *oligarchia* — власть немногих) — правление узкой группы лиц (крупных предпринимателей, военных и т.д.).

РЕСПУБЛИКА (лат. *res publica* — букв. общественное дело; государство) — форма правления, при которой высшая власть принадлежит выборному представительному органу; глава государства также избирается гражданами или специальной коллегией.

ВЕТО (лат. veto — запрещаю) — отказ главы государства (монарха или президента) подписать и ввести в действие законопроект, принятый парламентом. Абсолютное вето означает окончательное отклонение законопроекта; отлагательное (сuspensivное) вето предполагает повторное утверждение парламентом законопроекта (после его доработки или без таковой), который становится законом вопреки противодействию со стороны главы государства.

глава государства (единоличный или коллегиальный) обретает свой пост на основе *института выборов*.

Монархии нашего времени делятся на два вида — абсолютные и конституционные. В **абсолютной** монархии принадлежит вся полнота законодательной и исполнительной власти. Эта форма правления характерна для стран, в которых во многом сохраняются докапиталистические, традиционные политические отношения (Саудовская Аравия, Бруней и др.). В **конституционной** монархии полномочия главы государства лимитированы. По степени ограничения они бывают дуалистическими и парламентскими.

В *дуалистических* монархиях, помимо монарха, существует парламент, который издает законы, утверждает бюджет (в отдельных из них есть даже институт парламентской ответственности правительства). Монарх же обладает правами назначения и смещения кабинета министров, абсолютного или отлагательного **вето** в отношении решений парламента, а также выполняет ряд представительских и внешнеполитических функций (Марокко, Иордания и пр.).

В *парламентских* монархиях реальная власть монарха более чем скромна. В одних странах функции монарха сведены лишь к представительству (в Японии — по конституции 1947 г., в Швеции — по конституции 1974 г.). В других государствах (например, в Великобритании, Бельгии, Дании, Нидерландах, Испании и пр.) за монархом номинально сохраняются определенные полномочия, однако он пользуется ими только в результате инициативы правительства, иного органа или вообще не прибегает к ним, так что эти полномочия предусмотрены в качестве резервных на случай какого-либо политического кризиса. В частности, право налагать вето на законодательные акты парламента (там, где оно формально имеется у монарха), на практике, как правило, не применяется.

Обратите внимание

У ряда монархий есть определенные особенности, что требует дополнительной характеристики. Например, государства, где монарх обладает не только светской, но и религиозной властью, именуются *теократическими* (гр. theos — бог). Существуют и т.н. *выборные* монархии — государства, представляющие собой объединение нескольких монархий, главы которых из своей среды выдвигают единого правителя. Круг избирателей и кандидатов здесь довольно узок — коронованные особы состоящих в союзе монархий (Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты).

Своеобразна монархическая форма правления в бывших доминионах Британской империи (англ. dominion — владение), с 1947

г. входящих в Содружество наций (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Гренада и др.). Формально главой государства в них является британский монарх, но его более чем урезанные функции осуществляет генерал-губернатор, назначаемый Короной по представлению правительства данного члена Содружества.

Самой распространенной в нынешнее время формой правления является **республика** в ее трех видах: парламентская, президентская и полупрезидентская (смешанная). В основу этой классификации заложена структура отношений между исполнительной и законодательной ветвями власти. В отличие от них, у судебной власти — неизменная функция: она обеспечивает соблюдение юридически закреплённого политического порядка.

Возникновение **парламентской** республики не обусловлено осуществлением какой-либо заранее разработанной модели власти, а связано с исторической практикой британской политической системы, оформившейся в современном виде примерно в XVII–XVIII вв.

Обратите внимание

Еще в 1867 г. один из политиков «матери парламентов» Британии приписал этому органу законодательной власти три функции: 1) экспрессивная — выражать уmonoстроения народа по всем значимым вопросам; 2) педагогическая — учить нацию тому, чего она еще не знает; 3) информативная — дать людям услышать то, что они иначе не услышат.

ПАРЛАМЕНТ (англ. parliament от фр. parler — говорить) — высший представительный и законодательный орган государства, формирующийся целиком или частично на выборах началах. Впервые был образован в XIII в. в Англии как орган сословного представительства. В зависимости от страны может называться по-разному: в Великобритании — парламент, в Швеции — риксдаг, в России — Федеральное Собрание и т.д. Как правило, состоит из двух палат — верхней (сенат) и нижней (палата депутатов или общин).

Понятно, что в парламентской республике руководящий орган государственной власти — парламент. Правительство формируется на основе парламента и несет перед ним ответственность. В современной политике существует довольно много различных форм организации института парламентаризма; вместе с тем, они обладают определенными общими — классическими — характеристиками:

- выборы одновременно решают вопрос о составе парламента и правительства, а также проблемы союзов (коалиций) партий и депутатских фракций;
- парламент назначает правительство, и он же может его отозвать;
- глава правительства входит в нижнюю палату, избранную всеобщим голосованием, и имеет полномочия распустить ее;
- раздельная исполнительная власть: представительские государственные функции возложены на главу государства (например, президента), реальная власть принадлежит премьер-министру (в ФРГ — канцлеру и т.д.);

- правительство имеет право законодательной инициативы (в отдельных случаях — Великобритания, ФРГ — еще и право вето на законопроекты);
- независимость правительства по отношению к главе государства.

Интерпретация

Некоторые политологи различают такие типы парламентаризма: 1) монистический — правительство несет ответственность только перед нижней палатой (Великобритания); вместе с тем, предусмотрен продуманный механизм *чередования* партий или их коалиций у власти; 2) дуалистический (лат. *dualis* — двойственный) — относительное равновесие между законодательной и исполнительной ветвями власти при наличии двух центров принятия решений — глава государства и нижняя палата, что благоприятствует их согласию; 3) рационализированный — ради избежания политических кризисов парламентские механизмы регулируются конституционно.

Кроме того, оппозиция, существующая в рамках парламента, обладает определенными средствами воздействия на органы исполнительной власти.

Как видно, роль главы государства в парламентской республике невелика. Хотя формально ему принадлежит право назначения правительства, но осуществляет он это только исходя из расстановки политических сил в парламенте. Свое право досрочного роспуска парламента он реализует либо в соответствии с императивными нормами законодательства, либо по инициативе премьер-министра. Избирается глава государства (президент), как правило, парламентским путем, т.е. членами парламента или коллегией выборщиков, не менее половины которой составляют депутаты (есть и исключения — в Австрии президент избирается всеобщим голосованием). Типичные примеры парламентских республик — Италия, ФРГ, Ирландия, Индия и др.

Главное преимущество парламентской модели кроется в том, что она позволяет согласовать две функции, одинаково необходимые в политике: преемственность и изменение. Техническое решение, обеспечивающее совмещение этих противоречивых целей, состоит в удвоении функций властей: на основе различения законодательной и исполнительной ветвей власти, сотрудничающих друг с другом, каждая из них образует по два органа, один из которых обеспечивает преемственность, другой — изменение. Функция преемственности принадлежит главе государства и верхней палате пар-

ламента... Функцию изменения в системе исполнительной власти воплощает правительство в силу своей политической ответственности, которая может быть перед главой государства или перед нижней палатой (очень редко — перед верхней палатой) либо перед обоими институтами сразу. Потому продолжительность деятельности правительства не фиксирована, она может быть разной. Симметрично нижняя палата выполняет в системе законодательных органов ту же функцию изменения, ибо возможен ее роспуск.

Ж.-Л. Шабо, «Введение в политику»

Разновидностью парламентской республики является форма правления со смешением ветвей власти в пользу законодательной — так называемый режим **ассамблеи**. Особенность его заключается в сосредоточении всей полноты верховной власти в государстве у единственного собрания, представляющего суверенный народ. Исторические примеры такой формы правления: во Франции — начало I Республики (1793 г.) и 1918–1958 гг. (IV Республика, кроме вишистского периода оккупации страны в годы Второй мировой войны); современная модель — государственность Швейцарии, поскольку ее двухпалатное Федеральное (Союзное) собрание осуществляет высшую власть в стране, конституционно ограниченную только правами народа и кантонов. При этом типе государства правительство избирается парламентом из числа его депутатов и может быть отозвано им же. Глава государства и правительства — президент.

Обратите внимание

В исторической перспективе в некоторых странах (особенно во Франции) столь безусловное доминирование избранного парламента, или ассамблеи, означало его всевластие, т.е. полный контроль над исполнительными институтами, включая правительство. Такая форма правления внешне выглядела как «диктатура народа», однако для нее были характерны постоянные и сильные конфликты между фракциями самого парламента. В силу последнего обстоятельства режим ассамблеи был весьма неустойчив и из-за угрозы падения он всякий раз приводил к легитимизации своей противоположности — личной власти военного деятеля, на которого возлагалась задача «спасения республики».

В президентской республике самым строгим образом проводится принцип разделения ветвей (центров) власти: президентской, парламентской и судебной, каждая из которых обособленно выполняет соответствующую функцию. Четкое разделение властей позволя-

ПРЕЗИДЕНТ (лат. praesideo, praesidere — председательствовать, надзирать над чем-то, распоряжаться) — в большинстве республик выборный глава государства.

ИМПИЧМЕНТ (англ. impeachment) — особый порядок привлечения к ответственности и судебного рассмотрения дел о нарушениях закона высшими должностными лицами государства. При импичменте право привлечения к ответственности и предания суду принадлежит нижней палате, а право рассмотрения дела — верхней. Применяется в США, Великобритании, Японии и др. государствах.

ет обеспечить их взаимный противовес. (Исторический прототип президентства закреплён в конституции США 1787 г.; президентскими республиками являются также Аргентина, Бразилия и др.).

Современный институт президентства при некотором разнообразии в принципах разделения властей и их функциях обладает рядом общих характеристик, а именно:

- в конституционном порядке разграничены полномочия и обязанности институтов президента, парламента, суда;
- исполнительная власть целиком принадлежит президенту, который является одновременно главой государства и правительства;
- президент и парламент избираются отдельно, потому они взаимнезависимы;
- президент политически ответствен перед народом, а правительство — перед президентом;
- парламент не имеет права отзыва правительства и президента (исключая импичмент), но у него вся полнота законодательной власти, бюджетные и контрольные полномочия;
- при классической форме (США) президент не вправе распустить парламент, у него нет возможностей для законодательной инициативы, но есть право вето, которое преодолевается двумя третями парламента;
- исключено совмещение правительственной должности и парламентского мандата (однако в США вице-президент — председатель сената).

Таким образом, президент не несёт парламентской ответственности и может быть смещён со своего поста только в случае нарушения закона с использованием процедуры **импичмента**. Президента избирают внепарламентским путём — всеобщим прямым голосованием граждан либо коллегией выборщиков, тоже намеченных всеобщим голосованием (этот непрямой порядок избрания принят в США). Правительство при президенте осуществляет различные исполнительные функции, а также служит совещательным и вспомогательным органом.

Известная американская система сдержек и противовесов дополняет разделение властей и позволяет их механизмам функционировать как единое целое. Такая система включает: право отлагательного вето президента в отношении законов; парламентский импичмент со смещением президента; принцип, в соответствии с которым суды должны руководствоваться в своей деятельности актами, издаваемыми парламентом, но обладают правом проверки их конституционности и т.д.

Полупрезидентская, или смешанная, форма правления (ее называют также **президентализмом**) соединяет отдельные харак-

теристики парламентской и президентской республик, однако их совокупность создает новое качество. Роль президента здесь особенно велика. Подобный тип государственности существует во Франции, Португалии, Финляндии, Шри Ланке, Казахстане, ряде стран Южной Америки, Африки и в других регионах.

Для президенциализма характерны следующие принципы:

- глава государства — президент — избирается на всеобщих прямых выборах;
- президент назначает правительство, опирающееся на парламентское большинство, и премьер-министра, который политически ответствен перед ним;
- правительство не только зависит от президента, но и ответственно перед парламентом и может быть смещено им после вынесения вотума недоверия;
- партийная принадлежность президента, премьер-министра и парламентского большинства не обязательно совпадают (так нередко бывает в современной Франции);
- президент вправе распустить парламент (чаще всего нижнюю палату) и назначить новые выборы;
- у главы государства есть права отлагательного вето на акты парламента и законодательной инициативы;
- у президента и парламента, как правило, разные сроки деятельности (во Франции были 7-летний президентский и 4-летний парламентский мандаты).

При полупрезидентской форме правления назначение и увольнение в отставку президентом главы правительства и других министров не имеют формального характера, как в парламентской республике. В определенных случаях президент председательствует на заседаниях правительства, решения которого он утверждает. Если учесть, что во Франции, например, парламент может принимать законы только в строго установленных конституцией сферах, а все остальные регулируются актами правительства, то значение президента в этой стране оказывается еще выше.

В современном политическом мире существуют и другие, более специфические разновидности президентских республик: с *коллегиальной* главой государства; с институтом *капитан-регентства*; т.н. *суперпрезидентские*. Перечисление вариантов можно продолжить.

Интерпретация

В ряде стран имеется *коллегиальный*, а не индивидуальный глава государства. Например, в Швейцарии функции главы государства и правительства осуществляются коллегиальным органом — Федеральным (Союзным) советом, выбираемым парла-

ментом в составе 7 членов на относительно широкой коалиционной основе. Председательствует в Совете президент, который избирается сроком на один год поочередно из состава его членов и выполняет чисто представительские функции. Принцип парламентской ответственности в этой стране отсутствует. То есть форма правления в Швейцарии обладает чертами президентской республики за исключением того, что глава государства не единоличный. Коллегиальный глава государства действует также в Гвинее-Бисау.

В Сан-Марино (датой возникновения республики считается 301 г.) обязанности главы государства и правительства исполняют два *капитана-регента*, избираемые парламентом на 6 месяцев. По закону они должны все вопросы решать единогласно. Формально Сан-Марино не знает института парламентской ответственности капитанов-регентов, но короткий срок их статуса позволяет парламенту фактически контролировать деятельность этих руководителей.

В ряде африканских республик центральная фигура в системе государственных органов — тоже президент. Роль представительных и судебных институтов здесь невелика, фактически почти вся полнота власти сосредоточена в руках главы государства. Отдельные африканские страны возглавляются пожизненными президентами (в т.ч. пришедшими к власти в результате военного переворота), в других — президентом автоматически становится лидер правящей и, как правило, единственной легальной партии. В ряде стран, где президентов формально периодически переизбирают парламентским или всеобщим голосованием, на практике их победа предопределена, ибо оппозицию, если она существует, верховная власть подавляет силой, не допускает к участию в выборах, все СМИ и пропагандистский аппарат находятся под контролем президента и сплотившейся вокруг него узкой политической группировки. Из-за особенностей местной политической культуры население воспринимает выборы как некий ритуал, где все роли расписаны заранее. По форме правления такие республики нередко называют *суперпрезидентскими*.

2.5. Институт выборов

Характеристики **выборов** во многом определяют специфику основных государственных (в частности форму правления) и негосударственных институтов (партий и партийных систем). Сложнейшая и обширная проблематика выборов — одна из самых важных в политологии и связана с такими ее центральными категориями, как политическое поведение (специфика **электората**), процессы (**электоральный** процесс), системы (избирательная система).

Интерпретация

Некоторые политологи образно называют выборы *аристократическим* способом доступа к власти, имея в виду первичный смысл греческого слова *aristos* — наилучшие — и античное понимание аристократии как формы правления лучших. В выборах они видят возможность селекции обществом самых достойных людей — новых представителей политической элиты. Напротив, *Шумпетер* в своем классическом труде «*Капитализм, социализм и демократия*» (1947) отмечал: избиратель является участником неработающего комитета — комитета всего народа, потому он и прилагает меньше целенаправленных усилий на самосовершенствование в сфере политики, чем при игре в бридж. Философ имел в виду, что в массовом электорате отдельный человек понимает: ему нет смысла долго думать, кому отдать свой голос, он знает — его бюллетень не окажет практически никакого влияния на исход выборов.

Всеобщие прямые выборы — это единственный способ непосредственного выражения суверенитета народа на национальном уровне (президентские и парламентские выборы). Существуют также институты региональных, местных выборов, а также избрание наднациональных органов, например, Европарламента. Непрямые выборы реализуются через коллегии выборщиков. Обычно выделяют три основные функции выборов: управляемые назначают своих управителей; официально устанавливается соотношение сил политических тенденций (партий, их коалиций); признается легитимность публичных властей или отбирается у них. В условиях демократии свободные выборы управителей предусматривают тоже три условия: 1) свободу выдвижения кандидатур — как следствие свободы образования партий; 2) свободу избрания — всеобщее и равное избирательное право по принципу «один человек — один голос»; 3) свободу голосования — тайное голосование, равенство всех в получении информации и возможности вести агитацию во время электоральной кампании. В законодательствах разных государств зафиксированы и определенные ограничения избирательных прав по возрасту, полу, гражданству, а также в случае лишения индивида гражданских прав. Различаются такие типы голосования: свободное или обязательное (в Австралии, к примеру, за абсентеизм, т.е. уклонение от участия в выборах, положен штраф); прямое или не прямое; равное или неравное (количественная разница голосующих при нарезке избирательных округов).

Политический институт выборов предусматривает два основных типа электоральных систем для избрания кандидатов в высшие органы власти — мажоритарный и пропорциональный. Вмес-

ВЫБОРЫ — все формы индивидуального или коллективного доступа к власти (как правило, на определенный законом срок) и замещения должностей путем избрания голосованием (президента, парламентариев и т.д.), что наделяет избранных лиц правом принимать решения.

ЭЛЕКТОРАТ (лат. *eligere* — выбирать, *electio* — тщательный выбор, избрание) — круг избирателей, голосующих за какую-либо кандидатуру или партию на президентских, парламентских, местных (муниципальных) и т.д. выборах; корпус избирателей государства. **Электоральный** — выборный, избирательный.

те с тем, большинство демократических стран, особенно в Европе, сочетают эти два подхода, т.е. предусматривают *смешанный* — в различном соотношении — способ голосования.

При **мажоритарной** системе в один или два тура (фр. *majorite* — большинство от лат. *major* — больший) — ее еще называют системой *относительного большинства* — от каждого электорального округа избирается один кандидат. Победителем на таких выборах в один тур считается получивший наибольшее число голосов (законодательство почти всегда закрепляет необходимый для этого процент принявших участие в выборах). При выборах в два тура в первом из них успеха добивается тот, в чью пользу были отданы голоса абсолютного большинства избирателей (50% + 1 бюллетень). В ином случае во второй тур выходят два кандидата с наибольшей поддержкой избирателей, где побеждает получивший относительное большинство голосов. Президентские выборы, как правило, предусматривают два тура.

Пропорциональная система предполагает распределение мест в парламенте в соответствии с количеством полученных по партийным спискам голосов и обязательную фиксацию минимального процентного порога, который нужно преодолеть политической организации для того, чтобы быть представленной в органе власти. Считается, что такой подход в принципе должен наиболее полно отражать имеющиеся в данном обществе политические позиции и требования *групп интересов*. Существует несколько вариантов пропорционального представительства, а значит, подсчета голосов, подкрепленных весьма сложными математическими выкладками. Принцип округления числа голосов при подсчете позволяет различать разновидности пропорциональных систем.

Два механизма обеспечивают партиям число мест в парламенте в соответствии с количеством полученных ими голосов на общенациональных выборах. Во-первых, в одном избирательном округе места после баллотировки распределяются между несколькими кандидатами согласно волеизъявлению избирателей. Во-вторых, непропорциональность представительства, возникающая на уровне округа, сглаживается наличием парламентариев, которые избраны по партийным спискам, но не представляют конкретный округ.

Интерпретация

Целое направление в политологии занимается вариантами распределения голосов по партийным спискам, с тем чтобы наиболее точным образом отразить позиции избирателей, причем каждое национальное избирательное законодательство закрепляет собственный подход. Например, при *полном* пропорцио-

нальном представительстве в стране образуется один избирательный округ и в бюллетени для голосования занесены общенациональные списки партий и их коалиций. В случае *неполного* представительства, как правило, должна быть рассчитана специальная электоральная квота, или коэффициент — количество депутатских мест в соотношении с количеством поданных за ту или иную партию голосов избирателей. Сразу получают депутатские мандаты те кандидаты из партийных списков, которых поддержало необходимое в соответствии с этой квотой число избирателей. Остающиеся у партий голоса, поданные в округах, сводятся в т.н. едином общенациональном округе и затем распределяются пропорционально сумме остатков каждого из списков. Мы дали предельно упрощенное изложение принципов прохождения депутатов от партий в парламент в вариантах пропорциональной системы. Еще больше усложнено распределение мест в законодательном органе в случаях смешанных — в разном соотношении — мажоритарного и пропорционального способов голосования.

Одна из общих закономерностей политики состоит в том, что особенности института выборов определяют характер государственной власти, структуру партий и партийных систем, представительство интересов избирателей в парламенте и в местных выборных органах. Споры между сторонниками мажоритарного или пропорционального принципов привели к формированию смешанных способов голосования для избрания кандидатов в органы власти.

Считается, например, что мажоритарная система позволяет укрепить власть, а пропорциональная — представить довольно полный спектр политических позиций и мнений избирателей, содействовать плюрализму и развитию многопартийности. Политический смысл дискуссии по электоральной теме состоит в том, что предпочтительнее для данного общества: сильное правительство или более представительное правление? Длительный опыт проведения выборов в разных странах позволил прийти к пониманию некоторых устойчивых положений, связанных с волеизъявлением граждан. Сторонники мажоритарного подхода апеллируют к тому, что иной способ голосования приведет к раздробленности партий, а значит, к коалиционным правительствам и политической нестабильности в государстве в целом. Кроме того, пропорциональность выводит за пределы парламента небольшие партии, в т.ч. отстаивающие интересы этнических меньшинств (из-за порога в 4–5%). Однако приверженцы пропорционального подхода указывают, что именно при таком представительстве малые партии (например, договорившись о коалиции) способны оказывать заметное политическое влияние и содействовать формированию парламентского большинства.

Американский специалист по электоральной проблематике **Майкл Уоллерстайн** продемонстрировал четыре возможные сочетания формы правления и института выборов с его двумя основными подходами — мажоритарным и пропорциональным. Политолог подчеркивает, что первые три модели дееспособны в том смысле, что надолго гарантируют стабильность представительной демократии.

1. Вариант, обеспечивающий сильное правительство — это парламентская форма правления с мажоритарной системой. Последняя обычно ограничивает количество конкурирующих партий двумя и дает самой влиятельной из них несоразмерно (по сравнению с поданными за нее голосами) большое число мест в законодательном органе.

2. Совмещение президентской республики с мажоритарным принципом голосования (как в США) показывает, что партии избранного президента не обязательно одновременно иметь большинство в парламенте; кроме того, эта схема предопределяет слабость самих партий.

3. Парламентская модель с пропорциональным представительством (большинство стран Западной Европы, исключая Англию и Францию) приводит к власти коалиционные правительства.

4. Комбинация президентства с пропорциональной системой (многие страны Восточной Европы и Латинской Америки) наименее устойчива в политическом плане. Раз парламент не избирает правительство, то нет нужды и в формировании правящей коалиции. Президент сам назначает правительство. Значит, парламент не отвечает за кабинет и не обязан его поддерживать. В этом и состоит причина постоянных конфликтов между президентом и парламентом.

3. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

3.1. Характер негосударственных институтов

На рубеже XX и XXI вв. высокая политическая активность партий, групп интересов (типа профсоюзов) и социальных движений (гражданских инициатив, феминистского, зеленого и т.д.), наряду с деятельностью государства, воспринимается в демократических обществах как естественная и неотъемлемая составля-

ющая мира политики в целом. А ведь не так давно, если судить по историческим меркам — 100–200 лет назад — в большинстве стран негосударственные политические организации были запрещены и/или находились на нелегальном положении. Через этот период запретов, тайного, неофициального существования в прошлом прошли едва ли не все типы общественных объединений: от партий до масонских лож и от профсоюзов до антивоенных движений. Тогда все, что не принадлежало государству либо не было санкционировано им, признавалось (в т.ч. и большей частью общества) незаконным, нарушающим социальный порядок, искажающим политику как таковую.

В этом смысле государственная власть продолжала следовать взглядам **Гоббса**, который просто включил все легальные объединения людей в структуру государственной организации, выделив два их основных типа — политические и частные. Философ допускал деятельность общественных ассоциаций лишь в границах государственной воли, верховной власти. И только в конце XVIII в. в ряде стран партии, профсоюзы и другие объединения высвобождаются из-под государственных запретов и контроля.

Из подвластных групп некоторые являются политическими, другие частными. Политическими (иначе называемыми политическими телами и юридическими лицами) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. Частными являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью.

Т. Гоббс, «Левиафан»

Общее и особенное различных видов негосударственных объединений позволяет установить исходный смысл базового понятия *группа интересов*. Опять же Гоббс дал одно из первых определений подобного рода: «Под группой я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом». Начала современного подхода к пониманию общественных групп — политических или интересов — были разработаны классиком американской политологии **Артуром Бентли** (1870–1957) в труде «*Процесс управления*» (1908). Там автор развивал особый философско-социологический способ рассмотрения политической жизни, своего рода философию группового давления, согласно которой политика вообще не «структурируется» (говоря языком **Энтони Гидденса**) без групповой активности. Макрополитика, по Бентли,

Валдимер О. Ку (1908, Остин – 1963, Бруклин) – американский политолог, внесший значительный вклад в развитие политической теории и методологии политических исследований.

состоит из «первичной материи» борющихся политических групп, а не из государств и партий. При этом, что интересно в теоретическом плане, политолог не разделял группу и ее интерес, ее деятельность, отметив: объединение и самоидентификация людей в политической группе возможны исключительно вокруг какого-либо интереса и в процессе совместной деятельности.

Группа и групповая деятельность выступают эквивалентными терминами лишь с незначительной разницей только для усиления акцентов, используемого для прояснения их применения в различных контекстах... Необходимо далее обозначить другую ступеньку в анализе группы. Интерес как термин ...является эквивалентом группы. Мы говорим и о группе интересов, и о групповом интересе опять же в основном для того, чтобы придать ясность выражениям.

А. Бенгли, «Процесс управления»

Таким образом, общеродовое понятие *политической группы* (или группового объединения) обозначает негосударственные социально-политические институты, обладающие общностью интересов и коллективных целей, некоей организационной структурой и ведущие совместную политическую деятельность. В политологии к таким институтам относят партии, группы интересов, социальные движения и т.д.

К наметившейся типологии негосударственных институтов сделал свои добавления американский политолог **Валдимер О. Ку** (1908–1963), классифицировавший их по двум разрядам: политические партии и группы давления (интересов), которые, в свою очередь, подразделяются на групповые объединения аграриев, рабочих, бизнесменов и т.д. Критерием деления выступил такой фактор, как официальная и публичная борьба за контроль над государственной властью, в ходе которой партии участвуют в выборном процессе непосредственно, а группы давления пытаются косвенно, изнутри оказать на них влияние по отдельным вопросам.

Интерпретация

Проблема разграничения видов групповых объединений продолжает оставаться и по сей день предметом научного анализа. Например, английский политолог **Г. Джордан** считает, что партии и группы интересов, с точки зрения их функциональных и организационных особенностей, нередко перевоплощаются друг в друга. Он предполагает, что «дефиниции партии и группы интересов должны частично совпадать, пересекаться, накладываться друг на друга — ведь перед нами не дискрет-

ные явления. Использование только одного критерия, такого, например, как «не стремящиеся к власти», не дает удовлетворительного результата». В виде примеров он приводит Шотландскую национальную партию и Российский гражданский союз. У первой есть формальное членство, внутренняя структура, контроль над местными администрациями, но нет крупного парламентского представительства, что при английской политической системе означает фактическое отсутствие у ШНП доступа к власти. Во втором случае развитие РГС предполагало либо образование новой партии, либо переориентацию на функции обычной группы давления, лоббирующей интересы военно-промышленного комплекса.

ФАКЦИЯ (лат. *factio* — право что-либо делать, действие) — в античности политическая партия знати — патрициев, олигархов.

3.2. Партии как политический институт

Становление понятия партия. История развития партий проследит многое из их современной жизни. Со времен Аристотеля и до XVII в. в партиях — тогда их называли **факциями** — видели «политические тела», сравнимые с живым организмом, где каждый орган отвечает за определенную функцию, а весь организм един в своих устремлениях. Некоторые исследователи считают, что прообразы партий (протопартии) сложились еще во времена возникновения особой сферы деятельности — политики, менялись только их обязанности и отношение к ним общества. Русский историк **Тимофей Николаевич Грановский** (1813–1855) связывал появление партий с политикой Екатерины Медичи (XVI в.), которая создала «серединную» (между католиками и протестантами) партию из людей, «не имевших ни верований, ни убеждений». На самом деле партии античного мира и средневековья были *клиентелами*, временными объединениями для поддержки каких-либо персон. Многие западноевропейские историки полагают, что партии зародились во времена установления всеобщего избирательного права, а клубы, ассамблеи, политические группы периода Французской революции 1789 г. — их предшественники. Более популярен англо-американский подход, отсчитывающий время партий с XVII–XVIII вв. — с начала деятельности партий *тори* и *вигов* в Британии.

Обратите внимание

Существует несколько толкований слова *факция*. Некоторые историки считают, что это понятие связано с венетами и прасинами, специфическими политическими «партиями» в византийских городах V–VII вв., возглавлявшимися представителями купеческой и земледельческой знати, рядовые участники которых набирались из городских низов. Такие «партии» группировались вокруг спортивных цирковых организаций — факций,

ПАРТИЯ (фр. parti, англ. party от лат. pars/partis — часть, группа) в упрощенном толковании — политическая организация, выражающая общие или основные интересы какой-либо социальной группы либо конкретного государства; обладает организационной структурой, тактической и стратегической программой (как правило, идеологизированной) и конкурирует с другими образованиями такого же типа за государственную власть и политическое влияние в обществе.

Интерпретация

Российский политолог **М.В. Ильин** считает, что возникновение партий и политической системы современного типа в Англии XVII–XVIII вв. было обусловлено переосмыслением понятия факции и усвоением концепции общественного договора. Тогда Британия пыталась покончить с борьбой на уничтожение между факциями «кавалеров» и «круглоголовых», т.е. ранних *тори* и *вигов*. Славная революция 1688 г. позволила очертить контуры политической системы, основанной на компромиссе и консенсусе. Постепенно тори и виги негласно признали возможность джентльменского сосуществования. Стремление тех и других быть выразителями интересов нации заставило тори из факции воинствующей и репрессивной государственной церкви превратиться в партию «национального интереса», а виги — непримиримые борцы за независимость протестантства и за свободу совести — стали партией «общественных интересов». Обе партии согласились с необходимостью существования оппонента, ибо увидели как раз в этом реализацию главного принципа общественного договора.

Правда, даже при первичном оформлении партий в Англии продолжались споры между теоретиками и практиками политики о функциях таких организаций. Одни считали, что факции/партии ведут к разладу в обществе и тормозят его производительную деятельность. Другие, напротив, утверждали, что они вносят дух здорового соревнования, что было важно на заре капитализма, и видели в названии такой организации — **партия** — естественную часть общества, не навязывающую ему свой надзор.

Обратите внимание

В начале XVIII в. у лорда Болингброка родилась идея создания собственной «партии отечества», которая вобрала бы в себя «все здоровые силы нации» для контроля над остальными, менее преданными государству индивидами. Эта мысль через пару веков фактически воплотилась в таких тоталитарных партиях, как ленинско-сталинская коммунистическая и гитлеровская национал-социалистическая.

В середине XVIII в. английский философ **Дэвид Юм** (1711–1776) впервые наметил типологию партий: на почве совместных интересов люди объединяются в «партии интересов»; по привязан-

ности к тому или иному лидеру — в «партии приверженности» (англ. *affection*), а «партии принципов» — новое явление в политике того времени — возникают на основе общих принципов и олицетворяют собой различные идеи социального прогресса. Почти современным определением партии политология тоже обязана англичанам. Философ и политик **Эдмунд Бёрк** (1729–1797) назвал партиями группы людей, придерживающихся общих принципов и добровольно объединившихся для обеспечения совместными усилиями национальных и собственных интересов.

Позднее в политической науке сложилось целое направление — **партология**, занимающееся теоретико-практическим анализом партий и партийных систем. Одним из основателей этой субдисциплины, наряду с классиком современной социологии политики **Роберто Михельсом**, был россиянин **Моисей Яковлевич Острогорский**.

*Роберто МИХЕЛЬС
(1876–1936) – социолог,
представитель классического
периода европейской политичес-
кой социологии и основатель
социологии партий;
политолог и экономист.*

МИХЕЛЬС (Michels), **Роберто** (1876, Кёльн — 1936, Рим) — социолог, представитель классического периода европейской политической социологии и основатель социологии партий; политолог и экономист.

Автор ряда работ, из которых самые известные: «Социология политической партии в условиях демократии» (1911; анализ социалистических партий, сделанный на основании личного опыта участия в этом движении); изд. посм. «Первые лекции по политической социологии» (1949).

Вклад в развитие политической мысли. Среди политологов получили признание работы Михельса в области теории элит, о партиях и социально-политических движениях, о бюрократии и по вопросам взаимосвязи демократической теории и практики. Вместе с тем, главная заслуга этого ученого — сформулированный им *«железный закон олигархии»*; его смысл — партии, массовые движения, крупные социальные и политические структуры в целом подчиняются тенденциям *олигархизации, бюрократизации и авторитарности*, которые выражаются: в сосредоточении власти в руках их лидеров (они становятся профессиональными и легальными политиками и в итоге внедряются в состав правящей элиты) и профессионального аппарата (партийной бюрократии); в уменьшении влияния рядовых членов на политику партии и в ослаблении их контроля над аппаратом и лидерами; в отходе от первоначальных целей и их замене интересами партийного руководства и управленцев. Разработке подобной закономерности предшествовали эмпирические исследования европейского социалистического движения, давшие материал для теоретизирования. Михельс полагал, что даже для оппозиционных левых партий и движений (или вообще движений демократической ориентации) по мере их усиления характерны спад политического радикализма и фактический отход от первоначальных целей. Это объясняется следующим: для эффективной организации массовых движений и партий необходим развитый институт партийного лидерства, устойчивый и профессиональный партийный аппарат, состоящий из выходцев из пролетариата, постепенно отстраняющихся от своего класса; они приобретают знания и навыки, недоступные рядовым членам

соцпартий, участвуют в политической борьбе и интригах в законодательных органах власти и в профсоюзах (т.е. осуществляют властные функции). Тем самым для лидеров и функционеров более далеким становится понимание основы своего класса — тяжелого наемного труда; они все больше уподобляются мелкой буржуазии. Приобретенный ими социальный статус всецело зависит от парторганизации; значит, аппаратчики превращаются в выразителей и защитников интересов парторганизации, бюрократического компонента ее структуры, а не своего класса. Сверх того, они добиваются сильного влияния на партию и ее политику путем контроля над ее ресурсами, над принятием решений, что приводит к уменьшению политического радикализма и к реформизму в социалистическом движении. Но такой вывод Михельса довольно скоро стал подвергаться критике в силу того, что появились серьезные исключения: например, труднообъяснимый радикализм партии большевиков в России, неудовлетворительное с научной точки зрения противопоставление консервативно-реформистской партийной элиты и неизменно революционно-радикальных масс. Тем не менее, положение Михельса о росте консерватизма и олигархичности социальных структур в смысле их переориентации на собственные интересы (т.е. интересы управленческих и руководящих кругов) по мере их институционализации, усложнения и увеличения численности довольно распространено и в современной политологии, хотя и воспринимается только как одна из возможных тенденций, которую можно пресечь.

Важен вывод Михельса о том, что изучение административно-бюрократических систем в политике не является полным без учета норм, ценностей и интересов представителей бюрократии, ибо олигархический характер власти вызван не только техническими требованиями организаций, но и психологическими свойствами их представителей (лидеров, управленцев и т.д.).

Михельс модифицировал теорию «циркуляции элит» В. Парето, отметив: новые силы (контрэлиты), регулярно поднимающиеся из масс, *ассимилируются в уже сложившиеся структуры элиты*, причем их поведение и мировоззрение определяются не предыдущим социальным статусом, а текущей политической ситуацией, в зависимости от которой власть осуществляется «политико-экономическим», «политико-интеллектуальным» или «волевым политическим» классом.

Первоначально Михельс придерживался руссоистского отношения к демократии, считая подлинной только прямую демократию с непосредственным участием масс в политике и видя в олигархизации угрозу демократии. В течение жизни он изменил эту позицию на противоположную: олигархизация неизбежна в силу того, что сама демократия не может существовать без организаций, элиты и т.д., а народ не способен эффективно властвовать; более того, олигархизация даже желательна, ибо приводит к власти «лучших».

Несмотря на спорность многих идей Михельса и абсолютизацию им олигархических тенденций, его научное наследие вызвало немало плодотворных дискуссий, позволивших лучше понять поднятые им проблемы и увидеть связанные с ними опасности для демократии.

Острогорский провел сравнительный анализ партий в Старом (Англия) и Новом (США) Свете, обобщенный в монографии «*Демократия и политические партии*» (1898). Например, еще столетие назад им было замечено противоречие между общими и частными интересами во внутрипартийной жизни.

 Партия обычно представляла из себя лишь вывеску, прикрывающую иногда глубокие расхождения во мнениях, борьбу между фракциями, иногда более ожесточенную, чем та борьба, в которую она вступала с соперничающей партией.

М.Я. Острогорский, «*Демократия и политические партии*», т. 2

ОСТРОГОРСКИЙ, Моисей Яковлевич (1854, Гродно – 1919) — российский правовед и политолог, один из основоположников сравнительного метода в политической науке. С 1875 несколько лет работал в Департаменте юстиции в Санкт-Петербурге; с наступлением реакции покинул государственную службу и надолго уехал за рубеж. Обучался в парижской Свободной школе политических наук, где защитил диссертацию по теме развития принципа всеобщего голосования. В 1905 он вернулся в Россию, был избран депутатом I Думы. Разделял основные политические установки партии конституционных демократов (кадеты). После разгона Думы вновь уехал из страны.

Автор ряда работ, среди которых выделяются: «Права женщин: сравнительное исследование исторического и правового аспектов» (изд. во Франции, Англии, Германии, 1892; о причинах ограничения политических прав женщин и о женском движении за всеобщее избирательное право); «Демократия и организация политических партий» (изд. в Англии, 1902); «Демократия и партийные системы Соединенных Штатов» (изд. в США, 1910).

Вклад в развитие политической мысли. Объектом научного исследования Острогорский избрал партию, детально проанализировав практику и теорию партийного строительства в двух представительных демократиях — США и Англии. В формализме партийных функционеров, манипулировании общественным мнением и отсутствии эффективного контроля со стороны избирателей ученый видел главные недостатки современных ему демократий и угрозу демократии вообще. Подобные взгляды Острогорского вполне разделял Михельс, считавший партийный формализм источником олигархии.

Острогорский отождествлял демократию с непосредственным участием граждан в управлении и указывал, что для достижения этой цели нужно заменить косные постоянные партийные структуры системой временных ассоциаций, объединенных общей целью. (Ключевой аспект этой разработки — механическая «организация», которая является причиной устранения большинства граждан из политического процесса, замещает их целенаправленное политическое участие формализованными проце-

дурами и всевластием политических управленцев, что разрушает в итоге всю политическую систему.) Члены таких ассоциаций смогут сохранить свободу рационального выбора и действий, а персональный состав органов власти перестанет отражать только соотношение сил различных партий. По Острогорскому, подобный порядок организации политической жизни способствует развитию политической культуры, сохранению и совершенствованию демократических институтов.

В целом Острогорский критиковал демократию с либеральных позиций и ориентировал политическую теорию на разработку мер по защите и повышению эффективности демократии.

Рамки конкретной политической системы (или режима — в европейском наименовании) очерчивают своеобразную политическую сцену, где одними из главных действующих лиц (актеров) являются партии, берущие свое начало в гражданском обществе, которое предоставляет им свои ресурсы и поддержку. По своей природе они — связующее звено между гражданским обществом и государственной сферой.

Четыре основных фактора, связанных с функциональными особенностями партий, придают этому политическому институту двойственный характер. «Интеграция и мобилизация» людей в политику и «структурирование голосования» — это функции, развернутые в пользу представительства управляемых. Деятельность по «рекрутированию политического персонала» и тот факт, что партии являются «инструментами воспитания политиков», воплощают в себе партийные функции, обращенные к отправлению власти.

И. Мени, «Политические партии. — Сравнительная политика»

Обратите внимание

В континентальной Европе при описании современной политики часто употребляется термин *политический режим* — как сочетание системы партий, способов голосования и принятия решений, иных элементов институционального, идеологического и социального порядков, образующих власть данной страны на определенный период (*Кермонн*). Американская школа сравнительной политологии использует более широкое понятие политической системы — как совокупности всех общественных структур в их политических аспектах. Она включает в себя политические институты, социальные и экономические структуры, исторические традиции и ценности общества, культурный контекст его развития (*Алмонд*).

Одним из самых общих определений особенностей института политических партий могло бы быть следующее: это официально институционализированная и функционально специализированная организация, борющаяся за контроль над механизмами государственной власти и управления. В политологической литературе представлены десятки толкований описываемого понятия; ниже даны наиболее сжатые и типичные среди них.

– Партией является всякая политическая группа, участвующая в выборах и способная вследствие этого провести своих кандидатов в государственные учреждения (*Сартори*).

– Партиями называют организации, которые нацелены на открытое завоевание их представителями государственных позиций (*К. Джанда*).

– Партия есть любая политическая группа, получившая официальный статус, имеющая формальную организацию, связывающая центр с периферией и способная провести через выборы (свободные или несвободные) своих кандидатов в государственные органы (*Дж. Лапаломбара, Дж.И. Андерсон*).

– Партия — это организованная сила, объединяющая граждан одного политического направления для мобилизации общественного мнения в определенных целях, для участия в органах власти либо для ориентации властей на осуществление своих требований (*Кермонн*).

– Партия — институт, призванный группировать, оценивать и по мере возможности примирять множество противоположных интересов и требований отдельных лиц, групп, городов и регионов, организовывать их в борьбе за государственные должности и затем служить связующим звеном между избирателями и людьми, делегированными ими на эти посты (*Д. Бродер*).

Видный американский специалист по сравнительной политологии *Джозеф Лапаломбара* (род. 1925) обратил внимание на то, что такие простые, кажущиеся естественными, политические термины, как «партия» в различных условиях несут неодинаковую смысловую нагрузку. Этот же автор составил список четырех признаков партии: 1) прежде всего любая партия есть *носитель идеологии* или по меньшей мере особого видения мира и человека; 2) партия — это *организация*, т.е. достаточно длительное объединение людей на самых разных уровнях политики — от местного до международного; 3) цель партии — *завоевание и осуществление* (чаще всего в коалиции) *власти*; 4) каждая партия старается обеспечить себе *поддержку народа* — от голосования за нее до активного членства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — тип негосударственного института, групповое объединение, обладающее различными характеристиками и функциями, главные среди которых: 1) наличие формальной, организационной структуры; 2) участие в политической конкуренции за официальный контроль над властью, что предполагает включенность в избирательный процесс; 3) идеологическая доктрина, претендующая на выражение общенациональных или групповых интересов; 4) правовой статус.

Американский политолог **Сэнфорд Д. Хорвит** оценивает партии как уникальный политический институт, который выполняет ряд взаимосвязанных функций, имеющих важнейшее значение для процесса демократического управления. Основные функции партии таковы:

- участие и победа на выборах для получения определенной степени контроля над органами государственной власти;
- отражение и формулирование потребностей общества;
- выдвижение политических альтернатив;
- проверка политических качеств и обучение лидеров, которые в будущем займут свое место в управлении государством.

Насколько успешно или нет партия исполняет свое политическое предназначение в обществе, зависит не только от нее самой, но и от целого ряда «внешних» по отношению к ней факторов — действует ли партия в условиях президентской или парламентской республики, унитарного или федеративного устройства, а также от специфики электорального законодательства. Эти и другие обстоятельства предъявляют свои особые требования к организационному строению, повседневной деятельности и к стратегическому планированию партии (программе, предвыборной платформе и т.д.).

Обратите внимание

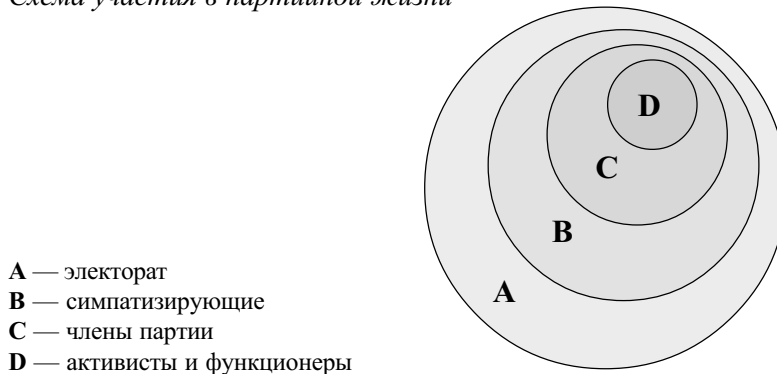
Законодательство каждой страны особым образом регулирует — или нет — *роль и статус* политических партий. Основной закон ФРГ закрепляет за партиями функцию сотрудничества «для формирования политической воли народа» (ст. 21). ФРГ также приняла закон о государственном и общественном финансировании партий. В итальянской конституции записано, что партии обязаны вносить свой вклад в «определение национальной политики» (ст. 49). Во Франции правые партии зарегистрированы по закону об ассоциациях 1901 г. Левые же не имеют особого юридического оформления и организуют свою работу в соответствии со ст. 4 конституции республики, гласящей, что партии и политические объединения соревнуются за электорат, свободно образуются и осуществляют свою деятельность, но обязаны уважать принципы национального суверенитета и демократии. Разумеется, судебная власть в любой момент вправе пресечь отклонения от столь широко сформулированных конституционных требований.

Классификация политических партий. Одну из первых попыток исторической периодизации форм партийной организации предпринял **Вебер**, который выделил три таких этапа: аристократические группировки; политические клубы; современные массовые партии.

Ядром принятой сегодня классификации партий остается схема *Дюверже*, представленная им в работе «*Политические партии*» (1951), который по организационному строению разделил их на два основных типа: кадровые и массовые. **Кадровыми** он назвал партии, возникшие в результате сотрудничества низовых избирательных комитетов рядовых граждан и парламентских групп в верхах. **Массовые партии** — плод всеобщего избирательного права. Различаются эти два типа по характеру связей гражданина (в монархиях — подданного) с партией и по своей внутренней структуре. Отношения человека с какой-либо партией обычно иллюстрируют с помощью схемы, содержащей четыре концентрических окружности. Наименьшую из них (на схеме — D) образуют активисты и функционеры партии, для которых она — смысл их политической жизни и/или работы; они обеспечивают организационную и пропагандистскую (нередко и идеологическую) деятельность. Следующий круг (C) — члены партии, выплачивающие в ее фонд взносы и имеющие регистрационный документ. Третий круг (B) — симпатизирующие партии; они оказывают ей всевозможную поддержку и участвуют во вспомогательных объединениях — молодежных, женских, спортивных и пр. Самая большая окружность (A) — избиратели партии, чья привязка к ней чаще всего ограничена голосованием в ее пользу.

Схема участия в партийной жизни

В кадровых партиях обычно нет строгого, постоянного членства и статуса индивидуального участия, а также централизованной структуры; при этом партийный курс вырабатывают влиятельные боссы (консервативные партии в англосаксонских странах). Схему таких партий можно определить как A + B + D. «Концентрическая» структура массовых партий дополнена их постоянными членами: + C. Они довольно сильно централизованы, основаны на иерархии (соподчинении) от нижнего уровня местных организаций

до высших органов партии, финансируются в основном из собранных членских взносов. Важным показателем влияния партий, по Дюверже, выступает так называемый индекс членства: соотношение между числом избирателей и членов данной партии (А/С). Позже этот ученый скорректировал свою схему, признав факт существования массовых *непрямых* партий (лейбористы в Англии: человек сначала вступает в профсоюз и автоматически числится членом партии, если прямо от этого не отказывается).

По внутреннему строению различаются партии с *сильной* и *слабой* структурой. В первом случае внутрипартийная дисциплина, фиксированная в уставах, предписывает всем депутатам подчиняться распоряжениям парламентской группы и руководящих органов партии. Слабоструктурированная партия означает, что ее парламентарии располагают почти полной свободой голосования.

Обратите внимание

Сила или слабость структуры партии не зависит от того, кадровая она или массовая. Например, в Англии консерваторы — это кадровая партия, лейбористы — массовая непрямая партия, но обе обладают жесткой уставной дисциплиной в парламенте. Значит, это парторганизации с сильной структурой. И наоборот, в США депутаты от демократической и республиканской партий при голосовании в конгрессе могут ориентироваться на собственное мнение. Именно отсутствие жесткой партийной дисциплины обеспечивает нормальное функционирование института президента при неимении им своего большинства в парламенте.

Известные политологи, не отвергая классификацию партий Дюверже, впоследствии дополнили ее — **Отто Кирххаймер** в 1966 г., **Жан Шарло** в 1970 г. Были и другие корректировки, в частности **Сартори** (1976), который попытался обобщить все научные разработки партологов, чтобы как можно более полно представить мир современных политических партий. Все они исходили из того, что нельзя приравнивать кадровую партию к архаичной модели, а массовую — к прогрессирующей, как это сделал Дюверже. Действительно, многие партии не являются массовыми (у них незначительный членский корпус и еще меньше активистов), но они собирают солидный электорат. Кирххаймер выделил еще один тип, названный им «партия-хватай-всех» (англ. catch-all party). Его поддержал Шарло, наименовавший такие организации *партиями избирателей*. Подобные «межклассовые» объединения считают вторичным рост своих рядов, но стараются сплотить вокруг себя максимальное количество избирателей самой разной социальной, этнической и прочей принадлежности, идейной ориентации, с неодинаковыми част-

ными и групповыми интересами для решения важнейших проблем текущего политического момента, а также для того, чтобы получить возможность править эмпирическим, т.е. основанным на непосредственном опыте, путем. Шарло и Сартори предложили трех-составную классификацию: кадровые, массовые и партии избирателей. К последним пришло название универсальных партий.

В конце XX в. **универсальные партии** — или партии избирателей — отличались самым динамичным развитием по сравнению с остальными, многие из которых перестраиваются под эту модель. Их прогресс объясняется переосмыслением механизма взаимодействия между партиями и обществом: новые технологии и информатика радикально преобразовали социально-профессиональные структуры и традиционные идейные предпочтения; изменился и демографический состав населения. Тем самым была ослаблена привязка партий к некогда ориентировавшимся на них социальным группам, что сделало партийную базу неустойчивой, а исход выборов — малопредсказуемым. Чреватое конфликтами партийное размежевание перестало быть смыслом политической жизни, а взамен расширилась сфера общенационального согласия. Ощутимо усилилась исполнительная власть, нередко в ущерб законодательной. Эти и другие факторы заставляют партии обращаться сразу почти ко всем группам избирателей, многие из которых отныне проявляют повышенный интерес к универсальным (в смысле — общечеловеческим), а не классовым, к постматериальным (духовным), а не материальным ценностям.

Для универсальных партий в целом характерна гибкая политическая линия. Они выстраиваются вокруг лидеров (чаще — одного национального лидера), предлагающих обществу идеи согласия, баланса интересов разных социальных групп. Такие партии прагматичны в плане идеологии, заимствуя свои предложения из разных источников, что позволяет им не сковывать свою нацеленность на электоральный прогресс какими-то догматическими приверженностями.

Обратите внимание

По наблюдениям политологов, универсальные партии ставят перед собой более значимые, с точки зрения общественных интересов, цели, они удачливее других в политической игре или в соревновании за государственные посты и депутатские мандаты, успешнее вовлекают в политику молодежь. В большинстве стран Европы к этому образцу тяготеют по преимуществу социал-демократические организации, но в Англии — консерваторы, а в США — республиканцы. Почти не поддаются реформированию по модели универсализации политические объеди-

нения, выступающие за специфические цели (так называемые *микрokonфликтные*), националистические, элитарные (предпринимателей или монархистов), *антисистемные* (т.е. принципиально выступающие за изменение существующего государственного строя) партии вроде догматизированных коммунистических.

Немногим позднее партий избирателей, уже включенных в качестве третьего компонента в классификацию, в политологической литературе появились описания еще одной разновидности этого негосударственного политического института, названной тогда **партии «новой волны»**. Их самоопределение в политическом мире было связано с бурным развитием с конца 1960-х гг. новых социальных движений (НСД) — экологических, коммунитарных, гражданских инициатив и т.д. В то время ощутимо падал престиж партий классического, т.е. парламентского, образца, которые, по мнению многих граждан, отчуждались от гражданского общества, входя в опасную для демократии близость с государством.

Эти новые партии (яркие примеры — зеленые ФРГ, социал-демократическая партия Великобритании) формировались на основе самой активной части НСД и в 1980-е гг. довольно быстро прошли процесс институционализации в политических системах разных стран. Их отличают от других партий оригинальное организационное строение, иной тип отношений с избирателями и симпатизирующими, четкая ориентация на постматериальные ценности, своеобразный политический стиль. Вместе с тем, такие партии не похожи и друг на друга.

Немецкие зеленые построили партию на реально децентрализованном механизме принятия решений, главное в котором — жесткий контроль снизу за деятельностью руководства партии и ее депутатов. Местные организации автономны по отношению к вышестоящим партийным инстанциям, в их работе участвуют не только члены партии, но и ее избиратели. Главный орган партии — национальный исполком, назначаемый делегатами общенемецкого съезда. Для эффективной связи руководства и депутатов зеленых с низовыми структурами распространена практика их ротации (лат. *rotatio* — круговращение) — после 1–2 лет пребывания в высших органах партии или половины срока в бундестаге эти люди отзываются в местные отделения, а на их посты приходят другие.

Обратите внимание

Традиционная парламентская система небезуспешно навязывала зеленым свои правила игры. И партия «новой волны» фактически раскололась надвое. «Фундаменталисты» предпочитали блости чистоту изначальных партийных принципов, в т.ч. от-

казывались от сотрудничества с другими партиями, пусть даже в ущерб росту влияния зеленых. «Реалисты» были согласны на коалиции, на разумное приспособление к правилам парламентской системы, считая, что важнее всего развивать свою массовую базу, дабы переломить тенденции к сращиванию ведущих партий ФРГ с государственным аппаратом, к монополизации ими всех уровней власти.

У социал-демократов Великобритании (СДП), выходцев из лейбористской партии, руководство наделено большей степенью независимости от активистов и местных отделений, которые в основном налаживают избирательные кампании своих лидеров. Делегаты от низовых организаций собраны в своеобразный «парламент» партии, решающий вопросы текущей работы. Однако политику СДП по ключевым проблемам и ее предвыборную платформу готовит комитет, в который входят президент партии и его заместители, лидер парламентской группы и депутаты.

В целом роль партий «новой волны» состоит даже не в отвоеванных ими голосах избирателей, не в заинтересованности в коалиции с ними кадровых, массовых и универсальных партий, а в том, что эти последние задумались о неполном соответствии своей организационной структуры и политической линии крупнейшим общественным преобразованием конца XX в. и стали перенимать некоторые идеи у партий-движений. Ускоряющееся развитие модели партий избирателей тоже можно считать ответом на критику партиями «новой волны» устоявшихся правил политической игры.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

— это политическая структура, составленная из самостоятельных, но взаимозависимых элементов — партий. В каждой конкретной стране она характеризуется: 1) количеством партий; 2) социально-политическими и правовыми условиями их деятельности; 3) типом электоральной системы и числом избирателей; 4) особыми параметрами — размерами, спецификой строения партий, условиями коалиционной политики; 5) реальными возможностями доступа партии к власти.

3.3. Институционализированные партийные системы

Немало категорий политической науки можно рассматривать в разных ракурсах в силу их многомерного характера. Не составляет исключения и **партийная система**, институциональный анализ которой полезен еще и потому, что партии принято классифицировать и в соответствии с типом данной системы.

Дюверже был первым, кто установил институциональную зависимость между способом голосования и конфигурацией партийной системы, т.е. числом партий и отношениями между ними, сформулировав в книге *«Влияние избирательных систем на политическую жизнь»* (1950) три «социологических закона». 1) Выборы по мажоритарной системе в один тур способствуют установлению в стране двухпартийности (бипартизма) с крупными и влиятельными партиями, конкурирующими только друг с другом. 2) Мажоритарные выборы в два тура приводят к системе нескольких партий,

стремящихся к объединению в две коалиции. 3) Пропорциональное представительство благоприятствует многопартийности, составленной из множества небольших организаций, которые вынуждены проводить коалиционную политику.

Интерпретация

Дюверже разъяснял смысл своих социологических «теорем» следующим образом. Две причины определяют соотношение между мажоритарной системой и тактикой предвыборной борьбы двух сильных партий. Во-первых, от каждого округа депутатское место получает лишь наиболее крупная партия, малые же партии, лишённые поддержки большинства избирателей, не имеют никаких шансов. Во-вторых, избиратели, настроенные реально повлиять на исход выборов, а не просто продемонстрировать свои симпатии какой-либо программе, поддержат партию, способную к победе в их округе (принцип полезного голосования).

Тем не менее, партолог *Уоллестайн* считает, что взаимосвязь между электоральной и партийной системами пока выяснена недостаточно. К примеру, почти весь послевоенный период в Австрии сохранялся бипартизм в условиях пропорционального представительства. Но все-таки «законы» Дюверже, по мнению этого автора, дают возможность увидеть вероятные следствия такой взаимосвязи. К тому же опыт разных стран показал: при пропорциональной системе количество партий в среднем выше, чем при мажоритарной, которая явно губит малые партии.

Классическая типология всех существовавших в мире на момент исследования партийных систем была предложена *Сартори* в работе «*Партии и партийные системы*» (1976). Он выделил 7 основных типов, руководствуясь вектором движения от монополии на власть к политическому плюрализму.

1. *Однопартийные* системы (СССР, Куба), где фактически существует тотальный контроль одной партии, слившейся с государственным аппаратом.

2. Системы *партии-гегемона* (ГДР, Болгария) при формальном наличии зависимых партий-сателлитов, не влияющих на принятие решений.

3. Системы *доминирующей партии* (Япония, Индия), где долгие годы, несмотря на множество партий, реально правит одна и та же (либерально-демократическая партия Японии, Индийский национальный конгресс).

4. *Двухпартийная* система (бипартизм), существующая в основном в англосаксонских странах, где две основные партии череду-

ются у власти (Демократическая и Республиканская партии в США, консерваторы и лейбористы в Великобритании).

5. Системы *умеренного плюрализма* (от 3 до 5 партий) с довольно фрагментированными партиями (Франция, Бельгия).

6. Системы *крайнего плюрализма* (от 6 до 8 партий), где происходит поляризация партийного спектра (Нидерланды, Финляндия) и образуются сложные коалиции.

7. *Атомизированные* системы (свыше 8 партий) с рассредоточением политического влияния и ролей (Малайзия).

Интерпретация

В целом соглашаясь с типологией Сартори, другие политологи постарались ее откорректировать. Они выделили два типа монопартизма: идеологический тоталитарный и президенциалистский унитарный. Первый случай — это КПСС в Советском Союзе; второй — целый набор современных африканских стран, где действует единственная «партия президента» (если отвлечься от авторитарных склонностей главы государства, для этих бедных обществ многопартийность была бы слишком расточительной).

Бипартизм тоже неодинаков. Есть система *жесткого* бипартизма (Великобритания), где в палате общин представлены только две партии, а пост премьер-министра, фактического главы государства, всегда принадлежит победителю на выборах. При *мягком* бипартизме президентом может быть представитель другой партии, чем та, которая имеет большинство в конгрессе (США). Понятие *несовершенного* бипартизма (его еще называют системой «*двух с половиной партий*») применимо к ФРГ. В этой стране преобладают две крупные партии — христианские демократы и социал-демократы, но формирование правительства часто зависело от того, примкнет ли третья по влиянию партия — либеральная — к какой-либо из них (как правило, она вступала в коалицию с ХДС/ХСС). В последние десятилетия в эту политическую игру на стороне СДПГ включились зеленые, а после воссоединения немецких земель — и Партия демократического социализма.

При сравнении партийных систем демократического толка видно, что каждая из них обладает и преимуществами, и недостатками. Двухпартийная система автоматически обеспечивает одной из партий большинство в парламенте, которое гарантирует устойчивость кабинета министров, обычно позволяя ему отработать весь отпущенный законом срок. При бипартизме возможно наиболее полное представительство интересов граждан — с учетом чередования партий у власти, — а также экономятся средства на отдельные выборы главы государства.

Жесткости бипартизма противопоставлены разнообразие и гибкость многопартийной системы. В ее условиях получают право на вполне достойное существование, на парламентскую трибуну не только малые партии, но и организации, предпочитающие играть исключительно роль принципиальной оппозиции. И те, и другие при бипартизме были бы удалены с политической сцены. Еще важнее то, что лидеру многопартийной системы — так называемой *правительственной* партии — необходимо вступать в коалиции, а тем самым вырабатывать политический курс государства с учетом мнений других партий, которые в ином случае скорее всего были бы отвергнуты.

Интерпретация

Сартори считает, что двухпартийная система благоприятствует управляемости государства и политическому реализму, снижая налет демагогии с политики, т.к. является плодом известного общественного согласия. А многопартийность, вынуждающая всякую победившую партию править совместно с другими, позволяет этим другим приписывать собственные ошибки.

В политологии довольно распространен способ классификации партий в соотношении с типом партийной системы. Параметры партии — количество ее членов и активистов, величина избирательного корпуса, число парламентариев — приобретают особое значение при многопартийности. Распределение депутатских мест (т.е. сравнение влияния партий в парламенте) позволяет выделить: 1) *мажоритарную* партию, стабильно получающую абсолютное большинство мандатов и тем самым право единолично формировать правительство (ее вариант — партия с *мажоритарным потенциалом*, т.е. способная по итогам следующих выборов и в условиях чередования образовать правительство); 2) *доминирующую* партию с ее относительным большинством мест в парламенте; 3) *миноритарную* (лат. *minor* — младший) партию.

Обратите внимание

Специфику доминирующей партии составляет то, что обычно она отождествляет себя с политическим режимом, поскольку служит ему опорой. На выборах ей нужно завоевать приблизительно 30% голосов, чтобы получить возможность определять состав и политический курс обязательной в таких случаях правительственной коалиции. Показательный пример — Христианско-демократическая партия Италии, которая несколько десятилетий подряд доминировала в политике этой страны.

Три вида партийных систем определяются характером их элементов: 1) системы, основанные на мажоритарных партиях — это бипартизм или многопартийность с организацией, обладающей абсолютным большинством мест в парламенте; 2) системы с доминирующей партией; 3) системы, опирающиеся на коалицию миноритарных партий.

Политический опыт показывает, что партия, постоянно добивающаяся мажоритарного статуса, по прошествии нескольких циклов выборов затрудняет работу парламента, поскольку такая ситуация не способствует реализации одного из важных принципов демократического строя — *чередования у власти*. Более оптимально для гражданского общества функционирование тех партийных систем, которые обеспечивают сочетание рационального парламентаризма (т.е. разумного числа партий в законодательном органе и участвующих в выборах) и доминирующей партии (ФРГ). Системы, основой которых служит коалиция миноритарных организаций, требуют умной и гибкой союзнической политики, поскольку им присуща нестабильность правительств при низкой оценке деятельности любого из них со стороны общественного мнения.

3.4. Группы интересов

Члены общества взаимосвязаны отношениями, отражающими их самые разные интересы. Сходное поведение людей в политике еще не означает тождественность их социальных интересов, которые (вместе с традициями, индивидуальными качествами и мотивами) формируют стилистику политической жизни общества. Интересы как таковые — это особые стимулы деятельности, выражающие определенные потребности и цели людей, а также их групп. Именно интересы — личные и общественные — становятся причиной индивидуальных и коллективных политических акций.

В качестве негосударственного политического института следует рассматривать так называемые **организованные (социальные) интересы**, поскольку многие носители личных интересов объединяются в ассоциации, во-первых, ради артикуляции своих интересов внутри каких-либо групп, а во-вторых, чтобы представлять эти интересы в отношениях с иными группами и политическими институтами.

Для обозначения понятия **группы интересов** используются и другие термины, в частности группа давления, лобби, союз; вместе с тем, наименование «группа интересов» — самое адекватное современному статусу этого негосударственного политического института.

ИНТЕРЕСЫ СОЦИАЛЬНЫЕ (лат. interest — имеет значение) — реальные причины действий, складывающиеся у социальных групп (коллективов) в связи с различиями в их положении и роли в общественно-политической жизни. В процессе взаимоотношений людей происходит выработка интересов и требований именно группы как целого. Демократическая политическая система с ее институтами призвана создавать возможности для наиболее полной артикуляции интересов всех социальных групп, включая этнические и другие меньшинства, и выбирать в соответствии с ними политические и иные приоритеты.

Словосочетание *группа давления* (англ. *pressure group*) прежде всего означает форму действия или метод, принятый неким коллективом для поддержки или срыва определенных политических решений (митинг, демонстрация, пикетирование парламента и пр.). В термин *лобби* (англ. *lobby* — кулуары, преддверие парламента) заложен весьма узкий смысл — обработка депутатов либо правительственных и иных государственных чиновников в целях вынесения нужного лоббистам решения, в т.ч. законодательного. Наконец, слово *союз* тоже малопримлемо по той причине, что указывает на формально-бюрократические признаки организаций, рассчитанных на длительное существование, и за пределами понятия остаются все виды стихийных инициатив (например, гражданских).

Обратите внимание

По официальной версии, группы давления и лобби создаются для консультаций и информационного обеспечения парламента и правительств по вопросам специализированной деятельности, поскольку многие из них связаны с образованиями из конкретных сфер активности, поэтому они и располагают базой данных. Другие отражают мнения некоторых политических, социально-профессиональных или идеологических течений, не представленных на высшем уровне власти. Отстаивая вполне определенные интересы, группы давления, естественно, подают информацию в выгодном для своих контрагентов свете. При этом группы давления добиваются своей цели любыми доступными для них способами, оказывая воздействие на парламентариев и членов правительства. Некоторые из них не гнушаются подкупом коррумпированных политиков. По судебным правилам демократических стран, когда подобное раскрывается, организации запрещается продолжать лоббистскую деятельность, а виновные привлекаются к уголовной ответственности. Здесь имеются в виду прежде всего криминальные и теневые группировки, ставящие целью личное обогащение противозаконными способами.

В XX в. размах нелегальных операций и величина доходов преступных образований достигли такого масштаба, что они стали серьезно влиять на экономическую ситуацию целых стран и регионов. Эти группировки стремятся легализовать полученные ими незаконным путем доходы, чтобы свободнее распоряжаться ими. Для включения таких криминальных и теневых групп интересов в законный бизнес непременно требуются рычаги воздействия на политику.

От партий группы интересов отличаются тем, что не принимают коллективного участия в соревновании за парламентские мандаты или управленческие посты. Представляя отдельные интересы общества, они не стремятся к политической ответственности. Вместе с тем, восприятие группы интересов как негосударственного института прежде всего указывает на политическое измерение данного понятия.

Если рассматривать современную плюралистическую демократию под углом зрения негосударственных институтов, то она исходит из таких принципов: 1) общее благо есть итог сбалансированности групповых интересов; 2) признание различия интересов; 3) существование независимых от государства организаций и групп интересов; 4) многопартийная система с оппозицией и государственнo-правовыми гарантиями. (Этот вывод принадлежит немецким политологам **В. Грёфину-Хуку** и **С. Хольцеру**.)

Интерпретация

Политолог **Эрнст Френкель**, представитель неоплюралистической теории, еще в 1950-е гг. полемизировал с **Карлом Шмиттом**, доказывавшим, что только государство и его руководители способны осознать общее благо и реализовать связанные с ним цели, а группы интересов просто опасны, ибо представляют отдельные требования, не понимают общего блага и могут дестабилизировать страну. Френкель, в свою очередь, попытался переопределить соотношение общества и государства при демократии. Он отвергал мнение, что «единая воля народа» нарушает принцип свободы, и противопоставлял ему идею парламентско-плюралистической демократии, исходящей из критериев различия интересов и необходимости их компромиссного совмещения. Кроме того, Френкель считал: ничто, даже само государство, не может претендовать на право однозначно формировать общее благо. Отсюда и вывод политолога — это благо есть результат взаимодействия и уравновешивания групповых интересов.

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ —

все виды негосударственно-политического института, для которого характерны: 1) добровольность объединения людей в коллективы и организации с формальной структурой (обычно нежесткой); 2) общие представления и цели членов группы; 3) соединение личных требований с общественно полезными материальными и духовными мотивами, которые выражаются внутри своего коллектива с помощью сотрудничества и различных воздействий либо адресуются иным группам, политическим институтам, законодательной и исполнительной властям; 4) как правило, отсутствие бюрократических структур.

Многообразие групп интересов в современном мире очень затрудняет их типологизацию. Легче всего ее провести по различению так называемых пар-антагонистов: материальные — духовные, общественные — частные, формальные — неформальные и т.д., но такой подход явно узок. Определенное признание политологов получила классификация (конец 1980-х гг.) немецкого ученого **Ульриха фон Алемана**, который исходил из существования 5 основных сфер социально-политической активности.

1. Организованные интересы в экономике и в мире труда: предпринимательские объединения и ассоциации самостоятельных работников; профсоюзы; потребительские союзы.

2. Группы интересов в социальной сфере: объединения по защите социальных прав (вроде общества слепых); объединения социальных достижений (например, благотворительные фонды); группы самопомощи (по противостоянию наркомании и пр.).

3. Групповые интересы в области досуга: спортивные союзы; клубы для общения и реализации хобби.

4. Организованные интересы в сферах религии, науки и культуры: церкви, секты; научные ассоциации; общеобразовательные кружки и клубы по искусству.

5. Группы интересов по общественно-политической деятельности: духовные, этические, правозащитные ассоциации (например, Эмнисти Интернэшнл); общественно-политические объединения — экологические (Гринпис), феминистские, глобалистские/антиглобалистские гражданские инициативы, движения в поддержку расовых («Черные пантеры»), этнических и иных меньшинств.

Разумеется, даже эта весьма развернутая классификация не отражает в полной мере варианты групп интересов и гражданских инициатив.

Для того чтобы разнообразные организованные интересы реально влияли на процесс принятия политических решений и на программы партий, в функциональном плане члены такой группы прежде всего должны выявить спектр существующих мнений, обобщить их и свести к небольшому перечню политических альтернатив. Последние могут быть восприняты конкретными организациями или секторами государственной власти. От правильного отбора интересов и требований зависит способность представляющих их групп к реальному воздействию на политику государства.

Вопросы для семинарского занятия

1. Что такое политический институт?
2. Каковы основные функции государства как политического института?
3. Какие существуют формы государственного устройства?
4. Охарактеризуйте современные республиканские формы правления. К какому из видов вы бы отнесли Россию?
5. Как можно типологизировать электоральные системы и каковы их преимущества и недостатки?
6. Что входит в понятие негосударственных политических институтов?
7. Какие существуют подходы к понятию партии? Дайте типологию российских партий.

8. К какому типу относится российская партийная система?
9. Каковы перспективы дальнейшего развития партийной системы в России?
10. Что такое группа интересов? Насколько, по вашему мнению, данный институт развит и влиятелен в России?

Тексты

- Гоббс Т. Левиафан. — Гоббс Т. *Сочинения*. — Т. 2. — М., 1991.
- Дюверже М. Политические институты и конституционное право. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Дюверже М. *Политические партии*. — М., 2000.
- Кинг П. Классифицирование федераций. — *Полис*, 2000. — № 5.
- Крозье М. Современное государство — скромное государство. Другая стратегия изменения. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Макиавелли Н. Государь. — Макиавелли Н. *Избранные произведения* — М., 1982.
- Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии*. — М., 1997.
- Олсон М. *Логика коллективного действия*. — М., 1995.
- Уоллерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность. — *Полис*, 1992. — № 6.
- Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм. — *Полис*, 1995. — № 5.

Дополнительная литература

- Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации. — *Полис*, 1998. — № 1.
- Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория. — *Современная сравнительная политология*. Хрестоматия. — М., 1997.
- Джордан Г. Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях? — *МЭиМО*, 1997. — № 1.
- Ильин М.В. Слова и смыслы: Государство. — *Полис*, 1994. — № 1.
- Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений. — *Общественные науки и современность*, 1996. — № 5.

- Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
- Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. *Группы интересов и российское государство*. — М., 1999.
- Политические институты. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 4, 5, 6, 7.
- Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество. — *Полис*, 1998. — № 4.

Политический процесс

Political Process

Программные тезисы

- Общее понятие политического процесса. Макро- и микроизмерения его анализа. Политический процесс как функционирование макросистемы политических институтов общества и как совокупность политических микропроцессов, интегральная активность социально-политических акторов. Концептуальные подходы к интерпретации политического процесса. Групповой плюрализм Д. Трумэна, А. Бентли и системно-функциональный холизм Д. Истона и Г. Алмонда.
- Структура и типы макрополитического процесса. Взаимодействие процессов государственного управления и гражданского давления. Роль участия граждан в макрополитическом процессе.
- Концептуальный подход Г. Алмонда к определению основных функций политического процесса: артикуляция и агрегирование интересов, принятие и осуществление решений, арбитраж и контроль. Д. Истон о политическом процессе как циклическом функционировании политической системы во взаимодействии с социальной средой. Компоненты политического процесса: акторы и их характеристики, нормы и правила и т.д. Расстановка и соотношение социальных сил на политической сцене. Перегруппировка сил на различных фазах политического процесса.
- Сущность государственного управления. Механизм выработки и осуществления государственной политики. Формирование легитимных агентов государственного управления и избирательный процесс. Принятие политических решений и законодательный процесс. Принятие государственных решений: модели, механизмы, типы и основные фазы. Осуществление государственных решений и административный процесс.

Проблемные вопросы

1. Что такое политический процесс, каковы его основные типы и базовые интерпретации?
2. Каковы структура и внутренние компоненты политического процесса?
3. В чем заключается механизм разработки и осуществления государственной политики?
4. Каковы основные этапы принятия государственных решений?
5. Кто выступает акторами макрополитического процесса, каковы типы взаимоотношений между ними?
6. Что такое расстановка и соотношение социальных сил на политической сцене?
7. В чем состоит особая роль элиты в политическом процессе?

1. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1.1. Подходы к интерпретации политического процесса

ПРОЦЕСС (лат. *processus* — продвижение) — ряд смены явлений, состояний в развитии чего-либо; совокупность последовательных действий для достижения нужного результата.

Политический процесс как проблема связан с функционально-динамическими аспектами политической системы, прежде всего со взаимодействием с ее социальной средой.

Понятие политического процесса используется обычно в двух отношениях, условно обозначаемых как его *макро-* и *микроизмерения*. В макроаспекте его определяют как ход развития, вообще воспроизводство политической системы под влиянием действующих на нее факторов, т.е. как ее универсальную *динамическую* характеристику. В микроаспекте под политическим процессом понимается некая равнодействующая акций различных социальных и политических субъектов, т.е. *совокупность субпроцессов*.

Интерпретация

В авторитетной «*Международной энциклопедии социальных наук*» (1968) написано: «Политический процесс сводится к деятельности людей в различных группах по поводу борьбы за власть и ее использования для достижения своих индивидуальных и групповых интересов».

Значит, постичь сущность этого явления можно с помощью рассмотрения его компонентов, а политическая деятельность отдельных участников выступает в качестве исходного пункта изучения процесса как такового. Если определение политического процесса в целом («макроопределение») составляется на основе общих суждений, позволяющих сделать частные выводы (дедукция), то «микрообъяснение» по преимуществу идет от отдельных политических событий к их обобщению (индукция).

Категорию политического процесса следует отличать от категории политического развития, хотя при этом обе они отражают некоторую комбинацию признаков устойчивости или изменчивости в политической сфере жизнедеятельности общества. При анализе политического процесса раскрываются в основном воспроизводство институтов и их функций, механизмы функционирования, адаптации, преемственности и сохранения политической системы. Таким образом, понятие политического процесса содержит и динамические, и статические характеристики. В свою очередь, категория по-

литического развития используется главным образом для рассмотрения тех сторон общественной динамики, которые связаны с эволюционными реформами либо революционными переменами.

Традиция анализа динамики политической жизни сложилась в далеком прошлом. Важной вехой в создании основ этой концепции в западной политической мысли были, в частности, работы **Карла Маркса** и **Фридриха Энгельса**. Но лишь в начале XX в. обозначились первые попытки построения развернутой и специализированной теории политического процесса.

Развитие взглядов на политический процесс связано с разработкой трех основных позиций: 1) микро- и макроуровневые исследования; 2) структурно-функциональный и динамический анализ; 3) поведенческий, субъектный и интеракционистский (проблема взаимодействий), а также конфликтный подходы.

Если оценивать **макро- и микроуровневые** исследования политического процесса (см. *схему 1*) по историческому времени их появления, то дедуктивный способ макроанализа возник, вероятно, раньше индуктивного микроподхода. Еще в «Истории в 40 книгах» **Полибий** (II в. до н.э.) высказал идеи о *целостном круговороте* политической жизни, предполагающем закономерный переход государства в стадии становления, расцвета и упадка. Современный же этап эволюции концепций политического процесса открывается в XX в. микротеориями, связанными с именами **Артура Бенгли** и **Вильфредо Парето**. Именно концепция циркуляции (круговорота) элит, разработанная в «Трактате по общей социологии» Парето, дала основание **Йозефу Шумпетеру** назвать последнего основоположником современной «социологии политического процесса». Парето берет в качестве базовых для своей теории понятия *элиты* (как субъекта и движущей силы политического процесса), которой противодействуют *контрэлиты*, а также *народа*, исполняющего по преимуществу пассивную, а не активную роль.

Схема 1. Политический процесс: макро- и микроуровни

ПАРЕТО (Pareto), Вильфредо (1848, Париж — 1923, Женева) — итальянский экономист, социолог и политолог, одним из первых применивший формальные методы (математические и пр.) для анализа экономических и социальных процессов; создатель концепции «нелогического поведения» и теории циркуляции элит. Получив техническое образование и сделав карьеру инженера, в 1880-х Парето занялся изучением теоретических экономических проблем. Придя к выводу, что для анализа социально-политических явлений социология и политическая экономия того времени являются недостаточно эффективными, Парето увлекся социальными науками в попытке создать новую «экспериментальную социологию» по подобию естественных наук. Сторонник либеральной экономической политики, он был противником марксизма и либерального эгалитаризма, считая, что демократическое правление неизбежно перерождается в плутократию.

Автор таких работ, как «Социалистические системы» (1902); «Руководство по политической экономии» (1906); «Трактат по всеобщей социологии» (1916; англ. изд. «Разум и общество», 1935); «Трансформация демократии» (1921) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Диапазон научных интересов Парето был чрезвычайно широк: экономическая теория, политическая экономия, социальная и политическая реформы, распределение власти в обществе и т.п. Его достижения в сфере экономических наук общепризнанны, и многие идеи по-прежнему актуальны. Парето также называют одним из величайших социологов, оказавшим большое влияние на эту дисциплину.

Общество, по Парето, представляет собой систему, находящуюся в состоянии динамического равновесия (концепт, перенесенный ученым из экономических исследований), которое устанавливается в ходе различных социальных взаимодействий. Поскольку человек есть «материальная частичка, молекула» этой системы, то Парето по-своему формулирует предмет социологии — человеческое поведение, имеющее по преимуществу *иррациональный* характер (восприятие людьми мира не соответствует тому, каков он есть на самом деле; люди не могут рационально обосновать выбранные цели). Поведение делится на логические (целенаправленные, между средствами и целью есть логическая связь) и нелогические (инстинктивные) поступки; в реальности они представлены в смешанном виде. Первые редки, а вторые, напротив, широко распространены и имеют определяющее значение для общественной жизни. Основу нелогических поступков составляют «*остатки*» (итал. *residui*) — проявления различных психических состояний (чувств, страстей, инстинктов, устремлений), изначально присущие человеку. Их «*производные*» (итал. *derivazioni*) являются следствием способности (потребности) человека легитимизировать с помощью логики свои поступки (их цели и причины), представляя собой ложную рационализацию сугубо нелогических поступков. Среди 17 форм «производных» (в их числе — простые утверждения, утверждения, подкрепленные авторитетом и т.д.) особенно важны идеологии и верования. 52 «остатка» Парето объединил в 6 классов: 1) инстинкт комбинаций; 2) постоянство агрегатов; 3) потребность в демонстрации собственных чувств; 4) ин-

Вильфредо ПАРЕТО (1848, Париж — 1923, Женева) — итальянский экономист, социолог и политолог, одним из первых применивший формальные методы для анализа экономических и социальных процессов; создатель концепции «нелогического поведения» и теории циркуляции элит.

стинкт общительности; 5) инстинкт целостности индивида; 6) инстинкт сексуальности. «Остатки» и «производные» взаимодействуют, комбинируются, определяя социальные явления и процессы, а в более общем плане обеспечивают поддержание социальной системы в состоянии динамического равновесия.

Для сферы политики и в целом для установления социального равновесия особое значение имеют «остатки» 1 и 2 классов. «Остатки» 1 класса — *инстинкт комбинаций* — чаще всего встречаются у добивающихся успеха, в т.ч. многочисленными компромиссами, общественных деятелей-либералов и стремящихся к умножению богатства предпринимателей; для них характерны стремление и готовность к инновациям во всем, активность, авантюризм, оригинальность и т.п. «Остатки» 2 класса — *постоянство агрегатов* — присущи политикам-консерваторам, считающим высшими приоритетами закон и порядок и готовым ради их сохранения применять силу, а также рантье, для которых закон и порядок — гарантия сохранения средств; для них характерны стремление к стабильности и преемственности, лояльность властям, трепетное отношение к традициям, законопослушание, осмотрительность и т.п. Противоположные по направленности «остатки» 1 и 3 классов соперничают друг с другом, определяя тем самым общий ход истории. Далее, поскольку общество — это система, находящаяся в состоянии динамического равновесия, то противоречия, связанные с соперничеством двух классов «остатков» и их распределением между социальными группами (Парето особо подчеркивает неоднородность общества), реализуются в конечном итоге как циклы — смена, чередование доминирующих установок и их носителей («история — это могила аристократии»).

Теория «остатков» и «производных» легла не только в основу концепции циркуляции элит, но и собственно в деление общества на элиту и неэлигу (низшую управляемую страту), присущее всем без исключения социумам. Элита, по мнению Парето — это «избранный» «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности», т.е. наделен наибольшим личным потенциалом («остатками») для занятия какой-либо деятельностью в сфере управления обществом, если речь идет о политике. Помимо правящей элиты, Парето выделяет элиту, не участвующую в управлении. Далее, «остатки» 1 класса ориентированные на хитрость и обман («лисы»); «остатки» 2 класса, ориентированные на силу и порядок («львы»), соответствуют двум принципиальным стратегиям осуществления власти — через взаимодействие и компромиссы или с опорой на насилие. Стратегии (и типы управления) циклически сменяют друг друга по мере ослабления данных «остатков» и их носителей. Если правящая элита не принимает мер против деградации (у «лис» в виде радикализации и коррупции, у «львов» — консерватизма) путем рекрутирования новых членов из низших страт (кооптация), сохраняющих необходимые качества, поддерживая тем самым в себе необходимый баланс «остатков», то может произойти революция, обновляющая правящую элиту. В сфере политики — в *военно-политическом цикле* — действуют сильные правители («львы») и хитрые администраторы («лисы»). В начале цикла правят «львы», отсюда — войны, а правящая элита насыщена «остатками постоянства агрегатов» (подъем

2 класса «остатков» — распространены лояльность, патриотизм и т.д.). В условиях стабильности «лисы»-администраторы постепенно входят в правящую элиту, подрывая господство «львов» (спад 2 класса «остатков») и лишая их власти. Начинается вторая фаза цикла: «лисы» заняты внутренней политикой, перераспределением ресурсов в ущерб «силовому блоку», доминируют материальные ценности (подъем 1 класса «остатков»). В конечном итоге (спад 1 класса «остатков») происходит консервативный заговор «львов», удаляющих «лис» от власти силой (подъем 2 класса «остатков»). Цикл начинается заново. В экономической сфере (*индустриальный цикл*) действуют «рантье»-вкладчики и «спекулянты»-предприниматели. Доминирующие на первой фазе цикла «рантье» (2 класс «остатков») ориентируются на надежную собственность, минимизацию риска, накопление, стабильный доход, что приводит к стагнации экономики и последующему спаду. Требуются масштабные изменения, и на первый план выходят «спекулянты» (1 класс «остатков»). Во второй фазе цикла рискованная деятельность «спекулянтов» приводит к перегреву экономики, росту нестабильности на рынках, хаосу и беспорядкам, что вкпе провоцирует консервативный заговор «рантье». Цикл начинается заново. Сценарии данных циклов совпадают по времени. Теорию циркуляции Парето применил в «*Трансформации демократии*» для анализа больших общественных изменений, связав силу с централизованной властью и кооптацию различных социальных групп — с децентрализацией. Прочный режим применяет и силу, и кооптацию; при децентрализованном режиме распространена кооптация, чем более централизован — тем больше используется сила и велика опасность культа личности. Отсюда ученый делал заключение, что ускорение циркуляции элит возможно не только путем революции, но и путем стимулирования структурных изменений.

В целом экономические и социологические концепции Парето продолжают оказывать существенное влияние на современные социальные науки, в особенности в рамках теории игр.

Однако настоящую революцию в развитии теории политического процесса произвела книга **Бентли** «*Процесс управления*» (1908), в которой подробно была разработана концепция групп интересов, или «заинтересованных групп». Именно ему — одному из первых — принадлежала трактовка динамики политического процесса как борьбы и взаимного давления социальных групп в соперничестве за государственную власть.

Начиная с Бентли, категория политического процесса рассматривается в двух основных аспектах: в неформальном, реальном и групповом, ибо группа интересов — «первичный» субъект, а также в производном, официально-институциональном виде, представляющем собой проекцию групповых интересов, в силу чего государственные институты выступают лишь как один из многих типов групп интересов. Бентли, например, понимал правительство как

специфическую официальную группу-арбитра, регулирующую конфликты. Он ввел в научный оборот понятия артикуляции и идентификации (здесь — определения) групповых интересов в качестве изначальных для анализа любого политического процесса.

БЕНТЛИ (Bentley), **Артур** (1870, Фрипорт — 1957, Паоли) — американский социолог, политолог и философ. Преподавал социологию в Чикагском университете в 1896; в 1897–1910 был журналистом. С 1911 жил на ферме в штате Индиана, где продолжил научные изыскания, эпизодически выступая в качестве политического и социального активиста.

Автор работ по политологии, философии, логике, лингвистике, среди которых: «Процесс управления: к изучению социальных давлений» (1908, обновлен автором переизд. 1949); «Лингвистический анализ математики» (1932); «Поведение, знание и факт» (1935); «Познание и познание» (1949, соавт. Дж. Дьюи); «Исследование исследований. Эссе по теории социальных наук» (1954) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Несмотря на то что Бентли большую часть жизни занимался научной работой как «частный ученый» (англ. private scholar), он существенно повлиял на развитие социальных наук в США, в первую очередь в плане разработки бихевиористской методологии. Круг его интересов был обширен: логика, теория познания, лингвистика, психология, социология и политическая наука. Совместно с выдающимся философом *Джоном Дьюи* (1859–1952) Бентли создавал основы современной теории коммуникации.

«Процесс управления» — классический труд по бихевиоризму и плюрализму, с положениями которого ученые соглашались или спорили и во второй половине XX в. Бентли одним из первых занялся изучением группового поведения, деятельности групп давления (англ. pressure groups) и групп интересов (англ. interest groups). Он полагал, что *деятельность («заинтересованных») людей в группах* — едва ли не единственный доступный источник данных о политике и поведении человека («вся социальная жизнь на всех своих фазах может и должна быть представлена в таких группах активных людей») и видел своей целью создание *инструментария* для исследования в сугубо эмпирических, описательных категориях. Более того, ученый отмечал, что полное описание (на манер естественнонаучных дисциплин) и есть настоящая, «совершенная» наука, потому адекватное понимание политического поведения возможно, если будут изучены именно проявления активности или наблюдаемая активность людей. Акцент на изучении поведения групп индивидов и их взаимодействий знаменовал собой своего рода переворот в американской политической науке начала XX в., основным предметом рассмотрения которой долгое время были по преимуществу статичные государственные институты. Для Бентли были особо значимы количественные измерения («статистика социальных фактов») в политической науке, как, впрочем, и в самой политике («Количества присутствуют в каждом проявлении политической жизни. Любой политический процесс есть уравнивание одних количеств другими.»): он утверждал, что измерения «побеждают хаос» и

позволяют понять политические феномены. В этом смысле он был откровенным приверженцем сциентизма, т.е. течения в социальных науках, ставящего задачей их уподобление наукам естественным как по методам, так и по функциям в обществе. Таким образом, его исследовательский проект состоял в создании методологии описания и понимания политической жизни в категориях открытого, наблюдаемого человеческого поведения, что позволило бы создать социальную науку в «подлинном» (сциентистском) смысле. Бентли утверждал, что чувства, мотивации, идеи и т.п. (англ. *soul stuff*) не являются главными побудительными причинами политического поведения (хотя могут помочь исследователю в поиске фактов: «реальность идей в том, что они представляют собой отражение групп — (англ. *reflection of the groups*), а на аналитическом уровне предварительно выстроенные концептуальные схемы (англ. *mind stuff*) мешают «правильному» наблюдению и описанию, ограничивая их. Тем самым он подвергал критике нормативные построения в политической науке, призывая отказаться от абстракций, относящихся к «человеческой природе».

Понятие *группы* Бентли определял через связанные категории *деятельности* и *интереса*, однако в его текстах *группа*, *групповая деятельность*, *интерес*, *группа интересов* нередко употребляются как синонимы. С одной стороны, он полагал, что точные, исчерпывающие определения в общем-то не имеют решающего значения для анализа социальных и политических явлений, а с другой — это связано с особым пониманием группы как *групповой деятельности* какого-то числа людей, а не «физической массы», изолированной от подобных масс, поскольку люди могут одновременно участвовать во множестве «деятельностей». Также у любой группы (деятельности) есть неразрывно с ней связанный («особый групповой», выявляемый эмпирически) *интерес*, который становится эквивалентом «группы» и «деятельности»; интерес — своего рода оценка деятельности группы. Группы в политике представляют собой высокоспециализированные образования, «представляющие или отражающие другие, в т.ч. более фундаментальные», социальные группы. При исследовании деятельности групп, в особенности их *взаимодействий* (смысл деятельности группы определяется именно этим: «группы друг друга делают»), во внимание следует принимать такие взаимосвязанные факторы, как численность, степень «сконцентрированности интереса» (англ. *intensity*), техника деятельности (например, взятничество, убеждение и т.п.) и организация. Для Бентли система открыто проявляющихся или наблюдаемых «деятельностей» всевозможных групп (при условии верного их описания) и есть подлинный *процесс государственного управления* в его законодательном, исполнительном и судебном планах. Для полноты описания исследователь должен также обращать внимание на те группы, активность которых «потенциальна», т.е. пока не проявляется. В целом деятельность групп — динамичный процесс давления некоторых из них на правительство и их взаимное соперничество, способное изменять даже политические институты. Групповая активность в развитых государствах находится под сильным влиянием определенных «правил игры», таких как конституционные нормы, способные ограничивать стремление групп к власти и господству.

Оценивая исследования, связанные с группами, Бентли отмечал важность работ Маркса по данной проблематике, но отрицал марксову классовую теорию, считая ее слишком абстрактной и критикуя за абсолютизацию экономических факторов образования и деятельности групп. В отличие от Маркса, он считал наилучшим способом взаимодействия групп их мирное, насколько это возможно, сотрудничество даже в условиях, когда политическая жизнь полна конфликтов и противоречий, а группы преследуют далеко не самые «лучшие» цели — власть, выгоду, подчинение других групп и т.п. В данном смысле Бентли следовал за *Людвигом Гумпловичем* (1838–1909), отвергавшим причинную роль индивида в обществе и считавшим взаимодействие групп основой социальных движений. Направив основные усилия на разработку методологических проблем, Бентли создал всеобщую теорию групп и в своих поздних работах приблизился к признанию центральной роли индивида в политике.

Преемником Бентли в разработке понимания политического процесса, исходя из концепции групп интересов, стал *Дэвид Трумэн* (род. 1913), выпустивший работу *«Управленческий процесс»* (1951). Так же, как и его предшественник, под политическим процессом Трумэн понимал борьбу социальных групп за власть и за контроль над распределением ресурсов. Однако он обстоятельнее рассматривал идею смены равновесия на дисбаланс в ходе самого процесса, а основным положением считал *стабильность* как устойчивый тип группового взаимодействия. Тем самым политический процесс приобретает, по Трумэну, пространственно-временные характеристики, ибо групповая динамика предстает как волнообразный цикл перехода от нестабильных взаимодействий к установлению относительного равновесия, к восстановлению старой модели баланса между группами либо к созданию новой.

Обратите внимание

Подход Трумэна позволял довольно правильно определять уровень групповой динамики политического процесса. Однако специалисты заметили, что далеко не всегда равновесие между отдельными социальными группами приводит к стабильности государственной системы в целом. В начале послевоенного периода американцы накопили много эмпирических исследований индивидуального и группового политического поведения, но по-прежнему фактически отсутствовала какая-либо теория политического процесса как такового.

Существенной попыткой создать некую универсальную модель трактовки и исследования политического процесса явилась разрабатывавшаяся с начала 1950-х гг. теория функционирования поли-

тических систем *Дэвида Истона*. В своих размышлениях Истон исходил из общей теории систем и структурно-функционального анализа социальной жизни *Толкотта Парсонса*. В соответствии с этим подходом политический процесс выступает одновременно и как воспроизводство целостной структуры, и как цикличное функционирование политической системы во взаимодействии с социальной и внесоциальной средой. Такое взаимодействие включает влияние на процессы в политическом мире экономических, экологических, культурных и прочих факторов. Процессы функционирования конкретных государственных, партийных и других институтов рассматриваются в виде элементов политического процесса на уровне макросистемы. Считается, что в данном процессе политическая система поддерживает стабильность институтов, приспосабливается к деятельности групп интересов в целом и в отдельных своих составляющих, обеспечивая воспроизводство и сохранение свойственных ей оригинальных системных качеств.

Если в модели политического процесса Бентли–Трумэна объектом давления низовых групп интересов выступают правительство и его официальные институты, то в концепции Истона макророль государства заменяется интегрирующими функциями политической системы. Кроме того, ученый разделил политические системы на два блока — внутренних (национальных) систем и международной (наднациональной) мегасистемы, — что позволило ему наметить особые международные факторы внутриполитических процессов.

Вместе с тем, концепция Истона отличалась довольно высоким уровнем абстракции. Для преодоления этого политолог попытался ввести в свою теоретическую схему внутренние содержательные компоненты политического процесса, истолковывая их как взаимодействие формальных и неформальных структур власти с так называемым политическим сообществом стратифицированных (лат. *stratum* — слой; т.е. социально расслоенных) групп и индивидов. Несмотря на это положение, за скобками концепции Истона осталась проблема включения отдельных субъектов и субпроцессов в целостный макропроцесс

Итак, **системный** подход в исследовании политического процесса в западной политологии основывается на идеях *Парсонса*, изложенных в книге «Социальная система» (1951), а также *Истона* — «Политическая система» (1953). В представлениях системной и функциональной концепций процесс делится на четыре фазы: 1) вход (англ. *input*) — воздействие социальной и внесоциальной среды на политическую систему в форме ее поддержки и выдвижения к ней требований; 2) конверсия (англ. *conversion*) —

преобразование требований в решения; 3) выход (англ. output) — реакция политической системы в виде решений и действий; 4) обратная связь (англ. feedback) — возврат к исходной точке равновесия.

Эта модель «круговорота», т.е. циклического функционирования, политического процесса была довольно популярна в США и Европе в 1950–1960-е гг., а в СССР и странах его союзников — на исходе существования соцсистемы (1970–1980-е годы). Причина популярности идущей еще от Полибия, «древней как мир» идеи политического развития по кругу заключается, очевидно, в том, что послевоенное социально-экономическое и политическое функционирование западных режимов характеризовалось существенной стабильностью. В свою очередь, некоторая либерализация советского и восточноевропейских ослабевших тоталитарных режимов в 1960–1970-е годы давала основание оптимистически считать развитие социалистической политсистемы чем-то вроде «вечного движения». Но уже с начала 1960-х и особенно ко второй половине 1970-х годов даже ряд инициаторов разработки системной (структурно-функциональной) теории приступили к пересмотру ее исходных положений, что объясняется влиянием развернувшихся в третьем мире бурных процессов политического развития.

Габриэль Алмонд заложил основы **динамической** модели процесса как адаптации политической системы к изменяющимся условиям социальной среды. В своей схеме он попытался соединить деятельность отдельных групп с функционированием данной системы в целом. Для этого ученый выделил несколько *блоков* совместной деятельности субъектов, соответствующих главным функциям и динамическим фазам политического процесса: 1) блок *преобразования* социальных потребностей, включающий артикуляцию, агрегирование (здесь — суммирование) индивидуальных и групповых интересов, разработку политического курса, реализацию решений и контроль за исполнением политико-правовых норм; 2) блок *воздействия* системы посредством совокупности акций по регулированию социальной жизни, распределению и освоению общественных ресурсов; 3) блок *адаптации, приобщения* индивидов и их групп к политической жизни путем политической социализации, рекрутирования и коммуникации. В этой модели процесса Алмонд переводит акценты со статического выживания и сохранения к динамической трансформации, а также к адаптации политической системы к качественным изменениям. Некоторые американские политологи (в частности **Дэвид Антер**; род. 1924) использовали идеи Алмонда специально для описания политических процессов последней трети XX в. в странах Азии,

Африки и Латинской Америки, что помогло не только обновлению самой теории развития, но и разработке так называемой политики модернизации.

Поведенческий и интеракционистский подходы связаны с интерпретацией внутренней структуры политического процесса с позиций субъект-объектных или субъект-субъектных отношений. Политический процесс выступает, таким образом, либо как равнодействующая акций всех его участников, либо как совокупность взаимодействий (интеракций), представляющих «горизонтальные связи» между ними. «Вертикальная схема» связей внутри процесса довольно подробно разработана в бихевиористской традиции (*Гарольд Лассуэлл*), а также в теории рационального выбора (*Джеймс Коулман*), где всякое политическое действие структурно разделяется на его элементы (субъекты и объекты), условия и результаты, мотивы и установки, наконец, цели и средства, используемые его акторами.

Интеракционистский вариант истолкования процесса, как правило, вписывается в рамки конфликтологической схемы, например, в работах *Ральфа Дарендорфа* и *Льюиса Козера*.

Обратите внимание

В США разработки по интеракционистским исследованиям политического процесса имели не только фундаментальное, но и прикладное значение. К примеру, в 1968 г. в Южноамериканском университете по заказу Госдепартамента США была создана экспертная система «Мировой анализ политических событий и взаимодействий» (WEIS), в которой были использованы типологии и шкалы взаимодействий. Одна такая шкала включала в себя 22 типа политических взаимодействий — от конфликта до консенсуса.

Если суммировать различные концептуальные подходы, то политический процесс можно понимать в двух видах — в более схематичном, простом и в более комплексном.

1.2. Типология и основные компоненты политических процессов

Политические процессы в различных странах мира отличаются своеобразным характером, степенью динамики и направленностью. Нередки ситуации, когда один страновой макрополитический процесс включает в себя два и более разнонаправленных и неоднородных субпроцесса.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

(в упрощенном определении) — это последовательная и продолжительная во времени смена состояний политической системы и ее подсистем либо изменение в них отдельных элементов, которые совершаются под влиянием внутренних и внешних условий жизни общества. Он характеризуется, как правило, конкретным порядком взаимодействия его компонентов и разными темпами на каждой из своих стадий.

Более сложная дефиниция предполагает, что понятие политического процесса означает: 1) динамическое, интегральное (всецелое) измерение политической жизни какого-либо общества, заключающее в себе воспроизводство компонентов его политической системы (институтов и функций, механизмов действия, адаптации и сохранения и т.п.), а также определенные перемены в состоянии политической системы, обеспечивающие цикл ее воспроизводства (становление, функционирование, развитие); 2) совокупную политическую активность социальных и политических субъектов с последовательным развертыванием в «реальном времени» (т.е. постоянно, в рамках временного континуума) всего множества единичных политических действий и событий; 3) борьбу за контроль над средствами властвования и управления обществом, характеризующуюся определенной расстановкой и соотношением социально-политических сил.

Обратите внимание

В одной из самых стабильных стран мира — Великобритании — возник и долгие годы разворачивался процесс этноконфессионального конфликта между англичанами и ирландцами (протестантами и католиками), отголоски которого время от времени отзывались даже взрывами в тихом Лондоне, организованными террористами Ирландской республиканской армии (ИРА). До благополучного исхода этот процесс не доведен и к началу XXI в. Кроме того, в этой же стране намечается еще ряд политических процессов, которые вполне могут приобрести определенные сепаратистские характеристики. Подобные процессы способны изменить и политическую систему Италии, в частности, реально поставить вопрос о ее «федерализации» по принципу разделения на Север и Юг.

Вместе с тем, ряд критериев позволяет выделить основные разновидности политических процессов: локально-региональные и глобальные; внутрисистемные и переходные (транзитные); стабильные и кризисные; наконец, легальные и теневые.

Разделение политических процессов на **локально-региональные** и **глобальные** во многом обусловлено развитием политической жизни в пространственно-временном континууме. Зачастую результат того или иного регионального процесса может воздействовать и на общий ход мировой политики. Например, этнополитический конфликт между боснийскими сербами, мусульманами и хорватами — изначально в виде внутреннего дела бывшей Югославии — перерос в масштабный политический процесс, влиявший на основы общеевропейской политики. В то же время типично локальный процесс, затрагивающий интересы лишь местного сообщества — это выборы в муниципальные органы власти.

Рассмотрение процесса как **внутрисистемного** или **переходного (транзитного)** раскрывает иную сторону данного явления — отношение к системе институтов и норм, образующей рамки вообще любого процесса. Процессы первого типа разворачиваются в таком политическом пространстве, где, как в футболе, четко определено число игроков и судей — то есть институты; время и правила игры — политические нормы. Это относится к странам, где уже установилась политическая система (демократическая, авторитарная либо тоталитарная), в довольно жестких границах которой и разворачивается политический процесс, воспроизводящий роли акторов и функции институтов (например, 70-летний период III Республики во Франции). Ко второму — транзитному — типу относятся политические процессы в странах, переживающих период полного изменения системы власти, включая ее институты и другие субъекты, как это было в Советской России после 1917 г.

В марксистской литературе различие **стабильных** и **кризисных** процессов зачастую сводилось к дилемме — реформа или революция. Действительно, в политике острые кризисные ситуации нередко переходят в революционные взрывы, а серии даже глубоких правительственных реформ обеспечивают стабильную эволюцию (например, эпоха Нового курса Ф.Д. Рузвельта в США в 1930-е гг.). Вместе с тем, и революция, и реформа может быть способом разрешения политического кризиса. Это обусловлено механизмами самого политического процесса, связанными с наличием либо отсутствием баланса и консенсуса ведущих социальных сил, выступающих его субъектами. Так было в Германии, когда после кризиса Веймарской республики, установления тоталитарной власти нацистов и их поражения во Второй мировой войне в период правления К. Аденауэра была в целом выработана модель стабильного политического процесса.

В основе всякого политического процесса — ценности и нормы доминирующей политической культуры, а также отдельных субкультур. Эти ценности определяют правила политической игры, границы дозволенного и неразрешенного, официального и неофициального — то есть **легального** и **нелегального (теневого)** процессов (в отношении последнего точнее сказать — субпроцесса). К примеру, восстание и переворот, террор и путч при всех типах режимов воспрещены конституцией и нормами политической жизни. В реальности политический процесс, тем не менее, зачастую выходит за рамки правового поля (хотя в идеале должен с ним совпадать), а так называемая политическая целесообразность ценится порой выше, чем законность. Это обусловлено также дефицитом информации, законспирированностью некоторых сфер политики, приверженностью ряда деятелей к закрытым для общества, замаскированным способам достижения своих целей.

Обратите внимание

Даже в таких развитых правовых государствах, как США, становятся известными незаконные акции вроде уотергейтского дела (подслушивание оппозиции), повлекшего за собой отставку президента Р. Никсона.

В упрощенном смысле властвование есть сочетание **государственного управления** и **политического участия граждан**, условно говоря, субпроцессов, идущих сверху и снизу. Значит, в политический процесс обязательно входят функционирование государственных институтов, таких как правительство, парламент, силовые структуры (армия, полиция, спецслужбы), а также дея-

тельность партий и групп давления (интересов), индивидуальная активность граждан. Потому такой целостный процесс нередко трактуют как довольно сложную конфигурацию сознательной и стихийной деятельности, т.е. регулируемых государством и спонтанных акций граждан и их групп. Существует два подхода к рассмотрению соотношения данных компонентов: по «горизонтали» и по «вертикали». В первом случае государство и социальные группы выступают по преимуществу на паритетных началах, в виде партнеров, сознательно стремящихся к рациональному достижению согласованных общественных целей (например, в Швеции и Германии — это неокорпоратистская модель трипартизма, т.е. равноправного диалога правительства с профсоюзными и предпринимательскими организациями). При втором подходе политический процесс выглядит некоей стихией, которой противостоят органы государственной власти, играющие роль управленческой подсистемы этого процесса, формулирующие цели и принимающие решения, порой жесткие, по поводу национально-государственных приоритетов. (Последний вариант отношений государства и общества особенно очевиден при авторитарных режимах в периоды их кризисов.) В итоге можно заключить, что каждой из двух крупных взаимодействующих подсистем политического процесса присуща своя функциональная нагрузка: с одной стороны, государственное управление — это сила, интегрирующая общество, формулирующая коллективные цели и принимающая решения, а с другой — давление граждан и их групп снизу связано с представительством их интересов.

Взаимодействия между группой, осуществляющей функции управления, и другими группами общества, нажимающими на властвующую элиту, сотрудничающими либо конкурирующими друг с другом, в принципе образуют общее содержание политического процесса, понимаемого как *переход от одной структуры баланса сил к другой*. Особая роль в этом переходе свойственна почти каждому из имеющихся в данной стране социально-политических институтов.

Подробную модель, описывающую функции институтов в политическом процессе, разработали *Алмонд* и *Дж. Бингэм Пауэлл* (см. «Сравнительная политика сегодня», 1996). Они выделили пять основных фаз политической динамики и соответствующих им носителей в виде институтов, преимущественно связанных с осуществлением той или иной функции в политическом процессе. Конструкция этих ученых показывает, какая именно специфическая роль принадлежит разным институтам в целостно функционирующей системе.

На первой фазе *артикуляции* индивидуальных и групповых интересов носителем этой функции выступают особые коллекти-

вы — группы интересов. Таковыми могут быть ассоциации бизнесменов либо профсоюзы, выражающие зачастую неодинаковые интересы работодателей и наемных трудящихся по одним и тем же проблемам (экономические реформы, приватизация или огосударствление, либерализация цен).

Следующая стадия и соответствующая ей функция *агрегирования* (обобщения) интересов связана уже в основном с деятельностью партий. Здесь происходит отбор и объединение в общую партийно-политическую позицию довольно разнородных интересов индивидов и их групп. Это видно, например, по усилиям социал-демократов, которые пытаются суммировать интересы и требования городских рабочих, служащих, фермеров и предпринимателей в согласованной партийной платформе.

В фазе выработки политического курса *интегрирующую* роль выполняют представительные и законодательные институты, которые формируют коллективные решения. Например, в британском парламенте выработка и принятие ключевых для всей нации решений осуществляется почти всегда институционально, скоординированно депутатами консервативной и лейбористской партий вне зависимости от того, какая из них правит.

Фаза *реализации принятых решений* связана главным образом с функционированием институтов исполнительной власти, которые предпринимают для этого надлежащие меры и изыскивают необходимые ресурсы. В практической государственной политике случается, что за непродуманные решения высших должностных лиц расплачиваются их исполнители, как это произошло с постановлением о вводе советских войск в Афганистан.

Функции *контроля* и *арбитража* в рамках политического процесса принадлежат институтам судебного и конституционного надзора, устраняющим рассогласования между другими организациями и социальными группами на базе общественно признанных норм.

Политический процесс предстает также как *смена состояний*, характеризующихся разнообразием соотношения сил, переходами от равновесия между ними к дисбалансу и установлению нового равновесия, от устойчивости к неустойчивости, и наоборот. Все это — существенные параметры развертывания политического процесса.

Итак, в число важнейших компонентов, необходимых для моделирования и истолкования политического процесса, входят следующие его измерения: факторы и среда развертывания; акторы (участники), а также их взаимодействия; нормы, регулирующие отношения между ними; уровень равновесия; наконец, континуум (пространство и время) развития данного процесса.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ (партиципация — англ. participation) — действия индивидов или групп, связанные с их относительно эффективным вовлечением (непосредственным либо опосредованным) в процесс разработки, принятия и осуществления политических решений (политических курсов), что указывает на факт включения граждан в политико-властные отношения. Выделяются — попарно — такие виды политического участия: *автономное* (сугубо добровольным характером и целерациональной мотивацией, обусловленной развитыми представлениями о политике) или *мобилизованное* (достигается манипулированием либо имеет неполитическую мотивацию, например, принуждение, страх, экономические либо иные санкции и т.д.); *индивидуальное* или *коллективное* (массовое); *активистское* или *пассивное*; *легально-конвенциональное* (лат. *conventionalis* — соответствующий договору, условию, т.е. адекватное законодательно установленному порядку, реже — традициям) или *нелегальное* (нарушающее законы и традиции — политический терроризм, акции протеста без разрешения властей); *традиционное* (поддерживающее политическую преемственность и стабильность) или *инновационное* (ориентированное на изменения, развитие); *постоянное* (политики-профессионалы и

1.3. Акторы политического процесса

Политический процесс — сложное, многосоставное явление, природа которого определяется функционированием динамичных систем, отличающихся сходными (изоморфными) структурными свойствами. Чаще всего политологи рассматривают структуру макрополитического процесса в трех аспектах. Во-первых, с точки зрения взаимодействия государства и гражданского общества, политической системы с ее социальной средой, государственного управления и **политического участия**. Во-вторых, с позиции более мелких компонентов, в частности деятельности социальных акторов и политических институтов, составляющей содержание целостного макропроцесса. В-третьих, структура процесса может быть описана в аспекте основных временных фаз и состояний его развития, обусловленных установлением соответствующего равновесия сил или же его нарушением.

Главная составляющая политического процесса, особенно при демократическом режиме — сама активность людей, их политические действия, связанные с контролем над властью или давлением на нее. Из многочисленных **акций (действий)** и **интеракций (взаимодействий)** различных **акторов** складываются общий ход и результаты макропроцесса, который, стоит напомнить, вбирает в себя ряд микропроцессов (или субпроцессов). Например, электоральный процесс состоит не только из процедуры голосования, когда граждане выбирают своих представителей, но и из кампаний отдельных партий, действий, обеспечивающих им равные состязательные условия, специальных общественно-политических, государственных органов (избирательных комиссий) и пр. Значит, при анализе политического процесса нужно учитывать и целостные макрорезультаты, и формирующие их микропроцессы.

В то же время в политике действие действию рознь, равно как и влияние участвующих в ней субъектов неравнозначно: есть «тяжеловесы», но есть и «бойцы легчайшего веса». Хотя каждому человеку или группе по определению все-таки принадлежит какая-либо функция в политическом процессе, масса людей относительно пассивна. Лишь активное меньшинство, включающее элиты и лидеров (в т.ч. общественного мнения), разного рода руководителей (вождей), обладает значительной силой, а роль их заметна для общества. Поэтому они и получают больше всех и наград, и политических дивидендов, и обвинений, а в истории запечатлеваются как герои или злодеи. Вместе с тем, сводить роль деятельных политических акторов только лишь к лидерам было бы неверно.

Рядом с «большим человеком» всегда есть анонимные помощники и соответствующая система взаимодействий между ними: рядом с партийным боссом — аппарат функционеров, возле государственного деятеля — его окружение, и даже рядом с традиционным вождем клана — его родня, влиятельная жена и так далее.

Г. Алмонд, Дж.Б. Пауэлл, «Сравнительная политика сегодня»

Для понимания активности отдельных политических акторов, формирующей целостный политический процесс, используются такие характеристики: 1) потенциал и статус ; 2) вид их действий; 3) способ интеракций между ними.

Потенциал политических субъектов прежде всего зависит от их состава, ибо делятся они, условно говоря, на индивидуальные и групповые — к примеру, независимые кандидаты и избирательные объединения, участвующие в выборах. Далее, важны степени организованности, мобилизованности и сознательности группового субъекта — некоторые сравнительно малые, хорошо иерархизированные и дисциплинированные партии иногда добиваются гораздо больших результатов, чем развернутые, но аморфные социальные движения. Наконец, эффективность деятельности субъекта зависит от объема его ресурсов (материальных, информационных и т.д.) и прочности контроля над ними.

Следующий параметр изучения активности политических акторов связан с характеристикой используемых ими *средств, форм и методов* политической борьбы. Во-первых, это парламентские формы, связанные с работой органов представительной власти, которые отличаются от таких способов прямого, внепарламентского действия, как митинг. Во-вторых, виды политической активности граждан и их групп делятся на ненасильственные и насильственные (т.е. типы борьбы, предусматривающие открытое применение силы, — гражданская война, подавление демонстрации, забастовки), но чаще всего рассматривается набор способов действий, опирающихся на авторитет и убеждение (манипулирование общественным мнением, бюрократические методы регулирования и т.д.). В-третьих, эти разнообразные приемы включают официальные и неофициальные влияния акторов по поводу доступа к ресурсам и рычагам власти.

Наконец, третья характеристика политических субъектов обусловлена *типами отношений* между ними. Направленные друг на друга действия различных акторов формируют более или менее устойчивые отношения и связи между ними. Есть много вариан-

политактивисты) или *эпизодическое* (ограниченное голосованием на регулярных выборах).

Три группы основных мотивов политического участия: 1) *инструментально-рациональные* (участие сочтено деятельностью, направленной на обеспечение и защиту интересов субъектов политики); 2) *образовательно-развивающие* (участие содействует общему развитию гражданина, например, путем приобретения новых знаний о политике и т.д.); 3) *коммунитаристские* (участие обусловлено морально-этическими аргументами, например, представлениями об общем благе). Самые важные для политики — инструментально-рациональные мотивы.

Современные концепции политического участия рассматривают его как многомерное явление, включающее широкий набор действий, которые связаны с влиянием в политике, и изучают зависимость его форм и степени активности от ряда факторов: психологических, социальных, экономических, культурно-исторических и т.д. Недавно в проблематику политического участия были включены и вопросы *участнического неравенства* (англ. participatory inequality), его последствий для демократического режима (*С. Верба, Г. Брэйди, К. Шлоцман*).

тов политических взаимодействий, но самых главных среди них пять: конфронтация, нейтралитет, компромисс, союз (коалиция) и консенсус. В основе данного деления лежит принцип соотношения социальных интересов и политических позиций вступающих в контакт субъектов.

При *конфронтации* полярность интересов и позиций иногда приводит политиков и представляемые ими объединения к открытому противоборству (в т.ч. вооруженному), как это случается в эпохи революций. *Нейтральные* же отношения на время как бы исключают субъекта из поля активных взаимодействий, политически маргинализируют его. (Это неустойчивое состояние проявляется в моменты голосований в парламенте по ключевым вопросам, когда одна из фракций воздерживается от решения, не поддерживая ни одну из сторон.) При *компромиссах* (соглашениях) на первый план выходит поддержание стабильного статус-кво в отношениях между субъектами при условии взаимных уступок, однако при сохранении принципиальных расхождений. *Союзы (коалиции)* — значительно более тесные, даже дружественные формы политического общения, когда объективно существуют пересечение интересов и некоторое совпадение позиций. Наконец, последнее звено шкалы взаимодействий — *консенсус* между акторами; в данном случае достигается согласие по всем ключевым позициям при почти полном совпадении в понимании каждым своих интересов. Порой такие отношения завершаются объединением ряда партий в одну организацию, как это было в некоторых странах с социал-демократами, социалистами и коммунистами.

В итоге все взаимодействия сливаются в единый поток политического процесса, всякое состояние которого, следует повторить, характеризуется конкретной **расстановкой** и **соотношением** социально-политических **сил**.

Внутренняя динамика политического процесса обладает специфическим механизмом. Эту сторону политической жизни — собственно «бытие политики» — американские ученые называли **политической сценой** (англ. political performance), связав ее со сложным взаимодействием государственных и негосударственных институтов, групп и индивидов. В какой-нибудь ситуации именно анализ политической сцены позволяет увидеть, как конкретно проявляют себя субпроцессы политики: государственное управление и гражданское давление, лидерство и партийное руководство (либо партийная стратегия и тактика), индивидуальное и групповое участие граждан.

Существует ряд понятий, описывающих политическую сцену. Во-первых, это *расстановка сил* на ней в конкретной ситуации.

Такое рассмотрение связывает текущую политическую борьбу с фундаментальными пространственно-временными параметрами системы власти в некоей стране, позиционным расположением различных субъектов по отношению к управителям. Довольно часто в политологии используется шкала, обозначающая политических акторов с точки зрения их поддержки или противостояния правящей группировке. *Позиция* субъекта в данном политическом пространстве дает возможность оценить его положение относительно властного центра (оси), тогда как его *диспозиция* рассматривается уже в соотношении с другими социально-политическими силами. Следовательно, расстановка сил на политической сцене означает определенную конфигурацию позиций и диспозиций основных субъектов в каждой конкретной ситуации.

Во-вторых, для описания политической сцены важны характеристики *соотношения сил* (их равновесие либо неравновесное состояние), определяющиеся прежде всего упоминавшимся выше потенциалом акторов, контролируемые ими ресурсами и способностью их мобилизовать.

Интерпретация

Пьер Бурдьё считал, что понятие *капиталы* в социальных науках точнее понятия ресурсы. В книге «*Социология политики*» (рус. перевод 1993) он представил диаграмму соотношения основных политических сил в современной Франции — от правых (голлистов и либералов) до левых (социалистов и коммунистов) — на основе распределения объемов контролируемых ими капиталов (экономических, культурных и пр.).

Сама возможность контроля над каким-то институтом или ресурсом еще не обеспечивает политический успех. Нужна также способность быстро и эффективно мобилизовать и реализовать этот капитал. Значит, если расстановка сил во многом определяет качественное измерение политической сцены, то их соотношение отражает ее количественные характеристики, связанные с объемами ресурсов, потенциалом политических акторов и его актуализацией.

Политическая сцена, отражая сложность и многоуровневость самого политического процесса, имеет ступенчатую (эшелонированную) иерархию. Динамику баланса социально-политических сил на политической сцене наглядно показывает пример ситуации во Франции периода революции 1848–1851 гг., блестяще описанной в классической работе **Маркса** «*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*» (1852).

Обратите внимание

Маркс писал в «*Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта*», что политический процесс с 1848 по 1851 г. во Франции прошел *три фазы* с присущими каждой из них конкретными расстановкой и соотношением социально-политических сил, а также состоянием институтов. Он обозначил их как фазы Временного правительства, Учредительного собрания, Законодательного собрания.

Расстановка сил была проанализирована ученым в соответствии с принципом классового подхода и слева направо — от рабочих до крупных землевладельцев. В *первой* фазе революции (февраль — май 1848) происходила «комедия всеобщего братания», когда почти все основные политические силы страны объединились в своего рода коалицию против «партии» финансовой аристократии во главе со свергнутым королем Луи Филиппом Орлеанским. Во *второй* фазе (май 1848 — май 1849) вначале «партию» пролетариата, а затем мелкой и промышленной буржуазии атаковала коалиция «партий порядка» (финансовой буржуазии и крупных землевладельцев), возглавленная лидером в лице президента Луи Бонапарта. Наконец, в *третьей* фазе (май 1849 — декабрь 1851) был разыгран финал политической игры, когда была проведена очередная перегруппировка сил. Прежде всего был нанесен удар по ранее нейтральной «партии» мелкой буржуазии. Началась борьба между «партией» бонапартистов, постепенно устанавливавшей контроль над институтами исполнительной власти, и «партией порядка», которая в коалиции с промышленной буржуазией контролировала парламент. В итоге победил Луи Бонапарт. Он распустил Законодательное собрание, что завершилось реставрацией империи. «Парламент умирает, — писал Маркс, — он пал, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами».

Итак, понятия расстановки и соотношения сил дают возможность охарактеризовать позиционную и ресурсную стороны балансирования политических акторов в конкретной ситуации. Перегруппировка позиций указывает на переход к следующему состоянию политического процесса, сопряженному с новыми положениями и потенциалами акторов. Важнейшим условием очередного установления равновесия сил выступает эффективное функционирование системы органов власти, т.е. собственно субпроцесс принятия и реализации решений органами государственной власти. От того же зависят в целом весь институциональный механизм государственного управления и даже параметры политического режима страны.

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБПРОЦЕСС

2.1. Стратегия и компоненты механизма государственного управления

Государственное управление занимает ключевое место в структуре целостного политического процесса. В связи с этим важнейшие аспекты процесса как такового нагляднее всего показать на примере управления. (Выше уже были даны сокращенные определения управления, в т.ч. государственного. Здесь это понятие будет развернуто.)

В **государственном управлении**, с одной стороны, по каналам принятия официальных решений аккумулируется и выражается коллективная воля социума, а с другой — через институциональные механизмы и с помощью политико-инструментальных средств эта воля осуществляется для упорядочения общественных дел. В структурном отношении такое управление объединяет два субпроцесса: 1) регулирование коллективных ресурсов общества; 2) целенаправленное руководство людьми, поддержание институционального порядка общения между ними.

В англо-американской политической науке категория государственного управления — самая обобщающая, ибо включает в себя как государственную/публичную политику (англ. public policy), связанную с разработкой общественной стратегии и тактики, так и собственно государственное администрирование (англ. public administration), направленное на оптимальную организацию деятельности звеньев госаппарата в целом и управленческого персонала, в частности.

Со времени написания классических работ Бентли и Трумэна государственное управление и публичная политика ассоциируются с рациональным **регулированием** общественных дел и коллективных ресурсов теми группами интересов, которые контролируют основные рычаги власти, причем делают они это с помощью официальных институтов.

Политическое управление обществом, считает американский политолог **Чарльз Линдблом** (род. 1917), может быть представлено как механизм с ведущими бюрократами наверху, простыми гражданами внизу и встроенными между ними промежуточными соподчиненными звеньями. Этот объемный и сложный механизм являет собой систему функциональных фаз и ранжированных составных частей, находящихся в отношениях координации и субординации. Здесь каждый более высокий уровень, с одной стороны, обладает большими

УПРАВЛЕНИЕ — в широком смысле определяют как функцию органических систем различной природы и сложности, обеспечивающую сохранение их структуры, поддержку внутреннего режима функционирования и осуществление нужных программ.

Социальное управление выделяется из других процессов подобного типа тем, что в нем задействованы не только стихийные механизмы, а сразу два взаимосвязанных фактора: сознательный и спонтанный способы регулирования. В политическом процессе управление как таковое усложняется — увеличивается сила взаимосвязи его общественно-производительной, социально-интегративной и собственно управленческо-политической функций.

Процесс управления включает такие задачи: прогнозирование и проектирование; планирование и принятие решений по различным проблемам; регулирование ресурсов; руководство общественной жизнью.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ (англ. public management) — 1) особый тип социального управления, характеризующийся всеобъемлющими властными полномочиями и функциями, что обусловлено потребностями в регулировании почти всех видов общественных ресурсов и сфер публичной жизни; 2) совокупность субпроцессов, связанных с разработкой государственной стратегии и ведением повседневной публичной политики.

РЕГУЛИРОВАТЬ (лат. regula — правило) — подчинять определенному порядку, правилу; устанавливать правильное, необходимое для намеченных целей взаимодействие частей какой-то системы (в нашем случае — общественной); делать что-либо для получения нужных показателей.

информацией, ресурсами и функциями, чем нижестоящий, а с другой — наделен и надлежащей ответственностью за поддержание режима оптимальной деятельности подчиненных ему уровней.

В свою очередь, государственное управление как разновидность социального отличается от других типов управления (к примеру, руководства транснациональной корпорацией, иногда даже превышающей по численности персонала население небольших государств) прежде всего своей универсальностью, предопределенной необходимостью в широких властных полномочиях и функциях, поскольку в регулировании нуждаются многие сферы публичной жизни.

Корпорация должна найти тот род деятельности, для которого она более всего пригодна, и заняться им, а учреждения государственной сферы выполняют все виды деятельности, которые предписаны им законодательством, распоряжениями и так далее.

А. Лоутон, Э. Роуз, «Организация и управление в государственных учреждениях»

Специфику государственного управления определяет также всеобщая роль конституционного права как системы базовых норм, от имени народа регламентирующих (больше или меньше — в зависимости от вида политического режима) главные сферы активности людей и определяющих фундаментальные принципы взаимоотношений между гражданами и общественными институтами. *Государственная организация* с функциями управления как иерархизированный политический субъект располагает универсальным комплексом публично-властных полномочий и коллективными ресурсами, используемыми от имени и в интересах всего общества; сознательно применяет административные методы руководства и принудительные санкции; использует легитимные формы социального общения и легальные способы взаимодействия с группами и индивидами.

Следующая важная категория — **государственная политика**. Она сопряжена с выработкой стратегического курса общества, основных направлений развития государства и способов осуществления его целей и задач. В современной структуре государственной политики выделяются такие *блоки*: 1) формирование легитимных субъектов и институциональной иерархии; 2) разработка стратегического курса и принятие государственных решений; 3) административные средства реализации управленческих решений; 4) государственный контроль и арбитраж, обеспечение самокоррекции политического режима и обратной связи с объектами государственного руководства (см. ниже *схему 2*).

Первый блок — порядок формирования самих субъектов государственной политики — предполагает четыре интерпретативных подхода: элитарный, корпоратистский, плюралистический и партиципаторный. Указанные подходы охватывают почти все виды политического управления — от сверхконцентрации государственной власти в руках одного или нескольких людей (древние восточные деспотии, Египет фараонов, императорский Китай) и до плебисцитарных механизмов либо партиципаторных способов формирования субъектов общественного волеизъявления.

ПАРТИЦИПАТОРНАЯ МОДЕЛЬ (англ. participation — участие) — порядок формирования и осуществления публичного управления снизу вверх, в которое максимально возможно включены рядовые граждане.

Сторонники концепции *элитизма* считают, что государством управляют избранные или назначенные «немногие профессионалы», хорошо подготовленные, информированные и поэтому вполне компетентные, а чрезмерное расширение социального представительства и границ политического участия ведет к снижению эффективности всей системы управления либо даже к ее кризису. Субъектом государственной политики выступает элита, которой общество делегирует основные полномочия в деле принятия стратегических для страны решений и которая аккумулирует коллективную волю нации. *Корпоратисты* исходят из модели согласования в рамках государственной политики разнородных групповых, корпоративных интересов как с помощью парламентских механизмов, так и специальных структур вроде «трехсторонних комиссий», включающих в себя работодателей и профсоюзы, где правительственным органам отводится роль арбитра. При *плюралистической* схеме органы, руководящие государством и вырабатывающие его стратегию, официально формируются и выражают многообразие интересов на основе свободного, равного и пропорционального представительства. Приверженцы **партиципаторной** системы управления ратуют за кардинальный рост влияния различных общественных групп на формирование государственной стратегии, а также за децентрализацию властных полномочий общегосударственных субъектов в пользу локального уровня принятия решений и самоуправления местных сообществ граждан.

Избирательный субпроцесс связывает государственное управление с макрополитическим процессом через порядок образования корпуса носителей общественной воли, способы представительства и участия в определении субъектов управления. В случае смены высших должностных лиц или правящих партий может появиться совсем новая государственная стратегия. В демократических странах выборы высших чиновников и представительных органов власти (от президента и парламента до муниципалитетов) есть легитимный способ формирования всеобщей воли, выражения социальных интересов. На референдумах и плебисцитах все избиратели

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ — совокупность технологий, приемов и процедур, с помощью которых государство регулирует соотношение и распределение общественных ресурсов и упорядочивает публичную жизнь.

ОМБУДСМАН (швед. ombudsman — представитель чьих-то интересов) — специальное должностное лицо (нередко депутат парламента), на которое возлагаются функции контроля за законностью действий государственных органов, соблюдением прав и свобод граждан.

на короткий момент непосредственно становятся «коллективным субъектом» государственной политики.

Обратите внимание

Даже в ряде современных монархий третьего мира все чаще используется механизм выборов главы государства. В Малайзии и Объединенных Арабских Эмиратах монарх избирается из числа султанов или эмиров, являющихся наследными правителями структурных единиц этих федераций. Для замещения трона в Саудовской Аравии тоже характерны элементы выборности монарха из среды королевской фамилии, причем этот пост часто получают не сыновья, а братья короля. В Свазиленде племенной совет «Ликоко» избирает наследника престола из числа сыновей покойного короля.

Следующий, второй по счету, блок в механизме государственной политики — *разработка стратегического курса и принятие решений*. Эти действия связаны с законодательным процессом и оперативным управлением административными органами, так что в них участвуют и законодательные (парламент), и исполнительные (правительство) институты. В зависимости от распределения властных полномочий между ними выделяются два основных подхода: активный и представительский. В первом случае законодательные институты формулируют базовые принципы и конституционные нормы, вырабатывают стратегию общегосударственной политики, а в ведении исполнительных органов находятся практическое осуществление стратегических решений и сама технология оперативного управления. Согласно представительской схеме управления, законодательные (т.е. парламентские) институты ограничиваются лишь фиксированием самых общих ориентиров и правил политической игры, передавая принятие важных оперативно-стратегических решений в структуры исполнительной власти.

Третий узел механизма государственной политики включает в себя применение технологий и **методов оперативного управления** для достижения намеченных стратегических целей и осуществления на практике решений. Характер этой фазы управленческого цикла определен теми свойствами политического режима, которые отражают особенности институционального взаимодействия государственных органов с рядовыми гражданами, равно как и сами методы политико-правового управления страной (соотношение принуждения и убеждения, насилия и свободы и пр.).

Наконец, четвертый блок отвечает за обеспечение *контроля* над управленческим процессом и *самокоррекцию* его режима. Разрешение конфликтов, работа системы надзора и арбитража, обеспе-

чивающей обратную связь с гражданами, соотносятся прежде всего с судебнo-конституционным субпроцессом и функционированием контрольно-надзорных институтов (прокуратура, **омбудсман**).

Схема 2. Элементы государственной политики

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА — 1) организованная совокупность осознанных акций многих людей, в т.ч. политиков и чиновников, специализирующихся в данной сфере деятельности; 2) взаимодействие управленческих звеньев и блоков институционального механизма, направленное на разработку и реализацию стратегических целей и решений; 3) определенный управленческий цикл, в котором отсутствует жесткая последовательность функциональных фаз, поскольку субпроцессы такого рода нередко идут параллельно и в их круговороте нет четко выделяющихся начала и завершения.

С последовательностью действий по формированию и осуществлению государственной политики (вышеназванные функциональные блоки) связаны *субординация* между самими носителями полномочий и *координация* между субъектами и объектами управления. Следует помнить, что государство в структурном отношении есть система институтов, подразделяющихся по своим полномочиям и функциям на «горизонтальный» (отрасли власти) и «вертикальный» (уровни власти) ряды. Еще Бентли отмечал, что государственное управление — это групповая активность

людей, действующих в рамках трех ветвей власти, т.е. в него включены три «горизонтальных» субпроцесса: законодательный, административный и судебный. Сочетание субъектов госуправления, распределение их полномочий и функций значительно усложняется в федеративных странах, где существуют три или даже больше «вертикальных» уровней власти и их носителей.

Субъектные уровни властных полномочий и руководящих функций в государственном управлении

Функциональная фаза Иерархический уровень	Выработка правил игры и целей, принятие стратегических решений (законодательная)	Принятие и осуществление оперативно-тактических решений (исполнительная)	Проведение судебного надзора, арбитража и контроля (судебно-контрольная)
Центральный	Парламент страны	Центральное правительство	Верховный, конституционный, арбитражный суды, генпрокуратура, омбудсман
Региональный	Провинциальные законодательные собрания	Региональное правительство	Суды, прокуратура провинций
Локальный	Муниципальные советы	Администрация муниципалитетов	Местные суды

Общество как объект государственной политики и управленческого воздействия тоже обладает особой иерархией. К его структурированию есть разные подходы. Во-первых, имеется принцип, согласно которому в качестве объектов регулирования выделяются некоторые сферы общественной жизни, отдельные части существующих ресурсов и соответствующие им направления государственной политики (экономическая, социальная, культурная, экологическая, образовательная, информационная и др.). Во-вторых, базой для классификации объектов госуправления может служить деление на различные социально-демографические, профессионально-квалификационные, этнические группы людей. Изменению их социального положения служит какое-то управленческое воздействие, в соответствии с которым осуществляется особая гендерная (по признаку пола), молодежная, этнонациональная и другая политика, или же, например, политика доходов и занятости дифференцированно по отдельным социально-профессиональным слоям населения.

Обратите внимание

В развитых странах государство почти всегда берет на себя особые социальные мероприятия, обусловленные, в частности, тем, что постиндустриальная перестройка экономики требует государственных субсидий для переквалификации и поддержки работников устаревших, а значит, сворачивающихся отраслей, а также представителей выходящих из оборота профессий. Дело здесь не только в гуманном отношении к человеку, сколько в рассчитанном намерении предупредить вполне вероятную общественную напряженность, нарастание кризисных политических субпроцессов.

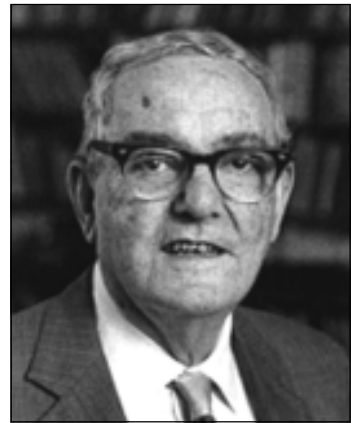
Всякая государственная политика выступает комплексным феноменом, состоящим из действий многих выборных, назначенных или нанятых чиновников. В то же время в публичную политику вовлечено и множество отдельных граждан с их особым поведением.

Ч. Линдблом, «Процесс разработки и осуществления политики»

Центральным блоком в общем механизме государственной политики принято считать принятие стратегических и оперативно-тактических решений.

2.2. Принятие государственных решений: модели, способы и основные этапы

Значение субпроцесса принятия государственных решений и для политической теории, и для практики столь велико, что саму власть и административное управление политологи часто сводят к реальному контролю над решениями, тогда как лиц, принимающих решения (ЛПР), особенно стратегического характера, относят к властвующей элите (*Джон Хигли*). Одним из первых, кто включил эту проблематику в политологию, был **Герберт Саймон**, работа которого «Административное поведение» (1947) заложила основы соответствующей специальной теории.

Герберт САЙМОН (1916—2001) — выдающийся американский ученый в области социальных наук, оказавший значительное влияние на развитие методологии политологии и на понимание управленческих процессов.

САЙМОН (Simon), **Герберт** (1916, Милуоки — 2001, Питтсбург) — выдающийся американский ученый в области социальных наук, оказавший значительное влияние на развитие методологии политологии и на понимание управленческих процессов. С 1949 занимался исследованиями и преподаванием в университете Карнеги-Меллон (Питтсбург); будучи профессором психологии и компьютерной науки, преподавал на кафедрах философии и социальных наук, в Высшей школе индустриально-

го управления. Краткое время находился на государственной службе. Саймон был удостоен престижных премий в сферах экономики, психологии, компьютеризации и искусственного интеллекта; в 1978 — Нобелевский лауреат по экономике.

Автор таких работ, как: «Измерение муниципальной деятельности» (1938, соавт.); «Техника муниципального управления» (3-е изд. — 1947); «Административное поведение: исследование процессов принятия решений в административных организациях» (1947; неоднократно переизд.); «Государственное управление» (1950, соавт.; неоднократно переизд.); «Организации» (1958, соавт.); «Новая наука управленческих решений» (1960); «Эссе о структуре моделей социальных наук» (1963, соавт.); «Форма автоматизации» (1965); «Науки искусственного» (1969); «Решение проблем человеком» (1972, соавт.); «Модели научного открытия» (1977); «Модели мысли» (т. 1 — 1979, т. 2 — 1989); «Модели ограниченной рациональности» (тт. 1, 2 — 1982, т. 3 — 1997); «Научное открытие» (1987, соавт.); «Модели моей жизни» (1991) и др.

Вклад в развитие политической мысли. В круг научных интересов Саймона входили экономика, управление, компьютерные исследования, психология и философия. Его работы в этих областях объединяют общие вопросы принятия решений людьми (англ. human decision-making) и сами процессы решения проблем (англ. problem-solving), а результаты были использованы при анализе социальных и политических институтов. Одним из первых гуманитариев в мире Саймон применил компьютеры для моделирования процессов мышления и познания, а затем занялся искусственным интеллектом. Последние работы в основном были посвящены когнитивной психологии и компьютерному моделированию познания, философии науки. Саймон и его коллеги создали несколько компьютерных программ — BACON, DALTON и др., моделирующих некоторые исторические научные открытия.

Ученый называл себя «математиком-обществоведом» (англ. mathematical social scientist), что отражало его стремление придать социальным, особенно политическим, наукам строгий математический базис. Самые известные его работы по социальной проблематике, в т.ч. «Административное поведение» (она была названа Нобелевским комитетом «книгой, сотворившей новую эпоху»), созданы как раз на стыках общественнознания и естествознания, экономики и политологии. Несмотря на то что Саймон по преимуществу исследовал экономические процессы, он подчеркивал приоритет именно процессов политических. Ученый стал одним из творцов теории организаций, которая применима к любым большим структурам, включая корпорации, что позволяет развивать основы новой политэкономии. Рассматривая рынок (в духе «невидимой руки» А. Смита) и организацию (например, правительство, фирму) как два способа (или типа социальной организации в целом) обеспечения координации действий людей, Саймон определял современную экономику (и общество) в качестве организационно-рыночной, указывая на рост организаций во всех сферах жизнедеятельности, в т.ч. благодаря развитию технологий и знаний людей относительно того, как создавать большие организации, сохраняющие многие качества разложимых систем (англ. decomposable system).

В книге «Административное поведение», рассматривавшей главным образом принятие решений в рамках фирмы, Саймон предложил новаторский подход, при котором учитывалось многообразие факторов в деле принятия решений и их психологический контекст; вместо однофакторной модели максимизации выгоды он выдвинул модель *минимизации риска*. Он также обнаружил, что отдельные люди выдают *ограниченно рациональные решения* на основе предварительно собранной, всегда неполной информации. Саймон критиковал модель гиперрациональности, принятой в современной теории игр и неоклассической экономтеории, противопоставив ей модель ограниченной рациональности: ограничения, в принципе игнорируемые «неоклассиками», присущи самой природе человека — его мышление и знания не идеальны. Исходя из этого, ученый попытался разработать способы преодоления затруднений в процессах принятия решений, которые связаны с человеческим фактором, в т.ч. с помощью «процедур запрограммированного принятия решений» — ряда технических приемов, ориентированных на оптимизацию политических и управленческих действий.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ — выбор варианта политического действия (или курса), включающий цели и средства его осуществления.

В научной литературе есть немало дефиниций категории **политико-управленческого решения**; и самые типичные среди них следующие. Во-первых, в соответствии с положениями теории рационального выбора (англ. rational choice) государственное решение — это определение единственной модели поведения из ряда альтернативных вариантов, т.е. выбор одного из минимум двух возможных действий. Во-вторых, в рамках так называемого деятельностного подхода государственное решение мыслится как стремящийся к идеальному результат деятельности, имеющий обязательное значение в пределах конкретной компетенции, для чего органам публичной власти нужны оптимальные средства его проведения в жизнь.

В политологии обычно пользуются узким и расширительным вариантами определения границ (зоны) субпроцесса принятия политических решений. Согласно первому из них, он лимитирован лишь теоретико-аналитическими процедурами и мыслительными операциями, завершающимися выбором оптимальной модели решения и ее достаточно жесткой формализацией, а также официальным утверждением. Вторая версия как бы раздвигает границы данного субпроцесса, включая в него практические, технологические мероприятия по реализации решений. Тем самым все политическое управление и механизм государственной политики отождествляются с осознанным принятием и осуществлением государственных решений. Вместе с тем, при такой постановке вопроса из управленческого субпроцесса фактически исключаются спонтанные факторы и стихийные регуляторы политической жизни.

Кроме того, специальные концепции принятия решений тоже делят на два класса: 1) описательные (дескриптивные); 2) нормативные (прескриптивные). Разработки первого вида опираются прежде всего на эмпирические и, понятно, описательные исследования поведения лиц, принимающих решение, и взаимодействий политических акторов в конкретной ситуации. В рамках дескриптивного подхода может быть рассмотрена и деятельность отдельного политического лидера, мотивы и причины принятия того или иного индивидуального решения.

Обратите внимание

В политологии широкую известность получили разные варианты анализа психологических факторов принятия решений президентом США в условиях стрессовых ситуаций (вроде Карибского кризиса в октябре 1962 г.), когда он берет на себя персональную инициативу и всю ответственность за реальные и вероятные последствия. Тщательно изучаются также установки и мотивы группового поведения при принятии коллегиальных решений, когда, например, группа политиков выдает политическое решение, касающееся судеб миллионов граждан, как это было в случае с бомбардировками территории Югославии самолетами НАТО (конец 1990-х гг.).

Особенность нормативных концепций принятия решений — их сконцентрированность на разработке оптимальных правил и процедур, алгоритмов (т.е. системы строго определенных и последовательных операций) и формализованных моделей, в соответствии с которыми должен строиться субпроцесс принятия государственных решений. Эта модель ориентирована на рационализацию политических решений, поскольку рассчитанные по ее принципам стандартные алгоритмы призваны повысить эффективность выбора целей и средств их достижения, а тем самым — выбор оптимального для заданной ситуации решения. В то же время слабость нормативного подхода состоит в преувеличении роли идеальных типов, рациональных моделей решения, в некоторой мере отстраненных от самих субъектов управления (их интересов, ценностей и установок), а также от оценок реальных иерархических отношений между ними.

Обратите внимание

Едва ли не первым известным историческим прецедентом возникновения иерархии субъектов государственного управления (или лиц, принимающих решения) был Египет эпохи фараонов. Уже тогда была сформирована так называемая египетская пира-

мида «послушных призыву», т.е. тех, кто обязан был выслушать и беспрекословно выполнить приказ вышестоящего начальника или своего господина. Один и тот же человек мог обладать двойным статусом: иметь своих «послушных призыву» и состоять одновременно в группе «послушных призыву» властителя более высокого ранга; таким образом создавалась иерархия управленческих страт. В одну из подобных групп входили лишь крупные сановники, придворные фараона, в другую, вместе со свободными, — рабы, в третью — только рабы.

Государственное управление невозможно без определения принципов взаимоотношений между его субъектами и объектами. К таковым относятся: соответствие субъекта объекту; обратная связь между ними; соотносительность и «взаимооборот» субъектов и объектов в субпроцессе принятия политических решений. Первое правило объясняется тем, что зона легитимных полномочий и властной компетенции, к примеру, у парламентского комитета по социальной политике, должна распространяться на подготовку и проведение законопроектов по социальной сфере, но не затрагивать (кроме специальных случаев) функциональное поле комитета по оборонной политике или оперативное управление региональными биржами труда. То есть объем властных полномочий и ответственности государственного субъекта, принимающего решения, в идеале должен соответствовать характеру интересов и приоритетов управляемого социального объекта. Принцип обратной связи и самокоррекции решений определяет порядок, при котором управленцы или коллегиальные органы постоянно взаимодействуют со своим объектом руководства (молодежь, безработные, представители малого бизнеса и т.д.), периодически вносят поправки в отдельные решения, а при необходимости — и во всю государственную стратегию, в зависимости от успеха или неудачи в осуществлении правительством задач по какому-либо направлению его политики (социальная, экономическая и пр.). Вышесказанный «взаимооборот» напрямую связан с уже рассмотренной иерархией субъект-объектных уровней в государственной политике, с классификацией решений, критерии которой обусловлены ролями субъекта их принятия и объекта руководства, по поводу которого данное решение появляется, наконец, с самим характером их взаимодействия. Одна из интересных попыток типологизации политических решений была предпринята польским политологом *Тадеушем Клементевичем*. Он подразделяет решения по двум основаниям: кругу субъектов, участвующих в выборе политического действия, и уровню интеграции сферы социальных интересов объекта руководства или адресата решения (см. табл. 2).

Интерпретация

Клементевич в своей главе «Процесс принятия политических решений» из коллективной монографии польских политологов «*Элементы теории политики*» (1989, рус. перевод 1991) представил следующую таблицу по типологии политических решений.

Типология политических решений

Субъекты	Уровень интеграции интересов	
	Центральный	Локально-региональный
Граждане	Выборы в центральные органы Референдум и плебисцит	Выборы в местные органы
Официальные представители граждан	Законы и постановления парламента	Собрание и местный референдум жителей
Представительская форма	Программы социально-экономического развития	Местные программы социально-экономического развития
Активисты гражданских групп (общественные делегаты)	Решения высших органов партий, общественных объединений	Решения о местном бюджете
Непредставительская форма	Политические и социальные соглашения	Проблемные решения местных органов партий, общественных объединений

Обратите внимание

Очевидно, что в механизме принятия политического решения выделяются формальные и неформальные звенья, официальные и неофициальные каналы его подготовки. В качестве иллюстрации — схема принятия политических решений на общенациональном уровне в современной Японии, имеющая несколько официальных институциональных уровней и теневых (в смысле — внеинституциональных) звеньев. Для подготовки и принятия какого-то законодательного акта парламентом страны заинтересованной в нем корпоративной организации нужно пройти

довольно длинный путь. Вначале предпринимательская структура выходит на административно-исполнительный аппарат, государственных бюрократов, общаясь при этом с секторами, департаментами и руководителями соответствующего отраслевого министерства. Затем проект решения в условиях правления Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии согласовывается с партийными функционерами в специальных советах по общим и политическим вопросам, в комитете парламентской политики и с высшим руководством ЛДП, ее парламентской фракцией и внутрипарламентскими кланами «дзоку». Лишь после этого проект законодательного решения выносится на дискуссию в парламент, попадая под критический анализ оппозиционных партий и СМИ. После соблюдения определенной процедуры обсуждения и голосования в парламенте, где преобладает ЛДП, данный документ принимается в качестве нормативного акта.

Для принятия оптимального решения в государственной политике существуют два основных приема его выбора из альтернативных вариантов и вынесения вердикта: консенсус и голосование. Первый из них, способ *консенсуса* (лат. *consensus omnium* — согласие всех), весьма эффективен в тех случаях, когда интересы участвующих в принятии решения лишь незначительно расходятся, потому оно выглядит компромиссом между различными альтернативами, поддержанным всеми сторонами. Именно принцип «согласия всех» используется для принятия ключевых решений в Совете Безопасности ООН. Однако более распространена практика *голосования* для вынесения стратегических решений. Этот способ не ограничен только формальной процедурой подачи голоса, ибо включает в себя выяснение сильных и слабых сторон разных вариантов постановления, уточнение позиций лиц, принимающих решения, а также определение пропорций между большинством, меньшинством и промежуточными силами, участвующими в голосовании.

В целом субпроцесс принятия управленческих решений распадается на отдельные функциональные фазы (см. *схему 3*). Обобщенно можно выделить следующие из них:

1. *Определение приоритетных проблем и формирование политической повестки дня.* Вначале собирается, селектируется и анализируется предварительная информация, нужная для политического решения. Изучаются интересы и требования отдельных индивидов, социальных групп и общественных объединений, что позволяет наметить приоритеты для ожидаемых от правительства или других государственных органов действий.

2. *Разработка и рассмотрение альтернативных вариантов политического решения общественных проблем* обусловлены как объективной потребностью в выборе наилучшего из нескольких

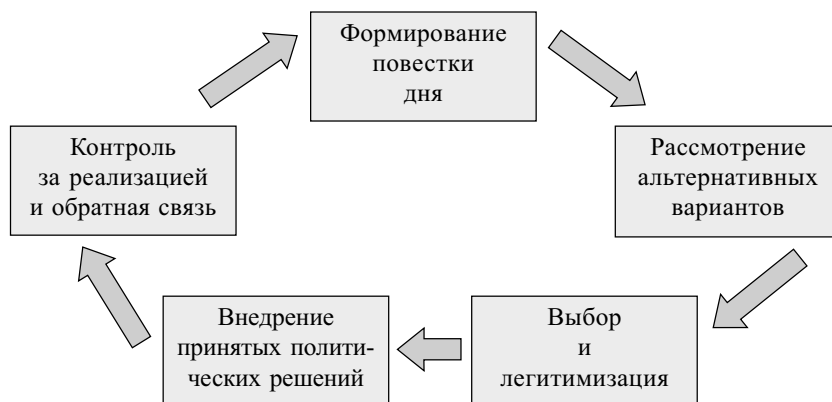
возможных, так и субъективными устремлениями, давлением различных групп интересов, нередко конкурирующих между собой и пытающихся провести свой проект.

3. *Окончательный выбор, формулирование и легитимизация государственного решения* — основной этап рассматриваемого субпроцесса, технологически осуществляемый субъектами государственного управления путем голосования или консенсуса. Здесь решение приобретает общеобязательную форму для всех граждан, попадающих в сферу его компетенции.

4. Для реализации (или внедрения в политическую практику) принятых управленческих решений государственная администрация, в зависимости от режима данной страны, использует комбинацию способов (принуждение и убеждение) и отдельных социотехнических средств (манипулирование, маневрирование и т.д.).

5. *Контроль за ходом осуществления решения и «обратная связь» с его результатами* — фаза, завершающая весь цикл. Отсутствие подобных действий ведет к тому, что государственное решение либо искажается, либо просто перестает выполняться, либо даже приносит обратные его замыслу результаты. Сам же смысл контроля за реализацией решения заключается в постоянном сопоставлении практических мероприятий, технологических операций с исходной моделью политического решения, планами и программами. Контролю подлежит как выполнение законодательных вердиктов, определяющих различные нормы и процедуры поддержания институционального порядка в обществе (борьба с коррупцией, другими криминальными формами), так и постановления органов исполнительной власти, занятых оперативным распределением финансовых и материальных ресурсов согласно общим пропорциям, заложенным в госбюджете.

Схема 3. Фазы субпроцесса принятия политических решений

Практика осуществления государственных решений тесно связана с двумя уже обозначенными аспектами публичной политики: регулированием общественных ресурсов и институциональными способами, инструментальными средствами руководства людьми, а значит — с самим функционированием политического режима страны.

Вопросы для семинарского занятия

1. Каковы основные концептуальные подходы, в рамках которых интерпретируется политический процесс?
2. В чем проявляется специфика политического процесса в России начала XXI в.?
3. В чем состоят функции субъектов государственного управления и гражданского участия в структуре политического процесса?
4. Что понимается под соотношением социальных сил на политической сцене?
5. Что такое «государственное управление» и «государственная политика»?
6. В чем состоят особенности российской государственной политики в современных условиях?
7. Каковы основные фазы принятия политических решений?
8. Какой характер принимал политический процесс в России в 1990-е гг.?
9. Можете ли вы дать оценку расстановки политических сил в последнем составе Государственной Думы?
10. Опишите процесс принятия законодательных решений в Федеральном Собрании Российской Федерации.

Тексты

- Бурдьё П. *Социология политики*. — М., 1993.
- Вейнгаст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
- Гай Питерс Б., Райт В. Социальная политика и управление: вчера и сегодня. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
- Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы). — *Политология: хрестоматия*. (Сост. М.А. Василик). — М., 2000.

- Законодательный процесс в России: граждане и власть.* (Ред. А.А. Захаров). — М., 1996.
- Gross B. Political Process. — *International Encyclopedia of Social Sciences*. Vol.12. (Greenstein F., Polsby N. Eds.) — N.Y. — London, 1968.
- Simon H. *Administrative Behavior: The Study of Decision Making Processes in Administrative Organizations*. — N.Y., 1997.

Дополнительная литература

- Василенко И.А. *Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия.* — М., 2000.
- Государственное управление: основы теории и организации.* (Ред. В.А. Козбаненко). — М., 2000.
- Законодательный процесс в США.* (Ред. С.А. Кочерян). — М., 1990.
- Косолапов Н.А. Политико-психологическая типология конфликта. — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность.* (Ред. А.Д. Воскресенский). — М., 2000.
- Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. *Государственное управление.* — М., 1996.
- Лоббизм в России: этапы большого пути. — *Социс*, 1996. — № 3.
- Макаренко Б.И. Указы и законы: процесс принятия законодательных решений. — *Полития*, 1997. — № 3.
- Нагель С. Соединяя капитализм, социализм и демократию. — *Соединяя капитализм, социализм и демократию: практическая политика в России и США.* (Ред. В. Рукавишников, С. Нагель). — М., 1999.
- Салмин А.М. Политический процесс и демократия. — *Социально-политические науки*, 1991. — № 6.
- Скидмор М. Дж., Трипп М. К. *Американская система государственного управления.* — М., 1993.
- Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России. — *Полис*, 1996. — № 5.
- Lindblom Ch., Woodhouse E. *The Policy-Making Process*. — Englewood Cliffs, 1993.

Глава 8

Политическое изменение

Political Change

Программные тезисы

- Природа, сходство и отличие категорий политического изменения и политического развития.
- Проблематика изменений в ретроспективе: от античности к просвещенческой линейно-прогрессистской схеме политического развития; от пессимистических концепций «кризиса западной цивилизации» конца XIX — начала XX вв. к восстановлению оптимистических представлений о перспективах развития в концепциях модернизации в середине XX в. Главные тезисы общей теории политического развития.
- Дихотомия «традиционное — современное» как ядро теории модернизации. Закрытые традиционные общества. Разновидности переходных обществ. Основы современного общества. Политическое развитие как рост сложности, специализации и дифференциации политических институтов. Недостатки классической теории модернизации.
- Типы политического изменения: реформа, революция, переворот, реставрация, пересмотр конституции. Систематизация их объяснений и основные характеристики.
- Категория Современности/Модерна. Качества Современности. Политическая модернизация — процесс, ведущий к становлению современных демократических политий, ее предпосылки и факторы. Модели модернизации Д. Растоу и С. Хантингтона.
- Спонтанная (первичная) и направляемая (вторичная) модернизация. Проблема «догоняющего» развития («позднего старта»).
- Тематика переходных обществ. Переоценка положений теорий модернизации. Политическая модернизация как типологическое состояние: концепции и реальность.

Проблемные вопросы

1. Какова природа политических изменений?
2. Что общего и особенного в категориях политического изменения и развития?
3. Как исторически менялись представления о развитии?
4. Общества традиционные и общества современные: принципы типологии.
5. Как соотносятся развитие и модернизация?
6. С чем был связан рост интереса к проблемам развития и модернизации в середине XX в.?
7. Что такое Современность/Модерн? Какие качества присущи современному обществу?
8. С какими проблемами сталкиваются переходные общества? Как реагирует на них политическая наука?

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Природа политического изменения

Все живое, наделенное разумом, непременно движется, изменяясь во времени и пространстве. Это его способ существования. С философской точки зрения, изменение — естественная форма бытия всех объектов и явлений, представляющая собой постоянный переход из одного состояния в другое. Ученые очень убедительно доказали, что в истории не было и не может быть лишенных действия и развития человеческих сообществ.

Изменение в широком смысле включает в себя все эволюционные процессы, а также возникновение новых явлений в мире, потому категории **политического изменения** и **политического развития** тесно связаны и соотносятся друг с другом, следовательно, они обычно рассматриваются воедино. Эти понятия принадлежат к числу наиболее важных и часто употребляемых в современной политической науке.

Каждая полития — живой организм, подчиняющийся внутренней логике саморазвития и реагирующий на стимулы и вызовы, которые поступают как со стороны общества, так и из внешней среды. Истоки динамики политических систем заключаются в диалектике развития, в разрешении внутренних противоречий и в ответах на внешние воздействия. Политический процесс можно и должно объяснять как определенные перемены в состояниях политической системы, обеспечивающие цикл ее воспроизводства (становление, функционирование, развитие с выходом на более высокий уровень). Вместе с тем, между понятиями политического процесса, политического изменения и развития есть существенное различие. Если процесс воспроизводит политическую систему, то изменения и развитие представляют собой не просто преобразование внутренних свойств системы, а еще и ее переход в иное качественное состояние либо смену одного системного типа другим. Политическое развитие позволяет также создать довольно сложные и защищенные от влияния других подсистем общественных отношений институты, способные включать в свою орбиту и упорядочивать участие в политике новых групп, стимулировать социально-экономические перемены.

Политические изменения постоянны, поскольку нет неизменных, т.е. полностью статичных, политических систем, равно как и

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ — преобразование структур, процессов или целей, затрагивающее распределение или осуществление властных полномочий по управлению каким-либо обществом. Политическое изменение содействует либо приспособлению существующей системы власти и управления к новым требованиям времени и меняющейся социальной среде, либо замене данной системы другой в силу того, что она неспособна и далее поддерживать свое эффективное функционирование. Основные типы — политическая реформа, революция, государственный переворот, реставрация, частичный или полный пересмотр конституции.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ — вся совокупность динамичных процессов, развертывающихся в данном обществе, которые определяют перемены внутри его политической системы или же ее замещение другой, как правило, в направлении большей способности средствами управления справляться с предъявляемыми требованиями. Закономерности политического развития отражают устойчивые взаимоотношения между социальными группами и практическую деятельность акторов в политической сфере. Они проявляются как тенденции, результирующие сочетание либо конфликт различных интересов, что и обуславливает характер основных на них действий.

ГОМЕОСТАЗ (гр. *homoios* — одинаковый, подобный; *stasis* — стояние, неподвижность) — термин, заимствованный из биологии и означающий в политологии: 1) относительное постоянство состава и качеств политической системы; 2) совокупность сложных приспособительных механизмов, устраняющих или максимально ограничивающих воздействие различных факторов внешней или внутренней среды на состояние политической системы.

совершенно застывших в одном состоянии, неразвивающихся обществ. Однако следует все же разграничивать два вида развития — *динамическое*, которое основано на необходимости постоянного движения, диктуемого логикой индустриального общества, и *стационарное* (лат. *stationarius* — неподвижный), подпитываемое слабыми социальными импульсами, не выводящими из **гомеостаза** структуры традиционного типа.

Сам процесс становления современного индустриального общества делает движение вперед необратимым, а политическое развитие — поступательно-восходящим. Долговечность политий, их совершенствование зависят от возможностей обществ изменяться и приспосабливаться к новым обстоятельствам. Сверх того, стабильность политической системы отнюдь не равноценна отсутствию изменений в ней. Напротив, устойчивость — это характеристика системной способности адаптироваться к внутренним и внешним влияниям и к органическим, ненасильственным изменениям в составе политической элиты, в распределении материальных и информационных ресурсов и т.д. Политическое развитие системы отражает ее активную реакцию на структурные, финансовые, ресурсные и иные кризисы современного индустриального общества, указывающие на недостатки его устройства. Мобилизуя свой незадействованный потенциал и проводя перегруппировку социально-политических сил, общество тем самым может воссоздать жизнеспособность политической системы уже на более высоком уровне равновесия.

Политическое изменение по-разному влияет на адаптивные возможности политических систем. В одних случаях система, мобилизуя внутренние ресурсы, сравнительно легко приспосабливается к новым потребностям и преобразованной среде, а значит, самостоятельно перемещается на более высокий уровень устойчивости. Во втором варианте одну политическую систему, неспособную к самообновлению, сменяет другая, следовательно, движение имеет направляемый характер и осуществляется, как правило, в форсированном режиме, неизбежно повышающем нагрузку на политические институты, социально-культурную среду и отдельные группы общества.

Интерпретация

Сэмюэл Хантингтон и Хосе Домингес определили политическое развитие следующим образом: это «схема изменений, происходящих в обществе определенного типа вследствие конкретных причин и направленных на цели, достижение которых функционально необходимо для данного общества» («Справочник по политической науке», 1975).

Ученые считают, что развитие происходит через изменения и означает рост: 1) сложности (диверсификация); 2) специализации; 3) дифференциации политических институтов данного общества.

Обратите внимание

Двумя классическими, хотя и разными по направленности изменениями, примерами усложнения, специализации и дифференциации политических систем можно считать послефранкистскую Испанию и современную Южную Корею. В обоих государствах — их население слабо воспринимало идеи политического представительства — становление современных институтов (т.е. политическое развитие) было реакцией на создание основ индустриального общества, которое не могло прогрессировать дальше без появления эффективной системы обратных связей «общество — государство».

Образованию системы политического представительства в послефранкистской *Испании* благоприятствовал относительно высокий социально-экономический уровень, достигнутый за годы авторитаризма. Среди факторов, ускоривших политические изменения, выделяется организация конструктивного реформистского блока сил центристской ориентации.

Форсированный рост экономики имел следствием формирование индустриального общества в *Южной Корее*, с конца 1970-х гг. все настойчивее требовавшего свободы самовыражения. Со второй половины 1980-х политическая либерализация довольно быстро преобразила южнокорейский социум, способствовала развитию партий, утверждению принципов представительства интересов как общезначимой социальной нормы. Политическое развитие явно стимулировал устойчивый экономический рост, позволивший массовому сознанию естественно усваивать новые для Южной Кореи представления и ценности.

Институционализация политического представительства путем усложнения, специализации и дифференциации всего комплекса социальных отношений создает благоприятные условия для выражения и осуществления самых многообразных интересов. Вывод из сказанного: в современном мире политическое развитие присуще системам разных типов и уровней — как авторитарным, так и демократическим, причем его стимулом служат экономические факторы индустриального типа.

Интерес к проблематике политического изменения и политического развития в современной политологии в последние десятилетия явно растет. Данная тенденция непосредственно связана с появлением после Второй мировой войны множества новых госу-

ПРОГРЕСС (лат. *progressus* — движение вперед, успех) — направление развития с переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Прогресс можно зафиксировать в состоянии политической системы в целом, в ее структуре и в качестве ее отдельных элементов. Противоположное понятие — *регресс*.

ОДНОЛИНЕЙНОСТЬ — теория, которая утверждает существование единственной линии развития человеческого общества — от простого к более сложному — и предполагает, что все общества, восходя по пути эволюции, должны преодолевать одни и те же стадии.

дарств, а значит, политических систем, с необходимостью понимания траектории их продвижения вперед, к более совершенным политико-экономическим состояниям.

Интерпретация

Дэвид Антер пишет, что «новая» сравнительная политология с ее акцентом на проблемы развития появилась в атмосфере общего оптимизма послевоенного периода. «Предпосылки и перспективы развития представлялись благом, злом же считались коммунизм и холодная война». Такой постановкой вопроса воспользовались страны третьего мира, балансировавшие между США и СССР. Для американцев политическая проблема глобального распространения своего влияния сводилась к необходимости сочетания деколонизации, демократизации новых государств и переориентации их национализма на нацистроительство, что требовало экономического роста. Для осуществления такой программы стала очень полезной теория развития, предполагавшая, что развивающийся мир обязательно воспроизведет основные политические, социальные и культурные ценности и институты западных индустриальных стран («*Политическая наука: новые направления*»).

1.2. Становление проблематики политического изменения и развития в ретроспективе

Сама тема изменений далеко не нова для политической науки. Еще в античности философы выделили ее и по-своему исследовали. Проблемы устойчивости государств и политических изменений были в центре внимания уже *Платона* и *Аристотеля*. Появившаяся в их работах типология трех «правильных» форм правления (аристократия, монархия и полиархия) и трех «неправильных» (тимократия, деспотия и демократия) описывала определенную политическую динамику перехода от одной из них к другой. Однако эти мыслители сделали разные выводы. Платон — пессимист, он видел в современном ему политическом мире по преимуществу вырождение, понимаемое как череда перемен, движение от аристократии к тимократии, затем к олигархии, от нее — к демократии и, наконец, к тирании.

Обратите внимание

Тимократия (или тимархия — гр. *time* — честь, богатство) — по Платону, система правления, основанная на честолюбии, соперничестве и «яростном духе» и представляющая собой промежуточную форму вырождения аристократического

правления (предшествует олигархии), при котором у власти находятся немногие правители-воины. Благо и цель их деятельности — личная воинская доблесть и слава. Тимократия, таким образом, является военным государством, постоянно участвующем в вооруженных конфликтах. Аристотель относил тимократию к худшим типам правления.

Вышеназванная типология форм правления и их восходящего или нисходящего развития — одна из наиболее действенных концептуальных схем в истории политической мысли. В тех или иных вариациях она присутствует в трудах таких выдающихся мыслителей, как *Цицерон, Никколо Макиавелли, Жан Боден, Джон Локк, Шарль Луи Монтескьё* и др. Но только эпоха Просвещения внесла принципиально новые компоненты в эти традиционные представления о политических изменениях — **прогрессизм и однолинейность развития**.

Через эти опорные категории выражала себя становившаяся все более совершенной экономическая, социальная, политическая и духовная реальность Европы. Просвещение отметило рождение новоевропейской цивилизации, признаки которой — дух непрерывающегося интеллектуального поиска и социального новаторства, поступательное утверждение идеологии свободного товарообмена, индивидуальной ответственности и самооценки личности. Индустриальная цивилизация Нового времени создала человека экономического (лат. *Номо еconomicus*), т.е. суверенного индивида, основания деятельности которого уже были почти освобождены от «традиционных» социально-институциональных ограничений. Появление новых мотиваций ощущалось и в политическом развитии.

Свои действия человек стал согласовывать с собственными интересами, и подобный исторический перелом знаменовал превращение политики в относительно самостоятельное пространство общественных отношений, управляемое внутренними закономерностями и логикой развития. Пожалуй, с этого временного рубежа политика становится сферой постоянных изменений, вполне точно отражающих динамику быстро индустриализирующейся экономики. Таким образом, изменения уже начали пониматься как осознанные и направленные, ибо было очевидно, что они постепенно приводили политические институты во все большее соответствие с последовательно развивающейся социально-экономической структурой, с внутренней природой человека как рационально мыслящего и действующего существа, от рождения наделенного неотъемлемыми правами и обязанностями. Это «прогрессивное», восходящее движение вело, как тогда казалось, к идеалу народного

Появление человека экономического (*homo economicus*).
Вверху: Влиятельный торговец и банкир Якоб Фуггер (XV–XVI вв.) из г. Аугсбурга со своим бухгалтером. Акварель.

Внизу: Меняла с женой. Картина Квентина Массейса, 1514.

Жан Антуан Никола КОНДОРСЕ (1743, Рибмонт — 1794, Бур-ля-Рэн) — французский философ-просветитель, выдвинувший представление о прогрессе как о бесконечном совершенствовании человечества; математик, социолог; политический деятель

правления. Подобное понимание содержания политического развития отстаивал, например, *Жан Кондорсе*.

Наши надежды на улучшение состояния человеческого рода в будущем могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека.

Ж. Кондорсе, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»

КОНДОРСЕ (Condorcet), **Жан Антуан Никола** (1743, Рибмонт — 1794, Бур-ля-Рэн) — маркиз, французский философ-просветитель, выдвинувший представление о прогрессе как о бесконечном совершенствовании человечества; математик, социолог; политический деятель. За работы в области геометрии, интегральных вычислений и астрономии Кондорсе выбран в 1769 членом Французской академии наук, а с 1785 — ее постоянным секретарем; являлся членом многих европейских академий наук, в т.ч. Петербургской. Кондорсе печатался в «Энциклопедии» Д. Дидро, был знаком со многими философами-просветителями. Кондорсе приветствовал революцию 1789; был избран в 1791 в Законодательное собрание, став его секретарем; внес существенный вклад в разработку реформы системы образования. Одним из первых мыслителей поддержал идею создания республики во Франции, отстранение короля от власти и созыв Национального конвента; участвовал в разработке конституции, выдвинув собственный проект. Во время суда над королем Людовиком XVI Кондорсе выступил против смертного приговора и резко критиковал политику якобинцев, что явилось причиной его заочного (он скрывался) осуждения на смерть режимом Робеспьера.

Автор разнообразных по тематике работ, среди которых: классический труд по теории вероятности «Эссе по применению вероятностного анализа к решениям большинства» (1785; переизд. 1805 под назв. «Элементы расчета вероятностей и его применение в азартных играх, лотерее и человеческих решениях»); более 50 биографий выдающихся французов, в т.ч. Вольтера (1789); самый знаменитый труд — «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795).

Вклад в развитие политической мысли. Кондорсе разрабатывал гипотезу об историческом прогрессе человечества, направленном к его абсолютному совершенству. Первоначально человек находился в состоянии варварства, практически ничем не отличаясь от животных. Эволюция человечества стала возможной благодаря прогрессу разума, который складывается как единство добродетели, счастья, просвещения. Иначе говоря, прогресс в истории обеспечивается не имеющим пределов распространением человеческих способностей, являясь, таким образом, безграничным совершенствованием. Человеческий род прошел 9 стадий («великих эпох») развития разума. По мнению Кондорсе, его современники вступали в 10 стадию (со времени Французской

революции). Он считал, что эта эпоха будет характеризоваться полной реализацией трех тенденций, начало которым было положено в предыдущие исторические периоды: преодоление неравенства между нациями; уничтожение социального неравенства; наконец, интеллектуальное, моральное и физическое совершенствование самого человека. Грядущее равенство Кондорсе понимал как равенство прав и свобод; более того, свобода и равенство взаимно гарантируют друг друга. Исходя из оптимистического видения человека и неограниченного потенциала его развития, Кондорсе пришел к таким выводам: люди не должны делиться на правителей и управляемых, а важнейший фактор прогресса — всеобщее образование.

Многие теоретические положения концепции Кондорсе, его оптимизм были восприняты социальными философами XIX в., например, О. Контом, который в целом разделял подход этого мыслителя к проблеме прогресса.

Линейно-прогрессистская схема политического развития (в частности предложенная Кондорсе) в XIX в. специфическим образом воспроизводится в марксизме с его представлением о линейности истории и концепцией смены общественно-экономических формаций. Для *Карла Маркса* и *Фридриха Энгельса* политические изменения (динамические процессы в надстройке) отражали качественные социально-экономические сдвиги в базисе. Наряду с очевидными достижениями в понимании проблем развития, такая жесткая его трактовка значительно упрощала исторический процесс, мешала его объемному восприятию.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана»

1.3. Основные положения современных концепций политического развития

В середине XX столетия с распространением сравнительных политических исследований начался новый этап в разработке теории развития. С одной стороны, он был обусловлен своеобразным восстановлением в политологии того времени представлений о прогрессизме и однолинейности развития: в условиях послевоенного мирного строительства любые, даже самые сложные проблемы казались решаемыми, а с другой — необходимостью пересмотра наиболее уязвимых в методологическом плане предположений, сделанных учеными в иную историческую эпоху, внешне похожую (например, оптимизмом и верой во всемогущество человеческого разума) на первые послевоенные десятилетия.

Философы осмысливают развитие как естественное, закономерное качественное изменение материальных и идеальных объектов, которому внутренне присущи необратимость и направленность. Политологический подход к феномену развития означает выявление и объяснение всеобщих характеристик многообразия связей, отношений и процессов политической реальности, ибо в результате развития возникает новое состояние общественной сферы.

Общая теория политического развития складывается из обилия концепций, рассматривающих его с различных сторон и предлагающих свои схемы научного обоснования и разрешения проблемы. Ниже в виде тезисов перечислены только самые значимые из них.

1. *Политическое развитие — предпосылка экономического прогресса.* Когда впервые в качестве научных были сформулированы проблемы экономического развития и потребности преобразования стагнирующей экономики в динамичную, способную обеспечить самоподдерживающийся рост, экономисты указали на то, что политические и социальные условия могут сыграть решающую роль в приостановке или ускорении роста душевого дохода. Концепции такого рода трактуют политическое развитие как такое состояние политики, которое может облегчить достижение экономического роста.

2. *Политическое развитие — типичная для индустриальных обществ политика.* Эта весьма распространенная концепция, также тесно связанная с экономическим анализом, содержит в себе абстрактное представление о некоей типичной для высокоразвитых стран политике. Предполагается, что индустриальное общество создает универсальную модель политической жизни, к которой способно устремиться каждое общество вне зависимости

ти от состояния своей промышленности. С данной точки зрения, индустриальные общества (не имеет значения — демократические или нет) устанавливают известные стандарты политического поведения и функционирования институтов, которые и составляют суть политического развития с целями, подходящими для любых других систем.

Специфическими качествами политического развития, таким образом, становятся определенные модели предположительно рационального и ответственного поведения правительства: отказ от опрометчивых действий, угрожающих законным интересам значительных слоев общества; акцент на социальных программах; представление о высокой ценности организованных административных и судебных процедур; признание того, что политика — справедливый инструмент разрешения проблем, а не самоцель; известные ограничения верховенства политики; согласие с некоторыми формами массового участия.

3. *Политическое развитие как модернизация.* В моделях такого плана доказывается, что передовые индустриальные страны являются «образцами для подражания», потому что задают темпы развития по большинству направлений социальной и экономической жизни. Вполне понятно стремление распространить это допущение и на политическую сферу. Вместе с тем, проблема политического развития, особенно когда ее осмысливают в качестве политической модернизации, содержит в себе трудность различения «западного» и «современного».

4. *Политическое развитие как действия нации-государства.* Данные концепции исходят из мнения о том, что подобное развитие сводится к организации политической жизни и исполнению политических функций в соответствии со стандартами, ожидаемыми от современного нации-государства. Эта трактовка основана на предположении, что исторически существовало множество типов политических систем, и любые сообщества создавали собственный тип политики, однако с появлением нации-государства возник и особый набор требований к политике. Следовательно, политические институты и практики государства, намеренного быть современным, должны приспособиться к данным требованиям. Политика исторической империи, колонии, племенного или этнического сообщества должна уступить место политике, необходимой для создания эффективного нации-государства, которое способно успешно функционировать в системе других наций-государств.

Политическое развитие, с этой точки зрения, интерпретируется как процесс, посредством которого сообщества, являющиеся

нациями-государствами только по форме и благодаря международному окружению, становятся таковыми в реальности. Политика данных стран предполагает развитие способности поддерживать современные правила общественного порядка, мобилизовывать ресурсы для определенного спектра коллективных действий, приобретать и эффективно исполнять международные обязательства. Тест для подлинного политического развития в таком случае — создание набора общественных институтов, составляющих необходимую инфраструктуру нации-государства, и контролируемое выражение национализма в политической жизни. То есть политическое развитие понимается как национализм, вписанный в рамки государственных институтов. Важно отметить, что авторы подобных концепций почти всегда подчеркивают: национализм — необходимое, но далеко не достаточное условие для обеспечения политического развития. Оно, в принципе, должно преобразовывать рассеянные, неорганизованные националистические настроения в дух гражданства, содействовать созданию государственных институтов, способных на основе националистических и гражданских устремлений сформировать политический курс и различные программы. В этом смысле политическое развитие есть нациеобразование (англ. nation-building).

5. *Политическое развитие как совершенствование административной и правовой систем.* Если разделить процесс нациеобразования на институциональное строительство (англ. institution-building) и развитие гражданства, мы получим две весьма распространенные теоретические схемы. Концепция политического развития как образования организаций (англ. organisation-building) имеет большую историю и лежит в основе многих просвещенных колониальных практик.

Западный человек в поисках способа ежедневных отношений с экзотическими и странными для него культурами естественным образом обратился к закону как средству для достижения порядка и предсказуемости. Так было установлено, что политическое развитие зиждется на четком правовом процессе. Однако со временем выяснилось, что нормальное функционирование правовой системы зависит от упорядоченности административной системы. Закон и порядок, следовательно, требуют наличия бюрократических структур и развития государственного управления (англ. public administration), и в течение колониального периода понятие развития было тесно связано с введением рационализированных институтов управления.

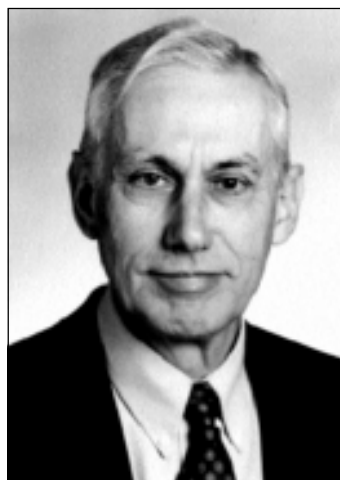
Как показывает недавняя история, политическое развитие означает гораздо большее, чем организация правительственных уп-

равленческих структур. Когда такое развитие заметно опережает другие направления социальной и политической эволюции, в системе могут возникать несоразмерности, становящиеся со временем препятствиями на пути создания нации-государства. Несомненно, укрепление государственного управления — центральная задача любой программы нациеобразования. Важно здесь то, что политическое развитие должно распространяться также на негосударственные (англ. *nonauthoritative*) институты общества.

6. *Политическое развитие в виде массовой мобилизации и участия.* Концепции этого рода связаны главным образом с поведением и ролями граждан, а также требующимися для осовременивания новыми стандартами их политического участия и лояльности по отношению к государству.

Показательно, что во многих исследованиях политическое развитие в его общей прогрессистской и однолинейной трактовке отождествляется с категорией *модернизации* (нередко данные понятия используются даже как синонимы).

Арендт ЛЕЙПХАРТ — американский политолог, внесший значительный вклад в разработку теорий демократии и консоционализма.

Интерпретация

Арендт Лейпхарт в книге «Демократия в многосоставных обществах» (1977) весьма критически оценил основные тезисы разработанной к тому времени обобщенной теории политического развития. Он счел ее довольно аморфной и неопределенной по той причине, что в нее в качестве центральных обязательно входят такие два параметра, как демократизация и создание нации, с необходимым дополнением — разделением функций институтов и формированием эффективных специализированных структур. Лейпхарт не вполне согласен с выводами из данных положений. Во-первых, демократизация и другие характеристики развития обычно понимаются как следствие объединения нации. «Признание важности национальной интеграции как фактора политического развития порой приводит, однако, к тому, что между двумя концепциями ставится знак равенства: политическое развитие и *есть* создание нации». Подобная трактовка сужает рамки самого явления развития. Во-вторых, из данного не всегда обоснованного предположения следуют конкретные рекомендации: национальное объединение должно стать приоритетной целью и главной задачей для руководителей развивающихся стран. Но ситуации в них могут сильно отличаться. В-третьих, обычно считается, что процесс национального строительства подразумевает искоренение первичной субнациональной идентификации и замену ее преданностью нации. Для многосоставных обществ, описанных Лейпхартом, осуществление этого жесткого требования вряд ли будет плодотворным.

Альберт ХИРШМАН (род. 1915, Берлин) – американский политолог и экономист, специализирующийся на проблемах экономического развития.

Один из современных подходов к истолкованию категории политического развития представлен *Джеймсом Коулманом* и *Люсьеном Пием*, определившими его как сочетание процессов структурной дифференциации, возрастающей потребности в равенстве и расширения интегративной, адаптивной, ответственной функций политической системы. Вместе это составляет «синдром развития», с которым сталкиваются практически все общества. Образование названного синдрома обусловлено кризисами, присущими политическому развитию в целом, равно как и любому сложному общественному процессу.

В теории политического развития *Альберта Хиршмана* (род. 1915) в качестве критического фактора рассматривается соотношение между (1) институциональными возможностями системы и (2) потребностями граждан, которые они выражают (3) своим политическим участием. Для стабильного развития по мере роста потребностей пропорционально должны увеличиваться возможности системы по их удовлетворению. В противном случае в обществе усиливаются негативные политические настроения. И наоборот, если возможности системы превышают темпы роста потребностей, то вероятно укрепление авторитарных (диктаторских) порядков, проведение политического курса с помощью силовых методов. Наконец, участие при отсутствии соответствующих институциональных возможностей служит причиной политической неустойчивости, в конечном счете — даже анархии. Общий теоретический вывод Хиршмана: для стабильного развития системе нужно сначала создать новые потребности и постепенно преодолевать отчуждение граждан от политики, а затем соответственно этим потребностям институционализировать опять-таки новые формы участия, для того чтобы его подъем не привел к подрыву политического порядка.

Интерпретация

Процесс политического развития может проходить через: 1) кризис *идентичности* (необходимо, чтобы в ходе интеграции граждане осознавали себя как единое политическое сообщество, что маловероятно при существовании различных этнонационалистических, классовых и др. установок, а также политико-психологических фрустраций); 2) кризис *легитимности* (конфликт между социальными группами по поводу согласия относительно легитимности верховной власти и ответственности правительства); 3) кризис *участия* (следствие притока новых акторов в политическую жизнь, углубления дифференциации групп интересов и партий); 4) кризис *управления* (трудности в создании инфраструктуры формальных

институтов, соединяющих управителей с управляемыми с целью обеспечения правительственного курса и общественного консенсуса); 5) кризис *распределения* (неспособность системы удовлетворить возрастающие потребности разных групп населения). Эта общая схема кризисов политического развития описана в книге, подготовленной учеными из Совета по социальным исследованиям США (среди них — Коулман, Пай, Майрон Вайнер, Джозеф Лапаломбара и др.), «Кризисы и последовательности в политическом развитии» (1971).

1.4. Традиционное, переходное и современное общества

Среди ученых, плодотворно и разносторонне занимавшихся тематикой политического развития в ее теоретическом и эмпирическом истолковании — по преимуществу в духе теории модернизации, — следует выделить **Александра Гершенкрона** (1904–1978), **Габриэля Алмонда**, **Джеймса Коулмана**, **Шмуэля Эйзенштадта**, **Сэмюэла Хантингтона**, **Дэвида Аптера**, **Дэниела Лернера**. Пожалуй, можно сказать, что в своих идейных истоках их варианты концепции политического развития восходят к социологии XIX в., представленной **Огюстом Контом**, **Гербертом Спенсером**, позднее — **Эмилем Дюркгеймом**.

Герберт СПЕНСЕР (1820, Дерби – 1903, Брайтон) – английский философ, один из основоположников современной социологии, развивший идею научного естествознания об эволюции и создавший влиятельную концепцию социальной эволюции.

СПЕНСЕР (Spencer), **Герберт** (1820, Дерби — 1903, Брайтон) — английский философ, один из основоположников современной социологии, развивший идею научного естествознания об эволюции и создавший влиятельную концепцию социальной эволюции. Он родился в семье школьного учителя, сильно повлиявшей на мировоззрение: его нонконформистские взгляды еще больше усилились в течение жизни, что привело мыслителя к полному разрыву с христианством. Спенсер не получил систематического образования; его обширные познания в гуманитарной области и оригинальность концепций — результат сочетания самообучения, мощного интеллекта и целеустремленности. В 1848—1853 Спенсер работал одним из редакторов журнала «Экономист», что позволило установить отношения с видными философами, писателями, социальными деятелями. Последующие 50 лет жизни он полностью посвятил исследованиям в области философии, антропологии, социологии.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Философия и религия. Природа и реальность религии» (1885); «Должная сфера деятельности правительства» (1843); «Социальная статика» (1851); «Образование: интеллектуальное, нравственное, физическое» (1861); «Изучение социологии» (1872); «Описательная социология» (19 частей, 1873–1934); «Личность против государства» (1884); «Факты и комментарии» (1902).

Вклад в развитие политической мысли. Еще как журналист Спенсер утверждал, что задача правительств заключается в «поддержке ес-

тественных прав граждан», а если правительства не выполняют эту функцию, то они наносят серьезный ущерб обществу. Впоследствии такие взгляды позволили ему сформулировать одну из основных идей, относящихся к социальным наукам в целом: «Общество есть продукт составляющих его единиц». Подобное направление мысли задало индивидуальный подход к пониманию общества и его эволюции: общество представляется Спенсеру особым бытием (англ. entity), слагающимся из отдельных единиц (англ. discrete). Постоянное сохранение в течение значительного времени сходства в группировках этих единиц в пределах занимаемой территории указывает на «конкретность составляемого ими агрегата», т.е. общества, структуры и организации которого специализируются на выполнении определенных задач (функций). Спенсер также поддержал в социальных науках метод аналогии между биологическим и социальным организмами, что позволило утвердиться в социологии таким понятиям, как структура и функция. С последним в социальные науки прочно вошел функциональный подход к изучению частей социума. Важна и идея об усложнении социального организма в процессе развития, о появлении новых его элементов и их последующей интеграции.

Значение трудов Спенсера для политической мысли определяется прежде всего созданием целостной (по замыслу) концепции эволюции общества. Исходя из материального характера реальности, представляющей собой единство материи, энергии и движения, философ трактовал эволюцию как единый принцип всей реальности (дословно — «вселенной», мира), который состоит в переходе от простого к сложному, от *гомогенности* (однородности) к *гетерогенности* (разнообразию) средствами структурной и функциональной дифференциации. Социальная эволюция — процесс противоречивый, но в основном плавный и в значительной мере автоматический, не допускающий сознательного ускорения и вмешательства извне. Теория органической эволюции была выдвинута Спенсером до появления учения Дарвина и Р. Уоллеса о естественном отборе. Позже Спенсер признал теорию Дарвина, однако только как частный случай теории эволюции, утверждая, что открытый им закон развития от гомогенности к гетерогенности носит универсальный характер.

В основе механизма собственно социальной эволюции — три фактора. 1) Гомогенное население нестабильно, люди неравны по многим позициям (собственность, умения, условия жизни и т.д.), значит, обязательно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности. 2) Существует тенденция к усилению неравенства и росту дифференциации, расширению ее на прочие сферы жизни. 3) Поскольку люди, занимающие одинаковое положение, стремятся к объединению, постольку общество начинает делиться на группы по классовым, национальным или профессиональным признакам. Появляются границы, охраняющие эти объединения, потому разделенность населения усиливается. В итоге возвращение к исходному однородному состоянию становится невозможным. Данный механизм — причина того, что человечество в своем развитии проходит ряд последовательных стадий. Простые общества, лишённые политической организации из-за одно-

родности их населения, сменяются сложными, где появляются разделение труда между индивидами и различение функций частей общества, в которых центральное значение приобретает иерархическая политическая организация. Этот процесс ведет к тому, что возникают гораздо более сложные социальные организмы.

Для демонстрации направления эволюции Спенсер предложил двухполярную типологию обществ с противопоставлением военного (милитаризованного) и промышленного, современного общества. Военное общество — постоянно мобилизованный народ, и нет особого различия между ним и армией. Развитие обществ в направлении промышленного типа характеризуется постепенным переходом от принудительного к добровольному сотрудничеству. Рабочий и работодатель в таком обществе — независимые личности; здесь доминируют идеи о том, что воля граждан имеет верховный характер (признан народный суверенитет), государство существует для блага народа и каждого индивида.

*Арнольд Джозеф ТОЙНБИ
(14 апреля 1889, Лондон – 22
октября 1975, Йорк) – англий-
ский историк, работавший
в парадигме сравнительного
исследования культур.*

Вместе с тем, опять-таки своим прогрессизмом и представлением о линейной векторности политического развития подавляющее большинство современных моделей противоречит популярным в конце XIX — начале XX вв. социологическим и историософским концепциям, развивавшим пессимистические мотивы «кризиса западной цивилизации» и замкнутой цикличности («порочного круга») исторического развития, **Освальда Шпенглера** (1880–1936), **Вильфредо Парето**, **Питирима Александровича Сорокина** (1889–1966), **Арнольда Тойнби** и др. Их подходы отражали накопление западноевропейской цивилизацией элементов «старения» и «усталости». На смену данным концепциям в 1950–1960-е гг. вместе с разработками по теории модернизации вновь пришел своеобразный «исторический оптимизм» относительно быстрого осовременивания обществ третьего мира, а также получившие новую аргументацию общие представления о линейности и телеологичности (направленности к определенной предзаданной цели) исторического развития. Нетрудно заметить: идеалом общественного устройства для так называемых переходных обществ мыслилась западная экономика рыночного типа и отлаженная система политического представительства, т.е. западная модель.

Примечательно, что за несколько десятилетий попыток исследования проблематики политического развития с использованием положений теории модернизации различные авторы так и не пришли к какой-либо одной точке зрения. Это закономерно, поскольку ученые анализировали наиболее интересные и понятные им *фрагменты* сложной и противоречивой реальности. Так, для одних, наследующих идеи **Макса Вебера**, модернизация пред-

Йохан ХЕЙЗИНГА (1872, Гронинген – 1945, близ Арнема) – нидерландский философ, историк культуры, автор работы «*Homo ludens*» («Человек играющий»; 1938), обосновавший феномен «игры» как универсального свойства всякой культуры.

ставлялась прежде всего в виде *рационализации* политического сферы общества в целом. Для других она означала главным образом углубление *дифференциации* социальных и политических структур (мысль *Толкотта Парсонса*). Однако в любом случае в основе разных трактовок политического развития как модернизации лежала некая сходная модель: история, общественно-политический процесс понимались как предопределенное объективными социально-экономическими факторами движение от так называемого **традиционного** общества к обществу **переходному**, а затем — к **современному** (модерному).

Собственно говоря, переход от общества традиционного к современному по времени растянулся в северо-западной части Европы с начала XIV по конец XVIII в. Такой точки зрения, в частности, придерживался *Норберт Элиас* (1897–1990). В тот период набирала силы западная индустриально-капиталистическая цивилизация, были заложены основы современных институтов и стилей поведения, а человек как базовая единица социального действия поступательно осознавал себя не подданным, а свободным гражданином, что превращало его, по образному выражению этого автора, в добротный «строительный материал» для синхронно формировавшегося гражданского общества. В сущности, взгляд Элиаса на проблему межстадиального перехода вполне историчен. Пять веков, о которых он размышлял, вместили в себя окончание «осени средневековья» (термин нидерландского историка и философа *Йозефа Хёйзинги*), Возрождение, Реформацию и Просвещение. Тогда же в наиболее развитых странах Европы был завершён первый этап промышленной революции, и дальнейшее утверждение индустриально-капиталистического стало исторически необратимым.

Характеристиками **традиционного общества** с подачи *Спенсера*, *Дюркгейма* и *Фердинанда Тённиса* принято считать его основанность на механизмах простого воспроизводства, слабую заинтересованность в обмене результатами экономической активности с другими хозяйственными единицами по типу горизонтальных связей, преимущественную ориентированность на замкнутую жизнедеятельность и на самообеспечение. Особенности экономического базиса вполне соответствовали досовременное общественное строение (значительный количественный перевес сельского населения над горожанами и, соответственно, труда доиндустриального над индустриальным; слабовыраженная дифференциация и статичность социальной структуры) и политическая организация (явное преобладание автократических приемов властвования над согласованием пока еще смутно ощущаемых частных и групп-

повых интересов; политика в целом, еще не выделенная в самостоятельную и специализированную сферу жизнедеятельности человека и т.п.).

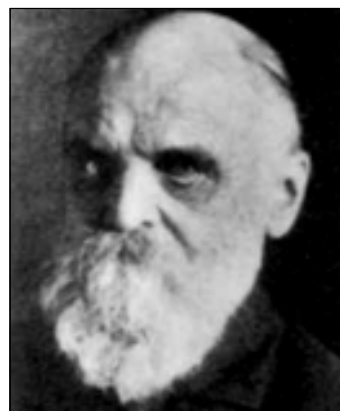
ТЁННИС (Toennies), **Фердинанд** (1855, Олденсворт, Шлезвиг — 1936, Киль) — немецкий социолог и философ; один из основоположников социологии в Германии, в частности «формальной» школы социологии. В 1881–1933 преподавал в университете Кили. Сооснователь (вместе с Вебером и др.) и первый председатель Немецкого социологического общества (1909), а также сооснователь и председатель Гоббсовского общества и еще нескольких научных и философских обществ; был широко известен в Великобритании как англоязычный редактор работ Гоббса. За критику нацизма был отстранен от преподавательской и общественной деятельности в 1933.

Автор ряда работ, включая: «Община и общество» (1887); «Жизнь и учение Томаса Гоббса» (1896); «Обычай» (1909); «Критика общественного мнения» (1922); «Введение в социологию» (1931).

Вклад в развитие политической мысли. В историю науки Тённис вошел как теоретик, противопоставивший принципы *традиционного* (община) и *современного* обществ, разрабатывавший проблемы методологии социального познания и обосновавший «формальный» подход в социологии, а также как социолог-эмпирик, осуществивший несколько общегерманских социологических исследований. Тённис также считается пионером урбанистических и коммунитаристских исследований. К его идеям, популярным в начале XX в., в конце этого столетия вновь возник особый интерес.

Тённис исходил из того, что все социальные взаимодействия и образования (коллективы и корпорации) выступают в качестве волевых отношений, созданных человеческой мыслью и волей. Иначе говоря, отношения становятся социальными в строгом понимании слова при условии, что они желаемы, признаны и подтверждены их участниками (волютаристская концепция). Воля, формирующая и поддерживающая конкретные социальные образования, дает начало двум возможным типам социальности (т.е. такого рода отношений) — *общине* (нем. Gemeinschaft), и *обществу* (нем. Gesellschaft), рассматривавшихся этим ученым в качестве ведущих категорий социологии. (Здесь и далее даны немецкие термины автора, ибо они часто воспроизводятся в литературе на языке оригинала.)

Каждая социальность обусловлена своим типом *воли*, определяемым в зависимости от ее целей и средств. Так, в основе общины — *сущностная воля* (нем. Wesenwille), т.е. органическая, естественная, *инстинктивная* воля, непосредственно переходящая в действие, подлежащее оценке с точки зрения его внутренней ценности. Она не обязательно рациональна, поскольку над ней главенствуют чувства и инстинкты; это проявление природы действующего человека. В основе общества находится *избирательная воля* (нем. Kurwille) — *рассудочная* воля, ориентированная на формирование и достижение определенной цели. Данный тип воли — «расчетливый разум» — характеризуется сознательным выбором средств

Фердинанд ТЁННИС
(1855–1936) – немецкий социолог
и философ; один из
основоположников социологии
в Германии, в частности
«формальной» школы социологии.

для решения нужных задач, поскольку она базируется на приоритете рационального мышления. Тённис отмечал, что образцы сущностной воли различаются степенью рациональности и соответствуют аффективным, традиционным и ценностно-рациональным ориентациям социального действия, избирательная воля — целерациональным ориентациям, описанным Вебером. Социальные образования как объекты сущностной воли (например, религиозные секты) складываются из взаимной симпатии, обычаев или общих верований и сами по себе представляют их членами как имеющие особую ценность, а социальные образования — объекты избирательной воли (например, большинство ассоциаций деловых людей, фирм и т.п.) рассматриваются их членами *прежде всего* в качестве средства достижения определенной цели.

Согласно Тённису, общине присущи такие черты: социальные отношения по преимуществу родства; семья в виде типичного социального института; обычаи, нравы и религия в качестве главных инструментов социального контроля; семейное право как тип законодательства; деревня как социальное пространство и земля как основная форма богатства. Отношения, подобные общинным, Тённис подразделял на отношения равенства (нем. Genossenschaft) и превосходства — подчинения (нем. Herrschaft), а также допускал смешанные варианты.

От общины с ее личными, первичными социальными связями, общество отличается главенством опосредованных, вторичных контактов. Важнейшими его характеристиками являются: социальные отношения, основанные на экономическом обмене; государство и экономическая организация в качестве главных социальных институтов; законы и общественное мнение — инструменты социального контроля; контрактное право как тип законодательства; город как преимущественное социальное пространство и деньги как главная форма богатства. Здесь господствуют отношения рационального обмена (т.е. с целью различных выгод), при которых индивидуальные члены — «лица» в формально-юридическом смысле — выступают почти всегда равноправно.

Община и общество в концепции Тённиса были сконструированы в виде идеальных психосоциальных типов социальных отношений в ходе анализа их реальных прототипов — родства, соседской общины, города, религиозной общины, а также контрактных отношений, объединенных единым интересом коллективов и т.п., — для общества. Поскольку община и общество — идеальные типы (Тённис сравнивал их с химическими элементами) и эмпирически в чистом виде они вряд ли могут существовать, то их нельзя использовать в качестве критериев классификации, но с их помощью устанавливается присутствие указанных выше элементов в реальных социальных объектах.

Предложенное Тённисом различение общины и общества, а по сути — *традиционного* и *современного* обществ (даже при известном сходстве с аналогичными моделями других социологов-эволюционистов XIX — начала XX вв.), — является уникальным в силу его критического отношения к тезису об эволюции в виде перехода от «общины» к «обществу». Победа последнего в Европе обуславливает внедрение рационального расчета во все социальные связи и их превращение во внешние, случайные (речь идет об отчуждении), а в итоге — во все более конф-

ликтные и чреватые кризисами, в т.ч. политическими. Считается, что идеи Тённиса заложили важную основу критической концепции *массового общества*. Сам он считал оптимальным общественным устройством социалистический порядок со значительными общинными элементами, рациональной этикой и т.п.

Колонизация как фактор модернизации. Губернатор голландской колонии Петер Минневит покупает у индейцев за 60 гульденов о. Манхэттен – место расположения будущего Нью-Йорка (1626).

Традиционные общества живут собственной замкнутой жизнью, однако все же не остаются неизменными. Определились две ведущие модели их трансформации, названные спонтанно-органической (она действует при наличии довольно сильного потенциала саморазвития) и принудительно-инверсивной (лат. *inversio* — переворачивание; это наименование отражает факт давления на общество его правителей либо воздействие извне). Первая характерна для развитых обществ Запада, вторая — для современных развивающихся стран. Между вышеназванными полярно противоположными идеальными типами модернизации располагается довольно большая группа стран «поздней индустриализации» (Германия, Италия, Япония, Россия и др.), чье политическое развитие совмещает основные признаки обеих моделей.

Преобразование традиционного общества бывает вызвано различными факторами и причинами — от военных поражений и захватов (в т.ч. для колонизации), иных контактов (торгово-экономических, информационных и др.) с более развитыми государствами до миграционных потоков, привносящих элементы «вестернизации», появления «модернизаторских» элитарных групп, которые состоят из людей, как правило, получивших образование в индустриальных странах. В любом случае из-за неизбежного внутреннего расслоения традиционное общество поднимается на уровень **переходного**. Модернизация политической сферы переходного общества прежде всего связана с процессом социализации, направленным на формирование нарастающей массовой поддержки для складывающегося нации-государства, а также на создание институтов, содействующих расширению участия граждан. Речь идет не только о нынешних странах третьего мира. Показательно, что в течение длительного времени (XIV–XVIII вв.) в переходном состоянии пребывали и многие западные общества, которые обрели статус современного относительно недавно, после завершения первой промышленной революции, т.е. к началу — середине XIX в.

По общему мнению, традиционное и современное общества принципиально отличаются по своим базовым социальным парадигмам. «Типовые переменные» для сравнительного анализа традиционного и современного обществ в начале 1950-х гг. предложил *Парсонс*.

Интерпретация

Авторитетный польский ученый **Петр Штомпка** в книге «Социология социальных изменений» (1993) свел «типичные переменные» Парсонса в наглядную таблицу, позволяющую выделить качественные свойства традиционного и современного обществ.

	Традиционное общество	Современное общество
Уровень отчетливости социальной структуры	Диффузность, т.е. неотчетливый, незакрепленный, само собою разумеющийся характер ролей, групп, социальных отношений	Спецификация, т.е. сформировавшаяся специализация ролей и отношений, четкое разделение труда, обеспечивающие взаимодействие в группах
Основание статуса	Предписание (т.е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям), основанное на наследовании по рождению или родству	Достижение (соотнесенное со статусами, ролями, группами, отношениями), основанное на личных усилиях и заслугах
Критерий рекрутирования	Партикуляризм (т.е. выбор и отношение к партнерам по социальным контактам, равно как и доступ к ролям и группам), основанный на уникальных личных чертах потенциальных кандидатов, которые не относятся непосредственно к выполняемой работе или к характеру групп и взаимоотношений	Универсализм (выбор и отношение к партнерам по социальным взаимосвязям, а также доступ к ролям и группам), базирующийся на общих, категориальных чертах, непосредственно обусловленный задачами и характером групп или отношений
Критерий оценки	Коллективизм, т.е. оценка и восприятие людей связаны с их членством в группах, коллективах, сообществах, племенах. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кто они есть сами по себе	Индивидуализм, т.е. оценка и восприятие людей, сосредоточивающиеся на их индивидуальных действиях. Наиболее важно то, что именно они делают
Роль эмоций	Эмоциональность — вторжение эмоций в социальную жизнь	Нейтральность как подавление эмоциональных проявлений, деловая, рациональная атмосфера социальной жизни

Модернизация и, как следствие, образование основ **современного общества** опираются на нижеуказанные объективные предпосылки.

1. *Приведение к единообразию кодов* внутринационального общения, консолидация территориального, этнического и языкового пространства, создающие благоприятные условия для становления нации-государства и политической системы современного типа.

2. *Осуществление индустриализации*, ведущей к качественным сдвигам в социальной структуре, которые, в свою очередь, служат побудительной причиной осовременивания политической сферы.

3. *Формирование общенационального воспроизводственного комплекса*, функционирующего в режиме самоподдерживающегося роста, подкрепленного объединенной транспортной и информационной инфраструктурами.

4. *Урбанизация* (т.е. превращение общества из преимущественно сельского в городское), которая содействует возникновению городской культуры как образа жизни и стиля поведения, определяющих направленность развития общества.

5. *Повышение социальной и территориальной мобильности населения* в силу утверждения индустриальных форм хозяйственной деятельности и, как следствие, размывание жестких общественных и институциональных связей традиционного типа.

6. *Превращение*, под влиянием вышеобозначенных структурных сдвигов, *политики в одну из сфер самореализации личности*, а индивида — в автономного, самостоятельно мыслящего и действующего субъекта политического процесса, отныне свободного от ограничений замкнутых групп (общин).

7. *Утверждение новых политических институтов*, начинающих функционировать в режиме представительства всего многообразия наличествующих в обществе интересов.

Важно подчеркнуть, что одной из наиболее важных составляющих теории модернизации явилось признание зависимости политического развития от социально-экономического роста.

Обратите внимание

Есть несколько критериев различения современных и традиционных обществ. Один из них — статистический. В книге «Авторитаризм и демократия в развивающихся странах» (1996) показано: доля промышленного сектора в хозяйстве современных обществ достигает 70% и более (против 5–8% в традиционном); налоги формируют от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ ВВП (против 5%); в инвестиции направляется от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ ВВП (против 1–2%). Перепад в доходах высших и низших групп для модер-

низированных обществ не превышает 5–6:1 (для Швеции, например, 4:1), тогда как в традиционных обществах он составляет 15–20:1. Разительны и другие контрасты: в продолжительности жизни — 70–75 лет против 25–30 лет; в охвате населения средним (80–100%) и высшим (более 30%) образованием, квалифицированным медицинским обслуживанием и тем более в реальности доступа к значимым источникам информации. Эти показатели современных обществ просто несопоставимы с условиями жизни в обществах традиционных. Впечатляют различия и в таких критериях осовременивания, как доля городского населения, уровень избирательной активности, расходы государства на сферу социальных услуг и т.д.

Помимо дихотомии (гр. *dichotomia*: *dicha* — на две части; *tome* — сечение) традиционное — современное, разработаны и более подробные классификации обществ. Отдельные последовательные стадии политического развития **Брюсом Рассеттом** (род. 1935) представлены так: 1) традиционные примитивные общества; 2) традиционные цивилизации; 3) переходные общества; 4) общества индустриальных революций; 5) общества высокого уровня массового потребления.

Интерпретация

Еще более детализированной в плане выделения и анализа основных циклов социально-исторического процесса выглядит концепция **Игоря Михайловича Дьяконова** (1915–1999), представленная в книге *«Пути истории. От древнейшего человека до наших дней»* (1994). По его мнению, данный процесс протекает не через 5, как у Маркса, а через 8 фаз: первобытную, первобытнообщинную, раннюю древность, имперскую древность, средневековье, абсолютистскую послесредневековую, капиталистическую и посткапиталистическую.

Вместе с тем, в т.ч. и со стороны самих инициаторов разработки теории модернизации, появилась критика отдельных ее наиболее уязвимых положений: во-первых, «культуроцентризма» (вестернизаторская установка), задающего западные социально-политические и иные ориентиры в качестве критерия оценки направленности и ритма политических изменений в незападных обществах; во-вторых, представления о линейности развития. Правомерность этих важных составляющих теории модернизации была поставлена под сомнение опытом модернизации некоторых обществ, выявившим невозможность объяснить в рамках данной теории самобытный характер политических изменений

во многих незападных регионах мира, а также реальность нелинейного пути развития, в т.ч. цикличность, возвраты, регресс.

Сама жизнь предъявила спрос на новую, *междисциплинарную* теорию, которая интерпретировала бы многовариантность процесса политических изменений. Объективно возникла научная необходимость в разработке обобщенной парадигмы развития. Не так давно появились исследования, основанные на эмпирических показателях, где оно рассматривается как увеличение адаптивных возможностей политической системы, ее умение сохранять пластичность в условиях быстро меняющейся реальности. Такой подход предполагает описание самих процессов, а не их результатов, что расширяет возможности познания феномена политического развития.

1.5. Типы политического изменения

К основным идеальным типам политического изменения в политологии принято относить: политическую реформу, революцию, государственный переворот, реже — реставрацию и частичный либо полный пересмотр (ревизию) конституции.

Под особом углом зрения рассматриваются перемены в мировой политике. В данном случае *мирному урегулированию*, означающему разрешение на наднациональном или межгосударственном уровне конкретных спорных (вплоть до конфликта) вопросов, противопоставляют понятие **мирных изменений**, которое указывает на значительные преобразования в существующем международном порядке. Среди них — изменения в суверенитете над территорией или ее частью (например, деколонизация, наделение автономией, как в случае договоренностей между Израилем и Палестиной, и т.д.); долговременные изменения в силовом балансе (проблема однополярности или многополярности); существенный пересмотр принятых норм и правил, регулирующих поведение государств, их объединений, а также неправительственных организаций в наднациональной сфере (к примеру, структурное и функциональное расширение Североатлантического блока, осуществление проекта создания международных сил безопасности, антитерроризма под началом ООН). В начале XXI столетия одним из важнейших направлений мирных изменений стало политическое и международно-правовое обеспечение тенденций глобализации.

Мирное политическое изменение в рамках нации-государства — это **реформа**. Данный термин отражает прежде всего эволюционный и ненасильственный характер развития политическо-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА (фр. *réforme* от лат. *reformato* — преобразовываю) — изменение, переустройство в способе деятельности и в составе институтов, учреждений, не уничтожающее основ существующей политической структуры. Реформа проводится, как правило, в законодательном порядке и сверху в целях совершенствования способностей политической системы адаптироваться к меняющимся в ходе развития условиям ее функционирования.

РЕВОЛЮЦИЯ (позднелат. *revolutio* — поворот, переворот от *revolvere* — переворачивать) — коренное качественное изменение в развитии чего-либо. Социальная революция — переворот во всей политической и социально-экономической структуре общества. В качестве одной из двух главенствующих форм политического развития революция противопоставляется **ЭВОЛЮЦИИ** (лат. *evolutio* — развертывание) — медленному, постепенному процессу изменений в политической сфере. В современной политологической литературе используются также термины *инволюция* (лат. *involutio* — свертывание) в значении обратного развития и *деволюция* как движение назад, вниз, снижение уровня чего-либо.

го процесса. Способность конкретной политической системы приспособливаться ко все более многообразным интересам и требованиям национального сообщества, новым структурным факторам (экономическим, социальным, в т.ч. этническим, и пр.), учитывать, видоизменяясь, влияния внешней среды обеспечивает ее устойчивость. Самые наглядные примеры реформы — конституционные изменения в исполнительной власти (в правительстве и т.д.), перестройка соотношения сил и влияний в партийной системе или в парламенте. Стабильность какой-либо политики на протяжении значительного времени — отнюдь не признак отсутствия изменений, а свидетельство гибкого и умелого системного реформирования непринудительными методами, предвосхищения проблемных ситуаций, настройки политико-нормативных механизмов на мирные изменения.

Центральным феноменом даже среди основных типов политического изменения является **революция** — коллективный, насильственный и осознанный захват власти какой-либо общественной группой. Кроме того, слово революция может использоваться и в переносном смысле для обозначения мощных тенденций, способствующих коренному преобразованию, перевороту в какой-либо области жизнедеятельности общества (научно-техническая, информационная революции, «революция в искусстве»).

Обратите внимание

Английский политолог *Джон Дани* отмечает, что до 1789 г. (начала Французской революции) ни в одном языке ни одного народа не было слова революция в его современном понимании. Он считает, что это слово восходит к средневековому латинскому существительному, означающему «вращение» (англ. *revolve*). Уже в то время в понятие революции вкладывали смысл чего-то самовозобновляющегося и распространяющегося кругами.

Общего определения понятия революции нет. Словари объясняют его довольно лаконично и нейтрально. Вот пример из французского толкового словаря:

Революция — совокупность исторических событий в рамках национального сообщества, когда группе, поднявшей вооруженное восстание, удастся взять власть и когда в обществе происходят глубокие преобразования (политические, экономические и социальные).

Словарь «Робер»

Исследователи существенно и по-разному расширяют подобные толкования, обращая внимание и на другие характерные аспекты революционного процесса. Марксисты, как и основоположник этого учения, исходят из последовательности общественно-экономических формаций и делают выводы в плане теории развития: революция — качественный скачок на более высокую его ступень. **Штомпка** (см. «Социология социальных изменений») при систематизации объяснений революции разделил их на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции — это фундаментальные и широко распространенные преобразования общества, т.е. акцентируется их глубина и масштаб, и в данном смысле они противопоставляются реформам («неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структурах общества»; **А. Баллок, О. Сталлибрас**). Во вторую группу включены дефиниции, в которых упор делается на насилие, борьбу и скорость изменений, т.е. их «техника», а значит, революция противопоставляется эволюции («фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные быстро и насильственным путем»; **Тед Гурр** (род. 1936). Третья группа сочетает подходы первых двух, что, по мнению Штомпки, наиболее полезно («быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур обществ путем переворотов снизу»; **Тэда Скокпол**). Политологи очевидно сходятся в трех отношениях, указывая на следующие признаки революций: 1) это коренные, всеобъемлющие изменения основ социального порядка; 2) в них действуют большие массы мобилизованных людей; 3) революционный процесс обязательно сопровождается насилием.

Классическими образцами принято считать Французскую революцию 1789–1793 гг., Октябрьскую революцию 1917 г. в России и Китайскую революцию, длившуюся с 1911 по 1949 г. («великие революции»). Славную революцию в Англии 1688 г. сами британцы по традиции называют Английским великим восстанием; показательно, что это «восстание» не привело к радикальным переменам в социально-экономической структуре общества. Кроме вышеотмеченных, в разных странах мира на протяжении последних нескольких веков произошло немало исторических событий, с той или иной степенью научной точности определяемых как революции.

Однако даже так называемые образцовые революции разнятся между собой. Французская революция ввела в политическое сознание невиданный до ее свершения образ «революционера» как актора, осмысленно и планомерно готовящего насильственное ниспровержение существующего режима ради создания на его месте

Шмуэль ЭЙЗЕНШТАДТ (род. 1923) — социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революции и модернизации.

иною строя, основанного на идеях общественного равенства и обеспечения прав человека. Опыт российской и китайской революций впервые в человеческой истории доказал возможность насаждения принципиально новых и долговременных политических систем, защищавших и развивавших идеалы революций. Если принять за критерий определения революции слом старых социально-экономических структур и переход к формированию ранее не известных, то понятно, что основные движущие силы этих политических преобразований («группа, захватившая власть») могут меняться в ходе самого процесса (коммунистические партии в России и в Китае главенствовали в построении постреволюционного социально-экономического базиса, но ведущая роль в разрушении прежних структур принадлежала другим акторам).

Исследователи революций, в частности, такой видный ученый, как *Эйзенштадт*, особо выделяют три черты данного политического изменения: насилие, новизна и всеобщность преобразований. Но не только это, важны еще и духовная составляющая образа революции, осознанность действий акторов.

Революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений. В ней видят предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявление незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста. Особое значение придается утопическому или освободительному идеалу, основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции создают новый и лучший социальный порядок.

Ш. Эйзенштадт, «Революция и преобразование обществ»

ЭЙЗЕНШТАДТ (Eisenstadt), **Шмуэль** (род. 1923, Варшава) — социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революции и модернизации. В 1951 возглавил социологическое отделение Еврейского университета в Иерусалиме; в 1960–1990 преподавал в качестве приглашенного профессора в Гарвардском, Чикагском, Стэнфордском, Венском, Цюрихском и др. университетах, совмещая педагогическую деятельность с научной работой. Неоднократно был удостоен различных наград и научных званий, почетный доктор Гарварда. Сейчас он ведет самостоятельную исследовательскую деятельность.

Автор 15 монографий, среди которых: «От поколения к поколению» (1956); «Имперские политические системы» (1963); «Сравнительные исследования институтов» (1965); «Модернизация: сопротивление и изменение» (1966); «Общество Израиля» (1969); «Традиционный патриимонализм и современный неопатримонализм» (1973); «Традиция, измене-

ние и современность» (1973); «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» (1978); «Европейская цивилизация в сравнительной перспективе. Исследование связей культуры и социальной структуры» (1987); библиографию ученого составляют также многочисленные статьи.

Вклад в развитие политической мысли. В круг научных интересов Эйзенштадта входят: общетеоретические проблемы социологии (человеческая деятельность и факторы ее формирования; социальные группы и институты; социальное регулирование и взаимодействие; соотношение между культурной и политической системами; общества, цивилизации и их динамика; историческая преемственность в развитии и др.); сравнительные исследования (социологические и политологические); концепции социальных изменений и модернизации. Работы ученого по проблематике модернизации способствовали тому, что другие представители социальных наук отказались от прямого противопоставления современного и традиционного обществ, а также заинтересовались изучением традиционных и переходных обществ, кризисных явлений в ходе модернизационных процессов.

Согласно Эйзенштадту, *модернизация* — это набор вызовов (требований), на которые общество должно ответить в ходе своего развития согласно присущим ему принципам, организационным структурам и символам. Значит, итог модернизации — не обязательно усвоение достижений Запада; просто она осуществляется как совокупность изменений в традиционном (переходном) обществе. Одно из проявлений модернизации — движения протеста, которые могут принять характер революций. Для революций современности характерны: 1) связь между различными движениями протеста; 2) их воздействие на политическую борьбу в центре; 3) выраженная идейная основа; 4) наличие самостоятельной структурной организации.

Политическую модернизацию Эйзенштадт определяет как «совокупность процессов, в рамках которых появляются и развиваются новые типы политических требований и организаций», как «потенциальную возможность поддерживать постоянные изменения», что обусловлено развитием ряда общих качеств, причем некоторые «свойственны до-современным системам и часто являются предвестниками и необходимыми условиями модернизации». По мнению ученого, политической модернизации присущи четыре главные особенности: 1) высокий уровень дифференциации политических ролей и институтов, развитость «централизованной и единой политики с определенными задачами и ориентирами»; 2) расширение деятельности центральных административных и политических организаций, их постепенное проникновение во все сферы жизни общества; 3) тенденция к достижению все более широкими группами потенциальной политической власти — фактически любой совершеннолетний член политики может получить власть; 4) ослабление традиционных элит и легитимности власти наряду с ростом ответственности (идеологической и институциональной) правителей перед управляемыми, наделенными потенциальной властью, т.е. способными влиять на принятие решений и формулирование политики. Все эти тенденции связаны «со всевозрастающей гибкостью политической поддержки

1665 г. Лорд-протектор Оливер Кромвель объявляет о роспуске парламента. (Гравюра XVIII в.)

и уменьшением... верности традиционному правителю или группе правителей, ...что заставляет правителей искать у подданных политической поддержки для сохранения своей... власти», а также для проведения политического курса. Результатом этих процессов является участие всех граждан в выборе правителей и определении основных политических целей, в меньшей степени — в формировании политики. Такое участие граждан стало чертой, отличающей современные политические системы от традиционных, так как даже тоталитарные режимы Современности не считают политическую пассивность и традиционную идентичность данностью, не подлежащей ослаблению или разрушению. Перед подобными режимами стоит задача создания некоей институциональной иллюзии власти граждан, реализуемой, в частности, в рамках выборов. Хотя гражданам в таких системах власть не разрешает пользоваться этой потенциальной политической властью, однако она официально признана избирательным правом, потому правящая группа формулирует свою политику, помимо прочего, и в расчете на ее проявления, которые могут нанести ущерб власти данной группы. Более того, тоталитарные и иные недемократические режимы стремятся не столько предотвратить спонтанное возникновение организаций граждан, способных участвовать в политическом процессе, сколько поставить их под свой контроль, манипулировать ими. Разница между современными демократическими, переходными и тоталитарными системами состоит, таким образом, в том, как правящая элита (правители или группа правителей) реагирует на само существование этой власти у граждан и на ее выражения. Эйзенштадт особо подчеркивает, что появление у граждан потенциальной политической власти становится индикатором политической модернизации, однако она может принимать различные формы при сохранении общего содержания.

Интерпретация

К вышеприведенным объяснениям понятия революции следует добавить еще несколько, которые подчеркнул французский политолог **Жан-Луи Кермонн** («Западные политические режимы», 1986). 1) Революция всегда направлена против существующего режима, для того чтобы заменить его во имя противоположной легитимности; она может вылиться в неконтролируемый процесс поэтапного насаждения нестабильных режимов, пока одному из них не удастся установить новое политическое равновесие в обществе (Французская революция начиная с 1789 г.). 2) Революция приводит в движение толпу, которая отождествляет себя со всем народом. 3) Если революционная инициатива принадлежала меньшинству (как в России 1917 г.), то оно заявляет, что действует от лица большинства граждан или угнетенного, но мажоритарного класса.

В политологии используется довольно простая классификация революций. 1) Политические революции на уровне государства; они

ограничиваются внезапной трансформацией институтов, изменяя их легитимизацию (Французские революции 1830 и 1848 гг.). 2) Революции, связанные с преобразованием общества (во Франции в 1789 г., в России в 1917 г., а также в Германии в 1918–1919 гг.); они нередко бывают ускорены военным поражением государства либо прерваны в ходе своего развития. 3) Революции, создающие новое государство (Американская революция 1787 г.); они зачастую являются продуктом распада многонациональной империи или деколонизации (Австро-Венгрия в 1918 г.).

Теперь о результатах революций. Эйзенштадт считает их многосторонними; среди них, судя по его рассуждениям, есть и реальные, и надуманные, приписываемые революции самими ее инициаторами.

Конфликт Наполеона с депутатами Совета пятисот 18 брюмера (1799), завершившийся государственным переворотом, ликвидировавшим режим Директории.

Во-первых, это насильственное изменение существующего политического режима, основ его легитимности и его символики. Во-вторых, замена неспособной политической элиты или правящего класса другими. В-третьих, далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях, — изменения, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе. В-четвертых, радикальный разрыв с прошлым... Считают, в-пятых, что революции осуществляют не только институциональные и организационные преобразования, но и вносят изменения в нравственность и воспитание, что они создают или порождают нового человека.

III. Эйзенштадт, «Революция и преобразование общества»

Государственный переворот — внезапный неконституционный захват власти, незаконная смена правящей элиты в целом (президентства, правительства, персонала управленческих структур), которые не связаны с какими-либо коренными изменениями политического режима, социальных и экономических отношений. Общее для революции и государственного переворота — коллективный и насильственный характер политического действия, а также стремление с помощью пропаганды идеологизировать событие. Различает эти понятия то обстоятельство, что источником государственного переворота обычно бывает заговор, причем организованный внутри самих государственных институтов. У государственного переворота нет иных целей, кроме разрушения легитимности существующей власти, утверждения во главе государства другой

Аугусто ПИНОЧЕТ УГАРТЕ
(род. 1915, Вальпараисо) —
военный и государственный
деятель Чили, в сентябре 1973 г.
возглавивший военный перево-
рот, приведший к свержению
прокоммунистического прави-
тельства Сальвадора Альенде.
За годы правления Пиночета
были убиты более 2000 человек,
пропали без вести более 1000,
пыткам подверглись более 100
тыс., миллион человек содер-
жался в тюрьмах и концлагерях.
Идеологи «авторитарной
модернизации» нередко склонны
оправдывать жестокость
Пиночета, ссылаясь на якобы
имевшее место в результате
переворота «экономическое
чудо».

личности или меньшинства, которое будет удерживать обретенные полномочия силой. Неконституционность переворота заставляет его квалифицировать как политическое изменение, отрицающее правовое государство.

Обратите внимание

Понятие государственного переворота имеет несколько фактических синонимов. *Путч* (нем. Putsch) — это свержение правительства (или попытка) с помощью части армии, группы офицеров. В силу того что большинство случаев переворотов демонстрируют страны Латинской Америки, в политологический словарь вошли также термины «голпе» (исп. golpe — удар) и «пронунсиамьенто» (исп. pronunciamiento — восстание). Но как бы ни именовался государственный переворот на этом континенте, такое политическое изменение почти всегда представляет собой отрицание стабильной формы правления и ведет национальное сообщество к анархии либо к диктатуре.

Вместе с тем, в мировой политической истории отмечены случаи, когда результатом типичного государственного переворота явился процесс создания нового режима. В этом отношении оценка последствий переворота зависит от характера установленного политического режима — авторитарный, тоталитарный либо ориентированный на демократию. Марш Муссолини на Рим в 1922 г. способствовал утверждению тоталитарной диктатуры; переворот 1974 г. в Португалии, напротив, пошатнул дискредитированный авторитаризм, унаследованный страной от диктатора Салазара, и открыл путь «революции гвоздик» — циклу политических изменений, которые в итоге привели к демократии.

Рестаурацией (позднелат. restauratio — восстановление) называют процесс политических изменений, направленных на возрождение способа правления (режима), ранее ниспровергнутого революцией или государственным переворотом. В исторической ретроспективе реставрации чаще всего были реакционными (например, вторичное правление династии Бурбонов во Франции в 1815–1830 гг.); гораздо реже они содействовали установлению более демократического режима («республиканская реставрация» под началом генерала Ш. де Голля в этой же стране в 1945–1947 гг., когда были проведены полезные структурные реформы в политической и социальной сферах).

Пересмотр конституции (полный или в значительной ее части) — еще одна разновидность политических изменений, нередко оцениваемая как реформа. Но между этими понятиями есть отличия. Процедура единовременной ревизии основного закона госу-

дарства используется в качестве политико-юридического инструмента, помогающего начать процесс мирной смены отжившего своего режима. Именно этим способом воспользовался такой мудрый политик, как де Голль, когда в 1958 г. представил на утверждение референдумом совершенно новый конституционный текст, и во Франции была институционализована V Республика — политический режим, существующий, с небольшими модификациями, до сих пор.

Обратите внимание

Инициатором политического изменения любого типа, как правило, выступает меньшинство общества (зачастую — просто малая группа), навязывающее остальным гражданам собственное мнение. Даже в случае революции, мобилизующей массы людей, многие ее участники не в полной мере осознают цели своих действий. Немецкий социолог *Элизабет Нозль-Нойман*, оценивая состояние общества в периоды перемен, писала о «спирали молчания», в которую вынужденно втягиваются все инакомыслящие, не поддерживающие господствующие в данное время взгляды (например, организаторов государственного переворота, деятелей, осуществляющих реставрацию), тогда как большинство, движимое стремлением к самоутверждению (случай революции) либо страхом насилия, реже — самоотчуждения от системы, включается в базу поддержки того или иного политического изменения.

Шарль де ГОЛЛЬ (1890, Лилль – 1970, Коломбе-ле-Дёз-Эглиз) – выдающийся французский государственный, военный и политический деятель.

2. ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

2.1. Смысловое содержание категории Современности / Модерна

Общие понятия политической науки по значению слова отражают наиболее существенные свойства, отношения, явления и процессы мира политики. Задача объяснения категории **Современности**, связанной с так называемым социально-историческим временем, задает немалые семантические (смысловые) и терминологические трудности. Дело в том, что само русское слово *современность* допускает двоякое понимание. С одной стороны, оно выражает идею *одновременности*, совпадения по времени того, о чем идет речь. В таком аспекте правление Ивана Грозного (1547–1584) в части своей оказалось современно властвованию императора Карла V (1519–1556), эти государи были современниками, а 1550-е гг. стали

Анри Бенжамен КОНСТАН ДЕ РЕБЕК (1767, Лозанна – 1830, Париж) – французский публицист и писатель; политический деятель.

их общей современностью. С другой стороны, то же самое слово содержит идею совпадения с ныне текущим временем — то есть с *сим днем*, когда говорят или дают оценку, а значит, с началом XXI в. При расширительном толковании это последнее значение может быть распространено на переживаемую сейчас историческую эпоху, даже если она началась несколько поколений тому назад. Тогда современниками, пожалуй, можно считать далекого пращура Джона Черчилля, герцога Мальборо (1650–1722) и его правнука Уинстона Черчилля (1874–1965).

Новоевропейские языки, казалось бы, разграничивают два основных значения русской «современности», связывая первое из них со словами вроде английского *contemporary*, французского *contemporain* и т.д., а второе — с *modern*, *moderne*. Однако и в этом случае сохраняется известное противоречие между исконным смыслом средневекового латинского *modernus* (от наречия *modo* — только что, сейчас, ныне; недавно; немедленно после — соответственно о настоящем, прошедшем и будущем) и расширительными значениями словоупотреблений сегодняшнего времени. Французскому писателю *Шарлю Перро* (1628–1703) было легко сравнивать достоинства *древних* (*ancien*) и *нынешних* (*moderne*) сочинителей, ибо его литературное поколение как раз и было тем нынешним, которое обратилось к иному языку и творческим принципам, чем предшественники — античные авторы и их подражатели-классицисты. Для *Бенжамена Констана* разграничение между свободой у *древних* и у *современников* стало проблематичнее: век, *современный* ему, и *древние* времена, хотя и обрели множество неодинаковых ликов, но растянулись и как бы синхронизировались по ряду факторов. Он показал, что аналитически (идеальнотипически) они очень существенно отличаются друг от друга, однако в практике Французской революции шло прямое противоборство принципов свободы древней и новой.

КОНСТАН ДЕ РЕБЕК (Constant de Rebecque), **Анри Бенжамен** (1767, Лозанна — 1830, Париж) — французский публицист и писатель, один из создателей европейского психологического романа; политический деятель. В годы Французской революции Констан, либерал и убежденный сторонник республиканской формы правления, занял центристскую позицию, поддерживая умеренных; с приходом Наполеона Бонапарта к власти в 1799 был назначен членом Законодательного трибунала, однако вскоре начал критиковать новый режим и был уволен в 1802. Друг мадам де Сталь. Большую часть эмиграции 1803–1814 находился в Женеве и Веймаре, где познакомился с И.В. Гёте и Ф. Шиллером, видными деятелями европейского романтизма братьями Шлегель. По возвращении во Францию Констан возобновил политическую

деятельность, став одним из самых влиятельных либеральных журналистов; во время 100-дневной реставрации режима Наполеона ему была поручена разработка новой конституции. В 1819 Констан был избран в палату депутатов и в течение 10 лет был видным представителем ее либерального крыла, позже был назначен королем Луи Филиппом председателем Законодательного совета Франции и занимал этот пост вплоть до смерти.

Автор ряда романов и философских трудов, среди которых: автобиографические романы «Адольф» (1816, в центре — аналитика природы человека) и «Сесиль» (опубл. 1951); лекция «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» (1819); «Рассуждения об источниках, формах и развитии религии» (5 тт., 1824–1831 — историческое исследование религии и попытка защиты христианства от нападок энциклопедистов) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Констан — оригинальный теоретик либерализма, выступавший с резкой критикой любого вмешательства властей в частные дела, которые он понимал довольно широко. Его знаменитая лекция (1819) в Королевском атенеуме — одна из первых попыток политико-философского осмысления проблемы Современности, а по содержанию — глубокое сравнительно-историческое политическое исследование. В нем показаны качественные различия свобод и демократии в античных и современных обществах, сделаны выводы о пагубности механического перенесения институтов и принципов древности в современные философу условия, об органической связи прав личности с институтом собственности.

По мнению Констана, для Современности характерны: распространение представительной системы правления, утверждение принципов личной независимости («независимости в частной жизни») и индивидуализма, особое понимание свободы (т.е. право подчиняться одним только законам, высказывать мнение, выбирать себе дело и заниматься им, распоряжаться своей собственностью, право влиять на осуществление власти и т.д.). Свобода в такой трактовке и личная независимость тесно связаны: в основе современной свободы — «мирное пользование личной независимостью», а не постоянное участие в совместном осуществлении власти, как это было у древних. Последнее обстоятельство обусловлено в первую очередь тем, что по мере роста населения старый метод реализации национального суверенитета становится неэффективным: голос одного человека неминуемо растворится в толпе, т.е. не будет услышан. Однако свобода требует определенных гарантий, которые создают общественные институты и обеспечивают законы. Отсюда и один из выводов Констана: институты и «другие элементы социальной организации», выражающие принципы Современности, не могут быть сознательно заменены теми, что были эффективны в древности, даже если последние создают иллюзию обеспечения политической свободы. По мнению философа, первичной является личная независимость, производной от которой и одновременно гарантом служит политическая свобода. Поэтому невозможно требовать отказа или даже ограничения личной свободы во имя свободы политической, поскольку такие требования обязательно приведут к

МОДЕРН (фр. *moderne* — современный) — принятое в новейшей разноразличной гуманитарной литературе наименование эпохи Современности.

утрате свободы вообще. У современной свободы есть инструменты для самозащиты; первейший из них — богатство, ослабляющее или сводящее на нет могущество правительства.

Но и свободе современного типа все равно угрожают многие опасности, среди которых Констан выделял чрезмерную поглощенность личными делами, эгоизм, корысть, ведущие к отказу от права на «участие в осуществлении политической власти», чем обычно и пользуются ее носители. Мыслитель подчеркивал: при всей важности личной свободы люди не должны ею злоупотреблять и отказываться от политической свободы, которая служит противовесом могуществу властей, «самым решительным средством совершенствования». Парадокс Современности, собственно, и состоит в том, что личная независимость и политическая свобода, имеющие, на первый взгляд, различные цели, взаимосвязаны. Игнорировать эту связь недопустимо, равно как и недопустимо злоупотреблять одной из свобод.

Задача определения совпадения времен в социально-историческом ракурсе становится гораздо сложнее на рубеже второго и третьего тысячелетий. Можно ли признать *современниками* 16-го президента США Авраама Линкольна (1861–1865) и Джорджа Буша-мл., американского президента с 2001 г.; есть ли общее для них *ныне*, т.е. в настоящее время? Это *ныне* предстает особенно проблематичным в случае политико-антропологического сравнения цивилизаций, развивающихся на индустриальном и постиндустриальном экономическом базисе (например, Европы и Северной Америки), и сообществ, проживающих в Африке или на островах Тихого океана. Известно, что эволюция различных цивилизационно-культурных зон осуществляется в их собственных ритмах и динамике, которые отнюдь не синхронизованы. Кроме того, в условиях переноса стандартов и норм современности одной цивилизационной зоны в иное культурное пространство (с отличающимися правилами поведения, образом жизни) зачастую никак нельзя признать современниками не только дедов и внуков, но даже отцов и детей, живущих в одном доме.

Проблема упрощается, как будто, при использовании в отечественной политической науке термина **Модерн**. В определенных отношениях он полезен, однако возникают некоторые трудности в соотнесении русского словопонятия *современность* и иностранного *модерн*. Сверх того, многозначность (полисемантичность) понятия Модерна, эстетические ассоциации, привязывающие к искусству и архитектуре, культуре в целом, осложняют его использование в политологическом контексте. Само содержание слов Модерн и модерность функционально ограничено тем, что они воспринимаются в виде стилистических явлений, тогда как политологам не-

обходим четкий, наполненный смыслом эквивалент понятию исторической эпохи Современности, т.е. периоду времени в политическом развитии, отличающемуся характерными особенностями.

Наконец, следует учесть и технологическую коннотацию (т.е. дополнительное, сопутствующее значение) понятия *модернизации* и производных от него (модернизировать, модернизированный), связанную с представлениями о неких производственных новшествах и о сугубо техническом процессе улучшения.

2.2. Предпосылки и факторы политической модернизации

Неясность и многозначность самих словопонятий Модерн (как эпоха) и **модернизация** (как один из наиболее распространенных в мире вариантов процесса развития) затрудняют выработку *критериев* их определения и применения в политологических исследованиях. Стилиевые критерии явно не подходят. Для человека из общества, едва приступившего к модернизации, просто подражать поведению, да еще и политическому, уже давно «модернизированных» голландцев, англичан, американцев, с недавних пор японцев бессмысленно, порой даже контрпродуктивно. Вместе с тем, модернизирующиеся социумы заимствуют многие элементы массовой культуры, например, у индустриальных обществ. В гуманитарных науках явления такого рода именуют *демонстрационным эффектом*, указывающим на то, что в подвергающихся модернизации обществах субъективные качества, потребности и желания людей «осовремениваются» быстрее, нежели объективные, прежде всего экономические и социально-политические, основы их жизнедеятельности.

Осмысление сущности Модерна может быть, вероятно, облегчено за счет использования самой «неокончательной», доопределяющейся логики, поразительного разнообразия и изменчивости этой эпохи. Дело состоит в том, чтобы уловить смысл переходов от одного момента модернизации к ее последующей стадии. Иными словами, адекватная модель современной политической организации, а тем более модернизации, должна по сути быть динамичной, способной к конструктивному усвоению новшеств. Это верно оценил один из пионеров изучения модернизации, американский ученый **Сирил Блэк** (род. 1915), который так и назвал свой труд — «*Динамика модернизации: очерки сравнительной истории*» (1966). Предложенная Блэком схема отличается, однако, смещением экономических, политических, социетальных и культурных факторов модернизации, а также несколько прямолинейной технологичностью.

МОДЕРНИЗАЦИЯ — процесс быстро увеличивающегося контроля над природой с помощью тесного сотрудничества между людьми. Он включает в себя интеллектуальную (в т.ч. рационализация и секуляризация), технологическую (индустриализация, урбанизация и т.д.), социальную (дифференциация общественных групп и пр.) революции (определение принадлежит Д. Растоу).

Ключевые отрасли (металлургия и машиностроение) возглавляют процесс индустриализации и развития других отраслей.

Завод Фридриха Круппа в Эссене. Фото, 1864.

Для понимания причинно-следственных связей модернизации необходимо определить характер эпохи Современности/Модерна.

Политологи уже вполне обоснованно выделили общие черты, или организующие принципы, Современности, которые обобщил **Штомпка**.

1. **Индивидуализм**. В обществе окончательно утверждается центральная роль индивида, освобождающегося от обязательных групповых связей, по своему усмотрению выбирающего социальный коллектив, самостоятельно определяющего свои действия и несущего личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи.

2. **Дифференциация**. Эта характеристика свойственна сферам труда и услуг, где возникает множество новых специализированных занятий и профессий, требующих высокого уровня образования, компетентности и опыта.

3. **Рациональность**. Данный принцип деятельности активно влияет на государственное управление, освобожденную от элементов традиционализма бюрократию в целом. Важнейшая роль в обществе принадлежит науке как средству познания и инструменту преобразования действительности.

4. **Экономизм**. Экономика превращается в доминирующую сферу жизни общества, определяющую динамику других областей общественных отношений и выступающую основным регулятором социально-политических процессов.

5. **Экспансия**, т.е. способность процессов и отношений современного типа распространяться и подчинять своим закономерностям отставшие в развитии страны периферии мировой системы.

За четыре последних десятилетия появилось множество концепций **политической модернизации** и моделей изменений, ведущих к становлению современных демократических политий. Интерес к их разработке как бы накатывал волнами: то обострялся, то падал. Определенные версии теории модернизации оказались непригодными для объяснения реальности. Именно это обстоятельство и востребовало новые подходы и к политическому развитию в самом широком смысле, и к политической модернизации как той реальности, которая отхватила почти весь мир — во всяком случае на протяжении прошлого столетия и в начале нынешнего. Наряду с исследованиями последнего времени, существуют и более ранние труды, которые останутся фундаментальным источником познания феноменов развития и политической модернизации. Даже среди них особо выделяются теоретические разработки **Уолта Ростоу**, схемы которого применяются при рассмотрении без малого всех проблем Современности, связанных с развитием.

РОСТОУ (Rostow), **Уолт** (род. 1916, Нью-Йорк) — американский экономист и государственный деятель. Преподавал в ведущих американских и британских университетах. На госслужбе занимал весьма высокие посты в госдепартаменте, в т.ч. был консультантом председателя его совета политического планирования (1961–1966; приглашен на этот пост Дж. Кеннеди), помощником по вопросам национальной безопасности президента Л. Джонсона (1966–1969). Влияние Ростоу на внешнюю политику США в 1960-е гг. неоспоримо. Был сторонником военного вмешательства во Вьетнаме. Награжден высокими государственными наградами Великобритании и США. В настоящее время Ростоу преподает в университете шт. Техас (профессор экономики и истории).

Автор ряда работ, среди которых: «Процесс экономического роста» (1952); «Динамика советского общества» (1953); «Американская политика в Азии» (1955, соавт. Р. Хэтч); «Ключ к эффективной внешней политике» (1957, соавт. М. Милликан); «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960); «Политика и стадии экономического роста» (1971); «Как все началось: истоки современной экономики» (1975); «Мировая экономика. История и планы на будущее» (1978); «Теоретики экономического роста от Дэвида Юма до наших дней» (1990); «Великий популяционный пик и что за ним последует: Размышления о XXI веке» (1998) и др.

Вклад в развитие политической мысли. В сфере научных интересов Ростоу — проблемы экономической теории, в частности экономический рост, развитие и устойчивое развитие (англ. *sustained development*), политэкономии и экономической истории развитых и развивающихся стран. Вместе с тем, он занимается и исследованиями, относящимися к теории модернизации, которые внимательно учитывают политологи. С учетом своей непосредственной вовлеченности в разработку и осуществление внешней политики США Ростоу анализировал не только практические вопросы международных отношений в период холодной войны, но и проблемы теории и истории мировой политики. Однако наибольшую известность Ростоу принесли его интеллектуальное соавторство в обосновании концепций *индустриального общества*, стадий экономического роста, а также распространение модернизационных идей в академической и в политико-управленческой среде.

Концепция *стадий экономического роста* Ростоу — это экономическая разновидность классических моделей модернизации в духе линейной теории развития, основанной на видении прогресса как поступательного процесса движения в направлении более высокого уровня равновесия. Согласно линейной логике развития, данное положение *универсально* для любого общества; соответственно, в современных условиях отсталые страны находятся на более ранних этапах развития, уже пройденных индустриальными странами. По Ростоу, каждое общество вне зависимости от каких бы то ни было исключений и ограничений, связанных с национальной, географической и т.п. спецификой, проходит 5 стадий экономического роста (эволюции). 1 стадия — *традиционное общество*, характеризуемое наличием неэффективной, малопродуктивной «традиционной»/аграрной экономики с такими ведущими отраслями, как сельское хозяйство и добывающая промышленность,

Уолт РОСТОУ (род. 1916, Нью-Йорк) — американский экономист и государственный деятель.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ (позднелат. *saecularis* — мирский, светский; дословно — обмирщение) — 1) обращение церковной собственности (в основном земли) в светскую, широко практиковавшееся во времена Реформации, что экономически подрывало политическое господство церкви; 2) совокупность процессов, охватывающих культуру общества в целом, а также повседневную жизнь социальных групп и отдельных индивидов и ведущих к уменьшению значимости магических, религиозных верований, ценностей и норм, которые замещаются идеями и правилами, подлежащими обязательному обоснованию рациональными аргументами, что способствует росту авторитета науки, а за ней закрепляется функция достижения «истинного», объективного знания.

Секуляризация ведет к «расколдованию мира», т.е. совершается переход к иным, преимущественно рациональным, способам объяснения реальности, к потере церковью многих рычагов социального контроля, к религиозному плюрализму и его институциональному закреплению (например, в виде законодательства о свободе вероисповедания), к официальному отделению церкви от государства и превращению веры в личное дело граждан. В ходе секуляризации уменьшается ➔

основанными на примитивных технологиях и неквалифицированном труде. В традиционном обществе — иерархическая социальная система, а власть сконцентрирована у землевладельцев. 2 стадия — *предпосылки для перехода-сдвига к устойчивому росту* (англ. *preconditions for take-off into self sustaining growth*). В условиях этого переходного общества появляются социальная («новые типы предприимчивых людей»), политическая (централизованное государство) и экономическая инфраструктуры; с внедрением новых технологий увеличивается производительность сельского хозяйства, что высвобождает капиталовложения и рабочую силу для развития промышленности. 3 стадия — это так называемый *переход-сдвиг* (англ. *take-off*); она отличается быстрым ростом промышленности, чья производительность увеличивается за счет внедрения новых технологий (промышленная революция). Ключевые отрасли (металлургия и машиностроение) возглавляют процесс индустриализации и развития других отраслей. 4 стадия — это *приближение к зрелости* (англ. *the drive to maturity*), для которой характерны появление сферы услуг, быстрый рост новых отраслей промышленности (помимо базовых) на фоне высоких уровней капиталовложений и урбанизации (до 60–90%), повышение доли высококвалифицированного труда в воспроизводственном процессе и т.п. Финальная 5 стадия — *эра высокого массового потребления* (англ. *the age of high mass consumption*), когда промышленность переходит к производству товаров массового потребления для удовлетворения спроса «общества массового потребления», уменьшается доля продукции для промышленности (т.е. товаров для базовых отраслей), более сбалансированно распределяются доходы и доминирует сфера услуг.

Вышеописанная концепция, предложенная ученым в книге «*Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест*», явилась попыткой критически переосмыслить марксистское представление об общественно-экономических формациях и стала важным теоретическим компонентом обоснования политического курса США и их союзников в отношении проблем развития третьего мира, представлявшим реальную альтернативу коммунистической теории деколонизации и в целом советской модели модернизации. Росту сделал ряд важных в плане практической политики рекомендаций: процесс модернизации обретших независимость стран третьего мира сопровождается перемещением значительного числа людей (например, из деревень в города), что вызывает рост общей неопределенности и напряженности из-за разрушения традиционного уклада жизни и маргинализации массовых слоев населения, повышающих нагрузку на политическую систему. Данное обстоятельство создает условия для успешной деятельности антиправительственных (чаще всего прокоммунистических) сил, поэтому США и их союзники должны оказать поддержку дружественным им режимам прямым военным вмешательством против местных коммунистов («падальщики процесса модернизации») и — главное — помощью в модернизации экономики и в подготовке хозяйства к органичному вхождению в режим свободной мировой торговли. Ученый подчеркивал: в этих странах основную ставку следует делать на военных в качестве носителей и гарантов модернизации, тогда как демократия и политическое развитие в целом «могут подождать».

По форме и содержанию концепция Ростоу представляет модернизацию в виде универсального процесса, неизбежно мыслимого как американизация. Следует отметить, что он сознавал *высокую цену* процесса модернизации (обращаясь и к истории России — СССР), однако не видел ему приемлемой альтернативы.

➤ значение конфессиональной принадлежности и религиозных статусов в социуме, ослабляются традиционные связи, растет индивидуализм и т.д.

От традиционного к современному состоянию образцово модернизированный сегодня Запад двигался долго и неспешно, примерно с начала XIV в., после «сумерек Средневековья», по конец XVIII в., когда процесс роста индустриального способа производства стал необратимым. Эти пять веков вместили в себя многие политически значимые процессы. В частности, развитие общества выразилось в расслоении дотоле слитных (синкретических) общественных отношений, внутри которых постепенно оформились в качестве автономных пространств жизнедеятельности человека экономика, политика, право, культура и религия. Диверсификация не разрушила общество. Напротив, сложилась целостность более высокого порядка, что показало: система, которой имманентна (лат. *immanens* — свойственный; внутренне присущий) способность к непрерывному самообновлению, является высокочувствительной к инновациям культурного, экономического, технико-технологического и политического порядка. Таким образом, к началу XIX в. в большей части Европы сформировались основы индустриального общества, и его базовым действующим субъектом стал человек современный, в поведенческую программу которого вошли суверенные действия, направляемые самостоятельной оценкой ситуации и рациональным учетом собственных интересов.

Первый момент только зачинавшейся модернизации состоял в **секуляризации**. Прежнее положение, когда сакральная вертикаль европейского мироустройства была единая для всех граждан *Respublica Christiana* (лат. буквально — Христианская Республика), что утверждалось католической (вселенской) церковью, сменяется новым, когда отдельные властители вроде английского Генриха VIII (1491–1547), различные секты и стоявшие за ними сообщества и даже индивиды (в наиболее радикальных случаях Реформации XVI в.) начали сами брать на себя право интерпретировать смысл Священного Писания и основания политического порядка.

Секуляризация — сложный процесс: наряду с обмирщением индивидуального сознания появляются «заменители» религиозности в виде нетрадиционных верований и культов, мистицизма, оккультизма. Она может содействовать подъему религиозного фундаментализма: праворадикальные евангелические движения в США, исламский фундаментализм, религиозный ревайвализм (возрожде-

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (лат. rationalis — разумный) — 1) исторический процесс, ведущий к утверждению в экономической, политической и других сферах жизни общества организаций и правил, исходящих из абстрактных процедур и принципов; проявления рационализации (по Веберу) — наука, основанная на точном знании, технология и профессиональная бюрократия; 2) процесс повышения эффективности функционирования организаций, процедур и т.д. путем их продуманной перестройки.

Источник рационализации — признание приоритета разума человека как в познании, так и в практической деятельности над верованиями, традициями, установлениями, чувствами и т.п.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ (лат. constitutio — установление) — процесс обретения государственными институтами конституционных (т.е. легально-рациональных, установленных главным законом государства) оснований, обеспечивающих их деятельность в соответствии с закрепленными законом (реже — традициями) правилами и процедурами.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ — 1) принцип строго соблюдения буквы и духа основного закона (конституции) или совокупности самых важных законов ➔

ние) в странах Азии. Падение авторитета религий вызывает ослабление норм и традиций, лежащих в основе социальной и личностной организации, духовные и социальные кризисы.

Более продвинутой фазой секуляризации (и следующим моментом модернизации) стала **рационализация**: замещение всемогущего Всевышнего столь же универсальным и всесильным Разумом — источником и венцом всяческого бытия. Секуляризация, обратившаяся рационализацией, дала, таким образом, импульс демистификации (расколдованию) мироустройства, а с ним и политического порядка.

Интерпретация

Яркий образ, который стал ключом для понимания «замены» Бога Разумом, был предложен **Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем** в предисловии к «*Философии права*», изобразившим «разум как розу на кресте современности». Превращение креста католической церкви и европейской Respublica Christiana в крест Современности влечет замену фигуры Сына Божия абстрактным понятием Разума. При этом роза в качестве символа блаженства, полноты и совершенства служит выражением абсолютности, завершенности и сокровенности как Бога, так и Разума. Для Гегеля преодоление разрыва «между разумом как сознающим себя духом и разумом как наличной действительностью» составляло смысл политического прогресса, который именно Современность в состоянии явить миру.

Разрешение конфликтов между структурами абсолютного государства и «своевольного» гражданского общества начало осуществляться в рамках нового процесса — **конституционализации**. После того как нормативный порядок западнохристианской цивилизации распался на части, которые были присвоены (приватизированы) каждой чувствующей себя самостоятельной личностью, умножены и переработаны структурами возникавших государств и гражданских обществ, общее европейское нормативное наследие воспроизводится заново в виде правового порядка каждой из национальных территориальных политий, а также европейской международной системы. Новый порядок основывается уже не на авторитете Всевышнего и сотворенной им сакральной вертикали власти, а на разумно-прозаических основаниях, которые слагаются из переосмысленных фрагментов цивилизационного наследия.

Эта сторона дела была гораздо яснее людям, вовлеченным в *формирование* конституций, чем их далеким потомкам, склонным замечать лишь *результат*, точнее, его форму — писанный текст. Лидер английских консерваторов, заметный политический мысли-

тель *Генри Сент-Джон, лорд Болингброк* в своем знаменитом «*Рассуждении о партиях*» очень точно определил конституцию как «соединение законов, институтов и обычаев, проистекающих из определенных принципов разума и направленных на некие установленные цели общего блага, образующее цельную систему, в соответствии с которой данное сообщество согласилось быть управляемым». Рациональная в своей основе и ориентированная на общее благо система норм только тогда становится конституцией, когда она способна обеспечивать главное: согласие сообщества на то, чтобы им управлял некий суверен (носитель верховной власти). Таким образом, конституция оказывается пактом особого рода, который предполагает неизменное согласие между монополизировавшим насилие суверенным территориальным государством и освобожденным от насилия гражданским обществом, а такое согласие опирается на естественное право (права человека) и на общественный договор (контрактные отношения).

Болезненный конфликт между двумя противоположными по своей сущности образованиями — абсолютистским государством и гражданским обществом — несколько раз выливался в так называемые *ранние буржуазные революции*. Фактически это были революции ранней политической модернизации. Конфликт подобного рода преодолевался посредством конституций и конституционализма. Благодаря им и дисциплинирующие устремления государства, и своевольные порывы гражданского общества оказывались в равной мере ограничены и увязаны друг с другом. Конституционная, или ограниченная, монархия в европейских условиях явилась первой завершенной формой современного политического устройства.

Результату ранней модернизации — конституции как рационализованной структурной основы политического порядка — в известной мере отвечает исходный момент средней фазы модернизации — **нациообразование** как самовыражение единства новых политических сообществ.

С тех пор в политической сфере власть в целом и структуры управления начали обретать и развивать свои функции. Это предполагало учреждение разного рода государственных институтов и служб — внутриполитических и внешнеполитических, все более отчетливо дифференцировавшихся и вписывавшихся в предзаданные еще ранним Модерном рамки суверенного территориального государства.

В сфере гражданского общества появились процессы, которые можно обобщить в понятии плюрализации — его структурирование, выделение различных по типу и по характеру интересов и их организация. Под организацией интересов при этом понима-

➤ государства, обладающих высшей юридической силой, конституционных процедур и установлений; порядок, при котором обеспечивается власть закона, т.е. государственные органы действуют не произвольно, а в соответствии с правовыми предписаниями; 2) направление политической мысли, отстаивающее власть закона в качестве главенствующих принципа и инструмента политического властвования.

Англосаксонская политическая традиция ставит знак равенства между конституционализмом и конституционной системой правления, центральными элементами которой являются: процедурная стабильность (основные процедуры и правила, включая права человека, неприкосновенны, т.е. не могут быть изменены или отменены); ответственность (подотчетность) правительства перед избирателями; представительный характер власти; разделение властей и полномочий; открытость политики.

НАЦИОБРАЗОВАНИЕ

— исторический процесс, связанный с появлением и развитием нации-государства как особого типа государственности: правительство осуществляет всю полноту суверенной власти в пределах определенной территории; граждане осознают свою принадлежность к единой нации, проживающей на данных землях.

ется их последовательная идентификация, агрегация, артикуляция и реализация, получавшие соответствующее институциональное оформление.

Тогдашняя жесткость государственной функциональной инфраструктуры, равно как и отчужденность от граждан, а то и засекреченность внешнеполитического ведомства, входили в противоречие с динамичностью организации интересов как в национальных, так и в международных масштабах. Необходимо было снять возникавшие напряжения, конструктивно их преодолеть. Выход был найден в *репрезентации* — постоянном обеспечении ответственности общеполитических решений и курсов, их соотнесенности с частными интересами и целями специализированных институтов государственной власти.

Во внутриполитическом аспекте осуществление данной эволюционной задачи было связано с образованием национальных систем представительного правления, что предполагало, помимо запуска механизмов выборов и представительства (делегирования власти), также создание соревнующихся за контроль над государственной властью партий и других влияющих на власть институтов-посредников (от массовых движений до лоббистских организаций). Все это позволяло рационализировать процессы гражданского участия в принятии и осуществлении решений, обеспечить ответственную разработку внутренней и внешней политики.

Во внешнем, международном аспекте с введением в действие принципа репрезентации нормы международного права (итог раннего Модерна) были уточнены и дополнены правилами дипломатического представления, а тем самым и согласования политических курсов. С тех пор международная политика утратила свою стихийность, которую она демонстрировала во времена, например, подготовки Вестфальского мира (1648) или Утрехтского мира (1713), становясь все более регулируемой дипломатическими методами, что проявилось в движении от Венской системы (заложена в 1814-1815) к созданию Лиги Наций (1919).

2.3. Примеры влиятельных концепций модернизации политической сферы

Некоторые политологи используют понятия политического развития и модернизации в эпоху Современности почти как синонимы, руководствуясь их общей неопределенностью либо смысловым многообразием. Среди них — *Данкварт Растоу* (1925–1996). В модели политической модернизации Растоу прежде всего выделены три ее ключевые цели: 1) национальное единство; 2) стабильная

власть; 3) равенство. Наиболее приемлемыми вариантами модернизационных преобразований он считал пути $2 > 1 > 3$ или $1 > 2 > 3$. Как раз эти две схемы и удалось осуществить большинству государств. Согласно Растоу, равенства следует добиваться не ранее достижения национального единства и устойчивости власти, ибо при отсутствии одного из этих компонентов (в случае декларации равенства) велика вероятность распада политического режима и последующей анархии. Без усовершенствованной системы властвования невозможно полноценное разделение труда, а значит, равенство будет установлено в самом примитивном виде, что непременно вызовет протест в обществе. Если политическая идентификация и базис властной системы могут складываться еще в условиях традиционного социума, то политическое участие и равенство — неотъемлемые характеристики модернизированного общества, причем переход к массовому участию длится несколько поколений. Ускоренная, особенно форсированная властью, модернизация способна вызвать завышенные ожидания людей и привести в итоге к революции или реставрации.

Модернизация представляет собой соединение западных (вестернизация) и традиционных влияний... Одновременно с известными преимуществами она приносит с собой опасности и лишения... Последствия модернизации не определены в моральном плане.

Д. Растоу, «О мире наций»

Высокий научный авторитет завоевала теория политической модернизации *Хантингтона*, которая определена им как процесс, включающий: 1) рационализацию власти; 2) дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур; 3) повышение уровня политического участия. По критерию очередности достижения этих целей ученый выделил три модели модернизации. В континентально-европейском модернизационном процессе преобладали рационализация власти и дифференциация структур. Зарождение современного государства сопровождалось ослаблением аристократии, становлением новых социальных групп, ростом и усилением рационализированной бюрократии, появлением армии нового типа. Преданность церкви и династической монархии уступила место лояльности к государству. Британская институциональная модернизация была во многом схожа с континентальной и характеризовалась переподчинением гражданина государству вместо церкви, централизацией власти, увеличением численности и расширением влияния бюрократии, созданием постоянной

*Сэмюэл ХАНТИНГТОН
(род. 1927, Нью-Йорк) – видный
американский политолог,
специализирующийся в сферах
сравнительных исследований,
теорий цивилизаций
и политического развития.*

армии. Однако, в отличие от процесса на континенте, централизацию власти олицетворял и осуществлял парламент, а не институт монархии. США воспроизвели у себя британские политические институты образца XVI в. и сохранили к ним уважение, а модернизация свелась к росту политического участия. Строение американской политической системы Хантингтон назвал «уникальным античным анахронизмом» в эпоху Современности, которой свойственны рациональная власть, централизованная бюрократия и тоталитарные диктатуры.

ХАНТИНГТОН (Huntington), Сэмюэл (род. 1927, Нью-Йорк) — видный американский политолог, специализирующийся в сферах сравнительных исследований, теорий цивилизаций и политического развития; эксперт по внешнеполитической стратегии и национальной безопасности США. Его научная деятельность характеризуется плодотворным сочетанием преподавания в ведущих университетах США (например, в Гарварде) и прикладной и общетеоретической аналитики по широкому спектру политических и военных проблем. Кроме того, Хантингтон занимал посты координатора по планированию при Совете национальной безопасности в администрации Дж. Картера (1977–1978); исполнительного директора, затем директора Центра международных исследований при Гарвардском университете (1975–1976, 1978–1989). Он был избран вице-президентом (1984–1989) Американской ассоциации политических наук, а в 1985–1987 — ее президентом. В 1970 Хантингтон основал журнал «Foreign Policy» и был одним из его главных редакторов. Неоднократно удостоен премий в области журналистики и политических исследований. С 1989 и по настоящее время — директор Института стратегических исследований им. Дж. Олина; состоит действительным членом Американской академии наук и искусств (с 1965).

Автор многих работ: «Солдат и государство: теория и политические аспекты гражданско-военных отношений» (1957, ряд переизд.); «Совместная оборона: стратегические программы в национальной политике» (1961); «Изменение моделей военной политики» (1962); «Политическая власть: США — СССР» (1964, соавт. З. Бжезинский); «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968); «Авторитаризм в политике современных обществ: динамика развитых однопартийных систем» (1970); «Трудный выбор: политическое участие в развивающихся странах» (1976); «Американская политика: неизбежность дисгармонии» (1981); «Дилеммы мировой политики» (1985); «Реформирование американской оборонной сферы» (1985); «Политическое развитие» (1986); «Третья волна: демократизация в конце XX века» (1991); «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) и др. Кроме того, Хантингтон — соавтор и редактор более 10 книг и докладов, среди которых выделяется доклад «Кризис демократии» (1975, соавт. М. Крозье, Й. Ватануки), подготовленный для международной Трехсторонней комиссии.

Вклад в развитие политической мысли. Помимо вышеуказанного, в круг научных интересов Хантингтона входят общие проблемы

демократии, демократизации и модернизации, международные отношения; его работы в этих областях — выражение новейших подходов к изучению политики.

В статье «*Политическое развитие и политический упадок*» (1965) и затем в книге «*Политический порядок в изменяющихся обществах*» Хантингтон предложил различать концепты *политической модернизации* и *политического развития*, отделив их от *социально-экономической модернизации*. Отождествляя политическое развитие с «институционализацией политических организаций и процедур», а политическую модернизацию — с массовой мобилизацией и расширением политического участия, он выдвинул предположение о том, что быстрая модернизация оказывает негативное воздействие на институты и ведет к их упадку. В основе данной гипотезы лежит позитивное представление о политической стабильности, рассматриваемой в качестве абсолютной цели и источника легитимности политических институтов и существующего порядка вне зависимости от задействованных интересов и характера режима.

Социоэкономическая модернизация — «это процесс, ведущий к *однородности*», порождающий «тенденцию к сродству» современных обществ из-за появления у них «одинакового набора основных качеств» в результате урбанизации, индустриализации, распространения грамотности, появления СМИ и т.п.; она создает предпосылки для политической модернизации и развития. Социоэкономическая «модернизация приводит в значительной мере к росту числа и многообразия социальных сил в обществе», т.е. социальная структура усложняется: помимо религиозных и этнических групп, свойственных традиционным обществам, возникают профессиональные, классовые и т.п. группы. В традиционном обществе наблюдается «простое политическое единство», часто имеющее «чисто этническую, религиозную или профессиональную основу», для поддержания которого не требуется наличия высокоразвитых политических институтов. Однако чем более сложным и разнородным становится в ходе модернизации общество, тем в большей мере оно зависит от эффективного функционирования политических институтов, острый дефицит которых испытывает большинство модернизирующихся обществ. Отсюда вывод Хантингтона о том, что *быстрая* социально-экономическая модернизация порождает политическую нестабильность и упадок в сфере политики.

Под *политической модернизацией* Хантингтон понимает прежде всего массовую мобилизацию и развитие политического сознания и участия, которые порождают в итоге нестабильность. Он принимает и другие общие формулировки модернизации, при этом подчеркивая такие ее элементы, как: *рационализация* власти (в результате секуляризации, ослабления традиционных лояльностей, интеграции и централизации появляется собственно политическая власть, в обществе утверждается единый властный центр, обладающий суверенитетом); дифференциация новых политических функций и возникновение специализированных структур для их осуществления; массовое политическое участие и учреждение новых политических институтов для его организации. Политическая модернизация может быть инициирована не только эко-

номическими изменениями, но и интенсификацией социальных коммуникаций, повышением уровня грамотности и т.п.

Определяя институты как «стабильные, высоко оцениваемые, повторяющиеся модели поведения», институционализацию как «процесс приобретения организациями и процедурами стабильности и ценности» и *политическое развитие* как создание сложных и автономных политических институтов, Хантингтон предлагает четыре переменных для определения уровня институционализации организаций, процедур и политических систем: *способность к адаптации* (англ. adaptability; функциональная и к вызовам среды), *сложность* (англ. complexity; определяется наличием различных элементов, подсистем и функций и в итоге поддерживает стабильность), *автономия* (англ. autonomy; автономия политической сферы — атрибут развитой политической системы, способной обеспечить вхождение новых групп в политику по определенным правилам; ее отсутствие или преобладание неполитических средств и методов в политике оборачивается коррупцией), *целостность* (англ. coherence). Результатами низкого уровня автономии и целостности являются государственные перевороты и частое вмешательство военных в политику. Атрибут высокоразвитого общества — политические институты, способные «выражать общественные интересы», причем партия есть ключевой институт современной политики. Отсюда — практические рекомендации американскому правительству сосредоточить усилия на поддержке некоммунистического партстроительства в модернизирующихся обществах.

Уровень развития любой политической системы зависит от *соотношения* между политической институционализацией и политическим участием. Из этого Хантингтон делает заключение, что страны главным образом различаются не формами правления, а степенью управляемости и ее источниками. Собственно в плане управления и СССР и США имеют немного фундаментальных различий, поскольку их политические системы, являющиеся достаточно управляемыми, относятся к категории сильных, так как высокие уровни политической институционализации и политического участия находятся в динамическом балансе.

Для демонстрации соотношения политической модернизации и развития, а также их зависимости от социально-экономических процессов Хантингтон выстраивает следующую схему: 1) увеличение социальной мобилизации по сравнению с экономическим развитием ведет к ситуации разочарования вследствие завышенных социальных ожиданий (фрустрации); 2) возрастание социальной фрустрации по сравнению с реальными возможностями мобильности приводят к политизации граждан и, в результате, к росту политического участия; 3) запаздывание политической институционализации, ее несоответствие уровню политического участия означает политическую нестабильность. Таким образом, если темпы социальной мобилизации и расширения политического участия высоки (результат политической модернизации), а темпы политической организации и институционализации (показатели политического развития) низки, то итогом станут всеобщее насилие и нестабильность. Отсюда вывод о том, что сознательное или спонтанное увеличение участия необходимо ограничивать различными средствами и/

или канализировать его в партийное русло. Наоборот, более высокая стадия развития характеризуется другим выбором: расширение политического участия или экономический рост (соответственно, и две модели развития: популистская и технократическая). *Популистская модель* акцентирует увеличение возможностей политического участия, которое сопровождается мероприятиями по обеспечению экономического равенства (путем перераспределения), что может вызвать ухудшение параметров экономического роста. Популистская модель развития в результате резкого роста участия может привести к разного рода гражданским столкновениям. *Технократическая модель* определяется целенаправленным снижением уровня политического участия граждан, увеличением количества инвестиций, высокими темпами экономического роста и неравенством в доходах, что приводит к поляризации общества, которая выльется в резкое повышение внеинституционального участия граждан, следствием чего могут стать масштабные социальные потрясения.

Весьма актуальной представляется идея *Уильяма Корнхаузера* («Политика в массовом обществе», 1959), к которой обращается Хантингтон для демонстрации последствий политической модернизации в виде резкого перехода к демократии: «Там, где существовавший политический режим высоко авторитарен, его быстрая и насильственная замена демократическим режимом весьма благоприятствует появлению массовых экстремистских движений, которые направлены на преобразование новой демократии в антидемократических направлениях».

Широкое распространение получила концепция волн демократизации, сформулированная в книге «Третья волна: демократизация в конце XX века». Волна демократизации — это «группа переходов от недемократических к демократическим режимам, происходящая в заданный период времени и значительно превосходящая по их числу группу переходов в противоположном направлении». 1-я волна демократизации началась в США в 1828 и достигла кульминации после Первой мировой войны, когда в 32 странах были установлены демократические режимы. Ее откат фиксирован маршем Муссолини на Рим в 1922 и завершён в 1942, когда в мире осталось только 12 демократических стран. 2-я волна демократизации обозначилась победой союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне и продолжилась деколонизацией, достигнув кульминации в начале 1960-х, когда демократическими стали 36 стран. Откат второй волны демократизации, в основном из-за военных переворотов, начался с конца 1950-х и закончилась к 1973, когда демократическими оставались 30 стран. Подъем 3-й волны демократизации — с 1974 на юге Европы; она охватила страны с однопартийными (высокоинституционализированные с идеологической легитимностью) и военными (военная сила как основной источник власти) режимами, а также с личными диктатурами, многие из которых соответствовали веберовской модели султанистских режимов (Румыния при Н. Чаушеску, Португалия при А. Салазаре), а также ЮАР с конкурентной расовой олигархией. Хотя внешние факторы демократизации по-прежнему играли важную роль, в отличие от 2-й волны процессы перехода к демократии в 3-й волне в основном были инициированы внутренними причинами и силами.

Антониу ди Оливейра САЛАЗАР (1889, Санта-Комба-Дан, провинции Бейра-Алта – 1970, Лисабон) – португальский государственный деятель, в 1932 – 1968 гг. председатель совета министров и фактический диктатор Португалии, создатель фашистской партии Национальный союз.

Не все процессы трансформации соответствуют идеальным моделям. Реформы де Клерка в ЮАР сочетали элементы трансформации и замещения. *Нельсон Мандела и Фредерик де Клерк после получения Нобелевской премии мира (1993 г.). «Мандела и де Клерк достигли соглашения о путях перехода к новому политическому устройству, основанному на принципах признания избирательного права за каждым человеком».*

Хантингтон выделяет три типа процессов (или моделей) перехода: *трансформация* (= реформа, по Х. Линцу; элиты иницируют и возглавляют переход), *смещение* (исп. replacement или ruptura, по Линцу; оппозиция во главе процесса, авторитарный режим разрушается сам или его свергают); *замещение* (исп. transplacement; демократизация как результат совместных действий правительства и оппозиции). Странам с военными режимами проще осуществить переход к демократии, однако в государствах с бывшими однопартийными режимами демократия лучше институционализируется. Страны с личными диктатурами демократизируются после: смерти диктатора (Испания в случае Ф. Франко) при готовности его преемников идти на реформы; свержения диктатуры (Румыния, Филиппины) или, гораздо реже, поражения на выборах (Индия при И. Ганди). Трудности их демократизации связаны со слабостью политических институтов. Низложение личной диктатуры может вести к установлению нового авторитарного режима (Гаити, Иран). Переходы к демократии определяются Хантингтоном как «комплексные политические процессы, включающие борьбу множества групп за власть, за или против демократии, а также за иные цели». Распределение сил между этими группами в значительной степени обуславливает природу перехода: если в правительстве преобладают консерваторы, а в оппозиции — экстремисты, то демократизация невозможна; и наоборот, если в правительстве и в оппозиции доминируют сторонники демократии, то переход к ней значительно облегчен. На процессы демократизации наибольшее влияние оказывают взаимодействия по следующим схемам: между правительством и оппозицией; между реформаторами и консерваторами в правящей коалиции; между умеренными и экстремистами в оппозиции, причем их вес в разных типах переходов различен. В конечном счете характер успешных переходов определяется соотношением сил между реформаторами и умеренной оппозицией.

Трансформации, более распространенные в численном отношении, и замещения (в некоторых случаях разница между ними достаточно условна) как модели демократического транзита наиболее характерны для большинства военных и однопартийных режимов. *Трансформация* проходит через пять основных фаз: первая — появление в рамках авторитарного режима либерально и/или демократически настроенных реформаторов; вторая — получение реформаторами власти, причем их лидерам необходимо как можно быстрее поставить своих сторонников на ключевые позиции в силовых ведомствах; третья — провал либерализации (курс на либерализацию, смягчение, «улучшение» авторитарного режима при его сохранении быстро себя исчерпывает; он ведет или к масштабной демократизации политической системы, или к ужесточению режима); четвертая — старая легитимность (англ. backward legitimacy — подчеркивает элементы преемственности, связи с прошлым; реформаторам следует проводить демократические реформы посредством процедур и в рамках институтов, установленных еще авторитарным режимом), подавление консерваторов (реформаторы-демократы усиливают свои позиции в правительстве, ослабляя и вытесняя консерваторов, но при этом делая им некоторые компенсации и демон-

стрируя сохранение связи с прошлым; надо быть готовым к попытке переворота со стороны консерваторов, можно ее спровоцировать и потом безжалостно подавить). Пятая фаза, происходящая уже за пределами авторитарного режима — кооптирование оппозиции (реформаторы-демократы прибегают к консультациям с лидерами оппозиционных групп и движений, результатами которых могут стать открытые переговоры с заключением соглашений или пактов, вроде испанского Pactos de la Moncloa в 1977; оппозиция рассматривается реформаторами как опора в конкуренции с консерваторами). Как показывает опыт удачных трансформаций, реформаторы-демократы должны удерживать инициативу по демократизации и стараться гасить неоправданно высокие социальные и политические ожидания, поддерживая при этом умеренную оппозицию и создавая ощущение неизбежности демократических перемен. *Замещение* как модель демократического транзита (в Польше, Чехословакии, Южной Корее и т.д.) является результатом совместных действий правительства, которое не имеет принципиальной цели удержать власть во что бы то ни стало (т.е. восприимчиво к негативным издержкам сохранения режима) и готово начать консультации об изменении режима, но само не способно их инициировать (да и не очень к ним стремится), и оппозиции (ее основная проблема — фрагментированность), где в целом преобладают демократически настроенные умеренные, недостаточно сильные для самостоятельного изменения режима, но согласные при определенных обстоятельствах участвовать в переговорах с правительством. Замещение развивается по определенному сценарию: 1) правительство начинает в стране либерализацию, из-за чего его властный потенциал уменьшается; 2) оппозиция пользуется результатами некоторой либерализации и ослаблением правительства, пытается увеличить свою базу поддержки и активизирует деятельность в надежде сместить правительство; 3) власти предпринимают жесткие меры для остановки политической мобилизации населения оппозицией; 4) в условиях неопределенности правительство и оппозиция понимают, что заходят в тупик, и начинают искать пути к ведению переговоров и достижению компромисса. Однако не исключено, что правительство может жесткими средствами временно восстановить всю полноту власти или оппозиция продолжит наращивать силы для свержения режима. Это, в свою очередь, выливается в циклы протестов и репрессий (Корея, Чили, Польша). Практически всегда реформаторы от правящего режима и умеренная оппозиция принимают меры по снижению рисков во взаимоотношениях, вырабатывая гарантии, принимая обязательства придерживаться определенных правил и т.п. Это становится возможным, когда они зависят от успехов друг друга.

Смещение характерно в основном для режимов, основанных на личной диктатуре, и значительно отличается от трансформации: в правительстве нет реформаторов или их позиции чрезвычайно слабы; власть полностью монополизирована консерваторами либо диктатором, в конечном счете они опираются на военную силу, и в последний момент решающий фактор — на чьей стороне армия. В этих условиях демократизация является результатом потери правящим режимом влияния,

Замещение как модель демократического транзита является результатом совместных действий правительства и оппозиции.

Вверху: лидер польской оппозиции Лех Валенса и глава государства генерал Ярузельский.

Внизу: транспарант с эмблемой возглавляемого Валенсой профсоюза «Солидарность» — основной польской оппозиционной организации.

что ведет к его саморазрушению или свержению, и приходу к власти оппозиционных групп, подчеркивающих резкий отказ от прошлого, т.е. вместо «старой легитимности» вырисовывается «будущая легитимность» (англ. forward legitimacy). Смещение проходит три основных фазы развития: первая — подготовка падения режима (началом может стать военное поражение, потеря поддержки из-за рубежа и т.п.); вторая — крушение режима (очень быстрое); третья — борьба после падения старого режима между пришедшими к власти группами оппозиции (здесь для успешной демократизации необходимо преобладание демократически настроенных умеренных; демократам нужно спешно заполнить возникший вакуум власти, стимулировать создание коалиции на базе оппозиционных групп и быть готовыми воспрепятствовать установлению новой диктатуры кем-либо из них).

3-я волна демократизации, приведшая в орбиту демократии 40 стран, с середины 1990-х движется от фазы экспансии к консолидации и, вероятно, уже начался ее спад. Демократизация ставит перед этими странами ряд проблем, среди которых Хантингтон выделяет три. Во-первых, демократизация вызывает рост *коммунализма*, т.е. широкое распространение социально-политических движений и организаций, основанных на религиозных или этнических принципах (является, таким образом, результатом политизации религиозных или этнических идентичностей, мобилизующей в массовом порядке членов соответствующих групп в сферу политической борьбы), и всплеск *этнических конфликтов*. В новодемократических странах демократические процедуры могут приводить к власти сугубо антидемократические фундаменталистские силы. Во-вторых, страны, осуществляющие переход к демократии, более *агрессивны* во внешней политике, что чревато их участием в различных *военных конфликтах* (Хантингтон ссылается на исследование Э. Мансфилда и Дж. Снайдера «Демократизация и угроза войны»). В-третьих, демократизация имеет побочный эффект в виде распада традиционных ценностей и норм, роста социально неприемлемого поведения и т.п. Помимо этих, а также доставшихся в наследство от прошлого проблем, режимы 3-й волны сталкиваются с совершенно новыми угрозами, исходящими от участников демократического процесса, приверженных несовместимым с демократией ценностям: придя к власти на конкурентных выборах, они (бывшие коммунисты, исламские фундаменталисты и т.п.) злоупотребляют демократическими процедурами, что ведет к эрозии демократии. Но гораздо более реальная угроза возникает в тех случаях, когда глава исполнительной власти сосредоточивает в своих руках чрезвычайно большие полномочия и начинает управлять указами (страны Латинской Америки, Россия при Б.Н. Ельцине). Отсюда феномен «демократии с прилагательными» (авторитарная, делегативная и т.п.). Кроме того, во многих демократиях 3-й волны широко распространены недемократические практики, нарушающие права и свободы. Некими альтернативными формами правления для ряда этих стран становятся «азиатский авторитаризм», обеспечивающий какое-то время высокие темпы экономического роста (Сингапур, Малайзия), и «исламская альтернатива» (Иран), хотя далеко не все собственно исламские страны ей следуют. Тем не менее, только демократия дает обществу возможность обеспечить себя на продолжительный

период «хорошим правлением» (англ. good government) вне зависимости от добродетелей правителей или народа, на что даже самые продвинутые формы авторитаризма не способны.

В статье «*Столкновение цивилизаций*» («Foreign Affairs», 1993) и в книге «*Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка*» Хантингтон утверждает, что вместо либерального сценария «конца истории» и затухания глобальных конфликтов имеет место превращение факторов культурного характера в основной источник будущих конфликтов в мире, которые примут форму конфликтов между «нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям». Последние Хантингтон определяет как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей»; «выше» цивилизации в этом отношении может быть только весь человеческий род. Цивилизации достаточно динамичны: они «смешиваются, накладываются одна на другую, включают субцивилизации», «у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются» и, наконец, они могут погибнуть и исчезнуть «в песках времени».

«Столкновение цивилизаций» является следствием того, что главным критерием различия между людьми в современном мире становится культурная принадлежность, или идентичность, складывающаяся из лингвистических, этнических, исторических, религиозных, институциональных элементов, а традиционные политические, идеологические, экономические и т.п. антагонизмы постепенно утрачивают статус доминирующих в политике, которая все больше превращается в средство утверждения культурных и цивилизационных идентичностей. Эти обстоятельства ведут к преобразованию мирового порядка: он строится уже не вокруг политико-идеологических блоков государств, как во времена холодной войны, а вокруг семи-восьми основных (крупнейших) цивилизаций мира: западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, православно-славянской, латиноамериканской и, «возможно, африканской» (позже Хантингтон добавил девятую — буддистскую). Результат имеет огромное значение: «В этом новом мире региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная — на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество сверхдержав уступает место столкновению цивилизаций... Самые обширные, серьезные и опасные конфликты будут вспыхивать не между социальными классами, не между богатыми и бедными, не между какими-то иными экономически конкретными группами, а между народами, принадлежащими к разным культурам. Межплеменные войны и этнические конфликты произойдут в рамках цивилизаций». Эти новые конфликты будут разворачиваться вдоль «линий разлома между цивилизациями», часть из которых проходит по территории России или в непосредственной близости от нее.

Столкновение цивилизаций, как первоначально подчеркивал Хантингтон, совершенно неизбежно в силу: 1) фундаментальных различий между цивилизациями; 2) усиления взаимодействий между ними («мир становится более тесным») и роста цивилизационного самосознания; 3) ослабления (один из результатов модернизации) и последующего замещения идентификации с местом жительства и «своим» нацией-государством

конфессиональной идентификацией, вызывающей всплеск религиозного фундаментализма; 4) раздвоенности роли активно распространяющего свои ценности и отстаивающего собственные интересы Запада, все менее популярного у незападных элит и все более популярного в широких слоях народов, стремящихся к западным стилю жизни и ценностям; 5) устойчивости культурных и цивилизационных различий; 6) усиления экономического регионализма, успех которого напрямую связан с цивилизационной общностью участников региональных экономических связей. Основным источником конфликтов ближайшего будущего станут взаимоотношения между Западом и некоторыми незападными цивилизациями, представленными в виде «конфуцианско-исламского блока». Именно в сфере взаимоотношений с Западом будут строиться стратегии развития всех других цивилизаций, делающих выбор между самоизоляцией, копированием западных институтов и усвоением его ценностей или противостоянием (в какой-то форме) Западу. В последнем случае страны и цивилизации должны осуществить модернизацию без вестернизации, т.е. стать современными и при этом остаться незападными, сохранив свою уникальность. Вывод Хантингтона однозначен: несмотря на отдельные проявления, единая универсальная цивилизация преимущественно западного толка, по крайней мере в обозримом будущем, невозможна. Хантингтон отмечает также большую разрушительную силу цивилизационных различий в случае культурно расколотых стран, или стран с внутренним конфликтом цивилизаций: распад СССР и Югославии демонстрирует серьезность этих угроз, с которыми сейчас сталкивается Россия, а в перспективе могут встретиться и США. Выдвинутая Хантингтоном концепция столкновения цивилизаций является попыткой создания целостной научной теории, пригодной для объяснения и прогнозирования состояния мира после холодной войны, а по сути — новой (ее предшественница — цивилизационная концепция истории *Арнольда Тойнби*) исследовательской парадигмой, но весьма абстрактной, в силу чего достаточно уязвимой.

Согласно Хантингтону, политическая модернизация есть дестабилизирующее явление, потому главная проблема такого процесса — не свобода, а создание легитимного общественного порядка, устойчивость которого становится основной ценностью. В данной связи его теорию нередко называют консервативной.

Обратите внимание

Хантингтон утверждает, что граждане вполне нормально проживут в условиях политического порядка без свободы, но они не могут пользоваться свободами без порядка. Под последним он понимает способности высокоинституционализированной системы сохранить свою автономию путем включения новых групп в политику таким образом, чтобы они действовали в соответствии с уже принятыми обществом (институционализированными) нормами и схемами политической активности.

В свою очередь, политическое участие для Хантингтона — это энергичная деятельность граждан, влияющая на принятие решений властями, т.е. выборы, лоббизм, членство в организациях, а также насилие.

Хантингтон выделяет два вида модернизации. *Технократическая* модель — это временное ограничение участия граждан, увеличение капиталовложений, экономический рост, который усугубляет неравенство (прежде всего в доходах). В *популистской* модели, напротив, главенствует равенство, ради которого увеличиваются возможности политического участия, принимаются меры по обеспечению равного положения людей в материальном плане и, при необходимости, по удержанию темпов экономического роста на относительно низком уровне. Если технократическая схема модернизации, как правило, ведет к использованию принуждения (даже репрессий) для предотвращения широкого участия людей в политике, то популистская способна стать причиной гражданских столкновений из-за резкого расширения подобного участия. Такими доводами ученый показывает несовместимость основных целей модернизации: не равенство влияет на степень политического участия, а именно последнее воздействует на равенство. В этом состоит отличие теории Хантингтона от либеральной модели развития *Д. Лернера* и *С.М. Липсета*, которая предполагает, что увеличение равенства позволяет достичь более высокого уровня политического участия.

Сеймур Мартин ЛИПСЕТ (род. 1922) — американский политолог, сделавший социологический анализ неотъемлемой частью современной политологии; внес значительный вклад в понимание условий демократизации.

2.4. Показательные модели модернизации

Спонтанными (лат. *spontaneus* — произвольный, добровольный) принято считать модернизации, которые зарождались и протекали естественным путем, в процессе постепенного самопроизвольного (т.е. опиравшегося на объективно формировавшиеся силы спроса и предложения) преобразования социально-экономической структуры общества и, как следствие, его политических институтов. Среди спонтанных обычно называют модернизацию Великобритании. (Правда, мощными импульсами для этого процесса послужили отношения метрополия — колонии.) Также к странам «органической» модернизации причисляют бывшие британские переселенческие колонии, прежде всего США, где индустриальный способ производства и современные политические институты эволюционировали на свободной от докапиталистических социально-институциональных связей основе.

К **направляемым** обычно относят модернизации в обществах «позднего старта» (Германия, Италия, Россия, Япония и др.), где

фактически не оформились независимые от политической власти агенты модернизации. В этих странах государство, во многом под влиянием внешних факторов, принимало на себя основную ответственность за приспособление хозяйственной и политической систем к инновационным тенденциям в обществах-пионерах модернизации. В обществах «второй волны» модернизации четко просматривается следующая закономерность: чем ниже «точка старта» (т.е. исходный для модернизации уровень в первую очередь экономики), тем насущнее была необходимость государственного вмешательства в общественные процессы. Общества «позднего старта» продемонстрировали в целом успешное осуществление модернизационного проекта, что решительно отличает их от современных переходных обществ, т.е. развивающихся стран, перспективы которых на поприще социально-политической трансформации по сей день, за редким исключением, не приняли конкретных очертаний.

Среди **национальных вариантов** политической модернизации особо выделяется случай *Великобритании*, которая по праву считается первопроходцем данного пути. В этой стране впервые в истории человечества формировались гражданские отношения и институты гражданского общества. Мощным стимулом к развитию современных политических институтов стала опять-таки первая промышленная революция (с 1770–1780-х гг. по 1830-е), закрепившая необратимый характер развития индустриально-капиталистического общества, которое в политической науке принято называть современным. Эта промышленная революция сделала неизбежным появление институтов самоорганизации массовых слоев населения — политических партий, профсоюзов и др. Британское общество к началу 1880-х гг. выходит на современный уровень социального равновесия, который был закреплен с помощью уже сложившегося механизма разрешения циклических кризисов, отлаженной системы политического представительства, устойчивого положения экономики страны в мировом хозяйстве. Значительную роль в упрочении экономических и политических основ британского общества сыграла четко и ритмично действовавшая система отношений метрополия — колонии, позволявшая эффективно использовать природные и человеческие ресурсы обширных территорий, зависимых от Короны.

Во *Франции* политическая модернизация началась заметно позже, чем в Великобритании, и несколько раз прерывалась. Видный европейский политик, экс-президент страны **Валери Жискар д'Эстен** (род. 1926) в книге *«Власть и жизнь»* отметил: «В ряду великих держав Франция стоит среди тех, кто хуже всех управляла своим общественным развитием: французское общество эволюциони-

ровало хаотически, преодолевая многочисленные препятствия и ограничения революционными рывками». Период официального признания гражданского общества растянулся с 1789 по 1830 г. Однако и после Июльской революции потребовался почти век на создание дееспособной системы представительной демократии, окончательная институционализация которой состоялась в конце 1950-х гг.

Политическая модернизация в *Германии* происходила под знаком консервативной эволюции. Это была явная модернизация сверху, отражавшая, однако, насущные потребности всего германского культурно-политического пространства. Политическую модернизацию в данной стране подталкивали, с одной стороны, форсированный экономический рост, а с другой — немецкие консерваторы во главе с личностью исторического масштаба, **Отто фон Бисмарком** (1815–1898). Темпы и размах демократизации общества постоянно корректировали внешнеполитические условия, требовавшие полного сплочения немецкой нации вокруг государства и его институтов.

В *Японии* модернизация оказалась едва ли не единственным способом сохранения ее национально-цивилизационной идентичности и политической независимости. Перестройка экономики, прежде всего военной промышленности, нуждалась в выработке так называемой мобилизационной стратегии развития, посредством которой в 1880–1930-е гг. страна совершила мощный экономический рывок. В рамках мобилизационной модели у политического представительства было мало возможностей для легитимизации и институционализации.

Частный случай политической модернизации — *Россия*. Не случайно страну причисляют к государствам поздней индустриализации, где особенности нациообразования и социально-исторического опыта не поощряли развитие демократических начал в политической культуре, а так называемое оборонное сознание никак не позволяло сформироваться личности как базовому субъекту политического процесса. Начиная с петровских преобразований, модернизация России фактически имела закрытый характер. Русский парламентаризм с октября 1905 по октябрь 1917 г. вряд ли можно считать периодом реальной подготовки к институционализации системы политического представительства в стране. Наконец, следствием отсутствия в обществе массовых слоев — сознательных носителей идеи демократии (аналогов современного среднего класса) привело к скоротечному демонтажу едва начавшей свое становление системы представительства интересов и к ее замене в 1917 г. режимом «диктатуры развития».

Значительная заслуга в разработке парадигмы «позднего старта» принадлежит *Гершенкرونу*. Для политической науки особенно важны два положения из его исследований, имеющие непосредственное отношение к теме модернизации.

1. Чем ниже исходный уровень развития страны, с которого берет начало модернизация, тем более активную роль призваны сыграть «замещающие» институциональные факторы: достаточно вспомнить деятельность крупных банков в Германии или министерства финансов в царской России на этапах форсированного экономического роста.

2. В обществах «позднего старта» исключительна значимость фактора идеологии модернизации, непосредственно влияющего как на формирование среднесрочной и долгосрочной политики государства, так и на текущую внутриполитическую ситуацию.

Идеи Гершенкрона особенно полезны для разработки моделей развития нынешнего третьего мира, частью которых является концепция политической модернизации.

2.5. Переходные общества в процессе политической модернизации: теории и действительность

Анализу сложных, «неклассических» социально-политических процессов в переходных обществах, отличающихся разнообразием экономических, этнодемографических и культурных условий, отведено видное место в политической науке. Это закономерно: переходные общества (развивающиеся страны) занимают основную часть мировой суши, именно здесь сосредоточены самые значительные человеческие ресурсы Земли. Помимо этого, характер демографических процессов в зоне переходных обществ имеет явно выраженную тенденцию к углублению уже существующего разрыва в численности населения ведущих индустриальных стран, с одной стороны, и довольно аморфного массива развивающихся обществ — с другой. Разработка форм и способов ускорения экономического и культурно-социального развития столь огромной массы людей, а равно и методов политического управления общественными процессами на заселенном ими пространстве стали, пожалуй, одной из самых неотложных задач мировой науки.

Переходные общества — это конгломерат наций и государств, куда входят сегодняшние развивающиеся страны, «новые демократии» Восточной и Центральной Европы, а также южноевропейский регион (за вычетом Италии), где процессы политической модернизации приобрели устойчиво необратимый характер с середины 1970-х гг. Данная общность, будучи внутренне неоднородной

(трудно сопоставлять показатели члена Евросоюза Испании и, например, вовсе не безнадежно отсталого Таиланда), все же как *типологический класс* отличается от обществ-пионеров модернизации по таким значимым факторам, как уровень развития производительных сил, прежде всего их духовно-интеллектуальных составляющих, степень однородности или дуализма хозяйственной и социальной систем, положение в мировой политике и т.п.

Развитие переходных (транзитных; англ. *transitional*) обществ в условиях нарастания тенденций глобализации ставит перед политической наукой проблемы *универсального* характера. Ученые энергично и небезуспешно занимаются существом сформулированных ниже исследовательских тематик.

1. Степень вероятности преодоления с помощью умелого политического управления общественными процессами и в исторически уплотненные сроки экономического и социально-культурного дуализма, сохранившегося от прежних эпох и в настоящее время усугубляемого факторами глобализации.

2. Выявление параметров оптимальной хозяйственной модели, способной обеспечить ускоренный, но без социально-политических потрясений переход общества из традиционного (доиндустриального и раннеиндустриального) в современное (индустриальное и научно-техническое) качество.

3. Возможность институтов политического представительства, сформированных до начала общей модернизации, облегчить трудности «межформационного» перехода и создать благоприятные условия для массового участия в назревших социально-экономических, политических и культурных преобразованиях. Иначе говоря, это проблема легитимизации политической системы в обществах, подвергающихся глубокой и всесторонней модернизации.

Изучение политической модернизации прошло несколько методологически значимых этапов. Динамика политической мысли, как в зеркале, отражала процессы деколонизации, которые активно развивались по окончании Второй мировой войны. Ее итоги отнюдь не сводились к изменению общей конфигурации геополитических сил на европейском театре бывших военных действий. После 1945 г. открыто проявились тенденции и процессы, которые если и существовали раньше, то в скрытой форме. Политические изменения в Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире — вот лишь несколько исторически значимых моделей завоевания независимости, которые отразили новое состояние мировой политики, определившееся с возникновением такого непривычного *мас-совидного* субъекта международных отношений, как общность развивающихся стран. Конституирование этого «неклассическо-

Плакат рубежа XIX–XX вв.,
прославляющий цивилизатор-
скую миссию Германии.

го» политического актора наметило и концептуальные задачи политической науки на Западе. Фактически политологам пришлось одновременно искать ответ на два весьма сложных вопроса: во-первых, добиваться достоверного и, по возможности, ясного представления о новых политиях, для того чтобы точно прогнозировать поведение новообразованных политических субъектов во внешнем мире, во-вторых, с высокой степенью соответствия реальности предположить векторы и временные этапы развития в таких странах модернизационных процессов.

Столь оригинальная проблема могла быть решена в максимально сжатые сроки — а это требовалось для научного обеспечения политики заинтересованных западных государств — лишь за счет концентрации и перепрофилирования лучших творческих сил из сферы политологии и смежных с ней социальных дисциплин. Осуществление масштабного стратегического замысла стало возможным в результате активной, хорошо скоординированной и целенаправленной деятельности правящей элиты промышленно развитых стран, прежде всего США, где были сосредоточены ведущие в то время политологи. Несомненным стимулом для американских ученых и их привлеченных европейских коллег на новом творческом поприще была необычность поставленных задач: исследование процессов модернизации в «неклассических» условиях требовало дополнительных интеллектуальных усилий, в частности, апробирования уже испытанных американской действительностью парадигм научного знания в среде бесконечного разнообразия историко-культурных условий, напрямую влиявших на воспроизводство «туземных» политических систем. Первые концепции модернизации увидели свет на рубеже 1950–1960-х гг.

Психологическим фоном этих исследований был повсеместный оптимизм, своеобразно отражавший довольно высокие темпы роста экономики Запада; это было время ожидания грядущих перемен, веры во всемогущество научно-технического прогресса. Западные концепции модернизации той поры нужно оценивать *исторически* — с позиций убежденности их разработчиков в том, что, преодолев отсталость и бедность, можно сформировать в сжатые сроки развитое общество и «правильную» политическую систему там, где доселе не было даже ростков гражданских отношений и proto-индустриальных форм хозяйственной деятельности.

Истоки современных теорий политической модернизации можно проследить по двум основным направлениям: методологическому и конкретно-практическому. В области *методологии* западная политология решала проблемы понимания и описания обществ, не включенных ранее в рамки традиционного политического анализа

(неоднородность социальной структуры, фактическое отсутствие сколь-нибудь массовых носителей идей модернизации, сложное соподчинение экономических, этнокультурных, местных интересов и т.д.). Очевидной *политико-прикладной* задачей политологии стала выработка внятных рекомендаций американскому и другим западным правительствам, намеревавшимся сформулировать средние и долгосрочную стратегию действий в отношении абсолютного большинства человечества. Это было жизненно необходимо Западу в условиях обострявшегося «холодного» противостояния двух альтернативных политических систем.

Действительно, теория модернизации возникла в США и развивалась как своего рода философское обоснование внешнеполитического курса этой страны в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые рассматривались как потенциальный ресурс, способный обеспечить мировое лидерство Соединенных Штатов. Первоначально теория модернизации опиралась на идейное наследие кейнсианства, т.е. рассчитывала на преобразование (осовременивание) переходных обществ в ходе индустриализации, подкрепленной западной экономической помощью и стратегическими инвестициями, способными, как тогда полагали, создать побудительные стимулы для развития современных политических институтов. Не меньшее значение для теории модернизации имела и политическая составляющая. Первоначально западная политология выдвинула идею универсальности демократических ценностей, линейности перехода от традиционного к современному обществу, ориентируясь на социологические теории позитивистов, в частности Конта, Спенсера, Дюркгейма, Тённиса, а также на идеи Вебера. Основой политологических концепций модернизации стала так называемая социология развития, использующая в качестве методологической базы *структурный функционализм*, представители которого в исследовании общества руководствуются принципами системного анализа социальных объектов посредством статичных структур и динамичных функциональных категорий.

Скоро выяснилось, что незападные общества иначе, чем предусмотрено общей теорией, реагируют на импульсы модернизации. В частности, массовый приток западных капиталовложений во многих случаях (особенно в африканских государствах) укреплял позиции традиционалистских сил, так что модернизация превращалась в видимость: современные институты использовались консерваторами для укрепления их контроля над обществом и блокирования политической социализации массовых слоев населения.

Поскольку поток инвестиций в экономику переходных обществ направлялся без учета изъянов их социально-институциональной среды (отсутствовали институты, способные воспринять идеи и технологии, а рационалистические взаимоотношения между предполагаемыми акторами процесса модернизации еще не сформировались), то кризис теорий «рыночного решения» заставил задуматься о подходах, которые позволили бы заняться проблемой с другой стороны. Их смысл состоял в стремлении сначала добиться качественных сдвигов в мировоззрении традиционно ориентированного человека посредством его регулярного участия в избирательном процессе и — уже на индустриальной основе — попытаться соединить его преобразованное политическое сознание с современным экономическим образом мышления. Иначе говоря, через публичный политический процесс все базовые параметры традиционного общества (личность, социальная структура, политическая система и т.п.) были призваны трансформироваться в направлении их приспособления к целям и задачам индустриального производства.

Вышеописанные малоуспешные подходы были скорее теоретико-методологического плана. Подлинная заслуга исследователей модернизации — конкретное рассмотрение политических аспектов противоречивого перехода от до- и раннеиндустриального к индустриальному состоянию общества. В работах *Алмонда, Пая, Дж. Бингэма Пауэлла* (род. 1942), *Сиднея Вербы, Алекса Инкельса* (род. 1920) и их многочисленных сподвижников содержится добротный эмпирический материал, позволяющий живо представить себе и институциональное, и человеческое измерение политического процесса, т.е. прочувствовать перестройку внутреннего мира самого человека, включая структуры сознания и культуры.

Обратите внимание

Видимо, стоит признать, что в советской литературе не нашлось (в силу конкретных политических обстоятельств) ученых, которые бы продолжили линию, ассоциирующуюся с именем и работами *Бориса Федоровича Поршнева* (1905–1972). Увлечение описанием закономерностей межформационных переходов отвлекло внимание от исследования собственно человека как главного субъекта исторического политического процесса. Отсутствие научного осмысления феномена человека невозможно было восполнить абстрактными рассуждениями о «важной роли субъективного фактора в жизни общества».

Теории политической модернизации — это живое, противоречивое, развивающееся научное знание. Исследование столь сложносоставных обществ, каковыми являются, например, индий-

ское, индонезийское или бразильское, не говоря уже об африканских политиях, предполагает междисциплинарный подход, объединяющий рассмотрение экономики, политики, быта, нравов, цивилизационной модели развития.

Понятие *теорий модернизации* не означает целостного научного направления: это своеобразная совокупность методологически неоднородных концепций, моделей, логических приемов анализа, цель которых — объяснить природу социально-политического развития, избегая упрощенных представлений о безальтернативности и линейности индустриально-капиталистического прогресса, выявить причины отклонения развития переходных обществ от якобы эталонных путей, разработанных в эпоху Просвещения и проторенных промышленными революциями. В последние десятилетия вновь усилился научный интерес к политической модернизации в связи с событиями и процессами, собирательно именуемыми «волнами демократизации», что обусловлено несколькими обстоятельствами. 1. Начался очередной — *третий* — этап развертывания процессов массовой политической социализации развивающихся обществ — абсолютного большинства народонаселения нашей планеты. Многомиллионные массы населения в исторически краткие сроки переходят в состояние организованной активности и остро ставят вопросы о перегруппировке сил в мировой системе. 2. Разнообразие экономических, социокультурных, этнодемографических условий в современных переходных обществах проявляется в множественности конкретно-политических форм межстадиального перехода. Иными словами, анализ основных параметров демократического транзита предполагает обязательное исследование специфических траекторий развития осовременивающихся социумов. 3. «Волны демократизации» есть не что иное, как нерегулируемое включение в политический процесс массовых групп населения, смысл которого — нарастающий поток требований к своему государству и политической системе в целом. Учитывая невозможность за какие-то 10–15 лет вывести конкретную национальную экономику на качественно более высокий уровень, становится понятным, что политическая система данного общества довольно быстро достигнет предела своих возможностей мирного согласования интересов, за которым вполне вероятны резкое обострение гражданских конфликтов и попытка принудительного вплоть до насилия разрешения общественных противоречий.

Таким образом, модернизация, представлявшая еще в прошлом веке специфически организованный переходный период, в начале XXI столетия превращается в типологическое состояние, в довольно длительное межстадиальное движение со своими закономерно-

Роберт МЕРТОН (род. 1910, Филадельфия) – выдающийся американский социолог, внесший значительный вклад в развитие теории социальных наук.

стями, культурными и идейными предпочтениями, вариантами политико-институциональных изменений. Все это уже нельзя вписать в устаревшую схему «современный экономический рост > становление системы политического представительства». Тем более что политологи доказали: сам экономический рост (за исключением «новых индустриальных обществ» Дальнего Востока) так и не смог подчинить своим законам социальное пространство в полном его объеме, чтобы создать «модернизированного» человека.

Стратегическая ошибка некоторых прежних концепций политической модернизации заключалась в следующем. Структурные особенности переходных обществ нередко затушевывалась талантливо построенными эмпирико-аналитическими моделями, сравнивавшими основные составляющие классической модернизации с наличными условиями в нынешних развивающихся обществах. В подобных моделях, как правило, были зафиксированы важные, но производные от характера социальной структуры параметры политической сферы, такие как отсутствие профессионально подготовленной и способной к повседневному управлению элиты, мозаичность политической культуры (особенно в Африке), нечеткость представлений о целях развития общества и его ресурсном потенциале и т.п. Сейчас такой подход вряд ли пригоден для решения вновь накопившихся модернизационных проблем, тем более в научном плане.

Несколько десятилетий тому назад попытка исследовать человеческое измерение модернизации заведомо предполагала обращение к такому методологическому направлению в познании общества, как структурно-функциональный анализ, избегавшему, как представлялось, недочетов и макросоциологического, и конкретно-эмпирического подходов. Как известно, наибольшее влияние на концепции политической модернизации оказали идейные системы **Парсонса** и **Роберта Мертон** (род. 1910). Они привлекали аналитиков модернизации тем, что были направлены на выявление механизмов поддержания общества в равновесном состоянии, его ограждения от нежелательных «революционных» потрясений, снятия напряжений в политической системе. Взгляды Парсонса, Мертон и других корифеев функционализма подверглись затем основательному переосмыслению и адаптации к политическим условиям переходных обществ. Подобная тенденция в политической науке весьма убедительно представлена в работах **Алмонда** и **Анне-ра**. Эти ученые разработали достаточно гибкую и эффективную методологию, сохранив жизнеспособные положения функционализма. Повышение устойчивости политических систем на мировой периферии представлялось им в виде структурной и функциональ-

ной дифференциации традиционных обществ, возникновения в них социальных связей современного рационалистического типа и, как кульминация всего процесса, легитимизации институтов политического представительства.

Алмонд, Аптер и их последователи, однако, ограничивали свою задачу описанием явлений и процессов исключительно в политической сфере, особо не вникая в их социально-экономическую причинность. Копирование моделей этих авторов привело к тому, что еще в большинстве недавних исследований проблем развития политические процессы были произвольно отделены от социально-экономических. Поэтому в работах сторонников структурно-функциональной школы политическая реальность предстает как некая замкнутая совокупность взаимозависимых институтов, основная задача которых сводится к поддержанию политической системы в равновесном состоянии. Критика изъянов структурно-функционального метода в его применении к переходным обществам отнюдь не означает отрицания значительного вклада, который функционалисты внесли в построение общей теории модернизации, особенно заметного при дальнейшем анализе партий и партийных систем в переходных обществах.

Политологи, специализирующиеся в изучении партийной жизни, логически выделяют две основные функции партий, вне зависимости от степени структурно-функциональной сложности политических систем. Это функции мобилизации и организации. Мобилизационная модель предполагает, что основная задача партий сводится к ликвидации отчуждения между слабополитизированными или вовсе не участвующими группами населения и «политическим классом». Исполняя данную роль, партии расширяют социальное пространство современной политики и тем самым повышают пластичность политической системы, ее способность реагировать на новые вызовы общества. Партия, иначе говоря, может стать сознательной силой политического воспитания, тогда как основные формы ее деятельности — участие в избирательном процессе и повседневное общение политиков со своим электоратом. Однако в переходных обществах свои *мобилизационные* возможности партии осуществляют через адекватные *организационные* условия, преодолевая в своей деятельности два последовательных этапа: 1) политическую социализацию населения; 2) реальную интеграцию граждан в публичный политический процесс (т.е. укрепление основ политической системы).

В обстоятельствах сегодняшних переходных обществ, с их неотлаженностью механизма согласования интересов и с недостаточной структурно-функциональной дифференцированностью самого

социума, говорить о теоретически завершенных моделях партий пока преждевременно. Речь может идти о некоем сочетании «мобилизационного» и «организационного» начал. Это диктует потребность ускорить создание институциональных структур, своим влиянием пронизывающих общество по вертикали, вплоть до самого основания социальной пирамиды.

Основную проблематику политической модернизации логически завершает объемная и комплексная тема, которую принято называть *стратегией развития*. В упрощенном объяснении стратегия развития — это средне- и долгосрочная политика, нацеленная на повышение жизнеспособность переходных обществ, на приспособление их экономической и политической структур к необходимости многостороннего взаимодействия с индустриальными государствами, особенно в условиях глобализации.

Интерпретация

В 1970-е гг. была предпринята попытка сформулировать факторы, уточняющие задачи стратегии развития. Такого рода стратегия, утверждал, в частности, индийский политолог **Раджни Котхари** («Демократическая политика и социальные изменения в Индии: Кризис и возможности», 1976), должна быть ориентирована сразу на несколько взаимосвязанных направлений. Тем самым модернизация подразумевает одновременное осуществление следующих политических инициатив: 1) интеграция разнородных социальных и этнических компонентов общества; 2) экономический рост, ориентированный на повышение жизненного уровня населения и на смягчение возникающих конфликтов; 3) утверждение социальной справедливости в качестве одного из принципов межличностных отношений; 4) институционализация политической демократии в социальной системе, где глубоко укоренились статусная (или кастово-сословная) иерархия, а власть удерживает ограниченный круг лиц.

Можно по-разному оценивать научный и практический потенциал теорий политической модернизации сейчас, четыре десятилетия спустя после первых опытов преобразования обществ, ныне именуемых переходными. Но нельзя не заметить, что это направление политологических исследований оказалось очень полезным для понимания процессов гигантского масштаба и особой общечеловеческой значимости, а также и для управления ими. Теоретики модернизации были, пожалуй, первыми, кто обратил серьезное внимание на необходимость оперативной и глубокой трансформации обществ, включающих в себя ⁵/₆ мирового народонаселения. Сверх того, Алмонд и его последователи были одними из первых, кто по-

пытался применить методологические принципы теории модернизации к условиям тех стран Европы, которые образуют «вторую волну» индустриального развития.

Вопросы для семинарского занятия

1. Оцените вклад философии Просвещения в развитие представлений о политических изменениях. Какие факторы способствовали этому?
2. Возможно ли политическое развитие в условиях авторитарного режима или оно является атрибутом и функцией только демократического режима?
3. Оправдано ли представление о традиционных обществах как о «примитивных и отсталых»?
4. Какие предпосылки необходимы для образования основ современного общества?
5. В чем отличие государственного переворота от революции? Может ли переворот сравниться по своим последствиям с революцией?
6. Приведите примеры революций сверху в России. Каковы их результаты по сравнению с революциями снизу?
7. Назовите основные исторические и методологические истоки теории модернизации.
8. Каковы наиболее приемлемые варианты модернизационных преобразований в концепции Д. Растоу?
9. Какое влияние оказывает на общую теорию модернизации интенсификация процессов экономического и политического развития, глобализации и регионализации?
10. Какова специфика обществ «позднего старта»? Какие факторы, по вашему мнению, определяют разные достижения обществ «позднего старта», в т.ч. России?
11. Можно ли считать 70-летний советский период истории России попыткой реализации модернизационного проекта? Если да, то в чем состоят его особенности?

Тексты

Будон Р. *Место беспорядка. Критика теорий социального изменения*. — М., 1998.

Гидденс Э. Последствия модернити. — *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. — М., 1999.

Гидденс Э. *Социология*. — М., 1999.

- Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. — М., 1997.
- Парсонс Т. *Система современных обществ*. — М., 1997.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели. — *Полис*, 1996. — № 5.
- Штомпка П. *Социология социальных изменений*. — М., 1996.
- Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций*. — М., 1998.

Дополнительная литература

- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах*. (Отв. ред. В.Г. Хорос). — М., 1996.
- Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае. — *Полис*, 1995. — № 5.
- Ильин М.В. Политическая модернизация: неоконченная драма в трех действиях. — *Стратегия*, 1998. — № 1.
- Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен (О понятиях «процесс», «изменение», «развитие»). — *Полис*, 1993. — № 2.
- Капустин Б.Г. *Современность как предмет политической теории*. — М., 1998.
- Лисовский Ю.П. Социокультурные предпосылки модернизации. — *Полис*, 1992. — № 5–6.
- Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результата. — *Космополис. Альманах 1997*.
- Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерки социологии*. — М., 1998.

Политическое поведение

Political Behavior

Программные тезисы

- Человек и его действия как исходная сущность и реальность политики. Гуманистический смысл современной политики.
- Человек — субъект (актор) политики. Политические роли. Homo politicus. Коллективные субъекты политики. Политическая социализация и десоциализация. Политизация и деполитизация. Политические темпераменты.
- Поведенческий подход к политике. Многообразие разновидностей понимания политического поведения.
- Психологическая составляющая политического поведения. Три формы проявления человеческой активности: инстинкты, навыки и разумные действия.
- Факторы воздействия на политическое поведение: внешняя среда, потребности, мотивы, установки, личностные особенности, действия и поступки, их обратная связь. Материалистические и постматериалистические потребности.
- Политическое поведение в организованных и стихийных формах. Партийная идентификация. Особенности поведения индивида в толпе. Экстремистское поведение.
- Политическое участие и его виды. Политическая мобилизация. Оптимальные границы и модели политического участия.
- Электоральное поведение. Направления электоральных исследований.
- Кризисы политического участия. Институциональная адаптация, авторитарный ответ и «обволакивание» новой политической активности как способы разрешения кризисов политического участия.

Проблемные вопросы

1. Что является простейшим элементом политики?
2. Что такое политическое поведение? Какова его структура?
3. Каковы основные аспекты поведенческого подхода к политике?
4. Как можно определить политическую установку, мотив, потребность?
5. В чем специфика организованной и стихийной форм политического поведения?
6. Что есть политическое участие?
7. Когда и почему возникают кризисы политического участия?

1. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ

1.1. Человеческие действия — непосредственная реальность политики

В данном разделе нашей книги рассматривается вопрос о человеческом, или личностном, измерении политики, т.е. как выражает себя в ней человеческая природа, прежде всего *психологические качества* людей. Такой угол зрения важен еще и потому, что позволяет лучше понять, в чем смысл интереса к политике, занятий ею, что именно политическая активность может дать личности. В стороне оставлены нормативные мировоззренческие трактовки природы человека, например, религиозные и, шире, идеологические, а также этологические концепции (изучают поведение в естественных условиях) и биополитика, которые фокусируют внимание на роли биологических, генетически обусловленных качеств в этой сфере деятельности.

Интерпретация

Создатели теорий человеческой природы с античности стремятся обнаружить и объяснить фундаментальные качества, присущие мыслящим существам. В «*Энциклопедии управления и политики*» (ред. М. Хоксворт, М. Коган, 1992) выделены некоторые весьма влиятельные теории и модели человеческого естества нормативного и биополитического характера:

- теория *Платона* об индивидуальной человеческой природе;
- пессимистическая теория *Томаса Гоббса*, представившего (на основании доступных в то время научных данных) человека в качестве существа, движимого только своим эгоистическим интересом и постоянно жаждущего власти;
- теория *Джона Локка*, считавшего человека изначально социальным существом;
- концепция *Жана Жака Руссо* о «благородном дикаре»;
- *марксистская* модель социальной природы человека и определяющем значении общества, а также его уклада в формировании человеческих качеств;
- *социальный дарвинизм*, выдвинувший идеи о том, что выживают наиболее приспособленные и что конкуренция в природе и обществе неизбежна и желательна;
- *бихевиористская* концепция *Берреса Фредерика Скиннера* (1904–1990), считавшего человеческое поведение легко подда-

ющимся влиянию общества, что позволяет в прямом смысле создавать требующихся ему людей путем манипуляции социальными условиями;

— биосоциальные концепции *Конрада Лоренца* (1903–1989), *Эдварда Вильсона* (род. 1929) и др., настаивающие на стабильности человеческой природы в силу неизменности инстинктов или наследственной предопределенности (весьма реальная возможность целенаправленного генетического вмешательства в них не рассматривается).

Каждому ясно, что люди, социум в целом — основа, а человек — исходная сущность политики. Политику создал именно человек разумный, *Homo sapiens*. Библейский вопрос — «человек для субботы, или суббота для человека?» — в данном случае помогает понять, что образование политической сферы, ее систем, институтов и т.п. имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет людям развивать и полнее реализовывать свои возможности мыслящего существа, свой поистине беспредельный внутренний потенциал.

Сами по себе политические отношения являются в первую очередь особым видом общения между людьми, а лишь потом — в результате сложных соединений и опосредований — связями между разного рода системами, включая политии. В конечном счете политические отношения складываются на основе персонально ориентированных и естественно повторяющихся единичных действий. Именно поведение людей составляет непосредственную реальность, фактуру, живую первооснову, или субстанцию (лат. *substantia* — сущность), политики.

Политика, как и все другие человеческие занятия, возникла в результате вызова, брошенного жизненными обстоятельствами нашим предкам, которые были до той поры высшими приматами, но еще не людьми. Они оказались перед выбором: либо погибнуть как биологический вид, либо воспроизвести свой род иначе, не просто животным, а иным — человеческим, скажем мы теперь — образом. Так под давлением развивающейся биосферы исходная прокреативная (лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет) пока животная функция продолжения рода выходит на более высокий уровень. С тех пор эволюция населяющих Землю живых существ определяется фактором **очеловечивания** (антропогенеза). Непременной составной частью такого очеловечивания становится развитие способностей особых живых организмов согласовывать свои действия, организовываться, обеспечивать достижение целей, важных для всего рода и для каждого из образующих его существ. Именно таким путем воз-

никает политика как специфическая сторона человеческого бытия, связанная с **целедостижением**.

Люди, однако, занимаются политикой не только потому, что их вынуждают к этому обстоятельства, но и ради **личного самодтверждения** — отдельных индивидов, их сообществ и рода человеческого вообще. Многие политические философы полагают, что смысл политики (как и любого другого вида жизнедеятельности) состоит прежде всего в том, чтобы совершенствовать ту или иную сторону нашего существования, некие грани личности. В силу этого занятие политикой, вовлеченность в нее могут и должны оказывать на людей развивающее и **гуманизирующее** воздействие. В этом заключено глубокое гуманистическое содержание политики, которое, разумеется, реализуются лишь при определенных условиях.

ГУМАНИЗМ (лат. *humanus* — человеческий) — 1) отношение к людям, проникнутое любовью к человеку, заботой о его благе, уважением к человеческому достоинству; 2) мировоззрение, основанное на принципах равенства, справедливости, человечности связей между людьми.

1.2. Homo politicus и его роли

Считается, вместе с тем, что собственно политическая деятельность способна нанести и ущерб человеку: какие-то негативные качества личности, с одной стороны, и деформированность политических институтов — с другой, обращают благо во зло.

Интерпретация

В обыденном сознании широко растиражирована (в разных формулировках) знаменитая максима британского политика **лорда Актона** (1834–1902): власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Видимо, с этим связано и мнение о том, что политика — «грязное дело».

Следовательно, важно выяснить, какие политические **роли** доступны человеку, как он может справиться с ними.

Обратите внимание

Политическая по сути проблема соотношения личности человека и тех ролей, которые он исполняет, наглядно выражена в творчестве великого драматурга **Вильяма Шекспира**. Древнеримский герой Кориолан может поставить свое Я выше всех институтов, всех предписываемых политическими традициями своей родины ролей. В результате личность, оставшаяся без пренебрежительно отброшенных ролей, распадается, и великий герой оказывается бесславной жертвой обстоятельств. В другой пьесе отличный воин Макбет впадает в искушение ролью узурпатора трона; потом личина кровавого тирана подчиняет себе его личность, фактически унич-

тожает ее. Так абсолютная власть превращает жизнь прежнего героя в «болтовню придурка, наполненную яростью и шумом, но без смысла». Совсем иное дело, когда юный принц Гарри поочередно примеривает на себя роли своих будущих подданных. Такая школа позволяет ему стать идеальным монархом Генрихом V. Равным образом взросление, обретение жизненного опыта другими персонажами Шекспира, их становление как личностей сопряжены с освоением множества различных ролей, с примериванием личин, перевоплощениями и т.п.

Можно согласиться с Шекспиром, что человек проявляет свои личностные качества по мере овладения различными политическими ролями. И наоборот — сведение личности к одной лишь личине деформирует и губит человека.

Простейшее определение **человека политического** — **Номо politicus**: это активная личность, которая посредством исполнения политической роли (ролей) добивается достижения определенных и нужных ему целей. При этом вероятны разные исходы. Роль одного человека может сочетаться с ролями других людей. В результате сложится совместный сюжет, выявятся и будут достигнуты общие цели. Но если обнаружится несогласованность в исполнении ролей, тогда вместо единого действия какой-то фрагмент политической жизни распадется на хаотичные усилия отдельных акторов, которые в лучшем случае хоть частично добьются своего, но с утратами, в т.ч. и личностными. Воспринятая роль может сковать способности или даже уничтожить ее исполнителя. Однако человек в состоянии искусно овладевать разными политическими ролями и именно таким образом реализовать свою политическую — и одновременно человеческую — природу и потенциал.

Человек — основной **субъект (актор)** политики. В общественной жизни люди образуют различные группировки. Одни случайны и непостоянны, хотя иногда оказываются значимыми в какой-то специфический момент политического процесса. Гораздо важнее другие группировки — устойчивые и индивидуализированные. Это составные, **коллективные субъекты** (акторы), которые в целом сообразуют свои поведение и политическое участие с образцом (моделью) личности с ее волей, темпераментом, характером, сознанием, действиями и т.п. В политических отношениях группа может функционально выступать вместо индивида («мы будем за него») и, наоборот, индивид — вместо группы («я отвечаю за них»). Вместе с тем, полностью отождествлять политическое поведение индивидуального и коллективного актора было бы неверно.

Великая тайна любого поведения — это общественное поведение... Мне казалось, что я проник в самую глубину человеческого существа, однако ни в самой малой степени я не осмелился бы утверждать ничего о том, как этот человек поведет себя в группе.

Ф. Бартлетт, «Вспоминая»

Границы между различными сферами жизни довольно условны. Отдельные стороны человеческого бытия — не что иное, как аналитические проекции, которые сосуществуют друг с другом здесь и сейчас, т.е. в конкретной точке пространственно-временного континуума. Только их сочетание и взаимоналожение делают возможными многогранность и разнообразие жизни человека. Так, на избирательном участке, исполняя роль голосующего, человек *одновременно* представляет роли мужа и отца, сына и брата, верующего, гражданина своей страны и т.д.

Социальные системы состоят не из людей, а из ролей. Семья, например, состоит из ролей матери и отца, мужа и жены, братьев и сестер. Семья — это только один из наборов взаимосвязанных ролей ее членов, которые также исполняют роли вне семьи в школах, на предприятиях, в церковных приходах. Равным образом и политическая система состоит из ролей граждан (nationals), подданных (subjects), избирателей, взаимодействующих, смотря по обстоятельствам, с ролями законодателей, бюрократов и судей. Те же самые люди, которые исполняют свои роли в политической системе, делают то же и в других социальных системах, таких как экономика, религиозное сообщество, семья и добровольные ассоциации. По мере того как люди вовлекаются в политическое общение, формируют группы интересов, голосуют или же уплачивают налоги, они оставляют неполитические роли и принимают политические. Можно сказать, что в день выборов, когда граждане покидают свои фермы, заводы и учреждения, чтобы направиться на избирательные участки, они пересекают границу между экономикой и политикой.

Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, «Сравнительная политология»

Взаимосвязи человека с политической сферой обладают своей динамикой. Он только постепенно вовлекается в политические отношения и осваивает их. Это — процесс становления личности гражданина, человека политического, что проявляется прежде всего в обретении им нужных ролей как своеобразных

ТЕМПЕРАМЕНТ (лат. temperamentum — соразмерность) — совокупность особенностей личности, характеризующая динамику ее психической деятельности (темп, ритм, интенсивность, устойчивость или быстрая смена психических состояний, сила чувств и т.д.).

соединений определенных норм и правил поведения. Включение в политическую жизнь именуется **политической социализацией**, а отстранение от этой жизни, утрата соответствующих знаний и навыков (к примеру, в результате эмиграции) — **политической десоциализацией**. Под **политизацией** необходимо понимать не только умение пользоваться нормами, ролями и т.п., но также их активное и постоянное применение. Антоним данного термина — **деполитизация** — означает вольный или под принуждением отказ от практикования знаний и навыков политического участия. Деполитизация может выражаться в формах *эскапизма*, т.е. в стремлении личности уйти от политической действительности, в ее социальной пассивности, уклонении от участия в политических процессах, которые в силу тех или иных причин неприемлемы для актора («внутренняя эмиграция»). Вместе с тем, деполитизация порой приводит и к болезненному неприятию политических норм. В результате нередко возникает состояние *аномии*, когда утрачиваются какие-либо устойчивые ориентиры и возможности взаимодействия с другими людьми, возникает полная жизненная апатия.

Коллективные политические акторы функционально наследуют и сознательно отождествляют себя с личностным началом, что создает основу для развития таких важных явлений, как политическая воля (воля партии, фракции, парламента, муниципалитета, правительства и т.п.) или **политический темперамент**.

Французские ученые *Жан Мейно* и *Ален Лансело*, определив политическое поведение как образ действий индивида или группы при их реакции на какое-либо общественное событие (или идею), показали, что такой темперамент в целом служит поддержанию либо упрочиванию характеристик поведения. Политический темперамент нередко представляют как противостояние двух его типов — правого и левого. Иногда к ним причисляют еще и центристский. Английский психолог *Г. Айзенк* разработал иную классификацию политических темпераментов, основанную на пересечении двух осей: радикализм — консерватизм и авторитарность — либеральность. В результате получились четыре течения: авторитарные радикалы (например, коммунисты), либеральные радикалы (социал-демократы), авторитарные консерваторы (фашисты), либеральные консерваторы (умеренные правые).

Интерпретация

Французские политологи весьма подробно занимаются проблемой политических темпераментов на материале не только своей страны, но и многих западных демократий. Рассмотрев иде-

ологические характеристики и стиль поведения двух основных течений, *Жан-Луи Кермонн* пришел к выводу, что правые — это пессимисты, признающие существование препятствий на пути изменений, воздвигнутые самой природой вещей, а левые — оптимисты, находящиеся в постоянных поисках прогресса. *Франсуа Гогель* объяснил соперничество правых и левых тем, что первые — «партия порядка», вторые — «партия движения». Левые предпочитают, чтобы в современном мире неизбежные изменения шли как можно быстрее, правые — чем медленнее, тем лучше.

Однако за общими понятиями правого и левого политических темпераментов скрываются отнюдь не однородные силы. *Рене Ремон* показал, что правые подразделяются как минимум на три течения: «ультра» (крайние реакционеры вроде фашистов); либералов (признают демократические ценности и нацелены на реформы); националистов (авторитарных, волюнтаристских, т.е. не считающихся с реальными условиями и возможностями, склонных к произвольным решениям, а также к популизму). Сходную работу в отношении левых провел *Жан Тушар*, выделив среди них авторитаристов, гуманистов и центристов.

Некоторые политические аналитики, вслед за психологами, выстраивают разветвляющуюся систему политических темпераментов: 1) слабый тип (меланхолический; гр. melas — черный, chole — желчь); 2) сильный неуравновешенный тип (холерический; лат. cholericus от гр. chole); 3) сильный и уравновешенный, но инертный тип (флегматический; гр. phlegma — слизь); 4) сильный, уравновешенный и подвижный тип (сангвинический; лат. sanguinis — кровь, жизненная сила). Подобная классификация, построенная на учете наличия или дефицита силы, уравновешенности и подвижности психики, вполне приложима к коллективным политическим акторам.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

2.1. Поведенческий подход к политике

Глубинная взаимосвязь политики и реальных человеческих действий исследуется в нашей науке в рамках так называемого **поведенческого подхода** (англ. behavioral approach) — **бихевиоризма**. Цель этого направления, возникшего в 1950-е гг., — последовательное проведение принципа учета только поддающихся наблюдению и регистрации фактов политического поведения.

Пол ЛАЗАРСФЕЛЬД (1901–1976) – американско-австрийский психолог и социолог, внесший большой вклад в изучение массовых коммуникаций, влияния средств массовой информации на общество, президентских выборов; способствовал развитию методологии социальных наук (в особенности прикладных дисциплин).

«Поведенческая революция» в период своего апогея во многом напоминала якобинскую диктатуру; в продолжение этой аналогии вряд ли будет преувеличением сказать, что реакция на нее была чисто термидорианской. Бунтари эпохи раннего бихевиоризма, со своей стороны, стремились покончить с формализмом в политике: с политическими институтами, организационными схемами, конституционными мифами и юридическими фикциями — как с чистой воды мошенничеством.

Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн, «Политическая наука: новые направления»

Поведенческий подход акцентирует очень важный исходный пункт всякого восприятия и изучения политики, а именно: непосредственно наблюдаемое, т.е. именно *здесь и сейчас* (лат. *hic et nunc*), единство окружающей реальности и индивидуального опыта человека. Этим началом дело, естественно, не ограничивается. Однако без него сложные образования — политики, конституции, универсальные категории (власть, право и т.п.) — рискуют быть упрощенными до разного рода фантастических либо чисто мыслительных построений.

Одна из проблем поведенческого подхода состоит в том, что человека во всей его целостности нельзя «свести» только к политике либо к какой-то другой крупной специализированной сфере его деятельности — экономике, культуре. Эти сферы представляют собой лишь отдельные стороны неделимого человеческого существования, в каждой из которых личность исполняет определенную роль или набор ролей.

«Поведенческая революция», открывшая новую эпоху в исследовании политического поведения, началась в 1944 г. с давно уже признанной классической работы **Пола Лазарсфельда** и его коллег из Колумбийского университета **Бернарда Берельсона** (1912–1979) и **Хазель Года** «Выбор народа», которая была посвящена исследованию выборов, где основное внимание уделялось поведению избирателей в ходе президентской кампании 1940 г. в графстве Эри (штат Огайо).

ЛАЗАРСФЕЛЬД (Lazarsfeld), **Пол** (1901, Вена — 1976, Нью-Йорк) — американско-австрийский психолог и социолог, внесший большой вклад в изучение массовых коммуникаций, влияния средств массовой информации на общество, президентских выборов; он также способствовал развитию методологии социальных наук (в особенности прикладных дисциплин).

Автор ряда работ, среди которых: «Статистический практикум для психологов и преподавателей» (1929); «Безработные жители Мариенталья»

(1933, соавт. М. Яхода, Г. Зайзель; англ. изд. 1971); «Радио и печатная страница» (1940, соавт. Ф. Стэнтон); «Выбор народа. Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента» (1944, соавт. Б. Берельсон, Х. Годе); «Прослушивание радио в Америке» (1948, соавт. П. Кендалл); «Голосование. Исследование процесса формирования мнения избирателя во время кампании по выборам президента» (1954, соавт. Б. Берельсон, У. Макфи); «Личное влияние. Роль людей в потоке массовых коммуникаций» (1955, соавт. Э. Катц); «Анализ латентных структур» (1968, соавт. Н. Генри); «Анализ социальных процессов» (1970, соавт. Ф. Шазель, Р. Будон); «Качественный анализ» (1972); «Введение в прикладную социологию» (1975, соавт. Дж. Рейтс) и др.

Вклад в развитие политической науки. Наибольший интерес с точки зрения оценки значимости идей Лазарсфельда для политологии представляют два его труда — *«Выбор народа»* и *«Голосование»*, содержащие анализ процессов формирования электорального поведения и влияния на них СМИ, массовых коммуникаций в целом.

Книга *«Выбор народа»* основана на новаторском анализе статистических данных (представленных в динамике) о поведении избирателей графства Эри, полученных благодаря так называемому панельному методу (периодический опрос группы населения для выяснения того, как изменяются мнения и предпочтения ее членов относительно какой-либо проблемы) и выборочному обследованию граждан. Идеи и методология Лазарсфельда заложили основу *социологической школы исследований электорального поведения*, основные тезисы которой таковы: неодинаковые социальные характеристики — разное голосование; политическое мышление индивида определяется его социальным мышлением, а политические предпочтения граждан — их социальными характеристиками, т.е. положением в структуре общества и особенностями приобретенного там опыта. В книге также показана концепция передачи информации (послания) в два этапа (англ. two-step flow of communication), имевшая важные практические следствия: избиратели (чаще всего из наиболее пассивных частей электората), довольно поздно выбравшие кандидата, за которого будут голосовать, мало подвержены воздействию СМИ, но открыты для влияния лидеров общественного мнения, которые, по версии Лазарсфельда, более чувствительны к СМИ и таким образом транслируют избирателям распространяемые теми идеи. Значит, передача информации происходит в два этапа по схеме «СМИ — лидеры общественного мнения — избиратели». Также было выяснено, что больше всего политико-рекламных материалов в ходе предвыборной кампании «потребляют» избиратели, которые уже наметили своего кандидата. С этим обстоятельством связан парадокс: еще неопределившиеся граждане как наиболее желанный «объект охоты» специалистов по политтехнологиям составляют ту категорию электората, до которой донести пропагандистские материалы сложнее всего, ибо они, в отличие от определившихся, малочувствительны к пропаганде и меньше интересуются политикой. Книга *«Голосование»* продолжила и углубила этот анализ: в ней исследовано поведение избирателей г. Эльмира (шт. Нью-Йорк) во время президентской кампании 1948 г. Было открыто обстоятельство, противоречащее классической демократической теории: хотя избиратели в большинстве своем голосовали, однако они питали весьма

Энтони ДАУНС (род. 1930, Эванстон, шт. Иллинойс) — американский ученый, работающий в сферах политэкономии, проблем управления и урбанизма, один из основоположников теории общественного выбора (англ. *public choice*).

слабый интерес к политике. В целом Лазарсфельд и его коллеги обнаружили: влияние СМИ на формирование политических предпочтений избирателей представляет собой весьма сложный механизм и часто бывает переоценено (установлено, что его эффективность зависит от ряда переменных, например, уровня образования, возраста, местожительства и т.п.), в то время как наибольшее влияние оказывают так называемые первичные группы — семья, друзья, коллеги и др.

Следующей вехой на пути становления новой теории в политологии — поведенческого подхода к политике — стали работа молодых в то время авторов из Мичиганского Университета **Альберта Ангуса Кэмпбела** (1910–1980), **Филипа Конверса** (род. 1928), **Уоррена Миллера** (род. 1924) и **Дональда Стоукса** (род. 1927) «Американский избиратель» (1960), а также книга **Энтони Даунса** (род. 1930) «Экономическая теория демократии» (1957). Несмотря на открытия Лазарсфельда, продвинувшие политологию вперед, в области изучения электорального поведения утвердилась исследовательская парадигма, известная как *мичиганская социопсихологическая модель*.

ДАУНС (Downs), **Энтони** (род. 1930, Эванстон, шт. Иллинойс) — американский ученый, работающий в сферах политэкономии, проблем управления и урбанизма, один из основоположников теории общественного выбора (англ. *public choice*).

Автор ряда работ, среди которых: «Экономическая теория демократии» (1957); «Бюрократическая структура и принятие решений» (1966); «Бюрократия изнутри» (1967); «Проблемы и перспективы городов» (1970); «Расизм в Америке» (1970); «Открытие пригородов. Стратегия развития американских городов» (1973); «Федеральные жилищные субсидии» (1973); «Путь к эффективной десегрегации» (1973, соавт.); «Местные сообщества и городское развитие» (1981); «Упадок урбанизма и будущее американских городов» (1982, соавт.); «В дорожной пробке. Как справиться с транспортными заторами в час пик» (1992); «Политическая теория и общественный выбор» (в 2-х томах, 1998) и др.

Вклад в развитие политической науки. В своей первой книге «Экономическая теория демократии», которая стала одним из главных источников начавшейся в 1950-е гг. «революции рационального выбора» (англ. *rational choice*) в политологии и определила качественно новую исследовательскую повестку дня, Даунс предпринял попытку, применяя экономические модели и концепции для анализа сугубо политических проблем и отталкиваясь от нескольких простых аксиом, построить на основании дедукции теорию демократической политики, главные действующие лица которой — *рациональные акторы* (как партии и политики, так и избиратели), стремящиеся к максимизации своих целей. С тех пор этот труд — один из наиболее цитируемых и принадлежит к классике политической науки, к фундаментальным положениям которого ученые регулярно об-

рашаются, с тем чтобы их пересмотреть, отвергнуть либо принять для дальнейшего развития той или иной новой модели.

По Даунсу, рациональность акторов в политике, понятая аналогично экономической рациональности (польза должна превышать издержки), выражается в том, что на выборах кандидаты и партии стремятся получить максимальное количество голосов и постов, а избиратели — максимум индивидуальной пользы (в чем бы она ни состояла), соотношенной с издержками.

Модель двухпартийной конкуренции, на которую часто ссылаются при оценке концепций Даунса (сам ученый отмечал, что это только одна из возможных — и далеко не самых совершенных — моделей в духе рационального выбора), требует ряд обязательных условий: демократическая среда для конкуренции и двухпартийная система; выборы происходят в одном избирательном округе; единственный депутат выявляется большинством голосов на выборах в один тур; политические альтернативы, предлагаемые кандидатами, могут быть расположены по шкале «правые — левые»; позиции кандидатов четко определены; избиратель голосует за ту партию либо кандидата, которые будут проводить курс, наиболее близкий взглядам человека, имеющего в своем распоряжении какую-нибудь информацию о политической позиции партии или кандидата (избиратель сравнивает предлагаемые кандидатами альтернативы, исходя из ожидаемых для себя выгод от их реализации); партии и кандидаты предлагают свои предвыборные платформы, руководствуясь исключительно интересами победы (других рациональных мотивов у них нет); каждый кандидат принадлежит к единой команде своей партии; люди идут на выборы, если ожидают, что польза от их участия (т.е. вес конкретно их голосов будет решающим) в голосовании за «своего» кандидата превысит издержки, связанные с получением информации, поездкой на избирательный участок и т.п. Анализ функционирования модели двухпартийной конкуренции выявил, что позиции партий и кандидатов, стремящихся заручиться максимальной поддержкой электората, сближаются в центре идеологического спектра для соответствия запросам некоего среднего избирателя, однако объединения партий не происходит. Другое важное направление, обусловленное моделью Даунса, — разработка проблем так называемой *экономики информации*, т.е. влияния общих издержек, связанных с информацией, на поведение рациональных акторов. Выяснилось, что затраты на приобретение, анализ и оценку информации довольно велики (требуются материальные ресурсы, навыки, время и т.п.) и являются серьезным препятствием для большинства граждан для получения ими достаточной информации в данной области. Необходимые ресурсы можно использовать для чего-то еще, и данное обстоятельство есть рациональное основание и объяснение низкой осведомленности большинства граждан о политике. Партии и политики пользуются этим и в целях успеха борьбы за «рационально невежественный» электорат сознательно придают нечеткость ряду положений своих программ. Впрочем, для того чтобы частично сэкономить на информационных издержках, избиратель обращается к партийной идеологии для получения и обобщения, конечно, не самой объек-

тивной и полной, но все же информации. Также следует упомянуть вывод ученого о нерациональности голосования с инструментальной точки зрения: для конкретного избирателя рациональное голосование возможно только при условии, что именно его бюллетень «решит исход дела» и в итоге (т.е. при условии избрания «своего» кандидата) покроет издержки от выборов, а вероятность этого близка к нулю. Следует особо отметить, что упомянутые выводы не имеют силы должествования: речь идет о ситуациях, которые требуют иных, нежели принято, объяснений, поиска и исследования других переменных и т.п.

В книге *«Бюрократия изнутри»* Даунс применил экономические модели для исследования иерархической структуры — бюрократии, которой свойственно сочетание проблем «утечки власти» (англ. authority leakage) и «бюрократической негибкости» (англ. bureaucratic rigidity). В силу множества не всегда совпадающих интересов и далеко не самого совершенного контроля внутри бюрократической организации происходит ослабление власти начальства по мере того, как его приказы спускаются вниз по иерархической лестнице к тем, кому они адресованы. Эту «утечку власти» обычно пытаются компенсировать усилением централизации, внутренней специализацией и принятием всевозможных регулирующих правил, из-за которых увеличивается степень жесткости (косности) бюрократической структуры.

Обратите внимание

Поведенческий подход — это междисциплинарное направление в политологии. В его развитии участвовали ученые разных специализаций. Миллер (*«Политическая наука: новые направления»*, 1999) показывает, что истоки исследований политического поведения — во многих общественных науках послевоенного периода. Например, руководитель четверки, ответственной за издание новаторской для своего времени книги *«Американский избиратель»*, Кемпбелл по образованию был психологом-экспериментатором, затем (до войны) внес весомый вклад в становление социальной психологии как академической дисциплины. Другой автор, Конверс, был социальным психологом, но работал в рамках социологии. Сам Миллер называет себя «политологом-мутантом», изучавшим международные отношения, методологию и методы исследований в антропологии, социологии и социальной психологии. Единственно Стоукс получил профессиональное политологическое образование, но затем осваивал математическую статистику, когда появились предшественники компьютеров.

«Поведенческая революция» создала основу для возникновения трех направлений исследований, основанных на традициях и схемах политической социологии, социальной психологии и политэкономии, каждое из которых по-своему трактовало поведение ин-

дивида, делающего свой выбор в политике на принципах рациональности и личной заинтересованности.

Важнейшим элементом политической социологии является методологический индивидуализм, в соответствии с которым отдельные граждане и их политический выбор составляют первичные объекты изучения (А. Пшеворский, 1985). Однако отдельный актор рассматривается не изолированно, а в контексте тех обусловленных его окружением ограничений и возможностей, которые влияют на модели социальных взаимодействий, получение политической информации и осуществление политического выбора. В то же время методология, центром которой является индивид, требует четкого определения каналов взаимного влияния индивида и его окружения. Недостаточно показать... что тот, кто живет среди других рабочих, скорее всего будет голосовать за социалистов. Также необходимо выделить и механизм влияния. Эти рабочие проголосовали за социалистов, потому что общались с соседями-социалистами или с местным партийным функционером? Почему на них повлияли именно соседи (или функционеры)?

Таким образом, важная часть социологического изучения политического поведения связана с развитием, выявлением и оценкой альтернативных моделей влияния, моделей, которые предполагают, что индивид находится в центре событий. Неудивительно, что происхождение многих моделей связано с политической психологией и политической экономией.

Э.Г. Карминес, Р. Хакфельд, «Политическая наука: новые направления»

Категория **политического поведения** воспринята из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении наблюдаемого поведения, т.е. только тех его проявлений, которые регистрируются со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в сфере политики. Политические бихевиористы (среди них — *Дэвид Истон*) предложили *ситуационный подход*, рассматривающего три вида среды: физическую, органическую, социальную; они объективны, их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить взаимосвязь (корреляцию) между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений изучения демократии является установление зависимости между объективным фактором — уровнем социально-экономичес-

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ — 1) совокупность проявлений внешней (например, наблюдаемые действия, такие как голосование на выборах или уклонение от него, участие в демонстрациях, акциях протеста и т.п.) и внутренней (позиции, убеждения и т.д.) активности институциональных и неинституциональных, индивидуальных и групповых акторов; 2) различные отношения индивидов и групп к политической реальности и многообразные способы их выражения; 3) объект исследований, активная разработка которого началась в годы после Второй мировой войны и имевшая своими главными целями объяснение поведения избирателей и изучение общественного мнения с помощью количественных методов исследования.

кого развития — и утверждением демократического режима. Например, *Сеймур Мартин Липсет* выдвинул гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров.

Другая разновидность той же трактовки поведения — теория политического обмена (рынка) *Питера Блау* (род. 1918), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит в экономике: кто больше вносит средств, тратит времени и сил, тот может рассчитывать на большее вознаграждение от политики. Само политическое поведение истолковывается в качестве результата рациональных решений о том, что индивиду более выгодно. Эта модель применяется также для прогноза итогов выборов и для анализа принятия решения лидерами. В ней человек рассматривается как полностью рыночное существо (лат. Homo economicus), а его эмоциональные порывы и стихийные поступки, ценности и взгляды обойдены вниманием.

Для теоретиков **конфликта**, например, *Гарри Экстайна* (1924–1999), характерно представление о том, что политическое поведение обязательно обречено на конфликт: либо внутри-, либо внешнеполитический. Конфликт и согласие трактуются как два нормальных состояния человеческого существования. Но в политике (в отличие от выяснения отношений с помощью схватки) конфликт облекается в некие условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения спорной ситуации (договор об общественном согласии или о ненападении, операции по поддержанию мира и т.п.).

В целом в политологии под термином политическое поведение понимают: 1) действия отдельных акторов и массовые выступления; 2) активность организованных субъектов власти и стихийные действия толпы; 3) акции в поддержку системы и действия, направленные против нее. Голосование «против» какого-то кандидата и неявка на выборы (абсентеизм; лат. absens — отсутствующий) тоже трактуются как формы политического поведения.

2.2. Психологические составляющие политического поведения

Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения, дополняется исследованиями собственно психологической природы тех поступков, которые совершают граждане.

Современные объяснения политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул — реакция» промежуточные фак-

торы (какое-то «среднее звено»), которыми могут быть по отдельности установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащие индивиду либо группе.

Интерпретация

Как заметил американский политический психолог **Фред Грин-стайн** (род. 1930), поведение — это функция, обусловленная ситуацией, складывающейся в окружающей акторов среде, и теми психологическими predispositionами (т.е. системой predispositionов к некоему восприятию условий деятельности и к определенному в них поведению), которые они привносят в обстановку.

Это означает, что никакую форму поведения нельзя истолковать лишь как прямой результат воздействия политических стимулов. За исключением, может быть, самых простых проявлений активности, предпринятых ради выживания, все остальные поступки опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

В исследованиях политического поведения ортодоксы полагали, что люди формулируют свои установки (по основным вопросам) или предпочтения (в моделях «голосования по проблеме»), которые они субъективно осознают, а затем прямо воплощают в своих действиях. Эта точка зрения игнорирует множество вариантов, когда ограничения, связанные с ситуацией (такие как взаимодействие или взаимозависимость), могут помешать установкам или предпочтениям выразиться в поведении и, возможно, даже быть осознанными.

П. Данливи, «Политическая наука: новые направления»

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три формы проявления человеческой активности: инстинктивную, навыки и разумную. Такая психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

Инстинкты (лат. *instinctus* — побуждение) — это врожденные модели поведения, определенные биологически и задающие направление энергии поведения. Среди психологов пока нет согласия в вопросе о границах действия инстинктов у человека, но общепризнанным сегодня является положение о том, что значительное число форм поведения имеет инстинктивный характер. Одни ученые насчитывают несколько десятков подобных инстинктов, другие — даже тысячи. Набор инстинктов включает как все

автоматизмы (гр. *automatus* — самопроизвольный) в поведении человека (дыхание, ходьба и пр.), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике выражаются все человеческие инстинкты — от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно инстинктивная основа политического поведения указывает прежде всего на направленность энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаны самим человеком.

Инстинкт *самосохранения* толкает политиков на борьбу за власть и объясняет некоторые нерациональные с точки зрения здравого смысла поступки. Специалисты до сих пор спорят о причинах жестокости таких деятелей, как А. Гитлер или И.В. Сталин. Рассматривая личность Сталина, некоторые политпсихологи приходят к выводу, что именно его потребность оградить свою травмированную самооценку от любых сравнений с выбранным им с юности образцом (В.И. Лениным) побуждала его избавляться от конкурентов, выдвигать грандиозные проекты по переустройству страны и т.п.

Сталин действительно был поглощен идеей захвата и упрочения власти, но цель, к которой он стремился, была более амбициозной, и в конечном счете власть была лишь необходимым средством достижения этой цели. Цель жизни Сталина сводилась к тому, чтобы стать преемником Ленина и быть признанным в качестве второго Ленина российского коммунистического движения, вождя, обладающего высшими талантами, под руководством которого совершаются новые подвиги, сравнимые по историческому значению с большевистской революцией 1917 г. В Советском Союзе в 30-е годы получило широкое распространение изображение профиля Сталина на фоне профиля Ленина, подпись к которому гласила «Сталин — это Ленин наших дней». И Сталин верил в эти слова.

Р. Такер, «Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность»

Жестокость, насилие, агрессия — тоже инстинктивные виды поведения. Одни авторы полагают, что они являются врожденными. Другие видят в них результат научения. Третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию (лат. *frustratio* — обман, неудача; психологическое состояние, возникающее при разочаровании, неосуществлении значимой для человека цели, потребности). Однако, помимо агрессии, фрустрация вызывает и иные инстинктивные ответы: апатию, регрессию, подчинение и избега-

ние. В политике все эти проявления трактуются как реакция на некоторые события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

Победа революционеров придала деструктивности Гитлера окончательную и бесповоротную форму. Революция посягала на него самого, на все его ценности и тщеславные мечты. Он отождествлял себя самого с Германией. Он чувствовал себя еще более униженным оттого, что среди участников мюнхенского путча были евреи, в которых он уже много лет видел своих заклятых врагов и которые теперь вынуждали его с горечью наблюдать за крушением его националистических, мелкобуржуазных идеалов. От ощущения столь страшного унижения можно было избавиться лишь путем физического уничтожения всех тех, кого он считал виноватыми... Неудачи Гитлера обострялись постепенно... Каждый провал наносил его нарциссизму еще более глубокую рану, еще более глубокое унижение; и в той же степени, в какой росли его неудачи, усиливались его мстительные фантазии, слепая ненависть и некрофилия, корни которых следует искать в его злокачественном инцестуозном комплексе. Когда началась война, казалось, пришел конец его неудачам. Но это было не так, его ждало новое унижение: разгром немецких армий и победа революционеров. На этот раз у Гитлера была возможность отождествить свое личное унижение и поражение с поражением и унижением всего общества, нации в целом: это помогло ему забыть свой личный провал. На этот раз не *он* был разбит и унижен, а Германия. Когда он мстил и спасал Германию, он мстил за себя самого; смывая позор Германии, он смывал и свой собственный позор.

Э. Фромм, «Анатомия человеческой деструктивности»

Солидарность — инстинктивное поведение людей, которые способны не только соперничать, но и сотрудничать друг с другом. В основе солидарности в политике лежит самоотождествление человека с определенной группой, партией, нацией, позволяющее объединить усилия членов этих сообществ для достижения единых целей и интересов.

Обратите внимание

Классические разновидности солидарности — различные акции протеста, принятые в поддержку своих товарищей, когда, например, работники отрасли объявляют готовность к забастовке, чтобы поддержать то предприятие, которое находится в конфликте с администрацией.

В целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Вторая форма поведения — **навыки**. В отличие от врожденных инстинктов, большая часть типов человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Соответствующих политических навыков требует поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного чиновника и участника общественного движения. Навыки — это определенные *умения*, которые требуются для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса; *привычки*, образующиеся у граждан в конкретной политической культуре; *стереотипы* как следствия повторения неких политических действий и, помимо всего прочего, упрощающие принятие решений.

Политические умения и компетентность (лат. *competentis* — соответствующий, способный) предполагают, что гражданин знает, что именно он должен делать в своей политической роли и как добиться желаемого им результата.

Интерпретация

Распространена точка зрения, согласно которой рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Это предположение — основа многих объяснений неэффективности реформ и сложностей переходного периода. Однако такое мнение не всегда соответствует политико-психологическим данным.

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, не способны в любой момент помогать действовать в новых ситуациях и справляться с очередными проблемами. Здесь исследователи сталкиваются с некоторыми парадоксами. Так, раньше населению социалистических стран был привит стойкий политический навык участия в выборах; более того, число голосующих превышало 90% избирательного корпуса, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации наблюдается снижение числа участвующих в голосовании. Если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. приняли участие 90% граждан, то в парламентских выборах 1993 и 1995 гг. в РФ — только чуть больше половины избирателей. Если в 1990 г. на выборы в республиканские и местные органы власти пришли около 80% голосующих, то в конце этого десятилетия явка избирателей была столь низкой, что во многих случаях даже не был преодолен порог в 25%.

Одновременно с утратой одних политических навыков граждане посткоммунистических стран приобрели другие. Электоральное поведение становится хотя и менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате подобного навыка у большого числа граждан), но зато повысилась компетентность голосующих. В отличие от начала 1990-х, на их исходе люди меньше ориентируются на личные симпатии и больше — на то, какие политические позиции выражают кандидаты, какими профессиональными и деловыми свойствами они обладают. Появились качественно новые политические навыки, которые были приобретены в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах общественных зданий, пикетах и многих других формах поведения.

Компетентность в политическом поведении становится все более необходимой по мере усложнения самих его форм. Лидер должен быть гораздо компетентнее, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Например, вопрос о сменяемости лидеров как условия соблюдения принципов демократии продолжает оставаться спорным. Понятно, что уход вместе с президентом всей его администрации, замененной новыми, менее опытными политиками, снижает уровень компетентности в управлении государственным организмом. Но практика показывает, что и бессменное руководство таит свои опасности, среди которых главная — застой в обществе.

Все государства заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным набором навыков, для чего создаются специальные институты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, лидеры подбираются из тех граждан, которые получили опыт общественной и собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существует система обучения уже избранных парламентариев. В других полициях для того, чтобы стать кандидатом в депутаты, нужно предварительно обрести знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно среди парламентариев много юристов, людей с учеными степенями в области социальных и политических наук.

Разумные действия — третью форму поведения в политике — понимают неодинаково. Одним из критериев разумности может быть эффективность (соотнесение цели с результатом); другим — степень осознанности политических действий; третьим — соответствие высшим ценностям, поставленным во главу угла проводимой политики. Но как бы ни оценивался этот вид поли-

тического поведения, главной характеристикой, отличающей его от двух предыдущих, является выраженное *целеполагание*.

Для обеспечения политическому процессу целенаправленного характера, объединяющего разных его участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных акций, кампаний. Особое значение для политического поведения и индивидуального, и коллективного актора имеет *идеология* как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике. Тем не менее, поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах ориентирами. Исследования массового политического поведения показывают, что в разных странах только незначительное количество людей в своих поступках руководствуется идеологическими соображениями. Американский политпсихолог Конверс полагает, что число таких граждан колеблется в пределах от 10% до 25%.

Обратите внимание

В бывших социалистических странах долгое время идеологические формулы организованно и системно внедрялись в сознание населения. В переходный период эти схемы активно разрушались новыми властями, которые видели в них препятствие для реформирования политической системы. Но никто из реформаторов в таких государствах не построил вместо разрушенной новой эффективной модели, которая отличалась бы устойчивостью и целостностью. В мемуарах тех, кто инициировал реформы, нет фактов, подтверждающих, что преобразования были начаты по какому-то плану, теоретической схеме, не говоря уже об их идеологическом обеспечении.

Знакомство с программами новых партий и движений в странах, находящихся в процессе перехода, показывает, что в ряде из них пока отсутствует четкое представление о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются делать, каковы иерархия целей и приоритет ценностей. Исследования индивидуального политического сознания политиков и рядовых граждан демонстрируют, что и через 10–15 лет после начала преобразований во многих головах как тех, так и других царит хаос. Если прав Конверс, что только небольшая часть людей имеет связную систему идей, то, очевидно, у политической элиты этот процент должен быть выше. Нельзя осуждать нынешних посткоммунистических политиков за частую смену взглядов — они находятся в поиске. Но проблема в том, что этот поиск не завершается ясными выводами о том, каким именно курсом они ведут свою страну, и почти не просматриваются попытки объяснить цели реформирования обычным гражданам.

Выделение трех форм политического поведения — инстинктов, навыков и разумных действий — полезно для решения аналитических задач. В реальности поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда возможно. Вместе с тем, помимо дилеммы «сознательное — бессознательное», структура политического поведения включает в себя и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его изучение более достоверным и детальным.

2.3. Факторы воздействия на политическое поведение

Политические психологи, занимающиеся поступками человека (будь то лидер или рядовой гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики), исходят из того, что для понимания самого поведения необходимо рассматривать его как причинно обусловленное и направленное на достижение определенных целей.

Существуют различные схемы объяснения истоков того или иного типа политического поведения. Одна из самых популярных — пятичленная «карта для изучения личности в политике», предложенная американским психологом *М. Брюстером Смитом* (род. 1919) и несколько усовершенствованная *Гринстайном*. Политическая система влияет на непосредственные предпосылки поведения человека. Одновременно обстоятельства ближнего социального и политического окружения, с детства и до настоящего момента жизни формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры — оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими людьми, обуславливающие эго-защиту (т.е. защиту себя), а также установки, — которые направляют образ действий человека в политике.

Иные схемы выделяют наличие не только условий и среды, «создающих» поведение, но и цель, на которую оно ориентировано. Независимо от теоретических разногласий, все авторы считают необходимым учитывать в формировании поведения: 1) внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения; 2) потребности действующего индивида или группы; 3) мотивы, которыми руководствуется субъект; 4) установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта; 5) личностные особенности ролей, стилей принятия решений, межличностных отношений, мышления (когнитивный стиль); 6) собственно действия и поступки; 7) обратную связь между поведением и условиями.

Абрахам МАСЛОУ (1908, Бруклин – 1970, Калифорния) – американский психолог, один из лидеров «гуманистической психологии».

Важнейшие элементы данной схемы — внешняя среда, потребности и мотивы.

Политическое поведение начинается с тех побуждений к действию (стимулов), которые посылает человеку **внешняя среда**. Сама политическая система и отдельные ее институты предъявляют свои требования к поведению людей. В одних обстоятельствах они ожидают от граждан высокой активности, в других — вовсе не поощряют их к выступлениям даже на стороне системы. Стимулами для поведения могут служить политическая ситуация в целом и конкретное событие. Следует также учитывать и роль так наз. группового климата, т.е. воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том или ином политическом поступке. Побудительными причинами поведения политиков и обычных граждан бывают разнообразные воздействия среды, в числе которых есть и общие для всех, и сугубо личные. Но все эти внешние для человека влияния не срабатывают автоматически — они дают эффект, только когда преломляются через внутренний мир личности.

Среди внутриличностных факторов, определяющих поведение в политике, первыми выступают **потребности**. Трудно себе представить, чтобы политика порождала у человека какие-то особые потребности, если не считать навязчивого стремления стать губернатором, мэром, министром или президентом, довольно, кстати, распространенного среди людей, уже связанных с этой сферой. В политике действуют *обычные* человеческие потребности, среди которых можно встретить любопытство, стремление к свободе или к признанию, необходимость удовлетворить материальные нужды. Известный американский ученый, один из основоположников так называемой гуманистической психологии, **Абрахам Маслоу** (1908–1970) в книге «*Мотивация и личность*» (1954) построил оригинальную классификацию потребностей. Он предложил разделить их на пять ступеней, расположенных по возрастающей: 1) потребности материального существования; 2) потребность в безопасности; 3) потребность в любви; 4) потребность в самореализации; 5) потребность в самоактуализации. Данная классификация помогает распределить многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Маслоу предположил, что потребности более высокого уровня человек может удовлетворить лишь тогда, когда более низкие ступени уже пройдены. Это не означает, что поиском достойного социального статуса следует заниматься только на сытый желудок. У Маслоу речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные низшие потребности на восхождение человека к самоактуализации.

Интерпретация

А.И. Юрьев в книге «Введение в политическую психологию» (1992) объединил несколько концептуальных схем и предложил собственную таблицу классификации потребностей применительно к политическому поведению.

1. Потребность в сохранении жизни	Потребность в продолжении рода	Потребность в сотрудничестве	Потребность в ориентации
2. Безопасность, защита от боли, страха, гнева	Любовь, нежность, признание, голод, жажда	Самоактуализация, самоуважение, достижение самоидентификации	Понимание, осмысление, знание, идентификация
3. Длительное существование, жизнеспособность, готовность идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации	Энергия, упорство, изобретательность, восставление численности населения после катастрофических потерь	Расовое, этническое разнообразие; юридическое и фактическое равенство наций	Способность изменять режим, подходящий для защиты независимости и национальных ценностей

Многие ученые согласны с тем, что в современном мире существуют потребности двух типов: материалистические и постматериалистические, по терминологии **Рональда Инглхарта**. К первым относятся все нужды материального плана, связанные, например, с владением деньгами, домом, автомобилем, одеждой, а также достаточное питание — то есть экономические достижения. К постматериалистическим причисляют потребности (здесь Инглхарт чаще использует понятие ценностей) в любви, самореализации, самоактуализации и т.д. Эти серьезные стимулы побуждают людей к политическому участию.

По исследованиям Инглхарта еще 1960-х гг., молодые люди в индустриально развитых странах росли в эпоху, когда их базовые материальные надобности были удовлетворены, что вывело на первый план такие потребности, которые способствовали бы их самовыражению вообще и в политике, в частности. Так, первые поколения хиппи, устав от буржуазных ценностей потребительства, стремились к ценностям любви, ненасилия. Им на смену в 1980–1990-е гг. пришло новое поколение, озабоченное прежде всего качеством

жизни, защитой окружающей среды, экологией культуры и человека, сохранением мира и т.п.

Обратите внимание

Примечательно, что на Западе «материалисты» по-прежнему существуют с «постматериалистами». Однако уже в 1970-е гг. их соотношение по всем демографическим группам было 3 к 2 (у самых старших возрастов — 10 к 1), что можно назвать *революцией сознания*, сильно отличающейся от тех социальных революций, которые происходили ранее.

Очевидно, что предложенное Инглхартом деление акторов на «материалистов» и «постматериалистов» отнюдь не всеобщее и подходит (с оговорками) прежде всего к развитым западным странам. Вместе с тем, как тенденция оно представляет интерес в том числе и применительно к изучению динамики массовых ориентаций и политического поведения в разных современных обществах.

Интерпретация

В книге «Модернизация и постмодернизация. Культурные, экономические и политические изменения в 43 странах» (1997) **Инглхарт** представил результаты своего последнего по времени исследования. Этот самый дорогостоящий в современных социальных науках проект позволил провести анализ потребностей (ценностей) почти на всех континентах. Ради этого была предложена шкала для измерения 12 разновидностей материалистических и постматериалистических потребностей. Работа показала, что хотя наборы данных потребностей в разных политических культурах выглядят неодинаково, но тенденция к преобладанию постматериалистических ориентаций наметилась и в глобальном масштабе. Оказалось, что в бывшем СССР, странах Восточной Европы и в Китае развитие рыночной экономики респонденты рассматривают в качестве постматериалистической ценности. Заслуживает внимания общий вывод труда — различия между культурами менее значимы, чем сходство в базовых наборах потребностей. При этом главное противоречие, существовавшее в рамках материалистических культур — между традиционной властью в странах с государственным регулированием хозяйства и рационально-правовой властью в странах с индустриальной рыночной экономикой, — в условиях постмодернизации сменилась на снижение значения любой власти при одновременном росте экономического благополучия.

В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотверженность и достижения, уступают место все более широкой

свободе индивидуального выбора жизненных стилей и личного самовыражения. Сдвиг от материалистических ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям постматериалистическим, с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни, — наиболее полно документированный аспект данной перемены... Этим был вызван процесс межпоколенческого изменения ценностей, постепенно трансформирующий политику и культурные нормы передовых индустриальных обществ... Сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностным приоритетам выдвинул на первый план новые политические проблемы и во многом стимулировал новые политические движения.

Р. Инглхарт, «Модернизация и постмодернизация»

МОТИВ (фр. *motif* от лат. *moveo* — двигаю) — обстоятельство, которое побуждает человека к действиям, ради чего они совершаются. В широком смысле в психологии к мотивам относят инстинкты и потребности, влечения и эмоции, установки и идеалы.

Среди нематериалистических, т.е. духовных, потребностей (независимо от того, кто их характеризует — Инглхарт или другой исследователь) выделяются прежде всего:

- потребность в *любви*, во многом определяющая стиль взаимоотношений власти и граждан;
- потребность в *самореализации*, т.е. стремление добиться более высокого социального статуса, признания в обществе;
- потребность в *самоактуализации*, которая занимает вершину в иерархии потребностей и проявляется как реализация высших духовных начал личности, ее свободы, творческого потенциала.

Потребности побуждают человека к активности, создавая определенное напряжение внутри организма. Но *смысл* действию придает третья составляющая поведенческой формулы — особый **мотив** (мотивация). Он выполняет функцию формулирования цели и программы, что дает человеку возможность начать ту или иную деятельность. Мотивы тесно связаны с потребностями, вместе они выступают в качестве побудительных сил поведения.

Анализ мотивов политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологией. Общеизвестна классификация, предложенная *Дэвидом Макклелландом* (1917–1998) и *Джоном Аткинсоном* (род. 1923), где выделены три ключевых мотива: власть, достижение и аффилиация (стремление быть с другими; фр. *affiliation* — присоединение к...). Нередко мотив власти дополняется мотивом контроля — четвертым в этой схеме.

В психологической концепции Макклелланда, когда описывается мотив **власти**, речь идет не только о политическом явлении, но и о власти в семье, в отношениях на производстве, в других сферах жизни. Власть — это некая ценность, к обладанию которой в той или иной мере стремятся все человеческие существа. Но есть

люди, у которых такая потребность преобладает и тогда намерение достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть научные данные, что чрезмерное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, вызвавшими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться в полном подчинении кому-то. В ином случае сильный мотив властвования — результат развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в разных ситуациях они способны изменяться. Выделяются три типа причин, по которым индивид домогается власти: 1) для господства над другими и/или ограничения их действий в целях создания угнетающих условий; 2) для того чтобы кто-нибудь над ним не главенствовал и/или не вмешивался в его дела; 3) для достижения политических успехов.

Мотив **контроля** над людьми и ситуацией — видоизменение мотива власти. Ученые придают ему особое значение, полагая, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере продвижения к социальной зрелости человек научается контролировать собственное поведение, что придает ему уверенность в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в т.ч. в политике. Американский политпсихолог **Стэнли Ренион** обнаружил зависимость между высокими значениями субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим аналитиком, показало, что есть корреляция между низким уровнем самоконтроля и недоверием к правительству, отрицательным отношением к политической системе, отчуждением от политики, в то время как лица с высоким уровнем субъективного контроля обладают средней и высокой степенью доверия к власти.

С помощью теста на *локус контроля*, т.е. на субъективный контроль, всех людей можно разделить на тех, у кого этот показатель имеет высокий уровень (их называют интерналами; лат. internal — внутренний) и тех, у кого он имеет низкие значения (экстерналы; лат. externus — внешний, посторонний). Первые верят в то, что в них самих — источник их успехов и неудач, будь то работа, личная и семейная жизнь или отношения с людьми. Вторые, если терпят в чем-то поражение, всегда ищут виноватого в этом на стороне, но и свои успехи склонны приписывать удаче, судьбе, случайности или воле родителей, наставников и начальников.

В политическом поведении мотив **достижения** проявляется в заботе о самосовершенствовании, повышении мастерства, в стрем-

лении добиться поставленных целей с максимальным эффектом. Этот значимый мотив может сделать человека карьеристом, но он же обнаруживается и у бескорыстного политика, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Макклелланда и Аткинсона, именно достижениями мотивируются высокий уровень квалификации (мастерство), установление повышенных стандартов работы, манипулирование, организация физического и социального пространства, преодоление препятствий, соревнование, победа над кем-либо. Это довольно широкая трактовка понятия достижения, но в таком виде она более всего соответствует мотивации лидера. Настроенные на достижение политические деятели рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи для своих свершений. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые привели бы их хоть к какой-то подчиненности.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы добиться своей цели. Они спокойнее относятся к изменениям в окружающем мире. В поведенческом складе личности с высокой потребностью во властвовании просматривается сильная ориентация на решение какой-либо задачи, а при неуспехе в самом начале дела эта цель становится для нее еще привлекательнее.

В описание мотива достижения входит еще одна концептуальная схема. *Аткинсон и Норман Физер* предположили, что поведение человека направлено не только на целедостижение, но едва ли не в равной мере на избежание провала в задуманном им предприятии. Они выделили два мотива, связанных с данной потребностью: достижение успеха и избежание провала, причем оба они рассматриваются во взаимосвязи с вероятностью именно успеха.

Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении.

У. Стоун, «Психология политики»

Таким образом, намечаются два типа мотивационных подходов: 1) стремление избежать провала выше мотивации достичь успеха — таково поведение человека, отказывающегося от своей цели со словами: «Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть»; 2) ориентация на успех выше боязни провала — это типичная схема поведения активных политических лидеров.

Аффилиация подразумевает товарищеские, теплые отношения человека с его окружением. Личность, у которой преобладает данный мотив, предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, нежели контроль над другими людьми, власть или успех. Для политика развитая мотивация аффилиации сделает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан аффилиация во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущения сплоченности и защищенности.

Обратите внимание

Американские исследователи, изучавшие личности М.С. Горбачева и Дж. Буша-старшего накануне их встречи, пришли к выводу, что у обоих политиков преобладал мотив аффилиации, что позволило им эффективно провести переговоры и найти решение сложнейших проблем.

2.4. Политическое поведение в организованных и стихийных формах

Институционализированные партии и движения выделяются прежде всего тем, что поведение их членов подчиняется нормам, зафиксированным в программах и уставах. Но и в той части, где правила игры остаются неписаными, поведение **организованных политических групп** (коллективных акторов) с их четкой системой распределения ролей между лидерами и сторонниками, разделения функций, иерархическими отношениями между членами резко отличается от стихийных выступлений. Для массовых политических организаций важны взаимодействия отдельных структур между собой, специализация видов деятельности. Поддержание жизнеспособности таких объединений требует особой работы по отбору и рекрутированию новых членов, их обучению и поддержанию сплоченности.

Эффективность политической организации зависит от ряда условий, среди которых одно из важнейших — идентификация (самоотождествление) человека со своей группой. Принадлежность к спаянной группе помогает личности снизить тревожность, дает ощущение своей сопричастности социально значимым целям, удовлетворяет другие важные человеческие потребности. Сказанное относится к отношениям не только внутри партий, но и между партиями, с одной стороны, и их электоратом — с другой.

В политической психологии партийная идентификация — один из центральных объектов изучения. Если раньше партийная

принадлежность, поддержка той или иной партии на выборах (и то, и другое называют еще ангажированностью; фр. engagement — обязательство, наём) были семейной традицией из поколения в поколение, то в последние десятилетия даже в самых устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правила.

Партийная идентификация связана с психологической привязанностью к какой-то партии. Если человек считает себя консерватором или лейбористом, чувствует свою близость к той либо иной партии, то следует говорить о его партийной идентификации. Многие люди научаются лояльности к партии довольно рано, часто у своих родителей. Позже эта привязанность укрепляется и укореняется в окружении, социальном классе, личных и других узах. У молодых начинающих избирателей партийная идентификация, как правило, выражена слабее. Они меньше связаны в своем электоральном поведении и не обладают «иммунитетом» к давлению среды. Напротив, более старшие избиратели тверже в своих привязанностях и больше сопротивляются силам, стремящимся изменить их предпочтения, чем их молодые сограждане.

Д. Каванах, «Политическая наука и политическое поведение»

Есть данные, что в так называемых зрелых демократиях Запада до 40% молодых людей (от 18 до 25 лет) меняют свою партийную принадлежность (следовательно, некоторым образом и политическое поведение), а примерно четверть этой возрастной группы способна это сделать в течение двух месяцев. Почти половина молодых американцев не видит себя среди сторонников ни одной из двух традиционных партий в стране. Сложности с партийно-политической идентификацией нарастают и в странах Западной Европы.

Обратите внимание

На протяжении последних 10–15 лет в посткоммунистических странах наблюдается неоднократная смена политической идентификации не только у молодых людей, но почти во всех возрастных группах, равно как и растущее стремление отстраниться ото всех партий: граждане, отождествляющие себя с определенными политическими силами, успели несколько раз поменять свои пристрастия. В результате некогда популярные партии и движения (например, польская «Солидарность», «Демократическая Россия») быстро теряли многих своих сторонников, в то время как бывшие компартии, в большинстве подобных стран

претерпевшие серьезные идеологические и политические изменения, сохранили ядро своего великовозрастного электората и частично восстановили число сторонников.

Описание организованного политического поведения будет неполным без учета *климата* (обстановки) в организации, стиля межличностных отношений в ней. Этот стиль во многом определяют индивидуальные качества **лидера**, в частности, его склонность к доминированию и навязыванию своего мнения (диктату) или, напротив, демократичность отношений с последователями. В психологии принято выделять авторитарный, демократический и попустительский типы климата в организации, не вкладывая в данные термины собственно политического смысла. Однако ученые не обнаружили прямой связи между демократическими, к примеру, убеждениями политика и стилем его отношений с окружением.

В отличие от организованных групп, **стихийные выступления** предъявляют к своим участникам иные политико-психологические требования. К числу стихийных форм поведения в политической сфере относятся как незапланированные (или необдуманные, иррациональные) поступки, совершаемые отдельными людьми, так и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста, самопроизвольно (спонтанно) сложившиеся и вскоре распавшиеся движения и т.п.

Обратите внимание

Студенческое движение во Франции 1968 г. («Красный май») изначально сложилось стихийно, потрясло всю страну, а затем мощно развернулось по Западной Европе. Вряд ли можно назвать его организационным ядром небольшую группку студентов, захвативших для политических выступлений, а точнее — для самовыражения, административное здание филологического факультета Сорбонны (в пригороде Парижа Нантере), которые через некоторое время создали «Движение 22 марта» во главе с 23-летним студентом-социологом **Даниэлем Кон-Бендитом**. 3–11 мая 1968 г. в Латинском квартале Парижа, где были выстроены баррикады, происходили уличные бои между студентами и полицией (свыше 1000 раненых); в эти дни состоялась также 60-тысячная демонстрация учащихся и примкнувшей к ней молодых людей разных профессий и безработных. Стихийные волнения студентов, подлинной сутью которых был протест против навязывания молодежи ценностей старших поколений и попытка демократизации университетов, а не идейно сформулированная политика, в своих интересах и целях (повышение зарплат, отставка правительства и т.д.) использовали прокоммунистические профсоюзы и Французская компартия. Президент **Шарль де Голль** даже распустил Национальное собра-

ние и назначил досрочные выборы. Об инициаторах массового социального протеста — студентах — к тому времени почти все забыли, а они вернулись в аудитории.

Для исследования поведения очень интересны именно его массовые формы как в силу их политической значимости, так и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальных действиях. Со времен *Гюстава Лебона* (1841–1931) и *Габриэля Тарда* (1843–1904) наука мало что добавила к представлениям о механизмах массовой агрессии, паники или энтузиазма. Но тревожные события XX в. подтолкнули поиск ученых в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения неоднократно показывало неготовность властей обеспечить безопасность граждан, оградив их от давящего воздействия толпы.

Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях... собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении — главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, — не требуют непременно и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы... С другой стороны, целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом

собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты — временные, но совершенно определенные. К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим, в свою очередь, изменить ее духовный состав.

Г. Лебон, «Психология народов и масс»

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими. Причины и непосредственные поводы к возбуждению энтузиазма или недовольства толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от победы национальной футбольной команды до падения курса валюты. Так, было доказано, что всплеск солнечной активности нередко способствует возникновению не только массовых эпидемий, но и социальных волнений, крайних политических выступлений (экспессов), участники которых могут и не осознавать возбуждающее влияние внешней среды.

Начиная с работ *Лебона*, *Зигмунда Фрейда* (1856–1939), *Владимира Михайловича Бехтерева* (1857–1927) и вплоть до современного французского социопсихолога *Сержа Московичи*, поведение толпы (массы) весьма подробно описано в психологии. Под своеобразным углом зрения явление массового политического участия рассмотрел выдающийся испанский философ *Хосе Ортега-и-Гассет* (1883–1955) в своем труде «*Восстание масс*» (1930).

Интерпретация

Интересное объяснение возникновения в последние десятилетия XX в. массы (толпы) суперсовременного типа, новейших видов массового, в т.ч. политического, поведения представил *Московичи* в предисловии к русскому изданию (1997) своей книги «*Век толп*» (1981). Он считает, что основой этого процесса явились расширение наднациональных сообществ, гигантская урбанизация с непомерно большими рынками, а его катализатором выступила информационная революция. Электронные сети все теснее связывают между собой людей, разкиданных по всему земному шару, но, вместе с тем, вторгаются в частную жизнь. Все ныне происходящее непременно отразится на мировой и национальной политике. «Мы сегодня присутствуем при *глобализации* масс, при образовании массы мирового масштаба... И бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс. Наконец, политика в отношении таких огромных сообществ, успех которых зависит от

систем мультимедиа, теперь еще больше, чем в прошлом, становится массовой политикой. Культ личности, хотя его так и не называют, из исключения превращается в правило, а ослабление партий почти повсюду только укрепляет могущество лидеров. Положение лидеров в условиях демократии незавидно. Однако стремление к власти — самое распространенное в обществе явление и кандидатов всегда будет в избытке».

Исследователи, как правило, подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но не менее вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы.

Исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром.

Г. Лебон, «Психология народов и масс»

Толпа (масса) как тип социальной группы характеризуется одновременно и аморфностью, и однородностью. В ней часто вообще нет лидера, но если он появляется (нередко это происходит путем самовыдвижения), то толпа принимает на себя всего две политические роли: лидера и его последователей. Власть вожака бывает неограниченной, так как идущие за ним не размышляют, а слепо следуют приказам и призывам.

Обратите внимание

Поведение толпы подчиняется закономерностям разных уровней. В ней на человека воздействуют, например, и чисто физические факторы — духота, резкие звуки (выстрелы, оглушающе громкая ритмичная музыка). Нередко стихийное возмущение массы подогревается алкоголем и наркотиками, что дает дополнительный отрицательный эффект.

Собственно психологические факторы, такие как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к возникновению слухов, паники, агрессии. Эмоции в массовом скопище людей распространяются по собственным законам — они многократно усиливаются под влиянием заражения и внушения. Это явление было названо *циркуляторной реакцией*.

Всегда находятся политические силы, готовые применить стихийную активность толпы в выгодных для себя целях. Такой прием чаще всего используют анархистские, экстремистские, правые и леворадикальные, а также ультранационалистические движения и партии, для которых характерно стремление воздействовать на бессознательную, инстинктивную мотивацию участников политического процесса. Психологи (например, Московичи) выявили, что именно лидерам и активистам вышеназванных течений присущи большой репрессивный потенциал, т.е. склонность к агрессивному поведению и к насилию, а также авторитарная структура личности. Не менее важно и то, что подобные политики зачастую опираются на определенные социальные группы, которые из-за условий жизни (в частности обездоленность, малообразованность) открыты для соответствующих влияний. В античности их называли охлосом (черню), в отличие от демоса (народа).

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные слои в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения от общества. Быстрые политические изменения и преобразующиеся условия жизни вызывают протест таких людей против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных границ, некоторым образом структурировавших их мировоззрение.

Для политического поведения экстремистского типа характерен определенный набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей. Первое, что нужно выделить, — это духовная ущербность и антиинтеллектуализм подобных коллективных акторов. Они апеллируют к предрассудкам, которым сильно подвержены именно маргинальные слои. Собственно идейные соображения не бывают ни главной движущей силой, ни особенной ценностью экстремистских

движений, поскольку для последних бессознательность, эмоции, инстинкты, истовая вера или суеверия — питательная среда. Политические лидеры соответствующего толка для сплочения людей вокруг себя умело насаждают и используют стихийность.

Не стоит надеяться, что взрывное политическое поведение толпы — явление, которое сам ход истории, высочайшие темпы развития современной личности оставляют в прошлом XX столетии. О его актуализации в самом начале XXI в. свидетельствуют массовые и довольно агрессивные выступления так называемых антиглобалистов, среди которых гораздо больше образованных и вполне обеспеченных людей, чем тех, кого по меркам прошлого века можно было бы назвать маргиналами.

3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

3.1. Формы политического участия

Как понятно из предшествующего изложения, политическое поведение — это довольно широкая по своему содержанию категория (политический характер может принять любое событие либо действие, например, болезнь государственного деятеля, игра на бирже на повышение/понижение курса национальной валюты и т.п.), подразумевающая, помимо всего прочего, и участие, и неучастие индивидуальных и коллективных акторов в политике.

В самом общем плане **политическое участие** определяется как индивидуальные или групповые действия с целью влияния на власть любого уровня. Современные концепции политического участия рассматривают его как сложное, многомерное явление, включающее самый широкий набор приемов, связанных с оказанием политического влияния, и изучают зависимость его форм и степеней активности от факторов психологического, социального, экономического, культурно-исторического и иного характера.

Политическое участие — это различные формы политической деятельности, такие как голосование, назначение политиков на должность, работа добровольцев в избирательной кампании или участие в протесте. То есть все те формы активности, целью которых является воздействие на правительство.

Б. Гинсберг, Т. Лоуи, М. Уизер, «Мы, Народ. Введение в американскую политику»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ — любые по преимуществу добровольные действия индивидов или групп, связанные с их относительно эффективным участием (непосредственным или опосредованным) в разработке, принятии и осуществлении политических решений или курсов; проявление вовлеченности граждан в политико-властные отношения. Выделяются следующие подвиды политического участия: 1) *автономное* (имеет добровольный характер и целерациональную мотивацию, подкрепленную развитыми представлениями о политике) или *мобилизованное* (достигается средствами манипулирования либо имеет неполитическую мотивацию, например, принуждение, насилие, страх, экономические, иные санкции); 2) *индивидуальное* или *коллективное* (массовое); 3) *активистское* или *пассивное*; 4) *легально-конвенциональное* (соответствует установленному закону порядку) или *нелегальное* (нарушающее законы и традиции, например, политический терроризм, не разрешенные властями акции протеста); 5) *традиционное* (ориентированное на поддержание политической преемственности и стабильности) или *инновационное* (нацеленное на изменения, развитие); 6) *постоянное* (его практикуют профессиональные политики и политические активисты) или *эпизодическое* (ограничивается голосованием ➡)

➔ на выборах, денежными взносами на избирательную кампанию).

Базовые мотивы политического участия можно объединить в три группы: 1) *инструментально-рациональные* (участие рассматривается как деятельность, направленная на обеспечение и защиту интересов акторов политики); 2) *образовательно-развивающие* (они способствуют общему развитию гражданина, например, путем приобретения новых знаний о политике и т.д.); 3) *коммунитаристские* (участие вызвано морально-этическими причинами — представлениями об общем благе и необходимости его поддержания и др.). Исследования показали, что самые существенные и распространенные — это инструментально-рациональные мотивы участия.

Категория политического участия имеет большое значение для теоретического и практического анализа. Так, участие выступает важнейшим критерием в распространенных подходах к демократии — теориях партиципаторного типа (подчеркивают необходимость максимально широкого участия граждан в политике как залога «истинной демократии») и элитарных концепциях демократии (участие подлежит ограничению, в т.ч. посредством представительства через выборных лиц и демократическую элиту). Соответственно, участие выступает и показателем демократизации. ➔

Вступая в упорядоченные, формализованные отношения с другими людьми, с различными организованными группами, человек *участвует* в политической жизни. Существуют три основных вида политического участия: 1) несвободное и неосознанное, например, основанное на спонтанном волевом импульсе, на обычае или на каком-то принуждении; 2) сознательное, но несвободное — человек руководствуется осмысленной им потребностью следовать жестким нормам и регламентам; 3) сознательное и свободное — личность способна преодолеть конфликт рационализированных ею потребностей, осуществить выбор и тем самым расширить границы своих возможностей во многомерном и постоянно развивающемся политическом мире.

Габриэль Алмонд и **Сидней Верба** в своей знаменитой теоретической модели политической культуры первый тип участия, а также его носителя — политическую личность именуют **парокиальным**, т.е. ограниченным непосредственными, простейшими интересами и взаимодействиями; второй — **подданническим**; третий — **партиципаторным** (гражданственным или собственно участническим). Эти политологи выделили также смешанные или переходные формы участия, например, подданническо-партиципаторную, для которой характерно сочетание довольно высоких требований (субъективных или объективных) к политической личности и существенно ограниченных (субъективно либо объективно) ее возможностей.

И в истории, и в современной общественной жизни встречаются многообразные эволюционирующие формы политического участия. В ходе фактически любого значимого социально-исторического процесса, особенно переходного типа — от монархии к республике, от колониальной зависимости к независимости, от отсутствия партий к многопартийности, от авторитаризма к демократии и т.д. — совершенствуются традиционные и возникают новые виды политического участия. Начиная с XVIII–XIX вв., европейское и североамериканское политическое развитие, протекавшее в русле общих тенденций модернизации, характеризуется расширением политического участия все более массовых групп и категорий населения.

В силу многообразия переменных, или факторов, определяющих политическое участие, не существует какой-то единственной классификации его форм. Участие можно рассматривать по следующим группам показателей: 1) *легитимное* (выборы, согласованные с властями митинги и демонстрации, петиции и пр.) и *нелегитимное* (гражданское неповиновение, терроризм, восстание, переворот); 2) *институционализированное* (голосование,

участие в деятельности партии) и *неинституционализированное* (массовые волнения, не признанные законом группировки с политическими целями и пр.); 3) имеющее *местный* или *общенациональный* характер. Возможны и другие варианты типологизации. В любом случае категории политического участия удовлетворяет ряд условий: во-первых, это должен быть конкретный политический акт, включая его словесное (вербальное) выражение, а не просто некая, никак не проявившаяся эмоция; во-вторых, участие, за рядом исключений, добровольно (т.е. это не уплата налогов, не служба в армии, не обязательная праздничная демонстрация при тоталитарном режиме); в-третьих, участие является действительным, а не фиктивным при наличии реального выбора, альтернативы.

Некоторые политологи, например, *Хантингтон* и *Липсет*, уточняют, что тип политического участия в значительной мере определяется характером существующего политического режима. К примеру, противоположностью «нормального», свойственного демократическому устройству автономного и добровольного участия выступает принудительное, *мобилизованное* участие, присущее тоталитарным режимам, которые стремятся к символическому вовлечению масс в политические зрелища для имитации своей общественной поддержки. Вообще, те или иные формы политического участия могут создавать направленные воздействия, искажающие индивидуальную и групповую психологию. Так, боязнь анонимности, с одной стороны, и давление слишком высоких требований к личности — с другой, порождают различные навязчивые либо истерические психические состояния (неврозы) в политическом поведении людей, наиболее показательным среди которых является «бегство от свободы» (его описал *Эрих Фромм*; 1900–1980). Фашизм и другие разновидности тоталитаризма дают немало примеров подобного бегства от свободы.

Путь к избавлению от политических неврозов связан с развитием личностного начала в политике. Сверх того, совершенствование современной личности невозможно без использования потенциала политического участия. Экономическая насыщенность, технологическая изощренность или культурная утонченность не в состоянии сегодня возместить человеку недостаток возможности свободно оперировать политическими ролями, эффективно использовать свои права. Другой важный аспект проблемы индивидуального и коллективного политического участия — определение его оптимальных границ как с точки зрения стабильности системы, так и относительно конкретных партий и движений.

➔ В последнее время в проблематике политического участия стали изучаться специфические вопросы «участнического неравенства» и его последствий для демократического режима.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ (лат. mobilis — подвижный) — 1) сосредоточение и задействование субъектом политики значительных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей, в первую очередь, путем организации *массовой поддержки* со стороны значительной части населения, контроля над финансовыми и информационными ресурсами; 2) организация партиями и движениями высокого уровня политического участия своих сторонников для победы на выборах или поддержки предложенных программ и политических курсов.

Политическая мобилизация осуществляется различными средствами, включая принуждение, индоктринацию (здесь — идеологическое внушение), авторитет, манипулирование и др. Считается, что такая мобилизация — эффективный способ содействия власти в авторитарных и тоталитарных режимах и входит в число их основных признаков.

Интерпретация

Когда в конце 1960 — начале 1970-х гг в странах Запада возникла необходимость активизировать политическое участие ранее пассивных слоев населения, правящие элиты разработали специальные программы для привлечения в политику таких групп, как женщины, этнические меньшинства, религиозные объединения и пр. Но результат вышел неожиданным: произошел сдвиг общественной жизни вправо — «новобранцы» оказались весьма консервативными, чем и вызвали поворот политического процесса к более традиционалистским ориентирам. Таким образом, воздержание от политической деятельности пассивных и консервативных слоев населения до определенного предела идет на пользу развитию демократических процессов.

В своде мировой политологической литературы по политическому поведению последних десятилетий проблемы политической активности и участия, их форм и факторов, географических различий и т.д. занимают центральное место.

Классической теорией политической активности признана так наз. *базовая модель* участия, созданная **Вербой** и **Норманом Наем**. В качестве базовых факторов политической активности эти политологи рассматривают социально-демографические характеристики населения. Другая общепризнанная концептуальная схема — *когнитивная модель* участия, основанная на учете внутреннего мира, субъективного представления о внешней реальности, которыми люди руководствуются по-разному: для одних — это средство отгородиться от воздействия и давления (экспансии) внешней среды, для других — орудие, помогающее организовать более или менее масштабные подъемы активности. Еще одной фундаментальной концепцией политического участия является *ценностная модель*. Ее главный тезис — влияние набора определенных ценностей на вовлеченность в политический процесс (например, постматериалистических ценностей, над чем работает Инглхарт и его последователи). Сохраняет свой высокий научный статус и схема так называемой *депривации* (фр. deprivation — лишенность, угнетенность), связанная с предположением, что направленность социального самочувствия питает склонность к различным формам политической активности (например, уровень неудовлетворенности влияет на предрасположенность к участию в протестных видах политической активности).

В своих исходных положениях и, более того, концептуальных выводах все вышеуказанные модели пересекаются и дополняют друг друга. На этих обстоятельствах основаны различные попытки построения *интегративных моделей* политического участия, которые

учитывают взаимодействие факторов, являющихся базовыми для вышеназванных концепций.

Специалисты, изучающие политическое поведение, полагают, что объективные показатели участия необходимо дополнить психологическими данными, среди которых они особо выделяют *восприятие индивидом* своего участия, *чувство вовлеченности* в политику и *мотивацию* партиципаторной деятельности. При наложении этих субъективных аспектов участия на разные типы активности в политике получают интересные классификации, дающие более объемное представление о политическом поведении. Исследования с использованием таких показателей обнаружили, что неактивные граждане, которые фактически отстраняются почти от любых политических действий, психологически не испытывают чувство вовлеченности или ощущение личного контроля над событиями. Напротив, активисты, участвующие во всех формах деятельности, имеют определенные навыки и психологически включены в происходящие процессы.

Обратите внимание

Английские политологи, интересовавшиеся политическим поведением своих соотечественников, выявили, что среди тех, кто участвует в так называемых альтернативных (новых) социальных движениях — миротворческих, экологических, женских, коммунистических и пр., — большой процент составляют люди из истеблишмента, одновременно входящие во всевозможные партии (включая правящую), правительственные комиссии и включенные в другие традиционные формы политической жизни. «Только голосующие», как правило, не участвуют больше ни в каких других видах деятельности (в данной группе — большинство взрослых британцев, предпочитающих эту самую простую форму). Из приведенной ниже *таблицы* (Д. Каванах, «*Политическая наука и политическое поведение*», 1999) видно, что «групповые активисты», например, больше представлены в США, чем в Великобритании. «Партийные активисты» (или «участники кампаний») составляют также в Англии меньшую долю, чем в США.

Таблица. Распределение типов политического поведения в США и Великобритании (в % к числу опрошенных)

Виды активности:	Великобритания	США
неактивные	19,6	24,7
только голосующие	62,6	23,6
групповые активисты	8,1	22,5
партийные активисты	6,7	16,9
активисты вообще	3,0	12,4

Активная психологическая вовлеченность имеет разный смысл в каждой из политических культур. В западных культурах членство в партиях воспринимается индивидом без обязательного погружения в дела партии. Освоение этой роли происходит довольно просто. Человек может быть активистом, посещать партсобрания и различные манифестации, внимательно наблюдать за сообщениями СМИ или читать специальную литературу. Психологически, по своим интересам, ориентациям, по насыщенности жизни политическими контактами он мало отличается от более пассивной части населения. Его интерес к политике и знания о ней, а также социальный статус лишь незначительно выше, чем у других групп населения. Такая ситуация с партийным поведением связана с тем, что в своих активистах партии нуждаются преимущественно при регулярных избирательных кампаниях, когда идет мобилизация сторонников для поддержки партийного кандидата на выборах.

3.2. Электоральное поведение

Важное направление изучения политической активности — исследование поведения избирателей и их политических предпочтений. В развитых демократических полициях электоральное поведение занимает особое место среди всех форм политической активности, ибо именно тогда избиратели делегируют полномочия своим представителям. Однако доля электорального поведения среди других видов активности отличается весьма сильно. Так, в Великобритании в голосовании принимает участие в среднем 75% избирателей, в США — 53%.

Обратите внимание

Само по себе участие в голосовании, несмотря на всю его важность — все же еще недостаточный показатель, чтобы судить о развитости политической сферы. В Великобритании интересуются политикой 20% населения, 8% являются индивидуальными членами партий и 2% — их активистами. Эти данные еще раз говорят о том, что действительная активность, предполагающая компетентность и сложную политическую деятельность, — удел незначительного меньшинства населения.

В области электоральных исследований необходимо выделить три главных методологических направления: 1) социологическое; 2) социально-психологическое; 3) теория рационального выбора. Их представители делают основной акцент на раз-

личных базовых факторах формирования электорального поведения: соответственно, социальные и демографические характеристики; политическая и/или идеологическая идентификация; рациональный расчет.

Одной из классических моделей электорального поведения, которая долгое время фактически определяла содержание работ по этой теме, была так называемая **социологическая**. В ее основе — исследования поведения избирателей, исходя из фактора социальной дифференциации. Представители данного направления подчеркивали групповую основу голосования, фактически отвергая личностную трактовку формирования политических предпочтений. Известнейшая работа под редакцией представителей этого течения в политологии *Липсета* и *Стейна Роккана* «*Партийные системы и размежевание избирателей*» (1967) была посвящена рассмотрению влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию. По мнению авторов книги, различия между социальными группами обеспечивают потенциальную базу для политических конфликтов, создавая одновременно проблемное поле политики и социальную опору партий. По итогам проведенного анализа авторы сделали вывод об устойчивости существующих социально-политических противоречий.

Взаимовлияние институтов политического представительства и политических ориентаций послужило одной из посылок другой признанной модели электорального поведения — **социально-психологической**. Ее сторонники считают голосование инструментом для демонстрации избирателями своей политической идентификации, долгосрочных чувств преданности, которые они испытывают к отдельным партиям. В соответствии с социально-психологической моделью электоральный выбор определяется отношением избирателей к трем субъектам политического процесса: кандидатам-политикам, партиям и общественным группам. Влияние причин последнего рода на политические предпочтения не отрицается, однако партийная идентификация, формируемая в процессе социализации, играет роль своеобразного фильтра, через который пропускается информация, относящаяся ко всем этим субъектам. Несмотря на то что в краткосрочной перспективе каждый из этих факторов осуществляет независимое воздействие на электоральный выбор, все вместе они выступают своеобразными каналами передачи (трансляции) партийной идентификации на электоральное поведение граждан. Данная модель успешно использовалась при изучении поведения

избирателей Западной Европы и США, а термин партийная идентификация стал одним из самых распространенных в данных исследованиях.

В 1960–1970-е гг. в связи с процессами социально-политических преобразований, происходящими под влиянием структурного кризиса индустриального общества, выявилась очевидная ограниченность вышеописанных подходов. Этот кризис повлек за собой распад классических социально-классовых групп, усложнение социальной структуры, развитие новых средних слоев населения, увеличение мобильности населения, в т.ч. географической. В настоящее время наблюдаются тенденции значительного снижения влияния социальных факторов на политические предпочтения избирателей, ослабления партийных ориентаций избирателей, снижения идеологического противостояния, а также усиление влияния краткосрочных факторов. Тем не менее, все эти факторы продолжают оказывать существенное воздействие на электоральное поведение.

Еще одна тенденция развития электорального поведения — рационализация формирования политических ориентаций и появление категории нового избирателя, которая (в зависимости от страны) составляет около 10–15% электората. Эта группа избирателей характеризуется, в первую очередь, мобильностью, неустойчивостью политических предпочтений, несмотря на регулярное участие в выборах. Ее представители, как правило — выходцы из наиболее образованных средних слоев населения, из так называемого социологического центра. Они молоды, хорошо информированы, скептически настроены в отношении идеологий. Их участие в электоральных процедурах определяется позицией потребителя.

Возникновение этой группы избирателей отражает процесс рационализации электорального выбора. На уровне образования политических предпочтений данный процесс проявляется и в увеличении влияния на электоральный выбор позиции граждан по отдельным проблемам, в частности по экономическим. Если раньше воздействие позиции избирателей по конкретным вопросам опосредовалось принадлежностью к социальной группе или к партии, групповым восприятием, то теперь оно в равной степени может осуществляться напрямую в связи с происходящей индивидуализацией восприятия политики.

На исследовательском уровне отмеченные изменения нашли свое отражение в развитии **модели рационального выбора** и ее многочисленных разновидностей, трактующих то или иное голосование как процесс индивидуальных предпочтений избира-

теля в соответствии с его интересами. Так, в рамках теории ретроспективного голосования **Морриса Фиорины** (род. 1946) в большей степени подчеркивается рациональный аспект электорального выбора и партийных предпочтений. В теории избирателя как потребителя **Хильды Химмельвейт** (1918–1989) ставится акцент на индивидуальном и инструментальном выборе избирателя в зависимости от перечня конкретных проблем.

Рассмотрение электорального поведения сейчас приобретают новое содержание; очевиден повышенный исследовательский интерес к ним в связи с анализом политических процессов в так называемых новых демократиях, в т.ч. в России и в других постсоветских странах.

3.3. Кризисы политического участия и основные способы их разрешения

Изучение кризисов политического участия и их преодоления — весьма важное направление сравнительной политологии. Под кризисами политического участия, как правило, подразумеваются ситуации, когда правящая **элита** не в состоянии создать институциональные условия для того, чтобы вобрать растущие требования участия в политике, идущие со стороны различных новых социальных групп. Часто кризисы политического участия бывают обусловлены претензиями таких новых социальных групп на соучастие во власти, на вхождение в политическую элиту. Принято связывать это обстоятельство с модернизацией, или «осовремениванием», общества, начавшейся в Европе в XVIII–XIX вв. Также исследования во многом опираются на теории **Гаэтано Моски** и **Вильфредо Парето**.

ЭЛИТА (фр. elite — лучшее, отборное, избранное) — весьма интегрированный и солидарный в сфере групповых интересов, хотя и существующий в условиях *внутренней конкуренции*, социально доминирующий слой, состоящий из специализированных групп (административных, экономических, интеллектуальных, политических и т.д.), которые контролируют значительную часть общественных ресурсов и серьезно влияют на выработку и осуществление политики во всех сферах общественной жизни.

И в современных, и в модернизирующихся обществах люди более склонны создавать добровольные ассоциации — частично для удовольствия, частично для обмена информацией, частично для регулирования собственных действий, но почти всегда для оказания влияния на правительство. По преимуществу новые ассоциации, которые могут принимать форму групп интересов или партий, местных или национальных организаций, просто занимают свое место в политической системе наряду с другими группами, что нередко приводит к кризису политического участия в стране.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

Гаэтано МОСКА (1858, Палермо — 1941, Рим) — итальянский правовед, социолог и политолог, создатель оригинальной теории элитизма; государственный деятель либерального толка.

В контексте данного раздела вновь следует вернуться к понятию элиты.

В качестве источников доминирования элиты можно выделить *признанные обществом*: компетентность; высокие достижения и личные качества ее представителей в определенных видах деятельности, например, в экономике, науке, политике; образование; богатство; происхождение (для наследственной элиты) и т.д. На практике принадлежность к элите формируется совокупностью этих и подобных факторов.

В классификации элит по способу их воспроизводства определены два типа — открытая элита, предполагающая относительно свободный набор (рекрутирование) новых членов из групп с более низким социальным статусом, и закрытая элита, воспроизводящая самое себя.

МОСКА (Mosca), Гаэтано (1858, Палермо — 1941, Рим) — итальянский правовед, социолог и политолог, создатель оригинальной теории элитизма; государственный деятель либерального толка.

Автор работ, среди которых: «Теория правительств и парламентское правление. Исторические и социальные исследования» (1884); «Современные конституции» (1887); «Основы политической науки» (в 2-х томах, 1896; дополн. изд. 1923, опубликовано на англ. языке в 1939 под назв. «Правящий класс»); сборник поздних римских лекций «История политических доктрин» (1936) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Опираясь на исторические исследования политических институтов и идей, а также на свой опыт политической деятельности, Моска пришел к выводу, что во всех обществах вне зависимости от формы правления существует организованное меньшинство — *политический класс* (ит. *classe politica*), который формирует систему государственного управления и правит неорганизованным большинством, не участвующим в реальном осуществлении власти, а только подчиняющимся ей. Правящий класс реализует всю полноту власти («принимает решения, осуществляет власть, принуждает и надзирает») исключительно в соответствии с собственными интересами; при этом никому не подконтролен и почти не зависит от электоральных процедур, ибо он сложнее и масштабнее, чем видимые структуры публичной политики. В более поздних изданиях своих работ Моска употреблял термин *правящий класс* (ит. *classe dirigente*). Как утверждал Дж. Сартори, исследовавший идеи Моски, — это два различных концепта, возникших в ходе эволюции доктрины политического класса: в *правящий класс* входят все правящие меньшинства (политическое, экономическое, социальное, религиозное, интеллектуальное, технологическое, военное, бюрократическое и т.д.), а *политический класс* есть часть правящего класса, чья непосредственная задача состоит в осуществлении политической власти. На разных исторических этапах политический класс может формироваться на основании одного, но в реальности сра-

зу нескольких критериев, среди которых: военный (основной принцип — доблесть), религиозный (принцип — священство, сан) и наследственный (принцип — происхождение, аристократизм). Для «высокоразвитых цивилизованных обществ» особую важность приобретает критерий, основанный на выдающихся личных качествах и способностях (*меритократия*), дающих возможность (при «прохождении проверки» и наличии «профессиональной квалификации») выполнять некие государственные функции и войти в состав политического класса. Как указывал Моска в поздних работах, политический класс не является чем-то монолитным. У кормила государства находится очень небольшая группа правителей, способных оказывать серьезное воздействие на основную часть политического класса, который выполняет своего рода роль посредника в передаче приказов и требований между госруководителями и неорганизованной массой, обеспечивает преемственность и стабильность (в данном случае — но не во всех работах — Моска идентифицировал политический класс с государственной бюрократией).

Политический класс обязательно создает свою *политическую формулу*, представляющую собой совокупность доктрин, мифов, верований, принципов и т.п. для выполнения функции легитимизации его господства и действий, нацеленных на сохранение или изменение существующего порядка. Есть два типа таких формул: основанные на вере в сверхъестественное (божественное происхождение королевской власти) и исходящие из внешне рациональных принципов (народ как источник власти). Но конкретные формулы могут содержать черты обоих типов (например, источниками тогдашней итальянской монархии провозглашались божественное провидение и народная воля) и со временем утрачивать рациональную составляющую. Кроме того, политическая формула призвана обеспечивать единообразное понимание норм и ценностей правителями и народом. Моска выделял также «новую политическую формулу» («свобода, равенство и братство») — плод Просвещения и Французской революции 1789, но считал ее неосуществимой в силу полного несоответствия политико-историческому контексту.

Ученый напомнил о трех способах приобретения власти политическим классом — наследование, выбор и кооптация (введение в органы власти новых принтиков без проведения выборов), которые соответствуют двум принципам организации правящего класса — *автократическому* (высшие функционеры подбирают себе замену из низших, таким образом, власть переходит сверху вниз) и *либеральному* (управляемые делегируют в высшие функционеры своих представителей). Далее, этим принципам соответствуют четыре типа устройства государства: для автократического — аристократическо-автократический (власть наследуется) и аристократическо-либеральный (относительно большой корпус избирателей и политический класс совпадают); для либерального (демократического) — демократическо-автократический (власть сохраняет автократический характер, несмотря на выборное формирование правящего класса) и демократическо-либеральный (избирательный корпус больше политического класса, т.е. допускается наличие оппозиции вне правящего класса, обладающей широкой электоральной базой). В целом «демократический» правящий класс более,

чем остальные, способен приносить разного рода инновации в сложившуюся политическую систему.

Моска предположил также, что периодически к власти приходят правящие классы, основанные на различных принципах организации. Таким образом, он предвосхитил концепцию циркуляции элит, сформулированную В. Парето. Эти ученые даже долгое время оспаривали друг у друга первенство в разработке данной идеи. Перспектива смены политического класса уменьшает опасность его превращения в наследственную, закрытую касту, чреватую вырождением по типу аристократии Древнего Рима или правителей средневековой Венецианской республики. Сам Моска считал, что самая стабильная форма социально-политической организации — смешанное правление, т.е. частично автократическое и частично либеральное, при котором «аристократическая тенденция уравновешивается постепенным и в то же время постоянным обновлением правящего класса» за счет обладающих волей и способностями к управлению представителей более низких в социально-экономическом плане слоев общества. Значит, несмотря на открытость политического класса, для новых членов сохраняется относительно высокий уровень преемственности. Для стабильности также необходимо наличие в обществе большого «среднего класса», который был бы относительно самостоятелен по отношению к властям и занимал бы устойчивое экономическое положение («ни беден, ни богат»), что позволило бы ему достичь довольно высоких уровней образования и общественно-политической активности.

Важным аспектом эволюции доктрины политического класса стало появление понятий *морального чувства* и *юридической защиты*, вносящих утопический элемент, призванный примирить политическую реальность и этические потребности людей, общество, желающее избежать беззакония всепроникающей силы, и власть, ею распоряжающуюся. Моральное чувство — ограничитель эгоистического произвола, оно основано на «естественном сострадании» по отношению к тем, кто может стать жертвой такого произвола. Одновременно оно служит критерием нормативной квалификации политических режимов: тот режим «хорош», который обеспечивает большее соблюдение этого чувства. В свою очередь, юридическая защита заключается в социальных (а также конституционно-правовых) механизмах, регулирующих соблюдение морального чувства. В частности, это выражается в том, что в политический класс рекрутируются новые члены (как позднее отмечал Моска, не «лучшие», но более подходящие для управления в конкретной ситуации), что позволяет ему соответствовать изменяющимся общественным обстоятельствам.

Моска выступил против элитизма нацизма и фашизма, основанного на расизме, против марксизма, видя в нем проявление ненависти со стороны неимущих по отношению к капиталу, и одновременно скептически оценивал демократию, считая, что от требуемого ею всеобщего избирательного права исходит угроза принципам либерализма. В целом теория Моски оказалась очень полезной: критика этой и других элитарных концепций, выступавших как обновленные интеллектуальные альтернативы марксизму и демократическому эгалитаризму, значительно продвинула разработку теоретических проблем, связанных с социальной дифференциацией, распределением власти и демократией.

В традиционном обществе, если и происходит смена правящей элиты, то это, как правило, не затрагивает более массовые слои населения. Однако процессы модернизации, связанные с экономическим развитием и следующими за ним изменениями в социальной структуре и в доминирующих политических ориентациях крупных групп населения, одним из следствий имеют расширение слоя активных политических участников. В их сознании особую ценность приобретают чувство гражданского долга, информированность, понимание того, что политическая сфера непосредственно касается их личной жизни, наконец, вера в то, что отдельный индивид, независимо от своего изначального социального статуса, может и вправе оказывать свое влияние на общественные процессы. Все это создает необходимые экономические, социальные и психологические предпосылки для расширения политического участия масс.

Интерпретация

В политической науке существует много концепций элиты. *Ценностные концепции* в значительной степени сохраняют нормативный и первоначально *позитивный* смысл понятия элиты как «лучших из лучших», «избранных»; общество, соответственно, делится на элиту, которая рассматривается в качестве малочисленной творческой и активной части общества, способной к управленческим функциям, и массы — *Парето, Ортега-и-Гассет, Тойнби* и др. Однако есть и иная группа концепций, истолковывающих элиту преимущественно как правящий класс, сплоченную и закрытую группу, стремящуюся осуществлять власть только в своих интересах — *Моска, Чарльз Райт Миллс* (1916–1962), неозелитаристы *Томас Дэй* и *Хармон Зиглер*, французские социологи *Моник* и *Мишель Пенсон* и др.

Элитизм как социальный принцип, ведущий к авторитаризации, часто противопоставлялся социалистическим доктринам и демократии. Однако в 1930–1940-х гг. появились концепции, объединенные под общим названием «демократический элитизм», которые, наоборот, рассматривали элитизм в качестве практики существующих демократий. Одним из основоположников этого теоретического направления был *Йозеф Шумпетер*, утверждавший, что различные элиты выносят на «рынок» свои политические программы, предлагая («продавая») их избирателям на выборах. В целом в политической науке весьма распространены теории демократии, в которых элиты выступают выразителями интересов различных социальных групп и, конкурируя друг с другом в условиях плюрализма, способствуют сохранению демократии, не допуская узурпацию власти какой-либо группой.

Чарльз Райт МИЛЛС (1916, Вако, Техас – 1962, Нью-Йорк) – американский социолог и культуролог, один из идеологов американских «новых левых».

Результат процесса модернизации во многом зависит от того, созданы ли (и какие) институциональные условия для того, чтобы рост политического участия происходил в формах, приемлемых для данной политики. Политической системе легче ассимилировать увеличение участия, если имеются предназначенные для этого подходящие институты и институциональные механизмы.

Считается, что кризисы политического участия возникают в тех случаях, когда правящая элита считает нелегитимными требования и поведение отдельных новых социальных групп, стремящихся к активному включению в политический процесс.

Такие ситуации обычно разнятся между собой. Правящая элита может считать, например, что в силу разных причин только она одна предназначена для осуществления управления в данном обществе и поэтому напрочь отменяет претензии иных групп на участие в политике (так было в монархиях, при аристократиях, при правлении одного этноса и т.п.). Кризис участия вполне реален и тогда, когда стремящиеся к активному вовлечению и влиянию на политику слои организованы в группы, статус которых правящая элита признает нелегитимным (например, Ирландская республиканская армия или движение курдских повстанцев). В иных ситуациях правящая элита, не ставя под сомнение саму идею включения в политику новых социальных групп, считает нелегитимными и отвергает конкретные методы и способы выдвижения этих требований (гражданское неповиновение, политическое насилие и т.д.). Наконец, в некоторых случаях содержание самих требований, к примеру, о расширении политического участия, могут восприниматься правящей элитой как неправомерные, нелегитимные (категорические настояния об отделении тех или иных территорий или об учреждении одной «государственной» религии в поликонфессиональном, многосоставном обществе).

Понятно, что та или иная разновидность кризиса политического участия — не обязательно полная катастрофа для существующей политики, поскольку открывается возможность для поиска решения назревшей проблемы.

Есть разные пути разрешения кризиса. Наиболее оптимальным вариантом считается **институциональная адаптация**, т.е. ситуация, когда в рамках данной политической системы удастся найти институциональное решение: создаются новые процедуры выборов и электоральные институты, совершенствуется партийная структура и формируются организованные группы интересов. В этом случае возможно соглашение между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к участию в принятии

ключевых политических решений. В тенденции такой путь ведет к развитию самых современных моделей представительной демократии.

Решение о включении новых участников в конце концов приводило к каким-нибудь большим институциональным изменениям в политической системе. Наиболее важными из них были учреждение выборных институтов, системы всеобщего избирательного права для взрослого населения и института законодательных инноваций, гарантирующих право собрания... Как только институциональные изменения состоялись, новые институты могут в дальнейшем облегчить включение в политическую систему других новых групп.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

Другим — альтернативным — вариантом решения сложившегося кризиса участия может быть **авторитарный выход**, т.е. отказ от поиска институционального варианта для расширения эффективного политического участия или даже его насильственное ограничение путем введения запретов, репрессивных мер. Такой путь нередко ведет к формам принудительного, мобилизационного или имитационного участия, полностью без которого не могут обойтись даже авторитарные режимы.

Правящая элита может стремиться обеспечить политическое участие населения в некоей форме для достижения одной либо нескольких нижеследующих целей: ...для создания или усиления чувства национальной идентичности; для увеличения регулирующих и в особенности экстрактивных возможностей государства; короче говоря, поддержка нужна для образования армии, сбора растущих налогов, введения и исполнения новых законов; правящая элита может рассматривать участие в качестве необходимого шага для вовлечения населения в мероприятия по экономическому развитию; наконец, элита способна добиваться проявлений поддержки со стороны общества для увеличения своих внешнеполитических возможностей (для того чтобы иметь вес в мире и влиять на соседние государства, элита хочет и нуждается в демонстрации поддержки у себя в стране). Создание общественной поддержки может заменить необходимость развития определенных институтов и других стимулов. Власти способны попытаться нарастить возможности по сбору налогов путем учреждения партии или соби-

рая массовые демонстрации вместо создания эффективного административного аппарата с высокой экстрактивной способностью (либо наряду с ним). Подобным же образом для увеличения экономического роста власти могут воспользоваться общественной поддержкой в качестве заместителя экономических стимулов, заставляющих людей больше инвестировать, лучше работать или заниматься инновациями.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

Наконец, в качестве промежуточного, но по сути своей **умеренно-авторитарного варианта** может выступать ситуация, когда правящая элита, не готовая к интеграции новых импульсов политического участия, идет на создание неких иллюзорных его форм, как бы обволакивает, «заталкивает» новую политическую активность в рамках существующих традиционных структур. В таком случае оппозиционным партиям и движениям формально предоставляются права на соревнование в политическом процессе, однако реальная структура распределения и воспроизводства власти не дает им никаких реальных шансов на успех.

Кризисы политического участия периодически воспроизводятся даже в современных демократических системах, имеющих большой потенциал их разрешения. Причины их повторения кроются в динамике нынешнего общества (например, под влиянием экономических и технологических перемен появляются новые социально-экономические группы, бросающие вызов старым ценностям и группам) и возрастные (генерационные) изменения (институты, созданные предыдущим поколением, могут не соответствовать потребностям следующего поколения, ищущего варианты разрешения своих проблем).

Вопросы для семинарского занятия

1. Как соотносятся характер личности, ее политическое поведение и роль?
2. Как возникают и закрепляются отношения между людьми в политике?
3. В чем суть поведенческого подхода и «поведенческой революции» в политической науке?
4. Какое влияние оказывает среда на политическое поведение?
5. Как и почему возникает «бегство от свободы»?

6. Как изменяется поведение человека в толпе? Можно ли контролировать толпу?
7. Оценивая сегодняшнюю российскую реальность, назовите обстоятельства, мешающие вам принять более активное участие в политической жизни.
8. Какое влияние оказали социально-экономические и политические трансформации последних десяти лет на соотношение в России «материалистов» и «постматериалистов»?
9. Какие формы политического участия представляются вам наиболее важными и эффективными в нынешней России? Сравните их с доминирующими формами участия в развитых странах.

Тексты

- Лебон Г. *Психология народов и масс*. — СПб., 1995.
- Московичи С. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. — М., 1996.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. — М., 1997.
- Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 8, 9, 10, 11.
- Фромм Э. *Бегство от свободы*. — М., 1990.
- Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. — N.Y., 1960.
- Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. — N.Y., 1957.
- Kavanagh D. *Political Science and Political Behaviour*. — L.— Boston, 1983.

Дополнительная литература

- Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение. — *Социально-политический журнал*, 1992. — № 8.
- Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России. — *Полис*, 1995. — № 3.
- Вятр Е. *Социология политических отношений*. — М., 1979. — Гл. 12.
- Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России*. — М., 1998.
- Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. *Политическая психология*. — М., 1996.
- Ильин М.В., Коваль Б.И. Личность в политике: «Кто играет короля?» — *Полис*, 1991. — № 1.
- Каверин С.Б. *Потребности власти*. — М., 1991.
- Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения. — *Социс*, 1997. — № 12.

- Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе. — *Социально-гуманитарные знания*, 1999. — № 2.
- Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект. — *Вестник МГУ, сер.12*. — *Политические науки*, 1998. — № 5.
- Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики. — *Полис*, 1991. — № 1.
- Шестопап Е. *Психологический профиль российской политики 1990-х*. — М., 2000.

Глава 10

Политическая культура

Political Culture

Программные тезисы

- Становление и теоретические предпосылки концепции политической культуры. Социальные и культурные начала социума. Ментальные и символические источники политической культуры. Исследования национального характера как предтеча политико-культурного понимания власти.
- Современные интерпретации политической культуры и политико-культурных объектов. Традиции и инновации в трактовке политической культуры.
- Сущность и отличительные черты политической культуры. Ценностные ориентации и коды мышления человека. Политическая культура как форма трансляции прошлого позитивного опыта общественного развития. Соотношение общенациональной и политической культур. Гуманизм политической культуры.
- Структура и функции политической культуры, ее рациональные и иррациональные компоненты. Архетипы в структуре политической культуры. Разнообразие и уровни ценностных ориентаций человека политического. Универсальные и частные параметры политической культуры.
- Базовые и специфические основания типологий и дифференциации политической культуры.
- Цивилизационные основания особенностей политической культуры западного и восточного типов. Различия в отношении людей этих формаций к власти, государству, элитам, политическому участию.
- Политическая социализация, ее сущность и функции. Основные факторы и пределы политической социализации. Агенты и этапы политической социализации. Ресоциализация.

Проблемные вопросы

1. Как обнаружить и выделить в политической деятельности государства, партии, индивида влияние культурных факторов?
2. Насколько сопоставимо воздействие на государство массовых ценностей граждан с деятельностью официальных структур и институтов власти?
3. Может ли политический диалог государства и общества выходить за рамки культуры? В связи с этим, правомерны ли такие понятия, как «культура фашизма», «культура терроризма», «культура геноцида»?
4. Как соотносятся политическая культура и цивилизация?
5. Какова роль традиций и «чужого», стороннего опыта политического развития в формировании политической культуры конкретного общества?
6. Каковы перспективы обогащения российской политической культуры западными ценностями и нормами политической жизни?
7. Как можно сопоставить политические культуры разных стран и народов? Корректно ли говорить о «развитых» и «неразвитых» («слаборазвитых») политических культурах?

1. КОНЦЕПЦИИ И ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. Возникновение понятия политической культуры

В мире политики человек редко руководствуется в отношениях с себе подобными, тем более с политическими институтами, только ролевыми установками, предзаданными обществом и государством правилами и нормами поведения. Чаще всего он старается так или иначе одухотворить свое общение, надеясь и разочаровываясь, выказывая привычки и предрассудки, доверяя власти либо атакуя ее, особенно в случаях политических кризисов, выборов и т.д. Такие проявления человеческой натуры не только служат одним из важнейших факторов обновления политических структур и отношений, но порой вынуждают перестраивать всю систему власти. Неудивительно поэтому, что даже одинаковые по функциям институты разных стран отличаются своеобразным стилем деятельности и развития. Сверх того, если замечено, что политическая система иногда перестраивается, значит, она — зависимая переменная, на которую влияют специфические свойства данного общества. Что же тогда является независимой переменной? Это складывающаяся веками **политическая культура**.

Во многом политическая культура каждого общества, которая сливается с подобными ей в более высокое культурное образование — цивилизацию, есть результат исторического опыта.

Интерпретация

Для исходного пояснения сложнейшего понятия политической культуры можно использовать естественнонаучный термин **континуум** (лат. continuo — без перерыва продолжать), означающий в математике, к примеру, непрерывную совокупность всех точек прямой, а в физике — сплошную среду, свойства которой с течением времени постоянно изменяются в пространстве. Политическая культура — как особый пространственно-временной континуум — олицетворяет собой преемственность в историко-политическом развитии какой-либо общности и возможное распространение ее политических моделей за пределы изначальной территории.

Ученые давно осознали, что если изучать разнообразные аспекты субъективного отношения человека к политическому миру, его подсистемам, взаимосвязи людей в этой сфере с пристальным вниманием к разделяемым ими ценностям, **мифологиями**,

МИФОЛОГИЯ (гр. myphos — сказание, предание) — 1) совокупность преданий, рассказов, легенд и т.п. любого народа, которая выступает носителем его культурных значений, смыслов, регулирует восприятие и поведение; 2) тип сознания (мироощущения), основанного на чувственном восприятии действительности; фантастическое отражение действительности или ее аспектов, которое допускает слияние воображаемого и идеального с материальным, совпадение реальных предметов с символами и значениями, получающими статус существующих на самом деле, соучаствующих в жизни человека; 3) наука, изучающая мифы (их возникновение, содержание, распространение).

Политическая мифология как феномен идеологической практики — результат соединения традиционного мифа с немифологической по своей природе культурной традиции. Вера — подоснова такой мифологии, поэтому последняя выводится из-под рациональной критики, становясь эффективным средством манипулирования массовым сознанием.

СИМВОЛ (гр. symbolon — опознавательный знак) — знаковообразный элемент (предмет, слово, образ, действие) с мифологическими основаниями, который выступает как предельно концентрированное обобщение, как смысл или идея какого-либо явления. Символ выражает отношение людей к значимому для них факту (процессу) и служит средством установления контакта, общения, взаимопонимания. Он наделяет политические феномены (материальные предметы, партии, события и т.п.) определенными значениями и смыслами, способствуя политической коммуникации между субъектами политики (людьми, организациями, государствами) (например, флаг и герб отличают страну как политическое сообщество от других; свастика — символ нацистов, а «роза в кулаке» — французских социалистов).

МЕНТАЛИТЕТ (лат. mens, mentis — ум, рассудок) — общий склад мышления, особенности сознания, умонастроений, психологические и нравственные предрасположенности какой-либо общности; устойчивый способ мировосприятия, объединяющий рациональные, эмоциональные, ценностные и пр. воззрения, нормы и стереотипы.

символами, а также к **менталитету** и пр., то открывается возможность глубже понять мотивацию политического поведения граждан и институтов, выявить причины множества конфликтов, необъяснимых, исходя из традиционных для политики причин — борьбы за власть, перераспределения ресурсов и пр.

Глубинное измерение политического сознания, его «дно» — мифы. Неверно связывать их исключительно с «темной стороной» человеческого разума. Миф — это основа основ современной системы ценностей; он не является чем-то законсервированным, а открыт для новых пополнений.

В классической работе *«Власть и общество: структура политического анализа»* (1950) **Гарольд Лассуэлл** и **Абрахам Каплан** (1918–1993) предложили концепцию политических символов в качестве важнейшего «посредника» между целями и средствами власти.

Мифы и символы самым сильным образом влияют на специфику национального менталитета.

На протяжении всей политической истории — еще с античности — мыслители занимались разгадкой субъективного отношения человека к политике. Многие из того, что мы относим к проблематике современной политической культуры, содержалось еще в Книге книг — Библии либо описывалось философами. Размышлениям о связи между сознанием и политическим поведением человека отдали дань **Конфуций**, **Платон**, **Аристотель**, **Никколо Макиавелли**, **Шарль Луи Монтескьё**. Сам термин политическая культура, систематизировавший исследования субъективного измерения политики, впервые был введен в научный оборот лишь в XVIII в. **Иоганном Гердером**. Теория же, предложившая изучать мир политики сквозь призму этого понятия (сейчас одно из самых продуктивных и интересных направлений политологии), сформировалась еще позднее — только на рубеже 1960-х гг. в русле западной научной традиции.

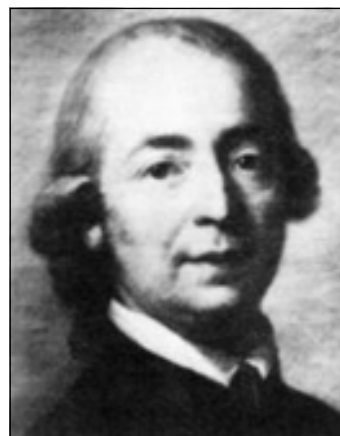
ГЕРДЕР (Herder), **Иоганн Готфрид** (1744, Морунген — 1803, Веймар) — немецкий мыслитель, теоретик литературного движения «Бура и натиск», занимавшийся философией языка, истории и культуры. Был пастором в Риге, Веймаре; друг И.В. Гёте. В зрелые годы стал одним из наиболее авторитетных интеллектуальных критиков рационализма и социально-политических доктрин Просвещения.

Автор знаменитого труда *«Идеи к философии истории человечества»* (1784–1791), где изложил основы своего учения о прогрессе в истории, поступательном развитии человеческого рода и о последовательной гуманизации общества; а также сочинений: *«Трактат о происхождении языка»* (1772); *«Народные песни»* (1778–1779); *«Еще один опыт философии истории для воспитания человечества»* (1774); *«Письма для поощрения гуманности»* (1793–1797), где изложил историю гуманизма, и др.

Вклад в развитие политической мысли. Гердер обосновывал подход к пониманию нации как органической этнической группы, которой свойственны единство языка, культуры и «национального духа». Характер нации определяется природно-климатическими условиями и географией среды обитания, формирующими жизненный уклад и трудовые навыки людей. В языке — историческая память и опыт народа, и лишь в структуре языка можно увидеть подлинную человеческую суть. Более того, «только с речью возникает разум». Язык обладает огромной созидательной силой: «Поэт создает вокруг себя нацию... Он дает им мир, который они видят, и он владеет их душами, чтобы привести их в этот мир». Каждая нация обладает «национальным духом» — источником созидательных сил. В гердеровской концепции культура — важнейший элемент «народного духа» (нем. *Volksgeist*); она отражает самосознание народа, проявляется в уважении и сохранении национальных традиций, коллективной памяти, в умении и готовности к созиданию. В поддержку политического объединения Германии Гердер распространял свои идеи о сохранении традиций и развитии национального самосознания как более важных задач, чем цели политической власти. В данной связи он сформулировал ряд проблем, относящихся к существу того, что ныне называют политической культурой (например, влияние традиций и обычаев в политике).

Позже идеи Гердера способствовали возрождению национального самосознания в раздробленной Германии первой половины XIX в., росту интереса немцев к своей истории, языку, мифам и легендам; это мировидение распространилось по всей Европе.

Иоганн ГЕРДЕР (1744, Морунген – 1803, Веймар) – немецкий мыслитель, теоретик литературного движения «Буря и натиск», занимавшийся философией языка, истории и культуры.

Предпосылками к созданию теории политической культуры стали популярные в послевоенное время исследования различных форм психической организации социальных групп в колониальных и европейских странах. Эти коллективные предрассудки, **стереотипы**, исторический опыт и другие психологические факторы жизнедеятельности людей, оказывавшие влияние на особенности и нормы взаимодействия власти (государства) и общества, обобщенно описывались в категориях **национального характера**, «национального духа», «национальной психологии», «фундаментальных ценностей народа».

Такие социально-психологические исследования политологи восприняли как потребность в более обобщенных моделях субъективных сторон политической действительности. Это оказался подлинный гуманитарный прорыв. **Габриэль Алмонд**, описывая политическую систему, выделил два уровня ее анализа: *институциональный* (вполне традиционно определяющий институты и их функции, нормы, механизмы действия государства) и *ориентационный* (выражающий особые формы отношения людей к разнообразным политическим объектам). С помощью последнего и был охарактеризован особый класс политических явлений — **полити-**

СТЕРЕОТИП (гр. stereos — твердый, typos — отпечаток) — схематический, стандартный образ какого-либо явления или объекта, обычно эмоциональный и очень устойчивый; он выражает привычное отношение человека к кому(чему)-либо, сложившееся под влиянием политических или социальных условий, предшествующего опыта.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР — совокупность нравственных, культурных, политических и иных представлений и качеств, свойственных определенному этносу и закрепленных в его традициях, нормах, стереотипах. Политико-психологическая (психоаналитическая по форме) концепция национального характера стала основой разработок в США и Англии рекомендаций по денацификации (искоренению нацизма) в Германии, а в начале холодной войны — политических методов противостояния СССР и его союзникам, деморализации коммунистической элиты. Несовершенство модели национального характера как инструмента анализа человеческого измерения политики способствовало обоснованию концепции политической культуры.

ческая культура, соединяющая институциональный и реальный уровни функционирования политической системы.

Каждая политическая система покоится на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия. Я счел полезным назвать это политической культурой. Есть два момента, которые необходимо отметить в связи с понятием политической культуры. Во-первых, она не совпадает с данной политической системой или обществом. Структура ориентаций относительно политики может простирается и обычно простирается за пределы политических систем. Второй момент заключается в том, что политическая культура не является тем же самым, что и общая культура.

Г. Алмонд, «Сравнительные политические системы»

1.2. Многообразие трактовок политической культуры

Политическая культура в силу множественности своих проявлений в историческом, геополитическом, этнонациональном, вероисповедном и иных аспектах очень разнообразна. К данному цивилизационному феномену вполне применимо образное выражение американского философа *Уильяма Джеймса* — «цветущая и жужжащая неразбериха». Поэтому маловероятно создание совершенно четкой и «окончательной» характеристики политической культуры. Вместе с тем, для осознания понятия все-таки нужно руководствоваться некоторыми концептуальными построениями.

Самое признанное из них было предложено и более 40 лет развивалось *Алмондом*. В первоначальном виде эта модель в основном была спроецирована на изучение американской политической практики. Лишь впоследствии его соотечественники *Сидней Верба*, *Люсиан Пай* (род. 1921), *Уолтер Розенбаум*, *Рональд Инглхарт*, англичане *Ричард Роуз* (род. 1933) и *Деннис Каванах*, немецкий теоретик *Клаус фон Бейме* (род. 1934), французы *Морис Дюверже* и *Роже-Жерар Шварценберг*, другие политологи существенно дополнили учение о политической культуре, превратив его в универсальный теоретический инструмент исследования существования человека в мире политики. Несмотря на то что политическая культура связывается с наличием ценностной мотивации, верований, идеалов и убеждений, присущих *национальному характеру* и вовлекающих человека в политическую жизнь *конкретного общества*, данное понятие стало символом обобщенной характеристики всего субъективного контекста политики.

АЛМОНД (Almond), **Габриэль** (1911, Рокайленд) — выдающийся американский политолог, труды которого в области сравнительных исследований политических систем и культур, а также по теории политического развития являются классикой современной политической науки. Преподавал в университетах: Йеля (1947–1951, 1959–1963), Принстона (1951–1959), Стэнфорда (с 1963) и др.; был президентом Американской ассоциации политической науки (1965–1966); лауреат премии им. Дж. Мэдисона (1981).

Автор многочисленных работ: «Борьба за демократию в Германии» (1949, соавт., ред.); «Американский народ и внешняя политика» (1950); «Соблазны коммунизма» (1954); «Политические системы развивающихся регионов» (1960, соавт., ред.); «Гражданская культура» (1963, соавт. С.Верба); «Сравнительная политология: эволюционный подход» (1966, соавт. Дж.Б. Пауэлл); «Политическое развитие» (1970); «Сравнительная политология: система, процесс, политический курс» (1978, соавт. Дж.Б. Пауэлл); «Гражданская культура: пересмотр концепции» (1980, соавт.); «Прогресс и его недостатки» (1982, соавт.); «Разделенная наука: школы и секты в политологии» (1990); «Плутократия и политика в Нью-Йорк сити» (1998, соавт.); «Современная европейская политика» (1999, соавт., соред.); «Современная сравнительная политология» (2000, 7-е изд., соавт.) и др.

Вклад в развитие политической науки. Алмонд принадлежит к числу классиков современной политической науки; его труды ценны для развития не только собственно сравнительной политологии и политической теории, но и всей дисциплины в целом.

Алмонд одним из первых среди политологов занялся проблематикой современных политических систем. Применяв структурно-функциональный подход к их анализу, он связал уровень системного развития со структурной дифференциацией общества и автономией его подсистем. Политическую систему Алмонд определил как структуру поведения и взаимодействий, выполняющую два типа функций: *ввода информации* (политическая социализация, обеспечивающая преемственность в политике; мобилизация населения и распределение политических ролей; артикуляция интересов; агрегация, или суммирование, интересов и политическая коммуникация) и *вывода информации* (законодательная деятельность как введение норм, исполнительная деятельность — применение норм, контроль за их соблюдением). На основании показателя уровня развития структурной дифференциации общества Алмонд построил типологию политических систем из 4 составляющих: *англо-американская, континентально-европейская, традиционная и тоталитарная*.

Огромен вклад Алмонда в разработку проблематики политической культуры, ставшей после его работ одним из важнейших аналитических инструментов в изучении национальной политики, причин стабильности/нестабильности политических систем и т.д. Предтечей предпринятых Алмондом и Вербой сравнительных исследований в области политических культур был в силу ряда причин, преодоленных только спустя 30 лет, не совсем успешный проект «Становление граждан» (The Making of Citizens), организованный Ч. Мерриамом в Чикагском университете в начале 1920-х гг.

В концептуальном плане «Гражданская культура» оказалась под сильным влиянием, в частности, теории демократической стабильности Г. Эк-

Габриэль АЛМОНД (1911, Рокайленд) — выдающийся американский политолог, труды которого в области сравнительных исследований политических систем и культур, а также по теории политического развития являются классикой современной политической науки

стайна, согласно которой эффективно функционирующая демократия представляет собой смешение очевидных противоречий, «сбалансированных несоответствий», например, между консенсусом и расколом, между большими полномочиями правительства и принципом его ответственности перед избирателями и т.п. Поэтому сам Алмонд определяет теорию гражданской культуры как теорию демократического равновесия, т.е. исходящую из положения о том, что демократическая стабильность вероятнее тогда, когда всевозможные политические процессы и ориентации находятся в состоянии равновесия, что возможно, как было доказано Алмондом и Вербой, при смешанных формах политических ориентаций.

Алмонд и Верба работали над *«Гражданской культурой»* в 1957–1962, т.е. в «золотую» эпоху администраций Эйзенхауэра и Кеннеди. Более поздние исследования, в т.ч. и *«Гражданская культура: пересмотр концепции»* (1980), показали, что зафиксированные модели политической культуры с тех пор претерпели значительные изменения, по крайней мере в США, Великобритании и Германии. Это позволило авторам позже рассматривать политическую культуру в качестве «пластической многомерной переменной», к тому же еще и «очень чувствительной» к структурным изменениям, в особенности демографическим, гендерным, экономическим, информационно-коммуникационным, вызывающим определенные политические трансформации, в частности такие, как перестройка партий и партийных систем, появление новых общественных движений, рост недоверия и враждебности по отношению к правительству, перетекающие в требования децентрализации, де бюрократизации, дерегулирования, приватизации и т.п.

Вызовы положениям демократического равновесия, играющим ключевую роль в теории гражданской культуры, исходят от уменьшающегося уровня членства в традиционных партиях и группах интересов, недоверия к ним, снижения уровня участия в голосовании на выборах, что в совокупности изменяет участнический компонент гражданской культуры, а также вызывает поляризацию, фрагментацию политической повестки дня, ослабление придаваемой правительству и должностным лицам легитимности, а это отражает распространение отчужденной, а не лояльной подданнической ментальности, считавшейся ранее данью электронному популизму телевидения и т.п. Алмонд призывает уделять внимание не только внутривнутриполитическим факторам всех этих изменений, но и факторам, имеющим «внешнее», международное «происхождение», таким как окончание холодной войны и крушение СССР.

Последнее время Алмонд работает над созданием общих концептуальных и методологических основ для исследований по всем субдисциплинам политической науки. По мнению Алмонда, современной политической науке «присуще единство содержания и метода»; методология политической науки «характеризуется плюрализмом, который в основе своей эклектичен», т.е. допускает сосуществование различных методологических концепций.

Алмонд — один из самых упоминаемых авторов в современной политической науке и лидер по этому показателю в сравнительной политологии. Подробнее о концепциях и практических выводах Алмонда см. в отдельных главах этой книги.

Даже при интенсивной теоретико-практической работе политологов многих стран по тематике политической культуры вполне понятны причины незавершенности этой дискуссии и, разумеется, самой теории. В их научном споре сошлись две тенденции — к предельно широкой трактовке данного явления и к его более специализированному пониманию.

Сидней ВЕРБА (род. 1932, Нью-Йорк) — американский политолог, работы которого считаются классикой современной политической науки.

Политическая культура — это тот феномен, что задает форму выражения связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на них; хотя политическое поведение индивидов и групп... — это ответ на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и тому подобное, оно еще в большей степени определяется тем [символическим] значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Можно сказать, что политическая культура — всего только проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют увиденное.

С. Верба, «Сравнительная политическая культура»

При расширенном подходе политическая культура расценивается некоторыми теоретиками всего лишь как «новый термин для старой идеи» (*Каванах*), а концепции, отождествляющие политическую культуру со всей политической системой (например, *Дж. Ньюмен*), кажется, устраняют саму необходимость использования понятия. В противоположность таким идеям в науке постоянно развиваются подходы, согласно которым политическая культура — это особый субъективный срез содержания поля политики, что не позволяет сводить ее к различным субъективным состояниям: массовым настроениям, идеологиям, психическому складу нации и т.д.

Обратите внимание

Показательно, что сам Алмонд вовсе не считал политическую культуру теорией как таковой, а видел в данном понятии набор переменных, облегчающих работу исследователей по многим направлениям политологии, ибо психологическое и субъективное измерения политики могут служить объясняющими факторами. Способность самой политической культуры выступать в качестве объясняющей категории открыта для проверки (см. «Гражданская культура»).

ВЕРБА (Verba), Сидней (род. 1932, Нью-Йорк) — американский политолог, работы которого считаются классикой современной политической науки. Преподавал политологические дисциплины в университетах:

Принстона (1960–1964), Стэнфорда (1964–1968), Чикаго (1968–1972), Гарварда (с 1972). С 1984 является директором Гарвардской университетской библиотеки и входит в состав совета директоров издательства «Harvard University Press». Занимал посты: вице-президента (1972–1973) Ассоциации международных исследований, вице-президента (1979–1981) и президента (1994–1995) Американской ассоциации политической науки. Принимал активное участие в деятельности Национального исследовательского совета и Исследовательского совета по социальным наукам. В 1993 за вклад в развитие политической науки удостоен премии им. Дж. Мэдисона, дважды — в 1972 и 1976 — удостоивался премии Американской ассоциации политической науки за лучшую книгу.

Автор многих трудов, в том числе: «Малые группы и политическое поведение: изучение лидерства» (1961); «Гражданская культура: политические ориентации и демократия в пяти странах» (1963, соавт. Г. Алмонд); «Анализ сравнительного исследования» (1969, соавт. С. Роккан и др.); «Формы демократического участия» (1971, соавт. Н. Най, Ж. Ким); «Кризисы политического развития» (1971, соавт. Дж. Коулман, Л. Пай и др.); «Каста, раса и политика: сравнение Индии и США» (1971, соавт. Б. Ахмед, А. Бхатт); «Изменяющийся американский избиратель» (1976–1979, соавт. Н. Най, Дж. Петрович); «Гражданская культура: пересмотр концепции» (1980, соавт., соред.); «Равенство в Америке: взгляд сверху» (1985, соавт. Г. Оррен); «Элиты и идея равенства: сравнение Японии, Швеции и США» (1987); «Участие и политическое равенство: сравнение семи обществ» (1987, соавт. Н. Най, Ж. Ким); «Участие в Америке: политическая демократия и социальное равенство» (1987, соавт. Н. Най); «Планирование социального исследования. Научное заключение в качественном исследовании» (1994, соавт. Г. Кинг, Р. Кеохейн); «Голос и равенство: гражданский волонтаризм в американской демократии» (1995, соавт. К. Шлоцман, Г. Брэйдли).

Вклад в развитие политической науки. Верба принадлежит к числу активно работающих и авторитетных политологов (один из наиболее упоминаемых в литературе как общедисциплинарного, так и специального характера), имеющих статус интеграторов науки. Вместе с тем, Верба является одним из ведущих специалистов в области сравнительной политологии и исследований политического участия.

В книге *«Голос и равенство: гражданский волонтаризм в американской демократии»* исследуется проблема неравенства в политическом участии американских граждан. Определяя политическое участие как механизм, при помощи которого граждане передают информацию о своих интересах, предпочтениях и потребностях и оказывают давление на тех, кому данная информация адресована (для рассмотрения и принятия соответствующего решения), Верба и соавторы отмечают, что в демократическом государстве участие должно бы быть равным, учитывая, что демократия предполагает одинаковое внимание к интересам всех граждан. На основании материалов «Исследования гражданского участия», охватившего 15 тыс. избирателей, они делают вывод о чрезвычайно неравном по сравнению с другими демократиями распределении политического участия в США и, соответственно, менее представительном характере американского электората. На фоне снижения форм политического участия, связанного с голосованием, за последние 20 лет почти в два раза (до 23%)

выросла доля населения, чье участие в политических кампаниях сводится к внесению взносов в виде времени или денежных пожертвований (две трети от 23%). Возрастающее значение данных форм политического участия оказывает большое влияние на принцип политического равенства: по мере того как главным ресурсом в политике становятся деньги, вытесняя время, сокращается круг людей (имеющих деньги) — эффективных политических акторов, сокращается и круг артикулируемых проблем и требований. Сверх того, с ростом имущественного неравенства эта ситуация будет усугубляться. Обеспеченные (и более образованные) граждане озабочены экономическими (налоги), социальными (аборт), моральными (порнография) и т.п. проблемами, а менее обеспеченные (и менее образованные) — базовыми проблемами, такими как бедность, занятость, жилье и т.п., следовательно, в значительной степени личными проблемами, решение которых затрудняется разобщенностью и меньшей политической активностью даже в «своих» организациях. В результате будут услышаны группы обеспеченных граждан, а их интересы учтены. Однако церковь и профсоюзы способны частично компенсировать разрыв в уровнях участия благодаря своей гражданско-образовательной функции.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (по Алмонду и Пауэллу) — совокупность личных позиций и ориентаций членов конкретной политической системы. Это субъективная сфера, создающая первооснову политических действий и придающая им смысл. Личные (индивидуальные) ориентации относительно разных политических объектов включают в себя: познавательные (истинное/ложное знание о явлениях, событиях, идеях); аффективные (чувство коммуникации, вовлеченности, противодействия по отношению к политическим объектам); оценочные (суждения и мнения об объектах, предполагающие применение определенных критериев).

В настоящее время в политологии сложились три основных направления в истолковании **политической культуры**. Одна группа ученых, продолжая заложенные *Алмондом* традиции и воплощая стремление к объемному пониманию предмета, отождествляет политическую культуру со *всей* совокупностью **духовных** явлений (*Верба* и др.) в мире политики. В этом смысле она не только поглощает целиком субъективное содержание политики, но и интерпретирует его как сугубо идеальное образование. Тем самым политическая культура как бы превращается в форму общественного сознания или психического склада, но лишенную поведенческих аспектов.

Другие политологи усматривают в политической культуре выражение **нормативных** требований (*Стивен Уайт*; род. 1945) или совокупность типичных образцов поведения человека в политике (*Джек Плейно*). В этом подходе политико-культурные явления предстают в виде некоей устойчивой, постоянно воспроизводящейся матрицы поведения человека («управленческая решетка» *Мэри Дуглас*), ориентирующей его на самые распространенные в данном обществе нормы и правила политической игры. Значит, за счет подчинения массовых действий сложившимся стандартам и формам взаимодействия общества с властью открывается возможность регулировать политические процессы.

В рамках третьего направления культура истолковывается как **способ, стиль** политической деятельности человека, предполагающий воплощение его убеждений, идеалов, принципов и прочих базовых воззрений в поведении, — *Иен Шапиро, Парматма Шаран* (род. 1916), *Уолтер Розенбаум*. Понимание политической

ЦЕННОСТИ — нормативные представления, выражающие положительную или отрицательную значимость явлений, идей, установок жизнедеятельности с точки зрения их соответствия потребностям, интересам и целям общества, социальной группы, отдельной личности. Это глубинные внутренние представления человека, а в более узком смысле — нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные *общечеловеческой* культурой. В политологии ценности рассматриваются в качестве регуляторов (либо руководящих принципов) политической жизни и поведения людей. По *Дюркгейму*, это «коллективные представления», возникающие в процессе сотрудничества и солидарности людей; по *Парсонсу*, — «объекты субъективного интереса» и предпочтений какого-либо способа действий, определяющие тип политических отношений.

культуры как системы поведенческих ценностей раскрывает ее как совокупность наиболее устойчивых форм, «духовных кодов» политической деятельности людей, свидетельствующих о степени свободного усвоения ими общепризнанных норм и традиций государственной жизни, о сочетании в их повседневной активности и творческих, и стандартных для данного общества приемов осуществления своих прав и обязанностей и т.д.

Нельзя сводить понятие политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведения. Это соответствует общему пониманию культуры, ...а также той исследовательской интуиции, которая заставляет искать устойчивые образцы поведения как важнейшие черты культуры, детерминирующие общественные и политические действия.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

1.3. Сущность и отличительные черты политической культуры

Таким образом, политическую культуру можно определить как *совокупность типичных для конкретной страны образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и поддерживающих устоявшиеся нормы и традиции взаимоотношений государства и общества.*

Интерпретация

Принято считать, что самые точные знания о предмете и содержании понятий изложены в научных справочных изданиях. Раздел «Политическая культура» для *«Международной энциклопедии социальных наук»* (1-е изд. — 1968) подготовил **Пай**: «Политическая культура есть совокупность ориентаций, мнений и убеждений, которые придают логику и смысл политическому процессу, обеспечивают основополагающие представления и нормы, управляющие поведением человека в политической сфере. Тем самым политическая культура... — это обобщенное выражение психологического и субъективного измерения политики».

В приведенных определениях прежде всего отражена центральная роль **ценностных ориентаций**, представляющих особую мотивационную систему человеческого поведения.

Ценностные ориентации задают некие **коды** мышления и установок, составляющие поведенческий кодекс, т.е. своего рода *иде-*

альный тип политической деятельности человека. Такая система ориентаций, в своей основе достаточно строгая и определенная, должна сохранять и известную гибкость, позволяющую человеку приспособиться к текущим изменениям политической реальности.

Интерпретация

Несмотря на свою глубину и абстрактность, ценностные ориентации вполне могут быть представлены в качестве конкретных показателей человеческой активности. Вот какие операционные характеристики дает *Розенбаум* политико-культурным ориентациям:

Ориентация	Операционные определения
Политическая идентификация	Нация граждан: политические образования и группы, относительно которых индивид настроен позитивно или негативно; политические образования или группы, в которых индивид вовлечен глубже всего
Политическая вера	Готовность сотрудничать с различными группами в акциях; членство в группах; оценка деятельности группы с точки зрения того, заслуживает ли она доверия, каковы ее мотивы и т.д.
Ориентации относительно режима	Вера в легитимность режима; чувства по поводу основных политических учреждений и символов режима; включенность в политическую деятельность по поддержке или противостоянию режиму
Правила игры	Как индивид относится к высказываемым политическим мнениям; концепции политических обязательств для самого себя и для других; концепции принятия политических решений властями; отношение к политическим девиантам и диссидентам
Политическая действенность	Вера в то, что власть ответственна за свои действия; вера в важность гражданской активности и участия в политической жизни; вера в возможность политических изменений
Политическая компетентность	Частота голосований и других типов политической активности; знания о политических событиях и их влиянии на человека; интерес к политике
Input–Output ориентации	Удовлетворенность политикой власти; знание о том, как политические требования достигают центров принятия решений; вера в эффективность «входов» и «выходов» политической системы

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ (в политике) — воспринятые человеком ценности, являющиеся целями его политических действий и основных средств их достижения; тем самым они приобретают функцию важнейшего регулятора индивидуального политического поведения. Как отражение фундаментальных интересов, ценностные ориентации проявляют субъективные политические позиции людей, их понимание мира политики. Общее понятие введено в науку в 1920-е гг. *Уильямом Томасом* (США) и *Флорианом Знанецким* (Польша) в качестве социальной установки личности («социальный аттитюд»), регулирующей ее поведение.

ТРАДИЦИЯ (лат. *traditio* — передача) — форма закрепления, сохранения и селективного (т.е. после проведенного отбора) перехода значимого опыта от предыдущих поколений к последующим, обеспечивающая преемственность в социокультурных процессах; это и совокупность объектов и идей, важность которых люди связывают с их происхождением в прошлом (*П. Штомпка*). Составляющие традиции — нормы, ценности, идеи, навыки, ритуалы, символы, модели поведения и т.п.; ее функции — 1) источник идеальных и материальных (при широком толковании) ресурсов; 2) легитимизация; 3) объединение социума (т.е. большой, устойчивой социальной общности); 4) поддержание и усиление коллективной идентичности; 5) содействие устойчивости социума, особенно в периоды кризисов, и его адаптации к изменениям. Традиция сочетает позитивный потенциал с негативным (при жесткой ориентации на нее); она может сдерживать творчество и новации, консервировать отсталость и неэффективность практик, процедур и институтов, нарушать социальные связи (например, при традиционных формах дискриминации).

Однако человек не всегда имеет возможность вести себя в соответствии со своими убеждениями (например, когда пытается решить какую-то практическую задачу, требующую иного подхода, или в ситуации, когда нельзя действовать согласно собственным принципам из-за угрозы насилия). Поэтому в целом политическая культура содержит в себе противоречия между идеальными и практическими формами существования на уровне и отдельной личности, и целого государства.

Любая национальная политическая культура включает в себя как идеальные (императивно-нормативные) модели сознания и поведения, которые нередко закрепляются официальной идеологией, так и модели, реально действующие, вступающие порой в противоречие с официальными догмами. Например, в стране «Х» большинство граждан убеждено, что правительственные чиновники, берущие взятки, поступают дурно, а между тем взятки чиновники все-таки берут. Что же считать политической культурой данного общества: убеждения граждан или поведение чиновников? «И то, и другое», — отвечает большинство политологов, поскольку и убеждения граждан, и поведение чиновников приняли устойчивый характер и служат воспроизводству сложившейся системы политических отношений. Поэтому исследователь культуры держит в поле внимания как идеалы, так и реальность — даже если они противоречат друг другу.

Э.Я. Баталов, «Политическая культура современного американского общества»

Ценностные ориентации позволяют человеку осознать свою идентичность (самотождественность), а значит, и отличие от представителей иной системы взглядов. На практике это проявляется в использовании людьми различных символов, закрепляющих образы и смыслы, которые знаменуют определенные политические реалии настоящего или прошлого (к примеру, красные флаги на митингах в бывших коммунистических странах).

Политические ценности, будучи по природе результатом личностного освоения мира политики, в то же время обязательно испытывают специфическое влияние общественных требований. Прежде всего это происходит на основе восприятия человеком норм политической системы, которые несут в себе не только современные требования, но и включают опыт прошлого, представленный в **традициях**, обычаях, ритуалах и стереотипах деятельности.

В самом общем смысле механизм традиции, обеспечивая преемственность между прошлым и будущим, сплачивает общество

в целостный организм. Именно традиции придают устойчивость политико-культурным формам деятельности людей, дают им возможность влиять на политический процесс, противостоять отрицательным тенденциям современной жизни. Воспроизводя традиции, политическая культура оформляет овладение человеком позитивным наследием, оставленным ему предшествующими поколениями.

Однако даже при тиранических режимах усвоение прошлого опыта на уровне ценностных ориентаций может происходить только на основе *свободного присоединения* к каким-то формам мышления и поведения живших ранее поколений. Диктатура способна контролировать лишь поведение, но не мысль, и потому у культуры нет никаких механизмов контроля, кроме ограничений сознания человека.

Безусловной противоположности между традицией и разумом не существует. В действительности традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории как таковых. Даже самая подлинная и прочная традиция формируется...естественным путем, ...требует согласия, принятия... Сохранение старого является свободной установкой ...[человека].

Х.-Г. Гадамер, «Истина и метод»

Учитывая такой характер нормативного влияния традиции, ценностные ориентации воплощают собой не идеальные умонастроения, а связывают личные взгляды, интересы человека (т.е. его *субъективность*) со стандартами, которые признаны данным обществом позитивными и предпочтительными. Поскольку в мышлении и поведении конкретного индивида всегда существует определенный разрыв между освоенными и неосвоенными им нормами и традициями политической игры, сложившимися обычаями гражданской активности, то у политической культуры сохраняется мощный источник *саморазвития*.

Политическая культура — органическая составная часть общесоциальной (национальной) культуры каждой страны. По мнению **Толкотта Парсонса**, общекультурные ценности ограничивают основания политической системы. В данном смысле политическая культура понимается как совокупность явлений из мира политики, содержащихся в культуре данного общества, на которые влияют характерные для него цивилизационные составляющие жизнедеятельности: религия, этнонациональный менталитет, достигнутые уровни развития науки и техники, образованности и т.д. Иначе говоря, культура в целом — это социальный контекст,

Герб СССР.

внутри которого политические события только и становятся для человека понятными и вразумительными. Политика, таким образом, — средство бытия культурного языка общества, его смысловых структур, народных образов, традиций. Выражая «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура своими способами содействует единению общества, обеспечивает в привычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоев.

Не бывает «хороших» и «плохих» культур, потому признание политической культуры как составной части общесоциальной показывает, что их национальные разновидности соотносятся не по типу низшая — высшая, а гораздо сложнее. В известном смысле политическую культуру США нельзя рассматривать как более высокую по сравнению, к примеру, с традиционными формами мышления и поведения какой-то африканской страны. Просто это неодинаковые политические культуры, в основании ценностных ориентаций которых заложены своеобразные механизмы гражданской идентификации, символы осознания национального единства, стереотипы отношений общества и государства. Для гуманитарно развитого человека нет высоких или низких политических культур: одна культура не может быть ступенькой либо целью эволюции другой. Политическая культура — органически присущая обществу характеристика его качественной целостности.

Вместе с тем, несмотря на невозможность применения критериев одной культуры для оценки другой, политико-культурные явления все же обладают некоей ценностной определенностью. В идеале политическая культура должна включать в себя очень широкий круг **гуманистически** ориентированных ценностей (и обусловленных ими форм поведения), которые отличают разнообразие жизни конкретных обществ, слоев населения, их обычаев и традиций. Однако там, где субъект политики руководствуется идеями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируется на насилие и физическое уничтожение другого, распадается ткань и культуры в целом, и политической культуры, в частности. В подобных случаях в сфере политики культурные ориентиры и способы участия, ценностная обусловленность действий власти уступают место иным взаимоотношениям. Фашистские, расистские, шовинистические движения, геноцид и терроризм, охлократия и тоталитарный диктат властей не способны не только развивать, но и поддерживать культурное пространство в политической жизни. В таких условиях оно как бы сворачивается, сокращается.

Итак, если исходить из осознания нереальности построения всех форм участия граждан в политике на образцах культуры и действий институтов власти в соответствии с ценностной системой общества, то надо признать, что политической культуре свойственно сужение или же расширение зоны ее влияния. Поэтому в целом она не может быть универсальным политическим явлением. Но развиваясь по собственным законам, она способна влиять на политическое устройство общества, характер межгосударственных отношений и т.д.

1.4. Структура и функции политической культуры

Характер каждой политической культуры во многом зависит от ее **структуры**, которая складывается под влиянием различной способности тех или иных элементов воплощать ценностно-смысловую обусловленность активности человека в сфере политики, отражать особенности понимания им своих интересов в отношении власти, вести себя при достижении целей не только по правилам политической игры, но и творчески перестраивать приемы и способы деятельности при изменении потребностей и внешних обстоятельств.

Политическая культура — явление со сложной структурой, многоуровневое, что объясняется разнообразием ее связей с различными социальными и политическими процессами. Одни элементы отражают технологию формирования политического поведения субъектов, другие — этапы становления политической культуры в конкретной стране, третьи — те ценности, которыми руководствуются элиты и группы электората, этносы, жители отдельных регионов.

Самоидентификация и ориентация человека в политике основаны на использовании всех его антропологических (в т.ч. мировоззренческих) характеристик. В этом смысле в политической культуре заложены **рациональные** и **иррациональные** компоненты. Если рациональные предполагают, что человек действует в соответствии со своими интересами, статусом, разумно соотносит цели и средства их достижения, то наличие неотрефлексированных (неосознанных) компонентов ориентации человека в политической сфере связано с его эмоционально-чувственным восприятием мира, некритическими **архетипами** мышления, воспроизводством предрассудков, предубеждений и т.д. Присутствие в сознании иррационального, задающего собственную, нередко искаженную логику поведения людей, сильно затрудняет объяснение процессов формирования и функционирования политической культуры.

АРХЕТИП (гр. *arche* — начало, *typos* — образ) — в аналитической психологии **Карла Густава Юнга** это первичные, врожденные структурные элементы «коллективного бессознательного», архаические психические наслоения повторяющихся жизненных ситуаций и переживаний человека; универсальные, общечеловеческие первообразы и изначальные идеи, проявляющиеся как индивидуально (фантазии, способствующие творческому мышлению, сновидения, некоторые виды бреда), так и в различных мифологических, культурных и т.п. системах. В проблемной, кризисной ситуации в личной или общественной жизни архетип бессознательно возрождается, причем происходит это спонтанно, даже принудительно.

Интерпретация

Известный британский теоретик **Майкл Оукиотт** (1901–1990) в книге «Рациональность в политике» (1962), которую часто цитируют политологи, предложил новаторское для того времени истолкование рационального подхода к политическому мышлению, поведению и действиям. Он утверждал: «Большая часть политической активности человека состоит в том, чтобы отдавать под трибунал своего интеллекта социальное, политическое, правовое и институциональное наследство общества; остальное — это рациональное управление с помощью контроля «разума» над обстоятельствами. Для рационалиста ничто не имеет ценности в силу только самого факта существования ...на протяжении многих поколений... Рационалист признает лишь сознательно производимые изменения, оттого легко ошибается, отождествляя привычное и традиционное с неизменным. Это хорошо видно на примере рационалистической установки по отношению к традиции в мышлении. И речи не может быть о сохранении и обогащении такой традиции, ибо и то, и другое предполагает покорность. Традиция эта должна быть уничтожена, и на ее месте рационалист создает нечто по своему выбору».

Обратите внимание

Весьма влиятельная в социальных науках *феноменологическая школа* (основоположник — австро-американский философ **Альфред Шюц**; 1899–1959) считает рациональность не объективной характеристикой поведения человека, а субъективным и чисто ситуационным явлением. Используя это исходное положение, ученые данного направления — **Питер Бергер** (род. 1929), **Морис Натансон** (род. 1924) и др. внесли солидный вклад в изучение динамики субъективных представлений в ходе формирования политических явлений, в описание типических мотиваций и личностных типов в политических действиях.

В качестве основы строения политической культуры в науке, как правило, рассматривают **ориентации** на политическую систему и образующие ее части. В классической форме вопрос о структурировании ценностных воззрений человека поставил **Алмонд**, выделив в своем определении политической культуры (оно приведено выше) *познавательные* (понимание состава политической системы, ее основных институтов, механизма организации власти); *эмоциональные* (чувства к тем, кто обеспечивает функционирование политических институтов и, по мнению людей, олицетворяет собой власть), а также *оценочные* (суждения, опирающиеся на ценностные критерии) элементы.

В свою очередь, **Розенбаум** предложил распределять политические ориентации по следующим блокам: 1) относительно *институтов государственного управления* (включая нормы, символы, действия официальных лиц), а также «входов» и «выходов» *политической системы (режима)* в целом (оценки различных требований к власти, ее решений и эффективности их реализации); 2) относительно *«других»* в мире политики, в т.ч. самоидентификация (осознание принадлежности к нации, государству, партии и др.), политическая вера (т.е. убежденность в позитивных/негативных последствиях действий связанных с человеком иных людей), субъективные предпочтения в плане правил политической игры и доминирующего правопорядка; 3) относительно собственной активности с оценкой своей политической компетентности (уверенность в способности реально влиять на институты власти).

Структурирование политической культуры возможно и с учетом различий в значении и роли ценностей для формирования политической деятельности человека. Здесь выделяются мировоззренческие, гражданские и политические ориентиры. Ценностная ориентация человека на **мировоззренческом** уровне встраивает представления о политике в его индивидуальную картину мира и восприятие жизни. Выработка политического мировоззрения заставляет людей соотносить свои моральные представления (о добре и зле, смысле жизни) с особенностями политики, определять ее место в достижении их главных жизненных целей. В рамках **гражданских** ориентиров человек осознает собственные возможности как участника публичных отношений, где действуют некоторые органы и институты (судебные, государственного управления и пр.), влияющие на осуществление его прав и свобод. На уровне **политических** представлений человек формирует свое отношение к практике конкретного правительства, партий, официальных лиц и т.д.

Такое распределение ценностей показывает, что на каждом уровне у человека могут складываться разные мнения о политических явлениях, а это обуславливает и внутреннюю противоречивость политической культуры как таковой. Из опыта хорошо известно: отношение к конкретным событиям обычно изменяется значительно быстрее, чем мировоззренческие принципы, следовательно, восприятие новых целей и ценностей, переосмысление истории и сама ориентация в политическом пространстве осуществляются весьма рассогласованно. Значит, почти каждая разновидность политической культуры обладает внутренней *неравновесностью*, поэтому стремление к большей ее целостности — постоянная проблема политико-культурного развития.

СУБКУЛЬТУРЫ (лат. sub — под...) — локальные, относительно самостоятельные группы ценностей, норм, стереотипов и приемов политического общения и поведения, поддерживаемые отдельными социальными группами. По сути субкультуры означают некие подсистемы ориентаций и моделей политического поведения, характерные для определенных общностей и отличающиеся от более распространенных, доминирующих в обществе (регионе, нации в целом) ценностей и соответствующих им форм поведения. Понятие субкультуры широко применяется при изучении процессов дифференциации и интеграции культуры как таковой.

Типичный способ выявления структуры политической культуры — различение ценностных ориентиров и способов политического поведения в зависимости от принадлежности людей к социальным, этнонациональным, демографическим, территориальным, конфессиональным, ролевым (элита и электорат) и другим группам. Тем самым политическая культура предстает как совокупность **субкультурных** образований, характеризующих наличие у их носителей существенных (и несущественных) отличий в отношении к власти в целом, государству, правящим и оппозиционным партиям, в способах политического участия.

Данный подход позволяет увидеть, что в конкретных странах наибольшим политическим влиянием могут обладать религиозные (в Северной Ирландии и Ливане), этнические (в Азербайджане) или элитарные (в переходных обществах) субкультуры. В этом смысле самые важные элементы субкультурной дифференциации политической культуры — характеристики лидеров и элит, показывающие их способность к выражению интересов граждан, эффективному управлению и укреплению легитимности власти.

Политическая культура как специфический круг явлений оказывает реальное воздействие на политический процесс, динамику изменений в сфере государственной власти, качество и состояние акторов. Ниже дан перечень ее наиболее устойчивых **функций** в политической жизни, связанных с различными направлениями влияния на власть.

– *Идентификация* раскрывает постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности, в определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности.

– *Ориентация* характеризует стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе.

– *Предписание* (программирование) выражает приоритетность каких-то ориентаций, норм и представлений, обуславливающих направленность и границы человеческого поведения.

– *Адаптация* передает потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий.

– *Социализация* проявляет обретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы.

– *Интеграция* (дезинтеграция) обеспечивает различным группам возможность сосуществования в рамках данной политической системы, сохранение целостности государства и стилистики его взаимоотношений с обществом.

– *Коммуникация* показывает уровень взаимодействия всех субъектов и институтов власти на основе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информирования и общения.

В различных исторических условиях — чаще всего при нестабильных политических процессах — некоторые функции политической культуры могут сворачиваться и даже прекращаться. Например, при кризисе (экономическом, социальном, политическом) значительно снижается коммуникативная способность норм и традиций государственной жизни, в результате чего неизбежно обостряются споры между различными общественными группами по поводу правительственного курса. В переходных процессах нередко возрастает способность политической культуры к разложению (дезинтеграции) формы правления либо институтов, которые основаны на непривычных для населения целях и ценностях.

*Дэниел ЭЛЕЙЗЕР (1934, Миннеаполис – 1999, Иерусалим)
– выдающийся исследователь
федерализма, автор ряда
известных работ
по политической культуре.*

1.5. Типология политических культур

В ходе своего исторического развития разнообразные сообщества выработали множество типов политической культуры, каждый из которых отражает преобладание в стиле поведения людей определенных ценностей, норм и стереотипов, форм властвования и взаимоотношений с правителями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием особых географических, духовных, экономических и прочих факторов.

В основании типологии политических культур могут быть различные факторы: специфика разнообразных политических систем (*Гарри Экстайн*); своеобразие стран и регионов (*Алмонд, Верба*); виды ориентации граждан в политической игре, в частности нравственно-этические, индивидуальные, традиционные (*Дэниел Элейзер*; 1934–1999); открытость (дискурсивность) или закрытость политических ценностей к инокультурным контактам (*Шварценберг*); внутренняя целостность культурных компонентов (*Каванах*); идеологические различия (*Ежи Вятр*); общекультурные поведенческие особенности человека (*Дуглас*); отличия в деятельности элитарных и неэлитарных слоев и т.д.

Широкую известность в науке получила классификация политической культуры, предложенная *Алмондом* и *Вербой* в одном из важнейших трудов мировой политологии «*Гражданская культура*»

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА (англ. civic culture) —

1) смешанный тип политической культуры (по Алмонду и Вербе), в котором наряду с преобладанием составляющих культуры участнического (активистского) типа (плюрализм, рационализм, взаимное доверие, согласие относительно целей политики, базовых ценностей и легитимности основных политических институтов, ориентация на практическую вовлеченность в политику) органически присутствуют элементы приходской (патриархальной) и подданнической культур (отсюда — наличие умеренной политической пассивности и некоторых традиционных ценностей); считается наиболее адекватной демократическому устройству; 2) обозначение политической культуры развитых демократий (в особенности англо-американской).

(1963). Анализируя и сопоставляя основные компоненты и формы функционирования политических систем Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, они выделили три «чистых» типа политической культуры: **приходская**, или пароклиальная (англ. parochial, от гр. para — около, возле, oikos — место обитания, домохозяйство; иначе — *местечковая, патриархальная*), для которой характерно отсутствие интереса людей к политике, знаний о политической системе и существенных ожиданий от ее функционирования; **подданническая** (англ. subject), где сильна ориентация на политические институты, но невысок уровень индивидуальной активности граждан; **партиципаторная**, или участническая (англ. participant), отражающая заинтересованность граждан в политическом участии и проявление ими соответствующей активности.

Интерпретация

Вот как *Розенбаум* характеризует типологию *Алмонда* и *Вербы*:

Типы политкультур	Типы ориентаций			
	Система как объект в целом	Input аспекты	Output аспекты	Индивид как активный участник
Пароклиальная	0	0	0	0
Подданническая	1	0	1	0
Партиципаторная	1	1	1	1

На практике данные типы политической культуры взаимодействуют между собой, образуя *смешанные* разновидности с преобладанием тех или иных компонентов. Причем самой массовой и одновременно оптимальной, с точки зрения обеспечения стабильности системы властвования, является синтетическая культура **гражданственности**, где доминируют подданнические установки и активные формы участия людей в политике.

Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль «подданных». Еще важнее тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества прихожан и подданных не полностью вытеснены. Роль участни-

ка просто добавляется к тем двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного.

Г. Алмонд, С. Верба, «Гражданская культура»

Принимая во внимание то, что люди неодинаково осваивают ценности и нормы, присущие различным сообществам, политологи выделяют **консенсуальную** и **поляризованную** политические культуры. Консенсуальные культуры характеризуются значительной степенью сплоченности граждан вокруг ведущих ценностей, целей государства и общества. Поэтому здесь, как правило, высока и лояльность граждан к правящим кругам, политическим ориентациям режима. При поляризованном типе сложившиеся в обществе субкультуры отличаются очевидным несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения (расколом горизонтально расположенных субкультур), элиты и электората (разрывом вертикальных субкультур). В странах с многосоставной политической культурой обычно отсутствует согласие между группами граждан относительно целей общественного развития, методов реформирования, моделей будущего.

Поскольку степени взаимонепонимания различаются в зависимости от страны, в рамках поляризованной культуры выделяются и особые подтипы. Например, в **сегментированных** (разделенных) культурах все-таки существует определенный консенсус относительно самых основных — национальных — ценностей. Вместе с тем, здесь местная лояльность нередко преобладает над национальной, слаба действенность правовых, легитимных процедур, распространено весьма сильное недоверие социальных групп друг к другу, а приходящие к власти правительства нестабильны и недолговечны. Сегментированные политические культуры характерны для переходных обществ или тех государств, где идет процесс нациеобразования на базе основного этноса. Такому подтипу культуры присущи солидная доля апатичных и отчужденных от власти групп населения, острые политические дискуссии о целях и способах общественных преобразований.

С учетом большой роли политических институтов в воспроизводстве образцов мышления и поведения различают также **официальную** (поддерживаемую государством) и **реальную** культуры (воплощающую ценности и соответствующие им формы практического поведения значительной части населения). Так, в ряде стран Центральной и Восточной Европы, где идеи социализма внедрялись под давлением государства, при первых же демократических

Рональд ИНГЛХАРТ (род. 1934)
— американский социолог,
специализирующийся на исследо-
ваниях ценностных изменений
(включая постматериализм) в
современных обществах

преобразованиях («бархатных революциях») официальные приверженности сразу уступили место действительным ценностным ориентирам граждан.

В то же время типы политической культуры определяются и на более общих основаниях, указывающих на универсальные черты разнообразных стилей политического поведения людей в тех или иных странах. К примеру, ученые отмечают существование **рыночной** (где политика понимается как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан) и **элитарной** (государственнической) политических культур (с главенствующей ролью государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов). В научной литературе встречается разделение на **традиционную** (соответствующую аграрному этапу развития общества), **модернистскую** (развивающую свои традиции и ценности на основе индустриального способа производства) и **постмодернистскую** (формирующую нормы, исходя из доминирования *постматериальных* ценностей, качественного повышения политической роли электронных СМИ, новейших информационных технологий властвования) разновидности культур.

Ценности, присущие современным политическим культурам, внимательнейшим образом изучает **Рональд Инглхарт**.

ИНГЛХАРТ (Inglehart), **Рональд** (род. 1934, Милуоки) — американский социолог, специализирующийся на исследованиях ценностных изменений (включая *постматериализм*) в современных обществах; является членом редколлегии ряда специализированных журналов, в том числе «*Всемирные обзоры ценностей*» (с 1988); «*Международный журнал общественного мнения*» (с 1988) и др. С 1985 занимает должность программного директора Центра политических исследований Института социальных исследований при Университете шт. Мичиган, а также является профессором политической науки этого университета.

Автор книг: «Тихая революция. Изменение ценностей и политических стилей в западных обществах» (1977); «Политическое действие. Массовое участие в пяти западных демократиях» (1979, соавт. С. Барнс, М. Кааде и др.); «Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе» (1990); «Изменение ценностей в глобальной перспективе» (1995, соавт. П. Абрамсон); «Траектория Северной Америки: социальные институты и социальные изменения» (1996, соавт. Н. Невитт, М. Базанес); «Модернизация и постмодернизация. Культурные, экономические и политические изменения в 43 обществах» (1997) и др.

Вклад в развитие политической науки. В центре научных интересов Инглхарта — ценности и ориентации человека в изменяющемся мире. Его работы основаны на огромном эмпирическом материале (данные «Всемирных обзоров ценностей» и обзоров Евробарометра) по более

чем 40 странам с населением около 70% от общемирового, собираемом с начала 1970-х, что позволяет представить картину не только собственно изменений мироотношений (ценностных систем) людей в конце XX в. («ценностный синдром Постмодерна»), но и сделать глобальные обобщения относительно социальных, экономических и политических трансформаций, а также статистически подтвердить (или опровергнуть) некоторые гипотезы, например, о кроссуровневых связях между демократией и культурой, индивидуальными предпочтениями (микроуровень) и демократическими институтами (макроуровень анализа) и т.п.

Важный методологический статус в исследованиях Инглхарта имеет подтвержденная статистически *теория межпоколенческой смены ценностей* (англ. theory of intergenerational value change), на базе гипотезы *ценностной значимости недостающего* (наибольшей субъективной ценностью обладает то, чего сравнительно мало в обществе) и *социализационного лага* (между изменениями состояния социально-экономической среды и ценностных приоритетов имеет место временной лаг, т.е. базовые ориентации людей не меняются сразу же с экономическими переменами, продолжая отражать условия, в которых проходила социализация этих людей). Модель перемен Инглхарта выглядит следующим образом: поскольку социально-экономические факторы вызывают изменения ценностных приоритетов людей, поколения, социализировавшиеся в условиях экзистенциальной (экономической и физической) безопасности, т.е. когда практически полностью осуществились традиционные материальные цели, связанные с выживанием, склонны в гораздо большей степени акцентировать постматериальные ценности — самовыражение, качество жизни и т.п. Наблюдаемый с последней трети XX в. сдвиг от материальных ценностей Модерна, для которого было особенно характерно доминирование инструментальной рациональности, к постматериальным ценностям Постмодерна влечет целый ряд социетальных изменений — от институциональных (демократизация, крах социализма) до изменения гендерных ролей и сексуальных нравов, ослабления традиционных религий и т.п. В результате послевоенные поколения в индустриальных обществах выросли в условиях экономического процветания с чувством экзистенциальной безопасности, способствовавшим массовому распространению ориентаций на самовыражение и повышение качества жизни. Инглхарт подчеркивает, что *постматериальные* не означает *нематериальные* или *антиматериальные* ценности: люди отдают приоритет постматериальным ценностям тогда и потому, что осуществили материальные цели, т.е. обеспечили себе физическое выживание и безопасность. По мнению Инглхарта, сдвиг к ценностям Постмодерна происходил и в социалистических странах, а реформирование в 1990-х некоторых из них, и особенно стран бывшего СССР, в определенном смысле способствовало отказу от ценностей Постмодерна и восприятию модернистских условий, когда все ценности и цели диктуются необходимостью выживания, т.е. по мере деградирования экономики люди возвращались к традиционным целям, культурным ориентациям и укладам, вопреки политическим изменениям и т.п. Таким образом, ценности Постмодерна имеют наибольшее распространение в наиболее богатых и безопасных обществах (например, в сканди-

навских странах), а также среди обеспеченных и хорошо образованных групп населения, хотя в короткой перспективе некоторые события могут вызывать «откат» сдвига — высокая инфляция и безработица.

Передовые индустриальные и даже индустриализирующиеся общества претерпевают изменения (постмодернизация) по двум главным направлениям: во-первых, их базовые системы ценностей характеризуются, в частности, сдвигом от материальных к постматериальным ценностям (ядро процесса постмодернизации); во-вторых, их институциональная структура, в основе которой — иерархическая бюрократическая организация, начинает терять поддержку граждан, приближается к пределу своей функциональной эффективности и все меньше соответствует изменяющейся системе ценностей. Системы ценностей — культурная опора легитимности политического и экономического порядка; они в значительной степени определяют характер социетальных перемен. Соответственно, изменения систем ценностей имеют существенные социетальные последствия.

В более общем плане культура, являясь стратегией выживания конкретного общества и будучи тесно связанной с проблемами политической власти (например, в части обеспечения легитимности власти), находится «в отношениях взаимного благоприятствования» с экономической и политической системами, что и гарантирует долгосрочную стабильность. По Инглхарту, в политике обеспечиваемая культурой легитимность есть противоположность насилию (принуждению) и поэтому является важнейшим атрибутом демократического режима, что, впрочем, не предполагает ее нейтральности по отношению к социальному (и политическому) порядку. Как утверждает Инглхарт, анализ эмпирических материалов, опровергая тезис о вторичности культуры и абсолютной первичности экономического развития по отношению к демократическому правлению (экономический детерминизм), свидетельствует: экономическое развитие, хотя и очень важно само по себе, но, тем не менее, еще более значимы для стабильной демократии его последствия в виде изменений, которые оно вносит в культуру и структуру общества. Аналогичным образом Инглхарт пересматривает положения институционального детерминизма, утверждая, что формальные политические институты и политическая культура находятся в симбиотической связи; институты действительно эффективно определяют поведение людей только тогда, когда они соответствуют нормам политической культуры. Таким образом, по крайней мере демократические институты не всегда (если вообще) определяют базовую культуру, поскольку сами отражают и изменяются в соответствии с предпочтениями граждан, а не навязывают их.

Одним из следствий *модернизации* было повышение политических возможностей общества за счет бюрократизации, сопровождающейся появлением, в частности, централизованных, иерархических институтов индустриального общества (от бюрократического государства до олигархических партий и профсоюзов или больших корпораций), способных сравнительно эффективно решать специализированные задачи. Важными следствиями постмодернизации (или «восхождением» ценностей Постмодерна) на фоне повышения общего благосостояния (в т.ч. благодаря успешной модернизации) становятся, с одной стороны, снижение

эффективности старой институциональной структуры во всех социальных сферах, достигшей пределов функциональной отдачи и тормозящей инновационные и адаптационные процессы в обществе (эффект убывающей полезности), а с другой — ее все большая неприемлемость в массовом сознании в силу значительных издержек (дегуманизация, отчуждение и т.п.) и общее недоверие/настороженность к традиционным институтам (правительству, партиям и т.д.). Происходит сокращение пределов государственного управления и госсектора, оказывающихся сегодня недостаточно конкурентоспособными по сравнению с более свободно устроенными и партиципаторными неправительственными и рыночными структурами. Власть и авторитет теряют значимость и уважение. На смену традиционной партийной политической жизни приходит массовое восприятие политики как самоценного индивидуального занятия. Это делает людей все более готовыми к прямым действиям на фоне снижения интереса к голосованию и размывания классовых идентичностей и внимательными к ранее относительно нетрадиционным политическим вопросам, связанным с культурой и качеством жизни (охрана окружающей среды, максимизация индивидуальных прав). Результат парадоксален: ценности Модерна, на которых еще зиждется институциональная система западного типа, обеспечили небывалый экономический прогресс, однако под его давлением они изменяются, уступая место ценностям Постмодерна, новой культуре, которая отказывается в поддержке еще существующей институциональной структуре.

2. ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В содержательном отношении существуют и самые общие критерии типологизации политической культуры, заданные спецификой цивилизационного устройства особых полумиров — Запада и Востока (либо Севера и Юга), ценности и традиции которых формируют основы почти всех ее видов.

Идеалы и нормы политической культуры **западного** типа воплощают ценности гуманизма, человеческой свободы, плюрализма мнений и убеждений. Они базируются на *индивидуализме* как мировоззренческой и поведенческой позиции, когда абсолютным приоритетом обладают самоценность человека, его личная свобода и автономия, ответственность за собственное благополучие и долг перед государством. В политику такие принципы привнесла философия так называемой **laissez-faire**, для которой право — важнейший инструмент властвования, формирующий его стиль, гарантирующий самоопределение личности, развитие свободного рынка и статус государства как нейтрального, подчиненного гражд-

LAISSEZ-FAIRE (фр. — буквально: позволяйте делать, кто что хочет) — доктрина, восходящая к французским экономистам середины XVIII в. и отстаивающая принцип невмешательства государства в экономические отношения. Затем это понятие было перенесено в другие сферы жизнедеятельности общества.

данскому обществу органа регулирования. Этот философский подход предполагает широкий идеологический и политический плюрализм, выборность представителей всех ветвей и уровней власти при систематическом контроле общественности за ними, наличие механизмов, уравнивающих различные элитарные группировки и центры власти.

Интерпретация

Какие особые черты политической культуры западного типа связаны с европейской традицией? По мнению польских политологов **М. Доброчинского** и **Я. Стефановича** (см. их книгу «Самотождественность Европы», 1979), это: признание цельности человека как личности и члена общества; размещение индивида в центре системы ценностей; одобрение стремлений к свободе и благополучию, развившихся в комплекс прав человека; управление, сформированное на началах представительства, и гуманные правовые системы; высокий статус социальной организации; понимание взаимодействий людей между собой и с государством в качестве факторов, поддерживающих и развивающих общекультурные ценности; историзм как ощущение потребности преемственности совместно с изменениями; разделение светской и религиозной культур при их взаимном контакте.

Ориентируясь на рациональную организацию политики, эти идеалы и принципы воплощали ценности политического диалога, достижения компромисса и уважения к партнеру. С течением времени такой подход помог превратить политический мир Запада из сферы борьбы непримиримых ценностей и целей в пространство прагматичного согласования интересов, где главное место заняли институты и структуры центристского, умиротворяющего и стабилизирующего толка.

Формирование подобного рода идей и отношений восходит к полисной организации власти в античной Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему суверенитет личности. Это в совокупности способствовало последовательному повышению значения личности в политической жизни общества, установлению гражданского контроля над государством. Огромное влияние на содержание западной политической культуры оказали ценности христианства, прежде всего протестантского и католического вероучений. Очевидна также особая роль философии как самоценной духовной силы, воплощавшей критическое отношение и к социальной действительности, и к религиозной картине

мира. В обладающей такими основами западной политике соперничество за власть понимается как игровая конкуренция, благородное соревнование, а не драматическая конфронтация.

Экономическим фундаментом западного образа жизни стал индустриальный тип производственных отношений, который вместе с духовным влиянием католицизма и особенно протестантизма утвердил важнейшие принципы политического взаимодействия. Для человека греко-латинской формации базисом его мировоззрения стало понимание труда как залога жизненного успеха, рациональное восприятие жизни, идея состязательности, стремление к прогрессу. «Трудись и преуспеешь», «состязайся и прославишься» — вот этические нормы, которые господствуют в отношениях государства и общества, продолжают двигать развитие цивилизации Запада, заставляют его постоянно совершенствовать производство, обуславливают рост благосостояния живущих там людей.

В силу таких особенностей цивилизационного развития ценностные ориентации политической культуры Запада прежде всего выражают понимание самодостаточности человека для осуществления власти и взгляд на политику как на разновидность конфликтной, но вполне рационально организованной деятельности, когда люди выполняют различные роли и функции. Государство в западной традиции издавна воспринимается в качестве института защиты прав и свобод человека, поддерживающего его социальные инициативы. В итоге это обусловило развитие демократической формы власти, позволило западным странам гибко адаптироваться ко многим вызовам времени, разумно решать конфликты и использовать такие достижения для все большей консолидации социума.

Обратите внимание

Сугубо рациональный подход к пониманию политики при всех своих плюсах вносит и известную противоречивость в общекультурные основания западного человека. Русский культуролог **П.Е. Астафьев** писал: «Человек греко-романской культуры стремится и всегда готов организовать, откристаллизовать в твердых, точно определенных формах всякое движение, всякое стремление своей души: не только мотивы сословных и экономических различий, но и человеческое братство, и любовь, и уважение. Для него понятен и почти привлекателен даже вопрос регламентации, квалификации нравственности, ...чтобы нравственные мотивы действовали в душе по общим правилам, в точно определенных формах» (цит. по: «Отечественное наследие», 1992).

Восточные политико-культурные нормы и традиции были предопределены особенностями жизнедеятельности общинных структур аграрных социумов Азии, на которые воздействовали ценности арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддистской культур. Базовые ориентации людей из этой части мира формировались под влиянием принуждающего (почти всегда силового) господства над обществом властвующих групп, главенства коллективистских форм организации частной жизни, а также при подавлении централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской деятельности, т.е. для развития частной собственности. Безраздельное верховенство религиозных доктрин, воплощавших не только сакральные идеи, но и предписывавших принципы морали, права, социальных и политических концепций, привело к тому, что в восточных странах вероучения фактически поглотили критицизм светской философской науки.

Разрешение конфликтов в таких условиях предусматривает не привлечение юридических документов, а апелляцию к моральному авторитету властителей, начальников, вообще всех старших. Поэтому этической нормой политической культуры восточного типа стали обычай, а не закон, мнение руководства, а не конституция. Длительное закрепление патриархально-клановой структуры общества определило довольно низкие, слабые позиции человека в сравнении с общиной и особенно государством. Статус человека зависит от его полезности для конкретного социума. Поэтому на Востоке властвование и политика в целом издавна воспринимаются как сфера деятельности героев, выдающихся людей.

Данные обстоятельства утвердили в качестве основных ценностных ориентаций восточной политической культуры: убеждения в необходимости обязательного посредника (гуру, учителя, старшего) между простым человеком и властью; понимание политической власти как области божественного правления; исключение свободы, плюрализма, состязательности из мира политики; признание главенствующей роли элит при отсутствии не только намерений, но и потребности в контроле за их деятельностью; предписание человеку сугубо исполнительских функций. Неудивительно, что такое толкование ценностей предопределило изоляцию верхов от низов, патернализм, авторитарные (порой деспотические) тенденции, упрощенные формы организации власти и политических отношений.

Противоположность базовых ориентиров западного и восточного типов выражена и устойчива; ее не снимают даже серъ-

езные политические преобразования. И только в ряде государств удалось добиться некоего синтеза этих видов политической культуры. Пример здесь — Япония, где политические последствия послевоенной оккупации США, ее технологический прорыв в группу ведущих индустриальных держав мира позволили внести в японскую культуру значительное число либерально-демократических ценностей и образцов поведения граждан. Весьма интенсивное взаимодействие Запада и Востока влияет и на политическую жизнь стран, занимающих срединное геополитическое положение (Россия, Казахстан и др.), — здесь формируется своеобразная *синкретическая* (гр. *synkretismos* — соединение) культура, сочетающая ценности и способы политического участия граждан западного и восточного типов.

Интерпретация

Своей концепцией «столкновения цивилизаций» **Самюэл Хантингтон** предложил новую парадигму (объяснительную модель) для теоретического исследования и прогнозирования миропорядка на рубеже XX и XXI вв., тем самым бросив вызов многим устоявшимся представлениям о характере глобальных противостояний. Это — едва ли не самая оригинальная научная концепция последних десятилетий XX в., в которой сделана попытка дать общую картину мира. Вот выдержки из ответа Хантингтона своим критикам (статья «Если не цивилизации, то что? Парадигмы мира после холодной войны», 1993): «Парадигма единого мира, где уже сложилась или скоро возникнет универсальная цивилизация, нереальна. Очевидно, что ныне люди обладают, как и обладали в течение тысячелетий, общими чертами, которые отличают их от других существ. Эти черты всегда были совместимы с существованием множества очень разных культур. Довод о том, что сейчас появляется универсальная культура либо цивилизация, принимает разные формы, но ни одна из них не выдерживает даже беглого анализа... хотя бы потому, что только всемирная власть способна создать всемирную цивилизацию... Говорят также, что модернизация и экономическое развитие способствуют усилению однородности и порождают общую современную культуру, схожую с той, что существует на Западе в текущем столетии. Ясно, что современные урбанизированные, богатые, промышленные общества наделены общими чертами, которые отличают их от отсталых, аграрных, бедных, неразвитых обществ. В современном мире большинство модернизированных обществ составляли западные. Но модернизация не равнозначна вестернизации... Предположение Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же, «как мы», — это частица западного высокомерия, иллюстрирующего столкновение цивилизаций».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ (лат. *socialis* — общественный) — процесс постепенного усвоения стандартов (ценностей, норм, установок, образцов поведения) сложившейся политической культуры общества, ведущий к формированию у человека свойств и умений, позволяющих ему адаптироваться в конкретной политической системе и выполнять там определенные функции. Развитие данного процесса происходит в трех сферах: деятельности, общения, самосознания. Значение политической социализации определяется тем, что это: 1) средство сохранения и изменения политической культуры; 2) существенный компонент общей социализации индивида; 3) главная детерминанта политического поведения человека.

Таким образом, качественные характеристики мировых цивилизаций Запада и Востока предопределили столь специфические основания политических культур относящихся к ним стран, что трудно предугадать, когда может произойти их сближение, и вероятно ли оно вообще.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Становление политической культуры представляет собой непрерывный процесс отбора человеком ценностей и поиска соответствующих им моделей поведения. Темп и характер обновления политической культуры обусловлены, в частности, естественнo-историческим ходом развития общества и индивидуальным приобщением к складывающимся в нем нормам, традициям, стереотипам, причем люди это делают избирательно. Однако подобная стихийность дополняется сознательными усилиями различных политических институтов и сил — государства, партий, общественных движений, которые стремятся укоренить в сознании граждан собственные подходы и идеи, формы взаимоотношений с властью. Синхронизация сознательных усилий и текущей политики складывается природно, образуя тот исторический фон, который сопутствует жизненному пути каждой личности, ее адаптации в политическом пространстве.

Живущий в данном обществе человек неизбежно формирует свою систему ценностных ориентаций, постепенно осваивая требования статусного поведения, доминирующие культурные нормы и другие стандарты участия в политике. В широком плане этот политико-культурный процесс называется **политической социализацией**. Его сложность и противоречивость предопределяют неравномерность воспроизводства и развития политических традиций общества, его способности к принятию новых ценностей и стандартов, устойчивость перед внешними влияниями.

Если человек не способен свои ценностную систему и модели политического поведения привести в соответствие с доминирующими в данном обществе, он нередко лишается не только возможности адаптации в политической сфере, но и использования имеющихся социальных механизмов для эффективного отстаивания собственных интересов.

Освоение политических ценностей, традиций, образцов поведения, ролевых ожиданий и прочих элементов политической культуры может быть ограничено только продолжительностью жизни человека. Это *двуединный* процесс. Воспринимая одни идеи

и навыки, люди способны поступиться другими ориентирами, избирать новые для себя способы общения с властью, нормы и ценности. Влияние общества на политические качества индивида неизбежно обусловлено его внутренними убеждениями и верованиями.

Современный человек, как правило, чуток к внешним воздействиям, а его способность воспринимать принятые социумом ценности и стандарты поведения прежде всего зависит от набора знаний, умений, привычек, субъективного состояния и выполняемых в политике ролей — понятно, что лидер и рядовой избиратель вряд ли могут руководствоваться одними образцами политического поведения. В то же время сам процесс приобщения к культурным эталонам осуществляется на основе восприятия примеров действия, типичных вариантов мышления и поведения, включения **личности** во взаимодействие с определенными институтами, согласия с авторитетными для общества ценностями и т.д.

В данном смысле постоянными «спутниками» человека, в значительной мере определяющими его возможности к усвоению и эффективному воплощению культурных образцов, являются **агенты социализации**, через деятельность которых преломляется влияние всех внешних факторов.

Авторитет и эффективность влияния каждого из этих агентов зависят от многих причин, но прежде всего от возраста, внутреннего состояния, уровней образованности и развития самосознания человека, интенсивности его вовлечения в социальные и политические процессы, характера выполняемых там функций, а также цивилизационных и исторических условий общественного бытия. Например, в традиционных социумах сильнее влияние семьи, вообще ближайшего окружения человека, а также церкви. В государствах современного типа более выражен авторитет образовательных и коммуникативных структур, которые включают массовый опыт в выработку индивидуальной картины мира, в значимой степени формируя элементы надличностного видения человеком политической жизни. На этапах зрелого Модерна (или Постмодерна) люди остро ощущают воздействие тех норм и ориентаций, которые порождены эффектом гиперреальности (в виде образов, задаваемых рекламой, телевидением, образцами экспериментального моделирования мира средствами искусства).

Приоритет каких-то агентов, сочетание их друг с другом, характер целенаправленного влияния на человека существенно разнятся в зависимости от того, что (или кто) именно обладает более

ЛИЧНОСТЬ (в политической психологии) — квалификация индивида, освоившего социальные функции, осознавшего свою самостоимость и неповторимость как субъекта деятельности и индивидуальности, но именно в качестве члена общества и субъекта мира политики.

АГЕНТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ (лат. *agens* — действующий) — семья, система образования, общественные и политические институты (организации), церковь, СМИ, неформальные ассоциации и группы интересов, отдельные явления и события (политический кризис, революция, репрессии властей, голод и пр.), способные кардинально влиять на систему убеждений и верований человека. Любому периоду жизни — дотрудовому (дополитическому), стадии зрелости, послетрудовому (это не означает обязательное отчуждение личности от политики) — соответствует свой набор таких агентов.

высокой эффективностью в социализации — государство, общество, отдельная социальная группа. Государство формирует взаимодействие всех агентов в рамках так называемого **генерализированного** (обобщенного) **потока социализации**, ориентированного на формирование лояльности людей к правящему режиму, на усвоение ими ценностей господствующих политической культуры и идеологии, поддержание доминирующих стандартов политической игры. В целом такое воздействие неминуемо связано с распространением **конформистских** настроений, поощрением политической пассивности, консервативных убеждений.

Интерпретация

Философ-психоаналитик Э. Фромм писал в своей знаменитой книге *«Здоровое общество»* (1953) о **конформизме** (лат. *conformis* — подобный) и об эффективности агентов социализации так: «Первый из аспектов, достойных рассмотрения, — отношение человека к власти... В XVIII–XIX вв. для западного общества было характерно смешение ...рационального и иррационального авторитетов — ...*авторитетов явных*. Вам известно, от кого (или от чего) исходят указы и запреты: от отца, учителя, хозяина, короля, чиновника, священника, Господа Бога, закона, осознанных моральных норм. Разумны эти требования и запреты или нет, строги или снисходительны, подчиняюсь ли я им или восстаю против них, — я всегда знаю, что существует авторитет, знаю, кто он, чего хочет и каковы последствия уступчивости или сопротивления с моей стороны. В середине XX в. изменился характер авторитета; это уже не явный, а *анонимный, невидимый, отчужденный* авторитет. Требование исходит не от личности, не из идеи, не из нравственного закона. И тем не менее мы подчиняемся ему так же либо даже больше, чем подчинялись бы люди в обществе с высокой степенью авторитарности... Конформизм — вот тот механизм, при помощи которого властвует анонимный авторитет. Мне следует делать то, что делают все, значит, я должен приспособиться, не отличаться от других, не «высовываться». Мне надо быть готовым измениться в соответствии с изменениями образца и желать этого... Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого я являюсь и которому, тем не менее, подчинен».

В то же время множество социальных групп, обладающих особым взглядом на политические реалии, по-своему выстраивает взаимодействие тех или иных агентов, придает им специфическую направленность, стремясь в духе собственных воззрений повлиять на личность и способы ее включения в политику.

Такого рода активность социальных групп и стоящих за ними институтов, ассоциаций, субкультурных норм и идеалов способствует возникновению в обществе разнообразных **состоятельных потоков социализации**. Независимо от того, что каждый из них несет свои нормы, ценности и программу приобщения индивида к политическим ролям, все они конкурируют не только друг с другом, но и с государственными структурами.

Итак, индивид формирует свои взгляды, предпочтения, отношение к политике на пересечении этих соревнующихся процессов, стремящихся отстоять собственные приоритеты в толковании ценностей и поведенческих стандартов. Это показывает, что политическая социализация всегда существует как совокупность конкретных механизмов обучения человека способам политического участия, складывающимся на совершенно определенной политико-культурной основе.

Открытые контакты человека с разными групповыми культурными нормами обуславливают те или иные его предпочтения, расположенность и восприимчивость к конкретным ценностным ориентирам и т.д. В силу этого менее значимые либо малопrestiжные, по другим причинам неприемлемые для человека ценности политической культуры могут отражать тенденцию к **десоциализации** (лат. de — приставка, обозначающая отмену, движение вниз). Кроме того, стихийные воздействия на человека (особенно негативные) делают актуальной проблему «эффектов социализации», в частности, когда надо справиться с его отклоняющимся (девиантным) поведением.

В настоящее время политическая социализация личности показывает, что индивидуальное освоение ею ценностно-нормативного политического опыта не может замыкаться рамками одной страны, тем более при интенсивно развивающемся информационном общении (в т.ч. через Интернет), постоянном культурном обмене между государствами и цивилизациями. Сегодня важно признать: характер и уровень социализированности человека не могут оставаться неизменными на протяжении его жизни и подвержены постоянным, в т.ч. качественным, преобразованиям. Выделение **первичной** и **вторичной** стадий политической социализации дает возможность учесть такие трансформации личности в соотнесении со всей продолжительностью ее жизни.

Первичная социализация — это начальное (обычно с 3–5 лет) восприятие еще маленьким человеком политических категорий, которые постепенно формируют у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политики. Особенности данной стадии состоят в том, что ему приходится адаптироваться к политико-

культурной системе, еще не понимая ее сущности и значения. В то же время вторичная политическая социализация характеризует тот этап деятельности человека, когда он освоил приемы переработки информации и осуществления ролей, способен противостоять групповому давлению, индивидуально пересмотреть идеологические позиции, переоценить культурные нормы и традиции. Главное здесь — так называемая **обратная социализация (ресоциализация)**, характеризующая влияние самого человека на отбор и усвоение знаний, норм, приемов взаимодействия с властью. В силу этого вторичная социализация выражает непрерывную самокоррекцию человеком своих ценностных представлений, предпочтительных способов политического поведения и мировоззренческих принципов.

Вопросы для семинарского занятия

1. Чем политическая культура отличается от других понятий, раскрывающих субъективное содержание политики?
2. Каковы сущность и основные структурные элементы политической культуры?
3. Каким образом можно типологизировать политическую культуру?
4. В чем состоят особенности политических культур Запада и Востока?
5. В чем проявляется специфика влияния политической культуры на разнообразные политические процессы?
6. К какому из типов политических культур Вы отнесли бы Россию?
7. В чем состоят особенности, каковы факторы и направления развития современной российской политической культуры?
8. Какое влияние на российскую политическую культуру оказывают ценности православной, мусульманской и других религий?
9. Какие политические субкультуры российского общества существенно воздействуют на демократический транзит?
10. Как влияет глобализация на развитие национальных политических культур?
11. Чем отличается политическая социализация современной молодежи от аналогичных процессов в 1970–1980-х гг.?

Тексты

- Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. — *Антология мировой политической мысли*. — Т.2. — М., 1997.
- Боднар А. Политическая культура общества и ее обусловленности. — *Политология вчера и сегодня*. — М., 1990.
- Далтон Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий подход. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
- Данилевский Н. *Россия и Европа*. — М., 1991.
- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. — *Полис*, 1997. — № 4, 5.
- Лосев А.Ф. *Философия. Мифология. Культура*. — М., 1991.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — *Полис*, 1994. — № 1.
- Almond G.A. The Intellectual History of the Civic Culture Concept. — Almond G., Verba S. *The Civic Culture Revisited: An Analytic Study*. — Boston, 1980.

Дополнительная литература

- Ачария Б., Чаморро С.М. Особенности воздействия политической культуры на политическую систему общества. — М., 1998.
- Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.
- Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение. — *Политическая социология и современная российская политика*. — Спб., 2000.
- Левадный Н.П., Ушков А.М. Политические культуры Запада, Востока и России в историческом сопоставлении. — М., 1995.
- Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре*. — Спб., 1994.
- Мельвиль А.Ю., Никитин А.И. Ростки новой гражданской культуры? — *Полис*, 1991. — № 2.
- Назаров М.М. Политическая культура современного российского общества. — М., 1997.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. (Ред. В.Л. Иноземцев). — М., 1999.
- Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. — М., 1996.
- Политическая культура: теория и национальные модели. (Ред. К.С. Гаджиев). — М., 1994.

- Салмин А.М. Религия, плюрализм и генезис политической культуры Запада. — *Ретроспективная и сравнительная политология*. — М., 1991.
- Соловьев А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории. — *Вестник МГУ. Сер.12. — Политические исследования*, 1995. — № 2–3.
- Соловьев А.И. От трансформации стандартов политической культуры к реформе институтов власти. — *Власть*, 1999. — № 11.

Политическая идеология

Political Ideology

Программные тезисы

- Происхождение и многозначность определений категории политической идеологии. Ее классические концепции: «ложное сознание» либо социально значимая система идей некоей консолидированной группы людей. Противопоставление идеологии и утопии.
- Современное понимание обусловленности идеологии социальными интересами и собственно политикой («идеи-в-действии»). Функции идеологии в общественной и политической жизни. Понятие идейно-политического спектра и его составляющие: левые — правые; либералы — консерваторы; радикализм; экстремизм.
- Типология крупнейших политических идеологий в историческом и современном аспектах. Либерализм, его основные принципы и идейные вдохновители. Консерватизм в традиционалистской и либертариистской трактовках. Различные версии идеологии социализма (марксизм и неомарксизм; социал-демократизм; большевизм и марксизм-ленинизм). Идеология национализма и ее главные компоненты, включая отношение к государству. Фашизм (национал-социализм) как крайне правая идеологическая система. Варианты анархистского идеологического течения. Опыт участия русских идеологов в его становлении.

Проблемные вопросы

1. Какова природа политической идеологии?
2. С чем связана множественность интерпретаций категории идеологии?
3. Как определить основные составляющие идейно-политического спектра?
4. Каким образом можно сопоставить ключевые идеи либерализма и консерватизма?
5. Как проследить преемственность и борьбу идей в рамках социализма?
6. Если положения о государстве являются центральными для национализма, фашизма и анархизма, то в чем сходство и различия подходов этих идеологий?
7. Вероятно ли возрождение анархистских идей на новом витке развития в XXI в.?
8. Какие течения включает современный идейно-политический спектр нашей страны и можно ли их сравнить с исторически предшествующими российскими идеологиями?

1. ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ

1.1. Происхождение и интерпретации категории политической идеологии

Среди понятий политической науки **идеология** — одно из самых важных и часто используемых, причем в разных контекстах.

В политическом общении и в массовом сознании термин идеология и эпитет идеологический нередко связаны с отрицательным первичным восприятием. Идеология и идеологизм ассоциируются с начетничеством, догматизмом, схематизацией, пропагандистским упрощением и искажением действительности, как правило, в угоду чьему-либо корыстному интересу.

Общего определения категории **идеологии** нет; более того, имеющиеся нередко противоречат друг другу. В этом убеждают представленные в научной литературе следующие дефиниции. Идеология — это:

- процесс производства смыслов, знаков и ценностей в социальной жизни;
- совокупность идей, характерных для конкретной социальной группы или класса;
- «ложные» идеи, способствующие легитимизации господствующей системы власти;
- постоянно искажаемая коммуникация;
- формы мышления, мотивированные социальными интересами;
- тип идентификации;
- социально необходимые иллюзии;
- совпадение установок власти с преобладающим общественно-политическим **дискурсом**;
- деятельно-ориентированная группа убеждений;

и так далее.

Этимология термина позволяет прояснить его содержание: в слове идеология два греческих корня: *idea* — понятие, образ и *logos* — слово, учение, мысль. В таком смысле — как **науки об идеях** — идеология изначально воспринималась философами. Считается, что первым это понятие использовал **Антуан Дестют де Траси**, мыслитель эпохи Французской революции. В его представлении идеология — особая, ценностно-нейтральная, а значит, беспристрастная наука, изучающая природу и происхождение идей, взглядов и представлений людей. Он надеялся, что со временем идеология займет в своде человеческих знаний такое же место, как биология либо физика.

ДИСКУРС (лат. *discursus* — беседа, разговор) — термин, широко используемый в гуманитарных дисциплинах, но не имеющий единого общепринятого определения. Обычно под *дискурсом* понимается: 1) любая совокупность высказываний, объединенных тем или иным набором социально заданных характеристик (цели высказывания, предметная область, типичный лексикон, характерные риторические приемы и т.д.). Иными словами, *дискурс* — это речевая деятельность, понимаемая как социальная практика. Такое понимание термина сложилось в 1960-1970-е гг. До этого под *дискурсом* понимался: 2) метод познания, основанный на рассудочном, рациональном, построенном на логике постижении истины и противопоставляемый интуитивному познанию. В этом смысле понятие *дискурс* восходит к основополагающей для европейского рационализма работе Декарта «Рассуждение о методе» («*Discours de la méthode*»). Следует выделить употребление термина *дискурс*, введенное немецким философом Ю. Хабермасом в начале 1970-х гг. Он предложил называть *дискурсом* 3) особый идеальный вид речевой коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, авторитетов, интересов, мотивации и т.д., позволяющем сформировать ➡

➔ никем не оспариваемый минимум проблем и решений, а также критически обсудить взгляды и намерения участников.

ИДЕОЛОГИЯ (гр. idea — идея, образ, logos — учение) — относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, представлений, концепций и доктрин как об устройстве и принципах функционирования общества, так и о способах достижения отвечающего интересам носителя этих идей состояния общества, которая создает основу для организованной политической деятельности независимо от того, является ли целью идеологии сохранение, преобразование или разрушение наличной политической действительности.

В политической науке существует влиятельная традиция понимания феномена идеологии, связанная с работами Маркса и Мангейма: идеология — форма сознания, отражающая искаженный и частичный образ реальности, обусловленный социально-историческими обстоятельствами в целом, а в частности, особенностями познания реальности, ее интеллектуальной реконструкции познающим субъектом и его интересами (отсюда — представления о «ложности», «иллюзорности» идеологии). В этом смысле идеология понимается как ➔

ДЕСТЮТ ДЕ ТРАСИ (Destutt de Tracy), **Антуан** (1754, Бурбоннэ — 1836, Париж) — французский философ и экономист, государственный деятель, фактический основатель и глава философского течения «Идеология» конца XVIII — начала XIX вв. Этот мыслитель, очевидно, повлиял на развитие политической философии американского государственного деятеля Т. Джефферсона, который перевел некоторые его труды.

Автор таких работ, как: «Элементы идеологии» (1801—1815), «Трактат о воле и ее следствиях» (1805, незакончен), «Логика» (1805), «Комментарий к «Духу законов» Монтескье» (1808).

Вклад в развитие политической мысли. Для обоснования начал своего учения об идеях Дестют де Траси применил в 1796 г. термин идеология (фр. ideologie). Центральные положения этой науки, созданной во многом под влиянием философии Дж. Локка, были описаны в работе «Элементы идеологии». Мыслитель исходил из большого значения человеческих чувств в формировании знания, подчеркнув их «физиологическое» происхождение: мысль — результат чувств, т.е. некий продукт деятельности нервной системы. Соответственно, восприятие, память, воля и суждение используют различные сочетания чувств. Дестют де Траси полагал, что подтверждение знания почти полностью зависит от чувств человека. Оригинальные положения науки об идеях по сути вышли за рамки гносеологической проблематики (гр. gnosis — познание; теория познания) и были распространены на политику, право и т.д. Это бросало вызов авторитету религиозных и светских властей, и в итоге основанное мыслителем философское течение было запрещено Наполеоном в 1803 г. Учение Дестюта де Траси об идеологиях входит в предысторию современной социологии знания.

Однако уже в начале XIX в. понятие идеологии приобретает в быденном языке осуждающий оценочный смысл. Вспоминают, в частности, Наполеона, который презрительно называл «темными метафизиками» и «идеологами» либеральных интеллектуалов эпохи Просвещения, чьи воззрения, по мнению императора, были совершенно оторваны от реальной жизни из-за того, что в своем взгляде на мир они руководствовались лишь надуманными умозрительными — «идеологическими» — схемами. В наполеоновской Франции слово идеология воспринималось пренебрежительно, и такие негативные ассоциации распространились по Европе, закрепившись за понятием на будущее.

Это, тем не менее, нисколько не помешало ученым размышлять о природе идеологии и связанных с ней явлениях жизни. В истории политической мысли среди различных концепций **идеологии** четко выделяются две, видимо, самые авторитетные — **Карла Маркса** и **Карла Мангейма**. Обе концепции весьма сильно повлияли на современные представления об идеологии.

Интерпретация

Маркс и **Энгельс** в «Немецкой идеологии» (1845–1846) и более поздних работах описали идеологию как: 1) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей и принципов; 2) тип мыслительного процесса, когда его субъекты — идеологи, не сознавая связи собственных интересов с материальными интересами определенных классов и объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей; 3) обусловленный вышесказанным метод подхода к действительности, состоящий в конструировании мнимого ее образа, который выдается за саму действительность.

МАРКС (Marx), **Карл** (1818, Трир — 1883, Лондон) — выдающийся немецкий философ, социолог, экономист, создатель классического марксизма — революционного учения, возникшего во второй половине 1840-х в русле европейских рационалистических традиций, в первую очередь под влиянием философского наследия Гегеля и Фейербаха.

Маркс вместе со своим соратником **Фридрихом Энгельсом** — основатели I Интернационала (1864), способствовавшего созданию партий социалистического толка во многих государствах Европы. Этому мыслителю принадлежит **авторство** очень масштабного теоретического творческого наследия.

Вклад в развитие политической мысли. Марксизм — сложная мировоззренческая система, включающая философское, экономическое, социально-политическое учения. Маркс придавал решающее значение экономической сфере в жизни общества. Выдвинув на первый план производственные отношения, этот классик философии выработал нетрадиционный взгляд на общество, его историю. Центральная категория в марксизме — отчуждение. Именно через отчуждение продукта труда проявляется сущность буржуазного строя: антагонизм между трудом и капиталом. При капитализме процесс самоотчуждения человека достигает высшей точки, ибо его физические и умственные силы тоже становятся товаром, а сам человек превращается в вещь. Поэтому процесс эмансипации (освобождения от зависимости) человека должен осуществить самый отчужденный класс — пролетариат — путем ликвидации «вещных отношений» и их причины — частной собственности. Социализация (обобществление) средств производства уничтожит наемный характер труда, человек подчинит своему контролю процесс производства материальных благ. Роль рабочего класса в низвержении буржуазного строя Маркс изложил в «Манифесте Коммунистической партии» (1848).

Взгляды Маркса на политику и государство более сложны и противоречивы. Сформулировав теорию общественного развития (*исторический материализм*), мыслитель утверждал, что целью социализма должно быть не только бесклассовое, но и безгосударственное общество. Ради достижения этой цели рабочему классу нужно завоевать

➤ противоположность претендующему на объективность и аналитичность научному постижению действительности.

Менее распространена интерпретация идеологии как закрытой, негибкой системы догматических положений, преимущественно коммунистического и фашистского толка, притязающей на обладание абсолютной истиной (К. Поппер, Дж. Тэлмон, Х. Арендт). В данной версии идеология воспринимается как инструмент социального контроля на службе тоталитарного режима или, шире, как орудие властвования правящей элиты, подчиняющее себе даже эстетическое и религиозное сознание (Г. Моска, В. Парето).

Для прикладного политического анализа идеология — это ориентированная на определенное действие система связанных идей; акцент в изучении идеологии делается на ее практическом участии в формировании общественного мнения и политических пристрастий.

Карл МАРКС (1818, Трир – 1883, Лондон) – выдающийся немецкий философ, социолог, экономист, создатель классического марксизма – революционного учения, возникшего во второй половине 1840-х в русле европейских рационалистических традиций.

политическую власть. В суждениях Маркса главенствовало представление о государстве как об организации «исключительно господствующего класса»; тем самым он абсолютизировал роль государства как орудия подавления.

Акцентируя внимание на проблеме создания неантагонистического общества, Маркс уделял мало внимания тематике буржуазной демократии, структурирования власти буржуазии. Эти пробелы в теоретическом наследии ученого после его смерти пытался восполнить Энгельс, заявивший о «поворотном пункте» в истории капитализма — о возможности при определенных обстоятельствах «частичной уступки буржуазией своего политического господства своим союзникам». Подобные идеи в дальнейшем развивали теоретики социал-демократии.

Политические взгляды Маркса, не будучи особо признанными при его жизни, серьезно повлияли на политическую мысль конца XIX и XX столетий. Его суждения о политике стали основой целого ряда идеологий, доктрин, программ, а также руководством к действию почти всех революционных движений и партий леворадикального, коммунистического толка, провозглашавших свое мессианство и социальную исключительность.

Для Маркса идеология — прежде всего, безусловно, «ложное сознание», т.е. извращенное и искаженное представление о действительности. Это главная отправная точка в его понимании идеологии.

Обратите внимание

Первоначально тезиса о «ложном сознании» просматриваются уже в работах английского философа **Фрэнсиса Бэкона**, прежде всего в его учении об «идолах сознания», т.е. о тех основных ложных идеях, которые вызывают «заблуждения разума». По мнению Бэкона, «заблуждения разума» обусловлены существованием четырех типов «идолов»: 1) «идолы племени» — присущие всем людям общеродовые заблуждения; 2) «идолы пещеры» — индивидуальные заблуждения; 3) «идолы рынка» — заблуждения, проистекающие от неверного употребления слов и понятий; 4) «идолы театра», т.е. ложные представления, которые, подобно пышным театральным декорациям, способны отвлекать человеческое внимание от содержания самой реальности. Именно эти «идолы театра», говоря современным языком, и представляют собой идеологический самообман.

Для марксова истолкования идеологии характерны такие аспекты, как *классовый* подход (т.е. в идеологии усматривается сугубо классовое явление) и социологическая трактовка рассматриваемого понятия на основе *социальной обусловленности идей* (что в итоге сводится к ее обусловленности материальным базисом).

Такое упрощение (редукция), однако, не должно заслонять важное рациональное зерно самого принципа социальной обусловленности идей, который успешно и вполне логически использовался после Маркса.

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между производительными силами и производственными отношениями.

К. Маркс, «К критике политической экономии»

Итак, для Маркса и Энгельса идеология есть особый тип мыслительного процесса, когда его субъекты — идеологи как производители и трансляторы идеологий — сами не сознают, что продукты их деятельности, т.е. идеи, обусловлены вполне конкретными классовыми интересами, в которых выражаются в первую очередь экономические мотивации данного класса. Именно по-

этому идеологи и рисуют ложную, сугубо иллюзорную картину действительности, в силу этого предстающей в превращенном, искаженном виде.

Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Они создают себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах.

К. Маркс, Ф. Энгельс, «Немецкая идеология»

В соответствии с Марксовым классовым подходом идеологически извращенные формы ложного сознания отомрут вместе с неизбежным и окончательным исчезновением самих классов. В основе такого оптимистического прогноза лежит своеобразная романтическая концепция освободительной роли пролетариата как класса, который, по логике марксизма, не заинтересован в собственном господстве, а стремится лишь к освобождению всех классов, в т.ч. и своей противоположности — буржуазии. Значит, Маркс изначально отрицательно оценивал идеологию в силу ложности содержащихся в ней идей. Вот почему собственную идейную систему он отказывался называть идеологией — для него это была свободная от идеологических извращений наука.

Владимир Ильич Ленин, считая себя верным продолжателем Марксова учения, в своей трактовке идеологии все же существенно его пересматривает. Один из главных пунктов ленинской ревизии марксизма — попытка совместить воедино идеологию и науку: идеология может стать научной только в одном случае — если это пролетарская идеология, и никакая иная. С одной стороны, Ленин признавал, что любая идеология партийна, т.е. отражает интересы определенной политической (а в итоге и экономической) группы, но с другой — он же писал о «научной идеологии» как об «учении научного социализма, т.е. марксизма».

Тем самым научность идеологии у Ленина определяется не задачами познания, а напрямую связана с революционным (т.е. в основе своей партийным) характером пролетарской идеологии. Эта ревизия марксизма была обусловлена прежде всего волевой политической целью Ленина: обеспечением победы пролетарской революции всеми возможными средствами. Поэтому главное в идеологии для Ленина — ее активная политическая, прежде всего мобилизующая, функция. В течение десятилетий советского периода

именно такая трактовка идеологии господствовала в СССР и странах социализма.

Однако совсем другие выводы из посылок марксовой концепции идеологии (и в первую очередь из тезиса о социальной обусловленности идей) сделал **Мангейм**. Он формулирует свой подход к идеологии как к социально значимой системе идей, которую отстаивает определенный общественный слой в собственных интересах.

*Карл МАНГЕЙМ
(1893, Будапешт — 1947,
Лондон) — выдающийся немец-
кий философ и социолог, один из
создателей социологии знания.*

МАНГЕЙМ (Mannheim), **Карл** (1893, Будапешт — 1947, Лондон) — выдающийся немецкий философ и социолог, один из создателей социологии знания.

Автор таких работ, как: «Историцизм» (1924); «Проблема социологии знания» (1925); «Идеология и утопия» (1-е изд. — 1929; 1952 — расширенное изд. «Идеология и утопия. Введение в социологию знания»); «Человек и общество в эпоху преобразования» (1-е изд. — 1935; 1940 — расширенное изд. «Человек и общество в эпоху преобразования. Исследования современной социальной структуры»); «Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом» (1943); посм. изд. «Свобода, власть и демократическое планирование» (1950); «Эссе о социологии и культуре» (1956).

Вклад в развитие политической мысли. Основу концепций Мангейма составляют два положения: о познаваемости социальных процессов и о том, что продукты и формы мышления порождаются процессом исторического развития, т.е. обусловлены историческими, социальными, классовыми и культурными факторами. В итоге возникают разные «стили мышления» с отличающимися ценностями и нормами, а также с неодинаковыми познавательными возможностями («перспективами»). В данной связи Мангейм выделил две специфические системы взглядов, связанные со стилями мышления, которые обозначил понятиями идеологии и утопии. *Идеология* — «духовное образование», складывающееся у правящей группы как теоретическое обоснование определенной социально-политической ситуации, отвечающей интересам этой группы. Любая идеология есть апология, она ориентирована на сохранение сложившегося статус-кво и по сути выделяет в реальном мире лишь то, что соответствует установкам властителей. *Утопия* — негативный вариант идеологии, фиксирующий только то, что «определенные угнетенные группы столь сильно заинтересованы» разрушить или преобразовать. Отсюда общая направленность утопии на будущее и залог ее превращения в идеологию в случае прихода ее носителей к власти.

Мангейм писал о двух типах идеологий (партикулярные и тотальные) и четырех идеально-типических формах утопического сознания («органистический хилиазм анабаптистов», «либерально-гуманистическая идея», «консервативная идея», «социалистически-гуманистическая утопия»). *Партикулярные* идеологии — это совокупность представлений индивидов или отдельных человеческих сообществ о их реальном либо отвечающем их устремлениям общественном положении. *Тотальные* идеологии формируются (и далее поддерживаются) под воздействием уже сложив-

УТОПИЯ (гр. *u* — нет, *topos* — место; т.е. место, которого нет; по др. версии, от *eu* — благо, *topos* — место; т.е. благословенная страна) — понятие, обозначающее: 1) описание идеального общества, политического строя; 2) проект не выполнимых на практике или трудно-осуществимых социальных, политических и иных преобразований, необходимых для достижения интеллектуально сконструированного состояния идеального общества, 3) литературный жанр, близкий к фантастике или сатире.

Утопия характеризуется *универсализмом* — претензиями на выражение идеалов и устремлений всего человечества; *тотальностью*, т.е. обращением к максимальному количеству аспектов жизни общества; враждебным отношением к существующему социальному порядку; не-критичностью к собственным положениям — отказом от анализа реальности и приемлемости предлагаемых преобразований. Утопии приобретают особую значимость, когда общество или его отдельные группы находятся в состоянии кризиса. Источники утопии многообразны: мифы, религиозно-этические системы (к примеру, «Христианополис» Андреа, 1619; «Закон свободы» Винстэнли, 1652), политические взгляды и т.д.

Впервые слово утопия было употреблено английским ➔

шихся социально-исторических и культурных условий (например, государственные идеологии).

После эмиграции в Англию Мангейм в основном занимался изучением социокультурных проблем современной ему Европы, а также разработкой «социальных технологий» как комплекса социально-политических мер для рационального управления важными общественными процессами, для защиты демократических ценностей от наступления тоталитаризма в эпоху «массовых обществ». Философ полагал, что в первую очередь эти меры должны быть направлены на групповое сознание, нормы и ценности, чтобы сделать возможным воспроизводство демократической социальной саморегуляции и критического сознания, не допуская ценностной анархии или жесткого, подавляющего контроля.

Одно из концептуальных открытий Мангейма заключается в том, что он противопоставил идеологию и **утопию**, тем самым выдвинув тезис, по сей день используемый в политической и социологической мысли. По Мангейму, главное отличие между этими понятиями состоит в выполняемых ими общественных функциях. Идеология — совокупность идей, обосновывающих существующий статус-кво в обществе, тогда как утопия — идеи с критической социальной функцией, т.е. служащие оправданием действий, которые направлены на свержение данного общественного строя. Таким образом, цель идеологии — стабилизация общественных условий. Создавая искаженную (и в этом смысле ложную, если вспомнить Маркса) картину мира, идеология скрывает все то, что объективно подрывает данный социальный порядок. По словам Мангейма, идеология «стремится к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни». Утопия же имеет принципиально иное содержание — она действует в направлении, неизбежно ведущем к уничтожению наличной «структуры бытия».

Интерпретация

Всемирно известный польский историк идей и философ **Ежи Шацкий** дал любопытное истолкование идеям Мангейма. В книге «Утопия и традиция» (1971) он писал: «Утописту дается иногда возможность превратить свою альтернативу идеала и действительности в *политическую* альтернативу и в известные эпохи именно он оказывается наиболее дальновидным политиком. Иначе говоря, граница между утопией и политикой не закрыта раз и навсегда. Поэтому... я не боюсь говорить об утопиях политики». И далее он приводит примеры: Французская революция и чисто политическое искусство марксистов «управлять силами, действующими в существующем обществе». «Утопия политики» — это «практическое применение утопического мыш-

ления в жизни общества». В отличие от других утопий, у утопии политики есть шанс на реализацию, и здесь практика заменяет идеал.

В соответствии с исходным принципом социальной обусловленности идей Мангейм вполне в марксовом духе сформулировал важнейшее для его концепции положение: социально-классовые побудительные мотивы как идеологии, так и утопии «невидимы» для самих их носителей.

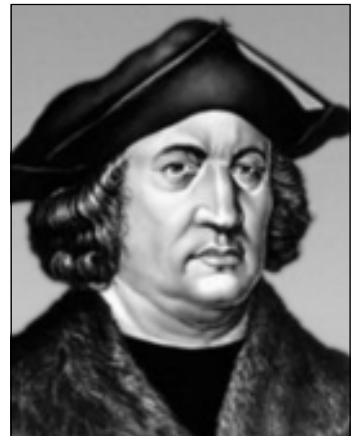
Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящегося в полном согласии с существующим порядком; идеологичность — представители поднимающегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе.

К. Мангейм, «Идеология и утопия»

1.2. Современные подходы к идеологии

Сейчас концепции Мангейма, тем более Маркса политологи нередко критикуют, особенно тезис о «ложном сознании», а также противопоставление идеологии и утопии. Вместе с тем, рациональный первоэлемент обоих подходов — идея о том, что разные типы «ложного сознания» в ходе своей внутренней эволюции и динамики могут выполнять известные социальные функции, — так или иначе используется почти всеми исследователями политических идеологий. Причину этого может объяснить следующая цитата из Мангейма.

Мироощущение политического деятеля и его представление о действительности все более вытесняют схоластически-созерцательное восприятие и мышление; и с этого момента... — что же действительно есть действительное? — более не исчезает... Если первоначально исследователи ложного сознания обращались в своих поисках истинного и действительного к Богу или к идеям, постигаемым посредством чистого созерцания, то теперь одним из критериев действительного все более становятся законы бытия, постигнутые впервые в политической практике. Эту специфическую черту понятие идеологии сохранило, несмотря на все изменения содержания, которые оно претерпело на протяжении всей своей истории от Наполеона до марксизма... В своей борьбе «сверху вниз» Наполеон, именуя своих противников «идеологами», пытался дезавуировать и уничтожить их. На более по-

Томас Мор (1478, Лондон — 1535, Лондон) — английский государственный деятель, писатель-гуманист и основоположник утопического социализма, автор работы «Утопия» (1516), оказавшей значительное влияние на политических и социальных активистов последующих столетий.

➤ гуманистом **Томасом Мором** в произведении «Золотая книга о наилучшем государственном устройстве и о новом острове Утопия» (1516), но у этого жанра долгая история. Утопии, начиная с античности, были тесно связаны с мифами о «золотом веке человечества» или входили в философско-этические доктрины (например, «Государство» Платона, утопии Ксенофана и Плутарха). С эпохи Великих географических открытий утопии представлялись еще и виртуальной альтернативой ➤

➔ реальности, место которой — на обнаруженных территориях («Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Бэкона, «Утопия» Мора). В XVII–XIX вв. утопии оформились как проекты различных преобразований, а также как жанр литературы, посвященной общественному идеалу. В последнем случае шла резкая полемика между либерально-буржуазными (Дж. Гаррингтон — «Содружество Океания», 1656; Э. Беллами — «Взгляд назад», 1888) и социалистическими (Ш. Фурье — «Новый хозяйственный социетарный мир», 1829; К. Сен-Симон — «Новое христианство», 1825) утопиями.

Ученые предложили такую типологию: утопии *реконструкции* с их высокой критичностью по отношению к действительности, значительным преобразовательным потенциалом; *эскапистские* утопии, отличающиеся отсутствием призыва к изменению действительности, пассивным ее восприятием ради перенесения основных усилий человека в неполитическую сферу; *обоснованные* утопии, идеи которых воплотились на практике (например, либеральная утопия XIX в. стала сущностью политической практики в XX в.). Утопии рубежа XX–XXI вв. в основном сосредоточены на конкретных проблемах (экологических, технологических и т.п.).

здных стадиях развития мы обнаруживаем обратное: слово «идеология» используется в качестве орудия дезавуирования оппозиционными силами общества, прежде всего пролетариатом... Поэтому нет ничего удивительного в том, что понятие идеологии связывали прежде всего с марксистско-пролетарской системой мышления, более того, даже отождествляли с ней. Однако в ходе развития истории идей и социальной истории эта стадия была преодолена. Оценка «буржуазного мышления» с точки зрения его идеологичности не является более исключительной привилегией социалистических мыслителей; теперь этим методом пользуются повсеместно, и тем самым мы оказываемся на новой стадии развития.

К. Мангейм, «Идеология и утопия»

Одна и та же по форме идеологическая система, рождающаяся как обоснование свержения существующих порядков и выполняющая критическую функцию, способна со временем превратиться в оправдание полномочий и привилегий нового правящего слоя, стремящегося сохранить свое господство (нечто подобное, кстати, произошло в СССР с идеологией марксизма-ленинизма).

Эту закономерность подмечает, в частности, *Льюис Фэйер* (род. 1912), утверждающий, что «догма — это революционная идеология предшествующего поколения, когда бывшие революционные фанатики становятся консерваторами и охранителями». Предложенный им «закон крыльев» исходит из мысли о том, что любая политическая идея в своей эволюции проходит все фазы политического спектра — слева направо или наоборот, — обслуживая полярные политические силы («Идеология и идеологи», 1975).

Американский политолог *Мартин Сэлиджер* верно подмечает такую особенность функционирования идеологии — ее «асимметричность»: одни и те же по основному смыслу идеи и принципы способны входить в состав разных идеологий, они могут выдвигаться разными политическими силами и обслуживать их интересы, выполняя, таким образом, неодинаковые социальные функции («Идеология и политика», 1976).

В современной политической мысли, вслед за Марксом и Мангеймом, распространено и представление об идеологии как о «ложной» форме сознания, а характер и содержание деформированного образа реальности обусловлены конкретными социальными обстоятельствами, в которых находится производитель и транслятор идеологии (т.е. сам идеолог) и которые либо скрыты от него, либо намеренно им искажены. В этом смысле идеология опять-таки трактуется как противоположность научному постижению действительности.

Идеология от науки отличается не рациональными доводами, а лозунгами, традициями, желаниями, предрассудками, легендами, призывами к чувствам, ссылками на авторитет. Идеологиям не присущи принципы научной жизни и объективности, пересмотр своих выводов, постоянная критика и аналитическое сопоставление возможных точек зрения.

Я. Баррион, «Что такое идеология?»

Следуя принципу социальной обусловленности идей, политологи уделяют пристальное внимание вопросу о взаимосвязи **идеологии и социальных интересов**. Они отмечают нередко встречающееся несовпадение социальной базы и общественной функции идеологии. Иными словами, носителями какой-то идеологии способны быть социальные слои, чьи интересы в ней не представлены, или, напротив, идеология может изначально возникнуть вне той среды, интересы которой она призвана отстаивать (как это было, например, с пролетарской идеологией на заре ее существования). Кроме того, одна идеология способна в определенных ситуациях обслуживать интересы разных социальных слоев. В других случаях интересы одной социальной группы могут быть зафиксированы в разных идеологиях (на Западе интересы предпринимателей выражаются и либеральными, и консервативными, и даже социал-демократическими партиями).

Другая важнейшая черта идеологии — ее органическая **связь с политикой** и обусловленность политической практикой. Политика — своего рода инобытие идеологии, которая воплощается именно в сфере политического. Равным же образом и политика немыслима без «одухотворяющего» ее идеологического компонента. Вот почему вряд ли имеет смысл говорить о «конце идеологии», как это сделали **Дэниел Белл** в 1950-е и **Фрэнсис Фукуяма** в 1980-е гг. либо неоднократно **Реймон Арон**, начиная со знаменитой книги «*Опиум интеллектуалов*» (1955).

Томмазо КАМПАНЕЛЛА (1568–1639) — итальянский философ, политический деятель; автор утопического романа «Город солнца».

ФУКУЯМА (Fukuyama), **Фрэнсис** (1952, Чикаго) — американский политолог, профессор университета Дж. Мэйсона; эксперт по международным отношениям Госдепартамента США, своими позициями повлиявший на идеологию американских «новых правых» в 1990-е.

Автор нашумевшей статьи «Конец истории?» (1989); книг «Конец истории и последний человек» (1992); «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1996); «Великое крушение» (1999).

Вклад в развитие политической мысли. В работах о «конце истории» Фукуяма констатировал, что мировая история как продукт соперничающих идей (идеологий) подошла к своему завершению, поскольку после крушения коммунизма концепция либеральной демократии

Фрэнсис ФУКУЯМА
(род. 1952, Чикаго) – американ-
ский политолог, профессор
университета Дж. Мэйсона;
в разное время эксперт по
международным отношениям
Госдепартамента США.

утвердилась в качестве «единственного принципа» политической организации человеческого сообщества. Выдвижение подобной идеи в конце 1980-х было, очевидно, обусловлено политическими и культурными причинами: эрозия марксистско-ленинской идеологии и распад социалистической системы; расширение дискуссий о «постмодерне» и «постыстории», становящихся реальностью развитого Запада и постиндустриального общества. Эти дискуссии основывались на положениях о возрастании глобальной взаимозависимости, плюрализма и универсализации в сфере идей. Таким образом, версия «конца истории» Фукуямы появилась на волне эйфории после окончания холодной войны в качестве попытки осмысления складывающихся реалий на основе анализа новых тенденций в международных отношениях, выводы которого абсолютизировались и распространялись на все человечество, что вызвало критику данной концепции и ее замену идеями «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Согласно Фукуяме, в современном мире место «борьбы за признание», т.е. противостояния идеологий, религиозных и мировоззренческих систем, заняла борьба за более эффективную стратегию удовлетворения человеческих потребностей в рамках всемирного общества потребления. Значит, основной спор разворачивается вокруг того, как эффективнее добиться одних и тех же (экономических) целей. Отдельные проявления идеологического соперничества локализованы «на задворках цивилизации».

Идея «конца истории» не оригинальна: она излагалась в различных религиозных доктринах, а ее нерелигиозная трактовка была представлена Гегелем, А. Кожевым, на которых ссылается Фукуяма. По Гегелю, «остановка истории» произошла в эпоху Наполеона с абсолютным «обуржуазиванием»; по Кожеву — во времена Сталина и Г. Форда, характеризующиеся победой технократического тоталитаризма; по Фукуяме — в период горбачевской перестройки и политики Р. Рейгана, знаменующей собой полную «консюмеризацию» (от англ. consume — потреблять) человечества. «Конец истории» у Фукуямы — это «конец» политического (вместе с крушением коммунизма победил «мировой рынок») и культурного соперничества, поскольку одновременно с утверждением либеральной демократии в качестве универсального принципа организации человеческого сообщества господствующим типом культуры стала совокупность ценностей, ориентаций, мифов и т.д., объединенных понятием Запад.

Книга «Доверие», признанная бестселлером более чем в 20 странах, посвящена проблемам социального развития и содержит оригинальную типологизацию обществ на основании критерия «доверия», которое понимается как культурный и исторический залог стабильности и процветания.

Известный американский политолог **Карл Фридрих** (1901–1984), в свою очередь, подчеркивал то, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий». Влияние идеологии проявляется на всех фазах этого процесса: осознание проблемы, выбор и принятие

политического решения, его осуществление и оценка результатов. Но политика тоже существенно влияет на идеологию — очень часто политический интерес оказывается решающим фактором для выбора направленности и содержания идеологической деятельности. При этом в одних ситуациях ход идеологических процессов может обгонять политическое развитие, в других — тормозить. В первом случае идеология выполняет критическую функцию, во втором — консервативную.

Кроме того, между идеологией и политикой складываются особый род взаимоотношений. Во-первых, можно говорить о неодинаковом влиянии на политику разных типов идеологии, которые отличаются по «степени иллюзорности». Одни идеологии, образно говоря, более «ложны», чем другие (например, идеологии нацизма, расизма существенно опаснее, нежели центристские) и задают политике соответствующую ориентацию. Во-вторых, политике — в зависимости от конкретной ситуации — почти всегда присущ разный уровень *идеологизма*. Так, для политического процесса может быть характерна искусственная идеологизация, т.е. его подчинение конкретным идеологическим целям, достижение которых считается категорически необходимым, причем немедленно и независимо от реально складывающихся обстоятельств.

Обратите внимание

— «Президент является гарантом конституции», — это политическое утверждение.

— «Тот факт, что президент является гарантом конституции, позволяет позитивно оценить процесс демократизации в стране», — идеологическое утверждение.

Как же на основании всего вышесказанного понимать идеологию вообще и **политическую идеологию**, в частности? Вот несколько дефиниций. Среди них — предложенная польским социологом и политологом *Ежи Вятром*.

Идеологию можно определить как относительно систематизированную совокупность взглядов, отличительной чертой которой является функциональная связь с интересами и стремлениями общественной группы и в состав которой входят возникающие на основе исторического опыта и условий жизни данной группы идеи, отображающие и оценивающие действительность, а также директивы к действиям, исходящими из этих идей.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

Вятр уточняет, что идеология предлагает и разъясняет политическим силам общую картину мира, ценности, с которыми связаны политические действия, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей. Кроме того, идеология — это совокупность символов с эмоциональным содержанием, поощряющим усиление активности индивидов и групп.

Мэтр американской политической науки *Дэвид Истон* понимает идеологию как «артикулированную совокупность идеалов, целей и задач, которые помогают членам политической системы интерпретировать прошлое, понимать настоящее; она также предлагает образ будущего».

Здесь можно добавить, что политическая идеология, по сравнению с идеологией как таковой, более отчетливо ориентирована на практическое политическое действие, на реальное влияние на политическое поведение тех или иных акторов (индивидов, социальных групп, партий, движений и др.). Вот почему Фридрих, например, называет политическую идеологию «**идея-ми-в-действии**». Политическая идеология отличается от совокупности неких идей тем, что она более целостна и систематизирована, выражена, как правило, в теоретической форме, четче формулирует лежащие в ее основе базовые принципы, сильнее настаивает на активном участии в каких-либо политических организациях.

Политическая идеология — система верований, которая объясняет и оправдывает предпочитаемый данным обществом политический порядок (уже существующий или предполагающийся), а также предлагает стратегию (процессы, институциональные меры, программы) для его достижения. Это целостная система идей о политических средствах для сохранения или преобразования политического порядка... Это системы идей, связанные с действием. Обычно они содержат программу и стратегию для их реализации вместе с главной функцией объединения организаций, выстраивающихся вокруг них... Это совокупности идей, которые относятся к существующему политическому и общественному строю и нацелены на то, чтобы изменить либо защищать его.

**К. Фридрих, «Человек и его правительство:
эмпирическая теория политики»**

1.3. Социальные функции идеологии и идейно-политический спектр

Политические идеологии выполняют целый ряд важных **социальных функций**.

— *Когнитивная* (познавательная) функция, несмотря на то что идеология есть «ложное» сознание, предоставляет обществу возможности для ориентации в мире политики, как своего рода схема или карта. Действительно, эта карта искажена. Но не случайно *Ханна Арендт* назвала идеологию «шестым чувством» человека. Эта же функция идеологии способствует самоидентификации людей и социальных групп в политическом пространстве.

— *Легитимизирующая* (оправдывающая) функция указывает на то, что по природе своей идеология всегда стремится дать обоснование тому или иному политическому режиму. Если идеология критична (или находится в фазе социального критицизма), она обосновывает желаемые в будущем строй и порядок. Если она апологетична (т.е. консервативна по своей общественной функции), ее содержание сводится либо к оправданию статус-кво, либо к ностальгии по старому порядку.

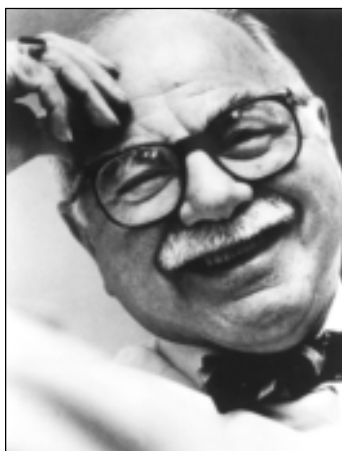
— *Нормативная* функция связана с двумя предшествующими. Идеология задает систему политических ориентаций, норм социального поведения, которые приняты в данной общественно-политической среде (обществе в целом, социальной или политической группе и т.п.). Тем самым идеология очерчивает и ценностные параметры, критерии оценки тех или иных политических явлений, событий, действий.

— *Интеграционная* функция состоит в том, что в значительной мере на основе именно идеологической приверженности происходят реальная политическая социализация и объединение людей.

— *Мобилизационная* функция по социальной важности — едва ли не центральная у идеологии, поскольку как раз она способствует сплочению социальных групп и индивидов вокруг каких-либо идей и лозунгов, побуждает их к политическим действиям. Именно в мобилизационном смысле знаменитый американский социолог *Дэнниел Белл* говорил об идеологии как о «переводе идей в социальные действия».

БЕЛЛ (Bell), Дэнниел (1919, Нью-Йорк) — американский философ, представитель сциентистско-технократического направления в социальной философии; социолог, футуролог и ведущий специалист в области социального прогнозирования; один из идейных вдохновителей современного американского неоконсерватизма («либерального технократизма»).

Дэниел БЕЛЛ (род. 1919, Нью-Йорк) — американский философ, представитель сциентистско-технократического направления в социальной философии; социолог, футуролог и ведущий специалист в области социального прогнозирования; один из идейных вдохновителей современного американского неоконсерватизма («либерального технократизма»).

Автор многочисленных работ, среди которых: «Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-е годы» (1960); «Правый радикализм» (1963); «Марксистский социализм в Соединенных Штатах» (1952, 2-е изд. 1967); «В преддверии двухтысячного года» (1968); «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973); «Культурные противоречия капитализма» (1976) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Белл — один из создателей теории *постиндустриального общества*, основанной на положении о ведущей роли знаний и технологий в человеческой истории. Ему принадлежит вывод о том, что революционно быстрое развитие науки и техники в постиндустриальном обществе делает социальную революцию неактуальной, излишней — ее место занимает научный, технологический переворот. Этот же процесс является и причиной *деидеологизации* такого общества, понимаемой как уменьшение значения традиционных идеологий в социальном управлении, отказ от выдвигаемых ими ориентиров устройства/переустройства мира (аналогично мнению Р. Арона), потеря идеологиями способности «на своем языке» формулировать современные проблемы и дерадикализация интеллектуалов («прекращение риторики революции», «истощение левых идей и политических течений»). Однако «конец идеологии» (точнее, «идеологического автомата, продающего готовые ответы на человеческие вопросы») не означает «конца утопии», которая, при условии связи с опытом, необходима современному человеку как «видение его потенциала, как способ соединения страсти и разума» для определения целей и средств развития. Сразу после появления книги «*Конец идеологии*» Белла стали упрекать в том, что выдвинутая им идея «истощения» идеологии (как, кстати, и истории), особенно в развитых странах, есть проявление политической моды и сама претендует на место идеологии, легитимизируя политическую апатию и сложившийся порядок.

Для индустриального общества источник и направляющая сила развития — противоречия между трудом и капиталом (отсюда — острое соперничество на протяжении нескольких столетий столь принципиально различных идеологических систем, как либерализм и социализм), а его материальная основа и одновременно средство функционирования и управления — машинная технология. В постиндустриальном обществе на первый план выходят научное, теоретическое знание и информация как источники власти и богатства. Соответственно изменяется и характер технологии, поскольку знание требует новых средств обработки, хранения и передачи. Появляются интеллектуальные («умные») технологии, вытесняющие из сферы управления старые машинные. В целом постиндустриальное общество характеризуется: 1) доминирующими сферами услуг в экономике; 2) социальным управлением, становящимся занятием ученого и профессионала-технократа, заменяющими традиционного политика; 3) повсеместным распространением интеллектуальных технологий и самоподдерживающимся на их основе технологическим прогрессом. В итоге постиндустриальное общество становится не просто все более открытым, но и сталкивается с рядом проблем: взрывное нарастание трудноудовлетворимых ожиданий, разрывы между различными сферами социальной жизни, повышение общей нестабильности и т.д. Помимо этих

характеристик, в книге «Грядущее постиндустриальное общество» применительно к нему Белл обозначает еще несколько проблем: 1) социальные разделения социальной стратификации, политической сферы и культуры связаны сложным образом с высоким массовым потреблением; 2) в научной, технологической, административной и культурной сферах зарождается класс «новой интеллектуальной собственности»; 3) между постиндустриальной рационализацией, демократическим участием и апатией появляется всевозрастающая несовместимость; 4) возможные варианты общественного выбора — технократическая меритократия или «гедонизм».

При всех своих отличиях разнообразные идеологии обладают рядом *общих особенностей*, относящихся к их происхождению (генезису), внутренней структуре и общественно-политической динамике. Вместе с тем, возникают и новые идеологии. Они, как правило, складываются в условиях кризисов и в тех общественных слоях, которые либо активно отвергают господствующие порядки и идеи, либо ищут новые обоснования для их защиты. (Например, социализм как идеология появился в качестве протеста против капиталистического общества.) Оформившиеся идеологии характеризуют целостность, систематичность и известная самодостаточность. Они выстраиваются на ряде базовых посылок или принципов, структурно выступающих в виде своеобразного *внутреннего «ядра»* идеологии, вокруг которого, в свою очередь, нарастает *внешняя «оболочка»*, развивающая и конкретизирующая фундаментальные идеи.

«Ядро» идеологии обычно абстрактно. Оно как раз и представляет собой «ложный» образ реальности, ее специфическим образом искаженную модель. Идеология вообще склонна к абсолютизации и универсализации своих основополагающих принципов, которые якобы единственно «истинны» и общеприменимы. Но при этом идеология обладает большим эмоциональным и внушающим воздействием, ее сила — не в логике концептуальных схем и не в анализе эмпирических фактов, а в способности воодушевлять и убеждать.

Далее, идеологиям неизбежно свойственны догматичность и ритуализация — то есть имеются свои «отцы-основатели» и «герои-мученики», «священные тексты» (манифесты, декларации, конституции) и «ритуалы» (символы, обращения, гимны, праздники). В силу присущего им догматизма идеологии сопротивляются внутренним переменам, однако все они так или иначе подвержены изменениям, которые происходят медленно и болезненно. Темпы и масштабы перемен в идеологии во многом зависят от степени от-

РАДИКАЛИЗМ (лат. radicalis — коренной) — термин, обозначающий: 1) идейную ориентацию на поддержку качественных и быстрых изменений, затрагивающих основные элементы политической системы и политические процедуры, путем решительных действий с использованием крайних, в т.ч. насильственных, средств; 2) совокупность методов и средств политической деятельности, отвергающих компромиссы и альтернативы в политическом процессе; 3) оппозиционно-маргинальные политические движения с преимущественно дестабилизирующей ролью; 4) движения в Англии и Франции в XIX в., выступавшие за введение всеобщего избирательного права и широкие социальные реформы.

У радикализма нет самостоятельных идейных и мировоззренческих источников, потому он заимствует их у мета-идеологий на обоих полюсах политического спектра. Выделяют два его варианта — *левый радикализм*, направленный на максимально быстрое и тотальное разрушение существующего общества либо политической системы (например, анархизм, большевизм) и *правый радикализм* с агрессивной консервативно-охранительной направленностью (разновидности фашизма или национализма, например, во Франции Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена, движения против «большого правительства», «партии налогового бунта»).

крытости либо закрытости ее внутреннего структурного «ядра». Но все-таки в рамках каждой идеологической системы рано или поздно возникает конфликт между ортодоксами и реформаторами, исход которого — либо постепенная эволюция данной идеологии, либо ее вырождение. Все многообразные прежние или сегодняшние идеологии, пусть и опосредованно, но взаимосвязаны. Новые возникают не в идеологическом вакууме. Развитие идеологии идет под влиянием иных идейных течений.

Существует также важнейшее понятие **идеологического (идейно-политического) спектра**, т.е. некоторой логической и реальной упорядоченности взаимодействий идеологий. В соответствии с принятой практикой современный идеологический спектр есть схема, состоящая из двух оппозиций: *левые* — *правые* или *либерализм* — *консерватизм*. Представление о правых и левых политических идеологиях (и соответствующих политических позициях) восходит к эпохе Французской революции, когда на заседании Национальной ассамблеи в 1789 г. слева от спикера сидели депутаты-радикалы, сторонники «свободы и равенства», справа — противники перемен, стремившиеся к сохранению монархических и дворянских привилегий, а в центре — либеральные сторонники представительного правления.

Оппозиция *либералов* и *консерваторов* исторически восходит к противостоянию политических противников в испанских *кортесах*, однако стала почти универсальной (по крайней мере в западной традиции) в другом контексте. Уже несколько столетий либерализм и консерватизм — идеологические самоопределения главенствующих политических сил во многих странах мира.

Обратите внимание

Кортесы (исп. cortes) — это сословно-представительные собрания в средневековых государствах Пиренейского полуострова (первые по времени в Западной Европе). Упоминаются в Кастилии с 1137 г. Полномочия кортесов, распространявшиеся в основном на таможенную и налоговую политику, были особенно велики в XIII–XV вв.; позже они созывались редко и по формальным вопросам. Возродились кортесы в 1812 г., когда они приняли в Испании первую либеральную конституцию. Так же именуются современные законодательные собрания (парламенты) в Испании и Португалии, ряде испаноязычных стран Латинской Америки.

Идеологический (идейно-политический) спектр — 1) логически упорядоченная совокупность политически значимых идейных (идеологических) направлений и течений, а также выражаю-

щих их носителей (партий и движений), которые включены в политическую жизнь общества; 2) аналитический инструмент для классификации и сравнения распространенных в обществе фундаментальных политических идей и ценностей, их представителей, конкурирующих между собой по принципиальным целям и проблемам. Локализация идеологии или ее носителя в идеологическом спектре совершается, как правило, по одной из двух пересекающихся осей: левые — правые, либерализм — консерватизм. Иногда добавляют третью: *радикализм — реформизм*.

Термины *радикальный, либеральный, умеренный, консервативный, реакционный* дают представление о том, в какой части политического спектра находится то или иное идеологическое течение. **Радикалы** занимают крайне левый фланг спектра. Это те, кто в наибольшей степени недоволен статус-кво и стремится к его быстрому и коренному преобразованию. **Либералы** убеждены, что развитие должно идти путем поступательных реформ. **Умеренные** обычно хотя и видят серьезный беспорядок в обществе, однако едва соглашаются с возможностью даже очень несущественных перемен. С точки зрения неприятия крупномасштабных изменений их превосходят, пожалуй, только **консерваторы**, которые настороженно относятся к любым преобразованиям в опасении, что некомпетентное вмешательство приведет к резкому ухудшению ситуации. Они — в правой части спектра.

Перечисленные позиции в идейно-политическом спектре различаются в своем отношении к темпам, глубине и методам осуществления необходимых трансформаций; вместе с тем, все они выступают за изменение (реформирование) общества, т.е. предполагают новаторское содействие его развитию. Только **реакционеры** (крайне правый фланг) ориентированы на обратный ход политической истории и настаивают на восстановлении институтов предшествующих эпох. Отрицая современные ценности, они рассчитывают, что движение общества можно повернуть вспять, приняв старую политическую систему.

Представление о силе неудовлетворенности общественным статус-кво или о масштабах перемен, на которых настаивает какой-либо политический актор, не всегда достаточно для определения его места в идеологическом спектре. Цель, во имя которой осуществляются преобразования, может значительно точнее установить позицию субъектов политики. Этот фактор заставляет также принимать во внимание ценности, которых придерживаются люди в левой или правой части спектра. Правые обычно верят в авторитет, элитизм и права собственности, левые предпочитают равенство, свободу и права человека.

ЭКСТРЕМИЗМ (лат. *extremus* — крайний) — ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели, достижение которых осуществляется силовыми, а также нелегитимными и противоправными методами и средствами (например, терроризм, разжигание религиозной, расовой ненависти, вооруженные выступления, партизанские войны и т.д.). *Левый экстремизм* обычно исходит из идей марксизма-ленинизма и других левых взглядов, критикуя капиталистический строй за подавление личности и эксплуатацию, а социалистические режимы — за предательство «дела Маркса, Ленина, Сталина, Мао», отказ от «классовой борьбы» (примерами левоякстремистских групп служат «Фракция Красной армии» в ФРГ, «Сендеро луминосо» в Перу, полпотовцы в Камбодже, Национал-большевистская партия Э. Лимонова в России). *Правый экстремизм* выступает с позиций антикоммунизма, расизма, крайнего национализма либо клерикализма и т.д.

Источник экстремизма как индикатора социального и политического неблагополучия — разнообразные кризисы. Ради достижения своих целей экстремисты обращаются к чувствам и предрассудкам людей, сознательно подавляя в них рациональное сознание. Участники экстремистских группировок являются собой особый психологический тип индивида, ➤

➔ склонного к самовозбуждению, к потере контроля над своим поведением, к иррациональным поступкам.

ЛИБЕРАЛИЗМ (лат. *liberalis* — свободный) — 1. Политическая идеология, выдвигающая в качестве своих приоритетов обеспечение: а) максимально возможной свободы индивида во всех сферах жизни общества — она имеет строгие гарантии, но не абсолютна, ибо ограничена в разумных пределах законом (отсюда — концепция общественного договора); б) индивидуализма как главного экономического, политического и социального принципа (в классическом либерализме); в) правового и политического равенства, а также равенства возможностей; г) терпимости и плюрализма как важных принципов социально-политического взаимодействия; д) участия в политике через различные формы представительства. 2. Совокупность партий и движений, занимающих в идейно-политическом спектре позиции левее центра.

Экстремизм — другое понятие, часто используемое для определения некоторых специфических идейно-политических позиций. В отличие от радикализма, экстремизм обусловлен не целями политического действия, а применяемыми им обычно насильственными средствами.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ

2.1. Либерализм

Идеология либерализма, которую иногда возводят еще к британской Великой хартии вольностей, ограничившей в XIII в. абсолютизм королевской власти, органически связана с генезисом буржуазного общества, т.е. по времени — с эпохой буржуазных революций XVII–XVIII вв., становлением буржуазно-рыночных отношений и борьбой с остатками феодализма. Именно тогда была оформлена и получила дальнейшее развитие идеология классического либерализма. Ее основы были заложены *Адамом Смитом* (1723–1790) и *Джоном Локком*, идеологом Славной революции 1688 г., провозгласившим «жизнь, свободу и собственность» в качестве естественных прав человека и существенно повлиявшим на Американскую революцию 1776 г. Центральное в классическом либерализме — идеал индивидуализма, руководствующегося принципами *laissez-faire*, и представление об ограниченном государстве как о «ночном стороже», занятом преимущественно вопросами внешней безопасности и почти не вмешивающимся ни в экономические, ни в социально-политические дела. В этом смысле классический либерализм и становление капитализма неразрывны. Французская революция в либеральную традицию дополнительно внесла постепенно получивший самостоятельное развитие буржуазно-демократический компонент.

Либерализм — это *метаидеология*, которая (наряду с социализмом и консерватизмом) закладывает фундаментальные принципы и направления идейно-политического содержания общественного развития: *свободу и веру в возможность рационального постижения и переустройства мира*. В качестве метаидеологии либерализм в большей мере, чем другие, оказался способен к серьезной эволюции, в разное время сочетая в себе малосовместимые идеи, концепции и доктрины (например, о государственном регулировании экономики), но при этом сохраняя ряд главных для

него положений, среди которых выделяется признание возможностей: *индивидуальной свободы* («равной свободы», по Дж. Уолд-рону), если не в экономике, то во всех других сферах общественной жизни; *критического отношения* каждого индивида к общественному строю; *уважения со стороны государства* и его равного отношения к любому индивиду (Р. Дворкин).

Современный либерализм — сложное духовное образование, где появились идейные течения, пытающиеся синтезировать его основные ценности с социально ориентированными идеями и концепциями «большого государства» или «государства всеобщего благоденствия» (Дж. Роулс) либо с представлениями, полностью отрицающими социальную направленность деятельности государства (Р. Нозик).

Обратите внимание

Мета... (гр. meta — после, через) — первая составная часть сложных слов, используемая в современной терминологии для обозначения таких систем, которые, в свою очередь, служат для исследования либо описания других систем, например, метатеория, метаидеология.

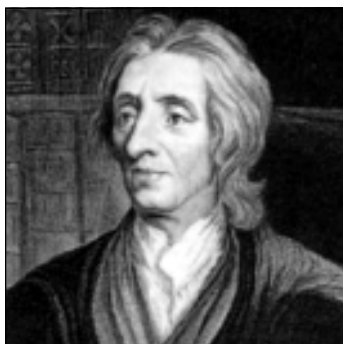
Адам СМИТ (1723, Керколди, Шотландия – 1790, Эдинбурге) — шотландский экономист и философ, автор работы «Исследование о природе и причинах богатства народов», в значительной степени сформировал современные представления о рыночной экономике и свободном обществе.

ЛОКК (Locke), **Джон** (1632, Рингтон — 1704, Отс) — английский философ, с именем которого связано начало эпохи Просвещения в Англии; крупнейший политический мыслитель, теоретик либерализма и государственный деятель.

Автор многих работ, среди которых: «Письма о веротерпимости» (4 соч. — 1689, 1690, 1692, незавершенное опубликовано посм.); «Два трактата о государственном правлении» (1690); «Опыт о человеческом разуме» (1690, писал 20 лет); «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег» (1691); «Дальнейшие соображения о повышении стоимости денег» (1693); «Разумность христианства» (1695) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Локк — один из тех мыслителей Нового времени, кто дал философское обоснование доктрины либерализма, способствовал формированию духовных и политических основ современной западной цивилизации. На его тезисах развивалась концепция либеральной демократии, он разрабатывал теории естественного права и общественного договора. Многие положения политической философии и этики Локка были восприняты Монтескье и другими мыслителями. В сочинениях «О веротерпимости», например, философ высказался о невозможности установления единых норм морали, тщетности требований единообразия в вопросах вероисповедания в силу уникальности индивидуальных представлений о Боге, отстаивал принцип свободы вероисповедания и веротерпимость в качестве условий справедливого и стабильного правления, а в «Последствиях снижения процента» предвосхитил ряд тезисов политэкономии А. Смита и призвал к либерализации торговли.

Джон ЛОКК (1632, Рингтон — 1704, Отс) — английский философ, с именем которого связано начало эпохи Просвещения в Англии; крупнейший политический мыслитель, теоретик либерализма и государственный деятель.

Значение наследия Локка не исчерпывается сугубо теоретическими аспектами: его философия политики способствовала выработке концептуального осмысления Американской и Французской революций; теория естественных неотчуждаемых прав человека служила ориентиром для авторов конституции США, а концепция разделения властей стала одним из источников европейского конституционализма.

Политическая философия Локка основана на оптимистическом видении природы человека, которое намного умереннее и привлекательнее концепции эгоистического человека Гоббса. Локк утверждал: в естественном состоянии люди взаимно доброжелательны, свободны и равны, значит, они не воюют; поведение человека подчиняется морально-этическим законам, божественным установлениям, т.е. законам природным. Для Локка война противоречива, ибо она — «состояние вражды и разрушения» и начинается тогда, когда один человек пытается полностью властвовать над другим, что истолковывается как «объявление об умысле против... жизни», против всяких прав и свобод. Подвергшийся этим угрозам вынужден воевать ради самозащиты.

Наибольший интерес для понимания либеральной политической доктрины этого мыслителя представляют *«Два трактата о государственном правлении»*, где, помимо критики абсолютистской догмы Р. Филмера о божественности королевской власти, изложена схема согласования принципов свободы гражданина и политического порядка. Исходное положение доктрины Локка — независимость индивида, которая обуславливает тезисы о труде как основании и оправдании собственности, о договорном характере полномочий государства.

Локк, подобно Гоббсу, использует модель социально-политического прогресса человечества — оно развивается от *естественного* состояния к *гражданскому*, причем оба они истолкованы сугубо теоретически (гипотетически), а не как реально подтвержденные историей. Естественное — это «состояние полной свободы в отношении действий и распоряжения своим имуществом и личностью... в границах закона природы» в соответствии с собственной волей, а также «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого». Локк выводит четыре качества человека, производных от его естественного состояния: «природное равенство людей»; полная свобода; собственность как результат деятельности личности; право защищать свое равенство, свободу и собственность. Для него главное — в том, как сохранить данные качества-права, а также в определении сущности свободы в условиях гражданского состояния.

Мыслитель объяснил договорный характер государства: люди добровольно подчиняются политической власти посредством «соглашения с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества». Тогда государство — единый политический организм, в котором *большинство* имеет право действовать и *решать за остальных*. Участие в политическом сообществе накладывает на человека обязанность «подчиняться решению большинства». Главная цель объединения в государство — сохранение собственности объединившихся,

причем под собственностью понимаются «жизнь, свободы и владения». Новое гражданское состояние отличается от естественного наличием: 1) «*установленного, определенного, известного закона*» как критерия всякой справедливости и ориентира при разрешении спора; 2) «*знающего и беспристрастного судьи*», разрешающего противоречия по закону и совершающего акт утверждения справедливости; 3) «*силы*, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение». В гражданском состоянии люди отказываются от власти наказывать за преступления и определять меры для самосохранения (эта власть остается за государством), а значит, сохраняют основную часть естественных прав и свобод. Обретенная «единым организмом» власть не может распространяться на те сферы, от которых не зависят общее благо, мир и безопасность, т.е. она не абсолютна; более того, абсолютная власть противоречит самой природе человека. Локк особо подчеркивает, что даже носитель верховной власти обязан «править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов», с помощью «беспристрастных и справедливых судей» и применять силу «только при выполнении таких законов». Свободу в гражданском состоянии Локк понимал как жизнь в соответствии с такими нормами, как следование собственной воле в рамках закона, при создании которого следует руководствоваться общим благом. Он сделал очень важный вывод: раз источник политического правления есть народ, то он — безусловный суверен, который располагает правом не поддерживать правительство, даже свергнуть его, если оно не выполняет условия общественного договора или плохо справляется со своими обязанностями, предопределенными законами. Для обеспечения свободы (точнее, для предотвращения узурпации всей полноты власти одним человеком), контроля над исполнением законов и эффективного правления Локк предложил принцип разделения властей: существует законодательная (выборная и сменяемая), судебная (у него — как ветвь законодательной) и исполнительная власти. Для реализации международного общения создается федеративная власть.

Влияние Локка на развитие мира политики огромно: его философские взгляды заложили основы школ британского эмпиризма и американского прагматизма, а политическая доктрина стала манифестом классического либерализма, нашедшего продолжение в конкретных программах либерально-демократических преобразований в последующие века.

Среди идеологических ценностей классического либерализма выделяются уже упоминавшийся *индивидуализм* как основополагающий моральный, политический и экономический принцип; идеал *свободы*, противостоящий феодальным ограничениям, но введенный в рамки закона (конституционализм, разделение властей, принцип сдержек и противовесов). Либеральная идеология проникнута *прогрессистским* духом и сугубо *рационалистична*, т.е. исходит из веры в прогресс и способности человеческого разума. Наряду с идеалом свободы ей в какой-то мере присущ и

Джон Мейнард КЕЙНС
(1883, Кембридж –1946, Фирль) –
английский экономист,
считавший несостоятельной
концепцию саморегулирующейся
экономики и выступавший за
государственное регулирование
экономики.

идеал *равенства* — ведь все люди равным образом рождены свободными. Данное сочетание идеалов образует линию внутреннего напряжения, которое лишь отчасти снимается идеалом *меритократии* (лат. *meritus* — достойный; буквально: власть самых одаренных, т.е. тех, кто заслужил ее своими достижениями и добился некоторых привилегий). Это противоречие постепенно становится все более значимым для внутренней эволюции идеологии классического либерализма. Надо также упомянуть типично либеральную идею о необходимости добровольного *согласия* подчиненных для власти над ними (англ. *consent of the governed*) и принципы *терпимости* и *плюрализма*.

Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: *собственность*, т.е. частное владение средствами производства (в отношении товаров, готовых к потреблению, частное владение является само собой разумеющимся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами). Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования.

Л. фон Мизес, «*Либерализм в классической традиции*»

Эволюция либерализма была органически связана с динамикой капиталистического производства. Начавшееся с конца XIX в. сужение сферы свободного рынка и становление монополий привели к коренному пересмотру социальной функции классических либеральных идеалов. Реальное ограничение свободной рыночной конкуренции и монополизация капиталистического производства в итоге сделали так, что идеал свободного рынка, сохраняя внешнюю идеологическую форму, на деле значительно поменял свое содержание и приобрел несвойственную ему раньше консервативную, охранительную социальную функцию.

В такой ситуации сущностная структура идеологии либерализма подверглась корректировке. Эта внутренняя эволюция либерализма связана, с одной стороны, с сохранением основополагающих политических и социально-этических либеральных ценностей, а с другой — с обращением к ряду иных (прежде всего экономических, но не только) принципов. Центральное место в идеологии возникшего в США в эпоху Нового курса (1933–1939) президента **Франклина Рузвельта**, а затем распространяющегося на весь западный мир **неолиберализма** заняли принцип государственного вмешательства и регулирования экономических процессов и идея социальной ответственности государства, которому с тех пор вменялись в обязанность и функции соцобеспечения самых неимущих

групп населения. Эта этатистская переориентация либерализма была связана в первую очередь с именем известного английского экономиста *Джона Кейнса* (1883–1946), чьи идеи воздействовали не только на экономическую практику, но и были включены в современную либеральную идеологию.

2.2. Консерватизм

Идеология консерватизма во многом противоположна либерализму, однако между ними все же есть определенная зона согласия (консенсуса). Зарождение консерватизма в конце XVIII — начале XIX вв. было обусловлено в основном феодально-аристократической реакцией на Французскую революцию и в этом смысле данная идеология изначально имела антибуржуазный характер.

Почти с первых лет возникновения консерватизма в нем наметились два течения. Одно — так называемое континентальное, реакционное и автократическое, представленное французским философом *Жозефом де Местром* (1753–1821), другое — англо-американское, умеренное, основателем которого считается *Эдмунд Бёрк*. Классический консерватизм выступил с резкой критикой Французской революции, в т.ч. за то, что ее идеологи уповали на абстрактные принципы и идеалы, далекие от действительности. Им, как и либералам в целом, консерваторы противопоставляют традицию, опыт, историю.

Эдмунд БЁРК (1729, Дублин — 1797, Бэконсфилд) — английский политический деятель (член палаты общин, представитель партии вигов, выступавший за парламентский контроль над монархией); политический теоретик и публицист; один из идейных вдохновителей классического консерватизма (традиционализма), сложившегося после Французской революции как реакция на распространение рационалистических идей переустройства общества.

БЁРК (Burke), **Эдмунд** (1729, Дублин — 1797, Бэконсфилд) — английский политический деятель (член палаты общин, представитель партии вигов, выступавший за парламентский контроль над монархией); политический теоретик и публицист; один из идейных вдохновителей классического консерватизма (традиционализма), сложившегося после Французской революции как реакция на распространение рационалистических идей переустройства общества.

Автор знаменитого сочинения «Рассуждения о революции во Франции» (1790), признанного выдающимся изложением основ консервативной теории. Другие работы (часто в виде памфлетов и речей): «Защита естественного общества» (1756); «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757); «Мысли о причине существующего недовольства» (1770); «Обращение новых вигов к старым» (1791) и т.д.

Вклад в развитие политической мысли. Бёрк выдвинул ряд теоретических положений, а именно: о *роли партий* (как группы людей с общими публичными интересами, выполняющей функцию конституционной связи между королем и парламентом, обеспечивающей преемственность, постоянство и эффективность государственной власти или оппозицию к ней; партийные объединения, независимо от того, преследуют они в своей деятельности добрые или злые цели, являются неотъем-

КОНСЕРВАТИЗМ (лат. conservare — охранять, сохранять) — многоуровневое и сложное общественное явление; это: 1) *социально-психологическое качество* индивида, выражающееся, в частности, в акцентировании опыта и в предпочтении существующего порядка вещей, в чем бы он ни состоял, нововведениями; 2) *политическая идеология*, выдвигающая в качестве приоритетов поддержание морально-этических основ общества, естественноисторически сложившихся институтов государства и политических процедур, а также сохранение стабильности (порядка) и преемственности как залогов устойчивого развития общества; 3) *совокупность партий и движений*, занимающих основные позиции в правой части идейно-политического спектра. Есть и особые ситуационные трактовки консерватизма — С. Хантингтон, например, предложил считать его явлением с исторически изменяющимся ценностным содержанием: это «система идей, которая служит сохранению существующего порядка, независимо от того, где и когда он имеет место, и направлена против любых попыток его разрушения».

Главные образующие принципы консерватизма как метаидеологии — *преемственность, эволюционность, традиционные ценности и порядок.* ➔

лемой частью свободного государства); о *парламентарии* (определенный на выборах член парламента — представитель избирателей, чья деятельность направлена прежде всего на общее благо нации, а не делегат, слепо выполняющий волю только голосовавших за него); о *законодательстве* (плохие законы — худший вид тирании); об *условиях эффективности правления* (следует знать и уважать тех, кем правишь, чтобы избежать столкновения интересов и волений; восстание целого народа — признак неумелого управления им; там, где возможно, власти должны ориентироваться на традиции и моральные устои, но в случае изменений нужно вести себя в соответствии с новыми условиями и все равно учитывать традиции и моральные принципы; государство, не способное видоизменяться, вряд ли сохранится; форму правления каждой страны определяют ее условия жизни и обычаи, «насиловать» которые всегда опасно и чревато величайшими бедствиями); о *свободе* (свобода не выживет, если народ продажен; чтобы обладать свободой, ее надо ограничить) и т.д.

Бёрк оспаривал просвещенческую теорию общественного договора (если уж говорить о договоре, то только о «договоре» между Богом и человечеством в целом для образования общества), был не согласен с идеей «естественных прав и свобод». Опираясь в своей критике на анализ политической практики и идейных истоков Французской революции, мыслитель отвергал также теорию народного верховенства, считая волю простого большинства фикцией, результатом абстрактно-отвлеченных схем построения («искусственного») общества. Политическому радикализму французских рационалистов Бёрк противопоставил передаваемый из поколения в поколение опыт, амбициозному всевластию разума — традиции, обычаи (от них зависят законы), предрассудки, которые являются «общим банком и капиталом народов». Он отрицал любую теорию, ставящую в основу политической легитимизации индивидуальный разум (по причине его ограниченности, ненадежности) и его интерес, и считал, что имеющее «моральную суть» государство, общество, право не изобретены человеком, а созданы в результате длительной эволюции, пройдя суровую проверку временем и обогатившись опытом предков. По Бёрку, исходя из главенства сложившихся ценностей и институтов над индивидом можно понять органический характер общества, связь прошлого с будущим. В противном случае создатель теоретико-рационалистических конструкций идеального общества «рискует ...разрушить связь времен и уничтожить общество», а попытки их воплощения сродни строительству без фундамента. Вместо революции для внесения необходимых изменений Бёрк предлагает реформы: «Реформа никогда не является изменением сущности или общего устройства предмета. Она — лекарство, направленное непосредственно против беспокоящего недуга. Когда тот устранен, целое оказывается в безопасности».

В консервативной идеологии центральными признаны следующие ценности и положения: прежде всего превозношение *традиции* как таковой и всего традиционного (т.е. того, что над-

лежит сохранить, консервировать в условиях перемен); представление о *несовершенстве* и даже греховности человеческой природы и *ограниченных возможностях разума* (данный пессимистический подход очень отличается от либерального прогрессистского оптимизма и рационализма); понимание общества как продукта *органического* социально-исторического *развития*, которому противопоказаны волюнтаристские эксперименты; идея о неизбежности и благотворности общественной иерархии, опирающейся на врожденное *неравенство* людей (отсюда — восхваление общественного и нравственного авторитета «естественной аристократии»); сдержанное отношение к самой идее свобод для «неразумных» масс и др.

Очерченная выше консервативная модель, часто называемая **традиционализмом** или традиционалистской разновидностью консерватизма, с ее антибуржуазной направленностью представляла собой главное течение в этой идеологии вплоть до конца XIX в. И сегодня традиционализм, во многом лишившийся своего антибуржуазного пафоса, остается одним из компонентов консервативной идеологии.

Обратите внимание

В чем различие между традиционализмом и фундаментализмом?

Традиционализм — не предлагает никаких особых политических проектов, а делает ставку на традицию, на ностальгию по прошлому, на воспоминания об ушедшем. Он акцентирует те образы и стереотипы деятельности, которые обеспечивают воспроизводство и аккумуляцию в жизни общества социального опыта и передачу его новым поколениям.

Фундаментализм — идея, согласно которой необходимо возвращение к некоему первоначальному, обычно сакральному Тексту; он направлен главным образом не против современности, а против традиции, искажившую исходную идею. Его конкретные формы и проявления зависят от специфики культуры (например, исламский фундаментализм).

В конце XIX столетия в США, а позднее в Европе возникла иная, становившаяся все влиятельнее, разновидность консерватизма, названная **либертариизмом**, который окончательно оформился в первой половине XX в.

Среди идеологов либертариизма выделяются *Фридрих Хайек* и *Людвиг фон Мизес* (1881–1973). Они заложили концептуальные основы либертариистского консерватизма, в т.ч. в области экономики.

➤ Современный консерватизм, оставаясь построенным на стереотипах охранительного сознания, представляет собой синкретическую (смешанную) систему взглядов, в которой сочетаются принцип уважения свободы индивида (взятый у классического либерализма) с уверенной ориентацией на защиту традиционных ценностей, институтов и процедур, с критикой коллективистских тенденций и программ «большого государства». Все эти особенности обуславливают по-прежнему значительное влияние консерватизма в мировой политике.

ЛИБЕРТАРИЗМ — экономоцентрическое направление в современном консерватизме (некоторые относят его к неолиберализму или «либерализму экономических консерваторов»), основанное на идее максимизации индивидуальной свободы, прежде всего свободы личного выбора как главного жизненного принципа. Достижение данной цели предполагает, согласно идеологам либертариизма (Ф. Хайек, Л. фон Мизес, М. Фридман, Р. Нозик), сокращение масштабов государственного вмешательства в социально-экономическую сферу (требования уменьшения размеров госаппарата и налогов, устранение практики перераспределения доходов и т.д.) и почти полный отказ государства от участия в проблемах, связанных ➤

➔ с социальной справедливостью и равенством (они рассматриваются только с позиции свободной рыночной конкуренции как единственного условия реализации способностей и свобод индивида). Либертаризм в американском варианте предусматривает также отказ от большей части ограничений в плане аборт, наркотиков, огнестрельного оружия и дорожных скоростных режимов. Все эти положения входят в программу Либертариистской партии в США (основана в 1971), добившейся некоторых успехов в 1970–1980-х гг. Либертариистский подход был популярен в анархистских движениях. Принципы либертаризма в основном придерживались такие руководители государств, как Р. Рейган (США) и М. Тэтчер (Великобритания).

ХАЙЕК (von Hayek), **Фридрих** (1899, Вена — 1992, Фрайбург) — австро-британский экономист и политолог, автор фундаментальных исследований по проблемам рыночной экономики, классик современного либерализма и либертаризма. Основатель Австрийского института экономических исследований (1927), учредитель (вместе с К. Поппером и К. Полани) Общества «Мон-Пелерин» (1947; объединение философов, экономистов, политологов либерального направления). Нобелевская премия по экономике (1974).

Автор многих работ, среди которых особо выделяются либертариистский манифест «Дорога к рабству» (1944); «Индивидуализм и экономический порядок» (1948); «Контрреволюция науки» (1952); «Структура восприятия» (1952; по теоретической психологии); «Капитализм и истории» (1954); «Основной закон свободы» (1960; изложение принципов классического либерализма); трилогия «Право, законодательство и свобода» (1-й том — «Правила и порядок», 1973; 2-й — «Мираж социальной справедливости», 1976; 3-й — «Политический строй свободного народа», 1979; труды по развитию философии либерализма); «Пагубная самонадеянность: заблуждения социализма» (1988) — новая программа современного либерализма.

Вклад в развитие политической мысли. В начале научной работы Хайек активно занимается экономической теорией, став главным оппонентом экономиста Дж. Кейнса. Но основная его тема с середины 1940-х гг. — полемика с различными проявлениями тоталитаризма, к которым он относил социализм и социалистическую идеологию. В «Дороге к рабству» Хайек обосновывал принципиальную неосуществимость провозглашаемых социализмом целей ввиду несостоятельности централизованной системы обеспечения, не соответствующей структуре производства и общественным потребностям. Целенаправленная реализация принципов планирования, по Хайеку, неизбежно приводит к тоталитаризму, ибо планирование обязательно сопровождается принудительными мерами; верховенство закона сменяется главенством политической власти, а государство проникает во все сферы общественной жизни. Абсолютное преимущество рыночной экономики Хайек видел в способности рынка посредством механизма цен использовать такой объем информации, обработка которого в интересах экономических агентов при централизованной системе невозможна.

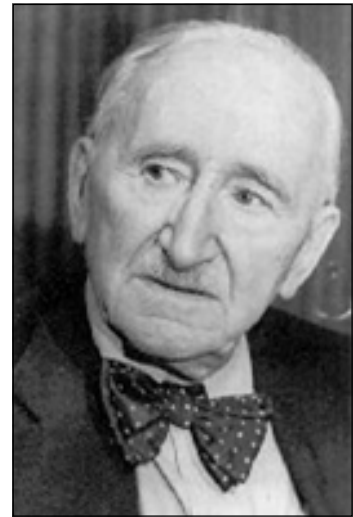
Рыночная экономика, по Хайеку — это сложная система «спонтанного порядка», возникающая в ходе органичного эволюционного процесса. Подобные порядки достигаются не за счет движения к некоей общей цели, а путем координации действий и соблюдения универсальных правил поведения индивидов с различными интересами. К «спонтанным порядкам» он причислял также право, мораль, язык.

Согласно Хайеку, общество с рыночной экономикой по своей природе плюралистично. Современное открытое общество (в поисках нужного термина ученый обращался к понятиям «великого общества» А. Смита и «открытого общества» К. Поппера) выросло из умения индивидов жить вместе и приносить друг другу пользу, даже не соглашаясь по вопросам частных интересов и целей. В последней книге Хайек ис-

пользовал для обозначения современного общества термин «расширенный порядок человеческого сотрудничества». Ключевая для «расширенного порядка» проблема — «рассеянное знание», т.е. координация знаний, рассредоточенных в обществе с развитым разделением труда среди бесчисленного множества индивидов.

Хайек подчеркивал нетождественность противоположностей тоталитаризм/либерализм и авторитаризм/демократия. В первом случае речь идет о пределах государственной власти, во втором — о ее источниках. Для либерала свобода — цель и высшая ценность, а демократия — не более чем средство для ее достижения. В этом смысл политической философии либерализма Хайека.

Фридрих фон ХАЙЕК
(1899, Вена – 1992, Фрайбург) –
австро-британский экономист
и политолог, автор
фундаментальных исследований
по проблемам рыночной
экономики, классик
современного либерализма

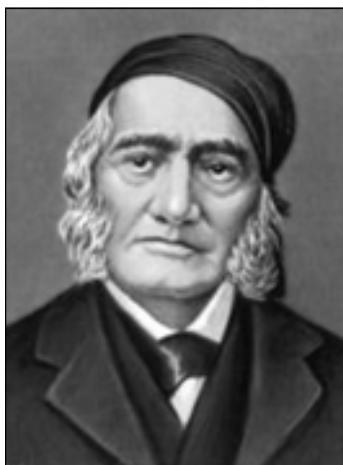
Одним из наиболее видных представителей современного либертаризма является **Роберт Нозик** (род. 1938), автор широко известной книги *«Анархия, государство и утопия»* (1975). По Нозик, над «хорошо организованным обществом» постоянно нависают две угрозы: идея безгосударственного общества (анархия), неспособного обеспечить реализацию прав и свобод индивида; теория государства, выходящего за пределы «минимального», т.е. такого, которое берет на себя функцию перераспределения или ставит перед собой мобилизационные цели развития, модернизации и т.д. Только «минимальное государство» в состоянии гарантировать человеку свободу как высшую ценность в политической сфере. Все человечество, считает Нозик, воплощается в каждом индивиде, поэтому он никогда не должен рассматриваться в качестве средства, а не цели. В этом смысл нозиковской трактовки идеи справедливости как прав человека.

Либертаризм заявил о себе как о программе *защиты* классических либеральных идеалов свободных рынка и конкуренции в условиях развития государственно-монополистического капитализма. Именно поэтому он сохранил лишь внешнюю форму классического либерализма, но придал ей принципиально иное — консервативное — содержание, поскольку в ситуации, с одной стороны, монополизации экономики, а с другой — постепенного обретения государством социальных функций, идея *laissez-faire* приобретала типично консервативный смысл, становясь формулой защиты, консервации интересов и порядков уходящих с общественной сцены групп.

Новый консерватизм не должен повторять ошибок консерваторов 20-х годов, а именно: вырождаться в слепой антилиберализм. Современное общество без либерализма вообще нежизнеспособно... Либерализм нуждается в существовании определенного противовеса в виде разумного и

Роберт ОУЭН
(1771, Нью-таун, Уэльс – 1858,
Нью-таун, Уэльс) – английский
социалист-утопист, автор
«Книги нового нравственного
мира», оказавший определенное
влияние на революционеров-
демократов в России;
создатель опытных коммуни-
стических колоний в США
и Великобритании.

просвещенного консерватизма, который бы корректировал его, постоянно поворачивал бы его лицом к действительности.

Г. Рормозер, «Кризис либерализма»

Это обстоятельство, по сути, придает дополнительную ясность реальному социальному содержанию консерватизма в качестве идеологии именно тех социальных групп, положению которых в обществе начинают угрожать объективные тенденции социального развития. Оно подтверждает также непостоянство социальной базы консерватизма, а соответственно, возможность того, что в условиях общественных перемен разные идеологии возьмут на себя консервативную функцию. Как раз в данном смысле консерватизм ситуационен и вторичен, т.е. в определенных ситуациях произведен от иных идеологий. Вот почему можно ожидать, что в неких формах, в т.ч. новых, идеология консерватизма будет воспроизводиться и эволюционировать и в будущем.

В завершение обзора соотношения либерализма и консерватизма надо обязательно вспомнить общие для обеих идеологий ценности — в первую очередь частную собственность, приоритет (авторитет) закона и др. Это дает основание говорить о **идейно-политическом центре** как особой зоне взаимопересечения ценностей и принципов либерализма и консерватизма — некогда полярных позиций идейно-политического спектра.

2.3. Социализм

Идеология социализма глубоко укоренена в истории. Впервые социалистические по направленности идеи обнаруживаются уже в «Утопии» **Томаса Мора** (1478–1535), а некоторые исследователи даже склонны искать их в «Республике» **Платона**. Однако как целостную систему политических убеждений, т.е. идеологию, возникновение социализма связывают с XVIII в., считая его реакцией на развитие индустриального капитализма. Вначале идеологи социализма старались выражать интересы мелких ремесленников, которым угрожала индустриализация, а позднее — рабочего класса.

Социалистическая идеология возникла и эволюционировала как своеобразная революционная утопия, цель которой — замена общества, основанного на принципах частной собственности и рыночных отношений, принципиально иным, опирающимся на коллективную собственность. Именно этот ориентир ставили перед

СОЦИАЛИЗМ (лат. socialis — общественный) — понятие, объединяющее несколько явлений: 1) идеал общественного устройства, положенный в основу многих утопий периода становления капитализма (утопический социализм Кампанеллы, Мора, Фурье, Сен-Симона, Оуэна и др.); негативная реакция на частную собственность и индивидуализм (в этой трактовке он ведет свою интеллектуальную родословную, видимо, от Платона и религиозных учений), в силу ➡

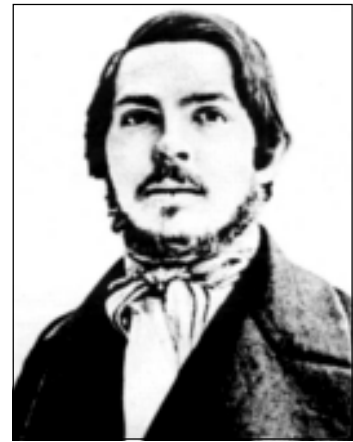
собой уже ранние идеологи социализма — **Роберт Оуэн** (1771–1858) и **Шарль Фурье** (1772–1837). Далее социализм в специфической форме был осмыслен **Марксом и Энгельсом**.

ЭНГЕЛЬС (Engels), **Фридрих** (1820, Бармен, Пруссия — 1895, Лондон) — немецкий философ, социолог и экономист; соратник Маркса и один из основоположников «научного коммунизма».

Родился в семье промышленника; в 1838–1842 обучался предпринимательству в Бремене, проходил воинскую службу в Берлине, где посещал лекции в университете, примкнув к радикально настроенным «младогегельянцам», а также ознакомился с трудами французских социалистов. В 1842 Энгельс переехал в Манчестер для службы в семейной торговой конторе, одновременно интенсивно изучал экономические, социальные и пр. проблемы. С 1844 началось сотрудничество с Марксом, в котором Энгельс был экспертом по военным, международным, экономическим, научным и национальным вопросам. С 1845 он занялся политикой, пропагандируя коммунистические идеи, и сыграл большую роль в создании «Союза коммунистов» (1847); участвовал в революции 1848 г. в Германии, издавая — с Марксом — «Новую рейнскую газету». После провала революции они переезжают в Англию, где у Энгельса успешно пошли предпринимательские дела. Вместе с Марксом он руководил деятельностью I Интернационала (1864). В 1870-х Энгельс популяризировал и защищал идеи Маркса, после смерти которого отредактировал 2 и 3 тома «Капитала». Он стал главным авторитетом в учении марксизма и в рабочем движении, консультируя рабочие и коммунистические партии; участвовал в создании II Интернационала (1889).

Автор большого творческого наследия, включающего: «Положение рабочего класса в Англии» (1845), «Анти-Дюринг» (1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886), «Диалектика природы» (1873–1883; незакончено) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Энгельс пользовался в советском обществоведении, углубленно исследовавшем его творчество и деятельность, статусом «признанного вождя и учителя пролетариата», создавшего в содружестве с Марксом «теорию научного коммунизма, изучающую социальное движение, направленное на ликвидацию капитализма и построение социалистического, а затем коммунистического общества», «философию диалектического и исторического материализма». Обычно считается, что в творческих отношениях с Марксом Энгельс выступал в качестве «ведомого», ибо не раз отзывался о Марксе как о «гении». Однако их переписка свидетельствует о другом: Энгельс не только помогал Марксу материально, но и снабжал его необходимой экономической и технической информацией, выступал в качестве его редактора и консультанта по широкому кругу проблем. Следует также отметить, что после работы «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса даже называли «наиболее талантливым и информированным немецким социологом», и сам Маркс признал (и использовал) работу «Наброски к критике политической экономии» (1844) гениальным конспектом критики эконо-

Фридрих ЭНГЕЛЬС
(1820, Бармен, Пруссия — 1895, Лондон) — немецкий философ, социолог и экономист; соратник Маркса и один из основоположников «научного коммунизма».

➤ чего социализм выступает оппонентом прежде всего либерализма; 2) оформившаяся в XIX в. политическая идеология с такими ключевыми положениями, как идеал общественной собственности (что предполагает или национализацию частной собственности в пользу «социалистического государства», или совместное, акционерно-кооперативное владение — по предложениям современных социалистических концепций); классовый подход — главная цель защита интересов ➤

➔ обездоленных путем классовой борьбы; идеал равенства и принцип эгалитаризма; упор на общество (класс) и общественные (классовые) потребности, т.е. коллективизм, и др.; 3) низшая фаза коммунистической общественно-экономической формации в трудах Маркса и его последователей; 4) *нерадикальные* (в отличие от коммунистических, национал-социалистических или национал-большевистских) партии и движения, руководствующиеся различными социалистическими или социал-демократическими доктринами и строго придерживающиеся легальной, электоральной практики политической борьбы; центральные программные идеи социалистов — *политический либерализм* (плюрализм, терпимость, демократия и т.д.), *многоукладная экономика*, *социальное «государство всеобщего благоденствия»* (англ. welfare state), экономическая политика в духе Кейнса, *равенство* (если не прямое «равенство результатов», то косвенное, реализуемое через социальные программы). Эти партии входят в состав так называемого Социалистического Интернационала (Социнтерна); 5) название общественного строя, основанного на социальных и экономических представлениях Маркса и Ленина (социализм в СССР и странах созданного им «социалистического лагеря»), а ➔

мических категорий и первым изложением общих принципов научного коммунизма. В отличие от Маркса, «обращение» Энгельса в коммунизм во многом можно объяснить его осведомленностью о реальном положении рабочего класса, по крайней мере в Англии (и соответствующей сильной эмоциональной реакцией). Собственные работы Энгельса не только защищали, порой в очень агрессивной форме, и популяризировали теоретические идеи Маркса, но также способствовали созданию и обоснованию «целостной философии марксизма». В этом отношении важна написанная Энгельсом в ответ на критику марксизма книга (точнее, его сборник статей плюс глава Маркса) «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», или «*Анти-Дюринг*», в которой в полемической манере «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук» (слова Ленина), что должно было продемонстрировать состоятельность марксизма как мировоззрения и всемогущего учения, которому подвластны любые философские, исторические, экономические, научные и пр. проблемы. Марксизм советского толка очень высоко оценил эту книгу, сочтенную «идейным оружием трудящихся в борьбе против буржуазной идеологии и всех отступлений от марксизма» и «образцом защиты научного мировоззрения и интересов революционного пролетариата». В данном труде Энгельс изложил основы диалектического и исторического материализма (согласно материалистическому пониманию истории, экономические силы есть ее движущие силы), охарактеризовал законы диалектики (наблюдаемая реальность диалектична), рассмотрел ряд проблем естествознания, разобрал экономические концепции Маркса, оправдал приемлемость насилия в революциях, нарисовал претендующую на научность картину будущего коммунистического общества (там государство отомрет само по себе, экономика станет плановой, будет уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом, городом и деревней и т.п.). Другое «незаменимое пособие для изучения марксизма» — работа «*Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*», в которой Энгельс представил марксистскую диалектику и философскую концепцию — диалектический и исторический материализм (краеугольное положение: существуют только материя и законы ее движения и изменения).

Энгельс выступал последовательным сторонником революционного, насильственного переустройства мира, оказав этим особое влияние на русских революционеров. Если в интеллектуальной истории марксизма Маркс олицетворяет собой связь с классической немецкой философией, то Энгельс — с ранним, в особенности французским, социализмом.

В социалистической идеологии выделяются следующие положения: идеал *общественной собственности*, противопоставляемой частной; классовый подход, в соответствии с которым главной целью провозглашается защита интересов неимущих слоев в ходе *классовой борьбы*; идеал *равенства* как основная ценность и принцип эгалитаризма (т.е. «равенство результатов» против «равенства возможностей», отстаиваемого либерализмом); упор на общество и *общественные потребности* взамен индивидуализма и др.

В XIX в. в рамках социализма складывается **социал-реформистское направление** с его идеей о возможности постепенной интеграции рабочего класса в капиталистическое общество при улучшении материальных условий жизни пролетариев. Оставался лишь один, но принципиальный, шаг до признания мирного пути к социализму парламентским путем и поэтапного изживания классовой борьбы. Эту тенденцию **ревизионизма** теоретически оформил **Эдуард Бернштейн** (1850–1932), многими идеями которого воспользовалась современная социал-демократия. В русле данного направления в разное время сложились новые социал-демократические течения: гильдейский социализм, австромарксизм, государственный социализм, неосоциализм и др. Во второй половине XX в. Социнтерн попытался идейно объединить все лейбористские, демократические, рабочие, социал-демократические и им подобные партии вокруг модели демократического социализма. Главные положения этого течения в социалистической идеологии: социализм — не государственный строй, а процесс укоренения социальной справедливости в жизни общества, баланс коллективных и индивидуальных интересов. Тем самым был фактически воспроизведен известный лозунг Бернштейна: «Движение все, конечная цель — ничто».

Идеология демократического социализма содержит, кроме вышеприведенных, ряд ориентиров, среди которых наиболее существенны следующие: парламентская демократия; принцип демократизации общества в целом; плюрализм как принцип (в т.ч. в социалистической теории); человек — высшая ценность (антропологический подход); политика реформ, учитывающая основные идеалы — свободу, солидарность, равенство, справедливость, гарантии прав человека; демократизация экономики ради устранения структурной нестабильности, дисфункциональности, негуманности капитализма и олигархии не революционными мерами, а путем постепенных изменений в соответствии с принципом смешанной экономики; демократизация системы образования.

Марксизм — радикально-революционное течение в идеологии социализма, названное по имени его основоположника **Маркса**.

Марксизм как таковой основательно воздействовал на развитие политической мысли в XX в. Многие школы **неомарксизма** заимствовали у этой тенденции социализма казавшиеся им самыми перспективными и интересными положения, не принимая порой марксизм в целом. Но немало идеологов пошло по пути корректировки классического марксизма, стараясь сделать его адекватным новым противоречивым процессам политического развития XX столетия.

➤ также национальные модели «государства всеобщего благоденствия»: самый известный вариант — «шведский социализм»; в последней трактовке социализм — одна из тенденций развития общества индустриального типа.

В XX в. социализм как идеология значительно изменился, заимствовав ряд положений у либерализма. Крушение мировой соцсистемы заметно уменьшило его авторитет, однако социалистические ценности все равно присутствуют в идейно-политическом дискурсе, что способствует появлению новых идейных течений (экосоциализм).

МАРКСИЗМ — интеллектуально сконструированная («научная») политическая идеология, основанная на следующем: исторический материализм («материалистическое понимание истории»); диалектический характер развития мира; неприятие капитализма вследствие отчуждения рабочего от продукта своего труда; классовая борьба ради искоренения частной собственности; пролетарская революция как путь разрешения противоречия между трудом и капиталом; достижение коммунизма в качестве конечного идеала и цели общественного развития.

Марксизм прошел ряд этапов развития, среди которых выделяются: 1) адаптация к конкретному национальному контексту (Г.В. Плеханов ➤

➔ и др.); 2) марксизм «ре-визионистского» толка, пересматривавший учение Маркса, внеся в него положение о возможности мирного перехода к социализму и отвергнув неизбежность классовой борьбы (К. Каутский, Бернштейн и др.); он стал идеологической основой для западной социал-демократии; 3) ортодоксальный коммунизм как официальная идеология, сформировавшаяся при становлении социалистических режимов и радикализованная постулатами о классовой борьбе, насильственной диктатуре пролетариата и т.д. (Ленин, Троцкий, Сталин, Мао Цзэдун и др.); 4) неомарксизм, сохранивший основы в виде исторического и диалектического материализма, но отличающийся акцентом на гуманизм и теоретические проблемы человека (Д. Лукач и др.). Значительный вклад в развитие неомарксизма внесли представители Франкфуртской школы социальной философии (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм), разработавшие так называемую критическую теорию — совокупность положений марксистской политэкономии, философии Гегеля и психологии Фрейда, повлиявшую на левое движение в 1960–1970-х гг.

Ярким представителем последнего направления был *Антонио Грамши*, попытавшийся восстановить значение человеческой субъективности (сознания) как одного из важнейших положений марксизма.

ГРАМШИ (Gramsci), **Антонио** (1891, о. Сардиния — 1937, Рим) — итальянский мыслитель, разработавший оригинальную концепцию марксизма, которую во многом восприняли итальянские левые; политический деятель, один из основателей Итальянской компартии.

Автор многих работ по истории, философии, культуре (12-томное собр. соч.), среди которых выделяются: «Тюремные тетради» (основной труд, написанный в заключении с 1929 по 1935; 1-я публ. — 1948–1951); «Письма из тюрьмы» (около 500; 1-я публ. — 1947).

Вклад в развитие политической мысли. Грамши разрабатывал ряд философских, политологических и социологических проблем, среди которых: теория гегемонии; специфика государства и гражданского общества; роль интеллектуалов в обществе; стратегия революционного действия в современных условиях и т.д. Он творчески развивал политико-философскую сторону марксизма, расширяя или преодолевая рамки классического первоисточника. Теоретик выдвинул идею, что история — это не развитие производительных сил, а конкуренция гегемоний или антагонистических культурных моделей, причем не обязательно связанных с экономикой. По Грамши, марксизм есть практика, но не статичная доктрина, ибо реальность постоянно опровергает многие положения Маркса.

Одна из центральных тем политической философии Грамши — *теория гегемонии*, которая использовалась им для исследования причин успехов и провалов социалистического проекта в разных странах, а также в сугубо практических целях — для создания эффективной программы овладения властью и построения социализма в условиях реального общества (например, разобщенности левых сил в случае укрепления фашизма). Гегемония как характеристика любого классового общества состоит из двух уровней: горизонтального (союз социальных групп и сил под руководством доминирующего над другими класса) и вертикального (обречение господства в обществе и государстве). Гегемония последовательно осуществляется: 1) в экономике, где способствует распространению определенного типа мышления на весь класс; 2) в отношении идеологического единства класса; 3) в достижении доминирующими интересами и идеологией господствующего положения в обществе — *полная гегемония*. Значит, гегемония предполагает не только экономическое и политическое преобладание, но интеллектуальное и моральное верховенство. Слабость гегемонии по одному из этих направлений ведет к ее неполноте, способ компенсации которой — диктатура (например, фашистская). Гегемония — сложное явление, формирующееся как взаимодополнительность насилия (политического и иного принуждения) и согласия (на основе совпадающих общеклассовых интересов и идейных установок). Финал создания гегемонии — захват власти. Гегемония не есть нечто раз и навсегда данное: если доминирующий класс (исторический субъект) утратил «командный» статус, моральное и интеллектуальное превосходство,

то неминуем кризис гегемонии, составляющий суть революции. В результате он заменяется другим классом, способным к своей гегемонии.

Разделение господства и гегемонии привело Грамши к выяснению различий между политическим обществом (т.е. государством как аппаратом принуждения) и гражданским обществом, представляющим собой совокупность добровольных гражданских взаимоотношений, закрепленных в общественных институтах (профсоюзы, партии, церковь и т.д.). Грамши также сформулировал интегральное понятие современного западного государства — это соединение политического и гражданского обществ, т.е. сочетание «этико-политического» руководства, основанного на согласии и добровольности, с государственным принуждением.

Единение политического и гражданского обществ, осуществленное добившимися полной гегемонии классом, порождает т.н. *исторический блок* (понятие, заменившее марксову общественно-экономическую формацию). Это иная основа власти класса-гегемона, поскольку исторический блок осмысливался Грамши не в экономических категориях, а в категориях уникальной культуры. Теоретик подчеркивал моральные и интеллектуальные аспекты гегемонии, отметив значение того образца культуры, который предлагает претендующий на гегемонию класс. Он должен представить обществу такую модель культуры, которая позволит ему захватить и удержать власть, создать условия для развития нации в соответствии с видением будущего и интересами доминирующего класса, а для этого нужно укоренение образцов новой культуры в массовом сознании.

Решение комплекса данных задач возлагается на группу людей, названных *интеллектуалами*, которые не просто творят культуру: они руководят массами (интеллектуал — это организатор и функционер в любой сфере человеческой деятельности), посредством культуры объединяют нацию, формируют сознание исторической миссии доминирующего класса и коллективную волю. Все это делает интеллектуалов центральной силой в истории. Грамши выделил два типа интеллектуалов — *органический* (соответствует духу новой эпохи и наличной гегемонии, не противопоставляет себя народу, просвещает его) и *традиционный* («доставшийся по наследству» от предыдущей эпохи). Естественно, что роль органических интеллектуалов принадлежала марксистам, причем для Грамши они прежде всего политики, ибо выражают «всеобщие интересы и чаяния рабочего класса». Соответственно, партия коммунистов должна стать «органически интеллектуальной», и Грамши уподобил ее «Новому Государю» с коллективной волей. Партия обладает монополией на истину и подобна божеству (или церкви), которому следует подчиняться.

Оригинальна и *концепция революции* (достижение полной гегемонии). Грамши пришел к выводу, что прямое столкновение со старым режимом и государством, как это было в России в 1917, уже малоэффективно. Нужна позиционная война на измор в «крепостях и казематах» гражданского общества, которое обеспечивает стабильность и могущество государства на Западе. Борьба за доминирующие позиции в гражданском обществе предполагает его «интеллектуально-моральную реформу», т.е. целенаправленные воспитательные меры для преобразований политико-культурных основ.

Антонио ГРАМШИ
(1891, о. Сардиния — 1937, Рим)
— итальянский мыслитель,
разработавший оригинальную
концепцию марксизма, которую
во многом восприняли итальянские
левые; политический
деятель, один из основателей
Итальянской компартии.

Годами раньше большое влияние на марксистские круги таких теоретиков, как **Карл Каутский** (1854–1938) и **Георгий Валентинович Плеханов** (1856–1918), привело к созданию ряда идеологических группировок. Они переоценивали объективные условия капитализма (экономизм) и рассматривали человеческую субъективность как простое проявление глубоких экономических процессов. Их последователи теоретизировали и в период активной интеллектуальной деятельности итальянского философа. Грамши спорил с этими идеологами марксизма, поскольку прежде всего интересовался ролью идей и сознания. Его подход содержал отрицание экономизма, более тонкое понимание отношений между идеологией и сознанием, акцент на автономии государства, новую интерпретацию роли интеллектуалов в классовой борьбе.

По Грамши, частная собственность — необходимое, но недостаточное основание для капиталистического господства. Значение же государства как альтернативной арены борьбы неуклонно растет по мере развития общества. Он расширил концепцию власти, включив в нее множество институтов, которые канализируют властные отношения: образование, парламент, суд, средства массовой информации, т.е. все виды деятельности и инициатив, формирующие аппарат политической и культурной гегемонии правящего класса. Поэтому борьба за сознание людей столь же значима, как и борьба за собственность на средства производства.

«Грамши Государство включает [в себя] весь комплекс политической и теоретической деятельности, с помощью которой правящий класс не только узаконивает и поддерживает свое господство, но и управляет получением активного согласия со стороны управляемых.

А. Грамши, «Тюремные тетради»

Придав классовой борьбе более широкий и «органический», чем у Маркса и его строгих последователей, смысл, Грамши подчеркнул возрастающую роль интеллектуалов в революционной деятельности. Никакая революционная организация без интеллектуалов невозможна, значит, политическая сплоченность любой из них предполагает соответствующий уровень идеологического единства, при котором партия, интеллектуалы и массы устанавливают между собой «органические» отношения.

В марксистской тенденции идеологии социализма радикальнее всех остальных был **большевизм**. В виде партии и течения

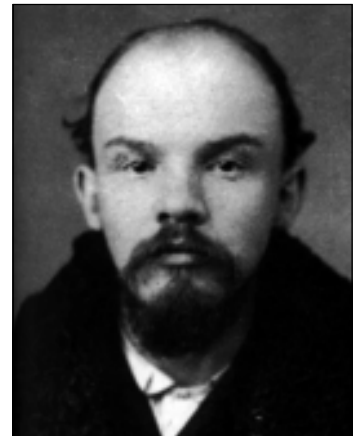
политической мысли он возник в 1903 г. после раскола на II съезде РСДРП на большевиков во главе с *Лениным* и меньшевиков во главе с *Л. Мартовым* (1873–1923).

ЛЕНИН (Ульянов), **Владимир Ильич** (1870, Симбирск — 1924, пос. Горки) — марксист; политический мыслитель — теоретик большевизма и основатель советского коммунизма; политический деятель — практик социалистической революции в России, основатель Советского государства. Экстерном окончил в 1891 юридический факультет Петербургского университета (в 1887 за участие «в студенческих беспорядках» был отчислен из Казанского университета, арестован и сослан). Примкнул к марксистам в 1888. В 1895 объединил марксистские кружки Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За революционную деятельность в том же году был арестован и сослан в Сибирь. По окончании ссылки в начале 1900 уезжает за границу, где совместно с Г.В. Плехановым создает общероссийскую марксистскую газету «Искра». На II съезде РСДРП (июль — август 1903, Брюссель — Лондон) создал партию большевиков — «марксистскую партию нового типа». С декабря 1907 находился в эмиграции (Франция, Швейцария и др. европейские страны), активно участвуя в большевистском партстроительстве. Уже после февральской революции в апреле 1917 возвратился в Санкт-Петербург и возглавил подготовку к вооруженному восстанию с целью захвата власти партией большевиков. На втором Всероссийском съезде Советов (ноябрь 1917) был избран председателем рабоче-крестьянского правительства — Совета народных комиссаров. Инициировал создание в 1919 Коммунистического Интернационала. С 1922 тяжело болел, с февраля 1923 больше не писал.

К числу известных **работ** Ленина относятся: «Развитие капитализма в России» (1899); «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902); «Шаг вперед, два шага назад» (1904); «Материализм и эмпириокритицизм» (1908); «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908); «Памяти Герцена» (1912); «Три источника и три составных части марксизма» (1913); «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915); «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916); «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» (1917); «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920); «О значении воинствующего материализма» (1922) и т.д.

Вклад Ленина в развитие политической мысли заключается в развитии учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, в углублении с позиции марксизма представлений о происхождении, сущности и функциях государства.

Как теоретик и практик революционного движения, Ленин в принципе разделял фундаментальное положение доктрины Маркса, согласно которому ни одна общественная формация не проявляется ранее, чем созревают условия ее существования в недрах старого общества. Однако в эпоху вступления капитализма в империалистическую стадию развития переход к новому обществу возможен в наиболее слабом звене капиталистических государств. Первая мировая война поставила Россию на грань национальной катастрофы (в т.ч. благодаря деятельности

Владимир Ильич ЛЕНИН (Ульянов) (1870, Симбирск — 1924, пос. Горки) — марксист; политический мыслитель — теоретик большевизма и основатель советского коммунизма; политический деятель — практик социалистической революции в России, основатель Советского государства.

различных радикалов), создала благоприятные условия для завоевания политической власти пролетариатом революционным путем. В своей работе *«Государство и революция»* Ленин подчеркивал, что политическое господство пролетариата, опирающегося непосредственно на возмущенную силу масс, является необходимым условием и главным результатом победы социалистической революции. Государственная власть, устанавливаемая в результате ликвидации капиталистического строя и слома буржуазной государственной машины, — диктатура пролетариата. Пролетариат должен использовать свою власть для подавления сопротивления буржуазии, организации нового уклада хозяйства, для руководства громадной массой населения (крестьянством, мелкой буржуазией). Направляющей и мобилизующей силой в системе диктатуры пролетариата является марксистская партия.

Абсолютизируя роль буржуазного государства как «особой силы для подавления», Ленин рассматривал буржуазную демократию исключительно как инструмент политического господства правящего класса. Тенденцию к возрастанию роли исполнительной власти в государствах, вступивших в эпоху империализма, Ленин трактовал как поворот к политической реакции, что еще более сужает, по его мнению, рамки буржуазной демократии и ведет к обострению классовой борьбы. Гражданская война рассматривалась в качестве необходимого и неизбежного этапа разрешения классовых противоречий в обществе; отсюда же и ленинский призыв превратить мировую войну в гражданскую. Тезис об установлении жесткого контроля над ключевыми структурами государственной организации общества в момент наиболее острого противоборства разновекторных политических сил (*«Марксизм и восстание»*) стал краеугольным камнем идеологических систем государств социалистического типа, а также оппозиционно-радикальных движений, ориентированных на силовые сценарии захвата политической власти. Отстаивая историческую необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, Ленин вел непримиримую идейно-политическую борьбу против представителей реформистского крыла в социал-демократии (Бернштейн, Каутский, Бауэр), называя их сторонниками «буржуазного оскотения» марксизма.

Своим исследованиям в области философских проблем Ленин также придавал сугубо прагматический характер (*«Материализм и эмпириокритицизм»*; *«О значении воинствующего материализма»* и др.), связав постановку и разрешение философских проблем с задачами революционного движения, внутрипартийной борьбы и т.п.

В Ленине сочетались качества политического мыслителя и аналитика, а также чрезвычайно успешного политического технолога, оказавшего огромное влияние на ход истории XX в. Ленинизм, в свою очередь, как общественная практика характеризуется воинственной непримиримостью, отсутствием готовности к переговорным процедурам, согласованию, компромиссам.

Большевиков отличал максимализм в отношении ко всем сторонам жизни, обусловленный истовой верой в безусловное преимущество революции перед эволюцией и реформами. Высту-

пая за «плебейскую» расправу над отжившим строем, большевики стояли на позициях безоговорочного революционного насилия. Их идеологи выдвинули тезис о классовом характере царистского Российского государства, которое должно быть уничтожено и заменено демократией советов или демократическим централизмом. Они объясняли социальные и политические взаимосвязи с помощью диалектического метода как единственной основы политического развития, полностью следуя в этом за Марксом.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

К. Маркс, «Критика Готской программы»

Обратите внимание

Когда **Плеханов** высказался на II съезде РСДРП, что ради успеха революции социал-демократы могут, придя к власти, временно пожертвовать всеобщим избирательным правом и политическими свободами — вплоть до разгона парламента в случае невыгодного для них исхода выборов, — то это заявление почти не вызвало протеста среди делегатов. Тем самым еще в 1903 г. он предвосхитил события после 1917 г.

От других представителей социал-демократизма большевиков отличала и приверженность идее об особой «авангардной» роли коммунистической партии нового типа, впервые сформулированной Лениным в работе «Что делать?». Смысл его концепции заключается в следующем:

— рабочий класс в состоянии собственными силами вырабатывать лишь тред-юнионистское сознание, а сознание социалистическое вносится в него выражающей его интересы партийной интеллигенцией;

— членство в партии означает непременно личное участие в одной из партийных ячеек, чтобы отделить «работающих» от «болтающих», ибо партия — это централизованная нелегальная организация, объединяющая профессиональных революционеров;

— партия как передовой отряд должна быть немногочисленной, ее члены должны быть скованы «железной» дисциплиной;

— централизм важнее демократизма, потому партия строится на принципах обязательного исполнения решений центра рядовыми членами и подотчетности центра перед ними.

Важным элементом большевизма стала также идея Ленина о *гегемонии пролетариата*, которую он рассматривал как условие продвижения по пути буржуазной революции дальше того рубежа, который приемлем для «либеральной буржуазии». Это позволило бы полностью выполнить программу-минимум РСДРП — минуя конституционную монархию, перейти к революции социалистической.

По сравнению с Лениным Плеханов оказался более умеренным; он считал, что большевизм отличало пренебрежение к «профессорской науке», склонность к «невероятному дару упрощения». Вместе с тем, учитывая устремленность к революции, именно максималистское, черно-белое видение действительности способствовало предельной конкретизации ситуации. Поддержку своему курсу большевики обеспечили соединением утопических, прагматических и демагогических элементов идеологии с очень простыми лозунгами, созвучными массовым настроениям в период Первой мировой войны, — требованиями мира, земли, уравнительной справедливости и передела собственности.

В работе *«Государство и революция»* Ленин наметил основные принципы формирования и действий новой государственной власти в России: нужна диктатура пролетариата, а старое государство как «диктатура буржуазии» подлежит разрушению. Раз сущностью новой власти станет подавление «меньшинства», то был предложен «ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам». Поскольку, согласно Марксу, государство неизбежно отомрет, то большевики поспешили ликвидировать многие атрибуты как буржуазного государства (разделение властей, политические свободы, всеобщее избирательное право), так и всякой государственности вообще (профессиональная армия, полиция, чиновничество). Функции государственного управления должны быть доступными для всех трудящихся. Ленинская теория государства по сути исключала всякую возможность компромисса, прежде всего идеологического, с другими партиями.

Было бы изрядным упрощением считать Ленина сторонником только насильственных методов. Его приверженцы действительно полагали, что «освобожденный народ» не нуждается ни в государстве, ни в управлении, ни в дисциплине. Анархистские идеи **М.А. Бакунина** и **Фердинанда Лассалья** (1825–1864) были популярны в люмпенизированной (т.е. деклассированной) среде, выходцы из

которой заняли государственные должности. Известно, например, что ленинский призыв на III съезде комсомола «учиться производству, искусству управления» разочаровал большинство делегатов своей прозаичностью на фоне массовых грез о мировой революции. Seriously противодействовали большевики и началу новой экономической политики (НЭПа), предполагавшей широкое развитие кооперативной деятельности. Это было время пересмотра Лениным «всей нашей точки зрения на социализм». Он отошел от лозунгов мировой революции, выступив за мирное сосуществование социализма и капитализма, стал рассматривать «социалистическую» экономику как часть мировой, предпринял некоторые шаги в направлении правового демократического государства.

Тем не менее, проект «государства-коммуны» так и не воплотился в реальность. Советы быстро превратились в прикрытие однопартийной военно-бюрократической диктатуры. Для компенсации растущего расхождения между лозунгами и жизнью большевикам пришлось перейти к тотальному государственному насилию. Это было связано с именем *Иосифа Виссарионовича Сталина* (1879–1953).

В отличие от Ленина, Сталин был противником отказа от методов военного коммунизма и стал самым последовательным выразителем идеи «железной рукой загнать человечество в счастливое социалистическое общество».

С второй половины 1920-х гг. в идеологии большевизма обозначилась новая «генеральная линия» в отношении государства — сталинская — с ее крайне антидемократическим и тотально-централистским содержанием, что в политике привело к полному уничтожению даже малейшей самостоятельности парторганизаций и местной власти (советов), усилению вождизма. Идеологи партии самыми разными аргументами обосновывали переход к тотальному государству, контролировавшему все стороны жизни, и приоритетному развитию военно-промышленного производства, ради чего в стране была создана обстановка военного лагеря.

Большевистская идеология при Сталине дополнилась и еще одним немаловажным положением, связанным с опорой на русские национальные традиции. Произошло своего рода сращивание левых лозунгов с идеей государственного патриотизма при соответствующем отходе от планов мировой революции, для которой СССР должен был бы служить лишь стартовой площадкой.

Сама идеология была названа **марксизмом-ленинизмом** в середине 1920-х гг. в связи с предпринятым Сталиным отделением марксизма от ленинизма как дальнейшего идеологического развития, в т.ч. в виде официальной доктрины существующего го-

сударства. В марксизм-ленинизм входили только учения (анализ, аксиомы и оценки) Маркса, Энгельса и Ленина. На деле же к нему были присоединены и труды Сталина, а позднее его преемников на посту генерального секретаря КПСС. Марксизм-ленинизм включал в себя три составные части: философию диалектического и исторического материализма; политическую экономию капитализма и социализма; с начала 1960-х гг. — теорию научного коммунизма, выдававшуюся за политическую науку. Эти три части рассматривались как элементы единого мировоззрения рабочего класса и его революционной партии, неразрывно связанные между собой, хотя и с относительной самостоятельностью. Марксизм-ленинизм претендовал на статус знания, «истинно» объясняющего исторические и социальные законы общественного развития. Были выделены следующие из них: неизбежная смена капитализма социализмом; сосуществование мирно соперничающих между собой государств с различным общественным строем, пока есть капитализм; возрастающая роль народных масс в истории; закономерное обострение классовой борьбы в международном масштабе.

Идеология марксизма-ленинизма — это логически замкнутая система, призванная служить теоретическим руководством для революционного изменения мира.

2.4. Национализм

В отличие от других идеологий, **национализм** трудно истолковать более или менее однозначно. Многие исследователи склоняются к тому, что национализм в широком смысле — не просто идеология, а скорее часть целостной культурной подсистемы, благодаря и одновременно вопреки которой образуется совокупность национально-патриотических взглядов, верований и чувств.

Национализм сегодня представляет собой легитимизирующий принцип политики и создания государств, никакой другой принцип не пользуется сопоставимой лояльностью человечества.

Э. Смит, «Этнические источники наций»

Интерпретация

Замечательный философ политики *Арон* считал, что в XX столетии существуют лишь три великих идеологии (метаидеологии), назвав, наряду с либерализмом и социализмом, но вместо консерватизма, *национализм*.

В привычном словоупотреблении понятие национализма воспринимается негативно, хотя по существу это не вполне верно. **Николай Александрович Бердяев** (1874–1948) указывал на наличие двух типов национализма: творческого, созидательного и деструктивного, разрушительного, сопровождающегося ненавистью к чужому. В первом случае он способствует сплочению нации, образованию «национального государства», во втором — направлен против других народов и несет в себе угрозу не только для «противника», но и для своего общества, поскольку «идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь», культивирует чуть ли не зоологическое отношение к человеку при попытке выработать и сохранить «чистую расу».

Понятие национализма нередко используют и в других смыслах. Иногда его применяют для описания лояльного отношения к государству, хотя правильнее было бы говорить о *патриотизме*. Порой этим словом характеризуют убеждения, что какой-то народ, культура или цивилизация «выше» всех остальных, но это — проявление *шовинизма*. Иной раз национализмом называют *национальную идентичность*, что недостаточно конкретно.

Дело в том, что понятия нации и государства часто путают. Нация — в первую очередь социологический термин, определяющий большую группу людей, которая характеризуется сознанием своего единства и желанием жить сообща в силу родственного происхождения, лингвистического сходства, общей культуры и географической близости. Понятие нации носит не политический, а социальный характер. Возможны и другие подходы: **Карл Реннер** (1870–1950) назвал нацию «ежедневным плебисцитом» по вопросу о желании людей жить вместе. Принято считать, что этническое происхождение — самая общая характеристика, объединяющая нацию. Если люди говорят о себе как о ирландцах, русских, евреях, испанцах и т.д., значит, они указывают на этнос, но когда называют себя «американцами», то включают в определение политический компонент — гражданство. Тот факт, что этничность — основа не только национальности, но и нации, не означает, что люди обязательно должны быть родственниками по крови, чтобы входить в одну нацию. США, Россия или Швейцария, например, включают несколько этнических групп. И наоборот, люди, принадлежащие к одной нации, могут проживать в разных государствах. Немцы живут в ФРГ, Лихтенштейне, а у австрийцев и швейцарцев — германское происхождение. На протяжении тысячелетий своей территории не было у евреев, которые, тем не менее, сохранили национальную идентичность, поддержи-

ваемую сильными культурными традициями, религией и этническим сходством.

Государство — политический термин, обобщающий народ, территорию, правительство и обладание суверенитетом. Единственной характеристикой, которая в равной степени присуща и государству, и нации, является народ, объединяющийся вокруг данного государства и отождествляющий себя с ним. В рамках государства представители разных этносов начинают столь тесно взаимодействовать друг с другом, что превращаются в нацию (например, в США), а само государство становится **нацией-государством** (англ. Nation-State, фр. Etat-nation).

Как политический институт нация-государство — продукт недавней истории. До его появления людей объединяли другие политические институты (племена, города-государства, империи и т.д.). В идеологии же национализма происходит слияние идеи нации с идеей государства этой нации, т.е. по сути этнонационального государства.

Интерпретация

Известный французский политолог *Д. Кола* считает, что в современный период «нация есть не что иное, как нация-государство: политическая форма субъектного территориального суверенитета и культурная однородность (лингвистическая и/или религиозная), которые, накладываясь друг на друга, *порождают* нацию. Национализм же характеризует движения и идеологии, настойчиво требующие, на словах либо с оружием в руках, совмещения политических границ с культурными границами. Национализм может согласиться с присутствием «не-националов» во имя нации или ратовать за их ассимиляцию, изгнание, даже уничтожение» (*«Политическая социология»*, 1994).

Первые признаки национализма появились еще в XII в., но большое политическое значение он приобрел значительно позднее. Во многом национализм был ответом на рост торговли и коммуникаций в эпоху Просвещения, однако влиятельной идеей он стал в период Французской революции как реакция на универсалистские притязания классического либерализма. Исследователи этой проблемы считают, что национализм есть идеология современного нации-государства. Вместо того чтобы быть лояльными к конкретному субъекту — будь то король или христианская община (два вида лояльности, типичные для средневековья) — в новых условиях нации-государства люди привержены идее, традиции, истории и национальному единству. Таким образом, национализм — это во многом эмоциональный союз политического феномена с идентичнос-

тью человека, который ощущает свое единение с себе подобными, — «я» превращается в «мы». Он устанавливает систему ценностей и механизмы реализации потребностей общества. Поэтому не существует национализма как единой, «большой» идеологии, а есть множество национализмов, каждый из которых характеризуется особенностями данного народа, его ценностями, традициями и специфическим отношением к «чужим». Национализм весьма типичен для западной цивилизации, где политические аспекты жизни играют важную роль. В восточных обществах приоритетными ориентирами чаще бывают иные, чем государство, общности, такие как семья, род и т.д.

Интерпретация

Считается, что национализм обладает еще и некоторыми трансцендентными (т.е. находящимися за границами сознания и познания) качествами, пробуждая чувство истории и давая цель потомкам. **Бёрк** писал: «Он становится партнерством не только между теми, кто живет, но и между теми, кто уже мертв, и теми, кому еще только предстоит родиться». Он требует, чтобы его приверженцы были готовы пожертвовать всем — семьей, достоинством и даже собственной жизнью, — ради блага *своего* государства, если в том возникнет необходимость.

В политическом смысле правильнее понимать национализм как идейно-политическую доктрину организации власти на определенных принципах. Английский теоретик **Эрнест Геллнер**, в отличие от многих авторов, использующих для трактовки национализма по преимуществу этнический или антропологический подход, осмысливал этот феномен в политико-философском аспекте. Он усмотрел важную связь между культурой и политикой, объясняющую природу национализма. В основе стремления к национальной государственности — необходимость защиты национальной культуры, т.е. институтов создания, сохранения, передачи культурных ценностей этноса. Таковую функцию в современном обществе может выполнить только государство. Значит, национализм — прежде всего политический принцип, «согласно которому политические и национальные образования должны совпадать».

1. Два человека считаются принадлежащими к одной нации, если они разделяют культуру, систему идей и знаков, а также ассоциаций, типов поведения и общения.
2. Два человека считаются принадлежащими к одной нации тогда и только тогда, когда они осознают себя принадлежащими к этой нации... Это их осознание каждого как способ-

Эрнест ГЕЛЛНЕР (1925, Париж — 1995, Прага) — английский философ, антрополог и политолог; основатель и директор Центра по исследованию национализма при Центрально-европейском университете в Праге.

ного воспринимать такое осознание, именно это и объединяет их в нацию, а не все те общие атрибуты, отделяющие их от не-членов нации, какими бы они ни были.

Э. Геллнер, «Нации и национализм»

По Геллнеру, самоидентификация человека сводится к субъективному суждению, формирующемуся под влиянием различных факторов, прежде всего субъективной воли, культуры и политики, которые и образуют триединство, лежащее в основе национализма как идеологии. Именно национализм порождает осознание своей национальной принадлежности. Сама по себе культура какого-либо сообщества воспринимается им как данность, но по мере вторжения в его жизнь инородных «мобильностей», инноваций и средств коммуникации местная культура все больше воспринимается как основа идентификации человека. Таким образом, культура народа начинает оказывать влияние на самоидентификацию нации только в динамике, которая, в свою очередь, зависит от общественно-политической и экономической ситуации. Еще яснее эта мысль высказана учеником Геллнера **Энтони Смитом** (род. 1933): национализм — это «идеологическое достижение и установление автономии, сплоченности и индивидуальности социальной группы, часть членов которой видят себя реальной или потенциальной нацией».

ГЕЛЛНЕР (Gellner), **Эрнест** (1925, Париж — 1995, Прага) — английский философ, антрополог и политолог; профессор философии, логики и научного метода в Лондонской школе экономики (1962–1984); профессор социальной антропологии в университете Кембриджа (1984–1993), а затем основатель и директор Центра по исследованию национализма при Центрально-европейском университете в Праге.

Автор многочисленных работ, включая: «Слова и вещи. Критика лингвистической философии и исследование идеологии» (1959/1981); «Мысль и изменение» (1964); «Причина и значение в социальных науках» (1973); «Современная мысль и политика» (1974); «Легитимизация веры» (1975); «Нации и национализм» (1983); «Релятивизм и социальные науки» (1985); «Культура, идентичность и политика» (1987); «Плут, меч и книга. Структура человеческой истории» (1988); «Постмодернизм, разум и религия» (1992); «Условия свободы» (1994); «Антропология и политика. Революция в священной роще» (1995); опубликованы посм. «Национализм» (1997); «Язык и одиночество: Витгенштейн, Малиновский и Габсбургская дилемма» (1998).

Вклад в развитие политической мысли. Интересы Геллнера находились на пересечении дисциплинарных границ философии, истории, антропологии, социологии и политологии. Известность ученому принесла оригинальная *теория национализма*, которую он разрабатывал с начала 1960-х гг.

Геллнер считал: отличительные черты человеческого общества и одновременно отправные точки любой социальной жизни — *культура* и *организация*; они вечны, универсальны и повсеместно распространены, в то время как нации и национализм таковыми не являются. Геллнер сформулировал исследовательскую задачу таким образом: при каком сочетании культуры и организации может возникнуть национализм, который был определен им как «политический принцип, согласно которому культурное сходство (принадлежность к одной культуре) есть основа социальных связей»; иными словами, политическое образование легитимно при условии, что оно состоит из представителей одной культуры. Национализм предполагает, что в политическом образовании существует высокоинституционализированная власть — *государство*, которым обязательно управляют люди, принадлежащие к «титульной» культуре. Геллнер подчеркнул, что националисты (впрочем, и их оппоненты — интернационалисты) воспринимают национализм в качестве всеобщего, естественного неизбежного принципа социальной организации. Существует и альтернативное понимание национализма в виде «идеологической случайности», «заразы позднего Просвещения», «доктрины, изобретенной в Европе в начале XIX в.» (*Эли Кедури*). Отвергнув обе эти крайние трактовки, Геллнер доопределил национализм как следствие вовсе не универсальных, хотя и все более распространяющихся в мире социальных условий. С их выявлением логически связан спор модернистов и примордиалистов (это те, кто приписывает национализму «древние корни»), где Геллнер придерживался модернистской позиции: *национализм — продукт современности, современного индустриального общества*. Обоснование такое: в обществах собирателей и охотников, не имевших развитой политической власти и «высокой» культуры (т.е. кодифицированной, письменной, стабильно воспроизводящейся), национализма не было — для него отсутствовало жизненное пространство культуры и государства. Сменившие их сельскохозяйственные общества обладали более сложной, иерархизированной социальной организацией (появились государства) и «высокой» культурой. Из-за технологической неразвитости они были жестко ограничены по производительности («мальтузианские общества»), что делало их закрытыми, строго иерархическими, статичными. Этим была обусловлена их значительная внутренняя культурная дифференциация. Поскольку главная функция культуры сельскохозяйственного общества — усиление и демонстрация иерархии социальных статусов, а не обозначение границ политического образования, то внутренне дифференцированная культура не могла быть основой политических связей. Условия для возникновения и распространения национализма создает только индустриальный (и индустриализирующийся) мир: его базис — принцип экономического роста, являющийся также (наряду с национализмом) критерием политической легитимности. Эти общества отличаются и высоким уровнем социальной мобильности, анонимностью и атомизацией. Здесь труд приобретает *семантический* характер (грубая мускульная сила не востребована, нужна способность работать со смыслами); *контексты* коммуникаций уже не определяют содержание большей их части. В итоге «высокая» культура становится достоянием всего социума (коммуникациям необходимо куль-

турное единообразие для понимания их смыслов), что делает навыки владения ее атрибутами условием членства в политическом образовании (государстве). То есть гомогенная культура стала основой социальных связей в рамках конкретного государства. В надвигающуюся вместе с индустриализацией и модернизацией эру национализма культурное разнообразие аграрного мира уступает место ограниченному числу внутренне однородных и стандартизированных «высоких» культур с выраженными политическими притязаниями. По мнению Геллнера, именно *культура* создает *нацию*, а не наоборот, как утверждают националисты. «Высокие» культуры с присущей им внутренней однородностью сменяют «низкие» культуры с их разнообразием, приобретая тем самым политическую значимость: «нации» — всего лишь их политические тени.

Геллнер также увидел связь между распространением национализма и становлением *романтизма* — культурного течения, возникшего как реакция на рационализм Просвещения и вначале проявившего себя в литературе, а затем проникшего в науку и политику. Выдающимся представителем романтизма был И. Гердер, считавший, что человечество состоит из наций/культур, а их ценность — в культурной специфичности, уникальности; отсюда — прославление мультикультурализма и фольклорных культур. Романтизм выдвинул идею «корней» (возвращение к прошлому, к традиции, к «почве») как главного фактора идентификации; соответственно, государство (нация-государство) мыслилось в виде добровольного объединения людей «с общими корнями». Неудивительно, что романтизм стал стилем и своего рода языком национализма. Комбинация романтизма с дарвинизмом в самый напряженный период индустриализации и развития капитализма в XIX в. позволила воспринимать каждое национальное сообщество как культурно (с этим связаны тяга к традиционным ценностям и усиление образа «почвы») и биологически уникальное, отличающееся от любых других сообществ, а его существование — как борьбу за выживание в агрессивной среде. В первой половине XX в. такие идеи превратились в разрушительную практику (две мировых и локальные войны).

Переход в эру национализма (или от традиционного ненационалистического к современному) специфичен для каждого общества, тем не менее, Геллнер пытается на примере Центральной и Восточной Европы построить его общую модель. Первый этап — «Венская ситуация» (по названию Венского конгресса 1815 г.) — характеризовался игнорированием национальной, культурной, лингвистической и т.д. специфики при территориальном делении региона между победителями, которые все же рационализировали (бюрократизировали и централизовали) управление. На втором этапе (в период ирредентизма) национализм стал набирать силу: в начале 1820-х гг. на Балканах восстали греки-христиане против турок-мусульман; в XIX в. в данном регионе появились независимые государства; произошло объединение Италии (1870) и Германии (1871). Но самых значимых побед национализм добился в сфере идеологии и культуры: с приходом XX в. он повсеместно воспринимался в качестве самоочевидного принципа политической и культурной жизни. Третий этап — «эпоха Версаля и Вудро Вильсона» —

зафиксировал торжество национализма: с одной стороны, на основании провозглашенного Вильсоном принципа самоопределения народов в Центральной и Восточной Европе были созданы новые государства и пали старые империи, а с другой — система международных отношений и образованные «национальные государства» оказались уязвимыми перед «неудовлетворенными национализмами» и подверглись в дальнейшем драматическим изменениям. Четвертый этап — «этническая чистка» — стал одним из вариантов реализации националистического принципа «одна культура — одно государство», требующего совпадения этнических, культурных и государственных границ. Он осуществляется при попытках быстрого обеспечения гомогенности культуры в каком-то государстве, принимая формы насильственного переселения или убийства носителей иных культур. Пятый этап — «затухание национального чувства», — по признанию самого Геллнера, есть больше пожелание, чем реальность. Если судить, однако, по опыту развитых индустриальных обществ, роль этничности в стабильных политических условиях уменьшается.

Геллнер дополнил свою модель картой Европы, показывающей разные периоды в зарождении и распространении национализма (он использовал выражение «свадьба государства и культуры»). Первая зона — общества вдоль атлантического побережья, связь государства и культуры в которых установилась уже в средние века благодаря естественному соответствию (далеко не идеальному, но в целом достаточному) сильных династических государств (например, Англия, Франция, Испания) с своими культурно-лингвистическими ареалами, а значит, для защиты культуры они имели подходящие государства-«коконы» (единственное исключение — Ирландия). Вторая зона включает в себя территорию Священной Римской империи германской нации; ее специфика в том, что «высокие» итальянская (со времен Ренессанса) и германская (с крестовых походов) культуры были лишены соответствующих государств-«коконов» в силу значительной политической фрагментации региона, т.е. при наличии культуры и нации им недоставало государств. По этой причине национализм в Италии и Германии был тесно связан с задачами национального объединения, для которого не потребовались этнические чистки из-за компактности объединяемых территорий. Третья зона — Центральная и Восточная Европа, где национализм принял самую разрушительную форму. В этом регионе со сложным этническим составом населения отсутствовали «национальные государства» и национальные культуры (даже Российская и Османская империи были слабо «привязаны» к правящим этническим группам, а формирование «высоких» культур в них затянулось); значит, следовало создать и то, и другое, что в совокупности — при попытке построить гомогенное нацию-государство — обязательно влекло за собой этнические чистки. Геллнер особо выделил в третьей зоне еще одну — четвертую, оказавшуюся под влиянием марксистской идеологии. Общества здесь «нормально» преодолели первый и второй этапы перехода к национализму, однако затем данные процессы были заморожены коммунистическим режимом (в т.ч. с помощью репрессий против националистов), вплоть до его краха в СССР. Дальнейшее развитие таких обществ прогнозировать сложно, но быв-

шая Югославия в 1990-е гг. перешла к этническим чисткам (равно как и ряд республик бывшего СССР). Именно в третьей и четвертой зонах из-за неблагоприятного сочетания социально-экономических условий, культурно-организационных традиций и идеологических факторов национализм оказался чрезвычайно разрушительной силой.

Национализм в XX в. доказал, что является грозной и серьезнейшей проблемой; его нельзя игнорировать или подавлять. Геллнер все-таки предполагал: современные экономические и политические процессы содержат в себе тенденции к нивелировке национального в том смысле, что необходимые решения будут приниматься или на наднациональном (например, в поддержании международного мира, порядка, предотвращении глобальных катастроф), или на местном и региональном уровнях. Он также прогнозировал «дефетишизацию земли», распространение форм национализма, не привязанных к территории («нетерриториальный национализм»), развитие культурного плюрализма.

Известный исследователь *Эрик Хобсбаум* (род. 1917) показывает специфику этой идеологии на примере выдуманной им «Рури-тании»: национализм предполагает, что «политический долг рури-танцев по отношению к государству, которое включает в свой состав руританскую нацию и служит ее представителем, выше всех прочих общественных обязанностей, а в экстремальных случаях (таких, например, как война) он должен подчинять себе любого рода обязанности. Этот признак отличает современный национализм от иных, менее требовательных форм национальной и групповой идентификации». В свою очередь, *Джеймс Келлас* представляет национализм в двух видах — как идеологию, воспитывающую в людях «национальное самосознание», и как модель политического поведения — и выделяет три его типа: этнический, социальный и официальный. Однако, в отличие от Геллнера, он считает, что любой из трех типов национализма возникает *внутри* этнической, социальной или официальной нации.

Большинство же исследователей настаивают на патологической природе национализма, его страхе перед «инородным» и оттого ненависти к нему, на близости к расизму и шовинизму. Он устанавливает искусственный барьер между человеческими общностями, разделяя их на «мы» и «они», при этом «мы» часто воспринимается как нечто гораздо более высокое и ценное, нежели «другие» народы. Тем самым национализм превращается в одну из наиболее опасных современных идеологий.

Когда-то национализм способствовал личной свободе и счастью, теперь он подрывает их и подчиняет целям своего собственного существования, которое уже не представляется

оправданным. Когда-то великая жизненная сила, ускорившая развитие человечества, теперь он может стать серьезной помехой на пути гуманности.

Г. Кон, «Идея национализма»

Вместе с тем, национализм как таковой оказал влияние на все значимые современные идеологии и нередко доминирует над иными идеологическими целями.

2.5. Фашизм

К крайне правому флангу идеологического спектра относится **фашизм**. Суждения его идеологов и вождей не оформлены в законченные теории — они фиксируют лишь общие цели фашизма и оправдывают его, опираясь на предельно эклектичный набор идей.

Итальянский фашизм — результат объединения части левых, разочаровавшихся в марксизме, «новых националистов» и представителей «национального синдикализма». Это идеологическое движение было первым, кто перенес принцип классовой борьбы на международную сцену. Следуя за идеями немецкого экономиста **Фридриха Листа** (1789–1846), фашисты верили в то, что высокоразвитые промышленные государства создали препятствия на пути торговли и обмена для более слабых стран, мешая им преодолеть недоразвитость. В их борьбе только идея нации может стать опорой стабильности, а сильное, тотальное государство способно обеспечить рост в экономике. Фашисты утверждали, что «пролетарская» Италия после тысячелетий униженности и подчинения должна с помощью быстрой индустриализации стать равной современным «плутократиям» (т.е. странам, где господствуют самые богатые), жертвой эксплуатации которых она и является.

Центральность понятия нации в фашистской доктрине очевидна. Еще до прихода к власти в Италии идеолог **Бенито Муссолини** писал, что фашизм видит «нацию как стоящую до и выше чего-либо еще». В этой идеологии нация рассматривается не как совокупность индивидов, а как органическое единство, выражающее свое мнение и волю в вожде, а суверенитет — в государстве. В то же время для фашистов нация являлась «мифом», «идеальным представлением возможного будущего», а также наследием тысячелетней традиции «вечного Рима». Она была главным мотивом, воодушевлявшим граждан на жертвенность, трактовалась как память о героическом прошлом и одновременно мечта

ФАШИЗМ (ит. fascismo от fascio — пучок, связка, объединение) — праворадикальное политическое движение и идеологическое течение, отрицающее как либеральные, так и социалистические ценности. Является одной из основных разновидностей тоталитаризма, однако вполне терпим к частной собственности. Его отличают шовинистический национализм, антисемитизм, расизм, а также агрессивность во внешней политике. Одни исследователи считают фашизм единым феноменом, другие исходят из того, что в каждой стране развивался собственный, специфический фашизм. «Классические» образцы — итальянский фашизм и немецкий национал-социализм (нацизм).

Бенито МУССОЛИНИ (1883–1945) — основоположник итальянского фашизма, фашистский диктатор Италии в 1925–1943 гг.

об альтернативном будущем. Реальная же нация, связанная территорией, языком, экономикой и общей историей, была лишь «сырьем», которому истинную форму и целостность, моральное, политическое и экономическое единство придает фашистское государство. В официальной *«Доктрине фашизма»* Муссолини об этом говорится еще четче: «Не нация создает государство... Скорее нация создается государством, оно дает народу, осознающему свое моральное единство, волю и тем самым делает его существование эффективным».

МУССОЛИНИ (Mussolini; он же дуче — вождь), **Бенито** (1883, Предаппио — казнен в 1945) — основоположник итальянского фашизма, учредивший фашистскую партию, и диктатор Италии с 1925 по 1943. Этот «выходец из простого народа», как утверждал он сам, не получил систематического образования (хотя читал Гегеля, Маркса, Каутского и т.д.), но сдал экзамены на диплом учителя. В 1902 Муссолини перебрался в Швейцарию, где занялся политикой как журналист, боровшийся за интересы профсоюзов, призывавший к насильственным действиям для их осуществления, за что много раз подвергался арестам. Быстро приобрел репутацию революционера и хорошего оратора. Вернувшись в Италию в 1904, Муссолини возобновил радикальную политическую деятельность, в т.ч. основав свою газету «Классовая борьба». Проблемы с властями и популярность в среде радикалов сделали его редактором социалистической газеты «Аванти» и укрепили образ «социалиста-ультрареволюционера». Исключен из соципартии в 1914 за поддержку Первой мировой войны, что привело его к разочарованию в социализме. В марте 1919 Муссолини основал фашистский «Союз борьбы», ряды которого благодаря его организаторским и ораторским способностям быстро увеличивались. В результате государственного переворота он был назначен премьер-министром в конце 1922, а через пару лет установил фашистскую диктатуру. В 1930-е гг. Италия проводила экспансионистскую внешнюю политику (например, захват Эфиопии в 1936) и заключила военно-политический союз с нацистской Германией (1933). В 1940 Италия вступила во Вторую мировую войну на ее стороне. Поражения итальянских войск в 1943 привели к смещению дуче, которое поддержала даже фашистская верхушка государства, и его аресту. После операции немецких командос он был освобожден и стал на 1,5 года номинальным главой Северной Италии (так называемой Итальянской социальной республики). При бегстве в Австрию с отступающими немецкими войсками в начале 1945 Муссолини был пойман и расстрелян по приговору трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии.

Политические взгляды. В случае с Муссолини нельзя говорить о политической мысли как таковой: его мнение формировалось в ходе борьбы за власть и за утверждение сильного государства в Италии. Дуче более или менее систематически изложил свои политические взгляды в статье *«Доктрина фашизма»* в XIV томе Итальянской эн-

циклопедии (1932). Они представляли собой пестрое смешение различных, в т.ч. заимствованных, идей, концепций, лозунгов и т.п. Столь позднее появление официальной фашистской доктрины Муссолини объяснил тем, что она вырабатывалась в ходе политической борьбы, а не была продуктом предшествующих ей интеллектуальных поисков (как марксизм). Но если захват власти в государстве не требовал, по Муссолини, четкой доктрины фашизма в его итальянском варианте, то для перестройки государства она была нужна.

Статья состоит из двух частей — «Фундаментальные идеи» и «Политическая и социальная доктрина». Считается, что первая написана итальянским философом-неогегельянцем *Джованни Джентиле* (1875–1944), который отдал авторство дуче. Фашизм здесь определен в качестве религиозной концепции, которая якобы снимала границы между публичным и индивидуальным, позволяя реализовать «всеобщность свободы».

В основе «фашистского учения» Муссолини — принцип абсолютизации Государства «с большой буквы» в прямом и переносном смысле: «Все для Государства, все во имя Государства, ничего помимо Государства». Дуче отверг либеральные, социалистические и демократические концепции государства как не соответствующие тогдашним условиям, ибо государство (прежде всего фашистское) уже стало выразителем «совести и воли народа», «настоящей сущности индивида» (отличие фашизма от либерализма). Оно сплавливает «классы в единую экономическую и этическую реальность», способно координировать и гармонизировать противоположные классовые интересы (отличие фашизма от социализма). Для дуче государство — это «выражение универсальной этической воли», «духовная сила», «высшее и наиболее могучее выражение личности», а не просто «механическое устройство»; это «абсолют, в сравнении с которым все индивиды или группы относительно и должны рассматриваться только по отношению к Государству». Муссолини назвал XX в. «столетием коллективизма» (в противовес индивидуализму либерализма XIX в.), веком Государства, «пронизывающего волю и интеллект» человека, полностью определяющего его поведение. Человек уподоблен «солдату в полку», т.е. в Государстве, — они взаимно усиливают «индивидуальность».

Естественно, что Муссолини объявил фашизм «здоровой политической концепцией», которая является «и действием, и мышлением»; более того, фашизм как мышление вполне самодостаточен, ибо уже содержит оправдание самого себя. В такой связи фашизм выступает одновременно источником политических институтов, задающим их форму и содержание, и «воспитателем и покровителем духовной жизни». Как и всякая тоталитарная идеология (кстати, Муссолини поставил идею тоталитарности в заслугу фашизму), фашизм претендует на радикальную перестройку человека, его характера и веры. Дуче считал, что любые теоретические изыскания подчинены «неумолимой динамике» конкретной ситуации, управлять которой в состоянии только лидер. Он знает: «железная логика природы» состоит в том, что сильный всегда берет верх над слабым. Фашизм отрицает либеральные и социалистические модели исторического развития, ибо они ведут к

деградации «до простого физического существования», и, отвергая демократию как «договорную ложь политического равенства», соглашается использовать ее как инструмент мобилизации масс («организованная, централизованная и авторитарная демократия»).

«Доктрина фашизма» — не просто символ диктатуры, а манифест *тоталитаризма и войны*, которую Муссолини считал признаком жизненной силы нации, смыслом истории. Результаты частичной реализации доктрины фашизма ужасают — подавление личности, тотальный государственный контроль, война, репрессии, концлагеря и миллионы жертв.

Фашисты были не только крайними националистами, они — прежде всего радикальные государственники. Для фашистских теоретиков именно государство во главе с вождем — воплощение группового сознания.

Антииндивидуалистическая фашистская концепция жизни подчеркивает значение Государства и принимает индивидуальное лишь настолько, насколько его интересы совпадают с интересами Государства, которое олицетворяет совесть и универсальную волю человека как исторической сущности... Либерализм отрицал Государство во имя индивидуализма; фашизм подчеркивает права Государства как выразителя настоящей сущности индивида... Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское Государство — синтез и объединение, включающие в себя все ценности, — объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа.

Б. Муссолини, «Доктрина фашизма»

Понимание государства отличает итальянский фашизм от **национал-социализма** в Германии, идеологи которого считали государство «производным продуктом» от расы, т.е. их подход можно назвать биологическим. Антропологическая раса приоритетна для немецкой версии фашизма: она — источник и нации, и государства.

В своей крови мы несем священное наследство своих отцов и предков. Мы не знаем их, бесконечной линией уходящих во тьму прошлого. Но все они живут в нас и благодаря нашей крови расходятся сегодня по всему свету. Именно поэтому наша кровь священна... Отрицать свою кровь — значит отрицать самого себя.

...Быть расой — значит уметь мыслить определенным образом. Тот, кто обладает мужеством, верой и честью во всем, что характерно для истинного немца, принадлежит к расе, которая должна господствовать в Германии... Любой, кто смешивается с чуждыми низшими расами, унижает кровь и душу, которые были даны ему для передачи детям. Его дети становятся нечистыми, и он совершает самое тяжкое преступление с точки зрения национал-социализма.

...Народ не ограничивается страной. Все единокровные сыновья связаны с одной матерью. Немецкая нация — это единая национальность, состоящая из ста миллионов. Любой немец, где бы он ни жил, принадлежит к ней... Нация бессмертна, пока ее корни черпают свою силу из земли. Проходят зима и лето, а она вновь цветет, и жизнь ее неистребима и заканчивается потоком силы, поднимающейся от ее корней к божественной воле. Что такое смерть отдельного человека? Это ветер, срывающий листья с дерева. Каждая весна обновляет их, и это длится бесконечно.

Нация приобретает свою форму в государстве. Для каждой нации имеется только одна естественная форма, только одно государство.

... Ты должен быть предан своей отчизне, Германии. Ты зачат ее землей и ее кровью и поэтому принадлежишь ей... Свободный человек служит интересам государства, он горд и честен и является опорой нации и государства. Истинно свободный человек возвысился над собой. Он служит тогда, когда другие празднуют. Но эта служба не унижает, а возвышает его и делает свободным.

«Хрестоматия немецкой молодежи» (1938)

ПОПУЛИЗМ (лат. *populus* — народ) — совокупность различных позиций, действий и методов, основанных на призывах «к народу». Популизм нередко извращает реальность в угоду голословным либо лживым целям, предельно упрощает ее; он делает упор на демагогии, предлагая «малосознательным» массам корыстную ориентацию на «верность и терпение» для достижения каких-либо политических целей.

Идеологии фашизма в целом присущи несколько особенностей. Во-первых, это четкое различие идеологий верхов и масс. Элитарность верхов оправдывалась в том числе и биологическими аргументами. Идеология масс строилась преимущественно на принципах народности, социальной справедливости, защиты интересов трудящихся, т.е. содержала в себе многие элементы **популизма**.

Именно из демагогических соображений фашизм сделал упор на популярные в первой трети XX в. идеи социализма. (Некоторые исследователи даже называют фашизм «марксистской ересью».) Однако понимание социализма было у фашистов весьма специфическим. Муссолини видел в нем великий акт разрушения, **Адольф Гитлер** (1889–1945) — полную приверженность целям нации. Поначалу фашизм провозглашал ликвидацию классовых различий, национализацию крупных монополий и т.д.

Уильям ГОДВИН (1756–1836) – (1756, Уисбич – 1836, Лондон) – английский публицист, писатель, историк, выдвинувший в работе «Рассуждении о политической справедливости» (1793 г.) концепцию «справедливого общества» без государства

Позднее он полностью утратил антикапиталистическую направленность.

Во-вторых, фашизму свойственны воинствующий иррационализм, ненависть ко всякому теоретизированию (за исключением идеологии для верхов), предельное упрощение лозунгов и идеологических клише, неприязнь к образованности. В-третьих, он был построен на харизматическом принципе — на вождизме. Верховный вождь (дуче в Италии, фюрер в Германии) есть воплощение расового, национального и народного духа. Он обладает неограниченной властью по отношению ко всем подчиненным, включая более мелких вождей. Четвертая характеристика этой идеологии — культ грубой силы, абсолютизация силового фактора в истории, отрицание всякого гуманизма. В сочетании с расизмом и антисемитизмом культ насилия стал одной из причин развязывания самой кровопролитной войны в истории человечества, крайней жесткости по отношению к народам оккупированных стран, уничтожения «недочеловеков» (цыган и славян), Холокоста — массового геноцида евреев.

Несмотря на сокрушительный разгром Германии в 1945 г., полную дискредитацию и запреты этой идеологии, фашизм время от времени возникает вновь в виде неофашистских партий в более чем 60 странах мира. Экономические трудности, межнациональные противоречия и тому подобные кризисные феномены провоцируют неофашистские проявления, опасность которых не следует недооценивать.

2.6. Анархизм

Идеологическое течение **анархизма** занимает противоположные фашизму позиции в отношении государства.

Особенно были сильны тенденции анархии в России — стране его классиков **Михаила Александровича Бакунина** и **Петра Алексеевича Кропоткина**; здесь же анархизм периодически проявлял себя влиятельным идейным течением в открытых и скрытых формах. Великий русский писатель **Лев Толстой** тоже отвергал государство, хотя и не считал себя анархистом. Выражение анархии — знаменитый русский бунт, «бессмысленный и беспощадный», как реакция на наглость и несправедливость власти, подавление человеческой личности правителями. С этим во многом связаны характерные для России революционаризм, радикальность решений, максимализм во всем, равно как и русская вольница — стремление к воле вместо свободы. Воля всегда была направлена на выживание в лихую годину, на самопо-

мощь, в чем, как считали идеологи анархизма, обнаруживаются витальность и жизненная сила россиян.

 Долой же все, что не составляет вполне Моего. Вы полагаете, что моим делом должно быть по крайней мере «добро»? Что там говорить о добром, о злом? Я сам — свое дело, а я не добрый и не злой. И то, и другое не имеет для меня смысла.

Божественное — дело Бога, человеческое — дело человечества. Мое же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т.д., это исключительно мое, и это дело — не общее, а единственное, так же, как и я — единственный.

М. Штирнер, «Единственный и его собственность»

Среди русских анархистов наибольшее воздействие на российскую интеллектуальную традицию и на западный анархизм оказал Бакунин. Он отмечал две основные способности в человеке — бунтовать и мыслить. Эти способности проявляют себя прежде всего с «бунта воли» — нежелания признать и примириться с банальным, общеизвестным, книжным. Подлинный революционер, отрицающий роль государства в революции — взбунтовавшийся крестьянин и разбойник с большой дороги. Поэтому Бакунин, будучи высокообразованным человеком, отрицал ученость и культурность.

БАКУНИН, Михаил Александрович (1814, Прямухино — 1876, Берн) — русский мыслитель, революционер, теоретик анархизма.

Автор сочинений: «О философии» (1840); «Реакция в Германии» (1842); «Кнуто-германская империя и социальная революция» (1871); «Государственность и анархия» (1873); «Федерализм, социализм и антитеологизм» и «Бог и государство» (не закончены). К первым трем трудам существуют приложения, среди которых такие малоизученные работы, как «Философские рассуждения о божественном призраке, о реальном мире и человеке» (в научный оборот введена в 1982 П.И. Моисеевым), а также работа «Коррупция — О Макиавелли — Развитие государственности» (впервые напечатана в «Вопросах философии», 1990).

Вклад в развитие политической мысли. Центральная идея бакунинского *анархо-коллективизма* — концепция полного разрушения государственности (буржуазной и социалистической) и установления безгосударственного общественного самоуправления путем формирования «человеческой всеобщности» на базе рабочих ассоциаций (земледельческих и ремесленно-фабричных). Они призваны без какой-либо политической силы пробуждать коллективистские инстинкты народа с целью создания коллективной собственности, свободного товарообмена, организации общества на принципах самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин, провинций и наций. Социальное содержание та-

АНАРХИЗМ (гр. *anarchia* — безначалие, безвластие) — 1) общественно-политическое учение (или идеология), провозглашающее своей высшей целью достижение равенства и свободы с помощью упразднения любых форм и институтов власти с их принудительным характером в пользу ассоциаций, основанных на добровольном сотрудничестве между индивидами и группами; 2) термин, обозначающий всякие антиэтатистские (т.е. направленные против государства) взгляды, идеи, позиции, а также соответствующую им практику, в т.ч. экстремизм.

Несмотря на то что ряд анархистских идей появился еще в античные времена, развитая теоретическая система анархизма была создана английским писателем У. Годвином, выдвинувшем в «Исследованиях о политической справедливости» (1793) концепцию «общества без государства». Разработка экономической основы анархизма и включение этого понятия в политический и научный оборот были осуществлены немецким мыслителем М. Штирнером («Единственный и его собственность», 1845), предложившим индивидуалистическую версию экономического анархизма («союз эгоистов»), состоящую во взаимном уважении и обмене товарами между независимыми производителями, и французским философом П.-Ж. Прудомом («Что такое собственность?», 1840; «Система экономических противоречий, или Философия» ➔

➔ *нищеты*», 1846). Последний утверждал: основа неравенства и несправедливости — собственность и неэквивалентный обмен, которые могут быть устранены неревolutionными, ненасильственными организационными мерами вроде безденежного и эквивалентного обмена продуктами труда, а это способствовало бы постепенному отмиранию государства. В развитие анархистской доктрины внесли большой вклад русские мыслители М.А. Бакунин (*«Государственность и анархия»*, 1873), отстаивавший идею революционного уничтожения государства и создания «свободной федерации» крестьянских и пролетарских сообществ, коллективно владеющих орудиями труда (коллективистская версия анархизма), и П.А. Кропоткин (*«Взаимная помощь как фактор эволюции»*, 1907; *«Современная наука и анархия»*, 1920), на основании им же сформулированных «взаимной помощи» призывавший к переходу к федерации свободных коммун путем уничтожения частной собственности и государства (коммунистическая версия анархизма).

Расцвет разных вариантов идеологии анархизма пришелся на первую половину XX в.; сейчас анархизм занимает маргинальные позиции в идейно-политическом спектре, действуя в союзе с другими движениями (например, либертариистского, антиглобалистского и экологического толка).

кого безгосударственного устройства Бакунин определил как мир социализма, равенства и справедливости, свободного труда без эксплуатации.

Необходимость анархо-революционного переустройства общества ради освобождения индивида от всех проявлений принудительной власти (и религии тоже) философ обосновывал неспособностью любой власти соответствовать социальным инстинктам человека. По Бакунину, власть обладает свойством развращать всех независимо от классовой принадлежности. Правительства и парламенты, сформированные из рабочих, со временем трансформируются в угнетателей (для характеристики пролетариата использован термин «социалистическая развращенность рабочего»). Любое легитимное политическое поведение лишь укрепляет аморальную государственную власть. Уничтожить власть может только стихийный бунт, а разум преодолевает религию, которая мыслью о вечном спасении избранных заронила в души людей семена эгоизма, тем самым разрушая человеческую солидарность в качестве главного закона человеческого общежития.

Бакунин разработал радикальную революционную утопию анархизма, которая в сущности представляла собой рационализированный вариант христианского учения о тысячелетнем царстве и конце истории. Религия, по Бакунину — основная структура, легитимизирующая политическое господство. Мировоззрение анархизма в этом смысле противостоит религии и стремится утвердить совершенное общество в пределах земного существования людей. Государство, вне зависимости от его формы — это всегда механизм подавления людей и насилия над их свободой. Оно управляет обществом сверху вниз, используя для обеспечения своего господства механизм права.

Деспотизм заключается не столько в форме государства, сколько в самом принципе государства и политической власти, ...следовательно, республиканское государство должно быть по своей сущности так же деспотично, как государство, управляемое императором или королем... Гражданская война, столь пагубная для могущества государства, наоборот, именно вследствие этого разрушительного действия на государство всегда благоприятна для народной инициативы... Эта столь благотворная для народа свобода находит опору и черпает воодушевление в самой гражданской войне.

М.А. Бакунин, «Кнута-германская империя и социальная революция»

Поэтому перед угнетенными людьми стоит задача ликвидации этой подавляющей силы — государства, чего может добиться только стихийная революция угнетенных классов. Возглавить ее при-

звана партия, но не являющаяся формальной организацией, а созданная по принципу секты.

Человечество, по Бакунину, проходит в своем развитии три этапа. *Первый* — человеческая животность, когда человек есть неразумная бессознательная составляющая всеобщего потока причинности; он слит с самой природой в одно сущее. На *втором этапе* человек отделяет себя от природы и у него возникают идеи тотальности и абсолюта (т.е. вечной, бесконечной духовной первоосновы Вселенной). Именно на этом этапе происходит институционализация государства и его легитимизация посредством религии. Два первых этапа развития человечества — эпохи несвободы, его «неподлинное бытие», когда сначала царило рабство природное, а затем государственное при поддержке религии. *Третий этап* — это бунт, который путем отрицания и разрушения прошлого сделал бы возможным реализацию идеала свободы от господства.

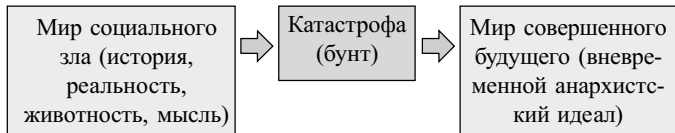

Михаил Александрович
БАКУНИН (1814, Прямухино —
1876, Берн) — русский
мыслитель, революционер,
теоретик анархизма.

Обратите внимание

Модель бакунинского анархизма можно представить так:

Анархистский идеал свободы, как видно по схеме, был вынесен за рамки развития человеческого общества, будучи противопоставлен его социально-политическому бытию как таковому.

Бакунин предложил весьма оригинальную схему политической истории России, резко противопоставив общину чуждому ей деспотическому государству, сложившемуся в результате внешних влияний — татарского нашествия и петровской европеизации. Хотя философ однозначно негативно оценивал государственный деспотизм, самодержавие для него было воплощено в царе, который в ситуации народного недовольства способен осуществить «революцию сверху». Главное же, чтобы интеллигенция и власть отказались от чуждых России западных политических теорий, — только в таком случае они смогут помочь народу претворить в жизнь анархистский политический идеал.

По мнению Бакунина, между крестьянским миром и государством в России всегда был раскол. Власть государства — глубоко чуждая сила, навязанная извне, поскольку славянские пле-

мена своего государства никогда не создавали. Российская империя, соответственно, была антирусским феноменом («немецким»). Народ противостоит империи, будучи носителем своей «внутренней Правды» — социального идеала, путь к которому лежит через революцию.

 Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что... вся земля принадлежит народу... Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, ...третья черта... — это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству.

М.А. Бакунин, «Государственность и анархия»

Для Бакунина общество — естественный, органический способ бытия людей, не формализованного никаким социальным контрактом. Он в принципе отвергал и ценность права как гаранта свободы, ибо оно — атрибут государства, инструмент прямого державного насилия и должно исчезнуть вместе с ликвидацией политической власти.

В соответствии с бакуниным социальным идеалом, организация общественной жизни не должна исходить сверху вниз или от центра к периферии, а наоборот, снизу вверх и от периферии к центру — по принципу свободной ассоциации и федерации. Детальная программа анархистского переустройства мира включала в себя следующие пункты:

1. *Политическая организация*: упразднение государственной церкви, свобода совести; уничтожение государства как института; свобода печати, слова, собраний, союзов; абсолютная автономия общин с правом самоуправления и издания собственных законов; провинция как совокупность общин, а нация — как совокупность провинций.

2. *Социальная организация*: ликвидация права наследования; создание фонда общественного воспитания, занимающегося детьми вплоть до их совершеннолетия; каждый должен работать, чтобы жить; поверхность и недрами земли распоряжаются те, кто их обрабатывает; половое равенство, упразднение легальной семьи и института брака и т.д.

Многие идеи Бакунина впоследствии были восприняты народничеством, например, своим идеалом народническая организация «Земля и воля» провозгласила анархию и коллективизм, которых нужно достичь с помощью революционного переворота.

Обратите внимание

Ф.М. Достоевский описал в своем знаменитом романе «Бесы» деятельность и идейные воззрения реального народовольца **С.Г. Нечаева** и созданной им в 1869 г. тайной революционной организации «Народная расправа».

Князь **Кропоткин** — еще один крупнейший идеолог анархизма, представивший его историю как сменяющие друг друга «вспышки» под влиянием крупных общественных событий. Во времена Французской революции появился **Уильям Годвин** (1756–1836), неудавшейся революции 1848 г. — **Пьер Жозеф Прудон** (1809–1865), неудач французской Коммуны — Бакунин. Кропоткин тоже писал о том, что власть — всегда зло, даже если ее избрали свободно.

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками, и обычаями, так же свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

П.А. Кропоткин, «Современная наука и анархия»

Кропоткин следовал Бакунину в неприятии частной собственности. Вместе с тем, он внес некоторые новшества в идеологию анархизма, основы которой разработал его предшественник, определив свою теорию как *анархо-коммунизм* и настаивая на том, что анархистская концепция общества должна соответствовать уровню развития научного знания, представленному тогда позитивизмом.

КРОПОТКИН, Петр Алексеевич (1842, Москва — 1921, Дмитров) — русский философ, географ, зоолог, социолог, стремившийся, как и многие выдающиеся ученые конца XIX — начала XX вв., к достижению гармоничного синтеза науки и этики, социологии и биологии. Радикальный левый теоретик (предложил концепцию *анархо-коммунизма*) и идеолог анархизма; он считается одним из основателей и русского, и английского течений данной идеологии; революционер.

*Петр Алексеевич КРОПОТКИН
(1842, Москва — 1921, Дмитров)
— русский философ, географ,
зоолог, социолог, стремившийся,
как и многие выдающиеся ученые
конца XIX — начала XX вв.,
к достижению гармоничного
синтеза науки и этики,
социологии и биологии*

Автор ряда сочинений, среди которых: «Речи бунтовщика» (1885); «Хлеб и Воля» (1892); «Современная наука и анархия» (1892); «Поля, фабрики и мастерские» (1898); «Анархизм. Его философия и его идеал» (пер. с франц. 1900); «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902); «Государство, его роль в истории» (1904); «Анархия и ее философия» (1905); «Великая Французская революция. 1789–1793 гг.» (1909, рус. публ. 1979); «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (пер. с англ. 1922); «Этика» (незакончена, опубл. 1922) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Кропоткин в «Хлебе и Воле» предложил новое видение политической экономии как науки, изучающей потребности людей и наилучшие способы их удовлетворения при минимальных затратах человеческой энергии, а в работе 1898 — развитые уже современными теоретиками положения о том, что чрезмерная концентрация экономической деятельности может привести к росту хозяйственной неэффективности.

По словам самого Кропоткина, главная цель его активности как революционера и как ученого — придать оригинальному принципу анархо-коммунизма научное обоснование и выработать соответствующее мировоззрение, которое позволило бы осуществить коммунизм и анархизм на практике. Он разделял представление о государстве как об «абсолютном зле», порабащавшем человека уже с детства, и главном источнике социальных бед, подлежащем уничтожению. Но именно попытка философа создать позитивную программу анархизма в виде идеального устройства общества в противовес монополии стихийного антиэтатизма отличает его идеологический вариант от концепций предшественников. Кропоткин считал реалистичным целенаправленное движение к анархо-коммунистической модели общественного устройства, основанного на федерации свободных производственных коммун, что открывало бы личности возможности безграничного развития, ранее отобранные у нее репрессивным бюрократическим государством.

От апологии «тотального отрицания», изложенной в «Речах бунтовщика», Кропоткин перешел к обоснованию анархо-коммунизма путем создания «индуктивно-эволюционным методом» «синтетической теории», соединяющей естественнонаучные и социальные исследования. В данной теории человечество и природа рассматривались в «органической» взаимосвязи, так что это была радикальная модель «экологии человека».

Социально-политические концепции Кропоткина построены на предложенном им всеобщем «законе взаимной помощи». Главная движущая сила эволюции видов (равно как и прогресса человечества) — сотрудничество, взаимопомощь, которые и в животном мире, и в человеческом обществе являются доминирующей тенденцией, правилом, а не исключением. Правда, он признавал, что ряд экономических, политических и территориальных форм организации человеческого общества может сильно затруднять свободную взаимопомощь. Однако даже капиталистическое государство не в состоянии полностью подавить свободную взаимопомощь, выраженную в распространении различных автономных ассоциаций, таких как профсоюзы, объединения на основе неполитических интересов и т.п. Развитие форм человеческого об-

щества тоже связано с реализацией закона взаимной помощи — первобытные племена сменяются сельскими общинами, потом вольными городами, а уже затем государствами. Данная типология человеческого общежития — основа историософии Кропоткина с ее «циклическим» видением истории: великие цивилизации древности уже прошли по этому пути, завершавшемся их гибелью, а современная европейская цивилизация также приближается к «закату», который должен стать началом перехода к анархо-коммунистическому строю без государства и принуждения, без политической власти и лидеров, без розни и вражды. Базисом анархо-коммунистического общества Кропоткин видел сочетание взаимной помощи, солидарности и «децентрализма» (в т.ч. как формы регионализма, ведущего к обмену товарами и информацией между федерациями коммун); главный элемент анархо-коммунизма — самоуправляющаяся производственная коммуна. Подобно создателям классических утопий, Кропоткин тщательно описывал все стороны жизни такой коммуны (например, возраст работающих членов коммуны — 20–40 лет, рабочий день — до 5 часов и т.д.). Особое внимание он уделял образованию, построенному на либертариистских принципах, — оно должно облегчать выбор, воспитывать ответственность, а не просто «ковать характер».

Кропоткин даже в начале своей революционной деятельности не был ярким сторонником (как, впрочем, и практиком) неограниченного насилия для достижения равенства и справедливости, усматривая главный смысл революции в создании альтернативных существующим социальным институтам и форм поведения, в общем изменении социальной среды. Его идеи о местном самоуправлении и пользе местных инициатив, требования ограничить централистские притязания государства и призывы к децентрализации, помимо значительного влияния в конце XIX — начале XX вв. и даже частичной реализации анархическим движением в Испании, актуальны и по сей день.

В 1903 г. Кропоткин и его единомышленники стали издавать первый орган русских анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». Тогда же появилась первая анархистская организация в г. Белостоке. В начале XX в. русский анархизм представлял собой пеструю совокупность разнообразных течений — от «безначальцев», проповедовавших крайний анархизм разрушительного типа, и «чернознаменцев», стоящих на позициях революционного террора против эксплуататорских классов, вплоть до «христианского анархизма» Льва Толстого, ратовавшего за христианские общины как антипод государства.

Анархизм оказал сильнейшее влияние на ход Октябрьской революции 1917 г. и на содержание большевистской идеологии. И в русской эмигрантской среде анархистские идеи излагались в работах *А.А. Солоневича*, *А.А. Карелина* (так называемый мистический анархизм 1920-х гг.).

Современные формы анархизма (пережившего на Западе всплеск активности в период молодежных бунтов конца 1960-х гг.) отличаются огромным разнообразием. Сегодня в литературе можно встретить упоминания об анархизме экологическом, леворадикальном, контркультурном, революционном, этнонациональном и т.д., но по-прежнему жива идеология классического анархизма.

Современное идейно-политическое развитие показывает, что, наряду с распадом «больших» идеологий на более мелкие, различающиеся множеством тончайших особенностей, все же сохраняют свое значение либерализм, консерватизм и социализм, между которыми идут сложные процессы взаимопереплетения, притяжения и отталкивания. На рубеже столетий вновь активизировался национализм. Явный **неоанархистский** потенциал приобретает в XXI в. движение *антиглобалистов* (среди его идеологов уже выделился итальянец *Тони Негри*).

Вопросы для семинарского занятия

1. В чем сущность понятия политической идеологии, каковы ее структура и функции?
2. Дайте характеристику основных идеологических течений: либерализма, консерватизма, социализма, фашизма, национализма и анархизма. Какие из них сохраняют свое значение сегодня?
3. Есть ли современной России доминирующая идеология?
4. Какие политические ценности преобладают в политическом сознании россиян?
5. Прокомментируйте п. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной». Какие идеологии из ныне действующих в РФ вы могли бы назвать?
6. Назовите представителей различных идеологических течений в царской России конца XIX — начала XX в.?
7. На какие традиционные русские ценности опирался марксизм-ленинизм? Что он заимствовал из западной традиции?
8. Каковы могут быть перспективы анархистских идей в эпоху глобализации?
9. В чем можно обнаружить черты различий и сходства между крайне правыми и крайне левыми идеологиями?

Тексты

- Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? — *Антология мировой политической мысли* в 5 томах. — Т. 2. — М., 1997.
- Геллнер Э. *Нации и национализм*. — М., 1991.
- Мангейм К. Идеология и утопия. — Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. — М., 1994.
- Мангейм К. Консервативная мысль. — Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. — М., 1994.
- Мао Цзэдун. О новой демократии. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Муссолини Б. Доктрина фашизма. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Мизес Л., фон. Либерализм в классической традиции. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т. 3.
- Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. — *Полис*, 1992. — № 1–2.

Дополнительная литература

- Алексеева Т.А. Либерализм как политическая идеология. — *Полития*, 2000. — № 1.
- Алексеева Т.А. *Современные политические теории*. — М., 2000.
- Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор). — *Полис*, 1995. — № 4.
- Гарвардский анархист: Роберт Нозик. — Боррадори Дж. *Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном*. — М., 1998.
- Капустин Б.Г. *Идеология и политика в посткоммунистической России*. — М., 2000.
- Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян. — *Полис*, 1994. — № 1.
- Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России). — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. — М., 2000.
- Опыт русского либерализма. Антология*. — М., 1997.
- Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?). — *Полис*, 2001. — № 1.

Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. — М., 1998.

Утопия и утопическое мышление. — М., 1991.

Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество. — *Полис*, 1997. — № 5, 6.

Шацкий Е. *Утопия и традиция.* — М., 1990.

Щербинин А.И. «С картинки в твоем букваре», или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации. — *Полис*, 1999. — № 1.

Шапиро И. Введение в типологию либерализма. — *Полис*, 1994. — № 3.

Этнос и политика. Хрестоматия. (Авт.-сост. А.А. Празаускас). — М., 2000.

Мировая политическая система и международные отношения

World Political System and International Relations

Программные тезисы

- Исторический экскурс в развитие мировой политической системы. Формирование Вестфальской модели мира и ее эволюция.
- Теоретическое осмысление политического развития мира. Школы реализма и неореализма; либерализма и неолиберализма. Неомарксистский и постмодернистский подходы. Сравнительный анализ различных теоретических школ и подходов к изучению международных отношений и мировой политики.
- Тенденции современного развития политической структуры мира. Различные мнения о глобализации: постоянно идущий исторический процесс; гомогенизация и универсализация мира; проявление открытости национальных границ. Вклад новых информационных, коммуникационных технологий и биотехнологий в процесс глобализации. Противоречия и сложности глобализации.
- Эрозия Вестфальской модели мира в связи с процессами глобализации, появлением новых участников на международной сцене (неправительственных организаций, внутриполитических регионов, ТНК и др.). Окончание холодной войны и распад Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.
- Возможные сценарии политического миропорядка в начале XXI в. («конец истории», «столкновение цивилизаций» и др.). Дискуссии относительно много- и однополярности мира.
- Соотношение предметных областей мировой политики, международных отношений, сравнительной политологии. Проблемы и тенденции в развитии международных исследований.

Проблемные вопросы

1. Что менялось либо что оставалось неизменным в мировой политической системе на протяжении исторического пути ее развития?
2. Какими процессами и факторами определяется мировая политика сегодня?
3. Глобализация: миф или реальность?
4. Мировая и внутренняя политика: каково их взаимовлияние?
5. Каков вклад теории в формирование мировой политики?
6. Какая теоретическая школа международных исследований и какие аспекты современной политической системы мира описывает наиболее точно?
7. Каковы перспективы развития мировой политики как науки, ее соотношение с другими дисциплинами?
8. Мировая политическая система будущего: каковы ее основные черты?

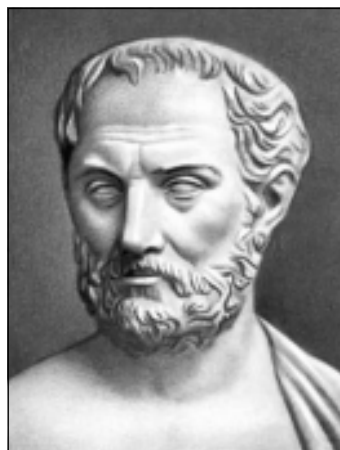

1. МИРОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПРЕДЫСТОРИЯ И ВЕСТФАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

1.1. Начальное развитие мировой политической системы

С глубокой древности люди стремились жить сообща. Уже их первые поселения (деревни и города) контактировали — торговали или воевали, заключали договоры даже с различного рода представителями, какими-либо иными способами общались между собой. Весь этот процесс можно считать прообразом (архетипом) международных отношений.

В исторической памяти и источниках сохранилось множество сведений о том, как осуществлялись подобные взаимодействия. Одна из первых таких работ — описание древнегреческим историком **Фукидидом** (около 460–396 до н.э.) Пелопоннесской войны (431–404 до н.э.) между союзами полисов: Делосским во главе с Афинами и Пелопоннесским с лидером Спартой. Мелосский диалог Фукидида дает классический пример использования силы в качестве главного фактора при решении международных дел.

ФУКИДИД (ок. 460 – 396 до н.э.) – древнегреческий историк, автор труда «История» (в 8 книгах); из-за поражения у берегов Фракии во время Пелопоннесской войны в 424 г. подвергся осуждению в Афинах и провел в изгнании двадцать лет; считается одним из родоначальников реализма в политике.

Афиняне. ...Мы господствуем по праву, ибо сокрушили персов... По праву дела делаются между людьми, когда силы их равны, а по силе — когда сильнейший стоит на своем, а слабый уступает.

Мелляне. Мы, однако, думаем, что польза (говорим о пользе, ибо вы решили исходить из пользы вместо права) состоит не в том, чтобы вы вовсе отменили общее благо, но в том, чтобы и в опасности человеку всякий раз уделялось, что ему следует.

Афиняне. О конце нашего владычества мысль нас вовсе не смущает... Нам нужна не тягостная власть наша, а взаимовыгодное нам спасенье ваше.

Мелляне. Но если владычество полезно для вас, то какое рабство может быть полезно для нас?

Афиняне. Вас бы подчинение охраняло от ужаснейших бедствий, а нам было бы выгодно, чтобы вы не погибли.

Фукидид, «Афины против Мелоса»

Центры цивилизации, как известно, возникали не только в Европе. Высокого уровня развития достигли в древности культуры Китая, Индии, Японии, Ближнего Востока и Центральной

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР

1648 г. — два мирных договора, переговоры о достижении которых велись с 1644 г. в Мюнстере и Оснабрюке (Вестфалия), подписанных между Священной Римской империей германской нации и Францией в Мюнстере и между этой же Империей, с одной стороны, и Швецией с протестантскими германскими княжествами — с другой, в Оснабрюке. Вестфальский мир завершил Тридцатилетнюю войну (1618–1648), в которой участвовала по разным причинам (в т.ч. начале религиозным, а затем династическим, территориальным и т.п.) значительная часть европейских государств. Мир закрепил за Францией, Швецией и их союзниками немалые территориальные приобретения, право на вмешательство в дела Империи. Голландия и Швейцарская конфедерация получили государственный суверенитет, а германские князья — права суверенных государей. Тогда Священная Римская империя германской нации превратилась в конгломерат независимых государств (около 300). Вестфальский мир признал религиозные права и свободы за лютеранами и кальвинистами.

Иногда к Вестфальскому миру относят также мирный договор 1648 г. между Голландией и Испанией, который завершил Восемидесятилетнюю войну между ➡

Америки. В Китае примерно тогда же, когда в античной Греции существовали города-полисы, сложились территориальные образования, усиленно использовавшие военные средства в борьбе за господство. Это описано в трактате древнекитайского полководца *Сунь-цзы* (VI–V вв. до н.э.) *«Искусство войны»*, который теоретизировал по поводу связи войны и политики, факторов победы и пр.

После периода экспансии, сменившегося распадом Арабского халифата, в X–XI вв. своего расцвета достигает арабская цивилизация того времени, в т.ч. арабо-мусульманская культура. В Европе это была эпоха «темных веков», а Япония подпала под сильное культурное влияние Китая. Впоследствии (с XVI в.) Япония изолировалась от остального мира, прежде всего от европейских цивилизационных влияний, вплоть до 1860-х гг. (начало периода *Мэйдзи*), когда ее правители приступили к модернизации и индустриализации страны.

В Латинской Америке цивилизация майя достигла наибольшего развития в III–X вв., а ацтеков и инков — к XV в. В Экваториальной Африке одно из самых ранних королевств образуется в Гане примерно в V в. В целом же африканские государства формируются после X в., но потом, начиная с XVI в., оказываются в сильной зависимости от европейцев, своей работорговлей открывших жестокий период истории континента.

Европа становится доминирующим регионом в мире примерно в XV–XVI вв., с эпохи Ренессанса и Реформации. На том этапе исторического развития человечества географические открытия позволили европейским странам овладеть новыми территориями; вместе с тем, европейцы вновь обратились к классической культуре античных Греции и Рима, что значительно повлияло на мироустройство. Итальянские города-государства переняли многие древнегреческие принципы международных взаимоотношений, включая принцип силы. В XIV столетии в Италии же образовались первые внешние представительства — прообразы современных дипломатических миссий.

Обратите внимание

Покровителем дипломатов был выбран бог плодородия (изначально), торговли и прибыли Гермес — символ чар, плутовства и хитрости. В греческой мифологии Гермеса называли еще заступником пастухов, путешественников, посланником богов — вестником их воли. Он считался очень красноречивым.

1.2. Этапы развития Вестфальской модели мира

Подписание **Вестфальского договора** в 1648 г. после окончания Тридцатилетней войны в Европе знаменовало историческую веху во всемирном развитии — именно тогда были заложены принципы формирования новой политической организации мира, распространившейся затем по всей планете и просуществовавшей до наших дней. Эта система в своих первоначалах восходит к отношениям между территориями в Древней Греции, Римской империи, а также итальянских городов позднего Средневековья. Главный смысл Вестфальского мира заключался в следующем: европейские государства, осознав сходство своих интересов, решили соединиться в международное сообщество для обсуждения политических намерений каждого из них и всех вместе; было санкционировано отделение протестантской церкви от римско-католической; признание самостоятельности немецких княжеств лишило Германию ее былого господства во внешнеполитической сфере; в мировые лидеры выдвинулись Франция и Швеция. Тем самым были заложены первые основы концепции равновесия сил в мировой политике.

Обратите внимание

Языком международного общения в середине и конце XVII в. была латынь. На ней был написан и Вестфальский договор. В XVIII в. латынь была заменена французским языком.

Вестфальский мир дал начало становлению новой системы международных отношений, впоследствии названной **государственно-центристской моделью мира**. Это стало возможным благодаря признанию принципа **национального суверенитета** в качестве одного из главных оснований международного общения: каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории и определяет собственную внешнюю политику, а другие государства обязаны уважать данное право. Именно с такой точки отсчета европейцы выстраивали структуру внутри- и межгосударственных отношений, подбирали соответствующие ей механизмы и аппараты управления, определяли необходимые политические и юридические нормы. С тех пор государство стало центром, исходной единицей для создания мировой политической системы.

Создатели Вестфальского мира хорошо понимали, что формируемый ими миропорядок не может строиться на ценностных ориентирах, в частности, на религии. Ценности

➤ ними (боевые действия с 1625 г. между Голландией и Испанией историки рассматривают одновременно как часть Тридцатилетней и как часть Восьмидесятилетней войн).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ — принцип, согласно которому нация-государство является источником высшей политической власти, осуществляемой в полной мере в пределах собственной территории (речь идет о законодательных, исполнительных, административных и судебных полномочиях) без вмешательства извне. В международных отношениях национальный суверенитет предполагает такой порядок, когда каждое государство самостоятельно формирует и проводит внешнюю политику, а также уважает право других государств действовать подобным образом (принцип суверенного равенства государств).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕНТРИСТСКАЯ (ВЕСТФАЛЬСКАЯ) МОДЕЛЬ МИРА — 1) аналитическая схема международных отношений, в которой главный объект рассмотрения — суверенное государство, его взаимодействия с подобными ему государствами как основными акторами на международной сцене; 2) сформированная Вестфальским договором 1648 г. система мироустройства, представляющая собой ➤

➔ совокупность наций-государств, ведущих самостоятельную внешнюю политику. В рамках Вестфальской системы суверенитет впервые становится атрибутом государства, а не монарха.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА — совокупность действий государства и его институтов за пределами своей суверенной территории для реализации национальных интересов. Принято считать, что внешняя политика есть воплощение на практике специализированным внешнеполитическим ведомством страны ее целей и интересов во взаимоотношениях с другими государственными субъектами, международными организациями и т.д.

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ) — структура межгосударственных отношений в Европе, сложившаяся после войн Наполеона I (1799–1814; 1815) и просуществовавшая, с серьезными изменениями, до Первой мировой войны. Ее принципы были заложены решениями Венского конгресса (1814–1815) — раннего общеевропейского (за исключением Турции) мирного урегулирования. Эта система базировалась на общем согласии наиболее могущественных европейских монархий (великих держав, включая ➔

не подлежат обсуждению и по ним не делают уступок. Именно поэтому в основу государственно-центристской модели мира были положены национальные интересы, по которым возможен поиск компромиссных решений.

Ж.-М. Гуэнно, «Глобализация и международная система»

Внешняя политика государств на первых стадиях развития государственно-центристской модели мира существенно отличалась от сегодняшней практики. Ее продумыванием и осуществлением занимались лишь представители аристократии, нередко имевшие между собой родственные связи. Но уже тогда, как и в наши дни, внешняя политика была направлена на регулирование межгосударственных отношений.

Сначала взаимодействие государств на международной сцене лишь частично упорядочивалось через союзы государств, которые по ряду направлений согласовывали свои внешнеполитические акции. При заключении *Утрехтского мира* (1713), завершившего войну за испанское наследство между Францией и Испанией, с одной стороны, и коалицией государств во главе с Великобританией — с другой, было применено понятие *баланса сил*, столь широко используемое в международных отношениях второй половины XX в.

В Старом Свете в конце XVIII — начале XIX в. возросла политическая роль Великобритании, первой страны, в которой произошёл промышленный переворот. Ее соперницей выступила Франция. Одновременно Испания, Швеция, Нидерланды, стали терять былую мощь, а значит, и внешнеполитический авторитет. Тогда же заметно усилились Пруссия и Россия, выдвинувшиеся в ряд важнейших стран-участниц международных отношений.

Наполеоновские войны, последовавшие за Французской революцией, закончились поражением Франции. **Венский конгресс** (1815) подвел итоги этих сражений и подтвердил значимость нарушенного в их ходе принципа национального суверенитета. Так в Европе начал выстраиваться обновленный порядок отношений государств, получивший название **Венская система международных отношений (Европейский концерт)**. Ведущие страны континента попытались найти основания сотрудничества для пресечения возможных поползновений решать межгосударственные противоречия военными методами. По сути они восстановили равновесие (баланс) сил, просуществовавшее вплоть до конца XIX в., когда вновь возобладал принцип силовой политики.

К началу XX в. на мировой сцене опять сменилась конфигурация ведущих держав: в их числе стали заметны прежде всего США (они добились экономического доминирования), а также Япония, Германия и Италия. С этого времени Европа перестала быть единственным континентом, где формировались новые страны-лидеры.

Знаменательными для XX столетия явились две мировые войны. Первая мировая война (1914–1918) закончилась поражением Германии. В июне 1919 г. в Версале был подписан мирный договор с Германией, зафиксировавший ее новые территориальные границы; отдельные мирные договоры были заключены и с союзниками этой державы. Версальский пакет соглашений положил начало организации международного порядка, ориентированного на обеспечение мирных основ отношений между государствами, в т.ч. путем новаторских инициатив по созданию систем коллективной и региональной безопасности.

Обратите внимание

В результате Первой мировой войны Германия потеряла примерно 13,5% своей территории, 10% населения и колонии. Мировое сообщество признало, что именно Германия и ее союзники несут ответственность за все потери и разрушения, вызванные войной.

В Версальский мирный договор (и в другие аналогичные акты) был включен статут **Лиги Наций** — международной межправительственной организации с такими основными целями, как развитие сотрудничества между народами, гарантии мира и безопасности. Первоначально его подписали 44 государства. (США не ратифицировали этот договор и не вошли в состав Лиги.)

Формирования системы международных отношений после окончания первой мировой войны завершилось на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., созванной по инициативе США и призванной закрепить новую расстановку сил в Тихоокеанском регионе. Само же мироустройство между двумя мировыми войнами было именовано **Версальско-Вашингтонской системой международных отношений**.

После окончания второй мировой войны (1939–1945) была сконструирована следующая система международных отношений — **Ялтинско-Потсдамская** — как и предыдущие, признанная частью Вестфальской модели мира. Положение о балансе сил, которому в свое время Лига Наций старалась противопоставить прин-

➤ Россию) относительно территориального и политического статус-кво в Европе; она предполагала возможность коллективного вмешательства в дела тех государств, которым угрожают революции, равно как и требование дипломатических консультаций по территориальным и пр. проблемам. В XIX в. в Европе «именно традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и развал союзов, изменение сфер влияния» (Г. Киссинджер, «Дипломатия»).

ЛИГА НАЦИЙ — международная организация, учрежденная на Парижской мирной конференции (Устав был принят в 1919 г.; торжественно открыта в 1920 г.) по инициативе союзников-победителей в первой мировой войне для развития сотрудничества между народами, обеспечения мира и безопасности (в Уставе был заложен принцип коллективной безопасности), мирного решения межгосударственных противоречий (третейским разбирательством, Советом Лиги или ее Ассамблеей), сокращения вооружений и т.п. Лига не стала всемирной организацией — не все великие державы входили в нее (например, Германия и Япония вышли из ее состава в 1934, членство СССР — 1934–1939 гг.), потому была не в состоянии пресечь ➤

➔ многочисленные агрессии в предвоенный период (из-за неспособности организовать коллективные действия) и предотвратить вторую мировую войну. Она фактически прекратила свое существование с 1939 г. (формально распущена в 1946), однако многие элементы ее структуры, процедуры и цели восприняла ООН.

ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ — миропорядок, основы которого были заложены Версальским мирным договором 1919 г., договором с союзниками Германии, а также соглашениями, заключенными на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Европейская часть этой системы (иначе — *Версальская*) в значимой мере была создана под влиянием политических и военно-стратегических соображений стран-победительниц при игнорировании интересов побежденных и вновь образованных стран (в Европе — 9), что делало эту структуру уязвимой из-за требований ее преобразования и не способствовало долговременной стабильности в мировых делах. Отказ США от участия в функционировании Версальской системы, изоляция России и антигерманская направленность превращали ее в несбалансированную и неуниверсальную, что увеличивало потенциал будущего мирового конфликта. ➔

цип коллективной безопасности, опять стало одним из ключевых элементов мироустройства второй половины XX в. Однако в геополитическом и военно-стратегическом планах мир оказался разделенным на сферы влияния между двумя сверхдержавами — СССР и США — и их союзниками; за сохранение и распространение этого влияния шла ожесточенная борьба, во многом обусловленная также идеологическими соображениями. Впоследствии такая структура миропорядка была определена как *биполярная* (двухполюсная).

Международные отношения после Второй мировой войны складывались сложно и противоречиво. Создание **Организации Объединенных Наций** (1945), разработка ее принципов (в т.ч. многосторонней дипломатии) положили начало современному международному праву и развитию механизма его действия. ООН в течение более полувека эффективно способствует обеспечению мира и международной безопасности при помощи особых способов урегулирования конфликтов интересов на мировой сцене. Этому же содействует заключение многосторонних и двусторонних межгосударственных договоров о сотрудничестве. Важной вехой стало подписание в 1975 г. в Хельсинки **Заключительного акта** Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, содержащего положения об активизации взаимодействий стран-участниц в области экономики, науки и техники, экологии, культуры, образования, соблюдения прав человека, свободы информации и контактов между людьми (так называемая *третья корзина*). Было образовано **СБСЕ** (впоследствии **ОБСЕ**).

Вместе с тем, именно в послевоенный период появился новый тип конфронтации — **холодная война**. Мир фактически раскололся на два блока, соперничество которых не раз приводило к ситуации, граничащей с мировым конфликтом. Одним из наиболее опасных был Карибский (Кубинский) кризис 1962 г., когда США и СССР всерьез рассматривали возможность обмена ядерными ударами. Противостоящие сверхдержавы создали военные союзы — **НАТО** и **ОВД**.

На рубеже 1990-х гг. после крушения «реального социализма» в СССР и странах Центральной и Восточной Европы, распада ОВД, а затем и самого Советского Союза, что означало фактическое прекращение холодной войны, задача переоформления международных отношений состояла в определении новых принципов и практического контура мира и безопасности на основе многосторонних отношений сотрудничества свободной ассоциации государств. Сначала «крах коммунизма» и «победа Запада в хо-

лодной войне» были восприняты в стиле политического романтизма: многие аналитики, особенно в США, вслед за **Фрэнсисом Фукуямой**, автором статьи «Конец истории?» (1989), предрекали в дальнейшем отсутствие силовых методов разрешения споров, вооруженных конфликтов ввиду полной победы либерально-демократического подхода к строению политической системы мира и международных отношений. Затем резкое усиление напряженности, всплеск вооруженных конфликтов, особенно в Европе (что вызвало сильнейшую озабоченность мирового сообщества), породили прямо противоположные настроения, теоретически сформулированные в 1993 г. **Сэмюэлом Хантингтоном** как вероятное столкновение цивилизаций.

Таковы в общих чертах этапы становления Вестфальской модели мира, просуществовавшей, в различных модификациях, более 350 лет. В последние годы XX столетия многие политики и ученые начали прогнозировать распад этой системы организации миропорядка.

Интерпретация

Одна из самых больших мин, заложенных в Европе, — писал в 1991 г. Дж. Мроз (США), — растущая пропасть между процветающим Западом и бедной Центральной Европой, принадлежавшей раньше к восточному блоку, и еще более бедными Балканами и СССР. Весьма вероятно, это будет вести к социальной нестабильности, попыткам выравнивания, что, возможно, выльется в открытые конфликты.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Концептуальные подходы к осмыслению международных отношений на протяжении истории постоянно развивались и неоднократно изменялись, оказывая при этом влияние друг на друга. Насыщенность XX в. событиями — две мировые и холодная войны, создание оружия массового поражения и т.п. — вывели политическую науку на новый теоретический уровень, многократно усложнив структуру и содержание международных исследований. В настоящее время основными считаются такие обобщенные теоретические школы, как реализм (неореализм), либерализм (неолиберализм), неомарксизм и постмодернизм.

➔ *Вашингтонская система*, распространяющаяся на АТР, отличалась несколько большим равновесием, но тоже была неуниверсальной. Ее нестабильность обуславливали неопределенность политического развития Китая, милитаристский внешнеполитический курс Японии и изоляционизм США.

ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ — порядок мироустройства, возникший после Второй мировой войны. Его основу заложили договоренности признавших сферы влияния друг друга великих держав — победительниц в мировом конфликте, оформленные на Ялтинской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях. Основные черты этой системы — *биполярность*, обусловленная относительным военным, политическим и экономическим превосходством двух сверхдержав (СССР и США); наличие оружия массового поражения, способного многократно взаимоуничтожить новые полюса миропорядка; военно-политические блоки, сформированные вокруг сверхдержав, находившихся в противостоянии (конфронтации).

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ООН) — международная организация суверенных государств, учрежденная в 1945 г. после ратификации Устава ➔

➔ Объединенных Наций, подписанного 51 государством на Учредительной конференции в Сан-Франциско в июне 1945. Этот документ был предварительно разработан на конференции в Думбартон-Оксе (1944) представителями СССР, США, Великобритании и Китая. На конец 2000 г. в ООН входили 189 государств. *Цели ООН*: поддержание международного мира и безопасности; развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципов равноправия и самоопределения народов; содействие международному сотрудничеству по разрешению проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера; поощрение уважения к правам человека; выполнение функций центра для согласования действий наций в достижении общих целей. Частью Устава ООН является Статут Международного суда. В структуре ООН — 6 главных органов: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), Совет по опеке, Секретариат, Международный суд.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ — ОБСЕ (англ. Organization for Security and Co-operation in Europe — OSCE) — региональное объединение, созданное для поддержания безопасности и ➔

2.1. Реализм и неореализм

Теоретическая школа **реализма** своими идеями восходит к работам *Фукидида*, *Макиавелли*, *Гоббса* и др. Среди ее представителей прежде всего выделяются *Эдвард Карр* (1892–1982), *Джордж Кеннан* (род. 1904), *Ганс Моргантау*, *Рейнхольд Нибур* (1892–1971).

Реалисты исходят из того, что политика руководствуется объективными законами, обусловленными человеческим естеством, усилия по изменению которых обречены на провал, потому возможна теория, лишь относительно отражающая эти законы. В предельно краткой формулировке реалистический подход в его развитом виде сводится к двум тезисам. Во-первых, отсутствие в мире центральной власти — основной для государств фактор, который заставляет их ориентироваться в первую очередь на свою защиту, безопасность и возможно более полное обеспечение собственных интересов. Во-вторых, сотрудничество различных стран — это результат сходства национальных интересов, противостояние — следствие их различия. Реализм в качестве научной школы подчеркивает роль национальных интересов и принципа силы, а также критикует «наивный идеализм» рассмотрения международных отношений межвоенного периода.

Интерпретация

Шесть общих принципов теории реализма *Моргантау*:

1. Политика, как и общество в целом, управляется *объективными* законами, укорененными в неизменной и далеко не совершенной природе человека, попытки изменения которых всегда обречены на неудачу; можно создать теорию, более или менее отражающую эти законы.
2. «Политический реализм учитывает значимость политического действия с моральной точки зрения. Он также учитывает неизбежное *противоречие* между моральным предписанием и требованиями политического действия».
3. Основной признак политического реализма — концепция *интереса*, определяемого в терминах *власти* (силы — англ. power), которая рационально упорядочивает предмет политики, тем самым делая возможным ее теоретическое понимание.
4. Интерес, определяемый как *власть* — *объективная*, универсально обоснованная категория, но не потому, что она якобы установлена раз и навсегда; содержание и способ властвования обусловлены политическим и культурным контекстом.
5. *Отказ* от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами, т.е.

ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель, на установление того, «что хорошо, а что плохо» с моральной точки зрения; именно концепция интереса предотвращает злоупотребления такого рода.

6. Политическая сфера является *автономной*; для политика определение интереса в качестве власти — то же самое, что для экономиста определение интереса в качестве богатства.

Реалисты рассматривают государство в качестве единицы (англ. unit) анализа и видят международные отношения как довольно хаотичное их взаимодействие на мировой сцене — поле острого противоборства. Внешнеполитическая стратегия каждого члена мирового сообщества должна исходить из трех «гоббсовских» мотивов: достижение безопасности государства; удовлетворение экономических требований политически влиятельных слоев населения; повышение авторитета страны в мировых делах.

Существование государств и самой мировой политической системы зависит от верного следования каждого из них собственным национальным интересам и расчетов своих действительных возможностей. При этом реалисты оценивают поведение государств с этической точки зрения, а также учитывают неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия как такового.

Национальный интерес (англ. national interest) — одна из ключевых категорий в теории реализма. Совокупность национальных интересов, согласно этому подходу, имеет объективный характер, поскольку определяется объективными же факторами, такими как традиции, неизменность человеческой натуры, географические условия и т.п. Однако понимание национальных интересов конкретными политиками может быть различным.

Для реалистов самое эффективное средство сохранения мира — международный (региональный) **баланс сил** не только как равнодействующая столкновения национальных интересов, к обеспечению которых стремятся государства, но и как результат единства культур человечества, взаимного уважения суверенными сообществами прав друг друга и согласия по основным моральным принципам внешней политики.

Внешняя политика, как вообще любая политика, является борьбой за власть. И какими бы ни были цели внешней политики, стремление к власти всегда в них присутствует в качестве основного мотива.

Г. Моргантау, «Политические отношения между государствами»

➤ развития сотрудничества «от Ванкувера до Владивостока». Членами ОБСЕ являются 55 государств из Евроатлантического, в т. ч. Канада и США, и Евроазиатского регионов, включая центральноазиатские страны. Они пользуются равными правами (принцип суверенного равенства). Возникла в результате институционализации в 1975 г. СБСЕ — Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (начало работу в 1973) — и приданию ему новых функций и механизмов в 1995 г. (решение о преобразовании Совещания в Организацию на встрече в Будапеште в 1994 г.). *Цели ОБСЕ*: содействие улучшению взаимных отношений участников; признание неделимости европейской безопасности, а также связи мира и безопасности в Европе и на всей Земле; увеличение вклада стран-участниц в соблюдение прав человека, экономический и социальный прогресс и благосостояние всех народов. Подход ОБСЕ к обеспечению безопасности является всеобъемлющим и включает вопросы контроля над вооружениями, превентивной дипломатии, создания мер по повышению доверия, гарантиям прав человека, мониторингу выборов, обеспечению экономической и экологической безопасности и т.д.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА — политическое, идеологическое, экономическое и военно-стратегическое (гонка ➤

➔ вооружений) соперничество социалистической (восточный блок — СССР и его союзники) и капиталистической (западный — США и их союзники) систем, сопровождавшееся их ограниченным (локальным) вооруженным противостоянием (например, во Вьетнаме, Афганистане). Объявление холодной войны связывают с речью У. Черчилля в 1946 г. в Фултоне (США).

НАТО (англ. NATO — North Atlantic Treaty Organization); **ОРГАНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА** — военно-политический союз государств, созданный на основе подписанного в 1949 г. в Вашингтоне Североатлантического договора для обеспечения коллективной безопасности (обороны) стран-участниц (в соответствии со ст. 5). В 1949 г. в ее состав входили 12 государств, в 1982 г. — 16, с 1999 г. — 19.

ОВД (ОРГАНИЗАЦИЯ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА) — военно-политический союз государств, образованный на основе Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (вступил в силу в 1955 г.) для обеспечения коллективной обороны. Договор был подписан 8 странами, однако в 1968 из ОВД вышла Албания, в 1990 — Восточная Германия (бывшая ГДР). Прекратила существование в 1991 г. из-за ➔

Реалисты исходят из того, что государства при защите собственных интересов обязаны идти на соглашения, достигаемые путем взаимных уступок — *компромиссы*, сдерживать свое стремление к власти (доминированию в мировой политике), если это оправданно. Компромиссу не подлежат только жизненно важные интересы. Государства участвуют в международных отношениях посредством **дипломатии**. При этом внешнеполитические цели государств непременно формулируются сквозь призму национальных интересов и должны быть поддержаны соответствующими ресурсами.

МОРГЕНТАУ (Morgenthau), **Ганс** (1904, Кобург, Германия — 1980, Нью-Йорк) — американский политический теоретик и историк, занимавшийся проблематикой международных отношений; один из основателей классической теории реализма. После прихода нацистов к власти в Германии в 1937 эмигрировал в США, где был профессором университетов Канзаса, Чикаго, Нью-Йорка и др. В 1944–1961 возглавлял Центр по изучению американской внешней и военной политики (Чикаго); неоднократно выступал в качестве внешнеполитического советника правительства США.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Человек науки против политики силы» (1946); «Политические отношения между государствами. Борьба за власть и мир» (1948; неоднократно переизд.); «В защиту национального интереса. Критическое исследование американской внешней политики» (1951); «Политические дилеммы» (1958); «Предназначение американской политики» (1960); «Политика в двадцатом веке» (1962); «Новая внешняя политика для США» (1969); «Правда и власть» (1970).

Вклад в развитие политической мысли. Основное внимание Моргентау уделял развитию основ теории реализма, способной, по его мнению, не только объяснять международные отношения, но и эффективно влиять на разработку внешнеполитического курса; он также занимался проблемами международных отношений в эпоху ядерного противостояния, основополагающими принципами американской демократии, внутривластными вопросами (способы обеспечения равенства и процветания всех граждан в условиях свободы).

Будучи носителем европейской интеллектуальной традиции, заложенный Макиавелли, Гоббсом и др., Моргентау подвергал критике присущий американской политической и социальной философии оптимизм относительно природы человека, всемогущий разум, универсальности американских ценностей и интересов. По его мнению, это приводило к преобладанию во внешней политике США идеализма, морализма, «сентиментализма и неоиоляционизма», которым следовало бы противопоставить учет интересов и возможностей других государств.

В центре воззрений Моргентау — категории власти/влияния и национального интереса, «понимаемого в терминах власти». Политика определяется им как свойственная человеческой природе борьба за

власть, которая может принимать формы столкновения интересов (отсюда — соперничество, соревнование, конфликт) или их совпадения (сотрудничество). Это положение верно и в международных отношениях, где цель государств — приобретение и увеличение власти, понимаемой в самом широком смысле (как мощь, гарантии безопасности и процветания и т.д.). Таким образом, международные отношения — достаточно враждебная среда. В системе международных отношений, главными составными частями которой являются суверенные нации-государства, сохранение государств и самой системы зависит от верного следования национальным интересам и расчетам возможностей государства. Национальные интересы имеют объективный характер, поскольку определяются объективными же факторами, такими как традиции, неизменная природа человека, географические условия и т.п. Однако восприятие национальных интересов со стороны конкретных политиков может различаться. Самым эффективным средством сохранения мира является международный (региональный) баланс (равновесие) сил, возникающий не только из столкновения национальных интересов, к обеспечению которых стремятся государства, но и, как следует из поздних работ Моргентау, из единства культур, взаимного уважения прав друг друга и согласия относительно основных моральных принципов. Последнее является, по мнению Моргентау, предпосылкой оптимального международного порядка.

Для Моргентау реализм во внешней политике состоит не только в том, что государства должны защищать свои «сегменты» власти в международных отношениях, но и в требовании идти на компромиссы, уступать, сдерживать (свое и чужое) стремление к власти (иначе говоря, ориентироваться на баланс сил), если это оправданно. Отсюда следует, что наилучшим способом участия в мировой политике является *дипломатия*, основными правилами которой являются следующие положения: «дипломатия должна быть свободна от духа крестовых походов»; «внешнеполитические цели должны формулироваться сквозь призму национального интереса и быть поддержаны адекватной мощью»; «дипломатия должна оценивать политическую ситуацию с точки зрения других государств»; «государства должны быть готовы идти на компромиссы по любым вопросам, за исключением жизненно важных»; «никогда не ставьте себя в положение, из которого нельзя выйти без потери лица, что чревато в дальнейшем серьезными осложнениями»; «никогда не позволяйте слабому союзнику принимать за вас решения»; «вооруженные силы являются инструментом внешней политики, но не они должны ее определять».

Моргентау считал абсурдными доводы (например, Г. Кана) о возможности выживания и победы в ядерной войне, указывая, что такие сценарии и расчеты не более чем «политическая научная фантастика»; критиковал тех политиков, которые принимали решения, исходя из логики, что ядерное оружие — это всего лишь еще один вид оружия, на том основании, что их мнения приводят к иррациональной политике, т. е. к отсутствию рациональной связи между целями и средствами, а это повышает опасность ядерной войны.

➤ антикоммунистических и антисоветских (преимущественно «бархатных») революций в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ), неспособности руководства распадающегося СССР сохранить в этом регионе свое влияние. Варшавский договор как реакция СССР на создание НАТО и принятие в ее состав ФРГ предусматривал объединенное военное командование и размещение советских войск на территориях стран-участниц. Его конечная цель, по мысли разработчиков — консолидация всего советского блока перед угрозой Запада и усиление влияния СССР в странах ЦВЕ, хотя в Договор было внесено положение о его временном характере (до всеобъемлющего пакта о безопасности в Европе).

РЕАЛИЗМ (англ. realism) — старейший теоретический подход в исследованиях мировой политики, требующий предельно точно (реалистично) описывать международные отношения (т. е. «то, что есть, а не то, что должно быть») и руководствоваться рядом обеспечивающих это принципов: международные отношения — отношения между государствами и их взаимодействия (интеракции); государства стремятся к обретению могущества (силы, власти), поскольку в анархической среде международных отношений у них нет других ➤

➔ гарантий безопасности, кроме своей мощи (военной в особенности); действия государств определяются их стремлением к максимально возможной реализации собственных интересов; сфера политики самостоятельна и управляется объективными законами, укорененными в неизменной природе человека; государства постоянно ведут борьбу за выживание и т.п. Манифестом классического реализма являются «Шесть принципов» Моргантау.

БАЛАНС СИЛ (англ. balance of power) — ключевое положение в теории политического реализма, обозначающее ситуации равновесия между государствами. Может рассматриваться и как результат действия национальных правительств, и как порядок в международных отношениях, не зависящий от политиков. Концептуально восходит к работам Фукидида, но распространение получает с XVIII в., особенно при анализе британской и общеевропейской политики между войнами Наполеона I и первой мировой войной. Это положение основано на трактовке Гоббсом международных отношений как враждебной, анархической среды, в которой государства постоянно подвержены угрозе нападения и вынуждены поддерживать соизмеримый с соперниками силовой потенциал.

Реализм в своей начальной версии был довольно популярен в 1940–1950-е гг., отражая политические последствия Второй мировой, а затем и холодной войны. На переднем плане в исследованиях стояли государства и их соперничество, все остальное считалось вторичным. В межгосударственной конкуренции преимущественное значение имеет военная сфера. В рамках этой теории сложился подход, названный «**реалполитик**».

Вместе с тем, многие мировые (особенно европейские) процессы 1950–1970-х гг. (прежде всего развитие торговли, международного сотрудничества, интеграционных тенденций) с трудом поддавались объяснению в рамках классического реализма, потому потребовались изменения в самой теории. К концу 1970-х годов в целом сформировался **неореализм**; другое наименование — **структурный реализм**. Его фактическим основателем считается **Кеннет Уолтс**, работа которого «*Теория международных отношений*» становится манифестом неореалистического подхода.

Государства остались исходными единицами научного анализа, вместе с тем, они рассматриваются неореалистами не только сами по себе, но и с учетом образуемых ими структур (в т.ч. союзов, межправительственных организаций и пр.). Различия в поведении государств на мировой сцене неореалисты объясняют прежде всего их неодинаковым могуществом. Уолтс сравнил международные отношения с рынком, где государства, действуя, подобно фирмам, в своих интересах, конкурируют с одними и сотрудничают с другими членами мирового сообщества. При этом все же основной акцент в неореализме сделан на конфликте и соперничестве.

Когда страны сотрудничают и получают некую общую прибыль, они задаются вопросом, как разделить эту прибыль. При этом они вынуждены решать не только проблему того, получат ли они вообще прибыль, но и кто получит больше.

К. Уолтс, «Теория международных отношений»

УОЛТС (Waltz), **Кеннет** (род. 1924) — американский политолог, представитель теории неореализма; профессор политической науки университета Беркли и Колумбийского университета, в 1987–1988 — президент Американской ассоциации политической науки (APSA), член Американской академии искусств и наук. В 1999 за большой вклад в развитие политической науки удостоен премии им. Дж. Мэдисона.

Автор ряда известных работ, среди которых: «Человек, государство и война: теоретический анализ» (1959); «Внешняя политика и демократическая политика: американский и британский опыт» (1967); «Теория международной политики» (1979); «Распространение ядерного оружия: Чем больше, тем может быть лучше» (1981); «Распространение ядерного оружия: Дискуссия» (1995, соавт. С. Саган); «Применение силы: Военная мощь и международная политика» (5-е переизд. 1999, соавт. Р. Арт).

Вклад в развитие политической мысли. Основные научные интересы Уолтса — теоретические и методологические проблемы международных отношений как самостоятельной дисциплины; в настоящее время — комплекс проблем, связанных с ядерным оружием.

В книге «*Теория международной политики*», описавшей неореалистический подход, ученый выстраивает общую теорию международных отношений (МО) с помощью *дедуктивного* метода (рассмотрение реальной политики как информации, на которой проверяются априорные посылы разной степени вероятности). Критикуя *индуктивное* построение (создание концепций на обобщениях, восходящих от реальной политики к абстрактной теории) предшествующих теорий как охватывающее лишь видимые связи и не дающее их достаточной интерпретации, *структурный реализм* выводит из фундаментальных законов объяснение наблюдаемых феноменов МО. Уолтс предположил, что решающие силы в игре наций на мировой сцене находятся на уровне глобальной системы, но не на уровне акторов. Это было важно методологически: феномены системы МО нельзя объяснить через атрибуты (постоянные свойства) отдельных акторов, их групп, а также их взаимодействиям, ибо на уровне акторов изменения постоянны. Отсюда и характеристика Уолтса предыдущих теорий МО, в т.ч. классического реализма, как редукционистских (т.е. сводящих сложное к простому), поскольку при анализе явлений на уровне системы МО они ограничиваются исследованием государственных единиц и их взаимодействий, что, если и помогает описать ряд конкретных проблем, не позволяет сформулировать общую теорию. Итак, исходный пункт размышлений у Уолтса — *глобальная система* МО: «Поскольку разнообразие акторов и вариантов их поведения не соответствует разнообразию результатов, мы понимаем, что в игру вступают причины системного характера».

При анализе уровня акторов он адаптирует его к нуждам своей теории, обращаясь к экономической теории рынка (идеальной конкуренции). Тем самым система МО получает аналог в виде *рынка* как искусственной конструкции, созданной совместной игрой участников рыночных отношений, а те, в свою очередь, испытывают на себе влияние (давление) созданной ими системы, обладающей своими логикой и структурой. Однако в условиях «рынка МО» многие акторы действуют независимо, ибо рынок не обладает абсолютной властью.

Системный характер МО определяется свойствами *структуры* МО, которая направляет их развитие по известному пути. Уолтс видит два механизма воздействия структуры: 1) социализация акторов, т.е. взаим-

Кеннет УОЛТС (род. 1924) — американский политолог, представитель теории неореализма.

РЕАЛПОЛИТИК (нем. Realpolitik) — одно из направлений в классическом реализме, которое исходит из того, что государства должны готовиться к войне ради сохранения мира. В смягченной версии — принцип политической деятельности: главное внимание следует уделять тому, что реально можно осуществить; ориентироваться на действительные интересы соперника, а не на его декларации; быть готовым применить силу, но только тогда, когда все прочие варианты воздействия исчерпаны. Термин введен немецким публицистом *Людвигом фон Рошам* в 1853 г.

НЕОРЕАЛИЗМ (англ. neo-realism), или **структурный реализм** (англ. structural realism) — направление в политическом реализме, которое при сохранении ключевых постулатов этой теории (например, особого понимания ведущей роли национального интереса) вводит в анализ мировой политики положение о *системе* (структуре) международных отношений как факторе влияния на государство, создающем ограничения или, наоборот, благоприятные условия для его внешнеполитического поведения.

ИДЕАЛИЗМ (во внешней политике) — внешнеполитический подход, основанный на оптимистическом представлении о природе человека и формируемых им сообществ (разумность, стремление к благу, способность к мирному общежитию и к справедливости). Он предполагает миропорядок, устроенный на демократических принципах, сотрудничестве и морали. Идеализм особенно был распространен в 1919–1939 гг., представляя собой попытку через международные институты, в первую очередь Лигу Наций, обеспечить мир и кооперацию между государствами.

ное влияние в группах, корректирующих поведение каждого своего члена; 2) конкуренция между акторами. Критерий выделения структуры в системе МО — понятие *отношения*, означающее одновременно и взаимодействие акторов, и позиции, занимаемые ими в данной системе относительно друг друга. Но структура — не простое сочетание таких взаимодействий и позиций, а качественно иной феномен. Здесь выделяется так называемая структурная триада Уолтса: 1) руководящий принцип деятельности (англ. ordering principle); 2) характер акторов — элементов системы (англ. character of the units); 3) их относительные возможности/способности (англ. capabilities). При децентрализации и анархии, характерных для системы МО, актор, по Уолтсу, часто ведет себя как участник рынка, стремящийся к увеличению прибыли. Аналог прибыли в системе МО — *выживание* (англ. survival) актора в качестве системного свойства МО вообще. Второй принцип триады определяет, чем являются акторы в системе МО: это исключительно государства, а негосударственные акторы (напр., транснациональные организации) будут играть решающую роль в МО, когда смогут «догнать и перегнать сверхдержавы по обилию власти и полномочий». О государствах сделан еще ряд уточнений: 1) они — не независимы, а подвергаются влиянию системы, но автономны, т.е. наделены правом решать, как они будут действовать в условиях принуждения/давления («разница заключается не в функции, а в способности»); 2) сверхдержавы имеют большие возможности; хотя государства не отличаются на функциональном уровне, они неодинаковы по своим относительным *возможностям* (это последний принцип триады). Распределение относительных возможностей — очень важная черта МО, потому что ради выдвижения на лучшие позиции государства стремятся их расширить.

Структурное объяснение МО Уолтс применил в *теории баланса сил* — «специфически политической теории международных отношений». Она описывает поведение государств как постоянное стремление к участию в относительно равновесных союзах. Если цель любого государства — выжить — в условиях анархизации МО проблематична, то самооборона — главная задача любого актора. Для своего усиления государство может прибегнуть к одному из двух вариантов действий: расширить свои относительные возможности (вооружаться, развивать экономику и т.д.), но такая индивидуальная стратегия имеет пределы; вступить в союз с другими государствами, тем самым улучшив свое структурное положение в системе МО. Уолтс обращается к экономической теории идеальной конкуренции: точно так же, как участники рынка стремятся к максимуму прибыли, государства нацелены на выживание и наращивают «единицы обороноспособности/безопасности». Но эти «единицы» — товар особого рода, их количество ограничено, значит, баланс сил является универсальным состоянием устойчивости и безопасности, когда средства обороноспособности распределены более или менее равномерно. Поскольку не стремление властвовать есть абсолютный приоритет для государств, но соображения выживания, то баланс сил становится основополагающим в МО: «Раз сила — средство, а не цель, государства предпочитают вливаться в слабейшую

из двух коалиций... Если бы они хотели максимизировать силу, то присоединились бы к более сильной стороне, и мы бы стали свидетелями не рождающихся балансов, а начала мировой гегемонии.... Балансирование, а не присоединение к победителю — поведение, навязываемое системой. Первейшее соображение государств — не максимизировать силу, а сохранить положение в системе». Итак, Уолтс пишет о союзах ради взаимного равновесия и сохранения отдельных государств на мировой сцене. Это означает, что внешняя политика государства, еще не входящего в какой-либо союз, будет направлена на присоединение к более слабому из них, чтобы упрочить свою позицию в системе МО, использовать шансы добиться лидерства, а тем самым получить больший выигрыш, чем там, где сильнейшие державы заведомо доминируют над младшими партнерами (клиентами) по коалиции.

В целом неореализм Уолтса — важный этап в развитии теорий МО. Несмотря на критику со стороны современных концепций в международных исследованиях (например, глобализма, взаимозависимости и т.п.), его работы, став стандартом дисциплины в целом, представляют собой одну из немногих за последние десятилетия попыток создания системной «большой теории» миропорядка.

Начиная с книги *«Распространение ядерного оружия»*, Уолтс утверждает, что угрозы, связанные с распространением (англ. proliferation) ядерного оружия, серьезно преувеличены. Он выдвигает парадоксальный лозунг «чем больше, тем лучше», т.е. чем больше государств войдут в «ядерный клуб», тем стабильнее будут МО, ибо сам факт обладания оружием массового поражения — уже гарантия (из-за эффекта сдерживания/устрашения) от нападения со стороны других стран; сверх того, уровень ответственности внешней политики ядерного государства значительно выше, чем у неядерного. Даже режим-«изгой», обладающий ядерным оружием, все равно главным образом ценит собственное выживание, а современные страхи США по поводу распространения этого оружия он считает надуманными и в значительной мере раздутыми СМИ и американскими властями. Исходя из своего анализа баланса сил, Уолтс предсказал возникновение многополюсного соревновательного баланса сил и особой роли ядерного оружия.

Лига Наций так и не сумела предотвратить мировую войну.
Вверху: эмблема Лиги Наций.
Внизу: Намордник Лиги Наций на собаке войны. Карикатура из «Литерари дайджест», 1919 г.

2.2. Либерализм и неолиберализм

Теоретическая школа **либерализма** в международных исследованиях по основным позициям противоположна реализму. Политологи, работающие в рамках данного направления, выводят свои представления из трудов Локка, Канта, А. Смита, Дж. Ст. Милля.

Либеральный подход к международным отношениям дважды за свою историю пережил периоды широкого признания — в начале XX в. и в его конце. Сперва это было связано с надеждами, возлагавшимися на возможности правового регулирования меж-

Вудро ВИЛЬСОН (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913–1921), один из основателей Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира (1919); ведущий американский политолог конца XIX — начала XX вв.

дународных отношений. В Гааге прошли две конференции (1899 и 1907 гг.), на которых было подписано 13 конвенций по мирному решению международных проблем. Хотя Первая мировая война так и не была предотвращена, оптимизм в отношении вероятности сотрудничества между странами возродился снова после создания Лиги Наций.

Либеральное видение развития мировой политической системы во многом связано с **Вудро Вильсоном**, президентом США, продекларировавшим открытость, демократичность и моральность внешнеполитической деятельности и дипломатии. Это понимание международных отношений называют **идеализмом**.

ВИЛЬСОН (Wilson), Вудро (1856, Стонтон — 1924, Вашингтон) — 28-й президент США (1913–1921), один из основателей Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира (1919); ведущий американский политолог конца XIX — начала XX вв. В 1886 Вильсон защитил докторскую диссертацию «Правительство конгресса»; профессор юриспруденции и политэкономии Принстонского университета (1890–1902); президент этого же университета (1902–1910). Вильсон победил в губернаторской компании в шт. Нью-Джерси (1910), а затем был выдвинут кандидатом от демократов на выборах 1912 и стал президентом США. В первый срок он добился снижения импортных тарифов, введения федерального подоходного налога, реформирования финансовой системы страны, а также осуществил акции против монополизации торговли. Внешняя политика Вильсона — это сочетание довольно жесткого *прагматизма* (фактический протекторат над Гаити, военная экспедиция в Мексику) и *идеализма* (попытки честно следовать принципам неприменения силы по отношению к более слабым государствам, стремление к уважению соседних и малых государств). С началом первой мировой войны президент предпринимал меры по недопущению втягивания США в боевые действия, предлагал свое посредничество для заключения мира между противниками. Вильсон был переизбран на второй президентский срок в 1916. Возобновление Германией боевых действий на море и ее агрессивная политика в Латинской Америке вынудили его предложить конгрессу объявить войну Германии. США достаточно эффективно включились в боевые действия в Европе. Вильсон первым из лидеров воюющих государств выступил с позитивной программой послевоенного устройства мира, но на Парижской мирной конференции не все его идеи были приняты, а конгресс США отказал в поддержке его внешнеполитическим планам. После окончания президентства, подорвавшего его здоровье, Вильсон отошел от активной политики, вернувшись к литературной и научной деятельности.

Автор таких основных работ, как: «Правительство Конгресса: исследование американской политики» (1885); «Государство: элементы исторической и практической политики» (1889); «История американского народа» (1902); «Конституционное правление в США» (1908) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Вильсон вошел в историю как государственный деятель, плодотворно сочетавший политическую практику и научную работу. Его достижения в политике были тесно связаны с теоретическими взглядами, определившими сознание высокой ответственности перед нацией. Идеализм Вильсона-теоретика сильно повлиял на Вильсона-политика. Это, с одной стороны, позволило ему добиться признания в качестве лидера нации с обширными сведениями о политике и выдающимися ораторскими способностями, с другой — серьезно затрудняло его практическую деятельность (недостаток реализма, проявившийся на Парижской мирной конференции, слабая склонность к компромиссам, неспособность признавать факты, противоречившие его взглядам и принципам и т.д.). «Четырнадцать пунктов» Вильсона — блестящий пример проявления идеализма во внешней политике. Эта программа мирного урегулирования (представлена в январе 1918 в конгрессе) имела общедемократический характер, что выражалось в планах создания более демократичной системы международных отношений: отказ от тайной дипломатии, открытость мирных переговоров и соответствующих соглашений; свобода мореплавания и торговли, ликвидация всех экономических барьеров и установление равных торговых условий; сокращение вооружений до разумно низкого уровня; свободное и справедливое разрешение колониальных споров с учетом интересов народов колоний; самоопределение для ряда европейских народов; справедливое и равноправное отношение к победителям и побежденным в войне на мирной конференции; обеспечение мира путем создания международной Лиги Наций и т.д.

Основной вклад Вильсона в развитие политической науки пришелся на период 1879–1908 и определялся открытием нового объекта изучения — государственного управления, а также продвижением сравнительных исследований. В отличие от многих теоретиков того времени, работавших в рамках *Staatswissenschaft* (нем. — наука о государстве), он утверждал, что система самоуправления должна опираться не столько на набор формальных институтов и требований государственного права, сколько на качества граждан нации, моральные принципы и их практическое воплощение, потому требуется большая ориентация на эмпирические данные. Вильсон полагал, что превращение политической науки в самостоятельную дисциплину возможно при отходе от изучения исключительно системы статичных институтов (в духе «старой» *Staatswissenschaft*), закрепленных конституцией США (ее создатели во многом придерживались механистического взгляда на мир и старались воспроизвести в политике гармонию ньютоновской механики). Он считал нужным исследовать развитие институтов и в целом динамику социальной жизни, потому обратился к концепциям Ч. Дарвина (правительство — не машина, а живое существо; политическая теория «подчиняется Дарвину»), а не Ньютону и позитивиста Г. Спенсера (государство есть продукт эволюционной борьбы примитивных социальных организаций; политический процесс — это органический рост).

В книге *«Правительство Конгресса»* Вильсон утверждал, что кабинет, формируемый парламентским большинством и являющийся — в идеале — целостной властной структурой, должен преодолеть фрагментированность, присущую системе достаточно автономных комите-

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (англ. *intergovernmental organizations — IGOs*) — институты, учреждаемые национальными правительствами для достижения общих целей. В качестве устойчивой формы сотрудничества государств они создают постоянную организационную инфраструктуру, а также содействуют многосторонней дипломатии, основанной на уважении суверенитета участников. Подразделяются на универсальные (прежде Лига Наций, затем ООН), региональные (например, Организация арабского единства, ОБСЕ) и по сферам компетенции (общие, специальные).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЖИМЫ (англ. *international regimes*) — сформулированный набор принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых совпадают ожидания членов мирового сообщества в конкретной сфере международных отношений (например, в тарифах и торговле, финансовой политике, использовании космоса и т.п.).

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (англ. *nongovernmental organizations — NGOs*) — любые организации, институционально отделенные от государств, т. е. учрежденные физическими или ➡

➔ юридическими лицами, но не на основе межгосударственных договоров. Хотя в эту группу попадает транснациональный капитал, к ним принято относить прежде всего объединения, не имеющие целью получение прибыли, т.е. различные экологические, правозащитные, гуманитарные и т.п. ассоциации и движения, связанные с гражданским обществом.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ (либеральный институционализм) — теоретический подход в международных исследованиях, исходящий из того, что поведение государств невозможно объяснить исключительно их национальными интересами; значит, следует включать в анализ сотрудничество государств в рамках международных институтов (организаций, традиций, правил, договоров), способных гармонизировать анархическую среду МО и определяющим образом влиять на поведение самих государств. Отвергает положение реализма об автономии политики и экономики, уделяя особое внимание роли хозяйственных взаимодействий как фактора сотрудничества в международных отношениях. Неолиберализм возник в 1980-е гг. в ходе адаптации классического либерализма к новым условиям. Демократический мир — теория международных отношений, основанная ➔

тов и подкомитетов Конгресса (в качестве образца он некоторое время видел английскую парламентскую систему, позже стал считать приоритетом сильный институт президентства). Более того, в реформировании института правительства нужно руководствоваться не только целями расширения его функций, с тем чтобы оно справлялось с новыми задачами эпохи индустриализма, но и образовательными мотивами, т.е. обучением, развитием и «улучшением» граждан.

В ставшей классической статье «Исследование управления» (1887) Вильсон рассматривал перспективы научной дисциплины, изучающей административную (управленческую) систему, в республике, где широко распространено недоверие к бюрократии. По мнению ученого, административную систему, для того чтобы она служила обществу и ее мероприятия поддерживали граждане, следует организовать с максимальным учетом научных достижений и рациональных процедур, принятых в бизнесе. Одновременно он возражал против появления бюрократической элиты, лишенной демократического контроля.

В книге «Конституционное правление в США» Вильсон утверждал: сила американского конституционализма обусловлена могуществом нации и служит его увеличению. Он предсказал, что институт американского президентства будет превращаться в объект возрастающих требований со стороны общественного мнения, а также станет играть несравненно большую роль в политической жизни страны.

Либералы исходят из того, что взаимодействие государств на мировой сцене, в целом ориентированное на то, чтобы покончить с войной, утвердить мир и экономическое процветание, обязательно должно *регулироваться*, и прежде всего **межправительственными организациями и международными режимами**.

Государства при либеральном подходе, как и у реалистов, признаны хотя и главными участниками международных отношений (акторами на мировой сцене), но вовсе не единственными — особо подчеркнуто, что наряду с ними действуют межправительственные и **неправительственные организации** (правозащитные, экологические, феминистские, транснациональные корпорации, так называемые внутривластные регионы и т.д.). При этом государства, в модели либералов, ориентируются не только на максимизацию краткосрочной прибыли; гораздо большую пользу им приносит взаимовыгодное сотрудничество. Фактор силы не оценивается столь высоко, как у реалистов: воздействие посредством вооруженного насилия на других участников международного общения становится слишком дорогим и в прямом, и в переносном смысле. Более эффективные средства влияния — экономические и правовые рычаги.

С окончанием холодной войны, когда в международных исследованиях в плане теоретической мысли господствовали реалисты и неореалисты, вновь наступает период признания досто-

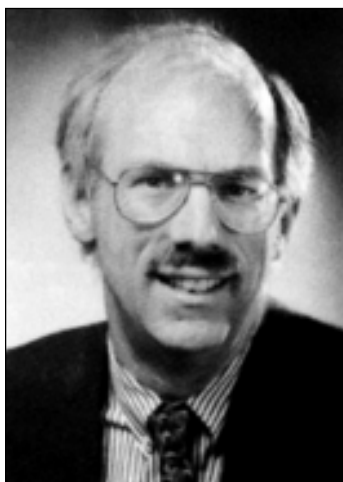
инств либерализма. К этому времени образуется научная школа, органически продолжающая классический реализм, но учитывающая новые реальности мирового политического процесса — **неолиберализм**, или **либеральный институционализм** (структурный либерализм). В модели неолибералов особо выделены такие положения: взаимосвязь политики и экономики; ослабление влияния анархии на международную среду из-за высокого уровня взаимозависимости государств (экономической, общей заинтересованности в предотвращении ядерной войны и экологической катастрофы); изменение контекста взаимодействия акторов ради увеличения возможностей сотрудничества, в т.ч. через международные институты и режимы.

Неолиберализм весьма быстро приобрел много направлений, которые в значительной степени пересекаются, но порой их предпочитают рассматривать как самостоятельные концептуальные школы. К их числу относятся: теория **комплексной взаимозависимости** (англ. complex interdependence), представители — **Роберт Кеохейн**, **Джозеф Най**, подчеркивающая существование в мире плюрализма множества каналов связи, через которые строится политика, в т.ч. неформальные отношения между внешнеполитическими элитами; теория **международных режимов**, представители — **Стивен Краснер** (род. 1942), Кеохейн, изучающая международные институты и механизмы регулирования, особенно режимы в области мировой торговли и финансов; теория **демократического мира** (англ. democratic peace), представители — **Майкл Дойль** (род. 1948), **Брюс Рассетт** (род. 1935), сосредоточенная на разнообразии возможностей для демократических государств разрешать споры мирным путем.

➤ на положении о том, что современные либерально-демократические государства благодаря общим политическим принципам не склонны для достижения своих целей вступать в конфликты (в т.ч. военные) друг с другом и выбирают мирные средства разрешения противоречий. Снятию противоречий между государствами способствует универсальность демократии; это один из главных критериев данной теории.

КЕОХЕЙН (Keohane), **Роберт** (род. 1941, Чикаго) — американский политолог, специалист по проблемам международного мира, представитель школы неолиберального институционализма и транснационализма; профессор факультета политической науки университета Дьюка. Неоднократно удостоивался авторитетных научных премий; 1988–1989 — глава Ассоциации международных исследований; 1999–2000 — президент Американской ассоциации политической науки; член Американской академии искусств и наук.

Автор таких известных работ, как: «Сила и взаимозависимость. Переходный период мировой политики» (1977; 3-е расшир. изд. 2000, соавт. Дж. Най); «После гегемонии: сотрудничество и конфликт в мировой политической экономике» (1984); «Международные институты и государственная власть» (1989); «Научное заключение в качественном исследовании» (1994, соавт. Г. Кинг, С. Верба) и др. Под редакцией Кеохейна и в соредакторстве с ним также выпущены коллективные исследования:

Роберт КЕОХЕЙН (род. 1941, Чикаго) — американский политолог, представитель школы неолиберального институционализма и транснационализма.

«Транснациональные отношения и мировая политика» (1972); «Неореализм и его критики» (1986); «После окончания холодной войны. Стратегии государств и международные институты в Европе. 1989–1991» (1993); «Идеи и внешняя политика» (1993, совмест. с Дж. Голдстейн); «Интернационализация и внутренняя политика» (1996); «Несовершенные союзы. История институтов безопасности» (1999) и др.

Вклад в развитие политической мысли. В области исследований международных отношений Кеохейн оппонировал теории реализма по вопросу о том, что анархическая среда международных отношений и интересы, связанные с обеспечением безопасности, неизбежно ведут государства к конфликтам. Он предложил: 1) *концепцию транснациональных отношений*, которая не признает государство единственным актором на мировой сцене; 2) *концепцию неолиберального институционализма*, предполагающую, что институты, в т.ч. внутриполитические — партии, группы интересов и др., способны значительно воздействовать на поведение государств и преодолевать препятствия к сотрудничеству, возникающие в анархической среде МО. *Модель транснациональных отношений* (сформулирована вместе с Наем и представлена в основном в книге «Сила и взаимозависимость») акцентирует роль негосударственных акторов. Концептуальный отказ от абсолютной монополии государства как единственного актора и тем самым объекта научного анализа, признание многообразия акторов, видов и каналов взаимодействия между ними внесли принципиально значимое терминологическое новшество в исследование мировой политики — вместо «международные», т.е. по сути межгосударственные, межправительственные, сейчас часто используется понятие *транснациональных отношений*. Логическое продолжение транснационализма — это разработанная Кеохейном и Наем *концепция комплексной взаимозависимости*.

Ученый обращает также особое внимание на роль институтов в современном мире, указывая, что они могут способствовать обмену информацией между акторами, урегулированию разногласий, росту количества и качества взаимодействий между ними, т.е. частично решают проблемы координации и создают условия для сотрудничества даже в лишенной «единого правительства» среде международных отношений, препятствия усилению анархии в ней.

Между странами существует множество связей и отношений, в которых сила — недейственный или незначимый инструмент реализации политики.

Р. Кеохейн, Дж. Най, «Комплексная взаимозависимость, транснациональные отношения и реализм»

НАЙ (Nye), Джозеф (род. 1937, Нью-Джерси) — американский политолог, разрабатывающий ряд направлений в рамках неолиберализма, в т.ч. теорию комплексной взаимозависимости; ведущий эксперт по международным вопросам. С 1995 — декан Школы государственного управления им. Кеннеди; член Американской академии искусств и наук, Академии

дипломатии, Исполкома Трехсторонней комиссии. Он возглавлял Международный институт стратегических исследований, входит в редколлекции «Foreign Policy» и «International Security». Занимал высокие правительственные посты: 1977–1979 — помощник зам. госсекретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председатель группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия; 1993–1994 — председатель Национального разведывательного совета; 1994–1995 — зам. министра обороны по вопросам международной безопасности. Этому ученому удалось эффективно соединить свои теоретические интересы с практической политикой.

Автор многочисленных статей и ряда книг, среди которых: «Сила и взаимозависимость. Переходный период мировой политики» (1977, 3-е расшир. изд. 2000, соавт. Р. Кеохейн); «Этика ядерного оружия» (1986); «Обязанные быть лидером. Изменчивая природа американской мощи» (1990); «Мировое сотрудничество после холодной войны» (1991, соавт. К. Байденкофф, М. Шиина); «Введение в теорию и историю международных конфликтов» (1993). Редактор и соредатор ряда коллективных монографий: «Транснациональные отношения и мировая политика» (1972); «Американская политика в отношении Советского Союза» (1984); «Почему люди не доверяют правительству» (1997); «Democracy.com? Управление в мире, связанном информационными сетями» (1999) и др.

Вклад в развитие политической науки. В центре внимания Ная — внешнеполитические проблемы, связанные с глобализацией и универсальной взаимозависимостью, вооружениями и распространением ядерного оружия, политикой США в отношении Азии (особенно Китая и Японии), а также вопросы управления и власти как внутри государств, так и на мировой сцене в условиях глобализации и информационной революции. В Школе им. Кеннеди инициировал научный проект «Система управления для XXI в.» в целях исследования причин изменения роли правительств в политике и выработки соответствующих рекомендаций.

В книге «Сила и взаимозависимость» Най предположил, что реализм — всего лишь одна из возможных моделей международных отношений, причем в ряде случаев довольно несовершенная. Вместо реализма выдвинул (с соавтором) альтернативную схему «комплексной взаимозависимости».

По мнению Ная, в современном мире растет недоверие не только к правительствам наций-государств, но и к социальным и политическим институтам из-за: демистификации власти; изменения баланса между либертариистскими (т. е. защищающими приоритет индивида, его прав и свобод) и коммунитаристскими (отстаивающими интересы отдельных сообществ или общества и его структур в целом) ценностями в пользу первых; низкой эффективности государственного вмешательства в экономику и т.д.

Джозеф НАЙ (род. 1937, Нью-Джерси) — американский политолог, разрабатывающий ряд направлений в рамках неолиберализма, в т.ч. теорию комплексной взаимозависимости; ведущий эксперт по международным вопросам.

Интерпретация

Чарльз Кегли и Юджин Виткофф в книге «Мировая политика: тенденции и трансформации» (1999) предложили таблицу, распределяющую две ведущие школы в изучении между-

народных отношений по направлениям. Эта классификация, разумеется, — лишь одна из возможных.

Вопросы теории: четыре основных направления

	Реализм	Неореализм	Либерализм	Неолиберализм
Ключевые единицы анализа	Независимые государства	Структуры между-народной системы	Институты, сменяющие государства	Индивиды, «обновленные» государства, неправительственные акторы
Основные области исследования	Проблемы вооруженного противостояния и безопасности	Борьба за власть и лидерство в условиях анархической среды МО	Институционализация отношений, способствующих миру	Развивающееся межгосударственное сотрудничество; экономика, социальные и экологические проблемы
Главные проблемы	Баланс сил	Баланс сдерживания / устрашения, военная готовность	Международные право и организации, демократизация	Комплексная взаимозависимость, международные режимы
Оценка перспектив мирового развития	Пессимизм / стабильность	Пессимизм	Оптимизм / прогресс	Ожидание дальнейшего развития сотрудничества, создание глобальной общности
Мотивация акторов	Национальный интерес, конкуренция на поле «игры с нулевой суммой» (проигрыш одного равен выигрышу другого), власть (мощь)	Мощь, престиж, получаемые преимущества по сравнению с другими государствами	Сотрудничество, взаимопомощь, удовлетворение основных потребностей человека	Глобальные интересы (всеобщая выгода), справедливость, мир и процветание, свобода, мораль
Ключевые понятия	Структурная анархия МО, власть (мощь), национальный интерес, баланс сил, полярность	Структурная анархия МО, рациональный выбор, гонка вооружений	Коллективная безопасность, мировой порядок, право, интеграция, международные организации	Транснациональные отношения, право, свободный рынок, взаимозависимость, интеграция, либеральное право, гендер
Рекомендации	Усиливать национальную мощь, противостоять ограничениям национальной независимости	Сохранять ядерное сдерживание, избегать разоружения и создания наднациональных организаций	Проводить институциональные реформы	Развивать международные режимы и институты для координации коллективного решения глобальных проблем, способствовать распространению демократии

2.3. Неомарксизм и постмодернизм в изучении мировой политической системы

В международных исследованиях довольно распространен **неомарксистский подход** (англ. neomarxism), строящийся на осмыслении экономических неравенств в развитии мира. Понятно, что его концептуальные истоки — в работах Маркса.

Мир-системная теория (англ. world-systems theory) — самый, вероятно, известный вариант неомарксизма. Ее основы разработали **Иммануил Валлерстайн** и **Андре Франк**.

Иммануил ВАЛЛЕРСТАЙН (род. 1930) — американский социолог, создатель мир-системного анализа; директор Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций.

ВАЛЛЕРСТАЙН (Wallerstein), **Иммануил** (род. 1930, Нью-Йорк) — американский социолог, создатель мир-системного анализа; директор Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций.

Автор многочисленных работ, в том числе: «Африка: Политика единства» (1967); «Африка: традиция и изменения» (1972, соавт. Э. Джонс Рич); «Современная мир-система» (т. I «Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в шестнадцатом веке», 1974; т. II «Меркантилизм и консолидация европейской мир-экономики, 1600–1750», 1980; т. III «Вторая эра великой экспансии капиталистической мир-экономики, 1730–1840», 1989); «Капиталистическая мир-экономика» (1979); «Мир-системный анализ: теория и методология» (1982, соавт. Т. Хопкинс и др.); «Динамика глобального кризиса» (1982, соавт. С. Амин, Дж. Арриги, А. Франк); «Исторический капитализм» (1983); «Политика мир-экономики. Государства, движения, цивилизации» (1984); «Африка и современный мир» (1986); «Антисистемные движения» (1989, соавт. Дж. Арриги, Т. Хопкинс); «Трансформация революции: социальные движения и мир-система» (1990, соавт. С. Амин, Дж. Арриги, А. Франк); «Геополитика и геокультура» (1991); «Новое осмысление социальной науки: Пределы парадигм XIX века» (1991); «После либерализма» (1995); «Утопистика, или исторические альтернативы для XXI века» (1998); «Окончание мира, каким мы его знали. Социальная наука для XXI века» (2000) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Валлерстайн определяет мир-системный анализ как «протест... против тех способов, которыми структурируется научное исследование общества», начиная с момента оформления социологии в середине XIX в., как критику многих положений социальной науки и одновременно способ ее нового осмысления. Он предпочитает называть данное направление исследований «анализом», «перспективой» или «критикой других перспектив», подчеркивая, что, несмотря на более чем 30-летний период исследований, еще рано по ряду причин говорить о складывании самостоятельной теории. Мир-системный анализ строится на следующих положениях: существует *единая наука об обществе* (современные социальные науки есть специализированные компоненты *единой науки*); единая социальная наука является еще и *исторической наукой* (для понимания современного состояния системы

МИР-СИСТЕМА (по *Валлерстайну*) — достаточно широкая («мир») социальная система со своими границами, структурами, группами как ее элементами, правилами легитимизации и внутренней соподчиненности. Она обладает характеристиками живого организма, в частности определенной продолжительностью жизни, в течение которой одни ее свойства изменяются, а другие остаются стабильными. Процессы жизнедеятельности мир-системы как материально-экономического образования во многом являются самоподдерживающимися (на основании широкого функционального и географического разделения труда, культурного многообразия), а динамика ее развития по преимуществу имеет внутрисистемный характер. Примеры мир-систем — «мировая империя», в рамках которой существует единая политическая система, и «мировая экономика», лишенная таковой благодаря способности современного капитализма адаптироваться к многообразию политических режимов.

необходимо изучать ее историческую динамику); базовой единицей социального анализа является не общество или государство (как в случае «классических» социологии и политологии), а *историческая система* (она выступает одновременно *историчной* и *системной*). В рамках мир-системного анализа мир рассматривается в качестве *единой* (социальной) *системы*, находящейся в рамках общего процесса развития. Согласно мир-системной логике, принципиально невозможно исследовать отдельные элементы мир-системы вне ее контекста и динамики. Отсюда следуют, в частности, важные выводы: развитость одних стран возможна только за счет неразвитости других, и уровень развития каждой страны есть результат процессов развития всей мир-системы.

Историческая система является относительно автономной целостностью с пространственно-временными границами. По Валлерстайну, существует три типа исторических систем: мини-системы (недолговечные — период жизни лишь нескольких поколений людей — локальные элементы мир-системы более не существуют), а также мир-империи (крупные политические структуры, такие как Российская или Османская империи) и мир-экономики (англ. world economy). Собственно мир-системами являются мир-империи и мир-экономики. До XVI в. наиболее устойчивыми и долговечными были мир-империи, за которыми последовала капиталистическая мир-экономика, охватившая в XIX в. весь земной шар, поглотившая прочие системы и образовавшая современную мир-систему. Современная мир-система — это капиталистическая мир-экономика, для которой характерны: непрерывное накопление капитала; разделение труда в рамках «центр (ядро) — периферия» на основе пространственного неравного обмена; существование (помимо центра и периферии) недоиндустриализированной полупериферии (англ. semi-periphery), поставщика различных ресурсов для стран центра; вторичный характер суверенных государств и т.д. Современная мир-система является *иерархической* (существуют как межгосударственные, так и внутригосударственные иерархии: классовые, расовые, гендерные) и поляризующейся (например, богатый Север — бедный Юг) системой с растущим неравенством между ее частями-государствами, из которых сильные государства (гегемоны) центра в процессе накопления капитала навязывают более слабым государствам свою волю, т.е. империализм структурно присущ современной мир-системе. Положение стран полупериферии (к их числу Валлерстайн относит Россию и СССР даже в годы холодной войны, называя его «субимпериалистической державой» при единственной сверхдержаве США) характеризуется двойственностью: они являются периферией для стран центра, а в некоторых случаях — центром для стран периферии и даже могут войти в центр мир-системы.

Валлерстайн не согласен с ныне распространенным (например, в части хронологии и результатов) и объясняющим все современные процессы пониманием глобализации, предпочитая говорить о *переходе* (с чрезвычайно неясными результатами) находящейся по ряду причин в кризисе капиталистической мир-системы «в целом во что-то другое», пока не имеющее общих правил и очертаний. В ситуации перехода решающим фактором могут стать «человеческое вмешательство и творчество», «свободная воля».

ФРАНК (Frank), **Андре** (род. 1929, Берлин) — экономист, социолог и политолог, разрабатывающий проблематику зависимости и экономических процессов в современном мире. С 1996 — профессор социологии в университете Торонто. В 1989 назван Ассоциацией международных исследований выдающимся исследователем в области глобальной политэкономии; член редколлегий ряда академических журналов.

Автор более 880 статей и книг (переведены на 27 языков), включая: «Капитализм и отсталость в Латинской Америке» (1967); «Латинская Америка: отсталость или революция» (1969); «Капиталистическая отсталость» (1975); «Мировое накопление. 1492–1789» (1978); «Кризис мировой экономики» (1980); «Кризис в третьем мире» (1981); «Динамика глобального кризиса» (1982, соавт. И. Валлерстайн, С. Амин и др.); «Европейский вызов» (1983); «Критика и антикритика. Эссе о зависимости и реформизме» (1984); «Мир-система. Пять столетий или пять тысячелетий?» (1996); «Новый Восток. Глобальная экономика в эпоху Азии» (1998) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Основные темы научного внимания Франка — проблемы мир-системы, мировой экономики и истории, развития, социальных движений. География его исследований обширна: Латинская Америка, Азия, Центральная и Восточная Европа (Франк занялся советскими проблемами задолго до распада СССР: в его диссертации сравнивается производительность труда в сельском хозяйстве и промышленности Украины; он одним из первых ввел в оборот понятия «второго», т.е. страны социализма, и «третьего» миров). Хотя вопросы зависимости вошли в сферу науки еще в 1940-е гг. (К. Полани, Р. Пребих и др.), т.н. *теория зависимости* стала популярной во многом благодаря Валлерстайну и Франку. В конце 1960-х Франк выступил с утверждением, что экономическая развитость (англ. development) и отсталость (англ. underdevelopment) *не являются* естественноисторическими этапами эволюции, присущими всем государствам. Эти феномены — следствие неравноправных межгосударственных отношений, когда в ходе истории прибавочный (англ. surplus) продукт отчуждается от периферии (колоний, полуколоний и т.п.) в пользу центра (метрополий). В перспективе данный процесс ведет к «развитию отсталости» (англ. development of underdevelopment) и «зависимой отсталости» (англ. dependent underdevelopment) периферии (Юг), за счет которых метрополии (Север) получают выигрыш в виде устойчивого экономического роста. Периферия «теряет» дважды: модель «зависимой отсталости» воспроизводится еще и внутри стран этой зоны — между городами и сельскими регионами. Объектом теории зависимости и развития отсталости была Латинская Америка, на примере которой Франк показал корреляцию между периодами экономического роста/спада и внешнеполитическими условиями: рост совпадал со временем минимальной экспансии центра (например, мировые войны, изолировавшие страны-метрополии от остального мира из-за их сосредоточенности на борьбе друг с другом), а спад приходился на периоды подключения периферии к мировым торговым отношениям, где преобладает центр. Франк считал, что высокий уровень развития периферии в таких условиях был бы возможен на основе автономного экономического роста, ориентированного на внутренние ресурсы, потребно-

Андре Гундер ФРАНК (род. 1929, Берлин) — экономист, социолог и политолог, разрабатывающий проблематику зависимости и экономических процессов в современном мире.

сти и цели, при отстраненности от мировой торговли, способствующей «зависимой отсталости» периферии. У данной теории есть несколько методологических базисов, главный из которых — признание единой, взаимозависимой экономической системы мира.

С начала 1970-х Франк занимается проблемами международной политической экономии, в частности мировыми кризисами. Нефтяной кризис (1973–1975) он считал лишь одним из сменяющихся и все более глубоких спадов в рамках мирового кризиса. Ученый предложил отказаться от кейнсианства в пользу монетаризма ради последующей либерализации экономик не только развитого Запада, но и третьего мира, а также тогда еще социалистического восточного блока, чье положение в следующий всплеск кризисных явлений (после 1989) будет особенно сложным. В недавних работах Франк высказывает пессимистический прогноз относительно будущего Запада, чье сегодняшнее доминирование в глобальной экономике, вероятно, сойдет на нет.

Согласно мир-системной теории, развитие капитализма проходит циклы экспансии и стагнации, которые начинаются с момента его зарождения в Европе. Сначала под эту цикличность подпадает относительно небольшая европейская территория, а затем она распространяется на весь мир. В результате развития капитализма страны — в зависимости от экономических показателей — разделились на три группы: центр («ядро»), периферию, полупериферию. Страны «ядра» с более высоким жизненным уровнем доминируют над остальными (см. *рис. 1*). При этом периферия и полупериферия пытаются сопротивляться, поднимая различного рода восстания.

Лидеры Октябрьской революции считали себя организаторами первой пролетарской революции в современной истории. Точнее было бы сказать, что это было одно из первых, возможно, наиболее драматических национально-освободительных восстаний на периферии и полупериферии мир-системы.

И. Валлерстайн, «Окончание мира, каким мы его знали. Социальная наука для XXI века»

Представители мир-системной школы убеждены: развитие «ядра» осуществляется за счет остальных стран, что ведет к международным конфликтам. Мир-системная теория, вслед за **В.И. Лениным**, подчеркивает продолжение борьбы между империалистическими странами центра, но отмечает общность их целей, обусловленную наличием дешевой рабочей силы, рынка сбыта, недорогих ресурсов и доминирующей в отношениях с перифе-

рийной зоной. Данная теория обращает особое внимание на поляризацию, проходящую сегодня по линии богатый Север — бедный Юг и ведущую к потенциальным конфликтам.

Схема 1. Представления о структуре мира в мир-системной теории

ДВОЙНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ (англ. dual economy) — феномен, образованный взаимодействием индустриально-информационных стран с развивающимися. Как результат — дисбаланс в экономиках государств третьего мира: одни отрасли становятся сверхсовременными, открытыми для внешнего мира, процветающими и конкурентоспособными, а другие остаются чуть ли не архаичными.

Теория зависимости (англ. dependency theory) — иная версия неомарксизма, в которой, в отличие от мир-системной модели, преобладающее внимание уделено современному состоянию мира, где экономически менее развитые страны находятся в зависимости от более продвинутых. Ученые, работающие в рамках данного концептуального подхода, в частности **Йохан Гальтунг** (род. 1930), вслед за неолибералами отмечая бурный рост мировой экономики во второй половине XX в., в данном процессе видят возникновение **двойного экономического стандарта** в развивающихся странах. Это влечет за собой социальную и политическую нестабильность мировой системы.

Постмодернистский подход (англ. postmodernism), иногда именуемый *критической теорией* (англ. critical theory) либо *постструктурализмом*, сложился в 1980-е гг. сперва как реакция на модели неореализма и неолиберализма и под влиянием неомарксизма для поисков иной теоретической альтернативы в понимании мировых процессов. Исследователи-постмодернисты — **Джеймс Дерриан**, **Клэр Сйоландер** (род. 1959), **Роберт Кокс** (род. 1926) — указывают, что мир слишком сложен, чтобы при анализе его упрощать, как это делают рационалистические классические теории: любой взгляд на мир ограничен самой «точкой отсчета».

Теории всегда существуют для кого-то и для каких-либо целей.

Р. Кокс, «Социальные силы, государства и мировой порядок»

ПОСТМОДЕРНИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(лат. post — после, фр. moderne — современный) — теоретический подход, согласно которому мировая политическая система, опиравшаяся на суверенные нации-государства и образованные ими институты, является прошедшей исторической формой. Ей на смену идет предельно информатизированный миропорядок, который постоянно фрагментируется и перестраивается на основе множественных взаимодействий правительственных и неправительственных организаций, разнообразнейших ассоциаций по интересам и движений наднационального уровня и т.д. Новой структуре мира должны соответствовать и новые технологии в международных отношениях.

Постструктурализм отличается от рационалистических подходов тем, что он не пытается отразить реальность мировой политики в зеркале своего интеллектуального анализа... Рационалисты ждут, когда научный прогресс позволит им найти правильный метод... Традиционные теории ...все время мечтательно стараются зафиксировать реальность, упростить, свести к одному.

Дж. Дер-Дерниан, «Антидипломатия: шпионы, террор, скорость и война»

Импульс своему развитию постмодернизм получил в связи с началом крупнейших изменений универсального масштаба, осмысление которых дает политологам этого направления основания говорить о кризисе современного миропорядка, обусловленном переходом к эпохе Постмодерна. После 1989 г. беспрецедентное одновременное преобразование экономических и политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, в СССР/России перевернуло все представления о процессах модернизации. По мнению постмодернистов, первый, второй и третий миры значительно сблизились между собой по своим характеристикам. Но они отмечают и противонаправленный процесс дифференциации (расслоения) и индивидуализации (приобретения особого личного облика) общения самых различных субъектов на мировой сцене. Постмодернисты пытаются найти новое соотношение между цельностью и плюрализмом: чем быстрее универсальные принципы распространяются в мировом сообществе, тем настойчивее его отдельные самостоятельные элементы заявляют о своих правах на существование и о собственных интересах. Этот подход разнообразен по используемым концептуальным схемам, направлениям развития и авторам, однако в целом отличается высоким уровнем теоретической абстракции.

Постмодернисты рассматривают мир как некий социальный конструкт. Если представители других теорий, следуя скорее веберовским принципам, стремятся в первую очередь *объяснить* действительность, то сторонники критической теории в международных отношениях активно пытаются *изменить* мир. Своей задачей постмодернисты видят сокращение существующих разрывов между философскими представлениями, наблюдениями и фактами социальной практики, наконец, самой социальной практикой.

3. КОНТУРЫ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МИРА

3.1. Глобализация как ведущая тенденция мирового развития

Среди преобладающих современных ориентаций мирового развития большинство политологов называют прежде всего **глобализацию**. Это — один из самых обсуждаемых и, вместе с тем, наименее изученных, а значит, познанных научно процессов, отмеченных на историческом рубеже тысячелетий.

Принято выделять три измерения — или понимания — глобализации как: 1) постоянно идущего исторического процесса; 2) универсализации и гомогенизации мира; 3) открытости национальных границ.

По первому из названных измерений можно заметить, что в истории развития человечества действительно наблюдается тенденция к все большему расширению пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие и структурирование международных (в предыстории — условно) отношений — от отдельных поселений, городов, княжеств к государствам, регионам и, наконец, после эпохи великих географических открытий, к миру в целом. Древнегреческие полисы исчезли с возникновением империи *Александра Македонского* (356–323 до н.э.), а послевоенная кооперация в Европе завершилась (на сегодня) созданием наднациональных политических институтов, таких как Европейский союз и Европарламент.

Понимание глобализации как универсализации (усиления черт всеобщности) и гомогенизации (движения к однородному строению) мира можно датировать недавним прошлым — 1960–1970 гг., когда строились прогнозы о появлении **глобальной деревни** и **всемирного правительства**.

Сегодня многие авторы, особенно занимающиеся анализом влияния культурных факторов на политику либо политической практикой, все чаще обращают внимание на то, что глобализация не обязательно предполагает принятие единых, универсальных норм и правил поведения, как нередко утверждали раньше.

Когда мы говорим о глобализации, то вовсе не подразумеваем унификацию и стандартизацию. Ведь и конструкторы автомобиля не стремятся создать универсальную «мировую» машину, способную удовлетворять все вкусы. Это нереально. К примеру, продукция французской фирмы Данон

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (фр. global — всеобщий) — охват экономическими, политическими, социальными и культурными взаимоотношениями всего человеческого сообщества.

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ (англ. global village) — метафора, используемая в журналистике и популярной литературе, дабы выразить представление о том, что все люди на Земле объединены единой судьбой. Считается, что глобальная деревня становится возможной благодаря распространению универсальных культурных образцов, развитию технологий (в первую очередь транспортных, информационных и коммуникационных), мировых торговой и финансовой систем и т.п., соединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое сообщество.

ВСЕМИРНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (англ. global government) — термин для обозначения гипотетического (т. е. предполагаемого учеными) всемирного центра власти.

Всемирная торговая организация и транснациональные корпорации – излюбленный объект нападок т.н. антиглобалистов.

Вверху: выступление против расширения сети ресторанов «Мак-Дональдс» в Воронеже.

Внизу: Карикатура на ВТО.

в Париже рассчитана на вкусы парижан, в Санкт-Петербурге — на петербуржцев, а в Шанхае — на китайцев. Различия во вкусах, в менталитете никогда никуда не исчезнут.

Т. де Монбриаль, «Европа хочет быть полюсом. Но до этого еще далеко»

Нужно также иметь в виду, что отнюдь не всегда распространяются именно западные цивилизационно-культурные образцы. Налицо и обратный процесс. Симптоматичен интерес индустриально развитых сообществ к восточным религиям, африканской культуре и т.п. В этом смысле вряд ли возможно говорить о глобализации как о вестернизации мира.

Наконец, понимание глобализации как открытости (прозрачности) границ лучше всего отражает суть нынешней ее стадии. Вначале границы суверенных наций-государств оказались прозрачными в сфере экономических взаимодействий. *Транснациональные корпорации* (англ. *multinationals*), одни из проводников экономической глобализации нынешнего столетия, всерьез заинтересовались формированием благоприятных для их активности внешне- и внутриполитических условий.

Товары могут создаваться в любом месте мира в зависимости от того, где их производство обойдется дешевле и сбываться там, где их удастся продать по наивысшей цене. Производственные цепочки могут приобретать глобальный масштаб. Например, акселерометр (миниатюрный полупроводниковый чип, используемый в качестве сенсора в автомобильных подушках безопасности) может быть разработан в Бостоне, собран и испытан на Филиппинах, упакован на Тайване и вмонтирован в автомобиль фирмы «БМВ» в Германии для того, чтобы эта машина была успешно продана в Бразилии.

Л. Туроу, «Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития»

Вскоре стало очевидным, что глобализация — гораздо более многосторонний процесс, не сводимый к чисто экономическим составляющим. Так, информационный обмен в планетарной сети Интернет в целом ряде случаев сам по себе ценен и значим. В итоге начали создаваться своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные и в политической сфере.

Значит, процесс глобализации конца XX в. неверно понимать как собственно экономическое взаимодействие национальных со-

обществ — в нем отчетливо проявляются, а в некоторых отношениях доминируют политические и иные аспекты.

Важнейший фактор глобализации — это **новые технологии**, которые усиливают тенденцию к открытости межгосударственных границ. Использование новых технологий значительно влияет на статус страны: интегрирована ли она в мировое сообщество либо, напротив, находится в изоляции. Меняется смысл самого понятия территория, поскольку образуются даже виртуальные государства, например, «Свободная Бирманская Коалиция» (Free Burma Coalition), которая фиксирована лишь в киберпространстве, но предлагает свою солидарную поддержку реально существующим политическим общностям и институтам. Подобные явления позволили считать развитие новых технологий пусковым механизмом глобализации.

Обратите внимание

Своим появлением на свет Интернет во многом обязан министерству обороны США, инициировавшему в конце 1960-х годов работы по созданию технологий защищенной системы связи ARPANET, которая была бы в состоянии даже в условиях ядерной войны обеспечивать, во-первых, устойчивую связь между ЭВМ командных пунктов и, во-вторых, обмен идеями и данными между учеными и инженерами, работающими по военным проектам. Благодаря Национальному научному фонду (NSF) и на основе многих технологий ARPANET в середине 1980-х гг. был создан непосредственный «предок» Интернета — NSFnet, постепенно распространившийся среди академического сообщества США. Затем появились два принципиальных новшества, которые и привели ко всемирной популярности Интернета: первое — изобретение «гипертекста», связывающего различные документы; второе — программное обеспечение, известное как «Mosaic» (основа кода была разработана студентом М. Андриеном), предоставившее возможность свободного доступа в сеть. В конце 1980-х гг. Интернет «вышел» за пределы США.

По оценкам министерства торговли США, в 1998 г. число пользователей Интернета удваивалось каждые 100 дней, в результате 100 млн человек подключились к сети, в то время как в 1994 г. туда входили только 3 млн. По разным данным, в конце 2000 г. в мире насчитывалось около 400 млн пользователей Интернета. Сравните: для охвата 50 млн человек радио потребовалось 38 лет, а телевидению — 13.

В новых технологиях выделяются *высокие технологии*, включающие информационные и коммуникационные, а также *биотехнологии*. Важность первых из них для динамики глобализации очевидна. Проникновение информации сквозь границы способствует

Баннеры сайта Свободной Бирманской Коалиции.

демократизации мира, снижению вероятностей авторитарного управления и изоляционизма, ускорению темпов экономического развития. С каждым днем все труднее оградить какую-либо страну от информации из внешней среды, однако некоторые власти пытаются это делать, ограничивая доступ в Интернет, к примеру, за счет контроля над провайдерами. Но такая политика становится все дороже и бессмысленнее (что видно на опыте жестко управляемого Китая). Характер влияния биотехнологий на глобализацию пока не столь четко прослеживается, хотя ясны открывающиеся перспективы, скажем, при борьбе с голодом либо выравнивании продовольственной ситуации между Севером и Югом, а также для прогресса фармакологии и медицины (так, создание органов путем клонирования тканей позволит решить многие проблемы по обеспечению здоровья и продлить жизнь человека).

Несмотря на изложенные выше положительные качества и радужные перспективы глобализации, обязательно нужно видеть ее *сложности и противоречия*. Это отнюдь не линейный, развивающийся равномерно и позитивно процесс. Политологи обнаруживают в нем множество неоднозначных, в т.ч. негативных, моментов. В одних странах и регионах глобализация в большей мере влияет, к примеру, на экономическую сферу, в других быстрее идет внедрение новых технологий. Так, в Южной Африке изначально широко распространились система банкоматов и сотовые телефонные сети, при этом уровень жизни африканского населения остался крайне низким.

Многие страны по разным причинам (политическая изоляция или самоизоляция, технологические возможности и т.п.) вообще оказались на периферии глобальных тенденций. Более того, в результате очень высоких темпов современной глобализации, прежде всего в технологическом плане, разрыв между странами, отдельными регионами, вовлеченными в данный процесс, и остальными с каждым годом становится все ощутимее.

Такая дисгармония развития, в свою очередь, порождает новые вызовы и угрозы миру: относительно бедные страны скатываются на еще более низкий уровень; из них идет массовая миграция (переселение) в благополучные регионы; в обделенных странах возникают плохо управляемые конфликты и т.п. В итоге появляются «новые недовольные», «новые изгои», с одной стороны, по размежеванию «Север — Юг», а с другой — по линии расслоения населения в развитых странах, где формируется, преимущественно из иммигрантов, фактически не включенный в социально-политическую систему современный «нижний класс». Это явление уже зафиксировано в теоретических построениях вроде «расколотой

цивилизации», «столкновения цивилизаций» (*Хантингтон*), противоречий центр–периферия (*Валлерстайн*).

Есть другое очень важное обстоятельство. Вследствие прозрачности границ легитимные государственные институты утрачивают все большую часть своих властных полномочий. Государству сложнее регулировать национальную экономику, особенно мобильные финансовые потоки (яркий пример тому — финансовые кризисы 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии и России).

Доступность информации, сильная зависимость современного мира от коммуникационных технологий создали еще одну проблему — кибертерроризма. Кроме того, биотехнологии открывают возможности контроля над поведением человека со стороны государства либо экстремистских организаций.

Свобода ценнее всех благ, которые дает нам Интернет. И ее надо сохранить.

Л. Жоспен, «Послание первой встрече G-8, посвященной компьютерным преступлениям»

Вход в Интернет-центр
(Индия).

В силу этих и иных негативных явлений глобализация способна затормозить или даже в ряде отношений обратить мировое развитие вспять: позволить распространение контрдемократических тенденций, поощрить стремления отгородиться от влияний извне с помощью национализма, ксенофобии (навязчивого страха перед чужаками), самоизоляции, режима закрытости границ.

Таким образом, глобализация, будучи общим вектором развития мира, уникальной равнодействующей разнообразных сил и тенденций, не предполагает прямолинейного движения «вперед и вверх». Напротив, она может создать высокую вероятность (для конкретных регионов либо в отдельные исторические периоды) эволюционных зигзагов и регрессов, порождая тем самым новые вызовы мировому сообществу.

3.2. Эрозия Вестфальской модели мира

Большинство исследователей, изучающих современный миропорядок, соглашались с тем, что в конце XX столетия мир переживает некий критический перелом, который они квалифицируют как «точку бифуркации» (раздвоения), «переходный возраст», эпоху неопределенности и т.д. В любом случае имеется в виду период неких качественных преобразований, меняющих суть и смысл самой политической структуризации мира. Один из главных аргументов в пользу данного утверждения — очевидные признаки разру-

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ТАРИФАМ И ТОРГОВЛЕ — ГАТТ (англ.

General Agreement on Tariffs and Trade) — серия многосторонних договоров, ориентированных на обеспечение безопасности и предсказуемости международных торговых отношений путем упразднения таможенных и прочих ограничений, снижения тарифных ставок, устранения всех форм дискриминации в мировой торговле ради повышения уровня жизни, занятости и т.п. в странах-участницах. Документ о ГАТТ, имеющий обязательный международно-правовой характер и подписанный 23 странами в Женеве, вступил в силу в 1948 г. Планировалось, что ГАТТ будет замещено специальным агентством ООН, но по ряду причин оно не было создано. Вместе с тем, ГАТТ оказалось самым эффективным инструментом либерализации мировой торговли, содействовавшим значительному ее росту за последние 50 лет (например, тарифы на промышленную продукцию были снижены почти в 8 раз). В 1995 г. ГАТТ было заменено **Всемирной торговой организацией (ВТО)** с более четкой институциональной структурой, но при сохранении общих договорных основ в виде ГАТТ и решений торговых раундов (встреч членов ВТО). Режим ВТО, предполагающий мониторинг и регулирование мировой ➤

шения основ Вестфальской мирной системы, просуществовавшей (с изменениями) три с половиной века.

На этот процесс обратили внимание, когда в мировую политику все активнее начали вмешиваться **межправительственные организации** — ООН, а затем сформированные в различных сферах (в торговле — **ГАТТ**) и в регионах (в Европе — НАТО, ОВД, ОБСЕ) образования. Изначально предполагалось, что они явятся своеобразными проводниками политики государств-создателей. Однако постепенно стало очевидным: эти организации все увереннее играют вполне самостоятельную роль и уже сами воздействуют как на международные отношения в целом, так и на своих учредителей.

В конце XX в. были внесены еще более серьезные коррективы в мировой политический процесс — в него включились в качестве акторов очень активные **неправительственные организации**, такие как транснациональные корпорации, СМИ, экологические (вроде Гринпис), профессиональные (например, «Врачи без границ»), феминистские и т.п. К 2000 г. количество неправительственных организаций резко выросло до 40 тыс. (оценочно).

Самостоятельные действия предпринимают **внутриполитические регионы**. Только один пример из многих: Шотландия и Гренландия заявили о своем стремлении войти в структуры ЕС на правах полноправных членов. Подобные регионы стали значимым фактором европейского строительства, что отражено в специальном понятии — *«Европа регионов»*.

Американские ученые **Кеохейн** и **Най** наглядно иллюстрируют это качественное изменение глобального политического процесса графически. Если ранее международные отношения ограничивались межгосударственными взаимодействиями (*схема 2*), то сегодня мир намного усложнился (*схема 3*).

Схема. 2. Модель мира, основанного на межгосударственных взаимодействиях (по Кеохейну и Наю)

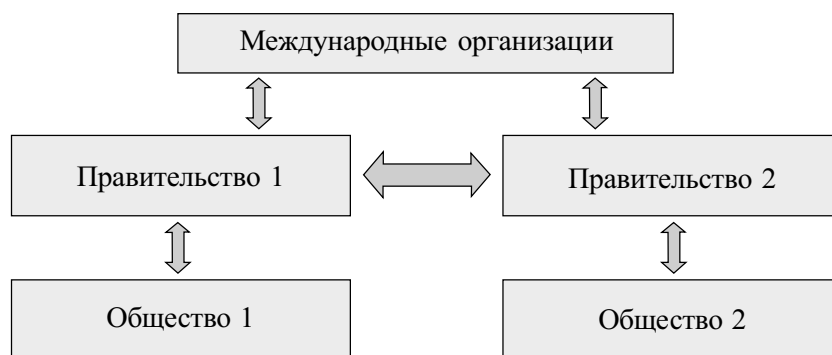
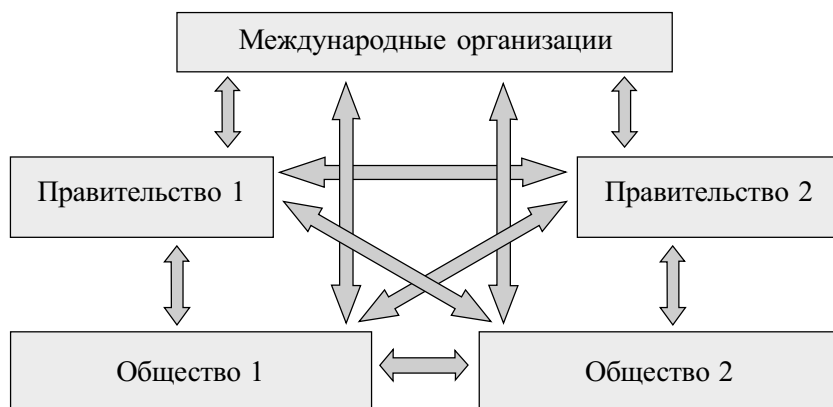

Схема 3. Модель современного мира (по Кеохейну и Наю)

➤ торговли, распространяется на 90% совокупного торгового обмена на нашей планете.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ — административно-территориальные сегменты государства, рост влияния которых во внутриполитических (регионализация) и во внешнеполитических процессах относится к основным характеристикам современности (ср. программу Евросоюза «Европа регионов»).

Вышеприведенные факты показывают, что миропорядок, построенный на взаимодействии исключительно таких акторов, как суверенные нации-государства и на балансе их сил, серьезно подвергнут сомнению со стороны других субъектов международных отношений, настойчиво заявляющих о своих правах.

Есть и возражения мнению об упадке Вестфальской модели мира: она сохраняется, ибо растет число суверенных государств, увеличиваются их возможности управления своими гражданами (в частности через социальное обеспечение), они сами активно создают международные институты либо режимы; и вообще — государственные границы пока никто еще не отменял.

Однако если принять за «вестфальский суверенитет» (термин *Краснера*) принцип, согласно которому внешние факторы не воздействуют на внутреннюю политику государства или могут влиять, но очень ограничено, то такой суверенитет действительно стал размываться, а вместе с ним — и государственно-центристская модель мира.

Эрозия Вестфальской системы мира создает для человеческого сообщества целый ряд проблем. В противоречие входят изначальные нормы и принципы, когда процессы, связанные со все большей прозрачностью границ, еще не проявили себя в полной мере (в частности сохраняется прежнее отношение к невмешательству во внутренние дела), и современнейшие требования с их растущим влиянием (например, принцип соблюдения прав человека в отношении гражданского населения, подвергнутого каким-либо испытаниям со стороны собственного государства). Это противоречие старых и новых, условно говоря, принципов ведет к серьезным последствиям.

*Мост, разбомбленный
военно-воздушными силами
НАТО в 1999 г. в ходе
«гуманитарной интервенции»,
вызванной антитеррористичес-
кой операцией Югославии на
собственной территории —
в крае Косово.*

С одной стороны, открытость границ и обусловленная ею взаимозависимость побуждают государства все активнее реагировать на события в других странах, особенно на конфликты. Вместе с тем, любые, пусть даже оправданные, попытки вмешательства во внутренние дела извне (т.е. ограничения суверенитета) заставляют другие страны (даже те, против которых не применялось силовое воздействие) защищать свой суверенитет и противостоять ослаблению роли государства, не колеблясь в средствах, — пусть полицейские и даже военные меры, пусть авторитарные методы правления, вплоть до диктатуры. В результате образуются условия для появления агрессивных — в отношении и мира в целом, и своих народов — режимов, а также квазигосударств. Они, используя правовые гарантии, обусловленные суверенитетом, всячески стараются удержать власть, создавая тем самым зоны терроризма и нестабильности.

С другой стороны, размывание государственных границ толкает некоторые национальные движения к сепаратизму, что нередко выражается в открытых формах конфликтов. Нужно также иметь в виду, что большинство государств возникли только в XX в. Сегодня в мире немало национальных образований, которые только стремятся добиться статуса государства (англ. *would-be-nations*).

Обратите внимание

На конец 2000 г. в ООН входили 189 стран. Вопреки распространенному мнению, не все суверенные государства — члены этой авторитетной международной организации. Например, Ватикан и Швейцария, на территории которой размещаются многие учреждения ООН, в ней не состоят. Членом ООН с 1971 г. не является также Тайвань, де-факто воспринимаемый многими странами как суверенный, несмотря на протесты КНР. Правда, в Швейцарии в 2002 г. запланирован референдум о вступлении в ООН.

Внешнеполитические ведомства ряда государств, например США, которые признали в качестве суверенных 190 стран, составляют особый список таковых, куда по политическим мотивам не включают некоторые страны (вроде Тайваня). Однако в последнем издании «*The World Almanac & Book of Facts, 2000*» сочтены суверенными 192 государства. Этого же списка придерживается веб-сайт *geography.about.com*.

Самый значительный рост числа образованных государств пришелся на 1990-е гг. — более 20. При всей неочевидности сохранения этой тенденции некоторые эксперты выступают со смелыми прогнозами о том, что в ближайшие десятилетия на политической карте Земли может появиться до 100 новых государств.

Открытость границ ставит проблему **идентичности**. В эпоху безраздельного господства Вестфальской модели мира идентификация во многом основывалась на принадлежности к государству. Однако сегодня государства, по мнению английского политолога **Сьюзен Стрендж** (род. 1923), уже не могут требовать к себе от граждан такой лояльности (верности), которая бы превышала их лояльность к семье, фирме, какой-либо группе. Исключения составляют лишь некоторые государства вроде КНДР. Поэтому новая обстановка в мире (ее можно считать переходной в том числе для сознания человека) вызывает проблемы с идентичностью: появлением множественной либо неотчетливой самоидентификации, как следствие — попытками самоотождествления на этнической, религиозной или какой-то иной почве, что зачастую ведет к конфликтам.

Обратите внимание

По данным Международного института исследования проблем мира в Осло (PRIO), в период с 1990 по 1995 гг. 70 стран были вовлечены в 93 вооруженных конфликта, в которых погибло 5,5 млн человек.

ИДЕНТИЧНОСТЬ (лат. *identificus* — тождественный, одинаковый) — качество, являющееся результатом индивидуального или группового самовосприятия в виде определенного субъекта.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ — психологический процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, общностью, помогающий ему успешно овладевать разными видами социальной деятельности, усваивать нормы и ценности данного сообщества.

Распадение государственно-центристской модели мира серьезно воздействует на мировую политику, так как эта модель — ее многовековая основа. Данный процесс вызвал в конце XX в. кризис Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, который имеет и самостоятельное значение, ибо пока государства остаются главными акторами на мировой сцене.

Интерпретация

По мнению **Хантингтона**, высказанному еще в 1989 г. в американском журнале «National Interest», завершение холодной войны не означает окончания борьбы за власть и влияние; возможно, это означает конец длительного мира.

Крах биполярной схемы мироустройства, являвшейся несущей конструкцией Ялтинско-Потсдамской системы, произошел как бы естественным путем и не повлек за собой переговоров об изменении принципов организации международных отношений. Это порождает множество противоречий и осложнений в современном мире, которые особенно явно проявляются в ситуациях конфликтов (например, в конце 1990-х гг. на Балканах).

Берлинская стена — зримый символ холодной войны и разделения мира на два лагеря. Построена в 1961 г. и разрушена 9 марта 1989 г.

3.3. Варианты политической структуры мира XXI века

Явная устарелость Вестфальской модели мира и распад Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений заставили политиков и ученых строить прогнозы относительно будущего политического миропорядка. Их можно условно разделить на три группы.

По одним представлениям мир становится все более гомогенным главным образом вследствие развития процессов глобализации, которые охватывают очередные территории и влияют на новые составляющие экономического, социального, культурного, политического бытия человечества. В таких прогнозах глобализация обычно рассматривается как распространение западных моделей, ценностей, институтов и т.п. на весь мир. Установочными в этом плане принято считать работы *Фукуямы*, в частности «*Новые размышления: Крайний*» (1999). Одно из основных критических возражений на тезисы этого аналитика заключается в том, что нет оснований полагать, что мир становится все более однородным и в этом смысле упрощенным. Ярким тому свидетельством является противоречивость процесса глобализации.

Интерпретация

Один из ведущих американских политаналитиков *Томас Фридман* в своей книге «*Лексус и оливковое дерево: Постигая глобализацию*» (1999) обращает внимание на то, что символами холодной войны были стена, разъединяющая миры, а также «горячая линия» между Москвой и Вашингтоном, позволявшая этим сверхдержавам до определенной степени контролировать развитие «разъединенного» мира. Символом конца XX в., как он считает, стал Интернет, при помощи которого все участники мирового сообщества «управляют» миром; вместе с тем, никто не обладает функцией всеобщего контроля над ними. Так что если в эпоху холодной войны традиционный вопрос о могуществе сводился к тому, сколько и каких боеголовок имеет данное государство и его противник, то сегодня он звучит иначе: «Насколько быстро работает ваш модем?»

Прямо противоположный прогноз относительно будущего мира дают те исследователи, которые пишут о цивилизационном расколе. Причем приводимые основания для такого раскола различны: обостряющееся разделение на западную, латиноамериканскую, африканскую, исламскую, конфуцианскую, индуистскую, православно-славянскую, японскую цивилизации — у *Хантингтона*;

также цивилизационный разлом, но иного рода: на сельскохозяйственную, индустриальную и постиндустриальную — у **Олвина Тоффлера** (род. 1928); резкие перепады в степени профессионализма — у **Владислава Иноземцева** (род. 1968); уровень социально-экономического развития стран (высокий, средний и низкий, которым соответствуют центр, полупериферия, периферия мир-системы) — у **Валлерстайна**; образование шести пространственно-экономических зон (североатлантической, тихоокеанской, евразийской, «южной» и двух транснациональных пространств, выходящих за пределы привычной геокартографии) — у **Александра Неклессы** (род. 1949). В этих и других аналогичных концепциях, прогнозирующих дальнейшую дифференциацию мира, особо указывается на реальные или потенциальные конфликты, связанные с данным фактором.

Эмблема неправительственной организации «Врачи без границ».

Новый век, ...возможно, будет больше похож на пестрое и беспокойное средневековье, чем на статичный двадцатый век, но учтет уроки, извлеченные из того и другого.

К. Бус, «Вызовы незнанию: теория международных отношений перед лицом будущего»

Такого рода сценарии тоже подвергаются критике. Во-первых, раз ученые выделяют целый ряд оснований для «раскола», то некое глобальное столкновение маловероятно, ибо многие из противоречий «накладываются» друг на друга, пересекаются (один и тот же человек может принадлежать сразу к нескольким группам — например, буддистской, высокопрофессиональной и т.п.). Во-вторых, акцентированный в данных подходах повышенный уровень конфликтности вряд ли можно рассматривать как основную черту устоявшегося миропорядка — он присущ, скорее всего, именно процессу его перехода из одного состояния в новое.

В третьей группе вариантов развития делаются попытки совместить обе современные тенденции — интеграцию и универсализацию мира, с одной стороны, и обособление его отдельных частей и областей человеческой активности — с другой. В начале 1990-х гг. обратил внимание на одновременное действие этих тенденций **Бенджамин Барбер** (род. 1939), а за ним и другие. Директор (с 1991 г.) Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) **Адам Ротфельд** считает, что международные отношения определяются как центростремительными процессами (глобализацией или интеграцией), так и центробежными (фрагментацией, эрозией государств). Американский политолог **Джеймс Розенау** (род. 1924) сконструировал даже особый термин для того,

чтобы отразить такое переплетение направлений развития — **фрагментативность** (англ. *fragmegrative* — совмещение фрагментации и интеграции).

Развернулись дискуссии и в плане будущей структуры международных отношений. Популярнее всех две точки зрения: она будет четко **однополярной** (во главе с США вместе с «семеркой/восьмеркой» ведущих государств) либо **многополярной** (с ведущими центрами силы в различных регионах) (схема 4 и схема 5).

Схема 4. Модель
однополярного мира

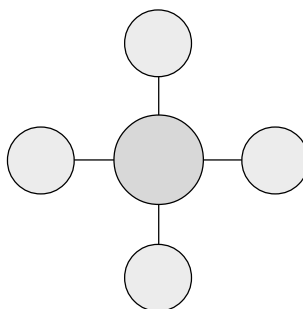
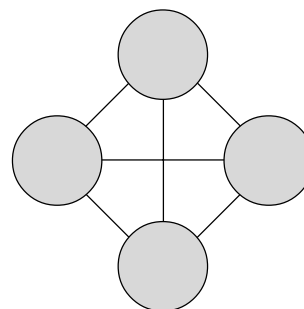

Схема 5. Модель
многополярного мира

Вместе с тем, большинство ученых, описывающих будущее мироустройство с использованием понятия поляризации, исходят лишь из фактора держав (или их союзов как центров силы), а значит, недоучитывают реалии, связанные с активной деятельностью негосударственных акторов на мировой сцене. В отличие от них, Розенау предполагает, что политическая структура мира XXI в. будет напоминать, видимо, особым образом организованную сеть — по подобию Интернета — с множеством узлов и переплетений. Но все-таки мир на пороге третьего тысячелетия по-прежнему государственно-центричен, хотя появляются и негосударственные центры.

Обратите внимание

Похоже, что современные технологии не только формируют новый мир, но и меняют наши представления о нем или образы миропорядка. Если раньше мир описывался метафорами, взятыми из классической механики, физики и химии, где ядро и некая «периферия» — главные структурные элементы, то для фиксации образующейся глобальной структуры подыскивают образы уже из сферы современнейших технологий — мир, в частности, выступает как сложная сетевая «паутина» вроде Интернета.

3.4. Мировая политика как предмет исследований

При государственно-центристской модели мира внутренняя и внешняя политика какого-либо государства во многом были раздельными сферами, хотя влияли друг на друга. Научные направления, которые изучали ту и другую, развивались чуть ли не параллельно. «Чистые» политологи занимались исследованием внутриполитических проблем, а представители такой дисциплины, как **международные отношения**, анализировали взаимодействия государств, которые, по популярнейшей в среде этих специалистов метафоре, сталкивались на мировой арене беспорядочно, подобно бильярдным шарам (*Арнольд Уолферс*).

Обратите внимание

Первая кафедра международных отношений была образована в Великобритании в 1919 г. Эту дату принято считать началом формирования новой научной дисциплины.

Примерно к концу 1970-х гг. в рамках неолиберализма сложилось научное направление под названием **мировая политика**. Его развитие связывают с авторами журнала «*Международная организация*» («*International Organization*», США), а также с трудом Кеохейна и Ная «*Транснациональные отношения и мировая политика*». Разделение двух дисциплин — международных отношений и мировой политики — как раз и обусловлено тем, в какой мере процессы глобализации, деятельность неправительственных акторов включаются в научное и педагогическое рассмотрение. Правда, до сих пор такое деление довольно условно, и оба понятия нередко используются в качестве синонимов, но при занятиях международными отношениями преимущественное внимание обращено обычно на межгосударственные проблемы, а в мировой политике изучается более широкий круг акторов. Однако все чаще специалисты применяют и третий, более нейтральный, термин — **международные исследования** (англ. *international studies*), имея в виду, что под этим названием объединяются оба направления.

На рубеже 1990-х гг. теоретическая интерпретация политических реалий преобразования мира не успевала за ходом новейших процессов. Это подчеркивали многие ученые, в т.ч. *Валлерстайн*, *Кьелл Голдмани* (род. 1937), *Кеохейн*, *Йель Фергюсон*, *Ричард Мансбах* (род. 1943), причем политики и представители иных научных дисциплин нередко упрекали исследователей международных отношений в том, что они не смогли предсказать распад СССР и биполярной структуры мира.

Эмблема Российской ассоциации международных исследований (РАМИ).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (англ. international relations) — самостоятельная дисциплина в сфере политических наук (выделилась в начале XX в.), традиционно занимающаяся исследованием межгосударственных взаимодействий (интеракций) в мировом масштабе, а также национальных интересов государств, определенных в терминах власти.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА (англ. world politics) — в исследовательский комплекс этой дисциплины (сформирована в 1970-е гг.) входит в целом рассмотрение активности нетрадиционных (негосударственных) политических акторов в глобальном масштабе, а также новых тенденций мирового развития (глобализация и пр.).

Мы никогда не перестаем удивляться. Резкое окончание холодной войны, неожиданная война в Персидском заливе, внезапный распад Советского Союза поразили буквально всех — правительственные круги, научное сообщество, средства массовой информации, политических аналитиков. Вместе с тем во всех этих событиях не было чего-то особо невероятного: холодная война когда-нибудь должна была закончиться, на Ближнем Востоке всегда были войны, а грядущее поражение коммунизма отчетливо просматривалось уже в течение ряда лет. Однако сам факт, что все это случилось как бы вдруг, показывает: средства, с помощью которых современные политики и их пророки пытаются определить политическое будущее мира, неадекватны.

Дж. Гэддис, «Теория международных отношений и окончание холодной войны»

В конце XX в. в этой области исследований наметились видимые перемены, в т.ч. связанные с распадом государственно-центристской модели мира. Более проницаемыми стали не только межгосударственные границы, но разграничения между научными дисциплинами, предметные области которых — как внутренняя, так и глобальная политика. Перспективное сближение интенсивно осуществляется между предметами сравнительной политологии, международных отношений и мировой политики: отныне характерная для них сфера научного анализа, как правило, не ограничена рамками отдельного государства. В результате междисциплинарными сейчас становятся такие проблемы: взаимодействие различных политических систем (например, справедливо ли утверждение о том, что демократии не воюют друг с другом); адаптация государств к нарушениям их суверенитета; участие государственных и негосударственных акторов в формировании новой политической модели мира, их сотрудничество при урегулировании конфликтов и в противостоянии терроризму.

Значительно большая открытость границ позволяет также сгладить различия между внешней и внутренней политикой, а в научном плане — между политологией прошлого и первой половины XX столетия с ее традиционной ориентацией на изучение внутригосударственных проблем и современными международными исследованиями. Тем самым политология (в т.ч. прикладные субдисциплины) совершенно определенно выходит за традиционные пределы анализа политики в ее национальном

выражении. Политика в новом качестве комплексного гуманитарного научного знания расширяет свою предметную область до глобального уровня. Общие тенденции развития мироустройства — и с этим согласно большинство политологов — уже определяют внутривнутриполитическое состояние отдельных стран, территорий, регионов.

Политическая наука может быть серьезно изучена только как ветвь осмысления политики на глобальном уровне... Мировая политика — вот дом политической науки, а не наоборот.

К. Бус, «Вызовы незнанию: теория международных отношений перед лицом будущего»

Камбоджийцы возвращаются из лагеря для беженцев, организованного ООН. Камбоджа, 1992 г.

Вопросы для семинарского занятия

1. Каковы основные параметры Вестфальской модели мира?
2. Дайте сравнительный анализ теоретических школ в международных исследованиях, опишите их уязвимые и сильные стороны.
3. Какие есть подходы к пониманию проблем глобализации и различных аспектов этого процесса?
4. Какие характеристики современного этапа развития политической структуры мира и гипотезы относительно вновь формирующейся структуры можно выделить?
5. Могут ли и как именно государства противостоять негативным аспектам мирового развития, связанным с современными технологиями?
6. Опишите современное состояние международных исследований и перспективы их развития.
7. Действительно ли мир периода холодной войны был стабильнее и в этом смысле более безопасным?
8. Определите место России в меняющейся политической структуре мира.
9. В чем проявляется влияние мировых политических процессов на политическое развитие России?

Тексты

Булл Х. Анархическое сообщество: исследование проблемы порядка в мировой политике. — *Антология мировой политической мысли*. — Т. 2. — М., 1997.

- Кеохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня. — *Политическая наука: новые направления*. — М., 1999.
- Киссинджер Г. *Дипломатия*. — М., 1997.
- Моргентау Г. Международная политика. — *Антология мировой политической мысли* — Т. 2. — М., 1997.
- Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 16, 17, 18.
- Фукуяма Ф. Конец истории? — *Вопросы философии*, 1990. — № 3.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — *Полис*, 1994. — № 1.
- Keohane R., Nye J. *Transnational Relations and World Politics*. — Cambridge, 1972.

Дополнительная литература

- Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. — М., 1998.
- Иноземцев В.Л. *Расколотая цивилизация*. — М., 1999.
- Космополис*. Альманах, 1999.
- Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития). — *Полис*, 2000. — № 1.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира. — *Международная жизнь*, 1999. — № 10.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей. — *Полис*, 1999. — № 4.
- Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки. — *Полис*, 1999. — № 5.
- Международные отношения: социологические подходы* (ред. П.А. Цыганков). — М., 1998.
- Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия*. (Ред. М.М. Лебедева). — М., 2000.
- Молчанов М.А. Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы? — *Полис*, 1999. — № 5.
- Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития. — *МЭиМО*, 1998. — № 11.
- Проблемы глобализации. — *Pro et Contra*, Осень 1999.
- Современные международные отношения*. (Ред. А.В. Торкунов). — М., 1998.

- Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации. — *МЭиМО*, 1995. — № 6.
- Цыганков П.А. *Международные отношения*. — М., 1996.
- Чешков М.А. *Глобальный контекст постсоветской России*. — М., 1999.
- International Order and the Future of World Politics*. — Cambridge, 1999.
- Kegley Ch.W., Wittkopf E.R. *World Politics: Trend and Transformation*. — N.Y., 1999.

Заключение

Преподавателю политологии в высшей школе важно не забывать о том, что политика в ее теоретическом и практическом преломлениях — это одновременно и исследование проблемы организации человеческих возможностей ради совершенствования всех сфер деятельности общества, и стремление претворить полученные знания в жизнь. Данное сочетание теории и практики в политологии как научной и учебной дисциплине отличает ее от некоторых других гуманитарных отраслей, формулирующих зачастую абстрактные положения, отвлекаясь от возможностей и условий их осуществления в реальности, либо рассматривающих с позиций стороннего наблюдателя определенные структурные элементы социального бытия.

Именно в связи с этим **методика** преподавания политической науки в вузах России — для будущих профессионалов различного рода в сфере политики — должна быть основана на трех главных принципах. Во-первых, теорию и фактические сведения о политических явлениях и процессах студент после окончания обучения обязан уметь применять на деле — в соответствии с избранным им направлением работы в практической политике. Во-вторых, приоритет при изучении данной дисциплины нужно отдавать более или менее самостоятельному анализу соответствующей проблематики, а не ознакомлению с отдельными теоретическими положениями либо событиями в политической сфере. В-третьих, основные усилия преподавателей должны быть сосредоточены на развитии у студента навыков аналитического мышления.

Авторский коллектив книги *«Категории политической науки»*, подготовленной в печатном («бумажном») и электронном («виртуальном») вариантах, надеется, что каждый читатель смог отыскать в ней самое необходимое согласно его индивидуальными потребностями: структурированный по основным категориям (конечно же, не по всем) базовый блок знаний в области политической науки (включая определения понятий и цитаты из произведений авторитетных ученых); уровень более углубленных интерпретаций и точек зрения, раскрывающий не только состояние современных научных дискуссий по проблемам политики, но и предоставляющий интересные сведения об этой сфере человеческой жизнедеятельности; банк данных по научным биографиям наиболее значительных политических философов, политологов и ученых смежных профессий (как классиков, так и наших современников) и т.д.

После усвоения предложенного нами объема знаний какой могла бы быть дальнейшая ориентация процесса обучения в области политической науки, особенно с учетом реально сложившейся ситуации в современном российском образовательном пространстве?

Опыт педагогической и исследовательской деятельности, накопленный на факультете Политологии МГИМО–Университета, вряд ли позволяет дать сколько-нибудь однозначный ответ на поставленный вопрос. Дело заключается прежде всего в многообразии научно-образовательных целей и ориентаций политологических учебных заведений и созданных на их основе педагогических школ, вариативности конечных профессиональных задач, социальной востребованности различных типов политологической специализации в сегодняшней России. Существенное значение имеют и неодинаковые возможности профессиональных траекторий тех, кто сегодня, используя новые, в т.ч. технологические, методы и приемы обучения, осваивает сначала азы политической науки, а затем вникает в ее глубинные содержательные пласты.

Полностью признавая оправданность различных образовательных стратегий в области политологии, в первую очередь конкретных специализаций, авторы настоящей книги, вместе с тем, считают необходимым более или менее четко определить основные контуры «профессиограммы» (или профессиональной матрицы) выпускника факультета Политологии МГИМО–Университета. При этом мы исходим из того, что при всем отличии друг от друга вероятных вариантов обучения на более высоких уровнях предложенный в курсе *«Категории политической науки»* объем базовых знаний по политологии является неременным условием для выбора последующей специализации. Иными словами, нужно знать, как минимум, бульшую часть изложенного в нашей книге, чтобы идти дальше.

В настоящее время в отечественном высшем политологическом образовании можно выделить несколько профессиональных направлений, которые, в свою очередь, отражаются и в своеобразии ориентированных на конечную специализацию систем конкретных, частных (т.е. не базовых) дисциплинарных курсов. Во-первых, это изначально предметно довольно широкая, с приобретением особых познаний, навыков творческой и аналитической работы подготовка массовых (и в идеале самовоспроизводящихся) кадров **преподавателей и научных работников** в области политологии. Во-вторых, набирающее в последнее время размах и интенсивность целенаправленное обучение **политологов-прикладников**, т.е. технологов избирательных кампаний, консультан-

тов, специалистов по PR (рекламе и связям с общественностью), политическому менеджменту или маркетингу и т.п. В-третьих, это целый ряд преимущественно **специализированных магистерских программ** по политологии, нацеленных на избирательную, «штучную» подготовку довольно узкого круга профессионалов, которые сосредоточились бы прежде всего на высокоинтеллектуальной исследовательской деятельности в тех или иных конкретных областях. Существуют у нас и менее четко сформулированные варианты политологического образования.

Факультет Политологии МГИМО–Университета в своей научно-образовательной программе исходит из установки на обучение **стратегических политических аналитиков**, которые обладали бы целым рядом профессиональных преимуществ, обусловленных в первую очередь усиленной международной составляющей познаний, традиционно характерной для нашего, называемого многими элитарным, вначале советского, а затем российского вуза. Иными словами, выпускники факультета Политологии — не «политологи широкого профиля», которых готовят и в других уважаемых заведениях высшей школы, а **политологи-международники** и **политологи-компаративисты**, образованные в лучших исторически сложившихся порядках и правилах МГИМО.

Международный образовательный компонент профессионального обучения получает специфическое воплощение на двух отделениях факультета Политологии — «**Сравнительной политологии**» и «**Мировой политики**». В первом случае это выражается в приобретении компаративных (так наз. кросснациональных) познаний об особенностях политических систем, институтов, процессов, культур и т.д. в разных нациях-государствах, а также о роли и влиянии внешних — региональных либо международных — факторов на внутренние процессы в России или в зарубежных государствах. Во втором случае международная составляющая обучения в МГИМО–Университете проявляется в получении и закреплении эрудиции в сфере глобальных, транснациональных процессов и тенденций в мировой политике, равно как и по проблемам воздействия на нее тех или иных внутристрановых (либо региональных) факторов.

Обретаемые выпускниками факультета Политологии МГИМО–Университета фундаментальные (исторические, экономические, юридические), а также общетеоретические и прикладные знания, практические навыки аналитической, управленческой и аппаратной работы позволят им стать государственными служащими, партийными функционерами нового типа, экспертами-консультантами, политическими советниками, независимыми аналитиками и т.д.,

причем с широким международным кругозором. Вовсе не исключено, что кто-нибудь из наших бывших студентов выберет путь практикующего политика.

Настойчиво повторяю еще раз: преподаватели факультета Политологии МГИМО–Университета, равно как и руководство самого ВУЗа, считают совершенно необходимым освоение того блока знаний, который — с учетом разных уровней подачи материала — содержится в исходном для образования профессионала-политолога курсе *«Категории политической науки»*. Кстати, и в большинстве ведущих университетов мира студенты, изучающие политическую науку, начинают с какого-либо варианта вводного систематического изложения дисциплины о политике, знакомящего с ее центральными категориями и понятиями, которые используются при анализе конкретных явлений и процессов (нередко — в качестве первой теоретико-методологической части общего курса по сравнительной политологии). По этому обобщенному, опробованному в мировом образовательном пространстве принципу построено и преподавание политологии на нашем факультете. Вначале студенты получают сведения об основах политологической проблематики, в т.ч. о ее категориальном аппарате, закрепляют их в ходе семинарских занятий и самостоятельной работы, а уже затем приступают к углубленному изучению отдельных политологических дисциплин — **общепрофессиональных** (История политических учений; Современные политические теории; Политическая социология; Политическая психология; Политическая философия; Сравнительная политология; Мировая политика; Политическая система и политические процессы в России; Политическая регионалистика; Принятие политических решений; Политическое моделирование; Политическая семиотика; Политическая эпистемология и др.) и **специальных** (Современное государственное устройство; Политические системы и политические культуры; Группы интересов; Партии и партийные системы; Парламентаризм и президентство; Экономическая политика; Социальная политика; Международная безопасность; Национализм и этнополитология; Россия в мировой политике; Ведение переговоров и т.д.).

При этом учебные планы обоих отделений факультета Политологии — с учетом их дифференцированной и одновременно гибкой международной специализации — непременно включают в себя блок **прикладных политико-управленческих дисциплин**, которые служат необходимой опорой для практической деятельности политолога-международника (Политическая информатика; Социальная и политическая статистика; Методы и методики политических исследований; Прикладной политический анализ;

Основы государственно-публичной политики; Политический менеджмент; Политические коммуникации; Политические кампании; Политический лоббизм; Кризисное регулирование; Политические документы; Технологии аппаратной работы; Имиджмейкинг и др.).

Предложенная факультетом Политологии МГИМО–Университета схема подготовки политологов-международников и политологов-компаративистов — не единственная образовательная парадигма в современной политологии, хотя она, на наш взгляд, отличается целостностью и комплексным подходом. Очень нужны, реально существуют и развиваются другие варианты обучения, которые выражаются прежде всего в различных путях специализации. Но для политолога современного типа, которому предназначено работать в первые десятилетия XXI века, на какую бы конкретную сферу деятельности он ни ориентировался в начале и в продолжении своей карьеры, владение базовым, классическим, апробированным на мировом уровне сводом знаний о политике представляется обязательным условием квалификации.

Все вышесказанное, разумеется, относится в первую очередь к обучению студентов, вместе с тем, здесь тоже намечены некоторые направления возможного самообразования для людей, профессионально занимающихся политикой либо интересующихся этой важнейшей сферой жизнедеятельности человека.

Книга *«Категории политической науки»* в многоуровневом исполнении и при выходе в свет в печатной и электронной формах была задумана и написана ради того, чтобы раскрыть россиянину огромный и противоречивый политический мир. Судить об избранном авторским коллективом факультета Политологии МГИМО–Университета сложном инновационном подходе и о содержании курса предстоит коллегам и особенно нашим читателям.

А.Ю. Мельвиль

Именной указатель

Учебник содержит избранные научные биографии ряда упоминаемых в нем исследователей. Их имена, а также номера соответствующих страниц выделены **полужирным шрифтом**. Страницы с портретами выделены *курсивом*.

А

- Абрамсон, Пол 502
 Августин Блаженный 159
 Агрикола 189
 Аденауэр, Конрад 333
 Адорно, Теодор Визенгрунд 34, 36, 159, 552
 Айзенк, Ганс 432
 Актон, Джон Эмерих 75, 429
 Александр Македонский 13, 615
 Алексеева, Татьяна Александровна 9, 69, 583
 Алеман, Ульрих фон 318
 Аллард, Эрик 102
АЛМОНД, Габриэль 53, 55, 56, 69, 70, 127, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 147, 149, 150, 302, 330, 334, 337, 371, 418, 420, 421, 423, 431, 462, 483, 484, 485, **485-486**, 488, 489, 496, 499, 500, 501, 515
 Аль-Омари 189
 Альберт Великий 51
 Альянде Госсенс, Сальвадор 388
АЛЬГУЗИЙ, Иоханн 51, **51-53**
 Альтюссер, Луи 44, 46
 Амин, Иди 172, 190, 191
 Амин, Самир 609, 611
 Андерсон, Джеймс И. 303
 Андерсон, Лиза 258
 Андерсон, Ричард Д. 194
 Андреа, Иоганн 526
 Андреев С.С. 150, 477
 Андрей Боголюбский 88
 Андрисен, Марк 617
 Аптер, Дэвид 67, 140, 141, 241, 330, 362, 371, 420, 421
 Арбластер, Энтони 257
АРЕНДТ, Ханна 34, 79, 159, **159-161**, 193, 520, 533
АРИСТОТЕЛЬ 13, **13-15**, 18, 19, 21, 40, 42, 46, 50, 68, 79, 90, 99, 117, 127, 146, 160, 198, 203, 262, 268, 282, 297, 362, 363, 482
 Арон, Реймон 23, 47, 69, 193, 257, 529, 534, 560
 Арриги, Джованни 609
 Арт, Роберт 599
 Астафьев, Петр Евгеньевич 507
 Аткинсон, Джон 451, 453
 Аттали, Жак 150
 Афанасьев, Михаил Николаевич 477
 Ахмед, Башруддин 488
 Ачария Б. 515

Б

- Базанес, Мигель 502
 Байденкофф, Курт 607
БАКУНИН, Михаил Александрович 42, 558, 574, **575-576**, 577, 578
 Баллок, Алан 383
 Банс, Валери 257
 Барбер, Бенджамин 194, 625
 Барбюс, Анри 47
 Барион, Якоб 529
 Барнс, Барри 94, 114
 Барнс, Сэмюел 502
 Бартлетт, Фредерик 431
 Баталов, Эдуард Яковлевич 492, 515
 Бауэр, Отто 556
 Бахрах, Питер 224
 Бейме, Клаус фон 484
 Бекет, Томас, архиепископ Кентерберийский 97
БЕЛЛ, Дэниел 529, **533-535**, 534
 Беллами, Эдвард 528
 Бенвенист, Эмиль 105, 114
 Бенеми, Уильям 283
 Бентам, Иеремия 213, 214
БЕНТЛИ, Артур 295, 296, 322, 325, **326-328**, 329, 341, 345

Бергер, Питер 496
Бергер, Яков Михайлович 424
Бердяев, Николай Александрович 561
Берельсон, Бернард 222, 434, 435
Берия, Лаврентий Павлович 171
Бернхейм, Джеймс 229
Бернштейн, Эдуард 551, 552, 556, 583
БЕРТАЛАНФИ, Людвиг 118, 121, **122-124**, 123, 125, 150
Бехтерев, Владимир Михайлович 458
БЁРК, Эдмунд 208, 299, 543, **543-544**, 563
Бёрлин, Исая 584
Бжезинский, Збигнев 165, 171, 194, 402, 630
Бирнбаум, Пьер 230
Бисмарк, Отто фон 413
Блау, Питер 34, 440
Блондель, Жан 148
Блэк, Сирил 393
Блюменсток, Дороти 31
Боббио, Норберто 224
БОГДАНОВ (Малиновский), Александр Александрович 120, 121, **121**
БОДЕН, Жан 42, 51, 53, **277-279**, 363
Боднар А. 515
Бокасса, Жан Бедель 188, 189, 190, 191
Боллингброк, Генри Сент-Джон 298, 399
Болл, Теренс 91, 94, 114
Бомон, Гюстав де 207
Боришполец, Ксения Петровна 9
Боррадори, Джованна 583
Боулдинг, Кеннет 42, 122
Брамс, Стивен 34
Брант, Себастьян 51
Браун, Вернер фон 171
Брежнев, Леонид Ильич 193, 250
Бродер, Дэвид 303
Брэйди, Генри 337, 488
Будон, Реймон 423, 435
Булл, Хедли 629
БУРДЬЁ, Пьер 44, **44-46**, 339, 355
Бурлацкий, Фёдор Михайлович 8, 142
Бус, Кен 625, 629
Буш-младший, Джордж 392
Буш-старший, Джордж 454
Бхатт, Анил 488
Бэкон, Фрэнсис 81, 523, 528
Бюрдо, Жорж 43, 266

В

Вайнер, Майрон 371, 469, 475, 476
Валенса, Лех 406
ВАЛЛЕРСТАЙН, Иммануил 103, 609, **609-610**, 611, 612, 619, 625, 627
Вальдо, Дуайт 49
Ванханен, Тату 254
Василенко, Ирина Алексеевна 356
Василик, Михаил Алексеевич 355
Васильев, Леонид Сергеевич 201
Ватануки, Йоджи 402
ВЕБЕР, Макс 17, 26, 27, 35, 37, 42, 49, 76, 77, 82, 83, **83-85**, 88, 95, 108, 109, 110, 112, 114, 128, 188, 208, 266, 272, 304, 373, 375, 398
Вейнгафт, Барри 355
ВЕРБА, Сидней 137, 150, 230, 337, 418, 462, 464, 484, 485, 486, 487, **487-489**, 499, 500, 501, 515, 605
Вильгельм III Оранский 205
Вильдавски, Аарон 49
ВИЛЬСОН, Вудро 54, 566, **602-604**
Вильсон, Эдвард 428
Винер, Норберт 117, 150
Винник, Николай Васильевич 10
Винстэнли, Джерард 526
Витгенштейн, Людвиг 564
Виткопф, Юджин 607, 631
Владимирский-Буданов, Михаил Флегонтович 76
Володин, Андрей Геннадьевич 9
Вольтер (Аруэ, Мари Франсуа) 42, 364
Воскресенский, Алексей Дмитриевич 356
Восленский, Михаил Сергеевич 186, 193
Всеволод Большое Гнездо 89
Вудхаус, Эдвард 356
Вулси, Теодор 54
Вятр, Ежи 86, 88, 107, 114, 477, 490, 499, 531

Г

Гадамер, Ханс-Георг 493
Гаджиев, Камалудин Серажуудинович 515
Гай, Питерс Б. 355
Галкин, Александр Абрамович 8
Гальтунг, Йохан 613
Гаман-Голутвина, Оксана Викторовна 477

Гамильтон, Александр 215, 256
 Гамильтон, Вильям 220
 Ганди, Индира 406
 Ганди, Мохандас Карамчанд 105
 Гарбузов, Валерий Николаевич 583
 Гаррингтон, Джеймс 528
ГЕГЕЛЬ, Георг Вильгельм Фридрих 22, 90, 162, 163, 164, 268, 269, **269-271**, 398, 521, 530, 552, 570
 Геккель, Эрнст 121
ГЕЛЛНЕР, Эрнест 563, 564, **564-568**, 583
 Гельман, Владимир Яковлевич 515
 Генри, Нил 435
 Генрих II 96
 Генрих V 430
 Генрих VIII 397
 Гераклит 46
ГЕРДЕР, Иоганн Готфрид **482-483**, 483, 566
 Герцен, Александр Иванович 555
 Гершенкрон, Александр 371, 414
 Гесиод 73
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 390, 482
 Гиббс, Дуглас 91
 Гидденс, Энтони 150, 295, 423, 424
 Гизо, Франсуа 24, 208
 Гинсберг, Бенджамин 461
 Гирке, Отто фон 53
 Гитлер, Адольф 111, 165, 166, 168, 169, 171, 193, 442, 443, 573
ГОББС, Томас 22, 28, 53, 78, 90, 94, 104, 114, 127, 160, 213, 218, 263, **263-266**, 268, 277, 295, 317, 375, 427, 540, 594, 596, 598
 Гогель, Франсуа 433
 Годвин, Уильям 574, 575, 579
 Годе, Хазель 434, 435
 Гозман, Леонид Яковлевич 477
 Голдстейн, Джудит 606
 Голль, Шарль де 111, 226, 283, 388, 389, 456
 Голосов, Григорий Васильевич 317
 Гомер 201
 Горбачев, Михаил Сергеевич 193, 454
 Горгий 74
 Гоулдманн, Кьелл 627
ГРАМШИ, Антонио **552-553**, 553, 554
 Грановский, Тимофей Николаевич 297
 Грёфин-Хук В. 315
 Грин, Дональд 69

Гринстайн, Фред 356, 441, 447
 Гросс, Бертрам 356
 Гроций, Гуго 51, 264, 268
 Гутгенбергер, Берндт 257
 Гудин, Роберт 49, 50, 434
 Гулд, Кэррол 224
 Гумплович, Людвиг 328
 Гурр, Тед 91, 383
 Гуссерль, Эдмунд 159
 Гуэнно, Жан-Мари 590
 Гэддис, Джон 628
 Гэлбрейт, Джон Кеннет 81, 237

Д

Дай, Томас Х. 227, 473
 Даймонд, Ларри 257
 Д'Аламбер, Жан Лерон 218
 Дали, Сальвадор 586
 Далтон, Рассел Дж. 515
 Даль, Владимир Иванович 25
ДАЛЬ, Роберт 69, 77, 86, 156, 158, 230, 235, 236, **236-238**, 240, 243, 251, 255, 256, 272
 Данилевский, Николай Яковлевич 515
 Данкэн, Жан-Мари 155
 Данливи, Патрик 441
 Данн, Джон 382
 Данто, Артур 583
 Дарвин, Чарльз Роберт 372, 603
 Дарендорф, Ральф 27, 42, 331
ДАУНС, Энтони 230, 231, 255, 436, **436-438**, 477
 Дворкин, Рональд 539, 584
 Де Клерк, Фредерик Виллем 406
 Дебре, Режи 37, 40
 Дегтярев, Андрей Алексеевич 9, 114
 Дер-Дериан, Джеймс 613, 614
ДЕСТЮТ ДЕ ТРАСИ, Антуан 519, **520**
 Джанда, Кеннет 303, 317
 Джей, Джон 215, 256
 Джеймс, Уильям 484
 Джентиле, Джованни 571
 Джерард, Ральф 122
 Джефферсон, Томас 212
 Джилас, Милован 184, 193, 257
 Джонсон, Линдон 395
 Джордан, Грант 296, 317
 Дидро, Дени 364

Добровичинский М. 506
Доган, Маттеи 69
Дойль, Майкл 605
Дойч, Карл 34, 103, 140, 150
Дойч, Мортон 355
Домингес, Хосе 360
Достоевский, Фёдор Михайлович 579
Дуглас, Мэри 489
Дьюи, Джон 326
Дьяконов, Игорь Михайлович 380
Дэвидсон 583
Дювалье 189, 190, 191
Дюверже, Морис 43, 108, 154, 266, 267, 305, 306, 309, 310, 317, 484
Дюги, Леон 272
Дюринг, Евгений 549, 550
Дюркгейм, Эмиль 35, 37, 127, 128, 266, 272, 371, 374, 490

Е

Ельцин, Борис Николаевич 111, 193, 409
Еремин, Сергей Петрович 10

Ж

Жискар д'Эстен, Валери 412
Жоспен, Лионель 619

З

Зайзель, Ганс 435
Замошкин, Юрий Александрович 8
Захаров, Андрей Александрович 356
Зиглер, Хармон Т. 227, 473
Знанецкий, Флориан 491

И

Иван Грозный 389
Ильин, Михаил Васильевич 9, 69, 114, 148, 257, 298, 317, 424, 477
ИНГЛХАРТ, Рональд 449, 450, 451, 464, 484, 502, **502-505**, 515
Инкельс, Алекс 418
Иноземцев, Владислав Леонидович 515, 625, 630
Исократ 201
ИСТОН, Дэвид 31, 77, 118, 126, 131, 132, **132-134**, 135, 138, 139, 150, 329, 439, 532
Истягин, Леонид Григорьевич 194

К

Каазе, Макс 502
Каванах, Деннис 455, 465, 477, 484, 487, 499
Каверин С.Б. 477
Каддафи, Муамар 176
Кампанелла, Томмазо 42, 528, 529, 548
Кан, Герман 597
Кант, Иммануил 160, 206, 601
Каплан, Абрахам 31, 40, 482
Капустин, Борис Гурьевич 69, 424, 583
Кара-Мурза, Алексей Алексеевич 583
Карденас, Ласаро 180
Карелин, Аполлон Андреевич 581
Карл V 43, 389
Карминес, Эдвард Г. 439
Карр, Эдвард 594
Картер, Джеймс Эрл 402
Кастро Рус, Фидель 165, 168
Катц, Элиху 435
Каутский, Карл 552, 554, 556, 570
Кегли, Чарльз 607, 631
Кедури, Эли 565
Кейвл, Стэнли 583
Кейнс, Джон Мейнард 542, 543, 546, 550
Келлас, Джеймс 568
Кельзен, Ганс 29, 272, 281
Кендалл, Патриция 435
Кеннан, Джордж 594
Кеннеди, Джон Фитцджеральд 395, 486, 606, 607
КЕОХЕЙН, Роберт 488, **605-606**, 606, 607, 620, 621, 627, 630
Кепплер, Джозеф 480
Кермонн, Жан-Луи 154, 302, 303, 386, 433
Кёртис, Майкл 194
Ки, Валдимер О. 296
Ким, Жае-он 488
Ким Ир Сен 165
Ким Чен Ир 168
Кимлика, Уил 584
Кинг, Гэри 488, 605
Кинг, Престон 281, 317
Кирххаймер, Отто 306
Киссинджер, Генри 591, 630
Клемент VII, папа римский 43, 44
Клементевиц, Тадеуш 351, 352

Клингеманн, Ханс-Дитер 49, 50, 434
 Клинтон, Уильям 242
 Клик Дж. 125
 Клямкин, Игорь Моисеевич 257-258, 583
 Ко, Жан-Пьер 65
 Ковалевский, Михаил Максимович 56
 Коваль, Борис Иосифович 477
 Коган, Морис 427
 Кодер, Александр 260
 Кожев, Александр 530
 Козбаненко, Виктор Анатольевич 356
 Козер, Льюис 27, 42, 331
 Козлов, Алексей Юрьевич 10
 Кокс, Роберт 613
 Кола, Доминик 79, 111, 562
 Кон, Герман 569
 Кон-Бендит, Даниэл 456
 Конверс, Филип 436, 438, 446, 477
КОНДОРСЕ, Жан Антуан Никола 364, 364-365
КОНСТАН ДЕ РЕБЕК, Анри Бенжамен 390, 390-392
 Конт, Огюст 54, 220, 365, 371
 Конфуций 16, 268, 482
 Кориолан 429
 Корнхаузер, Уильям 405
 Косолапов, Николай Алексеевич 356
 Котов, Роман Игоревич 10
 Котхари, Раджни 422
 Коулман, Джеймс 331, 370, 371, 488
 Кочерян С.А. 356
 Красин, Юрий Андреевич 8
 Краснер, Стивен 605, 621
 Крижанич, Юрий 190
 Крозье, Мишель 317, 402
 Кромвель, Оливер 386
КРОПОТКИН, Петр Алексеевич 574, 576, 579-581, 580, 581
 Кроче, Бенедетто 42
 Ксенофан 527
 Куайн, Уиллард 583
 Кулагин, Владимир Михайлович 630
 Кун, Томас 18, 583
 Купряшин, Геннадий Львович 356
 Кэмпбел, Альберт Ангус 436, 477
 Кэтлин, Джордж Э. 31

Л

ЛАЗАРСФЕЛЬД, Пол 222, 434, 434-436
 Ламини, Поль Жакоб 358
 Лансело, Ален 432
 Лапаломбара, Джозеф 303, 371
 Лапина Н. 318
 Лапьер, Жан-Вильям 119
 Ласки, Гарольд 29, 158
 Лассаль, Фердинанд 558
ЛАССУЭЛЛ, Гарольд 31, 31-33, 40, 42, 65, 70, 77, 124, 331, 482
 Ле Пен, Жан-Мари 536
 Лебедева, Марина Михайловна 9, 69, 630
 Лебон, Гюстав 111, 457, 458, 460, 477
 Левадный, Николай Петрович 515
 Леви, Марион 267
 Леви-Стросс, Клод 118, 119, 125
 Левчик, Дмитрий Александрович 478
 Левчик Э.Г. 478
 Ледяев, Валерий Георгиевич 114
 Лейпхарт, Арендт 183, 241, 256, 257, 369, 424
ЛЕНИН (Ульянов), Владимир Ильич 26, 120, 121, 165, 166, 168, 173, 223, 442, 524, 537, 550, 552, 555, 555-556, 557, 558, 559, 560, 614
 Лернер, Дэниел 31, 32, 371, 411
 Лимонов (Савенко), Эдуард Вениаминович 537
 Линдблом, Чарльз 158, 237, 243, 341, 347, 356
 Линкольн, Авраам 210, 392
 Линц, Хуан 156, 157, 172, 174, 176, 180, 188, 191, 192, 194, 254, 258, 406
 Липсет, Сеймур Мартин 103, 252, 257, 411, 440, 463, 467
 Липсий, Юст 51
 Лисий 202
 Лисовский, Юрий Петрович 424
 Лист, Фридрих 569
ЛОКК, Джон 22, 99, 212, 213, 363, 427, 538, 539-541, 540, 601
 Лоренц, Конрад 90, 428
 Лосев, Алексей Фёдорович 515
 Лотман, Юрий Михайлович 515
 Лоуи, Теодор 69, 461, 630
 Лоутон А. 342
 Луи Филипп Орлеанский 340, 391
 Лукач, Дьёрдь 552

Лукашенко, Александр Григорьевич 224
Лукс, Стивен 114
Луман, Никлас 17, 34, 150
Лумумба, Патрис Эмери 182
Лэйн Я.-Э. 257
Людовик XIV 188
Людовик XVI 364

М

Мадатов А.С. 478
Макаренко, Борис Игоревич 356
МАКИАВЕЛЛИ, Никколо 16, 22, 23, **40-42**,
41, 48, 68, 74, 76, 78, 99, 160, 169, 317, 363,
482, 575, 594, 596
Макинтайр, Аласдер 583
Маккеон, Ричард 102
Макклелланд, Дэвид 451, 453
Макридис, Рой 154
Макферсон, Крофорд 224
Макфи, Уильям 435
Малиновский, Бронислав Каспер 564
Мамут, Леонид Соломонович 317
Мангейм, Джарол Б. 69, 519
МАНГЕЙМ, Карл 208, 520, 525, **525-526**, 527,
528, 583
Мандела, Нельсон 183, 406
Мансбах, Ричард 627
Мансфилд, Эдвард 408
Манч, Ричард 150
Мао Цзэдун 165, 166, 170, 171, 172, 173, 518,
537, 552, 583
Мария II Стюарт 205
Марков, Сергей Александрович 69
Маркос, Фердинанд 188, 189
МАРКС, Карл 22, 26, 83, 121, 160, 163, 164,
166, 167, 223, 268, 272, 322, 328, 339, 340,
365, 380, 519, 520, **521-522**, 522, 523, 524,
528, 537, 549, 550, 551, 552, 554, 557, 558,
560, 570, 583
Маркузе, Герберт 159, 552
Мартинес 177
Мартов (Цедербаум), Юлий Осипович 555
Маршалл, Альфред 128
Маслоу, Абрахам 448
Массейс, Квентин 362
Массинг, Отвин 114
Матц, Ульрих 114, 583

Медичи, Джулио 43
Медичи, Екатерина 297
Медичи-старший, Козимо 82
Мейно, Жан 432
Мельвиль, Андрей Юрьевич 3, 10, 69, 114, 257,
424, 515, 630, 635
Мени, Ив 302
Мерло, Патрик 257
Мерриам, Чарльз 31, 124, 485
Мертон, Роберт 420
Мессершмитт, Вильгельм 171
Местр, Жозеф де 543
Мизес, Людвиг фон 542, 545, 583
Милибенд, Ральф 272
Миллер А. 194
Миллер, Уоррен 436, 438, 477
Миллс, Чарльз Райт 473
МИЛЛЬ, Джеймс (Милль-старший) 213, 214
МИЛЛЬ, Джон Стюарт (Милль-младший)
54, 163, 213, 214, 220, **220-222**, 601
Милошевич, Слободан 153
Миронюк, Михаил Григорьевич 9, 10
МИХЕЛЬС, Роберто 299, **299-300**, 301, 317
Мишле, Жюль 24
Мобуту, Жозеф Дезире 189, 190, 191
Моисеев, П.И. 575
Молчанов, Михаил А. 630
Монбриаль, Тьерри де 616
МОНТЕСКЬЁ, Шарль Луи 23, 98, **98-99**,
117, 158, 208, 212, 213, 216, 279, 363,
482, 520
Монтт, Риос 177
Мор, Томас 527, 528, 548
Морган, Льюис Г. 365
МОРГЕНТАУ, Ганс 30, 77, 159, 594, 595, **596-**
597, 598, 630
МОСКА, Газтано 42, 469, 470, **470-472**, 473,
520
Московичи, Серж 458, 460, 477
Мроз, Джон 593
Мунье Ж.-П. 65
Мур, Баррингтон 103, 194
МУССОЛИНИ, Бенито 158, 165, 171, 388,
569, 570, **570-572**, 571, 573, 583
МЭДИСОН, Джеймс 212, 213, **214-216**, 216,
217, 256, 485, 488, 598
Мюллер, Эдвард 91

Н

Нагель, Стюарт 356
 Назаров, Михаил Михайлович 515
НАЙ, Джозеф 605, **606-607**, 607, 620, 621, 627, 630
 Най, Норман 464, 488
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 224, 225, 387, 390, 391, 520, 527, 530, 590, 598
 Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) 339, 340
 Натансон, Морис 496
 Начмиас, Дэвид 70
 Невитт, Нил 502
 Негри, Антонио 582
 Неклесса, Александр Иванович 625
 Нечаев, Сергей Геннадиевич 579
 Нибур, Рейнхольд 594
 Никитин, Александр Иванович 515
 Никсон, Ричард Милхаус 320, 333
 Нозик, Роберт 539, 545, 547, 583
 Нойманн Ф. 30, 96
 Ноэль-Нойман, Элизабет 389
 Ньюмен Дж. 487
 Ньютон, Исаак 603

О

О'Доннел, Гильермо 193
 Олин, Джон 402
 Олсон, Мансур 317
 Оррен, Гэри 488
 Ортега-и-Гассет, Хосе 110, 458, 473, 477
 Оруэлл, Джордж (Блэр, Эрик) 170
ОСТРОГОРСКИЙ, Моисей Яковлевич 299, **301-302**, 317
 Оукшотт, Майкл 496
 Оуэн, Роберт 548, 549
 Оффе, Клаус 272

П

Павел I 89
 Павел, апостол 77
 Пай, Люсьен 370, 371, 418, 484, 488, 490
 Паппи Ф.У. 318
ПАРЕТО, Вильфредо 96, 128, 300, 322, 323, **323-325**, 373, 469, 472, 473, 520

ПАРСОНС, Толкотт 30, 31, 40, 42, 81, 91, 92, 93, 107, 114, 126, 127, 128, **128-130**, 135, 138, 139, 140, 150, 329, 374, 377, 420, 424, 490, 493
 Пастухов, Владимир Борисович 271, 583
 Патнэм, Роберт 583
 Пауэлл, Джордж Бингэм 69, 140, 141, 142, 334, 337, 418, 431, 485
 Пейтман, Кэрл 224, 258
 Пеласси, Доминик 69
 Пенсон, Мишель 473
 Пенсон, Моник 473
 Перегудов, Сергей Петрович 318
 Перикл 74, 198
 Перро, Шарль 390
 Песков, Дмитрий Николаевич 10
 Петр I 59
 Петрович Дж. 488
 Петрученко О. 261
 Пехлеви, Мохаммед Реза 191
 Пивоваров, Юрий Сергеевич 515
 Пиночет Угарте, Аугусто 177, 388, 426
 Питерс, Б. Гай 70
ПЛАТОН 13, **18-21**, 19, 46, 50, 74, 90, 127, 160, 163, 164, 200, 214, 220, 262, 268, 362, 427, 482, 527, 548
 Платтнер, Марк 257
 Плейно, Джек 64, 77, 120, 489
 Плеханов, Георгий Валентинович 552, 554, 555, 557, 558
 Плутарх 527
 Пол Пот 167
 Полани, Карл 229, 546, 611
 Полибий 203, 322, 330
 Полсби, Нельсон 158, 356
ПОППЕР, Карл 159, 162, **162-165**, 193, 214, 219, 520, 546
 Поршнев, Борис Федорович 418
 Праззаускас, Альгимантас Аугустинович 584
 Пребих, Рауль 611
 Прело, Марсель 266
 Пристли Дж. 210
 Прудон, Пьер Жозеф 575, 579
 Публий (Дж. Мэдисон, А. Гамильтон, Дж. Джей) 215
 Пуланзас, Никас 272

Путин, Владимир Владимирович 193
Пуфендорф, Самуэль 51
Пшеворский, Адам 239, 257, 439
Пшизова, Сусанна Нурбиевна 318

Р

Райт, Винсент 355
Рапопорт, Анатолий 122
Рассел, Бертран 40
Рассетт, Брюс 380, 605
Растоу, Данкварт 251, 256, 393, 400, 401, 423, 424
Рейган, Рональд 530, 546
Рейтс, Джефффри 435
Ремон, Рене 433
Реннер, Карл 561
Реншон, Стэнли 452
Риггс, Роберт 64, 77, 120
Риггс, Фред 193
Рич, Ричард К. 69
Рич, Э. Джонс 609
Робеспьер, Максимилиен Мари Исидор 364
Робин, Хеленан 64, 77, 120
Рогов, Сергей Сергеевич 10
Розенау, Джеймс 625
Розенбаум, Уолтер 484, 489, 491, 497, 500
РОККАН, Стейн 101-102, 103, 467, 488
Ролз, Джон 539, 584
Романов, Михаил Федорович 89
Рормозер, Гюнтер 548
Рорти, Ричард 583
РОСТОУ, Уолт 394, 395, 395-397
Ротвелл, Истон 32
Ротстайн, Бо 262, 267
Ротфельд, Адам 625
Роуз, Ричард 484
Роуз, Эйдон 342
Рошау, Людвиг фон 599
Рошер, Вильгельм 54
Рузвельт, Франклин Делано 333, 542
Рукавишников, Владимир Олегович 356
Руммелл, Рудольф 171
РУССО, Жан Жак 23, 44, 160, 206, 217, 218, 218-220, 219, 244, 270, 427
Руссо, Луиджи 42

С

Савонарола, Джироламо 42
Саган, Скотт 599
САЙМОН, Герберт 347, 347-349, 356
Салазар, Антониу ди Оливейра 179, 388, 404, 405
Салмин, Алексей Михайлович 69, 257, 356, 516
Сартори, Джованни 77, 174, 224, 225, 239, 242, 247, 256, 258, 303, 306, 307, 310, 312, 470
Семенов И. 318
Сен-Симон, Клод Анри де Рувруа 528, 548
Сйоландер, Клэр 613
Скворцов-Степанов И.И. 121
Скидмор, Макс 356
Скиннер, Беррес Фредерик 427
Скокпол, Тэда 273, 383, 383
Славецкий, Денис Сергеевич 10
Смелзер, Нил 128
Смит, Адам 213, 348, 538, 539, 546, 601
Смит, М. Брюстер 447
Смит, Энтони 560, 564
Снайдер, Джек 409
Содерини, Пьеро 42
Сократ 19, 47, 74
Соловьев, Александр Иванович 9, 69, 356, 516
Солон 200, 201, 220
Солоневич А.А. 581
Сорокин, Питирим Александрович 128, 373
Сорос, Джордж 164
СПЕНСЕР, Герберт 127, 128, 371, 371-373, 374, 603
Спиноза, Бенедикт (Барух) 22, 75, 78, 277
Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович 111, 165, 166, 167, 168, 172, 173, 193, 250, 442, 530, 537, 552, 559, 560
Сталлибрас, Оливер 383
Сталь, мадам де 390
Степан, Альфред 70, 178, 191, 192, 254, 258
Стефанович Я. 506
Стоукс, Дональд 436, 438, 477
Стоун У. 453
Страусс, Лео 30, 159
Страхов, Александр Петрович 478
Стрендж, Сьюзен 623
Стронин, Александр Иванович 54, 56, **57-59**
Стэнтон, Фрэнк 435

Суворов, Александр Васильевич 25
 Сунь-цзы 588
 Сэлиджер, Мартин 528
 Сэндел, Майкл 584

Т

Такер, Рудольф 442
 Тард, Габриэль 457
 Тацит 189
 Тейлор, Гэрриет 220
 Тейлор, Чарльз 584
ТЁННИС, Фердинанд 128, 374, 375, **375-377**
 Тёрнер, Джонатан 150
 Тойнби, Арнольд Джозеф 373, 410, 473
ТОКВИЛЬ, Алексис де 98, 160, 203, 207, **207-209**, 221, 256
 Толстой, Лев Николаевич 555, 574, 581
 Томас, Уильям 491
 Торкунов, Анатолий Васильевич 8, 630
 Тоффлер, Олвин 81, 625
 Трипп, Маршалл 356
 Троцкий (Бронштейн), Лев Давидович 552
 Трубецкой, Евгений Николаевич 76
 Трумэн, Дэвид 158, 272, 328, 329, 341
 Трухильо Молина, Рафаэль Леонидас 189
 Турен, Ален 424
 Туроу, Лестер 616
 Тушар, Жан 433
 Тьерри, Огюстен 24
 Тэлмон, Джекоб 520
 Тэтчер, Маргарет 153, 546
 Тюлин, Иван Георгиевич 8

У

Уайт, Стивен 489
 Уальке, Джон 69
 Уиэр, Маргарет 461
 Уолдрон, Джереми 539, 584
 Уоллас Р. 372
 Уоллерстайн, Майкл 294, 310, 317
УОЛТС, Кеннет **598-601**, 599
 Уолферс, Арнольд 627
 Урвин, Дерек 102
 Ушков, Анатолий Михайлович 515
 Уэбстер, Ной 210
 Уэльс, Джеймс А. 12

Ф

Фаген Р. 118
 Файнер, Сэмюэл 194
 Федоров, Юрий Евгеньевич 257
 Фейербах, Людвиг 521, 550
 Фергюсон, Йель 627
 Фёйер, Льюис 528
 Физер, Норман 453
 Филмер, Роберт 540
 Фиорина, Моррис 34, 469
 Фокс, Меррит 32
 Фома Аквинский 51, 99
 Форд, Генри 530
ФРАНК, Андре 609, 611, **611-612**
 Франклин, Бенджамин 207
 Франко Баамонде, Франсиско 179, 406
 Франскфорт-Начмиас, Чава 70
 Фрейд, Зигмунд 35, 37, 90, 110, 128, 458, 552
 Френкель, Эрнст 318
 Фридман, Милтон 235, 545
 Фридман, Роза 235
 Фридман, Томас 624
 Фридрих, Карл 30, 53, 165, 194, 530, 532
 Фромм, Эрих 90, 443, 463, 477, 513, 552
 Фуггер, Якоб 362
 Фукидид 198, 587, 594, 598
 Фуко, Мишель Поль 44, 45, 114
ФУКУЯМА, Фрэнсис 529, **529-530**, 530, 593, 624, 630
 Фурье, Шарль 528, 548, 549

Х

ХАБЕРМАС, Юрген 17, 34, **34-37**, 69
 Хайдеггер, Мартин 159
 Хайек, Фридрих фон 171, 229, 252, 545, **546-547**, 547
 Хакфельд, Роберт 439
 Халл Э. 118
 Хант, Гиллиард 214
ХАНТИНГТОН, Сэмюэл 156, 178, 194, 250, 254, 256, 360, 371, 401, 402, **402-410**, 411, 463, 509, 515, 530, 544, 593, 619, 623, 624, 630, 631
 Харитоновна, Оксана Геннадьевна 9
 Хатчинсон, Уильям 214
 Хейвуд, Эндрю 76
 Хейден, Конрад 161

Хелд, Дэвид 17, 24, 64, 112, 256, 273
Херманн, Маргарет 478
Хёйзинга, Йозеф 374
Хигли, Джон 347
Химмельвейт, Хильда 469
Хиндесс, Барри 114
Хиршман, Альберт 370
Хобсбаум, Эрик 568
Хоксворт, Мэри 427
Хольцер С. 315
Хопкинс, Теренс 609
Хорвит, Сэнфорд Д. 304
Хоркхаймер, Макс 159, 552
Хоффер, Эрик 166
Хрущёв, Никита Сергеевич 184, 193, 249
Хусейн, король 172
Хусейн, Саддам 172, 190, 191, 193
Хэтч, Ричард 395

Ц

Циммерман, Джозеф 224, 225
Цицерон 105, 363
Цыганков, Павел Афанасьевич 194, 630, 631

Ч

Чаморро С.М. 515
Чанышев, Александр Арсеньевич 9
Чаушеску, Николае 405
Чени, Ричард Брюс 61
Черчилл, Джон, герцог Мальборо 390
Черчилль, Уинстон 234, 390, 596
Чехаби, Хоучанг Е. 194
Чешков, Марат Александрович 631
Чиркин, Вениамин Евгеньевич 150
ЧИЧЕРИН, Борис Николаевич 54, 55, 55, 56

Ш

Шабо, Жан-Люк 99, 103, 114, 283, 287
Шазель, Франсуа 435
Шамфор, Николя-Себастьян де 199
Шапиро, Иен 69, 256, 257, 489, 584
Шаран, Парматма 489
Шарло, Жан 306, 307
Шатшнайдер, Элмер 244
Шахназаров, Георгий Хосроевич 8
Шацкий, Ежи 526, 584
Шварц, Евгений 168
Шварценберг, Роже-Жерар 484, 499

Шекспир, Вильям 429-430
Шестопал, Елена Борисовна 9, 43, 69, 477, 478
Ширина, Моту 607
Шилт, Эдвард 128
Шиллер, Фридрих 390
Шлегель, Август Вильгельм фон 390
Шлегель, Фридрих фон 390
Шлик, Мориц 122
Шлоцман, Кей 337, 488
Шмачкова, Татьяна Владимировна 9
ШМИТТ, Карл 27, 28, 28-30, 42, 68, 315
Шмиттер, Филипп 179, 256, 272
Шпенглер, Освальд 373
Штирнер, Макс 575
Штомпка, Петр 378, 383, 394, 424, 492
ШУМПЕТЕР, Йозеф 155, 227, 228, 228-230, 248, 256, 291, 322, 473
Шюц, Альфред 496

Щ

Щербинин, Алексей Игнатьевич 194, 584

Э

Эйзенхауэр, Дуайт 486
ЭЙЗЕНШТАДТ, Шмуэль 371, 384, 384-386, 387, 424
Экклс, Джон 163
Экстайн, Гарри 234, 440, 485, 499
Элейзер, Дэниел 53, 317, 499
Элиас, Норберт 374
ЭНГЕЛЬС, Фридрих 26, 85, 322, 365, 521, 522, 523, 524, 549, 549-550, 560, 583
Эрмэ, Ги 110
Эсхил 73
Эшби, Росс 118

Ю

Юм, Дэвид 298
Юнг, Герман 167
Юнг, Карл Густав 495
Юревич, Андрей Владимирович 69
Юрьев, Александр Иванович 449

Я

Яков II Стюарт 205
Ярузельский, Войцех 406
Ясперс, Карл 159
Яхода, Мари 435

Указатель определений

- Case-study 60
Laissez-faire 506
- Автономия 279
Авторитет 103
Агенты социализации 511
Агора 200
Анархизм 575
Аномия 233
Апартеид 183
Апелла 201
Аристократия 283
Архетип 495
- Баланс сил 598
Бихевиоризм 30
- Венская система международных отношений
(Европейский концерт) 590
Версальско-Вашингтонская система
международных отношений 592
Вестфальский мир 1648 г. 588
Вето 284
Власть 77
Влияние 79
Внешняя политика государства 590
Внутриполитические регионы 621
Военная демократия 200
Вотум 232
Всемирное правительство 615
Всеобщая декларация прав человека 243
Выборы 291
- Генеральное соглашение по тарифам и
торговле 620
Глобализация 615
Глобальная деревня 615
Гомеостаз 360
Господство (доминирование) 108
Государственная политика 345
- Государственно-центристская (Вестфальская)
модель 589
Государственное управление 87, 342
Государство 273
Гражданская культура 500
Гражданское общество 204
Группы интересов 315
Гуманизм 429
- Двойной экономический стандарт 613
Демократизация 204, 250
Демократическая делиберация 239
Демократический транзит 252
Дискурс 519
Дисциплина 48
- Естественные права 212
- Идеализм 600
Идентификация 623
Идентичность 623
Идеологизация 159
Идеология 520
Импичмент 288
Инициатива 225
Институт 88, 261
Институционализация 261
Интересы социальные 313
- Категория 15
Клика 175
Коммуникативный аспект власти 87
Коммуникация 35
Консерватизм 544
Консолидация демократии 254
Консоциативная (сообщественная)
демократия 242
Консоциативность 241
Конституционализация 398
Конституционализм 398

- Конфедерация 276
Кратология 73
- Легальность 106
Легитимность 106
Либерализм 538
Либертаризм 545
Лига Наций 591
Личность 511
Логос 47
- Марксизм 551
Международные отношения 628
Международные режимы 603
Межправительственные организации 603
Менталитет 482
Методы государственного управления 344
Мир-система 610
Мировая политика 628
Мифология 481
Могущество 78
Модерн 392
Модернизация 393
Монархия 283
Мотив 451
Мощь 78
- Насилие 90
НАТО — Организация Североатлантического договора 596
Наука 48
Нациеобразование 399
Национальный суверенитет 589
Национальный характер 484
Нация-государство 39
Неолиберализм 604
Неореализм 600
Неправительственные организации 603
- Общая воля 219
ОВД (Организация Варшавского договора) 596
Однолинейность 362
Олигархия 283
Омбудсман 344
Определенность процедур при
 неопределенности результатов 238
- Организация Объединенных Наций (ООН) 593
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе 594
Основополагающие (учредительные) выборы 254
Отзыв 226
Открытая и закрытая системы 125
- Пакт 252
Парадигма 18
Парламент 285
Партийная система 309
Партиципаторная модель 343
Партия 298
Подсистема 124
Полиархия 234
Полис 15
Политейя 203
Политизация 175
Политика 42
Политическая активность 25
Политическая мобилизация 156, 463
Политическая партия 304
Политическая реформа 381
Политическая система 126
Политическая социализация 510
Политическая сфера (политический мир) 17
Политические отношения 18
Политический актор 35
Политический институт 267
Политический плюрализм 158, 232
Политический процесс 331
Политическое государственное общение 21
Политическое изменение 359
Политическое поведение 440
Политическое развитие 359
Политическое решение 349
Политическое участие 336, 461
Полномочия 80
Популизм 573
Постмодернизм в международных исследованиях 614
Потенция 126
Правление большинства 240
Правовое государство 100

- Представительная демократия 215
 Президент 288
 Преторианство 178
 Принуждение 89
 Прогресс 362
 Процесс 321
 Прямая демократия 203
- Радикализм 536
 Рационализация 398
 Рациональность 48
 Реализм 597
 Реалполитик 599
 Революция 382
 Регулировать 342
 Режим 153
 Республика 283
 Референдум 224
- Санкция 93
 Секуляризация 396
 Сила 79
 Символ 482
 Система 118
 Социализм 548
 Социальный институт 261
 Социум 40
 Справедливость 103
 Среда 123
 Стереотип 484
 Структура 124
 Субкультуры 498
 Суверенитет 271
 Схоластика 50
- Темперамент 432
 Теория игр 35
 Тирания 283
 Традиция 492
- Унитаризм 276
 Управление 341
 Управление (руководство) 87
 Утилитаризм 213
 Утопия 526
- Факция 297
 Фашизм 569
 Федерация 276
 Функции политической системы 139
 Функция 124
- Холодная война 595
 Хунта 178
- Ценности 490
 Ценностные ориентации личности 491
 «Черный ящик» 130
- Экклесия 201
 Экстремизм 537
 Электорат 291
 Элемент 123
 Элита 101, 469
- Ялтинско-Потсдамская система
 международных отношений 593

